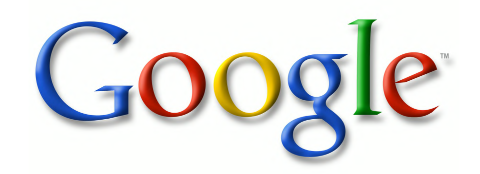
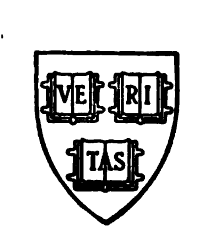

VE RI TAS

ИЗВѢСТІЯ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО

ВЪ НѢЖИНѢ.

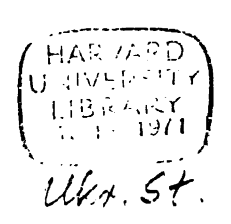
ТОМЪ XXII.

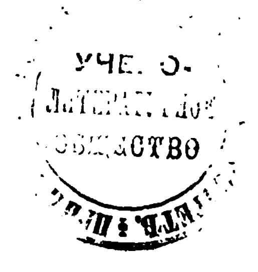
СОДЕРЖАНІЕ.

НѢЖИНЪ.
Типо-лит. насл. В. К. Меленевскаго.
1906.

Печатано по постановленію Конференціи Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко. Директоръ Института *Ф. Гельбке.*

ОТЧЕТЪ

о состоянiи

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА КН. БЕЗБОРОДКО

за 1903—1904 учебный годъ.

НѢЖИНЪ
Типо-лит. насл. В. К. Меленевскаго.
1905.

Печатано по постановленію Конференціи Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко. Директоръ Института *Ф. Гельбке.*

ОТЧЕТЪ

о состояніи Историко-Филологическаго Института Кн. Безбородко

за 1903—1904 учебный годъ.

Въ личномъ составѣ Института произошли слѣдующія измѣненія:

Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 17 ноября 1903 г. и. д. экстраординарнаго профессора *И. Г. Турцевичъ* назначенъ ординарнымъ профессоромъ по римской словесности.

Предложеніемъ Г. Товарища Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 9 авг. 1904 г. преподаватель Юрьевскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ *Е. А. Черноусовъ* утвержденъ въ должности наставника-руководителя по исторіи и географіи.

Членами библіотечной комиссіи избраны были Конференціею 8 окт. 1903 года профессора *В. К. Пискорскій, М. Н. Сперанскій, А. П. Покровскій, Б. Ф. Бурзи* и преподаватель *А. А. Мартовъ*.

Членомъ Правленія Института на мѣсто проф. М. Н. Бережкова избранъ былъ Конференціей 8 окт. 1903 года проф. *И. Г. Турцевичъ*.

Всемилостивѣйше награждены орденомъ св. Станислава 2-й степени ординарный профессоръ *В. К. Пискорскій*, орденомъ св. Анны 3-й степени экстраординарный профессоръ

Б. Ф. Бурзи и наставникъ студентовъ и преподаватель Института *Е. И. Кашпровскій* и орденомъ св. Станислава 3-й степени секретарь Правленія Института *В. П. Доброницкій.*

Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 5 февраля 1904 года наставникъ студентовъ и преподаватель Института *А. А. Мартовъ* утвержденъ въ чинѣ коллежскаго ассесора со старшинствомъ съ 1 авг. 1898 г.

Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 27 февраля 1904 года бухгалтеръ и казначей Института *Д. В. Максимковъ* произведенъ за выслугою лѣтъ въ губернскіе секретари со старшинствомъ съ 12 сентября 1903 года.

Въ теченіе отчетнаго года Институтъ понесъ чувствительную утрату въ лицѣ своего опытнаго преподавателя и наставника-руководителя *И. А. Сребницкаго,* скончавшагося 22 октября 1903 года.

Къ началу 1903/4 учебнаго года состояло въ Институтѣ *студентовъ:* въ I курсѣ—22, во II курсѣ—21, въ III курсѣ—22, въ IV курсѣ—35, а всего 100 студентовъ.

Въ началѣ отчетнаго года выбылъ изъ I курса одинъ студентъ.

По распоряженію Министра Народнаго Просвѣщенія допущенъ былъ къ экзамену на аттестатъ зрѣлости при состоящей при Институтѣ гимназіи и по выдержаніи испытанія принятъ былъ въ число студентовъ на I курсъ одинъ воспитанникъ духовной семинаріи.

Въ началѣ 1903—1904 академическаго года 1 студентъ IV курса переведенъ былъ, согласно прошенію, съ разрѣшенія министерства на тотъ-же курсъ Императорскаго С.-Петербургскаго Историко-Филологическаго Института.

По результатамъ окончательныхъ и переводныхъ испытаній въ маѣ и іюнѣ 1904 года—1) удостоены званія учителя гимназіи 33 студента IV курса, въ томъ числѣ 1 классикъ,

20 словесниковъ и 12 историковъ. Одному студенту IV курса по прошенію отложены Конференціею выпускные экзамены по болѣзни до сентября мѣсяца текущаго года;—2) переведены изъ III курса въ IV всѣ 22 студента (1 классикъ, 13 словесниковъ, 8 историковъ);—3) переведены изъ II курса въ III—16 студентовъ, 3 студента оставлено на второй годъ во второмъ курсѣ и 2 студента уволено изъ Института, согласно прошенію;—4) изъ 22 студентовъ I курса переведены во II курсъ 14 студентовъ, 6 студентовъ оставлено на второй годъ въ I курсѣ и 2 студента I курса уволено изъ Института, согласно прошенію.

Къ началу 1904—1905 учебнаго года заявило о своемъ желаніи поступить въ Институтъ 54 человѣка, въ томъ числѣ 10 студентовъ университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній, 39 воспитанниковъ гимназій и 5 воспитанниковъ духовныхъ семинарій. Изъ нихъ принято въ I курсъ по аттестатамъ зрѣлости 1) 29 воспитанниковъ гимназіи и 2) 1 воспитанникъ духовной семинаріи.

Изъ числа студентовъ, переведенныхъ изъ I во второй курсъ, выбыло 2, за переводомъ въ тотъ-же курсъ Императорскаго С.-Петербургскаго Историко-Филологическаго Института.

Одинъ студентъ I курса Императорскаго С.-Петербургскаго Историко-Филологическаго Института, выдержавшій переводные экзамены на II курсъ, по прошенію и съ согласія Директора С.-Петербургскаго Института, переведенъ на тотъ-же курсъ Нѣжинскаго Института.

Такимъ образомъ въ настоящее время состоитъ въ Институтѣ студентовъ: въ I курсѣ—36, во II курсѣ—16, въ III курсѣ—16, въ IV курсѣ—22, а всего—90 студентовъ.

Изъ 33 студентовъ, окончившихъ курсъ въ іюлѣ отчетнаго года, получили назначеніе: *Штифтаръ*—въ Евпаторійскую мужскую гимназію преподавателемъ древнихъ языковъ, *Боборыкинъ, Іосифъ*—въ Брестскую гимназію преподавателемъ древнихъ языковъ, *Волчекъ*—въ Измаильскую мужскую гим-

назію преподавателемъ русскаго языка и логики, *Ильинскій*—въ Пермскую мужскую гимназію преподавателемъ русскаго языка, *Ильинъ*—въ Маргеланскую мужскую гимназію преподавателемъ русскаго языка, *Камарашевъ*—въ Бакинскую мужскую гимназію преподавателемъ русскаго языка и словесности въ старшихъ классахъ, *Костенецкій*—въ Екатериненбургское реальное училище преподавателемъ русскаго языка, *Крыжановскій*—въ Ковенскую гимназію преподавателемъ русскаго и латинскаго языковъ, *Кузнецовъ*—въ Челябинское реальное училище преподавателемъ русскаго языка, *Коморный*-въ Луганскую мужскую гимназію преподавателемъ русскаго языка, *Молдавскій*- въ Владикавказскую мужскую гимназію преподавателемъ русскаго языка, *Орловъ*—въ Иркутскую учительскую семинарію преподавателемъ русскаго языка, *Потковъ*—въ Бакинскую мужскую гимназію преподавателемъ русскаго языка въ младшихъ классахъ, *Правосудовичъ*—въ Троицкую Оренбургской губерніи мужскую гимназію преподавателемъ русскаго языка и словесности, *Снитко*—въ Красноуфимское промышленное училище преподавателемъ русскаго языка и словесности, *Трегубовичъ* въ Павловское Воронежской губерніи реальное училище преподавателемъ русскаго языка въ младшихъ классахъ, *Холодовъ*—въ Бирскую инородческую учительскую школу преподавателемъ русскаго языка, *Гоянъ*—въ Асхабадскую мужскую гимназію преподавателемъ древнихъ языковъ, *Данелія*—въ Шушинское реальное училище преподавателемъ русскаго языка, *Зубковскій*—въ Павловское Воронежской губерніи реальное училище преподавателемъ исторіи и географіи въ младшихъ классахъ, *Демченко*—въ Самаркандскую мужскую гимназію преподавателемъ латинскаго языка, *Сергѣевъ*—въ Енисейскую 6-ти классную прогимназію преподавателемъ исторіи и географіи, *Кибальчичъ*—въ Томское Алексѣевское реальное училище преподавателемъ исторіи и географіи и русскаго языка, *Сулима-Грудзинскій*—въ Томскую Маріинскую женскую гимназію преподавателемъ русскаго языка и словесности, *Боборыкинъ, Сергѣй* въ Курганскую Александровскую женскую

гимназію преподавателемъ русской словесности и исторіи и географіи, *Баталинъ*—въ Петропавловское реальное училище преподавателемъ русскаго языка, *Блокъ*—въ Иркутскую мужскую гимназію преподавателемъ древнихъ языковъ и воспитателемъ пансіона, *Кутырь*—въ Уральское реальное училище преподавателемъ исторіи и географіи, *Степанюкъ*—въ Екатеринославскую вторую женскую гимназію преподавателемъ русскаго языка, *Питиримовъ*—въ Самарское реальное училище преподавателемъ русскаго языка и словесности, *Заболотскій*—въ Харьковскую 2-ую женскую гимназію преподавателемъ русскаго языка и словесности, *Огіевскій*—въ Полангенскую прогимназію преподавателемъ латинскаго языка и исторіи, *Голенкинъ*—въ Скопинское реальное училище преподавателемъ исторіи.

Преподаваніе въ Институтѣ въ отчетномъ году, по отдѣльнымъ предметамъ, состояло въ слѣдующемъ:

По *Закону Божію*—законоучитель священникъ *А. В. Лобачевскій* на III курсѣ (при 3 часахъ въ недѣлю) читалъ въ первомъ полугодіи общій курсъ изъ основного и догматико-апологетическаго богословія, во второмъ полугодіи объ основахъ христіанскаго нравоученія.

По *философіи*—и. д. экстраординарнаго профессора *Г. В. Малеванскій* студентамъ I курса (при 2 часахъ въ недѣлю) излагалъ полный курсъ элементарной логики; студентамъ II курса (также при 2 часахъ въ недѣлю) изложено было ученіе о первичныхъ элементарныхъ психическихъ феноменахъ—ощущеніяхъ, чувствованіяхъ и стремленіяхъ; студентамъ III курса (также при 2 часахъ въ недѣлю) прочитана исторія древней и новой философіи, законченная Кантомъ.

По *педагогикѣ*—преподаватель *М. И. Лилеевъ* излагалъ на III курсѣ (при 2 часахъ въ недѣлю) курсъ гимназической педагогики и на IV курсѣ (также при 2 часахъ въ недѣлю) исторію педагогики до Гербарта включительно.

По *греческой и римской словесности*—а) на I курсѣ *Директоръ Института* (при 4 часахъ въ недѣлю) объяснялъ трагедію Софокла „Antigone“ и (при 1 часѣ въ недѣлю) упражнялъ студентовъ въ письменныхъ переводахъ съ русскаго на греческій языкъ. Тѣмъ-же студентамъ и. д. экстраординарнаго профессора *А. И. Шнукъ* (при 4 часахъ въ недѣлю) объяснялъ въ первомъ полугодіи „Epistulae ex Ponto“ Овидія, а во второмъ полугодіи сочиненіе Цицерона „Cato maior de senectute“, и (при 2 часахъ въ недѣлю) велъ практическія упражненія въ латинскомъ языкѣ посредствомъ письменныхъ и устныхъ переводовъ съ русскаго на латинскій языкъ, въ связи съ разъясненіемъ главныхъ отдѣловъ грамматики;—б) на II курсѣ ординарный профессоръ *И. Г. Турцевичъ* (при 4 часахъ въ недѣлю) объяснялъ въ первое полугодіе рѣчь Цицерона „pro Cornelio Balbo“, во второе полугодіе Горація „de arte poetica“ и (при 1 часѣ въ недѣлю) велъ упражненія въ переводѣ съ русскаго на латинскій; тѣ-же студенты подъ руководствомъ экстраординарнаго профессора *Б. Ф. Бурзи,* послѣ предварительнаго ознакомленія съ гомеровскимъ вопросомъ, переводили (при 2 часахъ въ недѣлю) первыя двѣ пѣсни Иліады Гомера и (также при 2 часахъ въ недѣлю) упражнялись въ греческомъ языкѣ посредствомъ письменныхъ переводовъ съ русскаго на греческій;—в) на классическомъ отдѣленіи III и IV курсовъ (сводно) ординарный профессоръ *И. Г. Турцевичъ* объяснялъ (при 2 часахъ въ недѣлю) избранныя сатиры Ювенала, на томъ-же отдѣленіи тѣхъ-же курсовъ и. д. экстраординарнаго профессора *А. И. Шнукъ* (при 1 часѣ въ недѣлю) руководилъ практическими упражненіями въ латинскомъ языкѣ, состоявшими въ устныхъ и письменныхъ переводахъ съ русскаго на латинскій и сопровождавшимися экскурсами въ область синтаксиса, стилистики и синонимики. На томъ-же отдѣленіи тѣхъ-же курсовъ экстраординарный профессоръ *Б. Ф. Бурзи* (при 2 часахъ въ недѣлю) упражнялъ студентовъ въ критикѣ текста и объясненіи посредствомъ интерпретаціи Электры Софокла и (при 1 часѣ въ недѣлю) руководилъ для

упражненія въ греческомъ языкѣ переводами съ латинскаго на греческій, съ какою цѣлью переведены были біографіи Непота: Ѳрасибулъ, Павсаній и Агесилай;—г) на I и II курсахъ и на классическомъ отдѣленіи III и IV курсовъ (сводно) ординарный профессоръ *М. И. Мандесъ* (при 2 часахъ въ недѣлю) читалъ исторію греческой драмы;—д) на классическомъ отдѣленіи III и IV курса онъ-же (при 1 часѣ въ недѣлю) излагалъ спеціальный курсъ греческой литературы и (при 2 часахъ въ недѣлю) спеціальный курсъ римской литературы;—е) на всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ III и IV курсовъ (сводно) и. д. экстраординарнаго профессора *А. И. Шнукъ* (при 2 часахъ въ недѣлю) объяснялъ Тацита „Annales“ и ординарный профессоръ *М. И. Мандесъ* (также при 2 часахъ въ недѣлю)—„Пиръ“ Платона.

По *русской словесности*—а) на I и II курсахъ (сводно) ординарный профессоръ *М. Н. Сперанскій* (при 2 часахъ въ недѣлю) читалъ исторію русской словесности;—б) на I курсѣ экстраординарный профессоръ *К. Ѳ. Радченко* (при 2 часахъ въ недѣлю) излагалъ курсъ фонетики и морфологіи церковнославянскаго языка;—в) на II курсѣ онъ же (также при 2 часахъ въ недѣлю) далъ очеркъ исторіи русскаго языка (звуковъ и формъ);—г) на словесномъ отдѣленіи III и IV курсовъ (сводно) ординарный профессоръ *М. Н. Сперанскій* (при 2 часахъ въ недѣлю) читалъ спеціальный курсъ изъ исторіи русской словесности, экстраординарный профессоръ *К. Ѳ. Радченко* (также при 2 часахъ въ недѣлю) далъ въ первомъ полугодіи грамматическія свѣдѣнія по сербохорватскому, а во второмъ таковыя-же по болгарскому языку и преподаватель *В. И. Рѣзановъ* (также при 2 часахъ въ недѣлю) излагалъ спеціальный курсъ по литературѣ конца XVIII—начала XIX вѣка;—д) на словесномъ отдѣленіи III курса ординарный профессоръ *М. Н. Сперанскій* (при 2 часахъ въ недѣлю) велъ семинарій по русской словесности.

По предмету *теоріи словесности*—преподаватель *В. И. Рѣзановъ* студентамъ словеснаго отдѣленія III и IV курсовъ

(сводно при 2 часахъ въ недѣлю) читалъ спеціальный курсъ по эпической поэзіи и очеркъ лирики въ средніе вѣка.

По *всеобщей исторіи*—а) на I курсѣ и. д. экстраординарнаго профессора *А. И. Покровскій* излагалъ (при 2 часахъ въ недѣлю) греческую исторію и б) на II курсѣ онъ-же (также при 2 часахъ въ недѣлю)—римскую исторію; на томъ-же курсѣ ординарный профессоръ *В. К. Пискорскій* читалъ общій курсъ средневѣковой исторіи (также при 2 часахъ въ недѣлю); в) на историческомъ отдѣленіи III курса и. д. экстраординарнаго профессора *А. И. Покровскій* (при 2 часахъ въ недѣлю) руководилъ семинаріемъ по изученію аѳинской исторіи VI столѣтія до Р. Хр.; г) на историческомъ отдѣленіи III и IV курсовъ (сводно) ординарный профессоръ *В. К. Пискорскій* (при 2 часахъ въ недѣлю) излагалъ спеціальный курсъ по исторіи аграрныхъ отношеній въ средневѣковой Европѣ и (при 2 часахъ въ недѣлю) общій курсъ новой исторіи.

По *русской исторіи*—ординарный профессоръ *М. Н. Бережковъ* студентамъ I курса (при 2 часахъ въ недѣлю) далъ обзоръ исторіи Кіевскаго періода, студентамъ II курса (также при 2 часахъ въ недѣлю) излагалъ исторію Московскаго періода и студентамъ историческаго отдѣленія III курса далъ обозрѣніе источниковъ отечественной исторіи. На историческомъ отдѣленіи IV курса преподаватель *М. И. Лилеевъ* (при 2 часахъ въ недѣлю) читалъ курсъ русской исторіи и велъ семинарій по русской исторіи и преподаватель *Е. П. Кашпровскій* (также при 2 часахъ въ недѣлю) излагалъ исторію литовско-русскаго государства въ періодъ первыхъ двухъ статутовъ.

По *географіи*—преподаватель *И. А. Сребницкій* излагалъ до своей кончины студентамъ историческаго отдѣленія III курса (при 2 часахъ въ недѣлю) курсъ общаго землевѣдѣнія и студентамъ историческаго отдѣленія IV курса (при 1 часѣ въ недѣлю) главные вопросы изъ методики гимназическаго курса географіи и спеціальный курсъ географіи.

По *французскому языку*—подъ руководствомъ преподавателя *Л. Н. Мишеля* студенты I курса (при 2 часахъ въ недѣлю) читали избранныя статьи изъ христоматіи Анспаха, а студенты II курса (также при 2 часахъ въ недѣлю) отрывки изъ книги Faguet, Études littéraires sur le dix-huitième siécle.

По *нѣмецкому языку*—преподаватель *А. А. Мартовъ* на I курсѣ (при 2 часахъ въ недѣлю) руководилъ чтеніемъ и переводомъ избранныхъ мѣстъ изъ Goethe, die Leiden des jungen Werther, а со студентами II курса (также при 2 часахъ въ недѣлю) переводилъ Hauff, Lichtenstein.

Въ теченіе отчетнаго года по каждому акроаматическому курсу было до трехъ собесѣдованій преподавателей со студентами по преподаннымъ отдѣламъ предметовъ.

Домашнія занятія студентовъ, кромѣ приготовленія переводовъ съ древнихъ языковъ и на древніе языки, состояли въ слѣдующемъ:

1) Студенты всѣхъ курсовъ занимались домашнимъ чтеніемъ древнихъ авторовъ.

а) Студенты I курса прочли подъ руководствомъ Директора Института 2-ую книгу „Ἑλληνικά“ Ксенофонта въ первомъ полугодіи, а во второмъ полугодіи—2 діалога Лукіана „Сновидѣніе“ и „Тимонъ“ и подъ руководствомъ профессора Шнука въ первомъ полугодіи 1-ую книгу Цезаря de bello civili, а во второмъ—басни Федра.—Студенты II курса читали подъ руководствомъ проф. Турцевича въ первомъ полугодіи 34-ую книгу Тита Ливія, а во второмъ 6-ую пѣсню Энеиды Вергилія и подъ руководствомъ проф. Бурзи рѣчь Демосѳена о вѣнкѣ. Для руководства домашними чтеніями устраивались собесѣдованія—на I курсѣ еженедѣльно, на II—разъ въ двѣ недѣли, поочередно по греческому и латинскому языку; провѣрка домашнихъ чтеній производилась въ концѣ каждаго

полугодія и состояла въ устномъ переводѣ и объясненіи отрывковъ изъ прочитаннаго.

б) Студенты III и IV курсовъ, по указаніямъ профессоровъ Мандеса, Турцевича, Бурзи и Шнука, сами избирали себѣ для домашняго чтенія то или иное произведеніе греческой и римской литературы; провѣрка домашнихъ чтеній производилась въ концѣ каждаго полугодія посредствомъ собесѣдованій съ каждымъ изъ студентовъ отдѣльно.

2) Студенты I курса писали профессору Сперанскому семестровыя сочиненія по исторіи русской словесности.

3) Студенты II курса писали профессору Покровскому курсовыя сочиненія по древней исторіи.

4) Студенты старшихъ курсовъ составляли рефераты по предметамъ ихъ семинарскихъ занятій: классики III и IV курсовъ—по греческой словесности; словесники III курса—по исторіи русской литературы, IV курса—по славянскимъ нарѣчіямъ; историки III курса—по древней исторіи и IV курса—по русской исторіи.

5) Студенты IV курса представили преподавателю Лилееву курсовыя сочиненія по педагогикѣ.

6) Студенты IV курса писали слѣдующія кандидатскія сочиненія: Профессору Бурзи студентъ *Штифтаръ* представилъ сочиненіе на тему: „Тропы и фигуры поэзіи Софокла“; профессору Сперанскому представлены были диссертаціи студентовъ: *Молдавскаго* „Повѣствовательныя произведенія Н. В. Гоголя въ ихъ связи съ повѣстями и романами русской литературы первой половины XIX столѣтія“, *Поткова* „Сказаніе о взятіи Царяграда Турками, какъ воинская повѣсть“, *Іос. Боборыкина* „Общественное самосознаніе у Новикова“, *Заболотскаго* „А. В. Кольцовъ, его міросозерцаніе и творчество“, *Крыжановскаго* „Отношеніе Добролюбова къ Бѣлинскому въ исторіи русской критики“, *Кузнецова* „Югозападное литературное теченіе въ Москвѣ XVII вѣка“, *Камарашева* „Комедія А. Н. Островскаго, какъ одна изъ фазъ историческаго развитія сатиры на русской почвѣ“, *Холодова* „Общественное значеніе

бытовыхъ комедій Островскаго", *Степанюка* „Автобіографическое и общественное значеніе драматическихъ произведеній Лермонтова", *Снитко* „Общественные и литературные взгляды Тургенева", *Питиримова* „Лирика Козлова", *Ильинскаго* „Гоголь, какъ литературный критикъ", *Трегубовича* „Е. П. Гребенка и Н. В. Гоголь", *Сулима-Грудзинскаго* „Религіозные и общественно-политическіе взгляды Іосифа Волоцкаго и Максима Грека", *Орлова* „50-ые и 60-ые годы въ исторіи самосознанія русской женщины", *Волчека* „Вліяніе народности на древнюю южнорусскую драму" и *Костенецкаго* „Общественная сторона драмы первой четверти XIX-го столѣтія". Профессору Радченку представили кандидатскія сочиненія студенты: *Ильинъ* „Май, поэма К. Г. Махи", *Коморный* „Мальчевскій и его поэзія" и *Правосудовичъ* „Umučení Paně". Профессору Бережкову представлены были диссертаціи студентовъ: *Серг. Боборыкина* „Черты быта провинціальнаго общества конца XVIII вѣка и начала XIX, по запискамъ Добрынина", *Голенкина* „Князь Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ. Опытъ біографіи и характеристики", *Гояна* „Сношенія Іоанна III Васильевича, Великаго князя Московскаго, съ молдавскимъ господаремъ, Стефаномъ Великимъ. Опытъ историко-критическаго изслѣдованія", *Данеліи* „Древніе торговые договоры Великаго Новгорода съ нѣмецкими городами въ XII и XIII вѣкахъ. Опытъ историческаго комментарія", *Зубковскаго* „Князь Андрей Михайловичъ Курбскій. Опытъ критическаго изслѣдованія", *Кутыря* „Научная разработка вопроса о начальной русской лѣтописи", *Огіевскаго* „Записки артиллеріи-майора Михаила Васильевича Данилова, какъ источникъ для бытовой русской исторіи XVIII в. Опытъ изслѣдованія" и *Сергѣева* „Черты изъ жизни царя Алексѣя Михайловича, по „выходнымъ книгамъ" преимущественно". Профессору Пискорскому представили кандидатскія сочиненія студенты: *Кибальчичъ* на тему: „О сословно-представительныхъ собраніяхъ въ Германіи въ средніе вѣка"; *Блокъ* на тему: „О крестьянскомъ землевладѣніи во Франціи наканунѣ революціи 1789 г."; *Баталинъ* на тему: „Объ обрабатывающей

промышленности во Франціи во 2-ой половинѣ XVIII в. и о реформахъ Тюрго" и *Лещенко* на тему: „Корпоративная организація промышленности въ средневѣковой Франціи".

Практическія занятія студентовъ IV курса по преподаванію въ состоящей при Институтѣ гимназіи велись въ слѣдующемъ порядкѣ: съ 1 октября по 1 ноября студенты IV курса, для ознакомленія съ методами преподаванія и съ гимназическими программами, посѣщали въ часы, оставленные свободными отъ лекцій, по особому расписанію, уроки въ гимназіи наставниковъ-руководителей I. В. Добіаша (по греческому языку), А. Ѳ. Абрамова (по латинскому языку), Н. Н. Михайловскаго (по русскому языку) и П. А. Сребницкаго (по исторіи и географіи). 29 и 30 октября и 1 ноября устроены были подъ предсѣдательствомъ Директора Института общія бесѣды, на которыхъ наставники-руководители сообщили студентамъ общія педагогическія и дидактическія указанія и толковали гимназическіе учебные планы. Изъ этихъ бесѣдъ двѣ были посвящены преподаванію древнихъ языковъ и одна—преподаванію русскаго и церковнославянскаго языковъ.

Съ 3 ноября до 15 марта студенты давали пробные уроки, подъ ближайшимъ руководствомъ наставниковъ-руководителей и въ присутствіи Директора, профессоровъ и преподавателей Института. Каждымъ студентомъ классическаго и историческаго отдѣленій даны были, въ присутствіи его товарищей по отдѣленію, 6 пробныхъ уроковъ. Студентъ классическаго отдѣленія далъ 3 урока греческаго языка въ IV, V и VIII классахъ, 2 урока латинскаго языка во II и VIII классахъ и 1 урокъ русскаго языка во II классѣ. Каждымъ студентомъ историческаго отдѣленія даны были 2 урока по исторіи въ III и VI классахъ, 2 урока географіи въ I и IV классахъ, 1 урокъ греческаго языка въ V классѣ и 1 урокъ латинскаго языка въ V классѣ. Студенты-словесники IV курса въ отчетномъ году, въ виду большого ихъ числа, давали не по 4 урока по русскому и церковнославянскому языкамъ, какъ было въ прежніе годы, но только по 3 урока въ VIII или VII, V или

IV, III или II классахъ. Ими-же даны были по 1 уроку греческаго языка отчасти въ IV, отчасти въ V классѣ, и по 1 уроку латинскаго языка во II классѣ, а всего по 5 пробныхъ уроковъ. Для детальнаго обсужденія отдѣльныхъ, данныхъ студентами, уроковъ каждый изъ наставниковъ-руководителей устраивалъ разъ въ недѣлю частное собесѣдованіе. Когда такимъ образомъ были разобраны всѣ данные студентами уроки, каждый въ отдѣльности,—были устроены 8, 9 и 14 апрѣля общія бесѣды наставниковъ-руководителей со студентами,— тѣмъ-же порядкомъ, какъ и предварительныя бесѣды передъ началомъ пробныхъ уроковъ.

Съ разрѣшенія Г. Попечителя Учебнаго Округа 6 декабря 1903 года въ Институтѣ былъ устроенъ студенческій вечеръ.

Конференція Института имѣла въ отчетномъ году 18 засѣданій.

Фундаментальная библіотека Института, состоявшая въ началѣ отчетнаго года изъ 23,748 названій въ 57,343 томахъ, пополнялась покупкою книгъ по предложенію профессоровъ и преподавателей и присылкой изданій русскихъ и иностранныхъ ученыхъ учрежденій и обществъ и учебныхъ заведеній, преимущественно въ обмѣнъ на Извѣстія Института. Въ настоящее время въ фундаментальной библіотетѣ имѣется 24,153 названія въ 59,503 томахъ.

Въ студенческой библіотекѣ до начала отчетнаго года было 1069 названій въ 7343 томахъ, нынѣ въ ней имѣется 1273 названія въ 7625 томахъ.

Въ теченіе отчетнаго года печатался XXI томъ *Извѣстій Института*, въ составъ котораго вошли: Отчетъ о состояніи Института за 1902—1903 учебный годъ. Правила Историко-

Филологическаго кружка при Институтѣ, Описаніе рукописей библіотеки Института (пріобрѣтенія 1901—1904 гг.) составленное Проф. *М. Н. Сперанскимъ* и слѣдующія статьи:

Профессора *Б. Ф. Бурзи:* „Школьный вопросъ въ древней Греціи" (актовая рѣчь).

Профессора *А. И. Покровскаго:* „О краснорѣчіи у Еллиновъ" (актовая рѣчь).

Профессора *М. Н. Бережкова:* „П. И. Люперсольскій" (Некрологъ).

Н. Е. Скворцова посмертное сочиненіе: „Недуги нашего учебнаго дѣла: II) Лѣченіе недуговъ", изд. подъ ред. проф. Г. В. Малеванскаго.

Профессора *А. И. Покровскаго:* „О введеніи въ исторію Греціи проф. Бузескула".

Преподавателя *М. И. Лилеева:* „Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII вв." Выпускъ II (Продолженіе).

Внѣ Извѣстій Института профессора и преподаватели напечатали слѣдующіе труды:

Профессоръ *М. Н. Бережковъ:* „Документы и замѣтки". (Сборникъ Ист.-Фил. Общества при Инст. кн. Безбородко, т. V).

Профессоръ *М. Н. Сперанскій:* „Два текста". (Сборникъ въ честь проф. Т. Д. Флоринскаго. Кіевъ 1904).

„Южнорусская пѣсня и ея современные носители". (Сборникъ Ист.-Фил. Общества при Инст. кн. Безбородко, т. V).

„Переводные сборники изреченій въ славянорусской письменности". (Окончаніе (гл. III—XII) и приложенія; въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. росс. при И. Моск. Унив.)

Профессоръ *Б. Ф. Бурзи:* Рецензія на книгу Жебелева: „Ἀχαϊκά. Въ области древностей провинціи Ахаіи". СПБ. 1903. (Wochenschr. f. klass. Philol. 1904. N. 17. S. 452—467).

Профессоръ *К. О. Радченко.* „Замѣтки о нѣкоторыхъ рукописяхъ Филиппопольской Библіотеки". (Изв. Отд. Русск. яз. и словесн. 1903 г.).

„Замѣтка о пергаменномъ Сборникѣ Вѣнской придворной Библіотеки". (Тамъ-же).

„Этюды по богомильству". (Юбилейный Сборникъ въ честь Т. Д. Флоринскаго).

„Zur Literatur der Fragen und Antworten". (Archiv für slavische Philologie. XXV Bd.)

Преподаватель *В. И. Рѣзановъ:* „Три пѣсни-игры, записанныя въ Обоянскомъ уѣздѣ Курской губерніи". (Этнографич. Обозрѣніе 1904 г. № 1).

„Изъ разысканій о сочиненіяхъ Жуковскаго". (Журналъ Мин. Нар. Просвѣщ. 1904 г. №№ 5, 6 и 8).

„Замѣчанія на книгу Замотина: Романтизмъ двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія въ русской литературѣ". (Извѣстія II отдѣл. Академіи Наукъ 1904 г. кн. 2-ая).

---

1 сентября 1903 г. скончался въ Нѣжинѣ бывшій профессоръ Института *С. Н. Ждановъ.* 2-го того-же сентября состоялось отпѣваніе въ институтской церкви и затѣмъ погребеніе на Нѣжинскомъ греческомъ кладбищѣ.

Въ состоящемъ при Институтѣ Историко-Филологическомъ Обществѣ въ отчетномъ году числилось 2 почетныхъ и 57 дѣйствительныхъ членовъ. Составъ бюро былъ слѣдующій: предсѣдатель—М. Н. Бережковъ; товарищъ предсѣдателя—А. Ѳ. Абрамовъ; секретарь—М. И. Лилеевъ; казначей—И. Н. Михайловскій; товарищъ казначея—Б. Ф. Бурзи; библіотекарь—Е. И. Кашпровскій; товарищъ библіотекаря—В. К. Пискорскій.

Къ концу отчетнаго года предсѣдатель Общества проф. М. Н. Бережковъ сложилъ съ себя, по болѣзни, обязанности предсѣдателя.

Въ отчетномъ году въ засѣданіяхъ Общества читаны были слѣдующія сообщенія:

М. Н. Бережковымъ: „Объ архивномъ дѣятелѣ Н. Н. Бантышъ-Каменскомъ, Нѣжинскомъ уроженцѣ".

М. Н. Сперанскимъ: „Южнорусская пѣсня и современные ея носители“.

В. И. Рѣзановымъ: „Замѣчанія на книгу Замотина: Романтизмъ въ 20 годахъ XIX столѣтія въ русской литературѣ“.

А. А. Мартовымъ: „Отзывъ о книгѣ: Гай Светоній Транквиллъ, въ переводѣ В. Алексѣева“.

Въ отчетномъ году напечатанъ V томъ Сборника Общества; въ составъ этого тома, кромѣ отчета и протоколовъ общества, вошли слѣдующія статьи:

В. В. Данилова: „Пѣсни села Андреевки Нѣжинскаго уѣзда“.

М. Н. Сперанскаго: „Южно-русская пѣсня и ея носители“. (по поводу бандуриста Т. М. Пархоменка).

М. Н. Бережкова: „Документы и замѣтки“.

Въ библіотекѣ Общества къ началу отчетнаго года было 336 названій въ 908 книгахъ; въ теченіе 1903—1904 академическаго года поступило: а) старыхъ названій 17 въ 45 кн. и б) новыхъ названій 35 въ 40 кн. Нынѣ въ ней имѣется 371 названіе въ 993 книгахъ.

ОТЧЕТЪ

о состоянiи

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА КН. БЕЗБОРОДКО

за 1904—1905 учебный годъ.

НѢЖИНЪ
Типо-лит. насл. В. К. Меленевскаго.
1905.

Печатано по постановленію Конференціи Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко. Директоръ Института ***Ф. Гельбке.***

ОТЧЕТЪ

о состоянiи Историко-Филологическаго Института Кн. Безбородко

за 1904—1905 учебный годъ.

Въ личномъ составѣ Института произошли слѣдующiя измѣненiя:

Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 3 декабря 1904 г. за № 91 ординарный профессоръ *М. Н. Бережковъ* уволенъ отъ службы, согласно прошенiю, за выслугою лѣтъ.

Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 9 апрѣля 1905 г. за № 22 и. д. экстраординарпаго профессора *А. И. Шнукъ* уволенъ отъ службы, согласно прошенiю, за выслугою лѣтъ.

Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 9 iюля 1905 г. за № 52 и. д. экстраординарнаго профессора *Г. В. Малеванскiй* и наставникъ-руководитель *И. Н. Михайловскiй* уволены отъ службы, согласно прошенiямъ, за выслугою лѣтъ.

Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 20 августа 1905 г. за № 63 приватъ-доцентъ И. Харьковскаго Университета *В. И. Савва* назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ по русской исторiи и приватъ-доцентъ И. Московскаго Университета *И. И. Семеновъ*—и. д. экстраординарнаго профессора по римской словесности.

Съ Высочайшаго соизволенія и. д. экстраординарнаго профессора *А. И. Покровскій* переведенъ въ качествѣ приватъ-доцента съ 1 іюля 1905 г. въ Университетъ св. Владиміра по предмету древней исторіи.

Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 27 іюня 1905 г. за № 48 экстраординарный профессоръ *Б. Ф. Бурзи* назначенъ ординарнымъ профессоромъ Института по греческой словесности.

Предложеніемъ Г. Товарища Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 10 августа 1905 г. за № 15412 наставникъ-руководитель *Е. А. Черноусовъ* утвержденъ въ должности преподавателя Института по предмету всеобщей исторіи.

Въ засѣданіи отъ 18 мая 1905 г. Конференція избрала проф. *Б. Ф. Бурзи* по истеченіи срока на второе трехлѣтіе въ Ученые Секретари.

Опредѣленіемъ Конференціи отъ 19 октября 1904 г. на мѣсто проф. А. И. Шнука избранъ былъ въ библіотекари Институтской библіотеки наставникъ студентовъ *А. А. Мартовъ*.

Въ засѣданіи Конференціи отъ 13 декабря 1904 г. проф. *М. Н. Сперанскій*, *В. К. Пискорскій*, *А. И. Покровскій* и *Б. Ф. Бурзи* вторично избраны были членами библіотечной Коммиссіи, а проф. *И. Г. Турцевичъ*—членомъ Правленія.

Всемилостивѣйше награждены орденомъ св. Станислава 2 степени ординарный профессоръ *М. И. Мандесъ* и орденомъ св. Анны 2 степени и. д. экстраординарнаго профессора *Г. В. Малеванскій*.

Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 18 іюня 1904 г. за № 45 наставникъ студентовъ и преподаватель Института *А. А. Мартовъ* утвержденъ въ чинѣ надворнаго совѣтника со старшинствомъ съ 1 августа 1902 г.

Къ началу 1904/5 учебнаго года состояло въ Институтѣ *студентовъ:* въ I курсѣ—36, во II курсѣ—16, въ III курсѣ—16, въ IV курсѣ—22, а всего—90 студентовъ.

Въ началѣ 1904—1905 учебнаго года 6 студентовъ выбыло изъ I курса. Въ концѣ перваго полугодія отчетнаго года одинъ студентъ I курса Императорскаго С.-Петербургскаго Института переведенъ былъ, съ разрѣшенія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, на тотъ-же курсъ Нѣжинскаго Института и онъ-же въ концѣ отчетнаго года уволенъ былъ изъ числа студентовъ, согласно прошенію.

Въ теченіе 1904—1905 академическаго года одинъ студентъ II курса уволенъ былъ, согласно прошенію, и одинъ студентъ того-же II курса, съ разрѣшенія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, переведенъ былъ на тотъ-же курсъ Императорскаго С.-Петербургскаго Историко-Филологическаго Института.

Съ разрѣшенія Г. Товарища Министва Народнаго Просвѣщенія, одинъ студентъ IV курса оставался на второй годъ на томъ-же курсѣ и допущенъ былъ къ выпускнымъ экзаменамъ въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ 1905 года.

По результатамъ окончательныхъ и переводныхъ испытаній въ маѣ и іюнѣ 1905 года—1) удостоены званія учителя гимназіи 12 студентовъ IV курса, въ томъ числѣ 1 классикъ, 8 словесниковъ и 3 историка; 2) переведены изъ I курса во II курсъ 5 студентовъ.

Къ началу 1905—1906 учебнаго года заявило о своемъ желаніи поступить въ Институтъ 52 человѣка, въ томъ числѣ 49 воспитанниковъ гимназій и 3 воспитанника духовныхъ семинарій. Изъ нихъ принято въ I курсъ по аттестатамъ зрѣлости 1) 28 воспитанниковъ гимназій и 2) 1 воспитанникъ духовной семинаріи.

Такимъ образомъ въ настоящее время состоитъ въ Институтѣ всего 100 студентовъ.

12 студентовъ окончившихъ курсъ въ іюнѣ отчетнаго года получили слѣдующія назначенія: *Миккау*—въ Херсонскую мужскую гимназію преподавателемъ древнихъ языковъ. *Богдановъ*—въ Оленецкую мужскую гимназію преподавателемъ русскаго языка. *Даниловъ*—въ Екатеринославскую мужскую

гимназію преподавателемъ русскаго языка. *Емельяновъ*—въ Тюменскую женскую гимназію преподавателемъ русскаго языка и словесности. *Калиновскій*—во Владикавказскую мужскую гимназію преподавателемъ русскаго и древнихъ языковъ. *Королевъ*—въ Екатеринодарскую мужскую гимназію преподавателемъ русскаго языка. *Сахаровъ* -въ Бобровскую мужскую прогимназію преподавателемъ русскаго языка и словесности. *Сеникъ* —въ Оренбургскую мужскую гимназію преподавателемъ русскаго языка и исторіи. *Черняевъ*—въ Батумскую мужскую гимназію преподавателемъ русскаго языка. *Зудинъ*—въ Бакинское реальное училище преподавателемъ исторіи. *Карачковскій*—въ Евпаторійскую женскую гимназію преподавателемъ исторіи и географіи. *Крашенинниковъ*—въ Костромскую мужскую гимназію преподавателемъ исторіи и географіи.

Преподаваніе въ Институтѣ въ отчетномъ году, по отдѣльнымъ предметамъ, состояло въ слѣдующемъ:

По *Закону Божію*—законоучитель священникъ *А. В. Лобачевскій* читалъ на I курсѣ (при 1 часѣ въ недѣлю) курсъ Основнаго Богословія, на II курсѣ (также при 1 часѣ въ недѣлю) курсъ Догматико-апологетическаго Богословія, на III курсѣ (при 2 часахъ въ недѣлю) курсъ Нравственнаго Богословія.

По *философіи*—и. д. экстраординарнаго профессора *Г. В. Малеванскій* читалъ на I курсѣ (при 2 часахъ въ недѣлю) курсъ элементарной логики, на II курсѣ (также при 2 часахъ въ недѣлю) курсъ психологіи и на III курсѣ (также при 2 часахъ въ недѣлю) исторію древней и новой философіи.

По *педагогикѣ* —преподаватель *М. И. Лилеевъ* излагалъ на III курсѣ (при 2 часахъ въ недѣлю) курсъ гимназической педагогики и на IV курсѣ (также при 2 часахъ въ недѣлю) исторію педагогики.

По *греческой и римской словесности*—а) на I курсѣ *Директоръ Института* упражнялъ студентовъ (при 3 часахъ въ

недѣлю) въ переводахъ съ русскаго на латинскій языкъ; тѣхъ-же студентовъ ординарный профессоръ *М. И. Мандесъ* упражнялъ (также при 3 часахъ въ недѣлю) въ переводахъ съ русскаго на греческій языкъ; на томъ-же курсѣ преподаватель *А. Ѳ. Абрамовъ* объяснялъ избранныя стихотворенія Горація и сочиненіе Саллюстія „De bello Iugurthino (при 3 часахъ въ недѣлю);—б) на II курсѣ экстраординарный профессоръ *Б. Ф. Бурзи* (при 2 часахъ въ недѣлю) велъ упражненія въ греческомъ языкѣ посредствомъ письменныхъ переводовъ съ русскаго на греческій языкъ; тѣхъ-же студентовъ преподаватель *А. А. Мартовъ* упражнялъ (при 3 часахъ въ недѣлю) въ письменныхъ переводахъ съ русскаго на латинскій языкъ; на томъ-же курсѣ и. д. экстраординарнаго профессора *А. И. Шнукъ* интерпретировалъ избранныя посланія Горація (также при 3 часахъ въ недѣлю);—в) на I и II курсахъ (сводно, при 3 часахъ въ недѣлю) преподавателемъ *І. В. Добіашемъ* прочитана была біографія Демосѳена въ связи съ изложеніемъ борьбы Аѳинъ съ Македоніей, а затѣмъ прокомментирована и переведена I-я рѣчь Демосѳена противъ Филиппа;—г) на классическомъ отдѣленіи III и IV курсовъ (сводно) ординарный профессоръ *М. И. Мандесъ* объяснялъ (при 2 часахъ въ недѣлю) Эсхила „Семь противъ Ѳивъ"; тѣхъ-же студентовъ ординарный профессоръ *И. Г. Турцевичъ* упражнялъ (при 2 часахъ въ недѣлю) въ критикѣ текста и интерпретаціи латинскаго автора на основаніи отдѣльныхъ мѣстъ изъ „Annales" Тацита и (при 1 часѣ въ недѣлю) въ переводѣ съ русскаго языка на латинскій; на томъ-же отдѣленіи тѣхъ-же курсовъ экстраординарный профессоръ *Б. Ф. Бурзи* читалъ (при 2 часахъ въ недѣлю) курсъ греческихъ, преимущественно аѳинскихъ т. н. государственныхъ древностей, (при 1 часѣ въ недѣлю) курсъ эпиграфики и (также при 1 часѣ въ недѣлю) курсъ метрики и съ тѣми-же студентами (при 1 часѣ въ недѣлю) для упражненія въ греческой стилистикѣ и синтаксисѣ переводилъ съ латинскаго на греческій языкъ рѣчь Цицерона pro S. Roscio Amerino; тѣмъ-же студентамъ и. д.

экстраординарнаго профессора *А. И. Шнукъ* объяснялъ (при 3 часахъ въ недѣлю) I-ую книгу Лукреція de rerum natura;— д) на всѣхъ отдѣленіяхъ III и IV курсовъ (сводно) ординарный профессоръ *М. И. Мандесъ* (при 2 часахъ въ недѣлю) объяснялъ Аристотеля „Ethica Nicomachea“ и ординарный профессоръ *И. Г. Турцевичъ* (также при 2 часахъ въ недѣлю) переводилъ избранныя письма Сенеки „Epistulae morales“.

По *русской словесности*—а) на I и II курсахъ (сводно) ординарный профессоръ *М. Н. Сперанскій* (при 2 часахъ въ недѣлю) читалъ введеніе въ исторію русской словесности и древній періодъ ея;—б) на I курсѣ экстраординарный профессоръ *К. Ѳ. Радченко* (при 2 часахъ въ недѣлю) излагалъ фонетику и морфологію древнецерковнославянскаго языка;— в) на II курсѣ онъ-же (также при 2 часахъ въ недѣлю) далъ очеркъ исторіи русскаго языка;—г) на словесномъ отдѣленіи III и IV курсовъ (сводно) ординарный профессоръ *М. Н. Сперанскій* (при 2 часахъ въ недѣлю) читалъ спеціальный курсъ о славянскихъ отношеніяхъ въ русской литературѣ XIX столѣтія; экстраординарный профессоръ *К. Ѳ. Радченко* (также при 2 часахъ въ недѣлю) излагалъ краткую грамматику чешскаго и польскаго языковъ; и преподаватель *В. И. Рѣзановъ* (также при 2 часахъ въ недѣлю) далъ очеркъ развитія литературной дѣятельности А. С. Пушкина въ связи съ современной ему литературой;—д) на словесномъ отдѣленіи III курса ординарный профессоръ *М. Н. Сперанскій* (при 2 часахъ въ недѣлю) велъ семинарій по русской словесности.

По предмету *теоріи словесности*—преподаватель *В. И. Рѣзановъ* студентамъ словеснаго отдѣленія III и IV курсовъ (сводно, при 2 часахъ въ недѣлю) читалъ о драматической поэзіи въ историческомъ ея развитіи.

По *всеобщей исторіи*—а) на I курсѣ и. д. экстраординарнаго профессора *А. И. Покровскій* излагалъ (при 3 часахъ въ недѣлю) греческую исторію;—б) на II курсѣ онъ-же (при 2 часахъ въ недѣлю) читалъ римскую исторію;—в) на томъ-же курсѣ сводно съ историческимъ отдѣленіемъ IV курса орди-

нарный профессоръ *В. К. Пискорскій* читалъ общій курсъ средней исторіи (при 2 часахъ въ недѣлю);—г) на историческомъ отдѣленіи III курса и. д. экстраординарнаго профессора *А. И. Покровскій* велъ семинарій по изученію греческихъ надписей (при 1 часѣ въ недѣлю), и ординарный профессоръ *В. К. Пискорскій* (также при 1 часѣ въ недѣлю) имѣлъ практическія занятія по изученію „полиптики аббата Ирминона“;—д) на историческомъ отдѣленіи III и IV курсовъ (сводно) онъ-же читалъ (при 2 часахъ въ недѣлю) общій курсъ новой исторіи и (при 1 часѣ въ недѣлю) спеціальный курсъ новѣйшей.

По *русской исторіи*—на историческомъ отдѣленіи IV курса преподаватель *М. И. Лилеевъ* читалъ (при 2 часахъ въ недѣлю) курсъ по русской исторіографіи и преподаватель *Е. И. Кашпровскій* (при 1 часѣ въ недѣлю) излагалъ русскую историческую географію.

По *географіи*—преподаватель *Е. И. Кашпровскій* читалъ на историческомъ отдѣленіи III курса (при 2 часахъ въ недѣлю) курсъ антропологіи и на томъ-же отдѣленіи IV курса (также при 2 часахъ въ недѣлю) курсъ физической географіи.

По *французскому языку*—подъ руководствомъ преподавателя *Л. Н. Мишеля* студенты I курса (при 2 часахъ въ недѣлю) читали избранныя статьи изъ христоматіи Анспаха, а студенты II курса (также при 2 часахъ въ недѣлю) отрывки изъ книги Faguet, Études littéraires sur le dix-huitième siècle.

По *нѣмецкому языку*—*Директоръ Института* на I курсѣ (при 2 часахъ въ недѣлю) руководилъ переводами съ нѣмецкаго на русскій языкъ по книгѣ „Hauff, Lichtenstein“ и преподаватель *А. А. Мартовъ* на II курсѣ (также при 2 часахъ въ недѣлю) велъ практическія упражненія въ переводахъ съ нѣмецкаго на русскій языкъ.

Въ теченіе отчетнаго года по каждому акроаматическому

курсу было до трехъ собесѣдованій преподавателей со студентами по преподаннымъ отдѣламъ предметовъ.

Домашнія занятія студентовъ, кромѣ приготовленія переводовъ съ древнихъ языковъ и на древніе языки, состояли въ слѣдующемъ:

1) Студенты всѣхъ курсовъ занимались чтеніемъ древнихъ авторовъ:

а) Студенты I курса прочли подъ руководствомъ профессора Мандеса III книгу „Греческой Исторіи" Ксенофонта; подъ руководствомъ преподавателя Абрамова они-же читали III книгу сочиненія Юлія Цезаря „de bello civili" и IV книгу сочиненія Квинта Курція „Historiae Alexandri Magni".—Студенты II курса читали подъ руководствомъ профессора Бурзи рѣчь Демосѳена противъ Андротіона, и подъ руководствомъ преподавателя Мартова XXX книгу исторіи Ливія. Для руководства домашними чтеніями устраивались собесѣдованія—на I курсѣ еженедѣльно, на II—разъ въ двѣ недѣли, поочередно по греческому и латинскому языку; провѣрка домашнихъ чтеній состояла въ устномъ переводѣ и объясненіи отрывковъ изъ прочитаннаго.

б) Студенты III и IV курсовъ, по указаніямъ профессоровъ Мандеса, Турцевича, Бурзи и Шнука, сами избирали себѣ для домашняго чтенія то или иное произведеніе греческой и римской литературы; провѣрка домашнихъ чтеній производилась посредствомъ собесѣдованій съ каждымъ изъ студентовъ отдѣльно.

2) Студенты I курса писали профессору Сперанскому семестровыя сочиненія по исторіи русской словесности.

3) Студенты старшихъ курсовъ составляли рефераты по предметамъ ихъ семинарскихъ занятій: классики III и IV курсовъ—по римской словесности; словесники III курса—по исторіи русской литературы, IV курса—по славянскимъ нарѣчіямъ; историки III курса—по древней и средней исторіи и IV курса—по русской исторіи.

4) Студенты IV курса, подвергавшіеся окончательнымъ испытаніямъ, представили преподавателю Лилееву сочиненія по педагогикѣ.

5) Тѣ-же студенты писали слѣдующія кандидатскія сочиненія: профессору Мандесу студентъ *Миккау* представилъ сочиненіе на тему: „Вопросъ о подлинности писемъ Овидія „Leander“ и „Hero“; профессору Сперанскому представлены были диссертаціи студентовъ: *Богданова* „Алексѣй Ѳедоровичъ Мерзляковъ“, *Данилова* „Стилистическія особенности малорусскихъ похоронныхъ причитаній“, *Калитовскаго* „Римскія дѣянія въ русской литературѣ“, *Черняева* „И. С. Никитинъ и его литературная дѣятельность“, *Сахарука* „Древнерусскія сказанія объ Адамѣ и Еввѣ и отраженіе ихъ въ народной легендѣ“, *Емельянова* „И. Т. Посошковъ“, *Королева* „Русская историческая мысль и ея отраженіе въ русской художественной литературѣ XVIII и первой половины XIX вѣка“, и *Сеника* „Пушкинъ, какъ издатель Современника“; преподавателю Кашпровскому представилъ кандидатское сочиненіе студентъ *Зудинъ* на тему „Жизнь нашихъ провинціальныхъ дворянъ XVIII в. до 1762 г. по запискамъ А. Т. Болотова и М. В. Данилова“; преподавателю Лилееву представили диссертаціи студентъ *Карачковскій* на тему: „Политическія воззрѣнія кн. Димитрія Михайловича Голицына“ и студентъ *Крашенинниковъ* на тему: „Императоръ Петръ Великій въ своихъ письмахъ“.

Практическія занятія студентовъ IV курса по преподаванію въ состоящей при Институтѣ гимназіи велись въ слѣдующемъ порядкѣ: съ 21 октября по 19 ноября студенты для ознакомленія съ методами преподаванія и съ гимназическими программами посѣщали въ часы, оставленные свободными отъ лекцій, по особому расписанію, уроки въ гимназіи наставниковъ-руководителей І. В. Добіаша (по греческому языку), А. Ѳ. Абрамова (по латинскому языку), И. Н. Михайловскаго (по русскому языку) и Е. А. Черноусова (по исторіи и географіи).

15, 18 и 19 ноября устроены были подъ предсѣдательствомъ Директора Института общія бесѣды, на которыхъ

наставники-руководители сообщили студентамъ общія педагогическія и дидактическія указанія и толковали гимназическіе учебные планы. Изъ этихъ бесѣдъ двѣ были посвящены преподаванію древнихъ языковъ, одна—преподаванію русскаго и церковнославянскаго языковъ и одна—преподаванію исторіи и географіи.

Затѣмъ съ 19 ноября студенты давали пробные уроки подъ ближайшимъ руководствомъ наставниковъ-руководителей и въ присутствіи Директора, профессоровъ и преподавателей Института.

Для детальнаго обсужденія отдѣльныхъ данныхъ студентами уроковъ каждый изъ наставниковъ-руководителей устраивалъ разъ въ недѣлю частное собесѣдованіе. Когда такимъ образомъ были разобраны всѣ данные студентами уроки, каждый въ отдѣльности,—были устроены 3 и 5 мая общія бесѣды наставниковъ-руководителей со студентами,—тѣмъ-же порядкомъ, какъ и предварительныя бесѣды передъ началомъ пробныхъ уроковъ.

Конференція Института имѣла въ отчетномъ году 17 засѣданій.

Фундаментальная библіотека Института, состоявшая въ началѣ отчетнаго года изъ 24153 названій въ 59503 томахъ, пополнялась покупкою книгъ по предложенію профессоровъ и преподавателей и присылкой изданій русскихъ и иностранныхъ учрежденій и обществъ и учебныхъ заведеній, преимущественно въ обмѣнъ на „Извѣстія Института“. Въ настоящее время въ фундаментальной библіотекѣ имѣется: 24582 названія въ 26390 томахъ.

Въ студенческой библіотекѣ до начала отчетнаго года было 1173 названія въ 7625 томахъ, нынѣ въ ней имѣется 1198 названій въ 7716 томахъ.

Въ теченіе отчетнаго года печатался XXII томъ *Извѣстій Института.*

Въ состоящемъ при Институтѣ Историко-филологическомъ обществѣ въ отчетномъ году числилось 2 почетныхъ и 26 дѣйствительныхъ членовъ. Вновь избранъ 1 дѣйствительный членъ. Составъ бюро былъ слѣдующій: предсѣдателемъ общества на мѣсто выбывшаго орд. проф. М. Н. Бережкова избранъ директоръ Института Ф. Ф. Гельбке, товарищемъ предсѣдателя—А. Ѳ. Абрамовъ, секретаремъ—М. И. Лилеевъ, его товарищемъ—Е. А. Черноусовъ, казначеемъ—И. Н. Михайловскій, его товарищемъ—Б. Ф. Бурзи, библіотекаремъ—Е. И. Кашпровскій, его товарищемъ—Е. А. Черноусовъ.

Въ отчетномъ году было 3 закрытыхъ засѣданія, на которыхъ обсуждались текущіе вопросы изъ жизни общества. Открытыя засѣданія въ 1904—5 академическомъ году замѣнены были устроенными членами общества публичными лекціями: а) по всеобщей и русской исторіи (В. К. Пискорскаго и Е. И. Кашпровскаго) и б) по исторіи западноевропейской и русской литературъ (М. Н. Сперанскаго, М. И. Мандеса и В. И. Рѣзанова).

Въ библіотекѣ Общества къ началу отчетнаго года было 371 названіе въ 993 книгахъ; въ теченіе 1904—1905 академическаго года поступило а) старыхъ названій 12 въ 33 книгахъ и б) новыхъ названій 4 въ 6 книгахъ. Нынѣ въ ней имѣется 375 названій въ 1032 книгахъ.

РУКОПИСНОЕ СОБРАНІЕ
БИБЛІОТЕКИ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО
ИНСТИТУТА
КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО

ВЪ Г. НѢЖИНѢ.

Пріобрѣтенія 1904—1905 г.г.

ОПИСАНІЕ СОСТАВЛЕНО

М. СПЕРАНСКИМЪ.

НѢЖИНЪ
Типо-лит. насл. В. К. Меленевскаго.
1905.

Печатано по постановленію Конференціи Историко-Филологическаго Института
Князя Безбородко. Директоръ Института *Ф. Гельбке.*

Самымъ крупнымъ приращеніемъ собранія рукописей Институтской библіотеки за истекшіе два года была коллекція рукописей покойнаго проф. И—а Владиміра Васильевича Качановскаго († 11 апр. 1901), переданная по дарственной записи Институту его братомъ и наслѣдникомъ А. В. Качановскимъ [1]). Коллекція эта, сравнительно не большая по числу номеровъ (всего 61, включая сюда отрывки и связки документовъ), представляетъ не малый интересъ по своему составу. Въ полномъ своемъ объемѣ она распадается на два крупныхъ отдѣла: рукописи литературнаго и общеисторическаго характера (20 №№) и рукописи-документы (41 №№). Въ настоящее описаніе вошла лишь первая группа; вторая, содержащая главн. образомъ документы по исторіи Дубровника, Котора и Черной горы, особенно въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и сношеніяхъ первыхъ двухъ съ Венеціанской республикой, за время отъ XV-го вѣка и (съ перерывами) до 20-хъ годовъ XIX-го, должна составить предметъ отдѣльнаго труда спеціалиста.

Коллекція рукописей В. В. Качановскаго, насколько можно судить по ея составу и характеру, образовалась изъ двухъ источниковъ: матеріаловъ балканскихъ (на сербскомъ, болгарскомъ, итальянскомъ, латинскомъ, греческомъ и даже грузинскомъ языкахъ) и матеріаловъ русскихъ. Первые собраны были В. В. Качановскимъ, повидимому, въ его путешествіяхъ на югъ славянства и въ Грецію (1879—1881, 1883 г.), вторые—главнымъ образомъ на родинѣ (покойный былъ родомъ изъ

---

[1]) См. дѣла Института за 1902 г. № 43 описи.

Гродненской губ.), какъ можно судить по рукописямъ русскимъ, идущимъ съ юго-запада Руси.

По содержанію собраніе также представляетъ выдающійся интересъ въ описываемой его части: достаточно, напр., отмѣтить греческое евангеліе хорошей сохранности XI вѣка съ великолѣпными заставками и иниціалами (№ 150), сербскій сборникъ XIV в. (№ 162) съ рядомъ рѣдкихъ апокрифовъ, житіе Иларіона Могленскаго, трудъ патр. Евфимія, въ спискѣ XV в. (№ 160), отрывокъ рѣдкаго апокрифич. „Откровенія Варуха“ въ спискѣ XVII в. (№ 168), отрывокъ грузинской рукописи XI—XII в. съ слѣдами пребыванія ея среди славянъ (№ 156) и т. д.

Въ концѣ описанія прилагается общій краткій обзоръ упомянутыхъ документовъ, расположенныхъ по тремъ портфелямъ и въ 41 группѣ по содержанію.

Въ настоящемъ описаніи отрывки изъ рукописей объединяются подъ однимъ общимъ № по нѣскольку въ виду ихъ краткости.

Рукописи, происхожденіе коихъ не указано въ концѣ описанія каждой, должны быть отнесены къ числу поступившихъ въ коллекціи В. В. Качановскаго.

---

150. Евангеліе-апракосъ (греческое).

Рукопись въ листъ (22,5×30,5 с.) на 329 листахъ[1]) на пергаминѣ. Пергаминъ хорошей выдѣлки, но не ровной—иногда толще и желтѣе, иногда тоньше и бѣлѣе—складывался тетрадями по 4 большихъ листа (по 8 листовъ формата), тетради обозначались цифрой налѣво въ углу внизу на первомъ листѣ тетради. Послѣдняя помѣченная тетрадь—μς (46), такъ что вся рукопись должна была бы заключать 368 листовъ. Но въ началѣ отъ 1—4 тетрадей осталось лишь три клочка (низъ листовъ). Въ тетр. 5-й лишь 7 листковъ, пропалъ 1-й листъ тетради; въ тетр. 9 также 7 листовъ, нѣтъ перваго (передъ 33-мъ теперешняго счета), т. о. въ началѣ рукописи пропало 30 листовъ, и отъ 3-хъ (л. 1-а, 1, 2) остались клочья, отъ л. 4-го лишь лѣвая половина.

Тетрадь 31-я состояла и первоначально изъ 6 листковъ, теперь лишь 5: пропалъ л. 6-й (между 212—213 л.).

Тетрадь 32-я: вырѣзанъ 1-й листъ съ пропажей текста (между л. 212—213).

Тетрадь 34-я: недостаетъ л. 1-го (между л. 227—228).

Тетрадь 37-я: вырѣзанъ 2-й листъ (между 252—253 л.).

Тетрадь 42-я: вырѣзанъ 3-й листъ (между 292—293) и вся тетрадь сборная изъ кусковъ (половинъ большого листа).

Конца рукоп. нѣтъ.

Письмо въ два столбца (поле письма 20×14,5 с; ширина столбца 6,5 с.), по прочеркамъ, по 20 строкъ на страницѣ, буквы—хорошій курсивъ начала XI вѣка—пишутся *подъ* прочерками; ι—не subscriptum, а adscriptum—выдержана. По характеру письма рукопись ближе другихъ подходитъ къ Синод. греч. № 104 (CV) и № 75 (LXXVI)—990 и 1006 годовъ, а также № 29 (XXIX) той же библіотеки (1086 г.)[2]) Надписанія чтеній писаны золотомъ, положеннымъ на розовой краскѣ[3]). Золо-

---

[1]) По счету 328. Спереди еще отрывокъ листа 1-а.

[2]) См. Савва „Полеогр. снимки“ (М. 1863 г.), табл. 7 d, 8 a, b.

[3]) Тоже самое въ рук. XI в. (Евангелистарій) проф. И. Е. Троицкаго; см. **Н. Глубоковскій.** Греческій рукоп. евангелистарій изъ собр. проф. И. Е. Троицкаго (Спб. 1897), стр. 5.

томъ же—прописныя буквы (обозначающія мелкія дѣленія текста) на полѣ, при чемъ онѣ встрѣчаются не только въ началѣ стиховъ и словъ, но и въ срединѣ словъ: με-Ριμνήσητε (22 d), δό-Ξα (8 c.), ἀ-Μὴν (8a)[1]).

Начальныя буквы евангельскаго чтенія—краснваго рисунка красками: розовой (въ основѣ), синей (фонъ), зеленой (свѣтлой и темной), красной и бѣлой (штрихи и просвѣты) и золотомъ; того же рисунка и раскраски крупныя и мелкія заставки въ началѣ отдѣловъ рукописи: л. 96 (начало рядовыхъ по мѣсяцеслову чтеній)—большая заставка въ видѣ П съ отводами и стилистической листвой на углахъ; л. 296 (въ началѣ синаксаря) такая же заставка; 15c — узкая заставка (начало страстнаго суботняго евангелія), л. 302, 304d, 306, 310d, 316a, 322a, 324a, 325c, d, 326d. — узкія заставки (параллеллограммы) въ началѣ каждаго мѣсяца синаксаря. По типу и рисунку заглавныя буквы весьма похожи на тѣ, которыя находимъ въ Остромировомъ еванг.: онѣ въ послѣднемъ лишь крупнѣе размѣрами. Заставки совпадаютъ съ заставками въ отмѣченныхъ греческихъ рукописяхъ Синод. библ.; ср. также Стасова „Славянскій и восточный орнаментъ“, табл. CXXIV, 17 (XI—XII в.), L, 1, 2 (Остр. ев.), LII, 1 (Мстиславово ев.). Во многихъ чтеніяхъ—то надъ строкой, то подъ строкой—розовой краской проставлены „вокально-лекціонные значки, которые должны были регулировать правильное и истовое чтеніе евангелія“ [2]).

Цитаты изъ ветхаго завѣта въ евангельскомъ текстѣ отмѣчаются на поляхъ ковычками (см., напр., л. 9 c: πάλιν εἶπεν ἠσάϊας.... л. 40 c-d, 89 a).

Въ рукописи, кромѣ очень позднихъ помарокъ греческихъ (XVIII—XIX в., напр., 71 об., 101) на свободныхъ мѣстахъ болѣе позднія приписки (XIII, чаще XIV—XV в.), главн. обр. указанія чтеній (213c, 289c).

Переплетъ рукописи—доски; корешка не сохранилось; на доскахъ слѣды красной шелковой матеріи, которою былъ обтянутъ переплетъ.

Составъ текста. Если не принимать во вниманіе клочья л. 1-a 1, 2, начинается текстъ отрывкомъ чтенія на суботу 5 нед. по пасхѣ (Io. X, 19.). Л. 17. Τῇ β τῆς ᾱ ἑβδομάδος ἤγουν τῇ ἐπαύριον τῆς πεντηκοστῆς, кончая нед. 17 (л. 95 c—d).

Л. 96. Τῇ β τῆς πρώτης ἑβδομάδος καὶ ἀρχὴ τῆς ἰνδίκτου τοῦ νέου ἔτους, кончая нед. 19 (л. 212 c).

Л. 213. (начала нѣтъ)—евангелія постныя, начиная съ 1-й нед. поста (Мр. VI, 23—28; VII, 1—5). Страстныя чтенія не составляютъ особаго отдѣла.

---

1) Тоже см. Н. Глубоковскаго, стр. 8.

2) Тоже ср. Н. Глубоковскій, ук. соч., стр. 13.

Л. 296. Μὴν σεπτέμβριος. πρώτη. ἀρχὴ τῆς ἰνδίκτου καὶ μνήμη τοῦ ὁσίου Συμεῶνος τοῦ στυλίτου καὶ ἡ σύναξις τῆς θεοτόκου.—Синаксарь, съ немногими евангеліями цѣликомъ и ссылками (ζήτει), при чемъ въ послѣднихъ отмѣчается начало и конецъ чтенія евангельскаго. Синаксарь обрывается вмѣстѣ съ рукописью на евангеліи 24 іюня (τὸ γενέσιον τοῦ προδρόμου—Лк. I, 1—22).

По *составу чтеній*, нашъ текстъ—апракосъ полный, по *подбору чтеній*, совпадаетъ съ обычными XI в. греческими (см. арх. Амфилохія „Описаніе Юрьевскаго евангелія" М. 1877, стр. 29 и сл.) и славянскими обычными.

По *чтеніямъ* самыхъ евангелій, особенностей, новыхъ варьянтовъ (судя по ed. octava major Novi testamenti Tischendorf'a) не даетъ; особенность нашего текста составляетъ лишь отмѣтка на поляхъ кое-гдѣ разночтеній, что̀ обозначается γρ (т. е. γράφεται); напр., Іо. XIV, 15 (л. 12 b.), основной текстъ: τὰς ἐντολὰς τὰς ἐμὰς τηρήσατε, на полѣ: γρ. τὰς ἐντολάς μου τηρήσατε. Этихъ отмѣтокъ не особенно много и особенно крупныхъ отмѣнъ онѣ не даютъ, представляя лишь этимологическія по большей части измѣненія (напр., въ текстѣ послѣ neutr. plur. глаголъ во множ. ч., въ поправкѣ въ единственномъ).

Синаксарь сравнительно съ рукоп. XI в., описанной Н. Глубоковскимъ (у. с., стр. 46—122), представляетъ слѣдующее[1]).

Сентябрь. 1. Симеона Столпн. и Халкопратійской Богоматери, 2. Маманта, 3. *Анѳима*, 4. Вавилы, 5. Захаріи, 6. Евдоксія, 8. *Рождество Б-цы*, 9. Іоакима и Анны, 10. Поклоненіе честныхъ древъ, 11. Автонома, 13. Корнилія, субота передъ воздвиженьемъ, *недѣля передъ воздвиженьемъ*, 14. *Воздвиженіе Креста*, 15. Никиты, 16. Евфимія, 17. Софьи, Вѣры, Надежды, Любви. 18. Симеона Іерусалимскаго (τοῦ συγγενητοῦ τοῦ Κυρίου) и 7 отроковъ, 20. Евстафія и дружины, 21. Кодрата, 22. Фоки, 23. Зачатіе Предтечи, 24. Феклы, 25. Евфросина[2]), 26. Іоанна Богослова, 28. Харитона, 29. Киріака, 30. Григорія Арменскаго.

Октябрь. 1. Романа, 2. Кипріана, 3. Діонисія Ареопагита, 4. Іерофея (у Глубок. нѣтъ), 6. Ап. Ѳомы, 7. Сергія и Вакха, 8. Пелагіи, 9. Іакова Алфеева, 10. Евлампія и Евлампіи, 11. *Нектарія, Зинаиды*, 12. Проба, Тараха, Андрея, 13. Карпа и Папилы, 14. Назарія и иже съ нимъ, 15. Лукіана, 16. *Логгина*, 18. Ап. Луки, 20. Артемія, 21. Иларіона, 22. Аверкія, 23. Ап. Іакова, 24. Арефы, 25. Св. нотаріевъ, 26. Димитрія Солунскаго, 27. Нестора, 29. Ѳеодосія, 30. Зиновія и Зиновіи, 31. Авраама.

---

[1]) Курсивомъ отмѣчаю памяти, на которыя евангельское чтеніе (то же, что̀ у Глубоковскаго) прописывается полностью.

[2]) Числа 24 и 25 въ рук. переставлены.

Ноябрь. 1. *Св. безсребренниковъ,* 2. Акиндина, 3. Акепсима и иже съ нимъ, 6. Павла Испов., 8. Соборъ безплотныхъ силъ, 9. Феодора Студита, 11. Мины, 12. Іоанна Милостиваго, 13. Іоанна Златоуста, 14. Ап. Филиппа, 15. Св. исповѣдниковъ, 16. Ап. Матѳея, 17. Григорія Чудотв., 18. Платона и Романа, 20. Григорія Декаполита, 21. Входъ пр. Б-цы. 23. Прокла, Анатолія, Геннадія, 24. Григорія Акраганскаго, Екатерины, 25. Климента Римскаго, Петра Александр., 26. Алипія, 27. Іакова Перса, 29. Стефана Новаго, 30 Ап. Андрея.

Декабрь. 1. Прор. Наума, 4. Варвары, 5. Савы, 6. Николая, 7. Амвросія, 9. Зачат. св. Анны, 10. Мины и иже съ нимъ, 11. Даніила Столпника, 12. Спиридона, 13. Евстратія и соборъ св., 15. Елевферія, 16. Феофана, 17. Даніила и 3-хъ отроковъ, 19. Вонифатія и всѣхъ святыхъ, 20: Игнатія Богоносца. 21. Іуліаніи, 22. Анастасіи, 23. Муч. иже въ Критѣ, *субота передъ Рождествомъ, навечеріе.* 25. *Рождество Х-во,* 26. *Соборъ Богоматери,* 27. Стефана первомуч., 28. τῶν ἁγίων δισμυρίων, 29. Младенцевъ Вифлеемскихъ, 31. *Субота по Р. Х., субота передъ просвѣщеніемъ, Воскресенье передъ просв.*

Январь. 1. *Обрѣзаніе, 2, 3, 4, 5.* 6. *Богоявленіе,* 7. *Воскр. по просвѣщеніи,* 9. Поліевкта, *попразднество,* 10. Григорія Нисскаго, 11. Феодосія, 12. *Татьяны,* 13. Ермила и Стратоника, 14. св. отецъ, 15. Іоанна Кущника, 16. Поклоненіе честныхъ веригъ, 17. Антонія, 18. Аѳанасія, 19. Макарія, 20. Евфимія Вел., 21. Максима Испов., 22. Ап. Тимофея, 23. Климента Анкирскаго, 24. Ксеніи, 25. Григорія Богослова, 26. Ксенофонта, 27. Іоанна Златоуста, 28. Ефрема Сирина, 29. Игнатія Богон., 30. Ипполита, 31. Кира и Іоанна.

Февраль. 1. Трифона, 2. *Срѣтеніе,* 3. Симеона и Анны, 4. Исидора Пелусіота, 6. Вукола, 7. Федора Стратилата, 9. Никифора, 10. Харлампія, 11. Власія, 12. Мелетія, 15. Онисима, 17. Феодора Тирона, 24. Обрѣтеніе чест. главы Предтечи.

Мартъ. 6. 42-хъ муч. Аморійскихъ, 9. 40 муч. Севаст., 17. Алексѣя чел. Божія, 25. *Благовѣщеніе* (ев. литургіи), 26. Соборъ арх. Гавріила.

Апрѣль. 1. Маріи Египетской, 12. Киріака, τοῦ φανερώσαντος τὸν τίμιον σταυρόν, 22. Ѳеодора Сикеота, 23. Великом. Георгія, 25. Ап. и Ев. Марка.

Май. 4. Андрея Критскаго, 5. Ирины, 6. Прав. Іова, 8. *Іоанна Богослова,* 9. Прор. Исаіи, 10. Ап. Симона Зилота, 11. Мокія, 12. Епифанія, 19. Патрикія Пруссійскаго, 21. Константина и Елены.

Іюнь. 4. Митрофана, 8. Ѳеодора Стратилата, 11. Апп. Варфоломея и Варнавы, 14. Прор. Елисея, 16. Онуфрія, 17. Мануила, 24. *Рождество Предтечи.*

Такимъ образомъ, сравнительно съ указанной рукоп. Троицкаго, нѣтъ памятей на дни: Сент.: 7, 12, 27; Ноября: 4, 5, 7, 10, 19, 22, 28;

Дек.: 2, 3, 8, 14, 30; Янв.: 8; Февр.: 5, 8, 14, 16, 18—23; Мартъ: 1, 3; Апр.: 26, 30; Май: 1, 2, 13—17, 20, 22—25, 26, 27, 29, 30; Іюнь: 1, 2, 3, 9, 10, 12, 13, 18, 21—23. Лишнія противъ рук. И. Е. Троицкаго: Окт.: 8, 9, 10, 12, 15, 16, 20, 22, 23, 24, 27, 29, 31; Дек.: 28; Мартъ: 17, 26; Апр.: 12: Май: 4, 5, 19. Иныя, нежели въ рук. Троицкаго: Сент.: 6, 13, 18, 21, 25; Окт.: 5, 13, 30; Ноябрь: 9, 12, 20, 29; Дек.: 16: Янв.: 9, 10, 12, 13; Февр.: 7; Май: 9, 11; Іюнь: 16, 17.

Въ общемъ въ мѣсяцесловѣ больше совпаденій съ Кіевскимъ (Таврическимъ) текстомъ, описаннымъ А. В. Ивановымъ (Зап. И. Рус. Арх. Общ. т. I (1886 Спб.), 97—164).

151. Отрывокъ четверо-евангелія (греческаго).

Рукопись въ 4 д. л. на пергаминѣ, всего двѣ тетради по 8 листковъ изъ разныхъ мѣстъ кодекса; письмо—скоропись XIII—XIV в. Вверху—большія главы, на поляхъ—аммоніевы главы и евсевіевы дѣленія, внизу параллели по аммоніевымъ главамъ—киноварью. Киноварью же обозначено на поляхъ—время чтенія. Киноварныя буквы текста—всѣ на поляхъ, такъ что буква иногда приходится внутри слова, разъ оно переносится съ одной строки на другую.: τό—Tε, ἀπο—Κριϑήσονται. ι—subscriptum отсутствуетъ.

Текстъ содержитъ; 1) л. 1—8—Матѳ. XXV, 31—XXVII, 40 и 2) л. 9—16—Луки XX, 35—XXIII, 24.

Разночтенія сравнительно съ изданнымъ Тишендорфомъ (ed. octava major) ничтожны.

152. Евангеліе-апракосъ.

Рукопись въ небольшой листъ на 349 листахъ, красиваго чистаго полуустава начала XVI вѣка (водяные знаки бумаги: единорогъ, гербъ съ тремя лиліями, латинское Р съ розеткой; ср. у Н. П. Лихачева „Водяные знаки“, № 1403, 1454 (вар.), 1458—между 1514 и 1517 годами).

Заглавія—несложной вязью киноварной, киноварью же заглавія мелкія (надписанія чтеній) и заглавныя буквы (простого рисунка); для заставокъ оставлено мѣсто; въ разныхъ мѣстахъ рукописи записи, преимущественно позднія (XVIII в.), но одна древняя (на л. 1 вмѣсто заставки): Roku Panskiego 1580. Pan Bog Nadzieya Moya .... (имя не разобрано) Zienowicz ręką svą. se pskowa Miesta (?) ....w .... 14.... На л. 11—14 внизу: Ta Ewangelia ma zostawac wiecznemi czasy przy cerkwi Czerniewskiey, ktora pod czas wisyty generalney podpisuie dnia 1 ap(ri)la roku 1726. На л. 110 об.—111 рукой XIX в.: Syga Ewanhieliia jest czerkwi Czerniewsky X. Hrihory Smolenskij...... (неразобрано). Л. 224 об. рукой XVIII в.: Modlitwa swętego Efrema: Zgrom bondz nadzeyo anjolow swętych chwało prorokow...; л. 333 об.—запись польскими и рус-

кими буквами въ перемежку о евангельскихъ ченіяхъ: „Шукай первуию аще требуиешъ иевангелии на посвящение domy зри первуию mатфеиа в неделю предо рождествоm хрестовиmъ... Л. 346 об.—повторена запись л. 11—14. Записи показываютъ, что давно уже рукопись была на западѣ. Но основаній предполагать западное происхожденіе рукописи нѣтъ.

Графика: 1) оу и ѹ безразлично; преобладаетъ второе; 2) є и е различаются правильно; 3) съ л. 95 проскальзываетъ ѫ (но порусски: припадааху к немѫ и копіахѫ, 99, і їѫ 97 об., ємѫ 99, ѕѫвом 109); 4) часто—ѕ (кнѧѕь 5 об., ноѕѣ 8 об., риѕѣ 47), 5) съ 97 л. иногда очное двойное ꙍ; 5) паеркъ на мѣстѣ, но не всегда: к мирѣ, истинный 1 об. исполнь, исполненіа 1 об., 2, первѣє 2; 6) і—передъ гласной, даже: і испокѣда 2, і идоша 3 об., і изгна 61; иногда і + а = ꙗ ꙗко 4, ꙗвленіє 3 об.; 7) ударенія большею частью по великорусскому говору; есть вторыя ударенія: кашею 157, штрококице 146 ос., дивистася; часто удареніе относится назадъ; 8) лигатуры не часты: и + в 79, п + р 2, преимущественно въ концѣ строкъ.

Языкъ. Въ общемъ русское правописаніе: 1) пропажа j-аціи рѣдка (сіа); 2) осѹжениє 3 об., преже 5; 3) рѣдко и = ѣ: свѣдительство 1 об., видиша 3 об.. видивь 4 об., видих 5 об., 4) штверзостася 4, перста и прьстъ 9; дрьжастѣ са 3; 5) изрѣдка старыя формы склоненій: пославшии 2, двери затворено 8 об.; 6) довольно часты старыя формы спряженія, главн. обр. imperfectum: сказааше, глааше 4, 7 об., слоужааше 61, живяаше 4 об., хотяаше 99, прихождаахѹ 7 об., слоужаахѫ 95.

Переплетъ рукописи—доски и кожа; на передней доскѣ на углахъ мѣдные жуки (срединная иконка снята); на задней—средній жукъ—геральдическій левъ (единорогъ?) мѣдный; мѣдная одна застежка—херувимъ. Рукопись пострадала отъ сырости.

Составъ.

Л. 1. Въ стѹю великѹю нєлю пасхы на литѹргии· Єѵаліє ѿ іѡа стоє благовѣствованиє. Евангелія съ пасхи, кончая нед. 11.

Л. 95. Въ пнє ві нє єѵліє ѿ мрка стоє благовѣствованіє.—Кончая нед. 17; послѣ чего: конець благовѣствованію мркаієѵлієта.

Л. 124 об. Благовѣствованіє лѹкы єѵлиста нє а. новаго лѣта, кончая нед. сыропустной.

Л. 225. Сказаніє соуботамъ и нєлѧмъ стго по.—евангелія постныя, кончая вел. четвергомъ.

Л. 251. Еѵ҃лїа двандесат(и) ст҃ыхъ стр҃тей—страстныя евангелія.

Л. 291. Еѵ҃лїа въскр҃на.

Л. 302. Столпы евангельскихъ чтеній.

Л. 303. Соборникъ 12 мѣсяцевъ—указатель чтеній.

По подбору чтеній апракосъ—полный.

153. Апостолъ.

Рукопись на грубомъ пергаминѣ въ 4 д. л. (23,5 × 15,8 с.) на 208 листахъ, полууставъ XIV в. (конца), по 24 строки на страницѣ. Заглавія—крупныя—киноварной вязью не сложнаго характера, мелкія—простой киноварью. На л. 1 вверху узкая заставка изъ перевитого ремня. Пергаминъ сложенъ тетрадями по 8 л., тетради обозначены (не вездѣ) внизу; на основаніи этого опредѣляются пропавшіе листы: передъ 1 л. (вѣроятно, пустой л.), послѣ 6-го л. 4 листа, послѣ 9-го—3 листа (въ 1-й тетр.—6 листовъ, во 2-й 5); въ концѣ (тетр. 27-я.) одного листа недостаетъ.

Письмо съ массой надстрочныхъ значковъ, частью въ смыслѣ паерка, частью надъ гласной послѣ гласной или j—ированной, частью неопредѣленнаго значенія (тако 10, пришьльца 7); лигатуры, преимущ. м + у, въ концѣ строкъ въ ограниченномъ числѣ; встрѣчается з съ приставкой съ правой стороны: мнозѣхь 1, зѣло 7.

Правописаніе *сербское,* но съ болгаризмами, довольно многочисленными:

а) удвоеніе гласныхъ и глухого: многьь (им. ед.) 6 об., лѣтьь (р. мн.) 1 об.; горыи (р. е.) 1 об., кый 1, 1 об., слоужвый 2, николыи 7, землий 1.

б) смѣшеніе и и ы: кныгахь 2, послѣдныихь 1 об.

в) болгаризмы: смѣна ж и л: вьзирающе 1 об., оумножающием 7, стражε(=ж) 2, слоужε(=ж) 75 об., млюсε(=л) 75 об., южε (лжε) 2.

г) смѣшеніе ѣ и ꙗ: повелꙗкаше 1, повелꙗвше 7 об., к нꙗи 12 об.

д) остатки старыхъ формъ: склоненіе: ст҃аго, антиѡхиискаго 7 (формы на ааго довольно часты); спряженіе: славлꙗахоу 6 об., почиваахоу 7, множааше 7.

е) отдѣльныя формы: изыщате 7, идоущь (вин. ед. вм. а), 1 об.; дрьзновлениѥ, исцѣлениѥнаго 6 об.; чюжаахоусε (м. б. отпущено д надъ строкой) 11 об.

Составъ рукописи.

. . 1. Лу еѵ҃листа се напиниѥ ѡ дѣꙗнииахь ап҃льсцѣхь сьвькоуплꙗѥ се по ст҃рсти бо его ꙗсть с ними и пить и сьвькоуплꙗѥ се с ними. заповѣдаше имь

вѣсе влюсти и хранити ждоущие ѿвѣтованиа ѿчиа. Дѣянія, полный текстъ, кромѣ IV, 22—V, 41 и VII, 36—VIII, 32, пропавшихъ вмѣстѣ съ листами.

Л. 51. Книгі поущение къ вѣровавшимь къ немоу жидовомь. Соборное посланіе Іаковле.

Л. 56 и об. Петрова епистолиа кадоликиска. 1-е посланіе Петрово.

Л. 62 об. Петрова епистолиа вторая.

Л. 66 об. Іwанова епистолиа прьвая.

Л. 72. Іwанова епистолиа в.

Л. 73 об. епистолиа апла июды.

Л. 75. Павла апла епистолиа к римлианомь.

Л. 98. Павла апла послание къ коринѳомь.

Л. 118. Павла апла к кор книгы вторые.

Л. 132. Павла апла послание к га(ла)домь.

Л. 139. „ „ „ к ефесеѡ.

Л. 146. Кь филиписеѡ книгы.

Л. 151 об. Павла апла посланию къ коласиѡ.

Л. 156. Кь солоунѣномь посланию.

Л. 160 об. Кь солоуниномь книгы вториа.

Л. 163. Кь тимодеwви посланию.

Л. 173. Павла апла послание к тидоу.

Л. 176. Книгы поущение къ жидомь.

Въ текстѣ намѣчены киноварью дни чтеній, на поляхъ размѣчены зачала.

Текстъ дѣяній и посланій представляетъ много оригинальнаго сравнительно съ древнѣйшими, стоитъ ближе къ Шишатовацкому (изд. Miklosich, 1853), но иногда совпадаетъ съ Христинопольскимъ (изд. E. Kałużniacki, Vindob. 1896). Для образца — сравненіе Дѣяній I, 12—26 (рук. 1 об.—2).

13. вьзыдоу—вьзнидоше (Шиш.)—вьзидоу (Христ.); андрей—аньдреи—андрѣи.

14. вкоупѣ—единомысльно—инодшьно; мриею—сь Мариею—мариею.

15. бѣша же наро на имена вь коупѣ яко и до ста и до двою десетоу—бѣяше же народа числомь вь коупѣ рк.—бѣ же народь чьдь вь коупѣ р. к.

16. пбаше оубо да сбоутсе книгы сие —падобаше да сьбоудоуть се кьнигы сие—подобаше збыти се писанию семоу.

17. вьчтень—причьтень—причтень.—дошьл вѣ жрѣвий—дошьль вѣ іемоу жьдрѣби—дошаль іемоу редь.

18. просѣде се полма, пролийасе—расѣде се польма и излиꙗ се.—просѣдѣ се по срѣдѣ, излиѣ се.

20. вь кнытахь пѣныйхь—вь кьнигахь псальмскыихь—вь кьнигахь псальмьскихь; стражe (= оу)—єпискоупьство—епископство.

21. с нами—с нами—сь ними; в сиїе врѣме—вь вьсако врѣме—вь всако лѣто; кь намь—вь нась—вь ны.

22. послоухоу—сьвѣдѣтелю—свѣдѣтелю.

23. се нарѣ— наричеть—се нарече.

24. срьце вѣдый— срьдьцевѣдьче—срдцевѣдьче; двою—шбою—обою.

25. жрѣби слоужбы—притьчь слоужениꙗ—притьчь слоужениѣ.

26. причте іединѣмь—причьтень бысть кь іединомоу—причетень бысть кь іединомоу.

Л. 193. Синаксарь. Мѣсяцы [кромѣ сентября] носятъ и славянское названіе: листопа', гроунь, стоуны, просинець, сѣнь, соухы, врѣзокь, травень, изокь, чрьвены и заревь. Самый синаксарь—много полнѣе и днями и именами, нежели Шишатовацкій. Подъ 17 Сент. добавлены: Вѣра, Надежда, Любовь и Софія; подъ 14 февр.—Кирилла философа, учителя словѣнска; подъ 2 мая—вь тъ день стго шца нашего деѡсиꙗ иже к роусѣхь вь градѣ киіевѣ іегоже чюси многыи вь прославки [л. 204]; подъ 9 мая—вь тъ дань прѣнесение мощемь стго никоꙗ ѿ моуры гра грьскаго вь барь гра фроужскыи.

Л. 208. Указатель суботнихъ и воскресныхъ чтеній апостольскихъ.

Рукопись въ твердомъ деревянномъ, обтянутомъ кожею переплетѣ; на внутренней сторонѣ задней доски запись карандашемъ (м. б., В. В. Качановскаго?): „Попъ Онуфріе изъ с. Боняна (Скопльскаго о.). Его сынъ Николай“.

154. Апостолъ.

Рукоп. въ листъ на 340 л. (по счету 1а + 240а + 338) крупнымъ полууставомъ начала XVI в. (водяной знакъ—бычачья голова съ крестомъ и змѣей; ср. Лихачева „Водяные знаки“ 1346, 1347, особ. 1364—1366). Въ заглавіяхъ киноварь и нехитрая вязь; заглавныя буквы—киноварныя, простыя. На л. 9 (начало Дѣяній) и 300 (начало указателя) заставки—золотомъ, синей, зеленой и темнокрасной краской—изъ переплетающихся круговъ и ремней съ отводами, хорошаго стиля, но грубаго исполненія. Золотомъ же на этихъ листахъ заглавія и заглавная буква (на л. 9). На поляхъ часты приписки позднія („проба пира

и атраменту", „помощь моя о гн҃)—очень неискусной руки XVIII в. На л. 103 об. на пустой части л. той же рукой стихъ:

О девице пречистая, мати благословеная,
Отъ всѣхъ родовъ избраная.
Во рождествѣ Исусъ Христа,
Вшедшаго [въ] тя Бога чиста,
Обрѣтеся дѣво чиста.
Симеонъ старецъ прорече,
Твое сердце мечъ протече,
Егда съ Христа кровъ истече,
Отъ невѣрнихъ закланнаго,
Убитаго [и] [о]пл[е]ваннаго,
Агнца пренепорочнаго,
Слонце во тму преминися,
Луна во кровъ претворися,
Богъ бо на крестѣ явися.
Ти же съ плачемъ вопіяше,
Гласъ жалосніи испущаше:
Уви, мои сыну прекрасній,
Свѣте очи моихъ ясній,
Почто [ты?] тако естъ барзо страшніи?
Вижу тя окривавлена,
Ребра твоя прободена,
Отъ рода не умилена
Испусти гласъ[?]...:
Чадо мое, нехай слышу
Слово твое, вижу
Тя окри.....

Ниже иной (тоже XVIII в.) рукой:

Пречистая дѣво, мати Руского краю,
На небеси и на земли тя велича[ю].

На л. 240а об. (на чистой сторонѣ листа): а) Piesn o Bozym Narodzeniu—колядка по польски, и б) Изліяся отъ устъ твоихъ, отче прехвальне, Василіе....—стихъ Василію Великому.

Правописаніе рукописи русское съ ж: 1] ѣ и ѥ путаются: заповѣда 9, просвѣщенномъ 12, повѣдати 68; 2) ж=оу: ѿ тоудж, ѿ тоудоу, ѿ тждоу 1а, разжмнї 134 об., мирж 135; 3) паеркъ часто на мѣстѣ, чаще же при стеченіи согласныхъ: пѣргинь, иттаію 1а; 4) глухой то послѣ плавнаго, то развитъ по русски: исполниша 11 и исплънени 11 об., полкъ и плъкь 64 и 64 об., тръпѣніє и терпѣніа 156; 5) є и ѥ различается довольно пра-

вильно; 6) j—ація кое-гдѣ пропала: дѣанїи 6, жребїа 11, стоа 64 об., соущаа 63; 7) ъ и ь въ концѣ путаются: есмъ 63 об. и есмь 65; 8) формы старыя imperfect'а довольно часты: хождааше 6 об., дааше 11; слышаахоу, дивлѣахоу, недомышлѣахоу 11 об., въпрашааше 64, можааше 76; 9) на л. 62 об. попалась форма навчени; 10) кое гдѣ и и ѣ, ы и и смѣшиваются; 11) ударенія очень своеобразны (см. ниже). Рукопись сильно пострадала отъ сырости, много листовъ растеряно: л. 111 начинается тетрадь 16 (стало быть, при полномъ текстѣ онъ долженъ быть 121-мъ). Большинство листовъ въ корешкѣ подклеено въ XVIII в.; переплетъ утраченъ, при переплетѣ листы обрѣзаны съ утратой б. ч. сигнатуръ тетрадей.

Составъ.

Л. 1 а. Ѿшествїе павлꙋ апⷭ҇лꙋ въ страни на оучение.—Ѿ дамаска начень възыде въ Ієрлимь.

Л. 1 об. Писанїе главъ дѣанїи апⷭ҇льскаагѡ.—Ѿць ми оучитель коварьства.

Л. 6 (безъ заглавія)—Ѳеѡфила наричеть лоука. к немоу писалъ е блговѣстїе.

Л. 7. об. Сказанїе дѣанїи апⷭ҇льскыⷯ. списана лоукою еуⷢ҇листѡ. по лѣтѣⷯ многѣⷯ страсти гнⷭ҇ѧ.—Сїа книгы дѣанїа апⷭ҇льска наричать.

Л. 9. Самыя „Дѣянія“.

Л. 83. Слово прѣвое апⷭ҇ла павла прѣчинаемѡ книга симъ.—Потребно ми вкратцѣ напїсати лѣта.

Л. 89. Главы римскыѧ епїстолїи.

Л. 92. Има оубо епистолїа а к римо оучнїе о хѣ.—И пачⷮ ѿ естьствены помышлени показание.

Л. 92 об. Сказанїе їаковлѣ сьборнаго посланиѧ.—Понⷤ сй иаковь сїе пишⷮ.

Л. 93. Главы їаковлѣ епїстолїи.

Л. 94. Съборное посланїе иїаковлѣ.

Л. 101. Сказанїе соборномꙋ посланїю петровѫ первомоу.—Понеже петръ, и в расѣѧнии сꙋщимъ.

Л. 101 об. Главы петрове епистолие первые.

Л. 102 об. Главы петровы епистолїе в.

„ Главы їѡаннювы епистолїе а.

Л. 104. Стго апⷭ҇ла петра соборное. посланїе.

Л. 111. Сказние петровꙋ второмꙋ посланїю соборномоу.—Сие пакы петръ посилаⷮ.

Л. 111 об. Тогоже апла петра посланіе ке.

Л. 116 об. Сказніе іоанкову посланію аму. - - Понеже самъ іоаннъ и еуліе написавый.

Л. 118. Стго апла іоанна соборное посланіе а.

Л. 125. Сказаніе іоаннова посланія второго.—Сие яко старець пишеть.
„ Главы іоановы епистоліи к.е.

Л. 125 об. Стго іоанна бгослова соборное посланіе второе.

Л. 126. Сказаніе іоаннова третіаго посла а.—Прѣже оубо пріемлеі· гаия.

Л. 126 об. Стго Іоана бгослова посланіе сборное. г. е.

Л. 127 об. Сказаніе іоудинѫ съборному посланію.—Сіе посланіе пишт имъ оуже вѣровавшіимъ.

Л. 129. Соборное посланіе иоудино.

Л. 130 об. Сказаніе е к римлѣно посланію стго апла павла.—Сіе посилаеть ѿ коринда.

Л. 132 об. Главы римскые епистоліе·

Л. 134. Стго апла павла посланіе к римлѣномъ.

Л. 159. Сказніе прьвыя епистолия стго апла е к коринфомъ.—Написано бысть ѿ филиппъ.

Л. 161. Главы кориньдскыя епистолия. а.

Л. 162. Сказние е к кориндино прѣваго посланиа паклова.—Сіе посилаеть ѿ ефѣса асійскаго.

Л. 164. К' кориндѣно посланіе стго апла павла.

Л. 189. Сказаніе иже ко кориндѡх второму посланію, стго апла павла.—Написана бы ѿ филиппь титѡ.

Л. 190 об. Главы, ко кориньцѣи епистоліи. к. е.

Л. 192. Сказаніе иже ко кориндѡх второмоу посланію стго апла павла.

Л. 193. Къ кориндомъ второе посланіе стго апла павла.

Л. 209 об. Сказаніе къ галатъцѣи епистоліи.

Л. 210 об. Главы галатьскыя епистоліе.

Л. 211. Сказаніе и къ га(ла)томъ посланіѫ стго апла пала.—Сіе посилае ѿ рима.

Л. 211 об. Ко га(ла)то посланіе стго апла павла.

Л. 220. Сказаніе иже къ ефесеѡ посланию стго апла павла.—Сіе посылае ѿ рима.

Л. 220 об. Къ ефесьтѣи епистолии свѣтельствъ. ѕ.

Л. 222. Гла́вы е̂фесскы̑ е̂пистоліе̂.

Л. 222 об. Кѫ е̂фесѡмъ посла́ніе̂ с҃тго а҃пла пакла̀.

Л. 230 об. Кѫ филипис҃кыцѣ е̂пистоліи и̑ к̑ каласаисцѣ и̑ к тесалаѡ́нико̑ (свидѣтельства).

Л. 231. Гла́вы филипистіискы̑ е̂пистоліе̂.

Л. 231 об. Гла́вы к̑ колаcаискы̑е̂ е̂пистоліе̂.

Л. 232. Сказаніе̂ и̑ кѫ филиппісиѡм посланію с҃тго а҃пла па́вла.—Сі̑ поси́лаіть ѿ рима.

Л. 233. Кѫ филиппистіѡ̑ посла́ніе с҃тго а҃пла пакла̀.

Л. 240. Сказа́ніе̂ ко каласанскомѫ посла́нію.—Сі̑ посилае̂ ѿ ри́ма.

Л. 241. Кѫ колаcае̂ посла́ніе с҃тго а҃пла пакла̀.

Л. 245. Сказа́ні̑ иже кѫ солѹнѣниѡм посла́ніоу прѫ́вомоу с҃таго а҃пла пакла̀.— Сі̑ посилаіть ѿ а҃ди́нь.

Конецъ дописанъ въ XVIII в. на краю листа.

Л. 247. Кѫ солѹнѣниѡ̑ прѫ́вое посла́(ніе) с҃тго а҃пла па́вла.

Л. 252. Ска́зані̑ е̂ ко солѹнѣно̑ второмѹ по̑ланіоу с҃тго а҃пла̀ пакла̀.—Сі̑ поси́лаіть ѿ рима.

Л. 253. Гла́вы к тесалоникіисцѣи е̂пистоліи.

Л. 253 об. Главы к тесалоникіисцѣи е̂пистоліи (в).

„ Главы кѫ титѣстѣи е̂пистоліи.

Конца нѣтъ, вслѣдствіе пропажи листа.

Л. 254. Кѫ солѹнѣниѡ̑ посла́ніе̂ в̑торо̑ с҃т(го) а҃пла па́вла.

Л. 257. Сказаніе̂ е̂ кѫ тимо̑ю прѫ́ва̑ посла́ніѧ.—Сі̑е̂ посилае̂ть ѿ лаѡдикыа́.

Л. 258. Гла́вы к ти́моѳе̑истеи е̂пистоліи.

Л. 258 об. Главы кь тимоѳе̑вки е̂пистоліи в҃.

Л. 260. Кѫ ти́моѳе̑ю посла́ніе с҃тго а̑постола па́вла прѫ́вое.

Л. 266. Сказа́ніе и̑ кѫ тимоѳе̑ю второмѹ посла́нію с҃таго а҃пла пакла̀.— Сі̑е̂ поси́лае̂ть пакы̀ ѿ ри́ма.

Л. 267. Кѫ тимоѳе̑исцѣ е̂пистоліи в҃.и̑ свѣдтельствѫ.

Л. 269. Кѫ тимоѳеѹ второе̂ по̑ла́ніе̂ с҃тго а҃пла па́вла.

Л. 274. Сказа́ніе̂ и̑же кѫ титѫ посла́ніе с҃тго а҃пла пакла.—Сі̑ посилае̂ть ѿ никополѣ.

Л. 274 об. Кѫ ти́тѹ посла́ніе̂ с҃тго а҃пла па́вла.

Л. 277 об. Ска́заніе и̑же ко филимонѹ посланію.—Сі̑е̂ поси́лае̂ть ѿ ри́ма.

Л. 278. Кь филимонѹ посла́ніе с҃тго а҃пла па́вла.

Л. 279 об. Сказанїе еѵрейскомꙋ посланїю стго апостола пакла.—Сїе посилаеть ѿ италїа.

Л. 280. Къ евреѡ посланїе стго апла павла.

Л. 300. Сказанїе извѣстно и по вся дни глава дѣанїи апля.

Начиная съ недѣли пасхи, указатель прокимновъ, апостольскихъ и евангельскихъ чтеній.

Л. 314. Начало келичи четвородесятници съботā и недѣлѧ.

Л. 317. Съборникь .кг тимь мцъ сказꙋа главы аплꙋ.

Л. 330. Инїи апли различни.

„ Заоупоконнїи апли на вся нела.

Л. 331. Двенадесате ѿсновании дванадесате каменїе еста (?) града. а прилагає виденїе. и ѿзракō на стыā аплы оукрашьшаѧ всяцѣ оугодиѡ.—Оснoванie а. іаспх.(г)аспх петра сказає. іако мръткость гꙋбоу на тѣлѣ свое ношьша и не оукāшю вѣрꙋ к немꙋ іавльша.

Л. 332. Стго епифанїа епкпа кыпрьскā о сты аплех. где кождо ихъ проповеда и како и гдѣ скончашā. и стаа их телеса гди лежā. и в ких мѣстѣх.—Симō петръ връховныи аплѡ іакō іавлає посланми своими сказꙋā в понтѣ.

Конца статьи нѣтъ за пропажей листовъ.

Л. 336. Прокимни въскрєнїи и аллїлоуарє.

Л. 336 об. Прокимни г аллїлоуарє днєвнїи.

Л. 337 об. Оуказъ ѿставшїимъ аплѡх не празноуємы сты. извѣстно іако в типицѣ ѿбрѣтає празноуємы сты.

Конца нѣтъ: рукопись обрывается.

155. (17011) Апостолъ (по чтеніямъ).

Рукоп. въ 8 д. л. на 357 листахъ, полууставъ XVII вѣка съ киноварными заглавіями, первое вязью. На л. 1—заставка чернилами, раскрашенная синимъ и краснымъ, поздняя, позднѣе рукописи; на л. 70—для заставки оставлено мѣсто.

Л. 1. Чтенія съ пасхи.

Л. 293 об. Чтенія великопостныя.

Л. 308 об. Чтенія рядовыя съ сентября по мѣсяцеслову.

Рукопись въ красномъ бархатномъ (позднѣйшемъ) переплетѣ съ застежками.

Отъ М. Сперанскаго.

156. Отрывокъ изъ второзаконія (грузинскій).

Два отрывка по полулисту изъ листовой рукописи на пергаминѣ, церковнаго письма XI—XII вѣка, въ два столбца.

На поляхъ и между строкъ позднія славянскія приписки, большею части отдѣльныя буквы (пробы пера), фраза киноварью: „господи вьзвах к те“, чернилами: порама жѡ з ҁ р. и т. п. Письмо едва-ли старше XV в.

157. Служебная минея праздничная.

Рукоп. въ листъ на 327 листахъ, полууставъ западный конца XVI вѣка. Рукопись безъ начала: по старинной помѣтѣ листовъ (XVIII в.), въ началѣ не хватаетъ двухъ. Рукопись, къ концу особенно, пострадала отъ сырости, еще въ XVIII в. была подклеена въ корешкѣ и на поляхъ. Переплетъ утраченъ. Въ разныхъ мѣстахъ позднія (XVIII в.) записи русскія и польскія: л. 129 об. внизу—130: Dopisywana ta xąga Praznigą (?)... przeze mnie Iana Grudzińskiego parocha Zdzikowskiego Roku tysęce sydimscetneho trzydzïestego piątego; 2) л. 261—Фелиціян Крестинскій (?) рукою власною; 3) л. 241 об.: Іюня въ кა҃ дн҃ь Рожство чт҃наго пр҃рка. Іереи мл҃тку сию кхтай. Гд҃и бж҃е н҃шх преклониві н҃беса...; 4) л. 198 об.—какая-то духовная пѣснь по польски крайне безграмотно и не разборчиво; 5) на л. 9 внузу—Roku 1725 .... 16 dnia.

Въ языкѣ мѣстныхъ чертъ мало; кое-гдѣ и = ѣ (свидителми, 105 об.), собѣ, тобѣ; болгаризмовъ, даже въ письмѣ, нѣтъ.

Начинается рукопись съ сентября (Симеона Столпника), кончается 29 августа.

158. Обиходъ нотный.

Рукоп. въ 4 д. л. на 270 листахъ, безъ начала (пропало 3 листа) и конца, письма южно-русскаго конца XVII или нач. XVIII в. Ноты пятилинейныя. Заставки отдѣловъ грубыя, раскрашены зеленью; заглавія убористой узкой вязью, киноварью. Переплета нѣтъ.

Составъ:

Л. 1. (безъ начала) Литургія напѣва кіевскаго.

Л. 7. Тропари воскресные.

Л. 15. Осмогласникъ на всѣ гласы.

Л. 220. Подобны на восемь гласовъ.

Л. 232. Стихиры праздничныя и постныя.

159. Календарь латинскій.

Рукоп. въ 16 д. л. на пергаминѣ, всего 12 листковъ, красиваго письма XIV—XV в., частью киноварью, синей краской, съ красивыми золочеными буквами на темнокрасномъ пополамъ съ синимъ фонѣ.

Каждый мѣсяцъ занимаетъ листокъ и оборотъ его; по редакціи календарь—краткій; любопытно обозначеніе: dies aegyptiaca.

Внизу перваго листка поздняя запись: Ex dono Ioannis Pa...itii.

160. Житіе Иларіона Могленскаго.

Отрывокъ изъ рукописи (конецъ) на 22 листахъ типичнаго болгарскаго письма XV вѣка въ 4 д. л. Судя по помѣтѣ вверху л. 1.—**кā**, надо думать, что наше житіе было послѣдней 21-й статьей сборника; съ этимъ совпадаютъ: а) помѣты греческими буквами внизу тетрадей (по 8 л.) на л. 1—μδ (44), 9—με (45), 16—μγ (46), т. е. въ нашемъ сборникѣ первоначально было приблизительно 376 листовъ; б) помѣта болѣе поздняя листовъ (внизу) арабская: 326—348; повидимому счетъ произведенъ уже позднѣе того, когда сборникъ былъ разбитъ: л. 16—17 (по этому счету 341—343) писаны—мелко, въ XVI в.—взамѣнъ пропавшихъ. Послѣдній листъ до половины оборванъ; рукоп. сильно по краямъ изъѣдена червями, не разъ подклеивалась. Послѣ л. 10 пропалъ листъ (почему въ тетради 45-й лишь 7 листковъ).

Л. 1. (Киноварью). **Житїе й жӥзнь прп̃бнаго ѿц̃а нашего їларїѡна е̑п̃па Моглѐньскаго, къ немже й како прѣнесень бы̆ къ прѣсла́вныи гра̑ трънновь. съписано кирї е̑удѵмїемь патрїа́рхѡ̑ трънѡвьскыимь бл̃ви ѡ́ч̃е.** Нач. **Сла̑ва оу̑бѡ настожщїа жӥзнь, нж бесмр̑тїе въсѣкож сла́дости сла̑чѣише.** Текстъ совпадаетъ съ изданнымъ Даничичемъ (Starine, I, 66—85). Пропускъ, вслѣдствіе пропажи листа (**късѣхъ ıесть чьстнѣишїи животворещїи кръсть—тогда ıавитсе**), соотвѣтствуетъ стр. 73 печатнаго текста.

161. Житіе Василія Новаго.

Рукопись въ 4 д. л. на 133 листахъ, сильно попорченная червями, безъ конца, съ большимъ пропускомъ въ началѣ: не достаетъ 7 листковъ въ 1-й тетради (по восьми листковъ), во второй тетради—2-хъ, всей третьей тетради, въ четвертой опять двухъ листковъ. Письмо—широкій сербскій полууставъ XVII в.

Л. 1 (подъ плохой киноварной заставкой). **Жи́тїе ї. жӥзнь й по́чьсть й чюдесь. е̔казанїе прп̃бнаго ѿц̃а нашего̀ васѝлїа нова́го̀ и̑спи́са́нно г̑ригорїе́мь мнихѡ̑ оу̑чѐникѡ̑ ıе́го.—Непостижи́маагѡ̀ ба̃ о̑ чл̃чьсцѣ̑ родѣ̀ прѣбл̃гаго̀ чл̃колюбїа́ й бл̃го̀стины̀ прѣмоудрьнно̀ й неизрѣнно́ стрѣщыи.**

Обрывается: **Ты̑ покелѣ ѡ̑ньже кьложы тѣ̑л е̑тго́ въ ра́кꙋ прѣнесе е̑го въ е̔вои мона́стырь и̑же бѣше близь е̔тоую̑ мн̃икꙋ ф̑лора...** (л. 133 об).

Т. о. нехватаетъ очень немногаго.

Текстъ тотъ же, что̀ въ Макарьевской минеѣ, Мартъ, 26 ч. (л. 748). Переплета нѣтъ.

162. Сборникъ.

Рукопись въ 4 д. л. на 192 л., изъ коихъ л. 1—184 на толстой грубой бумагѣ (водяные знаки: шкура, голова единорога; см. у Лихачева „Водян. знаки“ № 761 до 764—1348 г.; ср. № 2130, 2131, 2148—ок. 1361 г., и

№ 2189—1353 г.) съ широкими vergeures (см. Лихачева, у. с. I, табл. IV—1355—6 г. и 1372 г.), л. 185—192 на пергаминѣ. Въ началѣ рукописи потеряны листы, повидимому 1-й, 3—6-й (между л. 1—2 теперешняго счета), 8-й (между 2—3 л.), 9-й (между 2—3 л.): тетради складывались по 8 листковъ, но не мѣчены (позднѣе, кое-гдѣ помѣты проставлены, внизу по срединѣ); конца рукоп. нѣтъ, внутри кое-гдѣ нѣтъ листовъ. Письмо—полууставъ половины XIV в. (м. б. 3-й четверти).

1) Въ текстѣ довольно часты лигатуры: а+у (л. 1), м+у (1 об., 64), л+у (58 об.), т+р (58 об.) к+у (5 об.), ѡ+ц (13).

2) Паеркъ б. ч. правильно, но часто и пропускается: насьтихомсе слышавше, 6.

3) ' часто на гласной, часто начальной, но и на ь и конечной гласной: рѣкы тоѥ, ꙗко, вьстока̂, жльтѣ̂, снѣга̂ 6, ѕѣло̂ 5 об.

4) оу преобладаетъ, ꙋ почти не встрѣчается (см. л. 65).

5) ѡ (широкое)—въ началѣ словъ чаще, нежели ѡ.

6) ѥ—выдержано правильно; въ концѣ строкъ надъ буквами—ѣ (рѣшѣ 190 об., идѣшѣ 110); очень рѣдко є.

7) т—высокое Т—въ концѣ строкъ (163 об., 164).

8) Очное о изрѣдка (л. 14 об.), двойное оо=ѡ (л. 22).

Правописаніе сербское, довольно часты архаическія формы склоненій и спряженій (главн. обр. imperfectum); кое-гдѣ болгаризмы.

На поляхъ рукописи—позднѣйшія записи; важнѣйшія изъ нихъ:

1) видите брака пеіте на ѿва̂ꙗ книга чꙋдеса ѿ хр҇та сꙋлма̂ꙗ псалѫ дімe тодоровѫ щіо—рука XVIII—XIX в. (л. 56).

2) ѿ (?)х҇а б҇а ма҇ть и ѿ пр҇чтіе бц҇е сьхраненіе дш҇и сп҇сеніе мно҇ ма҇ниха троіцꙋ на сьхраненіє т҇е и чедꙋ твоєм҇у кѡстандинꙋ и и ти зн҇а кьди навѣше ꙋ скопию градꙋ сь материю своею и азь ꙋписа҇х м҇литвꙋ тре҇х ѿтрѡ҇ ананію азарію мисаилѣ и пр҇рка данила и дах ти на помощь да м҇лю те ꙗко х҇толюбикꙋю да по҇сти ми ма҇тиню ере имамь црк҇о поновиты—рука XV—XVI в. (л. 116).

3) 1876 лето месецъ октовърия 4 денъ, аѫѫа мене; пеѫ(=ч)еница, осѫмака, октоврия 5; пѫченица к. (л. 122).

4) + б҇ъ да прост҇и радꙋслава и помен҇е (л. 150, вверху киноварью)—рука таже что въ записи подъ № 2.

5) + помѣни ме г҇ы помѣни ст҇и іег҇а придеши вь ц҇а (л. 158)—рука XVII в.

Переплетъ—доски въ кожѣ—разбитъ.

Составъ.

1)[1]) л. 1. Безъ начала отрывокъ какого-то слова, повидимому, на входъ въ Іерусалимъ и о Лазарѣ; **мене сь собою въскрсить тѣмь же и мы възлюблюенный потьщимсе спѣшно очнувше си мракь мысльны послѣ(доуимь?) по хѣ въ нашемь. да оузримь..... реща прѣдивно.** Конецъ: **и мы братие поревноуимь тѣх образы на се възмѣмь. да и мы воу дроузы створимсе. добрааа дѣла твоа створше. сь младенци вѣтвы дрьжеще. да срещемь юего славеще и въпиюще· блнь греды вь име гние. вь гависе намь.**

2) л. 2 об. **Бите стг мариа иже ие обрѣтень близь раа гако дале .к. прьпрь.—Молимсе мы** (разура) **и недонний оци серги и деофиль и гиипь. вси прпвны оци и братие братие бытие. Отвѣщавшема се житиа мира сего лѣтнаго** (рузура) **вънидохмь вь монастырь оца асклипиа· вь месапотамии сурстѣи.**

Текстъ въ томъ же переводѣ, что̀ и въ Паисіевскомъ сборникѣ (см. Тихонравовъ, Пам. отреч. лит., II, 59 и сл.). У насъ между л. 2 и 3 пропускъ—около страницы печатнаго текста; есть и варьянты.

3) л. 14. **Сказание оца нашего іоа злауста о оумершихъ.—Приносимо сло от прьвых дни и до селѣ о словесех наказаниа. оутѣшение дши почиваеть мыслию. мнози бо вчера с нами бывше. нь днь вь воу отзвани соуть.**

Кое-гдѣ болгаризмы: **лежоущаго** (21 об., 24) **лежоуть** (24).

4) л. 29 об. **Сказание о прьвомь вѣцѣ и о прьвосьзданѣм адамѣ.—Искони сьтвори бь нбо и землю и вьсь мирь. и всоу вселеноую вь .ѕ. дни.**

5) л. 40. **Сло іоа злаустаго о младенцих иже избы Іро.—Хотѣль быхь прно вьноу дховное повѣдати. послоушаю павла глюща дховнаа дховнимь сказающи.**

6) л. 44. **Сло іоа злаустаго о алкани і млти.—Днь възлюблены врачеви поклонимсе. се бо настаеть алкание дшамь и тѣломь спсение продающи.**

7) л. 45 об. **Вопрошение андиоха кнеза и отвѣти блжнаго оца нашего епспа адасиа о польных.—Вьпро а. от соущства ли свѣта сего соуть агглы или от кых вещии. Отвѣт. Іеалицѣм же е слнце оунѣе звѣзь. толицѣм же е зракь агглы всее вдимие твари.**

Сюда же относится л. 121 и об. (мѣсто его между л. 57 и 58-мъ). Редакція любопытная; ср. А. С. Архангельскаго, „Творенія отцовъ ц. въ др.-рус. письменности“, I—II (Казань, 1889), стр. 17 и сл.

8) л. 58. **Стмоу оцоу моусею заповѣдание и вьпрошение словьсь его.—И еще же рече моусии. не кльнѣте дроугь дроуга. не рци грѣшныкоу грѣшникь еси**

---

[1]) Всѣ статьи сборника позднѣе перенумерованы, но съ ошибкой: два раза **кі** и пропущено **гі**.

9) л. 58 об. Сло стго іѡа златоустаго въ памѧ стоую аплоу петроу и паоу.— Небоу и земли реть вижоу. настоющаго ра празника.

Между л. 63 и 64 пропалъ листъ; поэтому нѣтъ конца слова и начала слѣдующаго.

10) л. 64 (безъ начала). Слово на Рождество Христово: свободоу же да родоу члвчкомоу дрьжимоу ѿ прьваго члка до ннꙗ. тѣм же и мы нꙗ прославимь пришаго въ своꙗ.

11) л. 68. Сло на крьщеніе гнѥ.—Хъ гь свѣть великыи. въ сы свѣтлы днь пришдь къ іѡаноу блговѣщаю вы братиѥ.

12) л. 77. Сло стго ѡца ншего ѥвсевиꙗ ѥппа алеѯдрьскаго ѡ прѣдани га ншего іс ха и ѡ пришьтвн іѡа прдтча вь адь.—Възлюблѥныи, добро ѥс рещи. каково ѥс блвѣщениѥ прдтче въ адь.

Ср. Гласник Српског Уч. Др., 63, стр. 78 и сл.

14) л. 87 об. Похожденниѥ моукамь стыѥ бце, где моучитье ршд хрстьꙗн...— Пришдши прчтаꙗ на горою ѥлеѡнскоую и помлисе гоу боу ншемоу створши млтвоу. въ име ѡца и сна и стго дха. да снидеть къ мнѣ архггль михаиль.

Текстъ иной, нежели у Н. С. Тихонравова, Пам. отр. лит. II, 30; такъ же отличенъ и отъ старѣйшаго (ibid. II, 23). Для сравненія:

и ре кꙑ нѥи архистратигꙑ. коудѣ хощеши благодатнаꙗ. да изыдемꙑ на полоудне. или на полоуношь. и рече блгдатьнаꙗ. да изыдемꙑ на полоудне. и тꙑгда обратишаса хѣрокими и серафими. и .у. англꙑ изведоша бцю на полоудне. идеже рѣка исхожаше огньна. и тоу бѧше множьство моужь и женꙑ. и бѧхоу погроужени. ови до поꙗса. ови до пазоуxоу.... (XII в., Тих. 24).

и ре міхаиль камо хощеши прѣста да изидемь. и ре бца изидемь на полꙋдны. и пристꙋпише херꙋфимь и страшни серафимь. и ѿнесоше бцꙋ оу полꙋдне и ѿтдꙋ исхождаше река ѡгнна. и тꙋ стоꙗше народ мно мꙋжіе и жени. ѡви до врьха ѡви до віе. ѡві же до поꙗса дрꙋзи до прьсех. (XV в., Тих. 33).

и въпроси прчтаꙗ михаила. камо хощемь на исход ли и на полоудне. и авиѥ пристоупише хероувими и серафими .оу. аггль. и вьзнесоше прчтоую на полоудне. ѿтноуджe исходить ѡгньнаꙗ рѣка. и в нѥи народ многь. ѥдни до выѥ. ѡви же до поꙗса. ѡви до врьха (л. 88 об.).

15) л. 96 об. Сло блжнаго ава марниꙗ ѡ исхꙗдь дши.—Бы члкь бгочтьць и блвѣрнь въ градѣ велицѣмь римѣ хлюбивь и братолюбивь и нищелюбивь ба боѥсе по все дни.

О мертвой главѣ; ср. Θ. Батюшковъ „Споръ души съ тѣломъ“ (Спб. 1891), стр. 108.

16) л. 104. Мц҃а марта. зı҃. жи҃ѥ бл҃жнаго алексиꙗ чл҃ка бж҃иꙗ.—Бы҃ члв҃къ вѣ҃рнь вь рим҃цѣ градѣ, именемь ефимиꙗнь славень цр҃емь рим҃кымь ѥнориѥмь и ар҃кадиѥмь.

17) л. 113 об. Сл҃о ст҃го ѡц҃а н҃шего агапиꙗ҃ р҃е во чесо ра҃д ѿтавлꙗѥть чл҃къ ѡц҃а и мт҃рь женоу и дѣти и вьзметь кр҃ть и вьслѣ҃д х҃а поидеть. ꙗкоже гл҃е ст҃оѥ ѥу҃лиѥ.—Агапиѥ ѡ҃ць н҃шь из мла҃да начетъ б҃а боꙗтисе. и заповѣди ѥго творити. живы вь домоу своѥмь л҃ѣ. ѕı҃.

Ср. А. Поповъ „Библ. Мат.“ I (М. 1879), стр. 41.

18) л. 122 об. Сл҃о іѡ҃а бгословца ѡ҃ пришьви х҃вѣ.—По вьзн҃ени г҃а нашего іс х҃а. ѿ горы ѥлеѡ҃нкыѥ азь іѡ҃ь вьш҃дь на гороу даво҃ркоую. на нѥ҃же пришь҃твиѥ своѥ прослави б҃ь.

Ср. Пам. отр. лит. II, 174 и 182; отклоненій много.

19) л. 132 об. Мн҃иѥ ст҃го великом҃ка димитриꙗ.—Максимиꙗнь и ѥркылии прим҃тли готыи и савроматыи вь римлꙗном же низьш҃дь вь солоу҃нскы градь тоу живѣше дѣмоночьт҃ць.

20) л. 139 об. Мн҃иѥ ст҃го м҃ка деѡ҃дра стратила.—Іако же сиꙗеть сл҃нце видѣщимъ тако же ѡ м҃цѣхь словеса послоушающимь.

21) л. 146 об. Сло҃ ст҃го іѡ҃а злаустаго бл҃говѣщению пр҃ст҃ыѥ б҃це и пр҃нодв҃ѣи мр҃іи.—Пакы радо҃ноѥ бл҃говѣщениѥ. пакы свобо҃дноѥ вьзвѣщениѥ. пакы вьзваниѥ.

22) л. 152. Жи҃ѥ ст҃го ксенофонта и соупрогы ѥго и чедоу ѥго іѡ҃а и аркадиꙗ. Сказаниѥ ѡ ст҃ѣмь ксенофонѣ.—Бѣше тъ моужь бл҃говѣрень на все заповѣди бж҃иѥ повиньнь. имѣꙗше же и соупроужиѥ.

23) л. 165 об. Сло҃ ст҃го іѡ҃а злаустаго ѡ҃ соуѥтнѣи жизни мира сего. и ѿвращениѥ д҃шамь вь оутѣхоу.—Елико жиз҃ни с҃еѥ соуѥтныѥ и гывноущеѥ вещи ѿтависте.

24) л. 170 об. Сказаниѥ ст҃ыѥ не҃дле. сказано ст҃ымь ѥвсевиѥмь еп҃коупомь цр҃игра҃д.—По оутрьны вь ст҃ыѥ не҃дле. сѣдещоу бл҃жномоу ѥп҃поу, приш҃ь але҃з҃рь вьпроси бл҃жнаго еп҃па гл҃е. вьпрашаю те г҃и чесо ра҃д не дѣлаѥмь в҃ не҃длю, ꙗкоже дѣлаѥмь вь ины дн҃и. бл҃жни ѥв҃севи р҃е. сл҃ы чедо алекз҃дре. и рекоу ти ѡ҃ вс҃ѣх бл҃гых вышших вь дн҃ь ст҃ые н҃дле. вь тъ дн҃ь г҃ь своимь оученикомь пре҃да таинаꙗ. и вьземь хлѣвъ бл҃ви, и прѣломь да҃ своимь оуч҃никомь и ап҃лмь рекъ примѣтѣ и ꙗдите с҃е ѥ҃ тѣло моѥ. и ва҃ ра҃д ломитсе вь ѡ҃тавле(ниѥ).

Здѣсь кончается отрывокъ вмѣстѣ съ л. 170; далѣе—пропускъ, приблизительно въ листъ; на л. 171 продолжается текстъ: юго wсоуж^д аютъ. ни се прогнѣвани ни мала ни на велика въ тѣ днь.

25) л. 177. (безъ начала)[1]—Откровеніе св. апостоламъ: на все дни пищоу. того блжеть всн роды землю и агтли бжи стоюще противоу юмоу потирають роукописание грѣхъ юго.

Единственный, доселѣ извѣстный текстъ (XIII—XIV в.) изданъ М. И. Соколовымъ: „Замѣтки и матеріалы по старинной славянской литературѣ I (№ 1—5) (М. 1888, изъ XI т. Изв. Института въ Нѣжинѣ), стр. 68—72. Греческій (не подходящій вполнѣ къ славянскому) текстъ указанъ и изданъ въ отрывкѣ XVI в. И. В. Ягичемъ въ рецензіи на книгу М. И. Соколова (Спб. 1892), стр. 24—27. Нашъ текстъ по переводу тотъ же, что и старшій, но даетъ нѣсколько мелкихъ отклоненій, главн. обр. въ чтеніяхъ текста, кое-гдѣ и древнѣе изданнаго.

26) л. 182. Мца авгоу. кд. оусѣчение главы Іwа кртля.—Іако се моужь юдинь любе поустыню. на мѣстѣ юдинномь сѣде под сѣнию при водѣ доброгласными пѣсками птичими и дрѣвнимь шоумомь движемь кротокь имѣяше смысль.

27) л. 188. Сло Іwа вгослоbца на оуспение прстые бце прнодвы мрние.—Стѣи и прѣславнѣи бци прнодвѣи мріи по обычаю ходещи на сты гробь га нашего іса ха кадити.

См. „Библіографич. Мат.“ А. Н. Попова, II—VII (М. 1880), стр. 9 и 24. Текстъ обрывается съ концомъ рукописи.

163. Сборникъ.

Цѣлый рядъ тетрадокъ въ 4 д. л., печатныхъ и рукописныхъ XVIII в. большею частью, сплетенныхъ вмѣстѣ.

I. (Печатн.) *Θеофана Прокоповича* Слово о власти и чести царской. Спб. 1718. См. Пекарскій, Наука и лит. при Петрѣ, II, 404 (№ 364), Слова и рѣчи Θеофана (Спб. 1760), I, 237. Перваго листка нѣтъ.

II. (Печатн.) *Афанасія*, архим. Спасскаго Ярославскаго мон., Слово панегирическое въ честь креста св. Андрея. Спб. 1725.

III. (Печатн.) *Θеофана Прокоповича* Слово на похвалу памяти Петра Великаго. Спб. 1725.—См. Слова и рѣчи Θеофана, II (Спб. 1761), 135.

IV. (Печатн.) *Гавріила Бужинскаго* Сл. на день годичнаго поминовенія Петра Великаго. Спб. 1726.— Ср. Сопиковъ I, № 1128.

[1]) Л. 180 об., какъ тонкій и протекавшій, оставленъ чистымъ.

V. (Печатн.) *Варлаама,* еп. Коломенскаго и Каширскаго, Сл. на день св. Екатерины, пресл. тезоименитства Е. И. В. Екатерины Алексіевны... Спб. 1736. См. Сопиковъ I, № 1135.

VI. (Печатн.) *Өеофана Прокоповича.* Слово на погребеніи Имп. Екатерины Алексіевны. Спб. 1727. См. Слова и рѣчи Өеофана, II, (Спб. 1761), 193.

VII. *Өеофана Прокоповича.* Слово на погребеніе Вел. Княжны Параскевы Іоанновны, въ Москвѣ въ 1731 г., ноября 1 дня.—Письмо половины XVIII в. на 12 л.—Ср. Слова и рѣчи, III (Спб. 1762), 83.

VIII. *Его-же.* Слово въ день вшествія на престолъ Имп. Анны Іоанновны, 19 янв. 1733 г.—письмо половины XVIII в. на 13 л. Въ средину слова вставленъ ошибкой № IX.—Ср. Слова и рѣчи, III (Спб. 1762), стр. 175.

IX. *Его-же.* Слово въ день рожденія Е. И. В. Петра II, окт. 12 дня 1727 г.—письмо половины XVIII в. на 9 л.; см. Слова и рѣчи, II, 203.

X. *Его-же.* Слово о взятіи г. Гданска, 8 іюля 1734 г.—того же письма на 7 л.; см. Слова и рѣчи, III, 233.

XI. (Анонимное) Слово въ день св. всехв. муч. Варвары 1739 г. дек. 4 проповѣданное. На текстъ: „Проидохомъ сквозѣ огнь и воду...." пс. 65. Скоропись, современная датѣ, повидимому, черновикъ, на 12 л. На оборотѣ, иной руки подпись: „Іерей Николай Огіевскій".

XII. (Безъ заглавія) Слово на текстъ: „Правда и судьба уготованіе престола твоего" (пс. 88).—Слово на восшествіе на престолъ Анны Іоанновны. Всего 19 листковъ, конца нѣтъ. На л. 20 постороннія записи: нѣсколько разъ, разными почерками—„Гетманъ графъ Кирилъ Разумовскій".

XIII. (Печатное) *Арсенія,* митр. Ростовскаго и Ярославскаго. Слово на день Петра и Павла. М. 1742 г.; см. Сопиковъ I, № 1143.

XIV. (Печатное) *Его-же.* Слово въ день освященія церкви Николы въ Новой Басманной. М. 1742 г.; см. Сопиковъ, I, № 1142.

XV. (Печатное) *Димитрія Сѣченова.* Слово въ день Казанской Б. М.—М. 1743 (Слово говорено 8 іюля 1742 г.); у Сопикова I, № 1181, Спб. 1742 (?).

XVI. (Анонимное) Слово благодарственное о состоявшейся подъ Хотинемъ преславной надъ туркомъ побѣдѣ и взятіи крѣпости турецкой Хотиня.—На слова: I. Кор. 21, 15. Современная скоропись на 13 листкахъ.

XVIII. (Анонимное) „Наше житіе на небесѣхъ"—слово на текстъ посланія къ Филип., гл. 3, зач. 246. Въ концѣ слова упоминаются Императрица (Елизавета) съ вел. кн. Петромъ Феодоровичемъ, вел.

кн. Екатериной Алексѣевной и вел. княземъ Павломъ Петровичемъ— Всего 9 листовъ.

XVIII. (Печатное) *Арсенія Могилеанскаго.* Рѣчь въ Троицкой Лаврѣ Ея Величеству 6 іюня 1744 г. См. Сопиковъ, IV, № 19989.—При рѣчи подъ общимъ счетомъ: 1) (стр. 21—52) Стихи и канты къ пришествію въ Троицкую лавру (6 іюня 1744) Ея Вел. и Его Высоч.; см. Сопиковъ, IV, № 11512 и 2) (стр. 53—59) Указы Елизаветы Лаврѣ по поводу ея пребыванія.

XIX. *Школьное дѣйство:* безъ заглавія, на 6 листкахъ, плохой скорописи XVIII в. южно-русской; писано въ два столбца. Всѣхъ явленій 6 и прологъ. Дѣйствующія лица: Мудрость, Буйство (явл. 1), Еллинство, Ветхость, Вѣра (явл. 2), Вѣра и Душа грѣшная (явл. 3), Разбойникъ и Покаяніе (явл. 4), Благовѣстіе, Нагота (явл. 5), Милосердіе, Хромій, Прокаженный, Нагота, Благовѣстіе (явл. 6).

На верху, иной рукой, надпись: „Господи, благослови слагати дело ad M. I. D. G. O.“ Внизу на л. 6 об. подпись: „...... Malacky“. Рукопись, повидимому, черновая.

XX. (Анонимное) Слово въ недѣлю по просвѣщеніи или вторія недѣли по всѣхъ святыхъ. На текстъ зач. 9: „Прохождаше всю Галилею Іисусъ“.—Рукоп. на 14 л., черновая, поправки, половины XVIII ст.

XXI. Слово на текстъ: „Идѣже бо есть сокровище ваше.. “, анонимное, черновое, той же руки, что̀ и предъидущее, на 5 листахъ.

XXII. Sermo funebris dictus super D-num Krzywkowski anno D-ni 1686.—Польская проповѣдь на 4 листкахъ современной убористой скорописи. На верху рукой XVIII в.: „Сіе и разобрать нельзя и не знаю сихъ словъ“.

XXIII. Sermo pro die sabbato, quo redduntur gratiae Beatissimae Virgini, на текстъ: „Ko Bogorodici nini pritecym hrysznyi“—по польски на 4 листкахъ, той же руки, что и предъидущая тетрадка.

XXIV. Слово на текстъ: „Вѣсть Отецъ вашъ, ихже требуете“, на 18 листкахъ; въ словѣ—обращеніе къ Елизаветѣ Петровнѣ. На оборотѣ л. 18 запись: „Прочитивалы сію книгу студенты академіи Кіевской, Григорій Лвицкій Димитеръ избы богословской и Лука Мензиховскій директоръ избы философской 1784 года Ноября 17 дня“.

XXV. Слово на воздвиженіе, на текстъ: „Аще кто хощетъ по мнѣ ити....“—южно-русская скоропись, на 7 листахъ; въ концѣ запись: Dicta in ecclesia s. Sophiae 1742 septembris 14 die per me Hyerodiaconum Theodosium Smorzewski, grammatices professorem.

XXVI. а) Проповѣдь первой недѣли поста, б) проповѣдь (второй) недѣли, в) проповѣдь третей нед. поста—конспекты на 5 листкахъ, южнаго письма XVIII в.

XXVII. Слово недѣлю 4-ую; того же письма на 7 листахъ.

XXVIII. Contio de pane, на текстъ Мѳ. гл. 14, на 7 листкахъ.

XXIX. Contio Joannis, thema: „И видѣхъ жену", на 8 листахъ.

XXX. Contio inceptionis: „Возрадуемся и возвеселимся о тебѣ", на 7 листахъ.

№№ XXVII—XXX—всѣ южнаго письма XVIII в.

XXXI. *Іоанна Нарожницкаго.* Слово на текстъ: „Пріяхомъ, Боже, милость твою....", 1742 года, на 9 л., скоропись XVIII в. Ср. Сопиковъ I, № 1208.

XXXII. Слово на текстъ: „Радуйся, древо благосѣннолиственное..." южная скоропись XVIII в. на 7 листахъ.

XXXIII. а) Записи польскія—выписки, б) Contio novi anni: „Поновѣте себѣ поле....", скоропись на 8 листкахъ.

XXXIV. Ostalny...... Herbownego Leliwy J. O. senatorskiego ymienia i Domu przy fatalnym J. O. jego m. P. Adama Mikolaia z granowa Sieniawskiego, kasztalana krakowskiego, hetmana welkiego koronnego ect..... Стихотворенія польскія.

XXXV. Descensus bicoli de Parnasso in notitiam epistolarum. Руководство къ епистолографіи; дѣлится на vestibula, всего 8 листковъ красиваго письма латинскаго половины XVIII в.

XXXVI. Слово о взятіи Азова; наброски, черновая на 7 листахъ; скоропись южная XVIII в.

XXXVII. Слово въ нед. 1-го поста о божескомъ милосердіи, на текстъ: „Восхотѣ Іусусъ изыти въ Галилею и обрѣте Петра". Скоропись половины XVIII в. на 10 л.

XXXVIII. *Ѳеофана Прокоповича.* Слово о Симеонѣ и Аннѣ. Скоропись XVIII в. на 18 л. См. Слова и рѣчи, III, 53.

XXXIX. Выписки рукой XVIII в., по латыни большей частью, на 11 листахъ; между ними: Praefatie in Speculo Saxonum, Titulus imperatoris turcorum, Notationes perbreves de satrapis ac regibus Turcicis и т. п.

XL. О ангелахъ—выписки: что есть ангелъ? когда сотворены ангелы? и т. д., на 3 листкахъ южнаго письма XVIII в.

XLI. Рядъ мелкихъ выписокъ изъ различныхъ книгъ: житій святыхъ, о Богородицѣ, душахъ праведныхъ, о богахъ еллинскихъ, о молитвѣ, о Богѣ, о рожденіи и не сотвореніи и т. д. Всего 13 листковъ, скверное письмо XVIII в. половины.

Сборникъ въ картонномъ переплетѣ.

164. (Общ.) **Сборникъ указовъ.**

Рукопись въ листъ на 94 л., письмо разныхъ рукъ XVIII в.

Копіи съ указовъ и распоряженій, касающихся Малороссіи. Начатъ составленіемъ въ 1772 году; подпись внизу по л. 7—94: „съ числа

книгъ вахмистра новоконфирмованныхъ малороссійскихъ компанейскихъ полковъ Григорія Джури въ ней листовъ писанныхъ и чистыхъ семдесятъ одинъ а написаны указы разніе имъ же Григоріемъ Джурою въ тысяча семсотъ семдесятъ второго году въ сентябрѣ мѣсяци. А подписана въ тысяча семсотъ семдесятъ седмомъ году инваря (пят)надцатаго дня".

На л. 94 об—подпись того же Григорія Джуры. Время, обнимаемое указами, съ Петра Великаго, кончая 80-ми годами XVIII ст. Кромѣ указовъ и распоряженій есть выписки и замѣтки историческаго характера, напр. (л. 1): Рѣчь Карла Шведскаго къ войску и пророчество Петра I, (л. 2—3) Поздравительныя рѣчи Императрицѣ Екатеринѣ въ Новгородѣ Сѣверскомъ, Печерской Лаврѣ, (л. 5). Рѣчь Конисскаго Георгія къ Августу Понятовскому и др.

Отъ Павла Петр. Лютого (г. Глуховъ).

165. Скрижаль Никонова.

Рукоп. въ 4 д. л. на 646 листахъ, скоропись XVIII в. (половины), конца нѣтъ. Внизу по л. 1—10: „Сія книга Скрижали переписана 1745 году юня 18 с печатной Кирила Кулаковского, сотника полкового Нѣжинского".

Копія съ печатнаго московскаго изданія 1655—56 года. Разница только въ томъ, что въ рукописи оглавленіе и предисловіе переставлены въ обратномъ порядкѣ; въ оглавленіи сохранены даже страницы подлинника.

166. Новый лѣтописецъ.

Рукоп. въ 4 д. л. на 441 л. (по старинному счету 12—452), скоропись второй половины XVII в.; рукопись безъ начала: недостаетъ 1—11 листовъ, на которыхъ было оглавленіе главъ 1—195.

Л. 12. Оглавленіе: О побое на литовскихъ людей подъ Юрьевцомъ Повольскимъ—196. Послѣдняя глава: 429-я: О рожденіи царевны и великие княжны Анны Михайловны; л. 25—26 пустые.

Л. 27. Кнга глемая лѣтописецъ новый.—Степень цря и великого кнзя Феѡдора Іѡанновича всея Росиі в нѣже ісперва немногия главы црства цря и великаго кнзя Іѡанна Васильевича всея Россіи. Начася писати въ ꙁчк году (1584).

Л. 27 об. О взятіи црства сибирскаго.—а. Отъ царствующаго града Москвы на восточную страну есть царство сибирское.

Л. 449 об. чистый; на л. 450 рукой писавшаго: „Сия тетрать Стеѳана Никифоровича Кудрявцова"; л. 450 об.—452 пустые.

167. Учебникъ морского дѣла.

Рукоп. въ 4 д. л. на 239 л., скоропись Петровскаго времени съ рядомъ рисунковъ, чертежей и таблицъ.

Сюда входятъ: тригонометрія плоская, ученіе о проэкціи, объ опредѣленіи направленія судна. Въ задачахъ упоминается 1708 годъ.

Въ концѣ (л. 270) рядъ рецептовъ для „потешныхъ вещей" (фейерверковъ).

Л. 286. Табель кораблямъ, коликое число обреталось у Его Царскаго величества всероссійскаго Императора Петра Перваго во флоте кораблей фрегатовъ и шнявъ съ 1715 году (Далѣе перечень 26 кораблей; въ концѣ перечня: „Итого всехъ линейныхъ кораблей шнявъ фрегатовъ и за болезнию въ гаваняхъ 41 по 718 годъ").

Самыя позднія замѣтки и приписки относятся къ 1735—36 годамъ.

Рукоп. въ соврем. кожаномъ переплетѣ.

Отъ М. Сперанскаго.

168. Отрывки.

I. Отрывокъ въ 8 д. л. на 9 л. сербскаго письма XVII вѣка; по помѣтѣ внизу сохранились тетради (по 8 листковъ): г҃—6 листковъ, аі҃—2 листка и листокъ тетради в҃і.

Л. 1. (безъ начала)—Изреченія отца къ сыну: Сн҃оу блю́ди добра дроуга и҆ почи́таи е҆го, поне́же а҆ще ѡ҆брѣщетъ те печална разговоръ ти боудетъ. а҆ще ли ра́дость въ бл҃гости боу́детъ.... Ро́боамь беше сн҃ь со́ломонов, аі҃ црьтвіа дрьжаше. бла́стеле же е҆го събра́ше се и҆ ре́коше е҆моу. госпо́дине посла́ви ни ѡ҆роу́жіе... робоа́мь црь рече. а҆на́деꙋа да е҆ст и҆же кто не послꙋшаеть старіихъ.... (л. 1 об.—2 об.) Сн҃оу е҆гда́ въ чюжь домь вънидѣши. доли ѡ҆чи тво да гледаю́ть да́ не въ что въпаднеши. ꙗ҆ко и҆ і҆юда прѣдатель боудѣши... (л. 4 об.--5).

Взято изъ поученія Акира къ Анадану (см. л. 9).

Л. 9 об. А҆ се ѿ врачевника, е҆гда кто̀ болить ѡ҆чима́.—Дивіе маслицѝ листвіе ра́стльци.... и҆ сокь бьлѣи въ съсоуд и҆ да стои̇, г҃. дніи, потом въꙁима́и и҆ ѿ него помазꙋи ѡ҆чи. пелин растльци добрѣ и҆ смеси с медом и҆ полагаи̇ на ѡ҆чи. трьсти зелене листвіе растльци добрѣ и҆ли стрꙋготине ѿ тиквѣ зелене, и҆зьждимь со́кь же смеси съ е҆трицами (весь островокъ). Въ рукописи кое-гдѣ народныя формы: гра́дскога, кꙋкиѥ (9), ѡ҆ще (2), злобе (р. и. 6 об.) тога (7 об.); любопытенъ оборотъ: е҆зи́кь бо е҆ст помень ѿ въсе́го (л. 6).

II. Два отрывка поученій. Два листка (по помѣтѣ XVII в. листы 19 и 88-й) изъ полууставной рукописи въ небольшую четвертку, XV вѣка, русскаго письма; на поляхъ польскія записи, частью западно-русскія.

Въ первомъ отрывкѣ рѣчь идетъ о постѣ, главн. обр. четыредесятницѣ; выписка: прѣлагаеть нынѣ сего въспоминаніе въ вкꙋсѣ четвередесят-

ница. да помнаще ѐлико зло еже не поговѣти въведе. дръзнемъ постъ радостнѣ пѡати и съхранити. да ꙗко оубо ѐгоже погрѣши адамъ ѿвоженіа. ꙗвѣ мы того ради полоучим рыдающеся и постащеся.

Второй листокъ, повидимому, изъ страстнаго поученія: которыма жалы не оуꙗзвѣаше дшю, которыми стрѣлами не прободаше срце. которыми копіи не растръзаше жтробоу. тѣмже и неоудръжима вѣ ѿ дроугынь съболѣзноующих и съѿплакающих тоую бѣдоу еже на далече стоꙗти. но съдроганіе срчное тръпѣти не могоущи.

Листки вынуты изъ з.-русской служебной минеи № 157.

III. Откровеніе Варуха. Два листка въ 8 д. л., скоропись сербская XVII в. Привожу отрывокъ этого рѣдкаго текста цѣликомъ (раскрывши титла): (л. 1.) гл(агол)ет(ь) вседръжитель посла ме прѣд(ь) лицѣмь твоимь. да ти скажꙋ вса таина. да видить еже чл(овѣ)кь не виде никогдаже. азь е варꙋх(ь) рех(ь) къ агг(е)лꙋ живь гь бь мой аще поимеши ме съ собою и оузрꙋ н(е)б(е)са. живь гь и да приложꙋ ѿ них(ь) слово ниедино. аще ли приложꙋ, то да приложить мнѣ гь зла въ днь соудный. и поѧт мѣ агг(е)ль гнь и поведе ме на прьвое н(е)бо. и вѣше оутвръждено. и на томжде н(е)б(е)си показа ми двѣри великіе зѣло и реч(е) ми агг(е)ль гнь вънидевѣ въ двѣри сіе. и вънидоховѣ въ двѣри. ꙗко шьствіа. л. дни. и показа ми б(о)жіе сп(а)сеніе. и видех(ь) полю великое. и вѣхꙋ чл(овѣ)ци живꙋщей имже лица вѣхꙋ волꙋꙗ. а рози кози. а ногы елени а чрѣва ѿвнꙗ. и въпросих(ь) агг(е)ла и рехъ скажи ми ги. колико ес(ть) (об.) широта н(е)б(ес)на. еже прѣидохове и что ес(ть) полѐ прѣвеликое. да и азь покажꙋ с(ы)номь чл(овѣ)чьскым(ь). и ре ми агг(е)ль гнь. слыши рабѣ б(о)жій. двѣри иже видіши. имже прѣидоховѣ. колико ес(ть) ѿ въстока до запада. толико ес(ть) ѿ н(е)б(е)сь до землю. и толико ес(ть) широта н(е)б(е)сна двое. гдѣ же стоꙗхове прѣвелико ес(ть). и рех(ь) къ агг(е)лꙋ, а си иноѡбразни что соуть. и реч(е) ми агг(е)ль си сꙋт(ь) иноѡбразни иже сътворіше стльпь с каменіемъ. и прѣѡбрази их(ь) гь тако. и поѧт ме агг(е)ль и поведе ме на второе н(е)бо. и видех(ь) двѣри великіе ѿврьсти. и вънидохѡм(ь). ходеще въ них(ь) ꙗко. з. дни. и показа ми клѣть великою. и вѣхꙋ въ клѣти люде живꙋщи иноѡбразни. имже вѣхꙋ лица псіꙗ. а ногы елены. а рози кози. и въпросих(ь) агг(е)ла кто сꙋть ги мой. (л. 2) и реч(е) ми си сꙋт(ь) старѣйшина тѣмь иже стльпь създаше. хотеще на н(е)бо възлести. и тако живꙋт(ь) здѣ. ты бо изгнаше всꙋ землю свою. и сътворіше стльпь. тоу вѣше видети вьсе хитрости. ѡвы дрьва секꙋще. а ѡвы каменіе съвирающе. а ини стрꙋжꙋще. а дрꙋзи кврь метꙋще. тоу

вѣше тоуга велика всѣм(ь) людмъ тѣмъ. ѿ въстока и до запад(а). многа скрьбь бивашe въ тех(ь) днехь. ѡбрѣтесе єдина жена хотѣщи родити ѿроче свое. и не ѿпꙋщахꙋ ю старейшине. нь метꙋщи варь роди ѿроче. и постави прѣд(ь) старейшинами на землю. и наче дело свое дѣлати. и създаше стлпь въ широтꙋ. п҃. тисꙋщь сежани. и въ височꙋ. рч҃. тисꙋщь сежаны. и двацѣ бѣше висота стлпа того. и сковаше. к҃. сврждълъ прѣвеликихъ зело. да [въ] въшьдше (об.) провръ-тет(ь). да видет(ь) каково єс(ть) н(е)бо камено лі є. или железно. или мѣдно. или цклѣно. и виде б҃ь безоумiе ихь. и паразъ ихъ невидимою палицею. и възре на них(ь) съ гнѣвом(ь). и раздели ихь. о҃. и два єзыка и не разоумеше дрꙋгь дрꙋга что глаг(ола)ти нь глаг(ола)хꙋ съ инеми [єзы] єзыкы. и бѣжаше вьси ѿ стлпа того. прѣжде бо глаг(ола)хꙋ сириiанъскыим(ь) єзыкомь ѿ адама єс(ть). ҂вмк҃. лѣте. до създанiа стлпа. и ѿтолѣ поеть ме агг(е)ль г҃нь и идо-хом(ь). за. п҃. и пет(ь) д҃ни. и приведе ме на полѣ превеликое.

Сравнительно съ изданнымъ (Starine, XVIII, 205) даетъ рядъ отклоненій.

IV. Письмо армянское 1723 г. 2 листа въ 4 д. л. съ русскимъ переводомъ. Содержаніе: какой-то Михаилъ пишетъ брату Габріэлу Кубари 16 сент. 1723 г. изъ Константинополя въ Дубровникъ, предлагая ему ѣхать въ Венецію.

V. Польское письмо 1701 г. Маленькій листокъ въ 8 д.; содержаніе—записка по денежнымъ дѣламъ.

169. Отрывки.

I. Изъ служебной минеи. 1 листъ in f⁰ полууставомъ XVI—XVII в., правописаніе русское; изъ службы преподобному. Внизу листа помѣта (тетради?)—23.

II. Изъ житія Симеона Столпника (Дивногорца), въ листъ 1 листъ изъ конца житія, полууставъ XVI в., письмо русское. Кое-гдѣ позднѣйшія поправки въ текстѣ. Ср. Макарьев. минею, мая 24 число (л. 647).

III. Изъ пролога. 1 листъ in f⁰ въ два столбца, хорошаго полуустава XVI вѣка. Содержитъ первую половину житія Трофима и Евкарпія (18 Марта).

Отъ М. И. Лилеева.

170. Стихотвореніе въ честь Берчича.

Пятъ листковъ въ 4-ку, переплетенныхъ въ тетрадку, писаны красивымъ каллиграфическимъ почеркомъ.

Л. 1. Na dan imena prisvjetloga i priposctovanoga gospodina *Ivana Bercich*, namjestnika opchjenoga Nadbiskupie Zadranske predsjedniku parvo-stolnoga kanonisckoga sbora i sad upravitegljn Staniscta redovnicke ucechje mladosti sve Dalmazie, u Zadru god. 1839.

Л. 2. Antuna *Rocci*, djaka Dubrovcjanina Pjesan.

Srechni Zadru kako imosi
Glasovitich namjesnikâ!
S' tega u Tebbi goijosi
J tvâe bio cjás i dika.

Л. 4. Iosefa *Amerling*, djaka Dubrovcjanina Pjesan.

Mâje druscba prem sejalila
Odhod svoga Vladaoza.

Экземпляръ, повидимому, подносный.

171. О мірѣ и его Создателѣ:

„Выпис. изъ книгъ Б(елля), переводъ съ англійскаго 1834 года". Тетрадка въ 4 д. л. на 11 листкахъ.

От студ. А. Гужовскаго.

172. Нѣсколько словъ о народнихъ и симпатическихъ средствахъ вообще и о нѣкоторыхъ въ частности.

Въ листъ на 4 л., письмо 50-хъ годовъ XIX в., съ малороссизмами. Только—начало разсужденія.

Отъ студ. А. Гужовскаго.

173. Выписки различныя.

Отрывокъ изъ переплетенной книги въ листъ, письмо 30-хъ годовъ XIX в. разныхъ рукъ, частью и позднѣе.

Содержаніе очень пестрое:

л. 1. Рецептъ отъ водобоязни—изъ Сына Отечества 1840 г. (т. III)

л. 1 об.—5, 6 об. счеты хозяйственные 40-хъ годовъ.

л. 5 об.—Выписка изъ лекцій Кіев. Дух. Акад.

л. 6.—Рецепты отъ болѣзней.

л. 7—10. Стихотворенія:

И. Козлова—Умирающій Гайдукъ.

А. Булгакова—Хлопоты.

Ѳ. Глинки—Слово Адонаи (изъ Исаіи).

М. Делярю—Красавицѣ (изъ В. Гюго).

Ознобишина—Ѣздокъ, Исторія любви, Супружеская молитва, Львиное право.

л. 11. Теорія града—фонъ Бука.

л. 12—14. Стихотворенія: „Кабы выдумалъ я хвалить—Достоинства моей Ревекки", „Современная пѣснь", „Ночной смотръ", „Пѣсня Мазепы".

л. 15—16 об. Философскія выписки; о религіи.

л. 16 об.—17. Рецепты отъ болѣзней.

л. 18—19. Стихотворенія: „Ахъ ты ночь ли, ноченька“; изъ V сатиры Кантемира.

л. 21—29. Выписки богословскаго и философскаго характера: изъ Григорія Синаита, Гербарта, Гегеля, Шеллинга, изъ Окена; видимо, семинарская работа.

л. 29—29 об. Разсказецъ Веневитинова: „Свиданіе въ лунѣ“.

л. 30—32. Стихотворенія: „Почто, Богъ милосердный, ты грудь мою пронзилъ“, „Забубенная пѣсня“ (Буршева?) „Элегія“ (Алексѣева), „Пѣснь Бояна“, „Суровой красавицѣ“ (Долгорукова), „Троеженецъ“, „Усмирительный способъ“ (Хемницера), „Два извощика“ (Загорскаго), „Знай время“, „Оселъ и соловей“ (Крылова), „Завѣщаніе повытчика“ (Өедорова), „Зеркало и Обезьяна“, „Крестьянинъ въ бѣдѣ“, „Слонъ на воеводствѣ“ (Крылова), „Юношамъ“, „Къ портрету“ (Шаликова).

л. 33—34 об. Литургія—толкованіе, исторія ея.

л. 34 об. „Графъ Нулинъ“ Пушкина.

л. 36. Тяжесть индивидуальности для человѣка.

л. 36 об.—40. Стихотворенія: „Я былъ у ней“, „Къ соловью“ (Райдаровскій-Воронежъ), „Утро“ (Якубовичъ), „Онѣгинъ“ (1-я глава), „Гусаръ“ (Пушкина), „Бываетъ“ (Ротчева), „Молитва“ (Василія Мызникова), „И моя звѣздочка“ (Пенза—Д. Давидовъ), „Переселеніе душъ“, „Выборъ жены“, „Не люби ты меня“.

На свободныхъ листахъ разныя мелкія изреченія, шарады и т. д.

Изъ бумагъ Н. С. Кириллова.

174. Сборникъ.

Рукоп. въ 4 д. л. на 51 листѣ [1]), безъ начала и конца, отрывокъ изъ средины рукописи: листы 60—120 прежняго современнаго рукописи счета, съ дефектами и въ срединѣ: послѣ л. 2, 14, 20, 30, 40 новаго счета недостаетъ листовъ 10 листовъ (л. 62—64, 78—81, 88, 99, 110 стараго счета). Писано скорописью конца XVII в. съ киноварными заглавіями.

Л. 1. Мѣсяца октября въ 28 день страсть святыя великомученицы Парасковіи, нарицаемыя Пятницы.—Царствующу Диоклитияну царю нечестивому и беззаконному Мелентию мучителю.

Тоже, что въ Макарьевск. Мин. (См. *Іосифа*, Подробн. оглавл. Великихъ Четьихъ миней, М. 1892), окт., л. 843 об. Конца нѣтъ.

---

[1]) По счету л. 50; л. 4-й два раза.

Л. 3. (безъ начала) Прѣніе ап. Петра съ Симономъ. Нач. отрывка: приходящая къ нему и возвестиша ему яко Симонъ нѣхто есть от Египта пришелъ нарицаеть себе Христа.

См. А. Поповъ, Библ. мат., XV—XIX (Чтенія Общ. Ист. и Др. 1889, III), 49—50.

Л. 4. Слово отъ Патерика, яко добро страдати мнихомъ.—Приіде нѣкто мнихъ ко игумену Силуяну в гору Синайскую.

Слово отъ Патерика, яко не добро даяти чернцу роду своему потребныхъ, огнь бо есть.—Чернецъ нѣкій имѣяше брата въ мирѣ нища.

Л. 4а. Проявление крещения руския земли святаго апостола Андрѣя, како ходилъ въ Русь и благословилъ мѣсто и крестъ поставилъ, идѣже нынѣ градъ Кіевъ.—Святому апостолу Андрѣю живущу въ Синопіи.

Тоже, что въ Мин. Макарія, ноябрь 30, л. 1266 об.

Л. 4а об. Притча св. Варлаама о богатыхъ и оубогихъ.—Бѣ нѣкто царь веліі славенъ, бысть же шествовати ему на колесницѣ позлащенѣ.

Л. 6. Слово душеполезно от Патерика.—Глаголаше етеръ от виѳаидскихъ старець: азъ бѣхъ, рече, сынъ идолскаго жерца.

На полѣ: Мѣсяца ноября въ 10 день; см. Мин. Мак., ноябрь, л. 128 об.

Л. 7. Слово о Ефросинѣ мнисѣ.—Бысть нѣ в коемъ монастыри черноризецъ именемъ Еѳросинъ.

На полѣ: Мѣс. сентября въ 11 день.

Л. 8 об. Слово о Евлогиі мнисѣ и о нище разъслабленомъ.—Схоластикъ нѣкто именемъ.

Тоже въ Мак. Мин., сент. 11, л. 298 об.

Л. 10 об. Слово Аѳонасиа архиепископа Александрѣйскаго о иконѣ Господа нашего Ісуса Христа.—Аѳанасей великиі, архиепископъ Александрѣіскиі, повѣдаше чюдо преславно.

На полѣ: Мѣс. октября 11 день; тоже Мин. Мак., окт., л. 418.

Л. 12. Мѣсяца апрѣля въ 23 день мучение святаго и славнаго великомученика Георгия.—Диоклитиянъ римски' самодержецъ недостоине горугвиі восприимъ.

Конца житія нѣтъ.

См. Минея Макарія, апр. 23, л. 278.

Л. 21. Мѣсяца октовриі въ 5 день, повѣсть о видѣніи Козмы ігумена страшно и зело полезно.—Въ третие на десять лѣто царства Романа, греческаго царя.

Л. 24 об. Мѣс. ноября въ 24 день мучение святыя великомученицы Екатерины.—Лѣта тридесять пятаго царствующу нечестивому царю Максентию.

На полѣ л. 25: „сие мученіе Екатерины надобно сличить"—иной рукой; на поляхъ ею же поправки. Въ рединѣ пропускъ. Ср. Минею Макар., ноябрь, л. 1130.

Л. 34 об. Слово св. Киприяна, преже бывшаго волхва і Устини дѣвицы, еюже увѣде Киприянъ своя волшебная, како есть мечты бѣсовсти и стѣние ихъ. Аще хощеши, человѣче, сѣти бѣсовсти разумѣти, и ты почти Киприяна, никто ж бо паче Киприяна обличи ихъ.—Елицы о християнскихъ тайнахъ блазнитеся, на моя слезы возрите, и елицы о бѣсѣхъ дѣйствуете, увѣдите от мене пустошь бесовскую и мечты ихъ и призрачная. Никто же бо от васъ увѣдалъ паче мене прелести бывшия и стѣния ихъ.—Азъ Киприянъ із млада возраста спѣшением родитель моихъ, бывшу ми 7 лѣтъ данъ быхъ Аполону на службу.

Ср. Минею Мак., окт. 2, л. 31.

Л. 41 об. Мѣс. октября въ 2 день святаго епископа Киприяна и святыя мученицы Іустины.—Пророческимъ словесемъ събывающимся.

См. тамъ же, л. 29 об.

Л. 44. О пришедшемъ бѣсе на искушеніе (Патерикъ 28).—Прочее еже к сему услышимъ: нѣкиі от святыхъ старець великий прозорливъ.

Л. 47. Мѣс. октября въ 8 день святыя Таисїи бывшия преже блудницы.—Братия моя любезная, хощу вы повѣсти повѣдати о Таисиі блаженнѣі, како нача и скончя.

Иное, нежели въ Мак. Мин. (л. 359об.).

Л. 49 об. Мѣс. ноября въ 9 день память преподобныя Ѳеоктисты лезвиянныни.—Та бяше от града Миѳимніскаго житиемъ мнишица.

Тоже, Мин. Мак., ноябрь, 126 об. У насъ конца нѣтъ.

Рукоп. безъ переплета.

Отъ М. Сперанскаго.

175. Сборникъ иноческій.

Рукопись въ 8 д. л. на 114 л.—плохой скорописи XVII в., безъ конца; порядокъ листовъ: 1—6; 84—114; 7—83.

Л. 1. Главы въ настоящей книзи; перечислено 29 главъ.

Послѣднія главы:

Л. 8 об., глава 18-я. Максима Исп. къ любящимъ Бога.

Л. 11 об. „ 19-я. Како постриженъ бывъ.

Л. 13 об. „ 20-я. Указъ, аще восхощетъ братъ къ брату ити на бесѣду пользы ради.

Л. 15 об., глава 21-я. Указъ о правилѣ на св. недѣлѣ.

Л. 16 об. „ 22-я. Приходъ на св. недѣлѣ въ церковь.

Л. 17. „ 23-я. Приходъ на св. недѣлѣ въ келлію.

Л. 17 об., глава 24-я. Поученіе Іоанна Зл. о молитвѣ.

Л. 18, „ 25-я. Наказаніе нѣкоего старца къ сыну своему и чаду духовному.

Л. 29, глава 26-я. О келейномъ пребываніи.

Л. 31, „ 27-я. Како подобаетъ претерпѣвати находящая на ны скорби.

Л. 32, „ 28-я. Исаака Сирина о чину новоначальныхъ.

Л. 36, „ 29-я. Тогожде повседневное нужнійшее воспоминаніе.

Новая рукопись:

Л. 39 об. Слово І. З. о суетномъ семъ житіи.—Возлюбленніи, оставльше суетная дѣла.

Л. 44. Слово І. З. о покаяніи.—Покайся, душе моя.

Л. 51. Слово притчею свершено о теле человѣчестѣ.—Что есть, иже рече писаніе: егда опустѣетъ земля.

Л. 57. Наказаніе святаго Ефрѣма Сирина.—Азъ Еѳрѣмъ грѣшный и неразумный.

Л. 61. Слово св. Еѳрѣма о покаяни.—Придѣте, любиміи, придѣте, отцы и братія моя.

Л. 77 об. Слово святыхъ отецъ.—Горе человѣку тому, иже всякое злотвореніе приложить къ Богу (конца нѣтъ).

Рукоп. безъ переплета.

Отъ М. Сперанскаго.

176. Сборникъ нотный

Рукоп. въ 8 д. л. на 251 л. разныхъ рукъ конца XVII в. Ноты—крюковыя, текстъ обычный. Рукопись представляетъ рядъ мелкихъ отдѣльныхъ, объединенныхъ переплетомъ, поэтому между тетрадками пустые листы, позднѣе занятыя записями:

1) л. 1. Федоръ почалъ школу пиитику июля 15, переведенъ в риторику сентября 1-го 1754-го году.—Стоитъ море на пяти столпахъ (эта запись повторяется не разъ ниже).

2) л. 1 об. Веселися и радуйся божественная двере свѣта—XVIII в.

3) л. 61. Сии задостойники головщика Аѳонасия (позднѣе приписано) Чюдова монастыря—XVII в.; тѣ же записи повторены на л. 90.

4) л. 133 об. Чюдова монастыря головщина Аѳонасия колязинца тетрать пѣвъчая.

5) л. 134. Чюдова колязина монастера по манастирской (?) слободи жителя конюхова сина Козмы.

6) л. 177 об. Сїи трезвонъ головщика Аѳанасия Калязинца.

7) 247 об. Смотрилъ пера и чернила. Перо худо, а чернила добрыя (XVIII в.).

Составъ.

Л. 2. Всенощное бдѣніе.

Л. 38. Литургія.

Л. 62. Задостойники.

Л. 91. Припѣвы на Господскіе праздники и Богоматери; въ тропарѣ о государскомъ здравіи: „побѣды благовѣрнымъ царемъ нашимъ“ (л. 108 об.).

Л. 124. Стихиры воскресныя.

К. 135. Величанія на недѣлѣ ваїй, греческія (т. е. греческаго распѣва).

Л. 150. Трезвонъ, т. е. службы отдѣльнымъ святымъ и праздникамъ: Сергію Радонежскому, Николаю чудотворцу (л. 178), Михаилу Тверскому (195), Арсенію Тверскому (211), Происхожденію древъ честнаго Креста (1 авг.—226).

Л. 236. Служба въ недѣлю пасхи.

Б. 248. Прокимны.

Сборникъ, видимо, мѣстнаго, тверскаго происхожденія, съ чѣмъ согласны и записи. Переплетъ современный рукописи—доски и кожа.

Отъ М. Сперанскаго.

177. Святцы.

Рук. въ 16 д. л. на 359 листкахъ, полууставъ XVIII в. Начала нѣтъ; пропалъ 1 листокъ. При именахъ сообщаются краткія данныя о святыхъ и событіяхъ (проложнаго характера). На пустыхъ листкахъ и на поляхъ позднія записи о смерти, свадьбѣ разныхъ лицъ 20—40-хъ гг. XIX ст.

л. 301. Указаніе постовъ.

л. 311. Круги солнца (съ 1759 г.).

л. 337. Круги луны.

Переплетъ—доски и кожа—разбитъ.

Отъ М. Сперанскаго.

178. Часословъ.

Рукоп. въ 8 д. л. на 147 лл. письма половины XVIII вѣка.

л. 5. Вечерня.

л. 15. Часы.

л. 39. Утреня.

л. 59. Повечерница.

л. 85 об. Тропари воскресны.

л. 90 об. Богородичны.

л. 96. Полунощница.

л. 133 об. Канонъ ангелу хранителю.

Рукопись безъ переплета.

Отъ М. Сперанскаго.

179. Сборникъ.

Рукоп. въ 4 д. л. на 81 л., разныхъ рукъ XVIII в.

л. 1. Мелкія выписки по русски и по латыни; содержанія самаго пестраго.

л. 3. Прологъ: Неизслѣдный Божій совѣтъ.—Рождественская драма (безъ заглавія) въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Дѣйствующія лица: Буйство, Ветхій вѣкъ, Вавилонъ, Египетъ, Благовѣстіе, Апполинъ, Жрецъ, Ангелъ, Четыре страны (Европа, Азія, Африка, Америка).

Л. 12. Дѣйствіе на Рождество Христово, изъявляющее преступленіе души человѣческой, ради грѣха смертію обладанной, еяже ряди избавленія Богъ посла Сына Своего единороднаго.—Пьеса въ 10 явленіяхъ; дѣйствуютъ: Гнѣвъ, Мертвецъ, Милосердіе, Душа, Надежда, пророки: Валаамъ, Исаія; Волхвы, Иродъ, Книжникъ, Злоба, Зависть, Убійство, Дщерь Сіоня, Власть Божія, Благочестіе. Въ пьесѣ часто— пѣніе.

Л. 21. Прологъ: Нѣсть по истинѣ возможно.—Пьеса о воцареніи Кира, въ 10 дѣйствіяхъ, съ эпилогомъ; дѣйствуютъ: Промыслъ Божій, Презрѣніе Промысла, Царь, Вельможа, Өулменъ, воины, Вѣстникъ, Незлобіе, Гарпагъ князь, Пасторъ, Властолюбіе, Смиреннолюбіе, Киръ, Страны (Азія, Африка, Америка, Европа).

Л. 33. Опять мелкія выписки по русски и по латыни.

Л. 38, Alexandri Magni Epistola de situ Indiae et itinerum in ea vastitate, ad Aristotelem, praeceptorem suum, in latinitatem versa a Cornelio Nepote.—Латинскій текстъ съ русскимъ переводомъ en regard. При русскомъ переводѣ добавлено: „з латынскаго діалекта на славенскій переведенное отъ монаха Патрикія Аристовскаго 1147 (sic) году февраля 20 дня“.

Л. 60. Ἔχθεσις κεφαλαίων παραινετικῶν σχολιαθεῖσα παρὰ Ἀγαπητοῦ διακόνου..... Параллельно *два* разныхъ латинскихъ перевода и русскій.

Л. 78 об. Опять мелкія латинскія и русскія выписки.

Рукопись въ коженномъ переплетѣ, склееная изъ старыхъ рукописей.

Отъ М. Сперанскаго.

180. Пѣсенникъ.

Рукопись въ 8 д. л. на 54 листкахъ, письма разныхъ рукъ начала и середины XIX вѣка. Въ началѣ, на л. 1—„Оглавленіе находящихся въ сей книжицѣ священныхъ стихотвореній“. Перечислено 38 №№.

Стихотворенія сборника—частью канты, ставшіе народными, частью стихотворенія писателей XVIII в. вѣка (напр. Дмитріева), частью сектанскаго, повидимому, характера. Перечень:

1. Іисусе мой прелюбезный (Димитрія Ростовскаго—акростихъ).
2. Хвалу всевышнему Владыкѣ.
3. Для того ли свѣтомъ льститься.
4. Боже, зри мое смиреніе.
5. На рѣкахъ Вавилонскихъ—Проливали слезный токъ.
6. Безсмертный тварей обладатель.
7. Лейтесь, лейтесь, токи слезны.
8. Міре лукавый,—Скорби наполненный.
9. Господи, кто обитаетъ.
10. О Господи, заступникъ мой.
11. Въ какихъ я видахъ зрю Марію Магдалину.
12. Гимнъ Богу: Источникъ живота, о мой создатель Богъ!
13. Ужаснися, человѣче,—И слезися своимъ сердцемъ.
14. Всемогущей твоей силой.
15. Уже прекрасное свѣтило.
16. Горе мнѣ грѣшнику сущу.
17. О кто кто Николая любитъ.
18. Кто крѣпко на Бога уповаетъ.
19. Не ревнуй лукавыхъ долѣ.
20. Псальма во время оскорбленнаго духа: Ко Господу утѣхъ я паки возвращуся.
21. Псальма: утренне размышленіе о Божіемъ величіи=15.
22. Плачи, душе, и рыдай горѣ.
23. Ты мой Богъ, Іисусе,—Ты моя радость.
24.=13.
25. Кому повѣмъ печаль мою?
26. Кто вѣру къ Богу простираетъ.
27. Среди игры, среди забавы.
28. Ахъ, страшны громы заревѣли (недописано).
29. Я въ пустыню удаляюсь.—Отъ мірскихъ бѣгу суетъ.
30. Время радости настало (недописано)=32.
30 (bis). Что за чудо и превратно перемѣну зрю въ глазахъ.
31. Какъ скоро я спозналъ Сіонъ.
32. Время радости настало.
33. Стихъ Варварѣ мученицѣ: Варваромъ отцемъ рожденная дѣво.
34. Среди самыхъ юныхъ лѣтъ вяну.
35. Днесь наша ребята—въ Сіонѣ два брата. Пѣсня, повидимому, сектанская, писана безъ раздѣленія на стихи.

36. Кантъ: Кто мнѣ дастъ совѣты.

35 (bis). Радуйся зѣло, тщи Сіонѣ (sic).

Загадка (л. 47а): Читатель, отгадай: О чемъ задумалась я (отгадка: добродѣтель).

36 (bis). Земля и небо весело играетъ.

37. Боже, зри болѣзнь сердечну.

38. Гдѣ ты, агница, сакрылась,—Я катораю люблю.

Мы отъ міру удалились,—Жизни скромной посвятились.

Сокрушенна мать стояла (Stabat Mater).

Коимъ образомъ желаетъ—На источники елень (Писано безъ дѣленія на стихи).

Боже, царя храни!

При нѣкоторыхъ стихахъ—обратная подпись: Катерина (вѣроятно, переписчица).

Сборникъ въ мягкомъ кожаномъ переплетѣ.

Отъ М. Сперанскаго.

181. Сборникъ.

Рукоп. въ листъ на 27 л., письма второй половины XVIII вѣка; содержитъ выписанныя, повидимому, изъ современныхъ журналовъ и сборниковъ статьи, объединяемыя заглавіемъ: „О безпорочной и пріятной деревенской жизни“.

Л. 1. Предъувѣдомленіе любопытномъ (sic) читателю—сообщаетъ о рѣшимости составителя собрать кое-какія статьи о деревенской жизни.

Л. 1 об. Господамъ сочинителямъ „Всякой всячены“.

Л. 2 об. Дворянинъ въ деревнѣ.—Напечатано было въ Ежем. сочин. 1757 г., ч. VI, 532.

Л. 5 об. Статейка безъ заглавія о той-же сельской жизни; въ сноскахъ—указанія на изданія и переводы 1761—62 гг.; содержитъ описанія разныхъ животныхъ: слона, паука, ремеза (и его гнѣзда), орла, „неизвѣстныхъ инымъ птицъ бабы и баклана“.

Л. 13. О безпорочности и пріятности деревенскія жизни.—Напечатано въ Ежем. соч. 1757 г. ч. VI, 66 (соч. В. Тредьяковскаго); статья такъ-же, какъ въ журналѣ, помѣчена цифрой IV.

Л. 29 об. Письмо (о) упражненіи въ деревенскомъ житіи.—Содержитъ подборъ свидѣтельствъ древнихъ писателей [Варронъ, Горацій, Плутархъ, Сенека, Минуцій Феликсъ и т. д.] о деревенской жизни.

Рукопись безъ переплета.

Отъ М. Сперанскаго.

182. Геометрія.

Рукопись въ листъ, на 16 листахъ, съ чертежами и рисунками, первой половины XVIII в.

Л. 1. Геометріи часть II-я, то-есть планометрія, или плоскостеі измереніе.

Л. 8. Тригонометрія плоская.

На внутренней сторонѣ мягкаго переплета запись: Dieses Buch gehört von der Feld-Artilleri Bombardier *Michael Soymonov* gerissen und greschreiben mit sein eigner Hand. Anno 1742.

Ср. рук. № 167, 183.

Рукопись въ папкѣ.

От М. Сперанскаго.

183. *„Практическое описаніе заводскаго дѣйствія въ Екатеринбургѣ,* показывающее: 1-е приправы и инструменты каждаго дѣйствія особо съ ихъ званіемъ; 2-е самое производство дѣлаемыхъ тамо матеріаловъ и изъ нихъ вещей, 3-е сколько ремесленниковъ находится при каждомъ ремеслѣ, и что они дѣлаютъ въ сутки и за то получаютъ задѣльной платы и окладного жалованья, 4-е сколько же при дѣлѣ вещей положено угаръ и нынѣ за дѣйствительное считаютъ“.

Описаніе составлено шихтмейстеромъ Максимомъ Поповымъ и представлено при рапортѣ 1780 года 3 ноября сенатору, государственной бергъ-коллегіи президенту, монетнаго дѣла и горнаго училища директору Михаилу Федоровичу Соймонову.

Рукоп. въ листъ на 16 листахъ.

Отъ М. Сперанскаго.

I.

Грамоты Венеціанскихъ дожей въ Которъ (подлинники).

1) *Franciscus Foscari*—Ludovico Basso et successoribus 1427.
2) „ —Albano Soaredo et succ. 1439.
3) „ —Petro Darmario et succ. 1441.
4) „ Leonardo Bembo et succ. 1443.
5) „ Ioanni Nani et succ. 1446.
6) „ . . . . eno et succ. 1447.
7) *Nicolaus Tronus*—Bertucio Gabriel e. s. 1472.
8) *Petrus Moncenigo*—Ioanni Donato e. s. 1475.
9) „ judicibus et conslio secreto 1475.

10) *Augustinus Barbadico*—Aloisio Zante (?) 1486.
11) „ Michaeli Aymo e. s. 1492.
12) „ Hieronymo Aurio e. s. 1493.
13) „ Hieronymo Aurio e. s. 1493.
14) „ по итальянски 1493, адресатъ не извѣстенъ.
15) *Leonardus Lauredanus*—Nicolao Coppo e. s. 1508.
16) *Andreas Gritti*—Andreae Valerio e. s. 1535.
17) *Petrus Lando*—Matheo Bembo e. s. 1539.
18) „ Aloysio Rheηerio 1545.
19) *Aloysius Moncenigo*—Gaetano Molino 1772.

Всѣ документы (кромѣ № 10 и 14, которые на бумагѣ) писаны на пергаминѣ; при № 13 сохранилась вислая свинцовая печать.

II.

1) Акты латинскіе и итальянскіе годовъ: 1426 (libro del negozio?), 1454, 1486, 1496—въ Которъ.

2) Отписки Дубровницкаго совѣта: 1653 (по хорватски-латиницей), 1669 гг. (5—по итальянски).

3) Отписки Дубровницкаго совѣта 1670 г. (въ Андріанополь, Солунь—11 штукъ).

4) Отписки турецкихъ властей 1719—1750-хъ годовъ въ Дубровникъ (19—по хорватски, 1—босанчицей).

5) Письма Махметъ-Аги-Ченгича, Османа-паши, Османъ-бега и др. 1723—1743 г. въ Дубровникъ (7—всѣ босанчицей).

6) Уставъ наполеоновскій для Котора—босанчицей 1807 г.

7) Бумаги по дѣламъ Котора 1785 г., по итальянски, сербски (босанчицей)—всего 31 №№.

8) Депутатская инструкція Котора 1808 г. (2 листа), уставъ церковный Котора (6 листовъ).

9) Два посланія: православнаго еп. Которскаго (Стефана Вукотича?) и католическаго (Антонія Грегоровича) 1809 г. по итальянски (о Наполеонѣ)—4 листа.

10) Опись селъ: Кривошіи, Убле, Моринь, Леденске (?), составленная 11 дек. 1809—1 листъ (босанчица).

11) Изъ Кастель—Novi 13 окт. 1813 г. и 1796 г.—въ Которъ доношенія—3 листа.

12) Протоколъ ревизіи суммъ Котора 1820 г.—1 листъ.

13) Письмо Филиппа Лазаревича кнеза въ Которъ Шпиру Шутовичу 1820 года.—2 л.

III.

1) Отрывокъ изъ описи какого-то архива: счеты 1426—1438 г., 1435—1459 г., по итальянски. Письмо XVIII в.—2 л.

2) Опись какого-то архива, сдѣланная въ концѣ XVIII в. по итальянски; дѣла, попавшія въ опись, относятся къ годамъ 1399—1453, главн. образомъ къ XV в., разбиты на связки (pacchetto), коихъ насчитано 17.

3) Каталогъ рукописей Дубровницкаго архива, составленный въ 1833 г. О. Кнехтліемъ—по итальянски, на 18 л. Это—лишь часть описи: не вошли грамоты XVI—XIX в.

4) Черногорскія дѣла: переписка съ Рисной и Которомъ 1729—1796 г.; подлинники, частью автографы владыки Петра; всего 32 л., часть съ итальянскими переводами.

5) Марко Кажанегра въ Будву сердарю и делегаціямъ 1808 года изъ Пащровца—2 листа.

6) Кнезъ Любановичъ—туда же изъ Грбля—6 л.

7) Кн. Мирославу Зановичу въ Нѣгуши, Будву и др. отъ Вука Богдановича, Ивана Браича, Григорія Бучины, попа Андрея и др. 1807—1814 г.—14 писемъ, частью съ нѣмецкимъ изложеніемъ.

8) Митроп. Петровича изъ Пащровца Доменику Марцелу 1813 г. —1 л., съ нѣмецкимъ изложеніемъ.

9) Nicolo Saraca—изъ Константинополя 1799 г. въ Которъ—6 листовъ—донесеніе; Сава Петровичъ 1777 г.—копія письма; Протопопъ Васо Даниловичъ и кнезъ Петаръ—конте Рафаэле 1733 г. (по итальянски), Supplica della confraternia de Maestre 1756; Scrittura in cui si sostiene con argumenti che il Regno di Bossina è adjacenza del Regno d' Ungheria e Herzegovina adjacenza di Bossina, 1600—1699—7 листовъ, повидимому, черновикъ труда.

НЕИЗДАННЫЕ ШТЕМПЕЛЯ НА РУЧКАХЪ

ГРЕЧЕСКИХЪ АМФОРЪ

описалъ

Б. БУРЗИ.

НѢЖИНЪ

Типо-лит. насл. В. К. Мелeневскаго.

1905.

Печатано по постановленію Конференціи Историко-Филологическаго Института
Князя Безбородко. Директоръ Института *Ф. Гельбке*.

Неизданные штемпеля на ручкахъ греческихъ амфоръ.

Ниже описанные 15 обломковъ древнегреческой глиняной посуды хранятся въ настоящее время въ рукописномъ отдѣленіи фундаментальной библіотеки Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Института. Еще не давно о существованіи этихъ черепковъ здѣсь ничего не было извѣстно; поэтому они до сихъ поръ не были опубликованы и скрывались отъ любопытныхъ глазъ филологической науки. Дѣло въ томъ, что профессоръ русской словесности нашего Института *М. Н. Сперанскій*, перебирая дѣловыя бумаги изъ архива бывшей Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко въ Нѣжинѣ, чтобы извлечь изъ него матеріалъ[1]) для изученія ученическихъ годовъ Н. В. Гоголя, совершенно случайно наткнулся на слѣдующій пунктъ протокола Конференціи отъ 24 ноября 1823 г.[2]): „*§ V. Дароприношеніе: 1) Господинъ Попечитель Графъ Кушелевъ-Безбородко прислалъ въ даръ Гимназіи изъ села своего, извѣстнаго подъ названіемъ Ольвія* [sic], *(гдѣ надъ чернымъ моремъ развалины древняго города того-же имени находятся) пятнадцать штукъ обломковъ Греческихъ сосудовъ съ Греческими на нѣкоторыхъ над-*

1) Этотъ матеріалъ вошелъ въ статью *И. А. Сребницкаго:* „Матеріалы для біографіи Н. В. Гоголя изъ архива Гимназіи высшихъ наукъ" въ „Гоголевскомъ Сборникѣ". Кіевъ 1902, стр. 289—425.

2) *Архивъ Гимназіи высшихъ наукъ,* по описи 1879 г.: 1823 годъ, № 8, листъ 157. Конференціи Протоколъ XXX.

писями и двѣ минеральныя штуфы, изъ коихъ одна окаменѣлое дерево.“ Упомянутый въ этомъ протоколѣ Попечитель былъ первый Почетный Попечитель Гимназіи Высшихъ Наукъ, графъ Александръ Григорьевичъ Кушелевъ-Безбородко, при которомъ и основана была эта высшая школа, учрежденіе которой еще задумано было дѣдомъ его, графомъ Ильею Андреевичемъ Безбородко[1]). Графу Александру Григорьевичу досталось въ наслѣдство отъ своего дѣда какъ осуществленіе этой мысли, такъ и имѣніе Парутино, нѣкогда подаренное его дѣду Екатериной Великой и расположенное какъ разъ на мѣстѣ древней милетской колоніи Ольвіи[2]). Итакъ, нужно полагать, что эти черепки дѣйствительно происходятъ изъ древней Ольвіи. Они переданы были въ библіотеку Гимназіи и приняты тогдашнимъ библіотекаремъ, проф. Ив. Ландражиномъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ собственноручная расписка его, находящаяся подъ бумагой, которая пришита къ другому дѣлу изъ Архива Гимназіи того-же самаго года[3]): *„Выше-писанныя книги, обломки и минеральныя штуфы, для пріобщенія къ библіотекѣ, принялъ; Исправляющій должность Библіотекаря, м. і. Проф. Иванъ Ландражинъ, 1823, 11. XI“.* Такъ какъ Гимназическая Библіотека при преобразованіи высшей школы въ Лицей и вслѣдъ за тѣмъ въ Историко-Филологическій Институтъ тоже одновременно перешла во владѣніе сперва Лицея, потомъ Института[4]), то наши черепки должны-бы были находиться, собственно говоря, въ послѣдней. Однако, тамъ ихъ не оказалось, а они нашлись послѣ долгихъ поисковъ въ концѣ концовъ въ минералогическомъ кабинетѣ теперешней состоящей при Институтѣ Гимназіи.

[1]) Ср. *Н. А. Лавровскій*: „Гимназія высшихъ наукъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ (1820 –1832 г.)“ въ „Извѣст. Историко-Филол. Инст. кн. Безбородко“. III. 1879, стр. 107.

[2]) Ср. *В. В. Латышевъ*. Изслѣдов. о госуд. стр. Ольвіи, стр. 29 (Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1887, январь. Отд. класс. филол.).

[3]) *Арх. Гимн. высш. наукъ*, по описи 1879 г.: 1823 годъ, № 12 *„О высылкѣ для гимназіи разныхъ книгъ, или присылки* (sic) *по распоряженію начальства, высылкѣ за оныя денегъ и о полученіи оныхъ увѣдомленія“*, л. 165.

[4]) Ср. *Н. А. Лавровскій*, указ. ст. стр. 191.

Туда они попали вѣроятно по тому случайному обстоятельству, что между ними находятся и „двѣ минеральныя штуфы“. Теперь они, какъ выше сказано, возвращены своему законному собственнику и составляютъ вмѣстѣ съ нѣсколькими монетами единственные вещественные памятники древности, которыми можетъ гордиться нашъ Институтъ.

При описаніи черепковъ я ограничился самыми необходимыми примѣчаніями, которыя, надѣюсь, могутъ быть восполнены фотографическими снимками на приложенной таблицѣ. Отъ воспроизведенія ручекъ подъ №№ 3-имъ и 5-ымъ я отказался въ виду того, что онѣ очень плохо сохранились и по внѣшней своей формѣ ни въ чемъ не различаются отъ обыкновенныхъ родосскихъ штемпелей. Поэтому при механическомъ воспроизведеніи ихъ кромѣ туманныхъ слѣдовъ коекакихъ буквъ ничего не было-бы видно и изображеніе не дало-бы болѣе яснаго представленія чѣмъ описаніе. За то я съ намѣреніемъ приложилъ снимки имѣющихся въ нашей маленькой коллекціи черепковъ съ эмблемами. Разныя описанія сходныхъ эмблемъ, предпринятыя въ разныя времена различными издателями и не сходящіяся въ отдѣльныхъ словахъ, если они даже касаются однихъ и тѣхъ-же аттрибутовъ, очень затрудняютъ отождествленіе этихъ крайне важныхъ прибавокъ къ надписямъ. При изданіи полнаго corpus'а штемпелей древнегреческихъ амфоръ слѣдовало-бы непремѣнно, по моему, воспроизвести всѣ встрѣчающіяся на ручкахъ эмблемы съ указаніемъ тѣхъ ручекъ, на которыхъ данный аттрибутъ имѣется. Только такимъ образомъ можно будетъ ввести хоть нѣкоторый порядокъ въ каталогизацію этихъ черепковъ, особенно южнорусскаго происхожденія. Послѣдніе я въ своемъ описаніи (отд. В и D) назвалъ „ольвійскими“, скорѣе во избѣжаніе слишкомъ длиннаго заглавія чѣмъ потому, что я вполнѣ увѣренъ въ происхожденіи ихъ изъ одного и того-же города, Ольвіи. Опредѣленно пріурочить ихъ къ тому или другому городу нашего юга можетъ удаться только тому, у кого подъ рукою находится собраннымъ весь этотъ разрозненный глиняный матеріалъ.

Въ трудный вопросъ о значеніи штемпелей вдаваться я не могу и не хочу, но мнѣ лично представляется, вмѣстѣ съ Кейлемъ[1]), почти не подлежащимъ никакому сомнѣнію, что о частномъ ихъ происхожденіи думать нельзя. Очевидно мы имѣемъ здѣсь дѣло съ государственнымъ контролемъ, производимымъ, конечно, не надъ находившимся въ этихъ сосудахъ товаромъ (виномъ, масломъ и т. д.), но надъ самими глиняными фабрикатами. Но въ какихъ взаимныхъ отношеніяхъ находились другъ къ другу государственные магистраты и частные мастера фабрикъ, пока остается загадкой. Для точнаго разъясненія этого вопроса намъ недостаетъ еще самаго главнаго, полнаго собранія матеріала. Надѣемся, что будущій corpus черепковъ, за который естественнѣе всего взяться нашей Академіи Наукъ, прольетъ больше свѣта на эти, не лишенные интереса, памятники древней промышленности и, между прочимъ, разрѣшитъ и этотъ вопросъ.

---

1) *Br. Keil.* Berl. Philolog. Woch. 1896, pg. 1610.

A) Ручки родосскихъ амфоръ.

№ 1. (ср. табл.)

Ε Π Ι Ξ Ε Ν ο Φ Α Ν Τ ο Υ Θ Ε Σ Μ ο Φ ο Ρ Ι ο Υ	ἐπὶ Ξενο- φάντου Θεσμοφορίου.

Буква „ο“ значительно меньше другихъ. Имя мѣсяца въ третьей строкѣ оттиснуто болѣе мелкимъ шрифтомъ чѣмъ оба верхнихъ ряда. Имя родосскаго эпонима, жреца Геліоса, Ксенофанта часто встрѣчается на ручкахъ: *Franz*, C. I. G. III pg. XI. № 355, 356. *Becker*, Iahrbb. Suppl. IV pg. 457 № 27, 28. Suppl. X pg. 15 № 24, pg. 212 № 20. *Юргевичъ*, Зап. Одесск. Общ. XVIII pg. 117 № 89. *I. G.* XIV № 2393. 397 и 398. *Schuchhardt*. Inschr. v. Pergam. II. № 1150 и 1241 (?). *I. G.* XII. 1. № 1176 (6 штемпелей). *Pridik*. Ath. Mitth. XXI. pg. 135 № 51. Съ тѣмъ-же мѣсяцемъ и съ тѣмъ-же распредѣленіемъ буквъ въ строкахъ имя встрѣчается только разъ *I. G.* XIV № 2393. 397. Но штемпель не одинъ и тотъ-же, потому что на италійской ручкѣ въ первой строкѣ „ν“ перевернуто (N), на нѣжинской оттиснуто правильно.

№ 2. (ср. табл.)

_ Π Ι Α Α Ξ Α Ν Δ Ρ Ο Υ Δ Α Λ Ι Υ	[ἐ]πὶ Ἀ[ν]αξάν- δρου Δαλί[ο]υ.

Всѣ буквы во всѣхъ трехъ рядахъ одинаковой величины. Анаксандръ тоже одинъ изъ знакомыхъ родосскихъ эпонимовъ. Мы читаемъ его имя у *Franz*, C. I. G. III. pg. VI № 56—60. *Becker*. Iahrbb. Suppl. V pg. 449 № 9 и 10. *I. G.* XIV № 2393. 73. *I. G.* XII. 1 № 1079 (3 штемпеля). *Pridik*. Ath. Mitth. XXI pg. 130 № 6. *Шкорпилъ*. Изв. археол. ком. вып. III. 1902, pg. 153 № 5 и вып. XI. 1904 pg. 91 № 384a и b. Въ соединеніи съ тѣмъ-же мѣсяцемъ Δάλιος имя встрѣчается 3 раза: *C. I. G.* III pg. VI № 58. *I. G.* XII 1. № 1079, 1 и *Изв. арх. комм.*

вып. XI. 1904, pg. 91 № 384a. *Franz* не отмѣчаетъ распредѣленія буквъ по строкамъ. На ручкѣ, найденной на самомъ островѣ Родосѣ, въ первой строкѣ отпечатано ἐπὶ ᾿Αναξα, во второй νδρου, на Керченской-же все имя помѣщается въ одной строкѣ ἐπὶ ᾿Αναξάνδρου. Такимъ образомъ мы и въ этомъ случаѣ не имѣемъ дѣла съ тѣмъ-же самымъ штемпелемъ.

№ 3.

Надпись сильно стерта. Повидимому, она послѣ нахожденія ручки въ новое время соскоблена ножемъ. Всѣ буквы одной и той-же величины, за исключеніемъ буквы „о“, которая меньше другихъ. Имя родосскаго жреца, Ксенофана, тоже нерѣдко читается на ручкахъ: *Franz.* C. I. G. III pg. XI. № 351. *Stephani*, C. R. de la comm. arch. 1866, pg. 132 № 9. *Becker*, Mélang. gréco-rom. I pg. 428 № 84b—88. Iahrbb. Suppl. IV pg. 457. № 29, 30. Suppl. V pg. 455. № 42—44. Suppl. X pg. 16. № 25. *Юргевичъ.* Зап. Одесск. Общ. XVIII pg. 117 № 86, 87. *I. G.* XIV № 2393. 395, 396. *I. G.* XII 1. № 1174, 1175. *Schuchhardt* Inschr. v. Pergam. II №. 1149—1154, 1159. Съ мѣсяцемъ Ὑακίνθιος эпонимъ встрѣчается только разъ: *Schuchhardt* I. c. № 1154. Но на пергамской ручкѣ имя Ксенофана выписано до конца въ одной строкѣ. Вслѣдствіе сильной порчи нашей ручки нельзя съ полной увѣренностью сказать, что имя отпечатано въ сокращенной формѣ (Ξενοφαν). Можетъ-быть, что конецъ слова находился между первой и послѣдней строками, хотя слѣдовъ буквъ тамъ не видно. Во всякомъ случаѣ, какъ-бы то ни было, и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ новымъ штемпелемъ.

№ 4. **(ср. табл.)**

лучезарная голова Геліоса	ΕΠΙ Κ ΚΡΑΤΕ ι Σ	ἐπὶ Κ[λευ]- κράτε[υ]ς.

На лѣво лучезарная голова Солнца. Буквы одинаковой величины, но не ровно расположены; въ первой строкѣ буква

„ε“ ниже другихъ, во второй буквы „ευς“ выше остальныхъ. Для эмблемы и распредѣленія буквъ въ штемпелѣ можно, какъ на параллель, указать на пергамскую ручку *Schuchhardt*. Inschr. v. Pergam. II. № 981. Имя эпонима Клейкрата читаемъ еще на слѣдующихъ ручкахъ: *Franz*. C. I. G. III, pg. X № 296, 299. *Юргевичъ*. Зап. Одесс. Общ. XI, pg. 53 № 12. Зап. Одесс. Общ. XVIII, pg. 115 №,70—72. *I. G.* XIV, № 2393. 327—332. *I. G.* XII 1. № 1158 (3 штемпеля). *Schuchhardt*, l. c. № 1087—1096. *Шкорпилъ*. Изв. арх. ком. вып. XI. 1904, pg. 103. № 430. По описаніямъ съ нашей ручкой совпадаютъ двѣ: *C. I. G.* III, pg. X № 299 и *Schuchhardt*, l. c. № 1088. Точныя воспроизведенія этихъ штемпелей отсутствуютъ, такъ что неизвѣстно, совпадаютъ-ли всѣ три также и въ отдѣльныхъ деталяхъ: въ расположеніи буквъ, въ распредѣленіи ихъ по строкамъ и т. д.

№ 5.

Ε		Ι
	Δ	Υ
Α Γ		Ν Ι Ο Υ

ἐ[πὶ] ι
δ(?) υ
Ἀγ [ρια] νίου.

Штемпель на этой ручкѣ къ сожалѣнію такъ сильно поврежденъ, что отъ первыхъ двухъ строкъ читается только первая и послѣдняя буквы, при чемъ первая буква второй строки не вполнѣ ясна, такъ что остается сомнѣніе, слѣдовала ли послѣ „ι“ буква „δ“ или другая. Если мое чтеніе вѣрно, можно-бы было надпись пополнить: ἐπὶ Αἰνησι | δάμου, по примѣру пергамской ручки *Schuchhardt*. Inschr. v. Perg. II № 840. Но точно также подходили-бы и другія имена, какъ Ἀλεξι | δάμου и подобн. Буквы одинаковой величины, „ο“ тоже не различается отъ другихъ по своему размѣру.

№ 6. (ср. табл.)

Πολυξέν (ου).

Буквы читаются очень ясно, всѣ одинаковой величины, послѣ „ν“ нѣтъ слѣдовъ другихъ буквъ. Если слѣдовало „ο“, то

оно во всякомъ случаѣ не было одинаковой величины съ первой буквой. Поэтому я принимаю маленькое, еле замѣтное повышеніе въ глинѣ за случайность, а не за остатки буквы. Въ четырехъ углахъ имѣемъ по одной звѣздѣ о 8 лучахъ, а подъ именемъ лентообразный орнаментъ. Имя встрѣчается еще на ручкахъ: *I. G.* XIV, № 2393. 428, 429. *I. G.* XII 1. № 1377. *Шкорпилъ.* Изв. археол. комм. вып. XI. 1904, pg. 126. № 538. На сицилійской ручкѣ *I. G.* XIV, № 2393. 428 безъ сомнѣнія такъ называется эпонимъ, такъ какъ прибавленъ предлогъ ἐπί. Въ другихъ случаяхъ, гдѣ мы читаемъ одно имя безъ предлога, ученые (ср. *Hiller.* I. G. XII 1. *Шкорпилъ.* Изв. археол. комм. вып. XI. 1904), слѣдуя обычному въ этомъ случаѣ толкованію, принимаютъ этого Поликсена за „mercator" или „фабриканта". Но это объясненіе, по моему, далеко еще не достаточно твердо доказано. Лучше и осторожнѣе поступалъ *Kaibel* (I. G. XIV), не различая т. н. „главныхъ" и „дополнительныхъ" штемпелей. Одно отсутствіе предлога еще не превращаетъ эпонима-магистрата въ частнаго человѣка. Ни одна изъ сохранившихся ручекъ съ именемъ Поликсена не совпадаетъ точь въ точь съ нашей. Единственная, которая могла-бы быть тождественной съ Нѣжинской, это—*I. G.* XIV № 2393. 429. Нижная часть стерта и тамъ могли-бы помѣститься „aut mensis aut aliae duae stellae", слѣдовательно и нашъ узоръ. Но на ней имя дописано до конца: Πολυξένου.

B) Ручки ольвійскихъ амфоръ.

№ 7. (ср. табл.)

ΤΥΝοΜοΥΝΤοΣ	[ἀσ]τυνομοῦντος
ΓΕΝοΥΤοΥ	[Ἡρα]γένου τοῦ
ΝΕΙΚΑΝοΡοΣ оленья	Νεικάνορος
ΗΦΑΙΣΤΙοΣ голова	Ἡφαίστιος.

Буквы не всѣ одинаковой величины, „ο" немного меньше другихъ, „ι" въ послѣдней строкѣ верхнею частью немного

превышаетъ стоящія рядомъ буквы. Второе „υ“ въ первой строкѣ и первое „υ“ во второй, какъ и „ρ“ въ третьей строкѣ нижними концами выходятъ за предѣлы линіи, „τ“ имѣетъ особенно длинную поперечную палочку. Одно изъ этихъ „τ“, во второй строкѣ, сильно напоминаетъ форму той-же буквы въ маюскульно-курсивномъ письмѣ нѣкоторыхъ папирусныхъ текстовъ, особенно II-го столѣтія до Р. Хр., когда пишущіе старались выводить буквы *однимъ* почеркомъ пера и вслѣдствіе этого, между другими буквами, и „τ“ подверглось измѣненію и получило форму, очень похожую на „Υ“ (ср. Gardthausen, griech. Palaeogr. Leipz. 1879, pg. 173 и Kenyon, the greek palaeography. Oxf. 1899, plate II passim). Послѣдняя буква второй строки „υ“ такъ тѣсно примыкаетъ къ эмблемѣ, что на первый взглядъ можно-бы было ее считать за кончикъ оленьихъ роговъ. Оттискъ праваго конца штемпеля не сохранился.

Намъ извѣстны теперь 7 ручекъ съ именемъ астинома Герагена, сына Нейканора: 5 находятся въ Керченскомъ музеѣ (*Шкорпилъ*. Изв. арх. ком. вып. XI. 1904, pg. 37. № 105—108), 1—въ Одесскомъ городскомъ музеѣ (*Bekker*. Mél. gréco-rom. I, pg. 486 № 22 съ поправкой Шкорпила, l. c. pg. 38) и 1 найдена въ Ѳеодосіи (*Юргевичъ*. Зап. Одесск. Общ. XVIII, pg. 140 № 34, тоже поправленная Шкорпилемъ, l. c. pg. 38). На одной изъ нихъ (*Шкорпилъ*, l. c. pg. 37 № 105) послѣдняя строка и эмблема стерты, на всѣхъ остальныхъ имя нашего астинома соединено съ другими именами горшечниковъ и другими эмблемами.

Имя Гефестія одно изъ самыхъ обычныхъ на ручкахъ черноморскаго прибережья. Но въ большинствѣ случаевъ нельзя рѣшительно сказать, назывался-ли такъ астиномъ или фабрикантъ. На одной ручкѣ (*Becker*, Ihbb. Suppl. IV, pg. 474 № 11) такъ называется отецъ астинома. Астиному скорѣе можно приписать это имя на ручкахъ: *Becker*. Mél. gréco-rom. I, pg. 494 № 13—15, pg. 497 № 35. Ihbb. Suppl. X, pg. 34. № 10, pg. 225 № 6; напротивъ—скорѣе горшечнику на ручкахъ: *Becker*. Ihbb. Suppl. IV, pg. 476 № 9. *Шкорпилъ*. Изв.

археол. коммисс. вып. III 1902, pg. 143 № 62, pg. 147 № 85. Изв. арх. ком. вып. XI 1904, pg. 70 № 277. На двухъ ручкахъ *Becker*'a (Ihbb. Suppl. IV, pg. 471 № 30, 31) имя пополнено. Безъ сомнѣнія фабрикантъ носитъ это имя на ручкахъ: *Becker*. Ihbb. Suppl. IV, pg. 465 № 7 b. *Юргевичъ*. Зап. Одесск. Общ. XI, pg. 62 № 11. Зап. Од. Общ. XVIII, pg. 140 № 35, 36. *Шкорпилъ*. Изв. археолог. коммисс. вып. III, pg. 126 № 21. Изв. археол. ком. вып. XI. 1904, pg. 28 № 51, pg. 43 № 140, pg. 47 № 158, pg. 86 № 367. Наша эмблема (оленья голова профилемъ влѣво) въ богатыхъ коллекціяхъ, опубликованныхъ *Беккеромъ*, *Юргевичемъ* и *Шкорпилемъ*, еще не встрѣчалась. Такимъ образомъ къ разнообразнымъ эмблемамъ черноморскихъ ручекъ прибавляется еще одна новая эмблема.

№ 8. (ср. табл.)

Α Ι Σ Χ Ι Ν ο Α Σ ϒ Ν ο Α Ρ Χ Π Π Ι Ϙ	голова профилемъ вправо.

Αἰσχίνο(υ)
ἀσ[τ]υνό(μου)
Αρχππιϙ [sic.]

Всѣ буквы одинаковой величины, только „ο" незначительно меньше другихъ. Эмблема —бородатая голова профилемъ вправо—встрѣчается и на другихъ ручкахъ: *Becker*. Ihbb. Suppl. IV, pg. 475 № 1a. *Юргевичъ*. Зап. Одесск. Общ. XVIII, pg. 135 № 11, pg. 159 № 46. *Шкорпилъ*. Изв. археол. ком. вып. III. 1902, pg. 136 № 21 и, можетъ-быть, еще на многихъ другихъ, какъ напр. у *Becker*. Mél. gréco-rom. I, pg. 489 № 38, pg. 493 № 7. Ihbb. Suppl. V, pg. 486 № 42 и под., которыя опубликованы безъ точнаго описанія эмблемы. Имя *Эсхина* одно изъ самыхъ обычныхъ на черноморскихъ ручкахъ.

I. На первомъ мѣстѣ передъ словомъ ἀστυνόμου или ἀστυνομοῦντος мы его читаемъ: а) безъ прибавки второго имени на ручкахъ: *Becker*. Mél. gréco-rom. I, pg. 490 № 1- 3. Ihbb. Suppl. IV, pg. 473 № 2. *Юргевичъ*. Зап. Одесс. Общ. XVI, pg. 56 № 32 (? имя дополнено);—б) съ перевернутыми на штемпелѣ буквами, такъ что надпись читается справа на лѣво, на руч-

кахъ: *Becker.* Mél. gréco-rom. I, pg. 492 № 2. Ihbb. Suppl. IV, pg. 475 № 1 -*Юргевичъ.* Зап. Одесск. Общ. XVIII, pg. 134 № 3 - *Юргевичъ.* Зап. Одесск. Общ. XXI. Проток., pg. 62 № 1. *Becker.* Ihbb. Suppl. V pg. 494 № 1. *Шкорпиль.* Изв. арх. Комм. вып. XI. 1904, pg. 63. № 241, 244, 245, 247;—в) въ іонической формѣ Αἰσχίνεω на ручкахъ: *Becker.* Ihbb. Suppl. V, pg. 494 № 1a. Ihbb. Suppl. X, pg. 224 № 2. *Юргевичъ.* Зап. Одесск. Общ. XVIII, pg. 133 № 2. Зап. Одесск. Общ. XXI. Проток., pg. 27. № 1. *Шкорпиль.* Изв. арх. комм. вып. XI. 1904, pg. 64. № 244;—г) въ обыкновенной формѣ, съ правильнымъ расположеніемъ буквъ и съ прибавленнымъ вторымъ именемъ послѣ словъ ἀστυνόμου или ἀστυνομοῦντος на ручкахъ: *Шкорпиль.* Изв. археол. ком. вып. III. 1902, pg. 133 № 1. Изв. археол. ком. вып. XI. 1904, pg. 63 № 239, 240, 242, 243, 246.

II. Это имя носитъ отецъ астинома Посидонія на ручкахъ: *Юргевичъ.* Зап. Одесск. Общ. XVIII, pg. 149 № 78—80. Зап. Одесск. Общ. XXI. Проток., pg. 63. *Шкорпиль.* Изв. археол. ком. вып. III. 1902, pg. 145 № 72, 73.

III. Послѣ слова ἀστυνόμου или ἀστυνομοῦντος имя читается на ручкахъ: *Stephani.* Mél. gréco-rom. II, pg. 18 № 15, pg. 210 № 9. Compte rend. de la comm. arch. 1869, pg. 107 № 118. *Becker.* Ihbb. Suppl. IV, pg. 464 № 2, 4—6, pg. 475 № 1a. Ihbb. Suppl. V, pg. 476 № 2, 3. Ihbb. Suppl. X, pg. 219 № 1 (съ именемъ отца Посидонія, который какъ сынъ Эсхина встрѣчался въ выше приведенныхъ 6 штемпеляхъ. Слѣдовательно должность астиноміи въ семьѣ Посидонія—Эсхина нѣкоторое время была наслѣдственной). *Юргевичъ.* Зап. Одесск. Общ. XVIII, pg. 121 № 1. *Шкорпиль.* Изв. археол. ком. вып. III. 1902, pg. 122 № 1—2. Изв. археол. комм. вып. XI. 1904, pg. 19 № 2—7.

Не можетъ быть сомнѣнія, что мы и въ первой группѣ, не смотря на то, что порядокъ словъ позволяетъ принять первое или послѣднее имя за имя астинома, должны считать Эсхина астиномомъ. Поэтому и въ Нѣжинской ручкѣ первое имя принадлежитъ эпониму.

Къ тому-же заключенію приводитъ насъ и другое обстоятельство. Послѣднее имя, очевидно, невѣрно вырѣзано рѣзчикомъ въ штемпелѣ. Спрашивается только, какимъ именемъ замѣнить безсмысленное сочетаніе буквъ, которое мы теперь читаемъ на ручкѣ. Тотъ-же самый штемпель съ тою-же ошибкою находится еще на одной изъ опубликованныхъ ручекъ: *Becker*. Ihbb. Suppl. IV, pg. 475 № 1a. Расположеніе буквъ, сокращеніе первыхъ двухъ словъ, эмблема, буквы третьяго ряда, все совпадаетъ. Беккеръ заимствовалъ изображеніе этой ручки изъ статьи *Stephani*. C. R. de la commiss. arch. 1859, pg. 143 № 24. Къ сожалѣнію какъ разъ этого тома отчетовъ археологич. ком. не имѣется въ библіотекѣ нашего Института, такъ что я не могъ удостовѣриться по первой подлинной публикаціи ручки, прибавлена-ли и на этой ручкѣ къ послѣдней буквѣ послѣдней строки та-же лишняя черта, которая совершенно ясно видна на нашей ручкѣ. Если это такъ, то тождественность обоихъ штемпелей окажется полнѣйшей.

Stephani читаетъ въ послѣдней строкѣ имя Ἀρχίππου. Однако, это имя встрѣчается только на трехъ ручкахъ неизвѣстнаго происхожденія, какъ имя эпонима: *Шкорпилъ*. Изв. арх. ком. вып. XI. 1904, pg. 149 № 672a, b, 674. На черноморскихъ ручкахъ оно не читается. Уже *Беккеръ* вполнѣ основательно сомнѣвался въ вѣрномъ чтеніи этого имени и предлагалъ читать Ἀρχεπτόλιος. Дѣйствительно, это чтеніе заслуживаетъ предпочтенія передъ первымъ. Имя горшечника Ἀρχέπτολις не разъ читается на ручкахъ, найденныхъ на берегу чернаго моря: *Becker*. Ihbb. Suppl. IV, pg. 475 № 1=*Юргевичъ*. Зап. Одесск. Общ. XVIII, pg. 134 № 3=*Юргевичъ*. Зап. Одесск. Общ. XXI. Проток., pg. 62. № 1 (Ἀρχεπ).—*Becker*. Ihbb. Suppl. IV, pg. 483 № 40= *Шкорпилъ*. Изв. археол. комм. вып. XI. 1904, pg. 81 № 334 (Ἀρχεπτ).—*Becker*. Ihbb. Suppl. X, pg. 33 № 7=*Шкорпилъ*. Изв. археол. комисс. вып. XI. 1904, pg. 69 № 271. *Юргевичъ*. Зап. Одесск. Общ. XVIII, pg. 122 № 4=*Шкорпилъ*. Изв. арх. комм. вып. XI. 1904, pg. 66 № 250. *Becker*. Ihbb. Suppl. X, pg. 34 № 10. *Юргевичъ*. Зап. Од. Общ. XVIII, pg. 125 №

20, pg. 141. № 41. *Шкорпилъ*. Изв. археол. ком. вып. XI. 1904, pg. 61 № 227 ('Αρχεπτο). Вездѣ имя сокращено. Можетъ-быть, на нашемъ неудачно изготовленномъ штемпелѣ лишняя наклонная черта, прибавленная къ буквѣ „ο“ такъ, что буква принимаетъ почти форму „Ϙ“(коппы), есть остатокъ одной изъ hastae слѣдующей буквы „λ“. Если это такъ, то мы имѣли-бы въ этихъ двухъ ручкахъ новый сокращенный видъ имени 'Αρχεπτόλιος. Рядомъ съ 'Αρχεπ, 'Αρχεπτ и 'Αρχεπτο мы-бы здѣсь читали 'Αρχεπτόλ. Но какъ-бы то ни было, во всякомъ случаѣ имя горшечника 'Αρχεπτόλιος говоритъ въ пользу того, что первое имя Эсхина есть названіе эпонима.

C) Ручки неизвѣстнаго происхожденія.

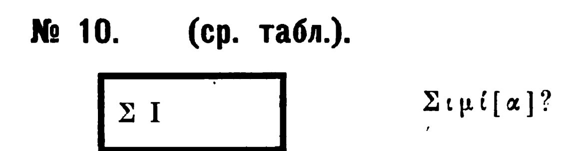
№ 9. (ср. табл.).

Α Ν Τ Ι	'Αντι-
Φ Ι Λ Ο Υ	φίλου.

Всѣ буквы одинаковой величины, только „φ“ и „υ“ нижними частями выходятъ за нижнюю строку. 5 такихъ ручекъ съ тѣмъ-же распредѣленіемъ буквъ и съ тою-же общею формою штемпеля опубликовано *Беккеромъ*. Mél. gréco-rom. I, pg. 438 № 5—8. Ihbb. Suppl. IV, pg. 461 № 4. Suppl. X, pg. 21 № 4. Имя не встрѣчается на другихъ ручкахъ извѣстнаго происхожденія, ни на мѣстныхъ черноморскихъ, ни на родосскихъ, ни на ѳасосскихъ, книдскихъ или другихъ. Поэтому мѣста происхожденія ручки опредѣлить не удалось. Только одно можно сказать съ увѣренностью на основаніи матеріала, что ручка принадлежитъ къ сосуду не мѣстнаго происхожденія. Глина тонкая, не грубозернистая, какъ при остальныхъ ольвійскихъ ручкахъ. Ручка не принадлежитъ также къ родосскимъ, потому что глина не желто-краснаго, но скорѣе свѣтло-коричневаго цвѣта. Имя 'Αντίφιλος тоже настолько обычное чисто греческое, что оно не помогаетъ въ опредѣленіи мѣста происхожденія. Имя встрѣчается довольно часто между аѳинскими, ср.

I. G. II. 4. *Fick-Bechtel,* gr. Personennamen. *Pape-Benseler* s. v. Мы его читаемъ и въ одной херсонесской надписи, ср. *Inscr. Pont. Eux.* I № 201. Въ указателѣ *Gelder*'а (Geschichte der alten Rhodier) оно не упомянуто.

№ 10. (ср. табл.).

Ручка справа сломана. Штемпель такъ легко и поверхностно втиснутъ въ глину, что кромѣ первыхъ двухъ буквъ ничего больше нельзя разобрать. Видны только общія контуры и маленькія повышенія, оставшіяся отъ слѣдующихъ двухъ или трехъ буквъ. Такъ какъ ручка справа сломана, то и правая часть штемпеля пропала и не извѣстно, сколько буквъ отсутствуетъ. Поэтому на точное возстановленіе имени надѣяться трудно. Возможно возстановленіе Σιμί[α], которое я предлагаю, имѣя въ виду керченскую ручку, опубликованную *Шкорпилемъ.* Изв. археол. ком. вып. III 1902, pg. 159. № 58. Глина ярко-краснаго цвѣта и хорошаго качества.

№ 11. (ср. табл.).

По матеріалу эта ручка[1]) похожа на ручку № 10, но глина не столь ярко-красная. Изъ буквъ только „Δ" ясно отпечатана. Отъ „E" сохранилась вся вертикальная линія; горизонтальныя только отчасти уцѣлѣли, вслѣдствіе углубленія въ глинѣ. Остальныя двѣ буквы почти совсѣмъ стерты, такъ что вмѣсто нихъ могли-бы находиться на штемпелѣ и другія, напр. вмѣсто „P"

---

[1]) Въ увеличенномъ видѣ. Діаметръ оригинала не 0,2 м., а только 0,15 м. Всѣ остальные штемпеля воспроизведены въ натуральную величину.

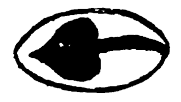
„T“ или простая палочка „I“. Отъ внутренняго и верхняго круговъ штемпеля сохранились только лѣвыя половинки, вокругъ части буквы „E“ и буквъ „Δ“ и „P“; отъ креста въ серединѣ остались цѣлыми три линіи, раздѣляющія буквы „E“, „Δ“ и „P“; послѣдняя линія между буквами „E“ и „N“ замѣтна только частью. Подобныя нашему клейма не принадлежатъ къ рѣдкостямъ въ богатыхъ коллекціяхъ амфорныхъ ручекъ, ср. *Becker.* Mél. gréco-rom. I, pg. 444 № 23—29. Ihbb. Suppl. IV, pg. 463 № 2—4. Suppl. V, pg. 464 № 2, 6, 7. Suppl. X, pg. 24 № 3, pg. 218 № 3. *Stephani.* C. R. de la comm. arch. 1869, pg. 213 № 181. *Шкорпилъ.* Изв. археол. ком. вып. III 1902, pg. 160 № 1—3, 5—7, 9, 10. Изв. археол. ком. вып. XI. 1904, pg. 158. № 736—738, 740.

№ 12. (ср. табл.).

Z

Ручка приготовлена изъ красной глины не такого хорошаго качества, какъ ручки № 10 и 11. Въ матеріалѣ осталось много зеренъ непротертыхъ. Глубоко втиснута въ глину буква „Z“ большихъ размѣровъ и находящаяся надъ нею горизонтальная черта. Подобныя отдѣльныя буквы или пара буквъ, то со всѣхъ сторонъ обведенныхъ линіями, то очерченныхъ съ трехъ сторонъ, то совсѣмъ безъ линій, были уже и раньше опубликованы, наприм. *Шкорпилемъ.* Изв. археол. ком. вып. XI 1902, pg. 157 № 713, 714, 717, 718, 721, 724, 727.

№ 13. (ср. табл.).

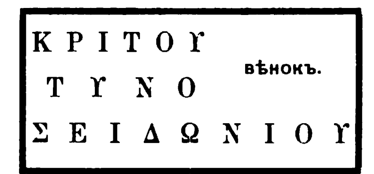

На этой ручкѣ вмѣсто надписи находится въ штемпелѣ сердцевидный листъ со стеблемъ. Глина желто-красная и замѣчательно тонкая. Штемпель оттиснутъ отлично. Эмблема помѣщена въ овалѣ. Такая-же эмблема по описаніямъ часто

встрѣчается на ручкахъ съ именемъ астинома: *Юргевичъ*. Зап. Одесск. Обш. XVIII, pg. 136 № 16 *Шкорпилъ*. Изв. археол. ком. вып. III. 1902, pg. 126 № 23, pg. 136 № 17, pg. 137 № 25, 28, pg. 140 № 44 a, b, c, pg. 144 № 65, pg. 145 № 72. Изв. археол. ком. вып. XI. 1904, pg. 35 № 92, pg. 71 № 285. Но и на книдскихъ ручкахъ имѣется въ качествѣ аттрибута „das Blatt“ *(Pridik*. Ath. Mitth. XXI, pg. 138). По матеріалу ручка не принадлежитъ ни къ первымъ ни къ послѣднимъ, а скорѣе всего къ родосскимъ, глина которыхъ по словамъ *Schuchhardt*'а (Inschr. v. Perg. II, pg. 424) „fein hellgelb bis rötlich gelb“. Къ сожалѣнію книга *Dumont* (Inscr. céram. de Grèce. Paris 1872) отсутствуетъ въ институтской библіотекѣ, такъ что я лишенъ былъ возможности провѣрить это предположеніе по изображеннымъ тамъ въ краскахъ воспроизведеніямъ главныхъ видовъ древнегреческихъ ручекъ. По формѣ она совсѣмъ не похожа на обыкновенныя родосскія ручки; ручка не прямая, но сильно согнутая. Подобные штемпеля безъ надписи опубликованы *Юргевичемъ*. Зап. Одесск. Общ. XVIII, pg. 167 № 34—40. ф. *Штерномъ*. Зап. Одесск. Общ. XXII, pg. 118 № 34—37.

D) Кусокъ Ольвійскаго кирпича.

№ 14. (ср. табл.).

['Ισο] или [Νεω]κρίτου
[ἀσ]τυνό(μου)
[Πο]σειδωνίου.

Кусокъ кирпича, слѣва обломанный. Всѣ буквы одинаковой величины, только „ο“ незначительно меньше другихъ. Приписка ἀστυνόμου даетъ основаніе считать кирпичъ мѣстнымъ продуктомъ. Но такъ какъ названіе должности помѣщено между двумя именами собственными, то является вопросъ, кого изъ названныхъ лицъ считать эпонимомъ, кого—фабрикантомъ.

Кромѣ того спрашивается, какъ нужно дополнить первое имя. По аналогіи двухъ остальныхъ строкъ, гдѣ пропали по двѣ начальныя буквы, и въ первой строкѣ отсутствуютъ тоже только двѣ, maximum три буквы. Второе предположеніе, что сломаны три буквы, возможно потому, что линія разлома въ кирпичѣ не сходится совсѣмъ подъ прямымъ угломъ съ пересѣкающими ее верхней и нижней линіями штемпеля, такъ что отъ первой строки пропалъ большій кусокъ, чѣмъ отъ второй и еще большій чѣмъ отъ третьей. Принимая въ соображеніе эти условія и перебирая всѣ встрѣчающіяся на черноморскихъ ручкахъ имена собственныя, я могъ остановиться только на двухъ: Ἰσόκριτος или Νεώκριτος. Ἰσοκρίτου ясно читаемъ на ольвійскомъ кускѣ кирпича: *Becker.* Ihbb. Suppl. V, pg. 502 № 27. Напрасно издатель считалъ нужнымъ исправить имя на Ἰσοκράτους. Ἰσόκριτος совершенно правильно образованное греческое имя, которое и встрѣчается въ числѣ греческихъ именъ собственныхъ, хотя оно у Pape-Benseler не приведено, ср. *Fick-Bechtel*, griech. Personennamen, pg. 130 и 178. Νεωκρίτου въ полномъ видѣ читается тоже на одномъ кирпичѣ изъ Ольвіи: *Becker.* Ihbb. Suppl. X, pg. 35 № 15, а на другомъ того-же самаго происхожденія (*Becker.* Mél. gréco-rom. I, pg. 497 № 36) отъ имени сохранились только среднія буквы ΩΚΡΙΤ. Что первоначально было на кирпичѣ Νεωκρίτου, кажется, не подлежитъ никакому сомнѣнію. И здѣсь *Беккеръ* исправилъ чтеніе надписи, предлагая читать Νεόκριτος или Λεώκριτος съ бо́льшимъ правомъ, чѣмъ въ первомъ случаѣ, потому что имя Νεώκριτος по своимъ составнымъ частямъ не поддается вѣроятному толкованію, между тѣмъ какъ оно съ буквою „ο" вм. „ω" или съ началомъ „Λ" вм. „Ν" вполнѣ ясно. Но, можетъ-быть, что мы въ данномъ случаѣ исправили-бы орѳографическую ошибку, которая самому рѣзчику не казалась таковой, и что мы невѣрное образованіе Νεώκριτος должны скорѣе приписать варварскому происхожденію нашего сосуда. Какъ-бы то ни было, во всякомъ случаѣ мы имѣемъ для дополненія нашей надписи только выборъ между этими двумя именами.

Это, конечно, только чистая случайность, что во всѣхъ четырехъ случаяхъ штемпель втиснутъ въ кирпичъ, а не на ручку амфоры. Менѣе случайно то обстоятельство, что также во всѣхъ четырехъ случаяхъ съ этого слова начинается надпись, слово ἀστυνόμου стоитъ въ серединѣ, и въ концѣ второе имя, имя собственное: при имени Νεώκριτος—Νευμηνίου въ одномъ случаѣ съ ошибочно вырѣзанной буквою „ι“ вм. „η“ (слѣдовательно обѣ ручки оттиснуты не однимъ и тѣмъ-же штемпелемъ), при имени Ἰσόκριτος—Διονυσίου. Къ сожалѣнію и Διονύσιος и Νευμήνιος такъ-же часто встрѣчаются въ качествѣ горшечниковъ, какъ и въ качествѣ астиномовъ. Поэтому трудно сказать, были-ли Ἰσόκριτος и Νεώκριτος горшечники или астиномы. Однако, ceteris paribus, нужно-же сказать, что больше шансовъ говоритъ въ пользу того, чтобы въ такихъ сомнительныхъ случаяхъ принимать за имя астинома первое имя, чѣмъ второе. Но, для рѣшенія вопроса, какое изъ именъ, Νεώκριτος или Ἰσόκριτος, читать на нашей надписи, и это обстоятельство ничего не даетъ.

Важнѣе была-бы эмблема—вѣнокъ. При Νεώκριτος въ одномъ случаѣ эмблема неясна, въ другомъ это—амфора, при Ἰσόκριτος, по видимому, никакого аттрибута нѣтъ. Но предположеніе *Беккера*, что эмблема различна по именамъ астиномовъ не вѣрное, и на отсутствіи аттрибута при ручкѣ съ именемъ Ἰσόκριτος строить гипотезу, что наше имя нужно дополнить въ Ἰσόκριτος, нельзя. Тотъ-же самый вѣнокъ является аттрибутомъ на многихъ ручкахъ, которыя стали извѣстными только въ послѣднее время. Изъ старой коллекціи *Беккера* только одна показываетъ эту эмблему: Mél. gréco-rom. I, pg. 490 № 3. Потомъ *Юргевичъ* въ 1879 г. опубликовалъ ручку съ такою эмблемою: Зап. Одесск. Общ. XI, pg. 69 № 22. Между новыми публикаціями она встрѣчается часто: *Юргевичъ.* Зап. Одесск. Общ. XVIII, pg. 135 № 10, pg. 153 № 8. *Шкорпилъ.* Изв. археол. ком. вып. III. 1902, pg. 136 № 18b, pg. 137 № 26, pg. 148 № 91. Изв. археол. ком. вып. XI. 1904, pg. 63 № 239, pg. 72 № 291, pg. 80 № 364. На пяти ручкахъ: Зап. Одесск.

Общ. XI, pg. 69 № 22. XVIII, pg. 135 № 10. Изв. арх. ком. вып. III, pg. 136 № 18b, pg. 137 № 26, pg. 148 № 91 вѣнокъ выбранъ какъ аттрибутъ вслѣдствіе встрѣчающагося въ этихъ надписяхъ имени Στέφανος. Но въ четырехъ послѣднихъ изъ этихъ пяти ручекъ по постановкѣ словъ, по крайней мѣрѣ, сомнительно, есть-ли Στέφανος астиномъ; скорѣе слѣдуетъ принимать его за горшечника. Затѣмъ на двухъ ручкахъ: Mél. gréco-rom. I, pg. 490 № 3a. Изв. археол. ком. вып. XI, pg. 63 № 239 та-же эмблема дана астиному Эсхину. Другое имя на этихъ ручкахъ отсутствуетъ. Такимъ образомъ доказано, что аттрибуты не исключительно опредѣляютъ имена астинома, но также часто имена фабрикантовъ.

Что касается до второго имени, то оно чуть-ли не самое обычное на черноморскихъ ручкахъ. По моимъ исчисленіямъ оно встрѣчается почти 100 разъ, точнѣе на 93 штемпеляхъ. и оттиснуто на ручкахъ амфоръ или кускахъ кирпича. При этомъ я не увѣренъ, достигъ-ли я полноты приведенными мною мѣстами. Это трудно сказать вслѣдствіе разбросанности матеріала въ различныхъ журналахъ, которые не всѣ находятся въ моемъ распоряженіи. Однако, я не считалъ лишнимъ привести эти цитаты, потому что ф. *Штернъ*. Зап. Од. Общ. XXII. Проток., pg. 87 могъ сослаться только на сравнительно немногія надписи съ этимъ именемъ. Главная масса опубликована была въ послѣднее лишь время. Изъ этихъ 93 штемпелей:

1. Безъ сомнѣнія даютъ это имя горшечнику 8 ручекъ: *Becker*. Mél. gréco-rom. I, pg. 492 № 3 (кирпичъ); Ihbb. Suppl. X, pg. 219 № 3. (? имя дополнено. Кирпичъ) вѣроятно *Юргевичъ*. Зап. Од. Общ. XVIII, pg. 125 № 21; ib., pg. 124 № 15; ib., pg. 148 № 75 *Шкорпилъ*. Изв. археол. ком. вып. XI. 1904, pg. 63 № 237; *Becker*. Ihbb. Suppl. IV, pg. 477 № 11 Suppl. X, 219 № 3 (кирпичъ. Имя въ именительномъ падежѣ, къ нему прибавлено отчество Διονυσίου); *Becker*. Ihbb. Suppl. IV, pg. 483 № 39 (кирпичъ. Къ имени Ποσειδώνιος въ именительномъ падежѣ прибавлено отчество Θευδώρου). *Шкорпилъ*. Изв. арх. ком. XI, pg. 86 № 368 (съ отчествомъ τοῦ Νευμηνίου) ib. III, pg. 130 № 45a — № 45b (съ отчествомъ τοῦ Νουμηνίου).

II. 7 разъ Ποσειδώνιος несомнѣнно астиномъ: *Becker.* Ihbb. Suppl. IV, pg. 483 № 39 (кирпичъ. Другое имя сохранилось цѣликомъ въ именительномъ падежѣ). Ihbb. Suppl. V, pg. 507 № 42 (кирпичъ. Другое имя стоитъ въ именительномъ падежѣ). Ihbb. Suppl. X, pg. 29 № 20. *Шкорпилъ.* Изв. археол. ком. вып. III, pg. 130 № 46. ib. XI, pg. 53 № 194а, pg. 57 № 193б. *Becker.* Ihbb. Suppl. IV, pg. 474 № 11 (съ прибавленіемъ отчества τοῦ Ἡφαιστίου).

III. 4 раза такое имя носитъ отецъ горшечника: Ἡφαίστιος: *Юргевичъ.* Зап. Од. Общ. XVIII, pg. 140 № 36 (безъ эмблемъ). *Шкорпилъ.* Изв. археол. ком. XI, pg. 86 № 367 (съ эмблемами). Θεύδωρος: *Юргевичъ.* Зап. Одесск. Общ. XVIII, pg. 141 № 38. Νουμήνιος(?): *Шкорпилъ.* Изв. арх. ком. XI, pg. 54 № 194б.

IV. 12 разъ это—имя отца астинома: Αἰσχίνου: *Becker.* Ihbb. Suppl. X, pg. 219 № 1. Ἀπολλωνίδου: *Becker.* Ihbb. Suppl. V, pg. 477 № 5а (безъ фабриканта). *Юргевичъ.* Зап. Одесск. Общ. XVIII, pg. 122 № 5 (съ фабрикантомъ Ἀγάθων). *Шкорпилъ* Изв. арх. ком. XI, pg. 23 № 26 (съ фабрикантомъ Ἀρτέμων). ib., № 27 (съ фабрикантомъ Καλλισθένης). *Юргевичъ.* Зап. Од. Общ. XVIII, pg. 123 № 6 (съ фабрикантомъ Φιλήμων; но безъ эмблемы). *Шкорпилъ.* Изв. арх. ком. XI, pg. 24 № 28 (съ тѣмъ-же фабрикантомъ, но съ эмблемою). Ἀπολλωνίου: ф. *Штернъ.* Зап. Од. Общ. XXII. Проток., pg. 114 № 22. Ἡρωνύμου: *Шкорпилъ.* Изв. арх. ком. XI, pg. 40 № 119 (безъ эмблемы, имя фабриканта не дошло). *Шкорпилъ.* Изв. арх. ком. III, pg. 126 № 26 (съ эмблемою трофея и именемъ фабриканта Ἀπολλώνιος). Изв. арх. ком. XI, pg. 40 № 120 (съ эмблемою стоящей фигуры лицомъ впрямь и фабрикантомъ Ἀρίστων). *Stephani.* C. R. de la com. arch. 1866, pg. 134 № 21= *Шкорпилъ.* Изв. арх. ком. XI, pg. 40 № 122 (съ эмблемою трофея, которая на послѣдней ручкѣ отбита, и именемъ фабриканта Φιλήμων).

V. Къ тому-же имени Ἡρώνυμος въ качествѣ астинома разъ прибавлено не только имя отца Ἡρώνυμος, но и имя дѣда Ποσειδώνιος: *Шкорпилъ.* Изв. арх. ком. XI, pg. 40 № 121.

VI. Одинъ разъ встрѣчается имя Посейдонія на ручкѣ съ словомъ ἀστυνόμου въ серединѣ. Здѣсь оно прибавлено къ второму

имени Νουμήνιος: *Шкорпилъ*. Изв. арх. ком. XI, pg. 79 № 327.

VII. Одинъ разъ мы читаемъ на ручкѣ только Ποσειδωνίου τοῦ Νευμηνίου: *Юргевичъ*. Зап. Од. Общ. XXI. Проток., pg. 30 № 6.

VIII. 21 разъ имя встрѣчается на первомъ мѣстѣ передъ словомъ ἀστυνόμου или ἀστυνομοῦντος, при чемъ послѣ этого слова слѣдуютъ слѣдующія имена: Γλαυκία: *Becker*. Ihbb. Suppl. V, pg. 507 № 46=*Шкорпилъ*. Изв. археол. ком. III, pg. 144 № 66 (на первой ручкѣ неясная эмблема). Δημητρίου: *Юргевичъ*. Зап. Одесск. Общ. XVIII, pg. 149 № 76 = *Шкорпилъ*. Изв. археол. ком. III, pg. 144 № 67. Ἱκεσίου τοῦ Διονυσίου (кирпичъ): ф. *Штернъ*. Зап. Одесск. Общ. XXII Проток., pg. 116 № 24. Καλλισθένους: *Юргевичъ*. Зап. Од. Общ. XVIII, pg. 148 № 74 (съ одною эмблемою). *Шкорпилъ*. Изв. арх. ком. III, pg. 144 № 68 (съ двумя эмблемами). Νευμηνίου: *Becker*. Mél. gr.-rom. I, pg. 495 № 23. Νευμηνίου τοῦ Λάκωνος: ib. № 22 (кирпичъ безъ эмблемы). ib. № 21= *Becker*. Ihbb. Suppl. V, pg. 508 № 47 (съ эмблемою, второй экземпляръ штемпеля на кирпичѣ). Νουμηνίου τοῦ Διονυσίου: *Шкорпилъ*. Изв. арх. ком. III, pg. 144 № 70. Νικοστράτου τοῦ Θευπρόπου: *Becker*. Ihbb. Suppl. V, pg. 508 № 48 (кирпичъ)=ф. *Штернъ*. Зап. Од. Общ. XXII. Проток., pg. 87 № 6=*Шкорпилъ*. Изв. арх. ком. III, pg. 144 № 69. Συμμάχου: *Шкорпилъ*. Изв. арх. ком. III, pg. 145 № 72 (съ именемъ отца Αἰσχίνου). Τεύθρα: *Becker*. Ihbb. Suppl. X, pg. 225 № 9. (Издатель прочелъ на ручкѣ Αἰσχιρίου и поправилъ это въ Αἰσχρίου. Но это имя не встрѣчается на этихъ ручкахъ; легко допустимо, что Беккеръ ошибся въ разборѣ буквъ и на ручкѣ вырѣзано не Αἰσχιρίου а Αἰσχίνου, тогда этотъ штемпель тождественъ съ оттиснутымъ на ручкѣ *Юргевича*. Зап. Од. Общ. XXI. Проток., pg. 63. Имя отца Αἰσχίνου прибавлено къ имени Ποσειδώνιος. Эмблема отсутствуетъ). *Юргевичъ*. Зап. Одесск. Общ. XVIII, pg. 149 № 79 (съ именемъ отца Αἰσχίνου и одною эмблемою). *Юргевичъ*. Зап. Од. Общ. XVIII, pg. 149 № 78 (съ именемъ отца Αἰσχίνου и двумя эмблемами. Въ имени Ποσειδωνίου рѣзчикъ по ошибкѣ вмѣсто „ω“ въ штемпелѣ вырѣзалъ „ο“).

Шкорпилъ. Изв. арх. ком. III, pg. 145 № 73 (съ именемъ отца Αἰσχίνου и тѣми-же самими двумя эмблемами, но имя Ποσειδωνίου вѣрно оттиснуто). Τεύθρα τοῦ Θυμοχάρους: *Шкорпилъ.* Изв. арх. ком. III. pg. 144 № 71 (безъ эмблемы). *Юргевичъ.* Зап. Одесск. Общ. XVIII. pg. 149 № 77 (съ эмблемою). Φιλοκράτους: *Becker.* Ihbb. Suppl. X. pg. 35 № 16 (съ неясною эмблемою). *Шкорпилъ.* Изв. арх. ком. XI, pg. 80 № 330 (Имя дополнено. 2 эмблемы). При двухъ ручкахъ второе имя не сохранилось: *Becker.* Mél. gréco-rom. I. pg. 495 № 24 и *Юргевичъ.* Зап. Од. Общ. XVIII, pg. 149 № 80 (здѣсь еще прибавлено отчество Αἰσχίνου).

IX. 38 разъ имя читается на послѣднемъ мѣстѣ послѣ слова ἀστυνόμου или ἀστυνομοῦντος, а на первомъ мѣстѣ встрѣчаются слѣдующія имена: Αἰσχίνου: *Becker.* Ihbb. Suppl. V. pg. 494 № 1 (съ перевернутыми буквами). *Юргевичъ.* Зап. Од. Общ. XVIII, pg. 133 № 2—*Шкорпилъ.* Изв. арх. ком. XI. pg. 64 № 243 (несмотря на различіе эмблемъ: въ первомъ случаѣ—пѣтухъ, во второмъ голубь, я рѣшаюсь отождествить оба штемпеля, предполагая, что Шкорпилъ ошибся при опредѣленіи эмблемы на второй ручкѣ. Дѣло въ томъ, что пѣтухъ имѣется на нѣкоторыхъ ручкахъ черноморскаго прибрежья: *Becker.* Ihbb. Suppl. V, pg. 512 № 60 (кирпичъ). ib. X, pg. 31 № 4 и *Юргевичъ.* Зап. Од. Общ. XVIII, pg. 133 № 2; голубь-же, на сколько мнѣ извѣстно, нигдѣ не встрѣчается). *Шкорпилъ.* Изв. арх. ком. XI, pg. 64 № 244 (съ перевернутыми буквами и съ эмблемою). Ἀπολλοδώρου: *Шкорпилъ.* Изв. арх. ком. XI, pg. 66 № 257. Ἀριστοκλέους: *Becker.* Ihbb. Suppl. V, pg. 496 № 5 (кирпичъ, безъ эмблемы). *Becker.* Ihbb. Suppl. X, pg. 31 № 2 (съ одною эмблемою). *Шкорпилъ.* Изв. арх. ком. III, pg. 134 № 9 (съ двумя эмблемами). Ἀριστοφάνεος: *Шкорпилъ.* Изв. арх. ком. XI, pg. 67 № 260a (съ эмблемами: цвѣтокъ и листъ). ib. № 260б (съ эмблемами: львиная голова и палица Геракла). Ἀρτεμιδώρου: *Шкорпилъ.* Изв. арх. ком. III, pg. 135 № 11a (безъ эмблемы). ib. № 11б (съ эмблемою). Βόρυος τοῦ Ζεύξιος: *Becker.* Mel. gréco-rom. II, pg. 212 № 14- *Шкорпилъ.* Изв. арх. ком. XI, pg. 26 № 44. Ἐπιέλπου: ib., pg. 70 № 278. Εὐχαρίστου: *Шкорпилъ.* Изв. арх. ком. III, pg. 137 № 24. Ἡρωνύμου: *Шкорпилъ.* Изв. арх.

ком. XI, pg. 70 № 283 (безъ эмблемы). *Becker.* Ihbb. Suppl. X, pg. 33 № 8 (эмблема—птица). ib. № 9 (эмблема—гроздъ). *Шкорпилъ.* Изв. арх. ком. III, pg. 138 № 29 (эмблема—гранатовый цвѣтъ). Ἡφαιστίου: *Becker.* Mél. gréco-rom. I, pg. 494 № 13. Θεαρίωνος: *Шкорпилъ.* Изв. арх. ком. XI, pg. 71 № 284. Ἱστιαῖος: *Becker.* Mél. gréco-rom. I, pg. 493 № 11=ib. № 12=Ihbb. Suppl. V, pg. 502 № 29=*Видеманнъ.* Журн. Мин. Нар. Просв. 1901. № 5. Отд. кл. фил., pg. 60. (По аналогіи двухъ послѣднихъ ручекъ, гдѣ первое имя читается цѣликомъ, я считаю себя вправѣ на двухъ ручкахъ Беккера пополнить сохранившіяся буквы αίου не въ Ἑστιαίου, какъ это сдѣлалъ Беккеръ, но въ Ἱστιαίου. Тогда получается на четырехъ ручкахъ одинъ и тотъ-же штемпель. Распредѣленіе буквъ и эмблема вполнѣ совпадаютъ.) Μνήσιος: *Becker.* Mél. gréco-rom. II, pg. 20 № 23=*Шкорпилъ.* Изв. арх. ком. XI, pg. 78 № 318. Μονίμου: ib. № 319. Νίκωνος: *Юргевичъ.* Зап. Од. Общ. XVIII, pg. 147 № 69 (кирпичъ). Παταίκιος: *Becker.* Mél. gréco-rom. I, pg. 495 № 20=Ihbb. Suppl. IV, pg. 483 № 38 (на второмъ экземплярѣ неясная эмблема). Πολυχάρμου: *Шкорпилъ.* Изв. арх. ком. XI, pg. 80 № 328. Πρωταγόρου: ib., pg. 81 № 337. Πρωτοφάνους: *Stephani.* C. R. de la comm. arch. 1866, pg. 134 № 25 (безъ эмблемы). *Юргевичъ.* Зап. Од. Общ. XVIII, pg. 150 № 81 (эмблема—бычачій черепъ). *Шкорпилъ.* Изв. арх. ком. XI, pg. 82 № 341 (эмблема—герма). Πυθοκλέους: *Becker.* Mél. gréco-rom. I, pg. 495 № 26. Φημίου: *Шкорпилъ.* Изв. арх. ком. XI, pg. 83 № 350. Χαβρίου: ib., pg. 86 № 363. Χαριξενίδου: *Becker.* Ihbb. Suppl. V, pg. 511 № 57=*Becker.* Ihbb. Suppl. X, pg. 36 № 20......ος: *Becker.* Ihbb. Suppl. IV, pg. 476 № 6. Первое имя не уцѣлѣло на слѣдующихъ штемпеляхъ: *Stephani.* Mél. gréco-rom. II, pg. 20 № 22. (Посейдоній названъ съ именемъ отца τοῦ Νευμηνίου). ib. № 24 (съ одною эмблемою). *Шкорпилъ.* Изв. арх. ком. III, pg. 146 № 89a (съ перевернутыми буквами). ib. № 89b (съ двумя эмблемами).

Если взять въ расчетъ только тѣ случаи, гдѣ дѣло не подлежитъ никакому сомнѣнію, т. е. группы I—V, то Посей-

доній является въ средѣ фабрикантовъ 11 разъ, въ средѣ астиномовъ—20 разъ. Этому надежному опредѣленію въ 31 случаѣ противостоятъ 62 сомнительныхъ случая. Нѣкоторые изъ нихъ можно съ большей или меньшей вѣроятностью еще устранить, относя Посейдонія къ разряду фабрикантовъ или астиномовъ, напр. въ группѣ VI Посейдоній—скорѣе отецъ фабриканта по аналогіи съ Νουμήνιος Ποσειδωνίου(?) (*Шкорпилъ*. Изв. арх. ком. XI, pg 54 № 194b) въ III группѣ и κεραμέως Ποσειδωνίου τοῦ Νουμηνίου (*Шкорпилъ*. Изв. арх. ком. III, pg. 130 № 45a=№ 45b)—въ I группѣ. Въ такомъ случаѣ въ IX группѣ тотъ Посейдоній, имя котораго стоитъ рядомъ съ Πολύχαρμος (*Шкорпилъ*. Изв. арх. ком. XI, pg. 80 № 328), тоже скорѣе фабрикантъ, такъ какъ на ручкѣ VI группы его родственникъ Νουμήνιος скрѣпляетъ съ тѣмъ-же Πολύχαρμος. Подобнымъ образомъ устраняется группа VII и причисляется къ группѣ ремесленниковъ, не столько вслѣдствіе отсутствія слова ἀστύνομος, сколько по аналогіи съ κεραμέως Ποσειδωνίου τοῦ Νευμηνίου въ I группѣ (*Шкорпилъ*. Изв. арх. ком. XI, pg. 86 № 368). Такъ какъ въ I группѣ горшечникъ Посейдоній скрѣпляетъ съ астиномами Ἀριστοκλῆς (*Becker*. Mél. gréco-rom. I, pg. 492 № 3) и Ἀπολλόδωρος (*Юргевичъ*. Зап. Од. Общ. XVIII, pg. 148 № 75=*Шкорпилъ*. Изв. арх. ком. XI, pg. 63 № 237), то изъ IX группы вычеркиваются: *Becker*. lhbb. Suppl. V, pg. 496 № 6. ib. X, pg. 31 № 2. *Шкорпилъ*. Изв. арх. ком. III, pg. 134 № 9 и *Шкорпилъ*. Изв. арх. ком. XI, pg. 66 № 259.

Но, насколько нужно быть осторожнымъ въ подобныхъ опредѣленіяхъ, покажутъ нѣкоторые примѣры. Посейдоній—отецъ астинома Αἰσχίνου на ручкѣ *Becker*'a. lhbb. Suppl. X, pg. 219 № 1. Можно-бы было думать, что въ VIII группѣ Посейдоній, сынъ Эсхина,—непремѣнно астиномъ: *Becker*. lhbb. Suppl. X, pg. 225 № 9= *Юргевичъ*. Зап. Од. Общ. XXI. Прот., pg. 63. *Юргевичъ*. Зап. Од. Общ. XVIII, pg. 149 № 79. ib. № 78. *Шкорпилъ*. Изв. арх. ком. III, pg. 145 № 73. *Юргевичъ*. Зап. Од. Общ. XVIII, pg. 149 № 80. Но въ IX группѣ тотъ-же Эсхинъ и тотъ-же Посейдоній являются попеременно то въ званіи фабриканта, то—астинома:

Becker. Ihbb. Suppl. V, pg. 494 № 1. *Юргевичъ*. Зап. Од. Общ. XVIII, pg. 133 № 2=*Шкорпилъ*. Изв. арх. ком. XI, pg. 64 № 243. ib. 24 № 4. Въ IV группѣ разъ встрѣчается Посейдоній, отецъ астинома Ἀπολλωνίου: *ф. Штернъ*. Зап. Од. Общ. XXII. Проток., pg. 114 № 22. Но тамъ-же имя Ἀπολλώνιος читается какъ имя фабриканта: *Шкорпилъ*. Изв. археол. ком. III, pg. 136. Посейдоній, отецъ горшечника Ἡφαίστιος, читается на ручкахъ: *Юргевичъ*. Зап. Од. Общ. XVIII, pg. 140 № 36. *Шкорпилъ*. Изв. арх. ком. XI, pg. 86. № 367. Но у *Becker*'a. Mél. gréco-rom. I, pg. 494 № 13 одинъ изъ нихъ—горшечникъ, другой—астиномъ. Наоборотъ Посейдоній состоитъ въ родственныхъ связяхъ съ астиномомъ Ἡρώνυμος: *Шкорпилъ*. Изв. арх. ком. XI, pg. 40 № 119. ib. III, pg. 126 № 26. ib. XI, pg. 40 № 120. *Stephani*. C. R. de la comm. arch. 1866, pg. 134 № 21=*Шкорпилъ*. Изв. арх. ком. IX, pg. 40 № 122. ib. № 121. А на ручкахъ: *Шкорпилъ*. Изв. арх. ком. XI, pg. 70 № 285. *Becker*. Ihbb. Suppl. X, pg. 33 № 8. ib. № 9. *Шкорпилъ*. Изв. арх. ком. III, pg. 138 № 29 званія астинома и фабриканта распредѣлены между тѣми-же лицами Ἡρώνυμος и Ποσειδώνιος. Νευμήνιος и Νουμήνιος, какъ мы выше видѣли, были имена отца фабриканта Ποσειδώνιος. Но въ другихъ мѣстахъ отношенія между Νευμήνιος—Νουμήνιος и Ποσειδώνιος уже иныя *Becker*. Mél. gréco-rom. I, pg. 495 № 23 (Ποσειδωνίου ἀστυν. Νευμηνίου) и *Шкорпилъ*. Изв. арх. ком. III, pg. 144 № 70 (Ποσειδωνίου ἀστυν. Νουμηνίου τοῦ Διονυσίου). Даже одно и то-же имя Ποσειδωνίου на одной и той-же ручкѣ встрѣчается, то какъ имя астинома, то—фабриканта: *Becker*. Ihbb. Suppl. IV, pg. 483 №. 39.

При такомъ положеніи дѣла *ф. Штернъ* (Зап. Од. Общ. XXII. Проток., pg. 88) совершенно справедливо отказывается отъ опредѣленнаго рѣшенія вопроса. И врядъ-ли вообще когда-нибудь удастся дать точный отвѣтъ. Этому мѣшаетъ: во первыхъ порядокъ словъ въ большинствѣ надписей, въ которыхъ отношенія между собственными именами и словомъ ἀστύνομος являются крайне загадочными, во вторыхъ пестрая номенклатура, которая, очевидно, распространена была въ южно-русскихъ греческихъ колоніяхъ.

Такая же пестрота замѣчается и при выборѣ разныхъ эмблемъ. Изъ нихъ, очевидно, большая часть выбрана была по иниціативѣ частныхъ лицъ, и только меньшая часть представляетъ собою оффиціальный гербъ. Таковы, очевидно, тѣ эмблемы, которыя особенно часто имѣются на нашихъ ручкахъ. На такомъ основаніи можно-бы было считать за государственные гербы: колосъ, гроздь, двуручный сосудъ, орелъ на дельфинѣ и под. Но и эту группу можно, мнѣ кажется, сильно сократить, если мы обратимъ вниманіе на тѣ эмблемы, которыя встрѣчаются въ соединеніи съ другими. Тогда окажется, что изъ всѣхъ этихъ эмблемъ только одна не соединяется ни съ какою другою, это—орелъ на дельфинѣ. Нельзя приписать чистой случайности того обстоятельства, что этотъ атрибутъ, хотя онъ встрѣчается всего 64 раза на штемпеляхъ, никогда не соединяется съ другими, между тѣмъ какъ колосъ, гроздь, двуручный сосудъ и др. являются во всевозможныхъ комбинаціяхъ, между собою и съ другими эмблемами. Если я не ошибаюсь, то въ орлѣ на дельфинѣ слѣдуетъ видѣть единственный государственный гербъ, а всѣ остальные—частнаго происхожденія. А разъ это такъ, то, быть можетъ, выигриваетъ многое гипотеза ученаго Беккера, который считалъ Ольвію родиною всѣхъ ручекъ со словомъ ἀστύνομος.

E) Кусокъ краснолаковой чашки.

№ 15. (ср. табл.)

Чашка сработана изъ желтой глины, покрытой съ обѣихъ сторонъ краской. На лицевой сторонѣ имѣются рельефныя изображенія, состоящія изъ разныхъ вѣтвей, стеблей и другихъ орнаментовъ. Выпуклыя формы этихъ орнаментовъ отчасти стерты, такъ что тамъ и сямъ проглядываетъ настоящій цвѣтъ глины. Стѣнки сосуда—очень тонкія и матеріалъ хорошаго качества. Подобные нашему черепку обломки съ подобными орнаментами

воспроизведены у *Dragendorff*'а. Terra sigillata. Bonn. 1895 на табл. VI. По вопросу о чашкахъ, изготовленныхъ изъ т. н. terra sigillata, и ихъ распространеніи въ Россіи, особенно по вопросу о происхожденіи этого своеобразнаго рода древней керамики кромѣ только что приведенной работы Драгендорфа слѣдуетъ еще указать на возраженія и поправки *ф. Штерна*. Зап. Одесск. Общ. XXII. 1900, pg. 16 сл.

4.
10.
7.
2.
1.
11.
12.
14.
9.
13.
8.
15.
6.

И. И. Семеновъ.

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЯ ЧЕРТЫ

КЛАССИЧЕСКАГО МІРОВОЗЗРѢНІЯ

(Вступительная лекція читанная 23 сент. 1905 г.).

НѢЖИНЪ
Типо-лит. насл. В. К. Мелепевскаго.
1905.

Печатано по постановленію Конференціи Историко-Филологическаго Института
Князя Безбородко. Директоръ Института *Ф. Гельбке.*

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦІЯ

(читанная 23 сент. 1905 г.).

Отличительныя черты классическаго міровоззрѣнія.

Вступая въ вашъ кругъ и впервые входя на эту каѳедру, какъ работникъ въ области науки и какъ руководитель вступающихъ въ общественную дѣятельность молодыхъ поколѣній, я считаю необходимымъ формулировать теперь свое пониманіе той науки, преподавать которую предстоитъ мнѣ здѣсь, и изложить то направленіе, которое я буду подчеркивать въ своемъ преподаваніи.

Приходится слышать, что изученіе классицизма важно и интересно въ томъ отношеніи, что строй нашей жизни и наша культура вообще исторически-преемственно связаны съ греко-римской эпохой. Это, конечно, вѣрно, но это надобно сказать обо всякой исторической эпохѣ. Классическій міръ имѣетъ характерную *свою* особенность, какой не имѣютъ другія историческія эпохи; и эта особенность состоитъ въ его *міросозерцаніи*, которое имѣетъ вѣчную цѣнность, принципы котораго существуютъ и живутъ такой же жизнью и въ настоящее время, какой они жили тогда, и будутъ существовать и жить вѣчно, пока сущеетвуетъ и живетъ на землѣ человѣкъ. Это—не такіе принципы, которые заимствуются или переходятъ

преемственно отъ одного поколѣнія къ другому, отъ одной эпохи къ другой: это принципы вѣчные, которые лежатъ въ самой природѣ человѣка и которые вѣчно руководятъ имъ въ качествѣ его идеаловъ. Я говорю о принципахъ гуманитарности, о принципахъ идеализаціи человѣка, т. е. о томъ міровоззрѣніи и о тѣхъ идеалахъ, которые постоянно существуютъ въ человѣческомъ обществѣ и которые постоянно борются съ другимъ міровоззрѣніемъ и съ другими идеалами. *А міровоззрѣніе гуманитарности и идеализаціи человѣка были выработаны и вполнѣ развиты въ римскую эпоху.*

Классическій міръ, и особенно въ римскую пору, о которой мы только и имѣемъ въ виду говорить, вѣрилъ въ безконечность и всемогущество духовныхъ силъ человѣка, вѣрилъ въ возможность ихъ безконечныхъ совершенствованій, въ возможность для человѣка, какъ прямо выражались тогда, подняться до состоянія Бога,—а потому классическій міръ обожествлялъ и человѣка и его духовныя силы. Полную и систематическую разработку этого міровоззрѣнія мы находимъ въ римскомъ стоицизмѣ, т. е. въ той философской школѣ, которая, около эпохи Р. Хр., была представительницей взглядовъ римскаго образованнаго общества. Если въ эпоху Цицерона и въ томъ кругу, къ которому онъ принадлежалъ, еще боролись религіозныя и нравственныя міровоззрѣнія различныхъ философскихъ школъ и оцѣнивались выставляемые ими идеалы, то въ I вѣкѣ нашей эры, когда предъ лицомъ грекоримскаго общества выступили религіозные и этическіе идеалы Востока, то метафизичные, то мистическіе, римскій міръ, защищая свою культуру, свою вѣру и свои идеалы противъ надвигающихся на него религіозныхъ и этическихъ теорій и системъ, выставилъ въ болѣе опредѣленной, развитой и рельефной формѣ свой религіозный и нравственный идеалъ человѣка, достигшаго божественныхъ совершенствъ своихъ духовныхъ силъ. Въ противовѣсъ ученію Востока о внѣмірномъ Богѣ, правящемъ во вселенной съ безграничной властью, римское

общество выставляло ученіе о Богѣ-Разумѣ, имманентномъ вселенной и направляющемъ ея развитіе и жизнь по строго-логическому, абсолютно-правильному и абсолютно всѣмъ полезному и доброму необходимому закону. Въ противовѣсъ ученію Востока объ откровеніи и о заповѣдяхъ, даваемыхъ свыше человѣку какъ его высшіе идеалы, стремленіе къ которымъ получаетъ свою цѣль только въ наградѣ вѣчнаго загробнаго блаженства: римскій міръ выставлялъ ученія о присутствіи Бога-Разума въ человѣкѣ, о тожествѣ Бога вселенной и разума человѣка, и слѣд. о тожествѣ требованій Бога съ разумной волей человѣка въ стремленіи къ конечнымъ цѣлямъ единственно признаваемыхъ земныхъ идеаловъ и блаженства на землѣ. Въ противовѣсъ безличному покорному безсилію Востока представители римскаго міровоззрѣнія выставляли идеалъ самостоятельной личности, которая изъ присущаго ей Божественнаго разума беретъ побужденія и цѣли дѣйствій, поступки которой, какъ исходящія изъ требованій космическаго разума, самодовлѣющи и самоцѣльны, сами въ себѣ носятъ и оправданіе и смыслъ жизни. Другими словами, античный человѣкъ стремился не къ внѣ его находящемуся Богу, опирался не на внѣ его лежащую силу и направлялъ свои поступки не по законамъ, даннымъ извнѣ: онъ стремился развить только *свои* личныя силы, опирался только на *себя* и ждалъ идеальной и блаженной жизни только отъ *своихъ* силъ, здѣсь, на землѣ.

Таково было направленіе наиболѣе популярныхъ философскихъ школъ, когда грекоримское общество встрѣтилось съ вліяніемъ, шедшимъ отъ покоренныхъ народовъ Востока. Эти школы были разсѣяны по всему пространству грекоримскаго міра, но представители ихъ сосредоточивались, конечно, въ Римѣ: таковы, напр., философъ Аѳенодоръ, другъ Катона, Діодотъ, учитель Цицерона, Аѳенодоръ и Арей Дидимъ, учителя Августа, стоики, прославленные Тацитомъ, наконецъ Сенека, Епиктетъ, имп. М. Аврелій Антонинъ и др. При этомъ надобно имѣть въ виду еще и тотъ фактъ, что философъ занималъ тогда въ

обществѣ положеніе религіознаго и нравственнаго руководителя. Часто онъ посвящалъ всю свою жизнь на то, что ходилъ по городамъ и въ домахъ общественныхъ собраній и на площадяхъ говорилъ проповѣди: онъ называлъ себя служителемъ, посланникомъ Божіимъ, онъ говорилъ, что онъ ἄγγελος ἀπὸ τοῦ Διὸς ἀπέσταλται πρὸς τοὺς ἀνθρώπους (Epict. 3, 22, 23), что онъ διάκονος θεοῦ (Epict. 24, 43), что онъ—μάρτυρ θεοῦ (3, 26), что его устами говоритъ самъ Богъ (ibid. 3, 1, 36); что учительская и проповѣдническая дѣятельность философа есть священнодѣйствіе (ibid. 3, 1, 36). Изъ исторіи Тацита мы видимъ, какъ философъ занималъ тогда роль духовника при умирающемъ человѣкѣ. Въ жизни Епиктета мы видимъ характерное явленіе, какъ народъ шелъ къ нему за духовной бесѣдой и за совѣтами о праведной жизни. И изъ другихъ фактовъ мы знаемъ, что философъ и, главнымъ образомъ, стоикъ, игралъ тогда въ обществѣ ту же роль, какую играли священники среди христіанъ. Поэтому, можно себѣ представить, какъ по всему міру тогда раздавалась эта проповѣдь о нравственномъ совершенствованіи какъ *самодовлѣющемъ* фактѣ и о задачахъ человѣка стремиться достигнуть конечныхъ идеаловъ *на землѣ*.

Въ этомъ смыслѣ античный міръ толковалъ всѣ догматы и термины, возникшіе тогда въ религіи и наукѣ. Воскресеніе ἀναβίωσις—было для него освобожденіемъ отъ силы впечатлѣній, или полученная способность сознавать жизнь и ея цѣли только сквозь призму космическаго разума. Въ этомъ же освобожденіи отъ власти впечатлѣній, въ поступкахъ по требованіямъ логическаго разума и правды и въ непрерывномъ дѣланіи добра состояло, по его толкованію, спасеніе—σωτηρία или σωτηρία βίου. Когда люди достигнутъ нравственныхъ совершенствъ, на землѣ наступитъ *„иная“* т. е. блаженная жизнь—ἕτερος βίος. *„Ты—богъ“*, говоритъ стоицизмъ человѣку, развившему въ себѣ духовныя силы до полнаго совершенства. „Покажите мнѣ человѣка“, говорится въ другомъ мѣстѣ, который не имѣетъ зависти, вражды, злобы, который хочетъ изъ человѣка *стать Богомъ*“. „Единственная цѣль земного существованія—

развитіе силъ разума, доброе расположеніе къ окружающимъ и созданіе общественнаго блага: и человѣкъ, умирая, долженъ быть счастливъ, если онъ прибавилъ хоть единый шагъ на пути этой эволюціи индивидуальныхъ и общественныхъ совершенствъ“: такъ писалъ имп. М. Аврелій.

Итакъ, вѣра и идеалъ лучшихъ и выдающихся людей античнаго міра римской эпохи состояли въ томъ, что они требовали отъ человѣка и считали для него возможнымъ достигнуть совершенствъ космическаго Разума-Бога, воплотить на землѣ этого Бога, „человѣко-Бога“, какъ иногда называютъ этотъ идеалъ стоицизма, и создать на землѣ блаженство.

Конечно, это міровоззрѣніе варьировалось во всевозможныхъ измѣненіяхъ и оттѣнкахъ, но его сущность оставалась та же. Были и другія міровоззрѣнія, ставившія другіе идеалы и другія цѣли, но указанная система имѣла преобладаніе и служила и была характернымъ выразителемъ античной культуры, по крайней мѣрѣ, въ расцвѣтѣ жизни римскаго общества.

Человѣка, достигшаго такихъ совершенствъ, греки называли *καλός*, а самые нравственные идеалы они называли *καλόν*. Цицеронъ употреблялъ въ этомъ смыслѣ терминъ *honestum*. Слѣд., греки видѣли въ нравственномъ совершенствѣ красоту, и нравственно развитой человѣкъ, или, какъ они называли, πεπαιδευμένος, имъ представлялся красивымъ. Римляне видѣли здѣсь прежде всего *благородство* и это *благородство* имъ представлялось *красивымъ*. Въ сочиненіи *de officiis* Цицеронъ, разлагая понятіе honestum, опредѣляетъ его такъ: оно есть pulchritudo, т. е. вполнѣ законченная красота: красота формы и красота мыслей; оно есть venustas и constantia, т. е. внѣшняя, увлекающая красота ровнаго и вѣрнаго себѣ характера; оно есть convenientia partium et ordo in consiliis et factis, т. е. красота гармоніи въ жизни человѣка, строгая правильность и послѣдовательная система въ мысляхъ, словахъ и поступкахъ; оно есть simplex, sincerum, magnitudo animi excelsi et invicti, т. е. откровенная, честная прямота и простота и

вмѣстѣ съ тѣмъ величіе силы. Сенека называетъ идеальнаго человѣка *cum comitate magnificus.* А въ сочиненіи *de clementia*, гдѣ онъ даетъ картину идеальнаго человѣка, воплощеннаго Бога-Разума на землѣ, онъ, прежде всего, въ его величіи подчеркиваетъ красоту. Слѣд., и римляне въ своемъ идеалѣ человѣка, который мы очертили выше, видѣли красоту, ту красоту, которую мы теперь назвали бы благородствомъ—красоту формы, красоту дѣйствій, красоту чувствъ, красоту мыслей и красоту слова.

Не вдаваясь въ другія формы красоты, входившія въ составъ honestum, мы остановимся здѣсь спеціально на ближе интересующей насъ формѣ красоты, въ которую римляне облекали свою мысль: на литературѣ и ея орудіи--языкѣ.

Считая внѣшнюю красоту вообще неотъемлемой частью того honestum, которое представляло собою воплощеніе Бога-Разума въ человѣкѣ, римляне высоко цѣнили красоту слова какъ конкретную форму, въ которую выливались акты разума—мысль, и они сильно итересовались литературнымъ стилемъ и трудились надъ обработкой слова, какъ каждый художникъ трудится надъ обработкой своего матеріала.

Тому, кто плохо знаетъ полатыни, нельзя доказать музыкальную звучность стиха Вергилія или мелодію стиха Овидія. Но каждому, даже мало знающему полатыни, можно доказать художественную красоту рѣчей и діалоговъ Цицерона. Иногда приходится слышать, какъ выражаетса недоумѣніе: какимъ образомъ рѣчи Цицерона могли дать ему такую славу среди его современниковъ? И дѣйствительно, въ его рѣчахъ часто аргументація кажется слабой, и почти всегда въ нихъ мало фактовъ и много фразъ: сплошь и рядомъ факты теряются за массой словъ; особенно это чувствуется, когда читаешь рѣчь Цицерона спеціально какъ историческій источникъ. Но въ этомъ вовсе не недостатокъ способностей Цицерона: онъ зналъ своихъ слушателей и понималъ, что̀ дѣлалъ. Любая его рѣчь представляетъ собою художественное,

поэтическое произведеніе. Построенная по строгому плану, она, какъ говорится, блещетъ красотой изложенія. Длинные періоды, выражающіе собою одну цѣлую, большую мысль со всѣми ея боковыми развѣтвленіями, часто заостряются такимъ подборомъ выраженій, которыя представляютъ собою метрическія стопы. Многочисленныя предложенія періода ставятся не рядомъ, послѣдовательно, одно за другимъ, но переплетаются другъ съ другомъ, части одного вставляются въ части другого, такъ что весь періодъ представляетъ собою какъ бы цѣльную плетеную работу, а этимъ достигается то, что и мысль, выражаемая ими, является не раздробленной на отдѣльныя части, а цѣльной, законченной картиной. Употребленіе хіазмовъ и анафоръ будятъ вниманіе слушателя и приковываютъ его къ рѣчи. Частое употребленіе троповъ и фигуръ дѣлаютъ рѣчь поэтической. Я не имѣю, конечно, въ виду излагать здѣсь всѣ художественные пріемы Цицерона, но скажу еще объ одномъ, довольно замѣчательномъ: бываютъ, и даже очень часто, случаи, когда Цицеронъ вдругъ начинаетъ говорить ритмической рѣчью.

И, дѣйствительно, Цицеронъ бралъ не аргументаціей, а красотой формы, въ которую онъ облекалъ свою рѣчь. Этой поэзіей въ прозѣ онъ гипнотизировалъ слушателей,—и они безсознательно шли за нимъ туда, куда онъ ихъ велъ, и дѣлали приговоръ, какого онъ хотѣлъ. Поэтическія произведенія представляютъ собою и діалоги Цицерона и часто въ еще большей степени: здѣсь къ внѣшней красотѣ присоединялась еще внутрення красота логики мышленія; часто здѣсь можно какъ бы видѣть глазами, какъ развивается и развертывается мысль. Такими же художниками слова были Саллюстій и Цезарь; особенно—Ливій, исторія котораго переполнена ритмической рѣчью, что̀ и подало поводъ ученымъ видѣть здѣсь передачу Ливіемъ его поэтическихъ источниковъ; я не говорю о Тацитѣ, который принадлежитъ къ числу великихъ художниковъ Европы.

Итакъ, вотъ особенность, характеризующая античный міръ римской эпохи: принципъ разума въ этикѣ и религіи, идея само-

цѣльности жизни человѣка и требованіе красоты въ тѣхъ явленіяхъ, которыя служатъ воплощеніемъ дѣйствій разума.

Этимъ я не хочу сказать, что останавливаясь на этихъ особенностяхъ, можно проходить молчаніемъ или затушевывать всѣ остальныя стороны и явленія классической жизни: рѣшеніе міровыхъ событій на площадяхъ Рима самодержавнымъ римскимъ народомъ, особенно когда этотъ народъ превратился въ пролетаріатъ, а народныя собранія въ бурныя страстныя сходки—такое рѣшеніе міровыхъ событій имѣетъ въ себѣ, помимо чисто-историческаго значенія, драматизмъ, какого не встрѣчается потомъ въ исторіи; столѣтняя экономическая и политическая революція, совершавшаяся на тѣхъ же площадяхъ Рима и сопровождавшаяся осуществленіемъ соціалистическихъ теорій; постепенное превращеніе города Рима, нѣкогда правителя государства, въ простую столицу, равноправную остальнымъ городамъ; начало и ростъ чиновничьяго государства; военно-полицейская администрація, введенная двумя послѣдними Антонинами и развитая Северами; экономическій гнетъ; бѣдность государственной казны и бѣдность населенія; безплодныя попытки правительства предотвратить всеобщее банкротство мѣрами коллегіальности и наслѣдственности въ профессіяхъ; важный въ исторіи институтъ колоната, какъ мѣра противъ обѣднѣнія и вымиранія населенія; правительственная монополизація промышленности; постепенное ограниченіе самоуправленія городовъ и развитіе автократіи; абсолютизмъ Діоклетіана и Константина, какъ послѣдняя попытка поддержать распадающуюся имперію, помогшая, дѣйствительно, хоть на короткое время сковать ее въ твердую массу; объединеніе въ имперіи разныхъ народовъ высокихъ цивилизацій, основанныхъ на разныхъ принципахъ, и возникшая отсюда культурная борьба, помогшая римскимъ юристамъ создать громадную, сложную и тонкую по своей логичности систему общественнаго и гражданскаго права, а въ области религіи приведшая къ синкретизму и къ гностицизму; самобытная религія античнаго міра и ея богослуженіе;

вступленіе въ міръ и побѣдоносный ходъ христіанства и, временами, не менѣе побѣдоносная борьба другихъ религій Востока и, главнымъ образомъ, религіи Бога-Свѣта; послѣдніе годы и постепенное замираніе высшихъ школъ классическаго міра въ Александріи и въ Аѳинахъ:—все это имѣетъ, конечно, большой историческій и драматическій интересъ, какъ жизнь цѣлой, завершенной эпохи, давшей сначала великолѣпные расцвѣты и потомъ умершей отъ внутренняго, до сихъ поръ еще необъясненнаго и непонятнаго разложенія.—Но, повторяю, *вѣчное значеніе классическаго міра состоитъ въ его гуманитарномъ міровоззрѣніи и въ его идеализаціи человѣка.* И потому, въ періодъ Возрожденія классическіе писатели были руководителями новаго направленія, и великіе гуманисты самымъ тщательнымъ образомъ изучали ихъ и издавали тексты ихъ сочиненій. Творцы раціонализма XVIII в. находили въ классикахъ ученіе, которое интересовало ихъ: стоитъ вспомнить о Дидро, оставившемъ громадный трактатъ о Сенекѣ. Даже нашъ современный раціонализмъ, со всѣмъ его гоненіемъ на античный міръ, повторяетъ его міровоззрѣніе.

Таково мое пониманіе классической культуры и ея мѣста на фонѣ человѣческой культуры вообще.

Въ наступающемъ году мнѣ предстоитъ читать курсъ исторіи римской литературы. Въ области этой филологической дисциплины въ послѣднее время появились громадныя работы—Teuffel-Schwabe, Schanz'a и другихъ. Это—цѣлыя энциклопедіи въ наукѣ исторіи римской литературы, какими теперь вообще богата нѣмецкая филологическая литература. Но эти энциклопедіи—сухія: онѣ передаютъ только біографическіе и чисто-литературные факты и выводы послѣднихъ научныхъ работъ. Въ нашей, русской, наукѣ подобная работа принадлежитъ проф. Модестову.

Литература есть зеркало жизни народа: такъ опредѣляла ее еще древность. Въ ней отражается политическая и общественная жизнь народа, его религіозныя убѣжденія и нрав-

ственные идеалы, его пониманіе смысла и цѣлей жизни, его художественные вкусы, его характеръ, его психологія, настроеніе времени и самая смѣна настроеній вмѣстѣ со смѣной поколѣній: въ ней отражается вся жизнь. Слѣдить за движеніемъ литературы значитъ слѣдить за движеніемъ жизни. Но названныя энциклопедическія работы не дѣлаютъ и не могли дѣлать этого послѣдняго, имѣя цѣлью только собрать весь фактическій матеріалъ, которую они и выполняютъ съ такимъ совершенствомъ, что дѣлаютъ себя настольной, необходимой, книгой.

Предполагая, что студенты, занимающіеся классической филологіей, теперь и впослѣдствіи, во время ихъ самостоятельныхъ занятій, во время ихъ преподавательской или ученой дѣятельности будутъ сами брать требующійся имъ фактическій матеріалъ изъ названныхъ работъ, я имѣю въ виду попытаться изложить исторію римской литературы, какъ она можетъ представляться съ точки зрѣнія того пониманія классической древности, о которомъ я только-что сказалъ. Для этого я прежде всего буду слѣдить за исторіей научныхъ и литературныхъ кружковъ въ Римѣ, члены которыхъ въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ всесторонне могли изложить господствовавшіе въ кружкѣ міровоззрѣніе и литературные вкусы. Стоитъ, напр., вспомнить научно-литературные кружки Сципіоновъ и особенно кружокъ Сципіона Младшаго, который былъ однимъ изъ главныхъ факторовъ въ развитіи римской цивилизаціи. Вліятельный уже по самому положенію своего основателя, этотъ кружокъ имѣлъ въ числѣ своихъ членовъ видныхъ, политическихъ дѣятелей Рима; но сердце кружка составляли извѣстные тогда греческіе философы, пріѣзжавшіе въ Римъ или жившіе тамъ; къ нему примыкали и римскіе писатели по профессіи, которые передавали въ своихъ работахъ обсуждавшіяся въ кружкѣ религіозныя, нравственныя, политическія ученія и теоріи и придавали этимъ своимъ работамъ тотъ литературный стиль, какой требовался художественнымъ образованіемъ членовъ кружка. Какое высокое нравственное

и художественное вліяніе имѣлъ этотъ кружокъ и какую реформаторскую роль сыгралъ онъ въ исторіи римскаго просвѣщенія, можно видѣть изъ того, какъ долго сохранялось о немъ воспоминаніе среди образованныхъ людей Рима. Стоитъ вспомнить кружокъ Лутація Катула и кружки другихъ лицъ изъ знатныхъ фамилій Рима. Мы видимъ приблизительно въ это время характерное явленіе: выработка того или другого міровоззрѣнія и литературнаго вкуса начинаетъ считаться необходимымъ для римлянъ, и знатные римляне, знатоки римской и греческой философіи и литературы, ставятъ философскіе и литературные интересы не ниже политическихъ; большая часть пишутъ сами и окружаютъ себя писателями и философами и—что особенно рѣзко бросается въ глаза—не перестаютъ обсуждать философскіе и литературные вопросы даже и при такой обстановкѣ, когда они казались бы неумѣстными, напр., во время походовъ или осады городовъ. Но наиболѣе важные кружки—это, вопервыхъ, кружокъ молодыхъ поэтовъ съ Катулломъ во главѣ, поставившій своей задачей исключительно разработку художественной стороны литературныхъ произведеній: это полное перенесеніе въ Римъ требованій александрійской литературной критики. И вовторыхъ, тотъ знаменитый научно-литературный кружокъ, или то научное и литературное движеніе, во главѣ котораго стоялъ Цицеронъ. Не говоря уже о письмахъ Цицерона и о другихъ современныхъ источникахъ, дающихъ намъ возможность составить характеристику міровоззрѣнія каждаго лица изъ этого кружка, интересно то, что Цицеронъ въ своихъ діалогахъ заставляетъ ихъ систематически излагать и свои религіозное и нравственное міровоззрѣнія и свои художественно-литературныя теоріи. Возьмемъ, напр., *de finibus bonorum et malorum*. Здѣсь вопросъ о благѣ, другими словами—объ идеалѣ и цѣли жизни, обсуждается въ обществѣ Л. Манлія Торквата, Г. Валерія Тріарія, М. Пизона и Катона: это все видные политическіе дѣятели эпохи римской революціи. М. Торкватъ сторонникъ Помпея и потомъ другъ Брута, дѣятельный въ то время ораторъ. Политическимъ

дѣятелемъ былъ и Тріарій. Пизонъ, бывшій консуломъ незадолго до Цицерона, человѣкъ извѣстный въ Римѣ своимъ широкимъ литературнымъ и философскимъ образованіемъ. Личность Катона извѣстна такъ, что объ ней нѣтъ надобности даже и говорить. И эти лица, принадлежавшія къ лучшему обществу Рима, руководившія судьбою Рима во время его революцій, собравшись въ свободную минуту въ кружокъ, обсуждаютъ философскіе вопросы, которыхъ они не забываютъ за политическими безпорядками,—и каждый старается разъяснить и оправдывать свое міровоззрѣніе и свое пониманіе идеаловъ и цѣлей жизни: Торкватъ—міровоззрѣніе эпикурейское, Пизонъ—перипатетическое, Катонъ—стоическое.

Если мы обратимся къ вопросамъ теоріи художественнаго литературнаго стиля, то найдемъ, что и эти вопросы изучались и обсуждались въ кружкѣ Цицерона и тоже лицами самыми замѣтными тогда въ Римѣ. Его сочиненіе *de oratore* представляетъ собою диспуты сторонниковъ разныхъ теорій литературнаго стиля и притомъ главнѣйшихъ ихъ представителей—Лицинія Красса, Антонія, Лутація Катула, Сульпиція Руфа, Кв. Сцеволы, а въ сочиненіи *Orator* Цицеронъ систематически излагаетъ *свою* теорію художественнаго литературнаго стиля, т. е. тотъ идеалъ красоты слова, который носился въ его воображеніи вмѣстѣ съ идеаломъ красоты человѣка.

Такимъ образомъ, при изученіи кружка Цицерона предъ нашими глазами пройдетъ все научно-литературное движеніе того времени: пройдетъ борьба различныхъ міровоззрѣній, борьба теорій литературныхъ стилей, пройдутъ философы, пытающіеся такъ или иначе объяснить смыслъ жизни, пройдутъ историки тѣхъ или другихъ политическихъ взглядовъ, пройдутъ важнѣйшіе политическіе дѣятели съ ихъ идеалами, пройдутъ художники слова. Здѣсь встанетъ, какъ на сценѣ, борьба различныхъ научныхъ и политическихъ взглядовъ, міросозерцаній и художественныхъ вкусовъ,—и слѣдя за этой борьбой, мы будемъ въ состояніи видѣть, какое направленіе беретъ верхъ и получаетъ право на дальнѣйшее существованіе.

Слѣдующіе за Цицероноскимъ литературные кружки, о которыхъ здѣсь я уже не буду говорить, будутъ представлять собою новыя стадіи въ развитіи римскаго міровоззрѣнія и литературной формы.

Хотя міровоззрѣніе, которое развивалось внутри этихъ кружковъ, принадлежитъ Риму и людямъ Рима, однако его нельзя ставить одиноко и считать явленіемъ вполнѣ самобытнымъ. Вся культура Рима тѣсно зависѣла отъ Греціи и не только отъ Греціи періода ея самостоятельности, но, можетъ быть, даже въ большей степени отъ того научнаго и литературнаго движенія, которое происходило тогда въ центрахъ умственной жизни Греціи—при александрійскомъ и пергамскомъ дворахъ. Требованія александрійской критики впервые систематически были перенесены въ Римъ, и притомъ съ большимъ искусствомъ и успѣхомъ, кружкомъ, какъ я сказалъ выше, Катулла; у него явились послѣдователи, и въ вѣкъ Августа жили поэты этого направленія, давшіе великолѣпные образцы—Тибуллъ, Проперцій и др. Теоріи прозаическаго литературнаго стиля, вызывавшія споры ученыхъ александрійскихъ и пергамскихъ, были предметомъ обсужденій и въ Римѣ,—и тѣ и другія имѣли здѣсь сторонниковъ, примѣнявшихъ ихъ и на практикѣ.

Литературное движеніе, совершавшееся въ Римѣ, было только частью того научнаго и литературнаго движенія, которое совершалось тогда на пространствѣ всего античнаго міра, и стояло въ тѣсной связи и въ постоянныхъ сношеніяхъ съ нимъ. Но литературныя требованія, вырабатываемыя въ Римѣ, были глубже, систематичнѣе, послѣдовательнѣе, красивѣе и жизненнѣе. Такимъ образомъ, изученіе кружковъ въ Римѣ приведетъ насъ къ изученію умственнаго и художественнаго движенія, совершавшагося въ античномъ мірѣ того времени. И останется сравнительно немного писателей, стоявшихъ одинако.

Таковъ мой планъ курса исторіи римской литературы, и таково мое пониманіе ея.

А. Покровскій.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ОСНОВНОМЪ ХАРАКТЕРѢ ДРЕВНЕЕЛЛИНСКАГО ГОСУДАРСТВА.

Приложеніе къ рѣчи „О краснорѣчіи у древнихъ еллиновъ“.

НѢЖИНЪ
Типо-литографія М. В. Глезера.
1905.

Печатано по постановленію Конференціи Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко. Директоръ Института *Ф. Гельбке*

Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ моей рѣчи „О краснорѣчіи у древнихъ еллиновъ“[1]), заключающихъ въ себѣ аргументацію (или намеки на аргументацію) высказанныхъ въ рѣчи положеній, не нашлось мѣста для аргументаціи высказанныхъ въ рѣчи[2]) положеній—по вопросу объ основномъ характерѣ еллинскаго государства. Этому вопросу и посвящается настоящее *Приложеніе* къ рѣчи. Оно представляетъ собою попытку намѣтить тѣ черты, съ какими выступаетъ на сцену исторіи государство у еллиновъ, черты, какимъ всегда—если не въ болѣе-реальныхъ, то въ болѣе-формальныхъ или въ болѣе-идеальныхъ сторонахъ своего строя—оставалось вѣрнó каждое еллинское государство.

Мысль, что всѣ еллинскія государства, какъ ни разнообразны были (и бывали) условія ихъ существованія, всегда являли въ политическомъ строѣ своемъ извѣстныя общія всѣмъ этимъ государствамъ черты, очень часто находила себѣ выраженіе въ еллинской литературѣ[3]); на ту же мысль легко наводятъ и болѣе-непосредственныя наблюденія надъ дошедшими до насъ—широко, но скудно разбросанными—слѣдами еллинской политической жизни. Реализовать эту мысль—дать общее понятіе о греческомъ государствѣ, опредѣлить общій характеръ греческаго государства и даже его «развитія»—не разъ, естественно, пыталась и новая

---

1) *Извѣстія Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко*, т. XXI, и отдѣльно: Нѣжинъ. 1903.

2) Стр. 4 сл. (ср. 28 слл.).

3) То, что эта мысль не высказывалась прямо и опредѣленно, говоритъ не противъ ея наличности, а за ея обычность въ еллинской литературѣ: она, несомнѣнно, лежала въ основаніи не только всѣхъ политико-теоретическихъ сужденій, разсужденій и построеній, но и всѣхъ политико-историческихъ представленій (поскольку представленія эти сходили съ почвы отдѣльныхъ—удостовѣренныхъ или нѣтъ—конкретныхъ фактовъ) еллинскихъ писателей; она предполагалась противопоставленіемъ еллиновъ варварамъ (τὸ μὲν γὰρ δοῦλον, οἱ δ' ἐλεύθεροι), какъ и сближеніемъ еллиновъ съ варварами (т. е. еллинскихъ νόμιμα съ варварскими), идеей о τὰ κοινὰ τῶν Ἑλλήνων νόμιμα, какъ и идеей о κοινὰ τῶν ἀνθρώπων νόμιμα.

научная или научно-популярная литература. Къ сожалѣнію, однако, всѣ попытки, какія въ этомъ направленіи предпринимались, были далекими отъ совершенства: случайность, игравшая всегда такую или иную роль въ происхожденіи всѣхъ этихъ попытокъ[1]), конечно, не могла собою обезпечивать ни надлежащей обстоятельности ихъ въ пользованіи показаніями источниковъ греческой исторіи, ни достаточной отчетливости ихъ въ опредѣленіи и постановкѣ своей задачи[2]). Присущихъ всѣмъ

[1]) Ни одна изъ предпринятыхъ доселѣ попытокъ типологическаго разсмотрѣнія греческаго государства не была попыткой самостоятельной, т. е. самодовлѣющей: разсмотрѣніе это служило всегда лишь одною изъ цѣлей, если не однимъ изъ средствъ заключавшихъ въ себѣ эти попытки построеній или изложеній.—Изображеніе „основъ греческой государственной жизни" и „развитія ея формъ" (т. е. формъ государственнаго устройства), а иногда и „общая характеристика греческаго государства (или государственности)" или уясненіе греческаго „понятія государства" находили себѣ то или иное мѣсто въ изложеніяхъ греческихъ государственныхъ древностей (ср. *Hermann* Lehrbuch d. griech. Staatsaltertümer [6], §§ 51 ff. *Schoemann-Lipsius*, Griech. Alterthümer, I 85 ff. *Gilbert*, Handb. d. gr. Staatsaltertümer, II 262 ff. *Busolt*, D. gr. Staats-und Rechtsaltertümer[2], 1 ff. *В. В. Латышевъ*, Очеркъ Греч. Древностей, I[3] 10 слл.) „Систематическому сопоставленію характерныхъ чертъ древне-эллинскаго государства" посвящена и вводная глава монографіи по греческимъ древностямъ *В. Шеффера*, Аѳинское гражданство и народное собраніе, I (1891), 27 слл. Еллинская Polis (и вообще, и „въ историческомъ своемъ развитіи") изображается, какъ одно изъ выраженій греческаго „духа" или „силъ проявлявшихъ себя въ греческой жизни", у *Burckhardt*, Griech. Kulturgeschichte, I[2] 57 ff., какъ одинъ изъ основныхъ элементовъ политической и культурной исторіи эллинистической эпохи—у *Kaerst*, Geschichte des hellenistishen Zeitalters, I (1901)—1 ff., спеціально какъ „колыбель соціализма", какъ почва, на которой развивалась (типически) соціальная демократія,—у *Pöhlmann*, Geschichte des antiken Kommunismus u. Sozialismus, II (1901), 94 ff. Какъ „античная" политическая организація, т. е. въ сопоставленіи съ государствомъ римскимъ, греческое государство разсматривается у *Fustel de Coulanges*, La cité antique (1864), также у *Warde Fowler* The City-state of the Greeks and Romans (1893), какъ античная политическая и соціальная организація—у *Н. И. Карѣева*, Государство-городъ античнаго міра (1903), какъ „арійская" политическая организація, т. е. въ сопоставленіи съ государствомъ и римскимъ, и германскимъ,—у *Freeman*, Comparative Politics (1873). Если къ названнымъ здѣсь попыткамъ присоединить указаніе на популярныя изложенія того, что даютъ обыкновенно для выясненія общаго характера греческаго государства руководства по греческимъ древностямъ,—въ книгахъ *Hammond*, The political institutions of the ancient Greeks (1895), и *Greenidge*, A handbook of greek constitutional history (1896), то, кажется, будутъ исчерпаны всѣ болѣе крупныя попытки; отрывочныя замѣчанія о типичныхъ для греческаго государства, его генезиса и развитія чертахъ находили себѣ мѣсто, конечно, и въ общихъ обзорахъ греческой или всемірной исторіи, въ трудахъ по соціологіи, этнологіи и сравнительно-историческому правовѣдѣнію (ср. и *Roscher*, Politik, 1892), также въ изложеніяхъ греческой политической философіи (въ частности —Политики Аристотеля) и въ монографіяхъ по греческимъ древностямъ.

[2]) Понятно, что случайныя въ своемъ происхожденіи попытки не могли не быть

этимъ попыткамъ несовершенствъ и замысла, и исполненія быть-можетъ

случайными и въ содержаніи своемъ, т. е. не могли быть ни достаточно полными, ни достаточно цѣльными; по тѣмъ же, а отчасти и по инымъ еще причинамъ попытки эти оказываются не опирающимися на достаточное (въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи) знакомство съ представляемымъ источниками греческой исторіи матеріаломъ (въ большинствѣ случаевъ попытки эти—при чрезвычайной, за послѣднее время, быстротѣ и роста; матеріала, и усовершенствованія способовъ пользованія имъ—являются уже устарѣвшими; въ большинствѣ случаевъ онѣ принадлежатъ не научной, а научно-учебной или научно-популярной литературѣ). И теперь,—какъ десять слишкомъ лѣтъ тому назадъ, когда объ „общемъ характерѣ эллинскаго государства и принципахъ, легшихъ въ его основу," писалъ В. А. Шефферъ (Аѳ. гражд., I 27 слл.).—„трудно было бы указать трактатъ или сочиненіе, гдѣ бы съ требуемой обстоятельностью были уяснены всѣ существенныя точки зрѣнія на этотъ коренной вопросъ" (о несовершенствахъ трактата самого В. А. Шеффера—ср. мою рецензію въ *Журн. М. Н. Пр.* 1893, 6, 522 слл.). Въ сущности единственную сколько-нибудь цѣльную (синтетическую) попытку типологическаго разсмотрѣнія греческаго государства имѣемъ мы лишь въ знаменитомъ трудѣ Фюстель де Куланжа; но попыткѣ этой принадлежитъ теперь лишь историческое (а также и педагогическое) значеніе: слишкомъ уже дорогой—для науки—цѣной была куплена изумительная стройность воздвигнутаго Фюстель де Куланжемъ зданія,—цѣной не только игнорированія детальной научной работы, но и своего-рода вивисекціи надъ живыми (живущими своею, конечно, жизнью) показаніями источниковъ; слишкомъ уже далеко завели Фюстель де Куланжа его—не лишенныя, конечно, доли истины—мысли о томъ, что греки имѣли извѣстный фондъ общихъ съ римлянами учрежденій и пережили рядъ одинаковыхъ съ ними революцій въ правѣ и политикѣ, о томъ, что существуютъ коренныя различія между древними народами и новыми европейскими обществами, о томъ, что существуетъ тѣсное соотношеніе между идеями человѣческаго разума и соціальнымъ состояніемъ народа (о несовершенствахъ „своеобразной" научной методы Фюстель де Куланжа вообще, особенно ярко сказавшихся въ его первомъ капитальномъ трудѣ, ср. *В. П. Бузескулъ*, Введеніе въ исторію Греціи², 338 слл., и кромѣ указанной тамъ литературы Kehr, *Hist. Ztschr.*, LXXI 146 ff.). Само собою разумѣется, что слишкомъ далеко ушла впередъ отъ того, что даетъ намъ попытка Фюстель де Куланжа, и научная разработка отдѣльныхъ затронутыхъ въ его книгѣ вопросовъ.—„Дѣлая своимъ предметомъ ту же гражданскую общину древняго міра," Н. И. Карѣевъ, въ своемъ „Государствѣ-городѣ", „вноситъ въ разработку этой темы иную, чѣмъ у Фюстель-де-Куланжа, точку зрѣнія": на античное государство онъ смотритъ какъ на организацію не только политическую, но и „общественную" и соотвѣтственно этому „строитъ" ея не только „политическую", но и „соціальную эволюцію", такъ что „главное содержаніе" его книги оказывается „лежащимъ въ областяхъ политики и экономики". Но такъ какъ области политики и экономики представляютъ собою не два концентрическихъ, а два взаимно-пересѣкающихся круга, и такъ какъ эти два круга, пересѣкаясь между собою, пересѣкаются въ то же время и съ другими кругами, представляющими собою другія „области", какова особенно „область частнаго права и частнаго быта" („для возможности разсмотрѣнія и изображенія" которыхъ „схема, положенная въ основу книги" г. Карѣева, „оказалась, по его собственному признанію, менѣе благопріятною, чѣмъ построеніе Фюстель-де-Куланжа"),—то затрогивающее собою лишь (представляемую сегментомъ) часть двухъ

избѣжала бы попытка, которая пока лишь намѣчается въ научной литературѣ,—попытка, которая имѣла бы своею цѣлью построеніе греческаго государственнаго права, а своимъ средствомъ—полное и точное знакомство съ дошедшими до насъ данными обо всѣхъ греческихъ политическихъ организаціяхъ[1]); но очевидно, что возможность осуществленія такой попытки даже и не въ близкомъ будущемъ науки довольно тѣсно граничитъ съ невозможностью.

Не всю ту задачу, какую ставили себѣ тѣ уже предпринятыя попытки, и какую ставитъ себѣ эта лишь намѣчаемая попытка, а только часть той задачи беретъ на себя попытка, составляющая содержаніе настоящаго *Приложенія*,—имѣющая своею цѣлью намѣтить не типичныя вообще для греческаго государства и его развитія черты, а лишь черты, опредѣляющія собою его основной, исконный, изначальный характеръ. Что эта часть задачи есть часть наиболѣе существенная по своему значенію (по крайней мѣрѣ съ исторической точки зрѣнія),—съ этимъ согласиться, кажется, не трудно. Труднѣе допустить, что эта часть задачи есть часть не только наиболѣе существенная въ своемъ значеніи,

---

(и только двухъ) „областей“ и имѣющее два центра своей тяжести „построеніе“ проф. Карѣева является завѣдомо не полнымъ и не цѣльнымъ (что касается „стремленія“ г. Карѣева „придать“ своей книгѣ „соціологическій оттѣнокъ“, то оно выразилось, кажется, только въ томъ, что античное государство, какъ одно изъ выраженій „соціологическаго типа государства-города“, всегда обозначается у него этимъ „сложеннымъ изъ двухъ словъ названіемъ“). Т. о., „тема Фюстель-де-Куланжа“ въ постановкѣ г. Карѣева, раздваиваясь, теряетъ свою цѣльность; что же касается до ея выполненія, то самъ г. Карѣевъ заявляетъ, что онъ „взялъ задачу, которую брали на себя такіе великіе знатоки древности, какъ Аристотель и Фюстель-де-Куланжъ, не будучи самъ спеціалистомъ собственно въ области древней исторіи“, и „проситъ не смотрѣть на его книгу, какъ на самостоятельное изслѣдованіе, которое двигало бы впередъ науку“.— Едва-ли меньше умѣстна была бы подобная просьба къ своимъ читателямъ и со стороны Fowler'a.

[1]) Какъ одну изъ самыхъ настоятельныхъ задачъ научной разработки и греческихъ государственныхъ древностей, и греческой исторіи, такую попытку рекомендуютъ, имѣя въ виду, конечно, Römisches Staatsrecht Моммзена, *Szanto*, Das griechische Bürgerrecht (1892), 1 ff., Thumser, *Xenia Austriaca*, I (1893), 261 ff., *Wilamowitz-Moellendorff*, Aristoteles u. Athen. I (1893), 374 ff. (ср., впрочемъ, еще *Hüllmann*, Staatsrecht des Alterthums, 1820, также предисловіе Hermann'a къ 4-му изданію его Lehrbuch d. gr. Antiqu., 1855; Staatsverfassung und Staatsrecht der Griechen—такое названіе далъ своему курсу греческихъ государственныхъ древностей, читанному въ 1894/95 г., и J. Töpffer, ср. его Beiträge, 367). Указанія на настоятельность „систематизаціи“ греческаго государственнаго права стоятъ, конечно, въ связи съ указаніями на возможность систематизаціи греческаго частнаго права (ср. *Mitteis*, Reichsrecht u. Volksrecht in d. östl. Prov. d. röm. Kaiserreichs, 61 ff. *Lipsius*, V. d. Bedeutung des griech. Rechts, 7 ff.).

но и наиболѣе устойчивая въ своей конструкціи (т. е. реконструкціи). Въ пользу наибольшей устойчивости именно этой части задачи говоритъ, однако, уже то общее соображеніе, что политическая жизнь и еллиновъ—по крайней мѣрѣ, поскольку она подлежитъ историческому учету—развивалась въ общемъ въ направленіи отъ большей простоты къ большей сложности явленій или отношеній. Правда, рѣшающій эту часть задачи обреченъ на то, чтобы имѣть дѣло не съ прямыми и непосредственными, а лишь съ косвенными или посредственными показаніями источниковъ; но изъ этихъ косвенныхъ или посредственныхъ показаній могутъ быть извлечены данныя нисколько не менѣе надежныя, чѣмъ тѣ, какія мы имѣемъ въ показаніяхъ прямыхъ и непосредственныхъ, зато гораздо болѣе удобныя, чѣмъ тѣ, для обобщеній[1]). Очень не полны и очень не ясны, конечно, тѣ показанія источниковъ, изъ которыхъ могутъ быть добыты данныя объ изначальныхъ чертахъ еллинскаго государственнаго строя, и еще отрывочнѣе самыя эти данныя; но эти данныя отчасти разъясняются намъ въ еллинской литературѣ[2]), отчасти уясняются—античными и не-античными—аналогіями[3]); эта же

---

[1]) Само собою понятно, что рѣчь идетъ здѣсь о тѣхъ данныхъ, какія могутъ быть добыты изъ памятниковъ греческаго государственнаго права (т. е. и его законодательныхъ нормъ, и его практическаго осуществленія) путемъ выдѣленія изъ нихъ (т. е. преимущественно, конечно, изъ болѣе-формальной стороны ихъ содержанія, или состава) того, что̀ не могло въ нихъ быть продуктомъ времени доступнаго изученію непосредственно по самымъ этимъ памятникамъ, т. е. путемъ выдѣленія заключающихся въ нихъ остатковъ (особенно, конечно, „переживаній“) старины глубокой. Полученныя такимъ путемъ данныя представляютъ собою почву гораздо болѣе удобную для обобщеній, нежели непосредственныя показанія историческихъ источниковъ, уже по одному тому, что эти данныя въ гораздо бо̀льшихъ размѣрахъ допускаютъ освѣщеніе и уясненіе свое при посредствѣ аналогій. Практически изолирующее и обобщающее отвлеченіе, анализъ и синтезъ идутъ здѣсь, разумѣется, рука объ руку.

[2]) Прежде всего и больше всего, конечно, въ Политикѣ Аристотеля.

[3]) Отдѣльныя явленія греческаго политическаго быта давно уже сопоставляются съ соотвѣтствующими явленіями быта „римлянъ“, а также и другихъ—вмѣстѣ или отдѣльно взятыхъ—индоевропейскихъ народовъ (а иногда еще и народа израильскаго), сопоставляются и съ явленіями быта всѣхъ вообще народовъ, жившихъ или живущихъ въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ когда-то жили и греки. Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ сопоставленія эти имѣютъ служить не задачамъ собственно-еллинской исторіи, т. е. не обясненію или уясненію явленій еллинскаго политическаго строя, а задачамъ „сравнительнаго языкознанія“, соціологіи, этнологіи или фольклора, сравнительной исторіи права или сравнительной политики, причемъ, конечно, служащія этимъ задачамъ обобщенія или построенія, обыкновенно слишкомъ прямолинейныя (и потому нерѣдко противорѣчивыя) и основывающіяся на недостаточно-пристальномъ изученіи

литература и эти аналогіи могутъ оказать намъ самую существенную помощь и при обобщеніяхъ на почвѣ этихъ данныхъ. Всѣ эти и изолирующія, и обобщающія отвлеченія возможны, однако, только при предположеніи—конечно, лишь относительной—консервативности политическаго развитія еллинскихъ государствъ[1]).

фактовъ, имѣютъ въ виду лишь черты политическаго строя и его развитія общія грекамъ и другимъ народамъ, игнорируя специфическія различія (въ томъ числѣ и различія обусловливаемыя средой) или заимствованія, подражанія. Установленіе общихъ грекамъ и римлянамъ нормъ общественнаго или политическаго развитія, не видоизмѣненій, какимъ подвергались эти нормы подъ вліяніемъ специфическихъ особенностей тѣхъ и другихъ, естественно, имѣютъ своимъ предметомъ и трактаты о государствѣ античнаго, т. е. греко-римскаго міра, въ свою очередь изолирующіе—взятую, въ сущности, съ „классицистической“ точки зрѣнія (т. е. съ точки зрѣнія былой классической филологіи) античную гражданскую общину (или античное государство-городъ): такъ именно ставится вопросъ и въ „изслѣдованіи (étude) о культѣ, правѣ, учрежденіяхъ Греціи и Рима“ Фюстель де Куланжа, и въ „очеркѣ о государствѣ-городѣ грековъ и римлянъ, вводящемъ въ изученіе древней исторіи“, Фоулера, и даже въ „опытѣ историческаго построенія политической и соціальной эволюціи античныхъ гражданскихъ общинъ“ Н. И. Карѣева (потому что со своими „точками зрѣнія соціолога и всеобщаго историка“ и онъ подошелъ не къ античному государству вообще, а къ античному государству взятому уже съ точки зрѣнія „классичной“—съ тѣмъ, чтобы практически „ограничить“ потомъ „свою задачу лишь античнымъ въ тѣсномъ смыслѣ слова міромъ“, „больше держась исторической почвы конкретныхъ фактовъ“).—Конечно, явленія греческаго политическаго быта привлекались иногда и для освѣщенія явленій быта разныхъ отдѣльно взятыхъ народовъ (ср., напримѣръ, *Bornhöft*, Staat u. Recht d. römischen Königszeit, 1881. *Petersdorff*, Germanen u. Griechen, 1902, также—*d'Arbois de Jubainville*, La civilisation des Celtes et celle de l'épopée homérique 1899. *Никитскій*, Очеркъ внутренней исторіи Пскова, 1873).—Аналогіи, важныя для пониманія еллинскаго государства, представляютъ своими устройствами и еллинскіе θίασοι, σύνοδοι или политическія дѣленія отдѣльныхъ гражданствъ (вродѣ филъ, фратрій, демовъ), также и упоминаемыя въ греческихъ надписяхъ и папирусахъ еллинскія и не-еллинскія πολιτεύματα (ср. Ditt. OGI 192. CIG 5361. IGSI. 701. Tebtun. pap. I 32).—Разумѣется, границы, отдѣлявшія еллиновъ отъ не-еллиновъ, никогда не были устойчивы (такъ, и на македонянъ, а тѣмъ болѣе на эпиротовъ, мы въ правѣ смотрѣть какъ на осѣвшій аррьергардъ, какъ на отставшую географически и культурно часть еллинскаго народа, потомъ стремившуюся нагнать ушедшихъ впередъ), дѣлаясь все меньше устойчивыми въ эпоху еллинизма (или еллинизаціи),—какъ не устойчивы были и признаки понятія τὸ Ἑλληνικόν (въ сущности и теперь приходится довольствоваться тѣми общими признаками, какіе отмѣчаетъ въ этомъ понятіи Геродотъ, VIII 144).

[1]) Консервативность эта, давно уже (по указаніямъ греческихъ писателей) подмѣченная въ Спартѣ (какъ въ Римѣ), теперь (ср. *В. П. Бузескулъ*, Аѳинская Политія Аристотеля, 170. 475 сл.) подмѣчена даже и въ Аѳинахъ; на нее нерѣдко указываютъ и еллинскіе политическіе идеалы и теоріи (πάτριος πολιτεία,—ср. πατέρων εὖ κείμενα ἔργα,—ученіе о κύκλωσις τῶν πολιτειῶν). Консерватизмъ (которому въ еллинскомъ государственномъ правѣ особенно благопріятствовала наличность моментовъ сакральнаго ха-

Само собою разумѣется, что это предположеніе, какъ и другія намѣченныя выше соображенія, опредѣляющія собою тему и постановку темы настоящаго *Приложенія*, какова бы ни была ихъ теоретическая состоятельность[2]), могутъ быть оправданы только на практической почвѣ, т. е. на почвѣ самаго матеріала, представляемаго источниками еллинской исторіи. Какъ кажется автору *Приложенія*, вопросъ о допустимости въ интересахъ науки попытки, поставленной такъ, какъ ставится его попытка, фактическимъ (объективнымъ) содержаніемъ этой его попытки рѣшается въ утвердительномъ смыслѣ.

---

1. Если государство вообще характеризуется тремя существенными для бытія государства признаками: 1) территорія, 2) населеніе и 3) государственная власть[1]), то въ примѣненіи къ древнееллинскому госу-

---

рактера) сказывался, конечно, и въ реальномъ, преимущественно же—въ формальномъ содержаніи и тѣмъ болѣе въ формальной сторонѣ (прежде всего, разумѣется,—въ терминологіи) еллинскаго государственнаго права.—Нѣть сомнѣнія, что отдѣльныя еллинскія государства, особенно въ болѣе позднее время, при выработкѣ своей организаціи прямо заимствовались иногда у другихъ государствъ (особенно у аѳинскаго); но заимствованія эти, затрогивая лишь болѣе внѣшнюю сторону дѣла, опять-таки свидѣтельствуютъ объ общности и вмѣстѣ исконности тѣхъ основъ, на почвѣ которыхъ они происходили, и относительно которыхъ они являлись такими же наслоеніями, какъ и тѣ различія въ организаціи отдѣльныхъ государствъ, какія были созданы разнообразными (внѣшними и культурными) условіями ихъ существованія.

[2]) Авторъ настоящаго *Приложенія*, въ пониманіи задачъ исторической науки примыкая къ воззрѣніямъ Дильтей, Зиммеля, Виндельбанда, Риккерта, Мейера, считаетъ попытки подобныя предпринятой имъ попыткѣ вполнѣ законными теоретически, не въ смыслѣ конечно болѣе-непосредственнаго осуществленія цѣлей, какія ставитъ себѣ научная разработка исторіи, а въ смыслѣ увеличенія (т. е. временнаго улучшенія) средствъ, какими можетъ располагать эта разработка (ср. весьма поучительныя и въ примѣненіи къ теоріи и методикѣ исторіи разъясненія M. Weber'a въ *Arch. f. Sozialwissenschaft u. Sozialpolitik*, 1904, 61 ff.).

[1]) Указаніемъ такихъ трехъ признаковъ должно довольствоваться опредѣленіе государства, какъ явленія историческаго (т. е. мѣняющагося во времени, какъ и въ пространствѣ). Признакъ, отличающій государство отъ другихъ выраженій юридическаго отношенія (или юридической связи) съ матеріальнымъ субстратомъ въ территоріи и людяхъ, т. е. присущую спеціально государству власть (направленную внутрь государства и, какъ таковую, признаваемую и совнѣ, т. е. другими государствами) мы, рискуя допустить нѣкоторую тавтологію, называемъ просто государственною властью (имѣя въ виду свойственный лишь ей первоначальный—не производный,—т. е. потенціально-неопредѣленный характеръ): примѣненіе термина „суверенная", или „вер-

дарству тѣ два момента, къ которымъ сводится матеріальный субстратъ выражающейся въ государствѣ юридической связи, приходится видоизмѣнить въ такіе два момента: 1) населеніе гражданское и 2) среда, въ какой это населеніе оказывается, составляющаяся изъ двухъ элементовъ: a) территорія и b) не-гражданское населеніе,—при чемъ моментомъ все собою опредѣляющимъ является гражданское населеніе, а роль принадлежащая территоріи и не-гражданскому населенію оказывается не только служебною, а и случайною.

Такое представленіе объ еллинскомъ государствѣ подсказывается намъ прежде всего тѣмъ опредѣленіемъ, какое даетъ понятію ἡ πόλις Аристотель въ своей Политикѣ[2]). Слишкомъ несовершенно, конечно, это опредѣленіе, очевидно очень затруднявшее автора Политики: но оно поучительно для насъ не только своими совершенствами, но и несовершенствами.

Такъ какъ государство—разсуждаетъ Аристотель—принадлежитъ къ числу предметовъ (или понятій) собирательныхъ, т. е. къ числу состоящихъ изъ многихъ частей цѣлыхъ, то ясно, что понятіе государство опредѣлится, когда опредѣлится понятіе гражданинъ,—ибо государство есть не что иное, какъ нѣкоторая совокупность граждaнъ. Вопросъ—что́ представляетъ собою государство сводится, поэтому, къ вопросу—кого надлежитъ считать гражданиномъ, и что́ представляетъ собою гражданинъ[3]). Понятіе гражданинъ—весьма спорное, какъ не су-

---

ховная власть" ко всѣмъ извѣстнымъ въ исторіи (и въ частности—въ еллинской исторіи) государствамъ является по меньшей мѣрѣ спорнымъ (другія обычныя опредѣленія, или обозначенія власти, какъ одного изъ признаковъ понятія государства, имѣютъ въ виду уже не ея свойства, а ея качества); на томъ же основаніи мы избѣгали и опредѣленія государства терминомъ „союзъ" (ср. напр., *Владимірскій-Будановъ*, Обзоръ исторіи русскаго права[3], 11), и обозначенія его населенія т. е. населенія его территоріи) терминомъ „народъ" (ср. *Сергѣевичъ*, Лекціи и изслѣдованія по др. ист. р. права[2], 79).—Само собою разумѣется, что государство, не мыслимое безъ территоріи, мыслимо безъ опредѣленной, отграниченной территоріи.—Ср. опредѣленіе [платоновыхъ] Ὅροι, 415 C: πόλις οἴκησις (не οἰκητήριον!) πλήθους ἀνθρώπων κοινοῖς δόγμασι χρωμένων· πλῆθος ἀνθρώπων ὑπὸ νόμον τὸν αὐτὸν ὄντων.

[2]) Arist. pol. III 1274 b 33 sqq.—Аристотель хочетъ дать здѣсь опредѣленіе государства вообще (ср. *Rehm*, Geschichte der Staatsrechtswissenschaft, 72 ff.), хотя ближайшимъ образомъ имѣетъ въ виду, конечно, еллинское государство (и не столько будущаго, сколько настоящаго).

[3]) τί ποτέ ἐστιν ἡ πόλις... ἐπεὶ δ' ἡ πόλις τῶν συγκειμένων, καθάπερ ἄλλο τι τῶν ὅλων μὲν συνεστώτων δ' ἐκ πολλῶν μορίων, δῆλον ὅτι πρότερον ὁ πολίτης ζητητέος· ἡ γὰρ πόλις πολιτῶν τι πλῆθός ἐστιν, ὥστε τίνα χρὴ καλεῖν πολίτην καὶ τίς ὁ πολίτης ἐστὶ σκεπτέον.

ществуетъ и общаго согласія насчетъ того - кто гражданинъ, кто нѣтъ (такъ, нерѣдко тотъ, кто непремѣнно считался бы гражданиномъ въ демократическомъ государствѣ, не признается таковымъ въ олигархическомъ). Съ тѣмъ, что званіе гражданина бываетъ сообщено инымъ и не въ совсѣмъ обычномъ порядкѣ—напр., путемъ пожалованія,—можно, конечно, не считаться[4]). Гражданинъ не тѣмъ гражданинъ, что имѣетъ жительство на извѣстной территоріи (οὐ τῷ οἰκεῖν που),—этому праву жительства (на территоріи государства) причастны, вѣдь, и метэки и рабы,—или не тѣмъ, что законъ и судъ считаются съ нимъ, какъ съ отвѣтчикомъ или истцомъ,—это право (такое участіе въ τὰ δίκαια государства) принадлежитъ, вѣдь, и метэкамъ, а также и гражданамъ другихъ государствъ, состоящимъ въ общеніи съ гражданами даннаго государства на основаніи особыхъ договорныхъ соглашеній: во многихъ государствахъ, впрочемъ, метэки пользуются покровительствомъ закона и суда не какъ полноправные (участвуютъ въ τὰ δίκαια не τελέως),—имъ нужно имѣть простата (т. е. взявшагося отстаивать ихъ интересы гражданина),—такъ что не въ полной мѣрѣ (ἀτελῶς πως) участвуютъ они въ этого-рода общеніи съ гражданами. Но также —подобно дѣтямъ—и не внесенныхъ еще, за недостиженіемъ указаннаго возраста, въ регистры (т. е. въ списки гражданъ, непосредственно несущихъ свои права и обязанности), и стариковъ, освобожденныхъ отъ служенія государству, собственно слѣдовало бы признавать лишь гражданами въ нѣкоторомъ родѣ, не прямо, или просто гражданами, называя ихъ, пожалуй, гражданами, но съ оговорками: ἀτελεῖς, παρηκμακότες (еще не полноправные, или перешедшіе предѣльный возрастъ, инвалиды), или что-нибудь въ этомъ родѣ[5]). Мы же хотимъ установить.

---

[4]) τοὺς μὲν οὖν ἄλλως πως (т. е не τεταγμένως) τυγχάνοντας ταύτης τῆς προσηγορίας, οἷον τοὺς ποιητοὺς πολίτας, ἀφετέον.

[5]) Эти нѣсколько сбивчивыя (то внутренне, то внѣшне связанныя между собою) разъясненія имѣютъ въ виду подойти къ опредѣленію, выражающему сущность (указывающему существенные признаки) понятія πολίτης,—устраняя и τὰ ἴδια, и τὰ συμβεβηκότα этого понятія (т. е. его частные и случайные признаки). Имѣть долю въ отдѣльныхъ правахъ гражданъ—хочетъ сказать Аристотель—еще не значитъ быть гражданиномъ.—Оговорка о метэкахъ, которые во многихъ государствахъ μετέχουσι τῆς τοιαύτης κοινωνίας (т. е. τῶν δικαίων) не τελέως, а чрезъ посредство лишь простата, ἀτελῶς πως, обращаетъ мысль Аристотеля къ тѣмъ все-же гражданамъ, которые, подобно этимъ метэкамъ, не имѣютъ—какъ дѣти—юридической или физической возможности непосредственнаго μετέχειν τῆς τοιαύτης κοινωνίας,—къ несовершеннолѣтнимъ и престарѣлымъ; ихъ читаемъ у Аристотеля—φατέον εἶναι μὲν πως πολίτας, οὐχ ἁπλῶς δὲ λίαν ἀλλὰ προστιθέν-

кто абсолютно (ἁπλῶς) гражданинъ,—не кто носитъ такое названіе, къ которому нужны оговорки; иначе намъ пришлось бы, вѣдь, считаться съ подобными же затрудненіями и въ отношеніи ἀτίμων καὶ φυγάδων (т. е. утрачивающихъ—можетъ-быть не всѣ и не навсегда—права гражданскія). Проще и вѣрнѣе всего полагать отличительнымъ признакомъ гражданина, въ настоящемъ смыслѣ этого слова,—участіе въ государственномъ властвованіи[6]). Итакъ, кому принадлежитъ право на участіе

τας, τοὺς μὲν ἀτελεῖς τοὺς δὲ παρηκμακότας ἤ τι τοιοῦτον ἕτερον. Въ болѣе-конкретной части этихъ своихъ замѣчаній Аристотель, конечно. имѣетъ въ виду—описываемые имъ въ πολ. 'Αθ., 42. 53,—порядки современной ему аѳинской πολιτείας.

[6]) πολίτης δ' ἁπλῶς οὐδενὶ τῶν ἄλλων ὁρίζεται μᾶλλον ἢ τῷ μετέχειν κρίσεως καὶ ἀρχῆς (слова κρίσεως καὶ нѣтъ необходимости исключать изъ текста,—независимо даже отъ аргументовъ *v. Wilamowitz-Moellendorff*, Arist u. Ath., I 205,—въ виду очевидной неотдѣланности всего контекста; ср. ниже: ἀρχῆς βουλευτικῆς καὶ κριτικῆς). Изъ властей (ἀρχαί)—продолжаетъ Аристотель—иныя распредѣляются на время (такъ что нѣкоторыя ἀρχάς одно лицо не можетъ ἄρχειν дважды, или если можетъ, то лишь чрезъ опредѣленный промежутокъ времени); но существуетъ вѣдь и не ограниченный срокомъ носитель власти—дикастъ и екклесіастъ. Пожалуй поспѣшатъ возразить, что члены народнаго суда и вѣча не ἄρχοντες, а стало-быть и не участники ἀρχῆς,—какъ ни курьезно было бы объявлять лишенными власти именно имѣющихъ наибольшую силу (въ государствѣ). Разумѣется, это былъ бы споръ лишь изъ-за названія; мы, съ своей стороны,—такъ какъ не существуетъ общаго наименованія для дикаста и екклесіаста, —предложимъ наименованіе ἀόριστος ἀρχή, и будемъ считать гражданами—участвующихъ именно въ такой ἀρχή. Итакъ, вотъ какое опредѣленіе гражданина предпочли бы мы различнымъ отдѣльнымъ представленіямъ о немъ. Но нужно при этомъ имѣть въ виду, что какъ каждый (взятый отвлеченно) родъ вещей объединяетъ собою ихъ виды, различные—первый, второй и т. д.—по степени соотвѣтствія ихъ (видовыхъ) свойствъ свойствамъ родовымъ,—такъ что получается, въ концѣ концовъ, и такой видъ, (видовыя) свойства котораго почти-что не имѣютъ ничего общаго (или едва-едва имѣютъ общее) со свойствами рода (т. е. родоваго понятія), такъ существуютъ различные виды и государственнаго устройства, то ближе, то дальше отстоящіе отъ своего родоваго понятія, политіи πρότεραι и ὕστεραι (въ смыслѣ меньшаго или бо́льшаго уклоненія отъ настоящей политіи,—какъ она мыслится въ своей сущности); и гражданинъ, конечно, не одинъ и тотъ же—при не одномъ и томъ же государственномъ устройствѣ. Поэтому предложенное выше опредѣленіе гражданина ближайшимъ образомъ подходитъ къ гражданину демократическаго государства; въ примѣненіи же къ государствамъ не демократическимъ оно лишь болѣе или менѣе пріемлемо: вѣдь въ иныхъ государственныхъ строяхъ демосъ остается не представленнымъ, екклесію (регулярно-функціонирующее вѣче) замѣняютъ собою σύγκλητοι (разныя собранія ad hoc или совѣты), а судебныя дѣла распредѣляются между отдѣльными органами власти (напр., въ Лакедэмонѣ дѣла по нарушенію частныхъ сдѣлокъ распредѣлены между ефорами, дѣла объ убійствѣ судятъ геронты и т. д.; также и въ Карѳагенѣ судъ по всѣмъ дѣламъ принадлежитъ особымъ магистратамъ). Но отсюда слѣдуетъ только, что данное нами опредѣленіе гражданина предполагаетъ и такую оговорку, или поправку, что въ иныхъ (не демократическихъ) государствахъ съ значеніемъ екклесіата и дикаста выступаетъ не ὁ

въ государственной власти, тотъ гражданинъ даннаго государства, а государство—просто говоря—есть достаточное для самодовлѣющаго существованія количество такихъ участниковъ въ государственной власти[7]). Опредѣляютъ также, чисто практически, гражданина, какъ рожденнаго отъ гражданъ—отца и матери, а иногда требуютъ еще происхожденія отъ гражданъ съ обѣихъ сторонъ въ двухъ, трехъ, а то и больше поколѣніяхъ, причемъ жалуются иной-разъ на затрудненія, какія создаетъ такой пріемъ установленія гражданской правоспособности, когда приходится имъ пользоваться въ практической жизни (гражданской общины),—трудно бываетъ, держась этого пріема, доказать, что дѣдъ, прадѣдъ и т. д. даннаго лица былъ гражданинъ[8]); въ сущности же дѣло рѣшалось бы просто: разъ они участвовали—если принять предложенное выше опредѣленіе—въ государственномъ властвованіи, значитъ они были граждане: все равно, вѣдь, не возможно было бы примѣнять это правило о происхожденіи отъ гражданина и гражданки къ первому поколѣнію гражданства, къ гражданству, основавшему (данное) государство[9]).

2. Таково, въ общихъ чертахъ, опредѣленіе государства въ Политикѣ Аристотеля. Мы видимъ, чтъ государство мыслится здѣсь прежде всего какъ совокупность гражданъ; не-гражданскому населенію, какъ и территоріи не придается сколько-нибудь существеннаго значенія[1]). Это по-

---

ἀόριστος ἄρχων, а ὁ κατὰ τὴν ἀρχὴν ὡρισμένος, такъ что законодательная и судебная власть, во всѣхъ-ли или только въ нѣкоторыхъ дѣлахъ, передается—всѣмъ-ли или только нѣкоторымъ—такимъ „архонтамъ“.

[7]) τίς μὲν οὖν ἐστιν ὁ πολίτης, ἐκ τούτων φανερόν· ᾧ γὰρ ἐξουσία κοινωνεῖν ἀρχῆς βουλευτικῆς καὶ κριτικῆς, πολίτην ἤδη λέγομεν εἶναι ταύτης τῆς πόλεως, πόλιν δὲ τὸ τῶν τοιούτων πλῆθος ἱκανὸν πρὸς αὐτάρκειαν ζωῆς, ὡς ἁπλῶς εἰπεῖν.

[8]) Горгій леонтинецъ,—разсказываетъ Аристотель,—можетъ-быть и считаясь, отчасти, съ подобнымъ затрудненіемъ, но больше иронизируя, сказалъ какъ-то, что какъ ὅλμοι (не то вальки, ступки и т. п., не то ποτήρια)—произведеніе т. наз. ὁλμοποιῶν, такъ и Λαρισαῖοι (Ларисцы)—произведеніе деміурговъ,—именно такъ-называемыхъ λαρισοποιοί. Острота—гостившаго и въ ѳессалійской Ларисѣ (Plat. Meno 70 AB, ср. Isocr. XV 155)—Горгія (если это не просто γοργίειον) имѣла, вѣроятно, своимъ исходнымъ пунктомъ существованіе ремесленниковъ, носившихъ названіе вродѣ λαρισοποιοί, или λαρισαιοποιοί (едва-ли σαρισοποιοί).

[9]) ἔστι δ' ἁπλοῦν. εἰ γὰρ μετεῖχον κατὰ τὸν ῥηθέντα διορισμὸν τῆς πολιτείας, ἦσαν πολῖται· οὐδὲ γὰρ δυνατὸν ἐφαρμόττειν τὸ ἐκ πολίτου ἢ ἐκ πολίτιδος ἐπὶ τῶν πρώτων οἰκησάντων ἢ κτισάντων.

[1]) Это тѣмъ характернѣе, что Аристотель вообще не игнорируетъ значенія территоріи или не-гражданскаго населенія въ общей экономіи понятія государства; напротивъ, онъ считаетъ моменты эти необходимыми, неизбѣжными, само собою разумѣющи-

ниманіе государства, какъ прежде всего гражданства, находится въ полномъ соотвѣтствіи съ еллинской политической терминологіей, какъ документальной, такъ и литературной. Чаще всего въ офиціальныхъ актахъ (напр., въ договорахъ), и у писателей (напр., у историковъ) государства обозначались терминами этническими, т. е. терминами этническаго если не происхожденія, то характера: οἱ Ἀθηναῖοι, Λακεδαιμό-

миcя въ составѣ этого понятія,—только не опредѣляющими его, не существенными для него. Государство,—читаемъ въ Политикѣ,—поскольку оно предполагаетъ собою πολιτείαν (государственную организацію гражданства, или организованное въ государство гражданство), необходимо предполагаетъ и τόπον, потому что если ἡ πολιτεία есть κοινωνία τις, то, вѣдь, πρῶτον ἀνάγκη τοῦ τόπου κοινωνεῖν (ὁ μεν γὰρ τοπος εἷς ὁ τῆς μιᾶς πόλεως, οἱ δὲ πολῖται κοινωνοὶ τῆς μιᾶς πόλεως, 1260 b 38 sqq.); но государство не есть общеніе въ смыслѣ единой территоріи и въ цѣляхъ взаимной защиты или поддержки (οὐκ ἔστιν ἡ πόλις κοινωνία τόπου καὶ τοῦ μὴ ἀδικεῖν σφᾶς αὐτοὺς καὶ τῆς μεταδόσεως χάριν): какъ то, такъ и другое необходимо должны существовать, разъ существуетъ государство, но если то и другое существуетъ, еще не значитъ, что существуетъ уже и государство (1280 b 8 sqq.; ср въ приведенномъ выше опредѣленіи государства или гражданина замѣчаніе, что существеннымъ признакомъ гражданина нельзя считать ни τὸ οἰκεῖν που, ни участіе въ τὰ δίκαια, потому что οἰκήσει пользуются и метэки и рабы, а участіе въ τὰ δίκαια государства можетъ быть сообщаемо и гражданамъ другихъ государствъ, т. е. ξένοις, и принадлежитъ также, хотя и не всегда во всей своей полнотѣ, и метэкамъ). Въ государствахъ непремѣнно, кажется, имѣются въ наличности и рабы, въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ, и метэки, и ξένοι; но когда вопросъ о томъ, какое государство слѣдуетъ считать большимъ, какое малымъ, рѣшается по отношенію къ количеству его населенія, къ πλῆθος, то нужно имѣть въ виду не τὸ τυχὸν πλῆθος, а ὅσοι μέρος εἰσὶ πόλεως καὶ ἐξ ὧν συνίσταται πόλις οἰκείων μορίων (т. е. сколькіе изъ πλήθους образуютъ долю, составляющую собственно πόλιν, изъ коихъ, какъ изъ своихъ непосредственныхъ частей, и состоитъ πόλις,—мы предпочитаемъ здѣсь μορίων принятому Зуземилемъ чтенію большинства рсей—μερῶν). Высказавъ свое сужденіе περὶ μεγέθους πόλεως, Аристотель замѣчаетъ, далѣе, что соотвѣтствующимъ образомъ нужно судить и περὶ τῆς χώρας (т. е. что и ἡ χώρα должна быть εὐσύνοπτος, какъ и то πλῆθος τὸ τῶν ἀνθρώπων), и подробно говоритъ не только о качествахъ, какія должна имѣть ἡ χώρα, но и спеціально о мѣстоположеніи (θέσις), какое—если возможенъ выборъ—слѣдуетъ предпочитать для государства-города, а также о природныхъ качествахъ πολιτικοῦ πλήθους въ зависимости отъ τόπου, или τόπων. Не слѣдуетъ—заключаетъ Аристотель—считать частями πόλεως ὅσα ταῖς πόλεσιν ἀναγκαῖον ὑπάρχειν; такъ, у государствъ должна быть и κτῆσις τροφή, χώρας πλῆθος и т. п., но также и ἔμψυχα μέρη τῆς κτήσεως), но ἡ κτῆσις не есть вовсе μέρος τῆς πόλεως: ἡ πόλις κοινωνία τίς ἐστι τῶν ὁμοίων (1326 a sqq.). Только самое поверхностное (объясняющееся тѣмъ, что слово πόλις употребляется въ различныхъ значеніяхъ) разсмотрѣніе вопроса—когда мы имѣемъ дѣло съ государствомъ все однимъ и тѣмъ же, когда съ другимъ уже, сводитъ все къ связи между территоріей и людьми; вѣдь люди могутъ раздѣлиться, и одни изъ нихъ занять одну территорію, другіе—другую; равнымъ образомъ, если взять живущихъ на сплошной территоріи людей, то наличность одной πόλεως меньше всего опредѣлялась бы стѣнами—вѣдь и Пелопоннесъ можно было бы обнести одной стѣною (1276 a 16 sqq., ср. 1280 b 13 sqq).

νιοι, 'Αργεῖοι, Κερκυραῖοι, Βοιωτοί и т. п.[2]). Правда, типическимъ названіемъ еллинскаго государства сдѣлалось слово πόλις, слово, первоначальное значеніе котораго было, кажется,—городъ[3]), и которое стало обо-

[2]) Ср. эпиграфическіе и литературные тексты договоровъ и о договорахъ между греческими государствами (до 338 г.) въ изданіи *v. Scala*. Die Staatsverträge des Altertums, I. 1898 (напр, 27: ἀ Fράτρα τοῖρ Fαλείοις καὶ τοῖς 'ΕρFαίοις. 174: συμμαχία 'Αθηναίων καὶ 'Αρκάδων καὶ 'Αχαιῶν καὶ 'Ηλείων καὶ Φλειασίων). Ср Ditt. S.[2] 452: ἔκριναν τοὶ Μεγαρεῖς τοῖς 'Επιδαυρίοις καὶ Κορινθίοις. Послы τῶν Μυτιληναίων или Θετταλῶν, посланные παρὰ Τηΐων, судьи посланные παρὰ Πριηνέων - ср. Ditt.[2] 29. 105. Mich. 54 ss. 543.—Mich. 194: ἀ Fράτρα τοῖρ Χαλαδρίορ καὶ Δευκαλίονι· Χαλάδριον ἔμεν αὐτὸν καὶ γόνον. Даютъ (ἔδωκαν) политію или проксенію и пр. (ср. προδικίαν ποτὶ Δελφούς, Ditt.[2] 913)—Δελφοί, Λαμιεῖς, Μεσαμβριανοί, 'Ολβιοπολῖται и т. д. (см. Mich. 257 ss.); разныя лица объявляются проксенами или благодѣтелями—'Αθηναίων, Τεγεατῶν, Καλυμνίων, Κνιδίων и пр. (см. Mich. 79. 188 ss.). Государственныя узаконенія или распоряженія предваряются иногда такою формулою: ἔδοξε τοῖς 'Επιδαυρίοις, 'Αλειοῖσι, Κνιδίοις, Συρακοσίοις, Αἰτωλοῖς, Αἰνιάνοις и пр. (Mich. 175. 188. 290 ss. 316. 450. GDI 3230). Дарованіе права гражданства (т. е. принятіе въ составъ гражданства) выражалось иногда формулой: εἶναι 'Αθηναῖον, Χαλάδριον, Ἠλεῖας, Κυμαίους (обыкновенно—εἶναι πολίτην, или εἶναι, δεδόσθαι πολιτείαν, позже и τετειμῆσθαι πολιτείᾳ, см. *Szanto*, D. griech. Bürgerrecht, 9 ff.). Въ общемъ, повидимому, этническія обозначенія государствъ, хотя и очень непослѣдовательно, уступали свое мѣсто болѣе сложнымъ обозначеніямъ—съ πόλις, δῆμος, κοινόν и т. п., входя въ составъ этихъ болѣе сложныхъ обозначеній (на своихъ ἀναθήματα въ дельфійской святынѣ аѳиняне въ VI и V ст. писали 'Αθεναῖοι, а въ IV—ὁ δῆμος ὁ 'Αθηναίων, Mich. 1116 ss.). И римское государство еллины называли сначала въ своихъ актахъ просто οἱ 'Ρωμαῖοι (Ditt[2]. 203. 239. 272 sqq.; ср. 276: τοῖς πρεσβεύσασιν πρός τε Μασσαλιήτας καὶ 'Ρωμαίους).—Сами собою напрашиваются здѣсь аналогіи,—представляемыя и соотвѣтствующими латинскими обозначеніями греческихъ, италійскихъ, германскихъ, галльскихъ и иныхъ государствъ (иногда такъ-же съ прибавленіемъ—gens, populus, civitas, или commune, т. е. το κοινόν), или такими титулами, какъ—долго переживавшіе—rex Francorum, Anglorum (ср. также König von Preussen, v. Baiern, ср. ze Burgonden); и русской древней письменности обычны выраженія: миръ или ряды съ Греки, посла къ Радимичемъ, Деревляне сдумавше съ княземъ своимъ, бѣ обладая Поляны и Деревляны и Сѣверены и Радимичи, и т. п. (не говоря уже о выраженіяхъ: въ Грекы, въ Грецѣхъ, приде изъ Ляховъ, имѣющихъ полныя аналогіи себѣ и въ другихъ славянскихъ и въ литовскомъ языкахъ,—какъ и въ греческомъ; не невозможно и то, что термины: 'Αχαία, Βοιωτία, Θεσσαλία и т. п. появились первоначально не какъ прилагательныя къ подразумѣваемой χώρα, или γῆ, а какъ существительныя собирательныя, вродѣ Русь или Чюдь, Меря). Характерна и замѣна для монархическаго (не демократическаго) государства обозначенія этническаго личнымъ, т. е. царскимъ (напр., Ditt. 77: συνθῆκαι 'Αμύντᾳ τῷ 'Ερριδαίου καὶ Χαλκιδεῦσι.... ἐὰν τις ἐπ' 'Αμύνταν ἴῃ ἢ ἐπὶ Χαλκιδέας, и дальше—о вывозѣ— καὶ Χαλκιδεῦσι ἐκ Μακεδονίης καὶ Μακεδόσιν ἐκ Χαλκιδέων). Ср. также легенды на монетахъ: Μεσσανίων, Μυτιληναίων и т. п.

[3]) Слово πόλις (*πjολις—ср. гомер. πτόλις, *πολια—ср. πολιήτης, πολιάτας, πολιήοχος, πολιανόμος, и пр.) до сихъ поръ остается не разъясненнымъ въ своемъ происхожденіи и въ своей начальной исторіи. Надо думать, однако, что выясненія первоначальнаго значенія этого слова слѣдуетъ искать скорѣе не въ (еще платоновскомъ, Resp. 369C)

значать и городъ, и государство[4]); но если названіе πόλις, продолжая

сближеніи его съ πολύς (ср. puru. populus, plebes, плъкъ, племя), а въ сближеніи его съ pur (т. е. городище, кремль, см. *Zimmer*, Altind. Leben, 142 ff., ср. лит. pilis, замокъ; Агни могъ такъ же называться въ Ригъ-Ведѣ pur для благочестивыхъ, какъ Эантъ въ Иліадѣ —πύργος для Ахэевъ), а еще проще, кажется,—въ сближеніи съ πέλειν, πολεῖν, -πολος, также πόλος (ср. πτολίεθρον, πολίχνη, πολίζειν, πόλισμα.—лексическій матеріалъ см. у Curtius, Vaniček, L. Meyer, Herwerden), что̀ опять-таки привело бы насъ, скорѣе всего, къ понятію о мѣстѣ, т. е. ближайшимъ образомъ о городищѣ (ср. arx, oppidum, -dunum, или tún, zûn,-ratum, или ráth); быть можетъ не лишено значенія и частое-(и иногда не совсѣмъ ожиданное), невольно напоминающее о лат. insula (insularis) примѣненіе слова πόλις къ островамъ—у Гомера (Косъ, Лемносъ), Архилоха (Паросъ, Θасосъ?), Пиндара (Саламинъ, Эгина), Кратина (Саламинъ), Аристофана (Сицилія), Еврипида (Евбея). Съ локальнымъ значеніемъ (ср. πτολίεθρον) является слово πόλις и въ гомеровскихъ поэмахъ,—иногда, можетъ быть. въ смыслѣ акрополя вродѣ извѣстныхъ намъ путемъ раскопокъ или топографическихъ обслѣдованій большихъ и малыхъ акрополей т. наз. микенской эпохи (ср. πόλιν καὶ δώματα), обыкновенно же въ смыслѣ ἄστυ, т, е. города, городскаго поселенія; жители ἄστεος не-разъ зовутся здѣсь πολῖται (вмѣсто ἀστοί), какъ рядомъ съ Πολίτης выступаютъ Ἀστύπυλος, Ἀστυάναξ и пр.; значеніе города имѣетъ, повидимому, слово πόλις и въ сочетаніи πόλιν καὶ γαῖαν (Od. VI, pass.), значеніе не то города, не то акрополя—въ сочетаніи πόλιν καὶ ἄστυ (Il. XVII 144) или πόλις ἄκρη (νηὸς ἐν πόλει ἄκρῃ, Il. VI 88,—конечно аѳинскаго происхожденія, ср. и Ἐρεχθῆος πυκινὸς δόμος). Любопытно—подтверждаемое и современными офиціальными аѳинскими надписями (CIA I 20 sqq.)—замѣчаніе Θукидида, II 15, что аѳинская ἀκρόπολις до его времени называлась πόλις, διὰ τὴν παλαιὰν ταύτῃ κατοίκησιν (въ частной надписи встрѣчаемъ ἐν ἀκροπόλει еще въ VI—V ст., *Iahn-Michaelis*, Arx Athenarum[3], n. 264); ср. разсказъ Павсанія (VIII 8, 4. 12, 7) о томъ, что въ его времена гора, на которой нѣкогда находилась древняя (основанная Мантинеемъ) Мантинея, слыла подъ названіемъ Πτόλις (ср. также и Θукидидовскую, III 101, Ὑαίων κώμην Πόλιν ὄνομα ἔχουσαν). Въ значеніи городъ, городское поселеніе (т. е. не χώρα, не ἀγροί, но и не ἀκρόπολις, или πολίχνιον, πόλισμα, τεῖχος, πύργος) слово πόλις постепенно вытѣсняло собою, по крайней мѣрѣ изъ прозаическаго, дѣловаго языка, слово ἄστυ; ἄστυ (также προάστιον) всегда сохранялось однако, напр., въ аѳинскомъ языкѣ (особенно—въ елевсинскихъ актахъ), а въ своихъ производныхъ (ср. ἀστεῖος)—и въ офиціальномъ языкѣ многихъ греческихъ государствъ (ἀστός, ἀστή, Fαστία—т. е. не ξενία—δίκα, ἀστικὸν т. е не ξενικὸν—δικαστήριον, ἀστυνόμοι, ср. πολιανόμοι, и пр.).

[4]) Хотя слово πόλις сдѣлалось (особенно, конечно, въ еллинской политической литературѣ) типическимъ названіемъ еллинскаго государства,—и еще больше, нежели само по себѣ, въ своихъ производныхъ: πολίτης, πολιτεία, πολίτευμα, πολιτικός и пр. (ср. πολιτάρχαι, πολιτοφύλακες, πολιτογράφοι, πολιτογραφία и пр), однако примѣнялось оно (въ сколько нибудь-точномъ языкѣ) далеко не ко всѣмъ еллинскимъ государствамъ (ср. ниже), а только къ государствамъ (обычно—небольшимъ) имѣвшимъ—болѣе или менѣе развитой экономически—городской центръ и притомъ болѣе-демократическимъ въ своемъ строѣ. Тогда какъ ἄστυ—толковали грамматики (ср., напримѣръ, Ptolem. π. διαφ. λέξ., *Hermes* XXII 394)—называется только ὁ τόπος (т. е. городская территорія, городъ, ср. mĕsto, maysta, какъ обозначеніе города), πόλις называется и ὁ τόπος (т. е. городъ), и οἱ κατοικοῦντες (т. е. населеніе города съ его областью), и τὸ συναμφότερον. По-

служить обозначеніемъ города, стало обозначеніемъ также и государства,

---

видимому, слово πόλις, означавшее собою сначала городище (или кремль, дѣтинецъ), а затѣмъ и развившійся изъ него, или возлѣ него, городъ, перенесено было и на городъ и его область вмѣстѣ съ населеніемъ города и области, и въ этомъ смыслѣ стало обозначать уже государство (т. е. ближайшимъ образомъ то, что въ новой научной литературѣ называется—не совсѣмъ, можетъ быть, строго выдержанными—терминами Stadtstaat, cité, city-state, государство-городъ) и наконецъ уже перешло и специально на ту часть населенія государства, которая не только прежде всего принималась въ расчетъ въ государственной жизни, но и представляла, или покрывала собою государство (какъ pars pro toto), т. е. на совокупность гражданъ, на πολιτῶν πλῆθος (δῆμος),—изъ чего, разумѣется, вовсе не слѣдуетъ, что исторія термина πόλις въ смыслѣ государство такъ же шла рука объ руку съ исторіей государства греческаго вообще, какъ исторія термина πόλις въ смыслѣ городъ шла рука объ руку съ исторіей города греческаго вообще. Въ официальномъ языкѣ греческомъ государство, хотя бы и имѣющее развитой городской центръ, съ древнѣйшихъ временъ обозначалось обыкновенно просто этническими терминами: Ἀθηναῖοι, Κορίνθιοι и т. п. (см. выше), каковое обозначеніе стало потомъ, въ V в., замѣняться иногда, а послѣ и смѣняться обозначеніемъ ὁ δῆμος ὁ Ἀθηναίων, ὁ δᾶμος ὁ Μεγαρέων и т. п., отчасти быть-можетъ подчеркивавшимъ демократичность даннаго государственнаго строя, также обозначеніемъ—не имѣвшимъ, впрочемъ, большого успѣха—τὸ πλῆθος Ἀθηναίων, Καλυμνίων и т. п. (Ditt. S.[2] 8. 552. Mich. 417 s. 470; ср. CIA I 57: ὁ δεμος ὁ Ἀθεναίον πλεθύον, а также τὸ πλῆθος τῶν πολιτᾶν въ надп. II в., Ditt. 722). Государство (т. е. ближайшимъ образомъ—гражданство, δῆμος) имѣло свою территорію, χώραν, или γῆν (въ документахъ говорилось, напримѣръ, Ἀθηναίοις καὶ τῇ χώρᾳ, или εἰς τὴν χώραν τὴγ Κορκυραίων ἢ ἐπὶ τὸν δῆμον τὸν К. и т. п., ср. Ditt. 33. 80. 84. 164); но на этой территоріи могъ выдѣляться городъ, и какъ χώρα могла разсматриваться уже не вся территорія государства, а только часть ея—лежащая внѣ территоріи города, т. е. ἀγροί (ср. Ditt. 177), такъ что получалось сочетаніе πόλις καὶ χώρα (ср. Ἀμφίπολιν καὶ τὴγ γῆν τὴν Ἀμφιπολιτέων, и т. п., Ditt. 113. 210 280. 461 sq. Mich. 1318),—сочетаніе, которое годилось однако и тогда, когда πόλις мыслилась какъ поглощающая собою χώραν (ср. κατοικοῦντας πόλιν καὶ χώραν τὴν Μαγνήτων, Ditt. 213. 232. 238 sq. 257 sqq. 287. 325 и др.); но въ этомъ послѣднемъ случаѣ можно было довольствоваться и простымъ обозначеніемъ—πόλις. Такъ πόλις становится обозначеніемъ государства (т. е. государства-города), и именно прежде всего, кажется, въ Аѳинахъ V в., и сначала, кажется, во множественномъ числѣ: πόλεις таково было названіе συμμάχων аѳинянъ V в., какъ и IV (ср. Ditt. 23. 33. 377. Mich. 559; ср. Πόλεις Эвполида, также πόλεις αἱ Βοττιαίων, Ditt. 36, πόλιες ταὶ ἐν Πελοποννάσῳ и πόλεε въ примѣненіи къ Аѳинянамъ и Лакедэмонянамъ въ договорахъ 423 и слѣд. годовъ у Ѳукидида, *Scala*, Staatsv., 79 ff.; ср. въ Иліадѣ II 125 sqq.: Τρῶες ἐφέστιοι, οἳ ναίουσι κατὰ πτόλιν, и ихъ ἐπίκουροι πολλέων ἐκ πολίων,—какъ и IX 543 sqq.). Но когда слово πόλις стало обозначеніемъ государства, оно, тѣмъ самымъ, стало дальше и обозначеніемъ опредѣлявшаго собою государство гражданства (ср. τὲμ πόλιν Νεοπολίτας, Ditt. 49, или имена πόλεων въ спискахъ аѳинскихъ союзниковъ—въ формѣ: Ἀμόργιοι, Καλλιπολῖται и т. п.), т. е. совокупности гражданъ, за которыми именно въ этомъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ гражданъ, а не горожанъ, укрѣпилось уже—смѣнявшее или смѣнившее собою названіе ἀστοί—названіе πολῖται (ср. Ditt. 17. 49. 116. 255. 325. Mich. 302. 333. 423. 536). Такъ слово πόλις сдѣлалось собирательнымъ къ своему производному πολίτης (ср. πόλις οἰκεῖ у

то, очевидно, мы имѣемъ во второмъ случаѣ дѣло не съ расширеніемъ понятія (т. е. не съ перенесеніемъ названія съ города на всю его область), а съ обращеніемъ реальнаго обозначенія въ идеальное: вѣдь, хотя и городъ Аѳины, и государство аѳинское, или и городъ Мегары, и государство мегарское, или и городъ Эпидавръ, и государство эпидаврійское одинаково назывались πόλις, но точнѣе городъ обозначался Ἀθῆναι, Μέγαρα, Ἐπίδαυρος и т. п., а государство называлось ἡ πόλις ἡ (или τῶν) Ἀθηναίων, ἁ πόλις ἁ Μεγαρέων, ἁ πόλις (ἁ τῶν) Ἐπιδαυρίων, при чемъ эти формулы нерѣдко являются вполнѣ тожественными такимъ формуламъ, какъ ὁ δῆμος ὁ Ἀθηναίων, ὁ δᾶμος ὁ Μεγαρέων, ὁ δᾶμος τῶν Ἐπιδαυρίων и т. п.[5]).

Ѳук., Ксеноф., Плат., Демосѳ., или ἡ πόλις ἐκέλευον у Ксеноф., ἡ πόλις ἔδωκε, ἐδανείσατο и т. п. въ надписяхъ), такъ что Аристотель могъ позволить себѣ тавтологическое опредѣленіе: ἡ γὰρ πόλις πολιτῶν τι πλῆθος ἐστίν. Въ этомъ своемъ значеніи терминъ πόλις, естественно, сдѣлался тожественнымъ термину δῆμος (ср. прим. 5).

[5]) Ср. ἔδοξε τῷ δήμῳ, τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ (τῦς συνέδρυς κἠ τῦ δάμυ) и ἔδοξε τῇ πόλει (πολίταις, τοῦ κοινοῦ τᾶς πόλιος, Mich. 536. 302), ἁ πόλις καὶ ἁ βουλα (τῷ κόσμῳ, или τοῖς κόσμοις, καὶ τᾷ πόλει, τοῖς ταγοῖς καὶ τῇ πόλει, ср. ὑπὸ τᾶς πόλιος μετὰ τᾶς βουλᾶς); ὁ δῆμος и ἡ πόλις совершенно одинаково примѣняются въ документахъ о дарованіи гражданства, привилегій, почестей, а также въ посвятительныхъ надписяхъ; но и въ большинствѣ другихъ актовъ оба эти термина употребляются обыкновенно или безъ всякихъ различій (иногда лишь по соображеніямъ стиля), или съ едва уловимыми (въ контекстѣ) различіями; случаи, гдѣ терминъ δῆμος подчеркиваетъ собою демократичность государства, этимъ терминомъ обозначаемаго (ср. и ἔδοξε τᾷ ἐκκλησίᾳ, или τῇ ἐκκλησίῃ, также τὰν βουλὰν—τος κόσμος—καὶ τὰν ἐκκλησίαν, или ἄνευ τῆς γνώμης τῆς Ἀθηναίων καὶ τοῦ δήμου), сравнительно очень рѣдки; любопытно и то, что обозначеніе δῆμος примѣнялось вообще если не только къ тѣмъ же, то только къ такимъ же государствамъ, къ какимъ примѣнялось и обозначеніе πόλις. - Самое слово δῆμος, δᾶμος, такъ же, какъ и слово πόλις, не выясненнаго еще происхожденія; возможно, что это слово (ср. ирл. dám, дружина), такъ же, какъ и folc, folk (ср. Fussvolk, плъкъ), первоначально обозначало собою отрядъ, дѣленіе войска (ср. turma aut cuneus), и лишь потомъ стало обозначать (отдѣльное) войско, рать, полкъ, ополченіе, народъ (ср. populus, въ связи съ magister populi, populari, т. е. verheeren, λαός, λαοί, λεώς въ связи съ λεία, ληΐη, т. е. людіе, мужи (ср. ἐλεύθεροι), вѣче-войско (ср. ἐκκλησία, classis, также comitia и comitatus); это значеніе—народъ—и сдѣлалось основнымъ значеніемъ термина δῆμος (при чемъ это значеніе—populus—переходило иногда и въ значеніе plebes); только временно терминъ δῆμος перенесенъ былъ (можетъ быть, первоначально на почвѣ еще военнаго строя) съ людей на территорію—на область, страну (сторону), „волость“, „конецъ“: какъ говорилось „въ Грецѣхъ“, или διὰ Κιλίκων, ἐμ Φωκεῦσι (ср. Mich. 278), такъ въ гомеровскихъ поэмахъ читаемъ Τρώων (или Ἰθάκης, или ἀλλοδαπῷ) ἐνὶ δήμῳ, κατὰ δῆμον (ср. κατὰ πτόλιν) и т. п. (ср. in exercitu Baiowariorum=in Baiern; памятниками такого пользованія терминомъ δῆμος служили отчасти выраженія: ἐπιδημεῖν, ἐνδημεῖν, ἀποδημεῖν, ἐκδημεῖν, какъ и аѳинскіе, калимнійскіе и др. δῆμοι (т. е. территоріальныя дѣленія гражданства, какъ войска-вѣча).—Такую же роль, какую въ древнегреческой терминологіи или ономатологіи играли δῆμος и πόλις, въ древ-

Далеко не всѣ, однако, еллинскія государства могли называться πόλεις; иныя изъ нихъ даже прямо противопоставлялись этимъ πόλεις, нося нарицательное имя τό κοινόν, или ἔθνος[6]).

нерусской играли „волость“ (ср. provincia, ἡ ἐπαρχεία, ἐπάρχειος) и „земля“ (напр., Новгородцы и смолняне и кыяне и полочяне и вся власти на думу на вѣчя сходятся; Черниговская волость, или сторона; рѣша Древляне: посла ны Дерьвьска земля; Грецкая, Руськая земля; тяжа съ Рюрикомъ и съ Давыдомъ и Смоленскою землей; а изъ своего города въ чюжю землю свода нетуть; ср. также—Господинъ Великій Новгородъ, всѣмъ Псковомъ на вѣчи. См. *Сергѣевичъ*, Р. Юр. Древн., І[2] 1 сл.).

[6]) Аристотель въ Политикѣ различаетъ τὰς πόλεις καὶ τὰ ἔθνη еллиновъ (1252 b 19. 61 a 28. 76 a 29. 84 a 38. 85 b 30 sqq. 1310 b 35 sqq. 1326 b 2 sqq.; ср. Eth. Nic. 1094 b 7.; ср. обычныя у писателей римской эпохи выраженія: ἔθνη καὶ βασιλεῖς (ср. reges socii populi Romani) καὶ πόλεις, αἱ πόλεις καὶ ἔθνη, οὔτε ἔθνος οὔτε πόλις τις и т. п. Ditt. OGI 229: τοὺς βασιλεῖς καὶ τοὺς δυνάστας καὶ τὰς πόλεις καὶ τὰ ἔθνη (244 г. до Р. Х.). Ditt. S.[2] 256: τῶμ βασιλέων καὶ τῶν ἄλλ[ων Ἑλλήνων ἁπάντ]ωμ κατὰ ἔθνη καὶ πόλεις (к. III в). 347: πόλεις αἱ ἐν τῇ Ἀσίᾳ κατοικοῦσαι καὶ τὰ ἔθνη (48 г.). 364: πᾶσα πόλις καὶ πᾶν ἔθνος (37 г. по Р. Х.). Ср. 656: παρὰ δὲ Μακεδόσιν καὶ τοῖς λοιποῖς ἔθνεσιν τοῖς Ἑλληνικοῖς καὶ ταῖς ἐν αὐτοῖς πόλεσιν. Одни еллинскія племена (ἔθνη), ушедшія впередъ и географически, и культурно, рано стали дробиться на болѣе-мелкія гражданства-государства, съ городскими центрами, т. е. на πόλεις, и такими же πόλεις, естественно, становились сразу и государства, основывавшіяся на земляхъ „варваровъ“ подъ руководствомъ передовыхъ государствъ, т. е. государствъ-городовъ; другія еллинскія племена—тѣ, которымъ пришлось пріостановиться въ своемъ культурномъ развитіи,—или прямо представляли цѣлымъ своимъ составомъ отдѣльныя гражданства, т. е государства, или дробились на нѣсколько такихъ же гражданствъ, т. е. племенныхъ государствъ, обыкновенно легко поступавшихся своею политическою самостоятельностью въ пользу своего общеплеменнаго цѣлаго. Такія племена-государства такъ и назывались, въ отличіе отъ πόλεις,—ἔθνη; другимъ названіемъ такого ἔθνος было τὸ κοινόν (и кажется, названіе τὸ κοινόν приблизительно такъ же относилось къ названію ἔθνος, какъ названіе πόλις къ названію δῆμος; ср. τὸ κοινὸν τῶν Αἰτωλῶν ἀρετᾶς ἕνεκεν καὶ εὐεργεσίας τᾶς ποτὶ τὸ ἔθνος, Ditt. 295 sq. δεδόχθαι τῷ κοινῷ τῶν Λυκίων φανερὰν γενέσθαι τὴν τοῦ ἔθνους γνώμην, *Heberdey*, Opramoas, n. 26. 68). Повидимому названіе τὸ κοινόν (ср. τὸ κοινὸν τῆς πόλεως, противопоставляемое обыкновенно, какъ и ἡ πόλις, или κοινῇ ἡ πόλις, отдѣльнымъ πολίταις, или τοῖς ἰδίᾳ, ἰδιώταις), примѣнявшееся и къ фратріямъ, демамъ, филамъ, демамъ, къ частнымъ родовымъ или коллегіальнымъ собществамъ (см. Mich. 961 ss., также *Ziebarth*, Gr. Vereinsw., 136), стало (едвали раньше начала IV в.) примѣняться ко всѣмъ еллинскимъ (болѣе или менѣе демократическимъ, демократическимъ въ основаніи) государствамъ, поскольку къ нимъ не могло быть примѣняемо названіе πόλις—потому-ли, что они не имѣли экономически развитаго городскаго центра (ср. τὸ κοινὸν Ἐτεοκαρπαθίων, Ἀβαίων, Μονδιατᾶν, Ditt. 69. 253. 793), потому-ли, что ихъ территорія по своей обширности не могла казаться поглощенною городскимъ центромъ (ср. τὸ κοινὸν τῶν Ἠπειρωτῶν τῶν περὶ Φοινίκην, Ditt. 291); такъ, это названіе стало примѣняться и къ племеннымъ государствамъ, ἔθνη, и по ихъ примѣру (тѣмъ болѣе, что эти ἔθνη обыкновенно были государствами союзными, симполитіями,—пустившими потомъ свой изстари сохранявшійся строй въ общій политическій оборотъ еллинскаго міра) къ государствамъ, сложившимся изъ нѣсколькихъ государствъ, изъ нѣсколькихъ πόλεις или ἔθνη (ср. τὸ κοινὸν τῶν Παιόνων, Αἰνιάνων, Λοκρῶν

3. Итакъ, политическая терминологія еллиновъ говоритъ, повидимому, то же, чтò и Аристотель,—что государство еллинское есть прежде всего совокупность гражданъ. Эти граждане, составляющіе государство, какъ части составляютъ цѣлое, опредѣляются у Аристотеля какъ участники или носители государственной власти[1]). Однако совокупность носителей государственной власти, представляя собою гражданство, не исчерпываетъ его собою: гражданами, хотя и не въ полномъ, не въ настоящемъ смыслѣ этого понятія, являются, не говоря уже о не имѣющихъ, за дряхлостью, физической возможности осуществлять свое право на участіе въ государственной власти, и несовершеннолѣтніе сыновья гражданъ[2]),—какъ и вообще гражданское происхожденіе обычно опредѣляетъ собою принадлежность къ гражданству[3]), хотя, съ другой сто-

---

τῶν ἠοίων, Ἀκαρνάνων, Αἰτωλῶν, Ἀχαιῶν, Θετταλῶν, Βοιωτῶν, Μακεδόνων, Ἰώνων, Κρηταιέων, Νησιωτῶν и пр. Названіе κοινόν оказывалось, разумѣется, пригоднымъ и для πλῆθος τῶν πολιτῶν (ср. Ἀθηναίων τὸ πλῆθος, Ditt. 8), и для πλῆθος юридическихъ лицъ—τῶν πόλεων или ἐθνῶν (ср. τὸ πλῆθος τῶν συμμάχων, Ditt. 84), болѣе-ли естественнымъ, или болѣе-искусственнымъ путемъ составилось πλῆθος.

[1]) Положеніе, что государство есть цѣлое (ὅλον состоящее изъ частей, каковыми частями служатъ граждане. или что государство есть κοινωνία τις τῶν ὁμοίων, Аристотель выставляетъ и въ дальнѣйшемъ изложеніи, указывая, однако, на то, что положеніе это не только никогда не находитъ, но даже и не можетъ находить себѣ непосредственнаго осуществленія на практикѣ (1261 a 17 sqq. 75 b 34 sqq. 1326 a 17 sqq. 28 a 21 sqq.); но и на теоретической-же почвѣ этому представленію о государствѣ, какъ объ одномъ изъ τῶν ὅλων μὲν συνεστώτων δ' ἐκ πολλῶν μορίων, противополагается представленіе о государствѣ, какъ объ ἕν τι κοινόν, въ коемъ, составляется-ли оно ἐκ συνεχῶν, или ἐκ διῃρημένων, необходимо ἐμφαίνεται το ἄρχον καὶ τὸ ἀρχόμενον; съ этой точки зрѣнія гражданинъ и теоретически (не говоря уже о создающей εἴδη πλείω πολίτου практикѣ) оказывается уже не ἄρχων только, но вмѣстѣ и ἀρχόμενος, частями-же (μόρια), изъ коихъ складывается πόλις, является уже не граждане, а οἰκίαι, такъ же, какъ πόλις, выражающія собою отношеніе ἄρχον καὶ ἀρχόμενον, но вмѣстѣ и отношеніе ἄρρεν καὶ θῆλυ (1252 a 18 sqq. 1276 b 15 sqq.).

[2]) Ср. 1278 a 2 sqq.: τοῦτο γὰρ ἀληθές, ὡς οὐ πάντας θετέον πολίτας ὧν ἄνευ οὐκ ἂν εἴη πόλις, ἐπεὶ οὐδ' οἱ παῖδες ὡσαύτως πολῖται καὶ οἱ ἄνδρες, ἀλλ' οἳ μὲν ἁπλῶς οἳ δ' ἐξ ὑποθέσεως· πολῖται μὲν γάρ εἰσιν, ἀλλ' ἀτελεῖς.—Само собою разумѣется, что если, какъ παῖδες, могли разсматриваться въ качествѣ не настоящихъ, не совершенныхъ гражданъ и несовершеннолѣтніе, и престарѣлые (ср. διὰ τὸν χρόνον ἀπειρηκότες, 1329 a 33), то первые лишены были и права ἐκκλησιάζειν καὶ δικάζειν (διὰ τὸ μὴ ἀπογράφεσθαι, ср. 1297 a 24 sqq.), а вторые только физической возможности осуществлять это право.

[3]) Разсматриваемое въ своихъ элементахъ, государство представляется Аристотелю сложившимся (чрезъ посредство κωμῶν) изъ οἰκιῶν, заключающихъ въ себѣ какъ мужа, такъ и жену, какъ отца, такъ и дѣтей (οἰκία μὲν πᾶσα μέρος πόλεως, ταῦτα δ' οἰκίας), при чемъ πᾶσα πόλις φύσει ἐστίν, εἴπερ αἱ πρῶται κοινωνίαι, т. е. οἰκίαι (или γένη, ср. 1280 b 25 sqq.) καὶ κῶμαι (1252 a 24 sqq.). Ср. 1261 a 18 sqq. 76 a 34 sqq. 83 a 33 sqq.

ны, гражданиномъ можно и не родиться, а сдѣлаться[4]); если, далѣе, въ составъ гражданства входятъ дѣти отъ браковъ гражданъ съ гражданками, то къ этому составу принадлежатъ, стало-быть, и гражданки[5]).

Т. о., гражданство въ аристотелевомъ опредѣленіи является предъ нами въ двухъ видахъ—какъ совокупность всѣхъ гражданъ (въ томъ числѣ дѣтей и женщинъ) и какъ совокупность совершеннолѣтнихъ гражданъ (мужескаго пола),—какъ totum и какъ pars (pro toto),—и Аристотель, повидимому, не зналъ, какъ поладить съ этой синекдохой[6]). Намъ теперь, конечно, трудно освоиться съ той мыслью, что государство еллинское и на самомъ дѣлѣ могло себѣ позволить такую синекдоху; но еще труднѣе понять это государство не усвоивъ себѣ мысли объ этой синекдохѣ.

Чрезъ всю болѣе-непосредственно доступную намъ исторію еллинскихъ узаконеній, касавшихся гражданства, какъ основного элемента государства, красной нитью проходитъ эта двойственность представленій о гражданствѣ: то мыслится оно въ своемъ цѣломъ—какъ естественно возникшая и существующая группа родового, или племенного характера, то мыслится оно лишь въ одной своей части—какъ личный союзъ, или товарищество совершеннолѣтнихъ гражданъ мужескаго пола[7]). Такъ, этотъ двойственный характеръ гражданства сказывается уже въ двойственномъ характерѣ политическихъ расчлененій гражданствъ (на филы, фратріи, демы и тому-подобныя группы),—яснѣе всего, разумѣется, въ порядкахъ послѣклисѳеновской πόλεως τῶν Ἀθηναίων, гдѣ ря-

---

[4]) Ср. 1275 b 34 sqq. 78 a 15 sqq

[5]) Ср. 1260 b 15 sqq. αἱ γυναῖκες ἥμισυ μέρος τῶν ἐλευθέρων). 69 b 12 sqq. (τὸ ἥμισυ τῆς πόλεως). 78 a 26 sqq.

[6]) Отсюда сбивчивость, запутанность аристотелева опредѣленія государства или гражданина, какъ и несогласованность его съ разсмотрѣніемъ государства въ его сложеніи—ἐξ ὧν σύγκειται (ср прим. 1 и 3).

[7]) Ср. обычное и въ надписяхъ, и въ литературѣ (напр., у Θукидида или у Діодора) выдѣленіе изъ состава гражданскаго населенія—παῖδες (τέκνα) καὶ γυναῖκες: ὑπὲρ σωτηρίας τῶμ πολιτῶν καὶ γυναικῶν καὶ τέκνων (Ditt. S². 553, ср. τῆς βουλῆς καὶ τοῦ δήμου τοῦ Ἀθ. καὶ παίδων καὶ γυναικῶν, ib. 606. 640. 650), κινδυνευόντων τῶν πολειτῶν μετὰ γ. κ. τ. (Ditt. 325. 270), κεκομίσθαι ἡμᾶς τὴν πατρίδα καὶ κατεληλυθέναι μετὰ τ. κ. γ. (ib. 308. 552). Иногда къ τέκνα καὶ γυναῖκες (παιδία καὶ γύναια) присоединяются (напр., у Исократа. у Діодора, у позднихъ ораторовъ) καὶ γονεῖς или καὶ οἱ γεγηρακότες и т. п. (ср. Luc. Alex. 221: ξυνδεδραμήκει γὰρ σχεδὸν ἅπασα ἡ πόλις ἅμα γυναιξὶ καὶ γέρουσι καὶ παιδίοις. Dio Chr. XI 8: μετὰ παίδων γυναικῶν καὶ γονέων καὶ χρημάτων). CIGS III 130: ἡ πόλις... ὑπὲρ προγόνων τε καὶ αὐτῶν καὶ γῆς καὶ τεκέων καὶ σφετέρων ἀλόχων. Ср. Il. IX 593 sq.

домъ съ фратріями, въ которыхъ состояли граждане съ ихъ **женами** и дѣтьми, становятся демы, въ которые зачислялись только совершеннолѣтніе граждане мужескаго пола, т. е. рядомъ съ старыми **дѣленіями** гражданства, какъ племенной группы, становятся новыя дѣленія гражданства, какъ личнаго союза[8]). Представляющее собою гражданство-

[8]) Дѣлавшіеся по постановленію народа аѳинскаго аѳинянами (т. е. аѳинскими гражданами) въ V и слѣд. стол. зачислялись въ филу, въ демъ, во фратрію (ὧν οἱ νόμοι λέγουσιν, или κελεύουσιν, πλὴν [ὧν ἀπαγορεύουσιν]; ср. постановленіе совѣта и народа Θασίων о Поліаретѣ съ сыновьями и дочерьми и ихъ потомствомъ: εἶναι δ' αὐτοὺς καὶ [ἐπὶ] πατρην ἣν ἂν πείθωσιν, Mich. 354). Въ аѳинскія фратріи вводились (въ ближайшее время послѣ рожденія, какъ и послѣ достиженія физической зрѣлости) и сыновья, и дочери отъ законныхъ браковъ фраторовъ, и усыновляемые ими, а также и ихъ жены (въ ближайшее время послѣ бракосочетанія), хотя собственно въ списки фратрій (φρατερικὰ γραμματεῖα) вносились, повидимому, только сыновья фраторовъ (ср. Ditt. S.² 439 и списокъ фраторовъ IV в., 'Εφ. ἀρχ. 1901, 157); въ списки же демотовъ (ληξιαρχικὰ γραμματεῖα, ср. τὰ κληρωτήρια Смирнэйцевъ, Ditt. OGI 229, 53) вписывались лишь сыновья гражданина и гражданки по достиженіи 18 лѣтъ, чтобы, пробывъ два года въ ефебахъ, быть потомъ внесенными въ списки несущихъ военную и гражданскую службу гражданъ (ср. списки выходящихъ изъ ефебовъ въ ополченіе въ различныхъ городахъ бэотійскихъ, Mich. 618 ss., особенно списки лебадейскіе: FικατιFέτιες ἀπεγράψανθο, GDI 417 ff., ср Χαλκιδέων τοὺς ἡβῶντας ἅπαντας, Ditt. S.² 17); не какъ принадлежащія къ демамъ (ср. надписи Родоса или Калимны, IGIns., I, Index, GDI 3593), а лишь какъ жены или дочери принадлежащихъ къ демамъ, обозначаются гражданки и въ аттическихъ надписяхъ хотя вопросъ περὶ κλήρων καὶ ἐπικλήρων, ср. Arist. π. 'Αθ. 42, такъ или иначе затрогивалъ вѣроятно, и интересы демовъ). Такъ гражданинъ аѳинскій опредѣлялся принадлежностью своею (ср. средніе вѣка) къ той и другой корпораціи (ср. Kock CAF II 291); но какъ списки демовъ покрываютъ собою списки фратрій, такъ и вообще демы съ теченіемъ времени все больше заслоняютъ собою фратріи, переходящія постепенно, подобно римскимъ куріямъ, на положеніе переживаній (и главнымъ образомъ на сакральной почвѣ). Ср. *Hermann-Thumser* Gr. St.-Alt.,⁶ 313 ff. 456 ff. *Wilamowitz*, Arist. u. Ath., II 145 ff. 259 ff. *Mommsen*, Feste d. St. Ath., 323 ff. *Samter*, Familienfeste d. Gr. u. R. 68 ff. O. Müller, *Jahrb. f. cl. Phil.*, S.-B. XXV 749 ff. Körte, *Hermes*, XXXVII 582 ff. *А. Придикъ*, Шестая рѣчь II ея. 103 сл. Организуя демы, ставя ихъ чрезъ посредство триттій въ связь съ учрежденными имъ, вмѣсто прежнихъ четырехъ, десятью филами, Клисѳенъ, по разъясненію Аристотеля (π. 'Αθ 21, ср. pol. 1275 b. 1319 b.), хотѣлъ уничтожить въ политической жизни всѣ различія между старыми и новыми элементами аѳинскаго гражданства, всякіе родовые счеты (въ этомъ смыслѣ и говорилось μὴ φυλοκρινεῖν, по адресу желавшихъ разбирать τὰ γένη); но онъ оставилъ имѣть κατὰ τὰ πάτρια τὰ γένη καὶ τὰς φρατρίας καὶ τὰς ἱερωσύνας, обрекая ихъ, конечно, на политическое прозябаніе. Подобное колебаніе между родовымъ и личнымъ началомъ (и обыкновенно оттѣсненіе родоваго начала въ пользу личнаго) наблюдается и вообще въ исторіи политическихъ дѣленій гражданствъ греческихъ, сказываясь и въ названіяхъ и наименованіяхъ этихъ дѣленій. Ср., кромѣ фратрій и демовъ, πάτραι, γένη (на Самосѣ, ср. Swoboda, *Festschrift f. Benndorf*, 250 ff.), συγγένειαι (хотя это названіе могло означать собою и просто συνο-

племя, государство вмѣшивается въ область гражданскихъ—семейныхъ или вещныхъ—отношеній; представляемое гражданствомъ-товариществомъ государство считается лишь съ гражданами-сотоварищами, участниками въ государственномъ властвованіи, предоставляя имъ самимъ считаться со своими семьями[9]). Какъ гражданство-племя, государство заботится о продолженіи своемъ (во времени) и вмѣстѣ о чистотѣ крови въ своемъ (будущемъ) составѣ; какъ гражданство-товарищество, государство заботится о томъ, чтобы возможно-шире были представлены права его сочленовъ, чтобы возможно-лучше было обставлено несеніе ими своихъ обязанностей. Отсюда съ одной стороны узаконенія о бракѣ, объ условіяхъ его законности, или законности дѣторожденія[10]), съ другой—узаконенія

σίας), и ἑκατοστύες, χιλιαστύες, ἑταιρεῖαι, συμμορίαι; уже въ Иліадѣ предполагается, повидимому, какъ дѣленіе на φῦλα и φρήτρας, такъ и дѣленіе на сотни и т. п. (II 362. 126. VIII 5?3. IX 85 sq.; также Od. VIII 27 sqq.); Геродотъ, I 65, называетъ у Спартіатовъ τὰ ἐς πόλεμον ἔχοντα, ἐνωμοτίας καὶ τριηκάδας καὶ συσσίτια. Ср.—часто, впрочемъ, сглаживавшееся различіе въ самыхъ наименованіяхъ филъ—болѣе-естественнаго и болѣе искусственнаго происхожденія, болѣе-родового и болѣе-личнаго характера (филъ родовыхъ, γενικῶν, и территоріальныхъ, τοπικῶν, по терминологіи Діонисія, A. R. IV 14, въ примѣненіи къ до-сервіевымъ и сервіевымъ трибамъ), напр. аѳинскихъ до-клисѳеновыхъ филъ и и филъ клисѳеновыхъ и послѣ-клисѳеновыхъ (см. *Szanto*, D. griech. Phylen, 72 ff., также *Liebenam*, Städteverwaltung im röm. Kaiserreich, 220 ff.). Ср. также образованіе фатріи изъ ставшихъ Стирійцами, т. е. вошедшихъ въ составъ Стирійскаго гражданства, Медеонійцевъ (Ditt.² 426), или олимскія συγγενείας πρότερον δὲ φυλὰς καλουμένας (BCH XXII 436 ss.), также переживавшія лишь на сакральной почвѣ родосскія филы (*Hermes*, XXXVI 442).—Тотъ же двойственный характеръ, т. е. характеръ то родовой группы, то личнаго союза, являютъ, въ организаціяхъ (и въ наименованіяхъ) своихъ, и частные θίασοι, σύνοδοι и т. п., иногда называвшіе себя и φυλαί или φράτραι (ср. сопоставленія *Ziebarth*, Gr. Vereinsw., 183 ff., и *Rhein. Mus.*, LV 501 ff.; въ сущности и γένη (ср. πάτραι, πατριαί) были лишь однимъ изъ видовъ этихъ частныхъ сообществъ. Ср. Arist. pol. 1262 a. 1280 b.

[9]) Ср. Aeschin. I. 18: ὁ νομοθέτης οὔπω διαλέγεται αὐτῷ τῷ σώματι τοῦ παιδός, ἀλλὰ... τοῖς κυρίοις· ἐπειδὰν δ'ἐγγραφῇ τις εἰς τὸ ληξιαρχικὸν γραμματεῖον, οὐκέτι ἑτέρῳ διαλέγεται, ἀλλ' ἤδη αὐτῷ. Γυνή, никогда не вписывающаяся въ ληξ. γραμμ., всегда остается на положеніи παιδός.

[10]) Трудно рѣшить, было-ли узаконено (какъ говорятъ намъ позднія извѣстія, Poll. III 48. VIII 40. Plut. Lys., 30. de am. pr., 2. Stob. fl. 47, 16; ср. Plat. Conv. 192 A) въ Лакедэмонѣ и во многихъ другихъ государствахъ судебное преслѣдованіе ἀγαμίου, ὀψιγαμίου, даже κακογαμίου (объ обрядовомъ преслѣдованіи холостяковъ въ Лакедэмонѣ разсказываютъ Клеархъ у Athen. XIII 555 c и Плутархъ Lyc. 15; ср. также выдѣленіе ἀγάμων въ представленіяхъ о загробной жизни, *Rohde*, Psyche², I 326 ff. *Dümmler*, Kl. Schr. II 140 ff.); повидимому законы аѳинскіе ставили нѣкогда условіемъ допущенія къ προεστάναι τοῦ δήμου—παιδοποιεῖσθαι κατὰ τοὺς νόμους, Din. I 71. Aeschin. II 149. Arist. π. 'Αθ. 4 (ср. ib. 55. Aesch. I 27 sqq.; ср. также аѳинскую βασίλισσα, сирос-

ο κύριος, т. е. о главѣ семьи и дома или опекунѣ[11]), отсюда такіе ком-

---

скую ἀρχεῖνη, IGI V 659 sqq., теносскую συναρχία. Le Bas II 1835, галикарнасскихъ γυναῖκας τὰς τῶν πρυτάνεων, Ditt. S². 601). Во всякомъ случаѣ, если законы греческихъ государствъ и не предписывали никогда гражданамъ (какъ „Законы“ Платона) обязательнаго вступленія въ бракъ, то косвенно они не упускали случая оказывать покровительство бракамъ гражданъ, заботясь, конечно, не столько о томъ, чтобы родовые, или семейные боги или почившіе предки гражданина не остались безъ культа, сколько о τὰ εἰς τον βίον, о φυλακή τῶν ἔνδον гражданина, и вмѣстѣ о ὑγιεία καὶ σωτηρία гражданства, ближайшимъ образомъ о его продолженіи въ потомствѣ,—т. е объ ἀροτός, или σπορὰ παίδων γνησίων (ср., кромѣ Государства и особенно Законовъ Платона и Политики Аристотеля, Democr. fr. 278 D. Arist. Eth. Nic. 1162 a. [Demosth.] LIX 122. Stob. fl. LXVII sq., также молитву Магнетовъ о себѣ, женахъ, γενεά и ἐπιγονή, Ditt. 552, или формулы заклятія, какое налагали на себя государства-гражданства, ib. 461 sqq. Aesch. III 111); Аристотель, pol. 1270 a sq., сообщаетъ о законѣ у Лакедэмонянъ, установившемъ освобожденіе отъ φρουρᾶς для отца трехъ сыновей и отъ всѣхъ повинностей для отца четырехъ (ср. позднее римское ius trium или quattuor liberorum; возможно, впрочемъ, ставить это сообщеніе въ связь съ Polyb. XII 6 b, 5 sqq.; ср. также ѳермопильскихъ ἄνδρας τοὺς καταστεῶτας τριηκοσίους, καὶ τοῖσι ἐτύγχανον παῖδες ἐόντες, Herod. VII 205). Столько же, сколько и отдѣльные граждане (ср., кромѣ текстовъ, сопоставленныхъ у *Schmidt*, Ethik d. Gr, I 71 ff.,—Ditt. S². 427. 461 sq. OGI 229. Mich. 15. 1318 [Demosth.] LIX 10. Lys. XII 10), заинтересованное въ своемъ продолженіи если не въ пространствѣ (αὔξησις), то во времени,—въ своемъ безсмертіи διὰ τῶν γενέσεων (Plut. amat. 5, ср. Isocr. VIII 120), государство-гражданство тѣмъ самымъ было заинтересовано и въ томъ, чтобы представлять собою всегда τὸ γένος ταὐτό, καίπερ αἰεὶ τῶν μὲν φθειρομένων τῶν δὲ γινομένων (Arist. pol. 1276 a 35 sqq); отсюда покровительство, какое то въ большей, то въ меньшей мѣрѣ, но всегда оказывали законы бракамъ гражданъ съ гражданками и дѣтямъ отъ этихъ браковъ. Аѳинское законодательство, повидимому, не только приняло подъ свою защиту, но и регулировало самое установленіе такихъ браковъ, по крайней мѣрѣ въ его собственно-гражданскихъ (т. е. не сакрально-обрядовыхъ) моментахъ (ἐγγύησις или въ—примѣненіи къ ἐπίκληρος—ἐπιδικασία, т. е. сговоръ, „своды“, могутъ быть сопоставляемы съ тѣмъ, что теперь называется „гражданскимъ“ бракомъ, при чемъ государство могло не довольствоваться этимъ гражданскимъ бракомъ, а требовать и брака „церковнаго“, не регулируя его однако, т. е. предоставляя его въ вѣдѣніе самихъ заинтересованныхъ гражданъ или фратрій: такъ рѣшался бы спорный вопросъ о формахъ заключенія брака, ср. *Hruza*, Beiträge z. Gesch. d. gr. u. r. Familienrechtes, I 35 ff. Thumser, *Serta Hartel.*, 189 ff. O. Müller *Jahrb. f. cl. Ph.*. S.-B. XXV 743 ff., также *Samter*, Familienfeste, 1 ff. 97 ff.). Только дѣти гражданина отъ его законнаго брака съ гражданкой (ἐξ ἀστῆς καὶ ἐγγυητῆς κατὰ νόμον, или γαμετῆς, какъ говорили аѳиняне) признавались законными дѣтьми (γνήσιοι) и были φύσει, γένει πολῖται; какъ таковые, они противопоставлялись внѣбрачнымъ дѣтямъ гражданъ, такъ-называемымъ νόθοι (ср. σκότιος); характерно, что, независимо уже отъ возможности усыновленія ихъ (какъ и удочеренія), незаконорожденные дѣти гражданъ не только бывали обезпечиваемы государственными законами въ своемъ участіи въ нѣкоторой долѣ принадлежавшихъ семьѣ (по крайней мѣрѣ, вещныхъ) правъ (ср. GDI 4598), но иногда даже представляли собою какъ бы особый классъ (ср. въ косской надп., Mich. 612, τὸς δηλομένος τῶν τε πολιτᾶν καὶ πολιτίδων

промиссы, какъ узаконенія о наслѣдованіи безъ завѣщанія (въ частности

καὶ νόθων καὶ παροίκων καὶ ξένων, или въ линдскомъ спискѣ, GDI 4159, обозначившихъ себя, какъ и другіе, πατρόθεν, но съ прибавкою: ματρὸς δὲ ξένας; ср. также—чрезъ посредство аѳинскихъ νόθοι, которые нѣкогда συνετέλουν εἰς Κυνόσαργες, Demosth. XXIII 213, или παράσιτοι, Athen. 234 e,—лакедэмонскихъ μόθακες, или гортинскихъ ἀπέταιροι). Естественно, что νόθοι, и вообще (въ обходъ—не достаточно опредѣлительныхъ—законовъ) легче всего попадавшіе въ составъ гражданства, прежде всего привлекались въ этотъ составъ, когда государству приходилось восполнять недостаточное количество τῶν γνησίων πολιτῶν, и, наоборотъ, дольше всего держались въ этомъ составѣ, когда государство начинало ограничивать число гражданъ (Arist. pol. 1278 a 26 sqq. 1319 b 7 sqq.); къ внѣбрачнымъ дѣтямъ гражданъ непосредственно примыкали въ этомъ отношеніи дѣти гражданокъ отъ не-гражданъ (Arist. ibid.; ср. также Mich. 296. 305. 354. 385. GDI 1614). Правами гражданства могли пользоваться дѣти не ἐξ ἀστῶν ἀμφοτέρων, а ἐξ ἑνός (Arist. oec. 1346 a) конечно и тогда, когда ихъ родители принадлежали къ государствамъ-гражданствамъ заключившимъ между собою договоръ объ ἐπιγαμία (ср. Mich. 15. 187. *Szanto*, D. gr. Bürgerrecht, 75 ff.). Ср. и Il. V 70. VI 24. XI 101 sqq. XIII 173 sqq. Od. XIV 199 sqq., а также измышленія о Пароеніяхъ, Ἐπεύνακτοι и т. п. (тексты указаны у *Busolt*, Gr. G., I² 407; ср. Polyb. XII 5 sqq., и надпись о κοραι, коихъ Αἰάντειοι καὶ ἁ πόλις Ναρυκαίων Λοκροῖς ανεδέξαντο, *Jahresh. d. ö. Inst.*, I, B., 50).—Представленіе о гражданствѣ какъ о племени, даже какъ о семьѣ (ср. κοινὴ ἑστία τοῦ δήμου, или τῆς πόλεως, *Rosch. Myth. L.*, I 2629 ff.) или родѣ (какъ будто это была фратрія или какіе-нибудь τοὶ ἐγ Διομέδοντος καὶ ἀεὶ τοὶ ἐξ αὐτῶν γενόμενοι,—тоже, м. пр., имѣвшіе, наряду съ ἔγγονοι, и своихъ νόθους, Ditt. 734), представленіе, постоянно сказывавшееся и въ сакральной жизни государства (особенно въ его мистическихъ культахъ, ср. *Samter*, 9. 102 f.), и въ его сакральной ἀρχαιολογία (ср., напр., почитаніе боговъ или героевъ, какъ родоначальниковъ, γενάρχαι, государствъ-гражданствъ, и вообще προγόνων, *Rohde*, Psyche, I² 113 ff. Pl. Euthyd. 302 D,—отсюда и эпонимы-архегеты десяти клисѳеновыхъ филъ,—также συγγένειαν, какъ мотивъ договоровъ, между двумя гражданствами, CIGS I 4130 sqq. Ditt. 276. 314. 654), наглядно выражавшееся въ государственныхъ празднествахъ (съ ихъ процессіями, парадами, хорами, состязаніями, трапезованіями), находило себѣ—не строго держась этой сакральной почвы, но и не рѣзко отъ нея отрываясь (такъ сказать, на рубежѣ между праздничнымъ и будничнымъ бытомъ)—выраженіе и въ государственныхъ узаконеніяхъ, регулировавшихъ положеніе (точнѣе сказать—выступленіе) въ обществѣ гражданокъ, воспитаніе (и вообще поведеніе) дѣтей гражданъ, различныхъ возрастовъ и обоего пола: таковы были, напр., соотвѣтствующіе законы Солона, какъ и приписываемое Димитрію Фалерейцу новое, исправленное и дополненное ихъ изданіе (ср. и законы объ Ареопагитахъ), или законы устанавливавшіе γυναικονόμους и παιδονόμους и т. п. (основной смыслъ этихъ законовъ раскрываютъ, кромѣ Arist. pol. 1299 a 22. 322 b. 37 sqq, [Менандръ], ἐπιδ., 64 sq. B., и надписи, напр., Ditt. 879. 523. 553. 653. 877. CIG 2881). Характерны замѣчанія и разсужденія Аристотеля (pol. 1269 b sq.) о невниманіи лаконскаго законодателя къ женской половинѣ гражданства, послѣдствіемъ чего была здѣсь, какъ и у многихъ воинственныхъ племенъ, гинэкократія (ср. Xen. r. Lac., 1. Plut. Lyc. 14 sq., также Mich. 946. 951). Тѣмъ значеніемъ, какое должны были имѣть гражданки, какъ „половина" гражданства-племени, легко могутъ быть объяснены и тѣ отдѣльныя явленія греческаго политическаго быта, въ какихъ видятъ переживанія Mutterrecht'а (*Морганъ*, Первоб. общество, 333 сл. *Töpffer*, Att. Geneal., 187

о такъ-называемой ἐπίκληρος) [12]). Какъ личный союзъ, гражданство мо-

---

ff. Tümpel, *Philol.*, L 607 ff. Szanto *Festschr. f. Benndorf*, 259 f. *Herzog*, Koische Forsch., 183 ff; ср. также place aux dames на изображеніяхъ, жанровыхъ и религіозныхъ, „микенской", или „эгейской" эпохи, особенно на критскихъ). — Всѣ затронутые здѣсь моменты законодательствъ еллинскихъ государствъ удовлетворительно разработаны пока лишь въ отдѣльныхъ своихъ подробностяхъ: мало обращается вниманія и на освѣщающія ихъ аналогіи (ср. и законы Хаммураби, 128 сл.); больше всего свѣта проливаютъ, конечно, аналогіи представляемыя римскою законодательною (и цензорскою) политикою (напр., въ отношеніи целибата, конкубината, или leges sumptuariae, и пр.).

[11]) Считаясь со всѣмъ составомъ гражданства, т. е. и съ гражданами, и съ гражданками, и съ дѣтьми гражданъ и гражданокъ (ср. прим. 10), законодательства еллинскихъ государствъ въ то же время выдѣляли изъ этого состава тѣхъ гражданъ, которымъ принадлежало непосредственное участіе въ государственной власти (т. е въ вѣчѣ съ его органами—совѣтомъ, судомъ, магистратурою), при чемъ на рубежѣ (или на рубежахъ) между этою и прочими составными частями гражданства возможны были различныя переходныя состоянія, различнымъ образомъ опредѣлявшіяся въ своемъ юридическомъ значеніи или положеніи (ἔφηβοι, ἀγελάοι, δρομέες, ἴρενες—ср. τριτίρενες, Mich. 613,—ἠίθεοι и т. п. съ одной стороны, и аѳинскіе ἀδύνατοι или ἄτιμοι μέρος τι съ другой,—не говоря уже о престарѣлыхъ, одряхлѣвшихъ гражданахъ, ср. прим. 2 и 7). Κυριεύειν, κυρίους εἶμεν—эти выраженія надписей (Ditt. S.[2] III p. 351 sq.) могутъ быть примѣнены къ этимъ гражданамъ—участникамъ ἀρχῆς—по отношенію къ остальному гражданству (не говоря уже о не-гражданахъ и тѣмъ болѣе о κτήσεις); каждый изъ нихъ и является κύριος и своей οἰκίας (ср. Ditt. 817), и своихъ жены, дочерей, пока не выдастъ ихъ замужъ, и сыновей, пока они не достигнутъ гражданскаго совершеннолѣтія, т. е. пока они не сдѣлаются, подобно ему, и въ той же долѣ, какъ онъ, участниками ἀρχῆς: таковъ, по крайней мѣрѣ, былъ нормальный порядокъ вещей, отъ котораго, конечно, на практикѣ возможны были различныя уклоненія; такъ, не говоря уже о томъ, что иные граждане (особенно οἱ νέοι, нерѣдко составлявшіе потомъ συνόδους, ср. collegia iuvenum) не имѣли жены или дѣтей, не всѣ граждане имѣли и отдѣльный домъ, отдѣльное хозяйство—возможны были и „большія семьи", т. е. общія хозяйства отца съ сыновьями или братьевъ: такія „большія семьи" (правда, царскія) рисуются и въ гомеровскихъ поэмахъ (Ил. VI 242 sqq., ср. Од. X 1 sqq.), онѣ существовали и у лакедэмонянъ (Polyb. XII 6 b, 8) и у аѳинянъ (ср. Aeschin. I 102, [Dem] XLIV 10 sqq. Lys. XVIII 21), онѣ предполагаются и гортинскими законами, IV 23 sqq; ср. и Mich. 335 (ольбіополиты даютъ право безпошлиннаго ввоза или вывоза месембрійцу или его дѣтямъ или его братьямъ οἷς κοινὰ τὰ πατρῷα), также CIGP I 1506. Ditt. 865. 854 857. GDI 2321 и др.; эти семейныя общины греческія напоминаютъ собою однако не столько „единоначальную" югославянскую, сколько „многоначальную" древнерусскую семейную общину (характеристика которой у *Сергѣевича*, Др. р. пр, III 64 сля., какъ нельзя лучше подходитъ и къ греческой „большой семьѣ"; ср. также тексты, указанные у *Владимірскаго-Буданова*, Обз. ист р. пр.,[3] 462 сл.). Во всякомъ случаѣ, хотя еллинамъ и не была свойственна patria potestas, особенно по отношенію къ взрослымъ сыновьямъ, хотя бы и не выдѣлившимся изъ отцовской семьи или дома, въ томъ объемѣ, въ какомъ ее предполагаютъ обыкновенно у римлянъ (ср. *Mitteis*, Reichsrecht u. Volksrecht, 66. 209 ff.), но и у еллиновъ сыновья до своего гражданскаго совершенно

жетъ и исключать изъ своего состава (т. е. предавать если не физичес-

---

лѣтія, а дочери до выдачи въ замужество состояли во власти отца. замужнія же дочери—во власти мужа.—поскольку отцы первыхъ или мужья послѣднихъ и представляли, и заслоняли ихъ собою предъ органами власти государственной; въ этомъ смыслѣ отцы или мужья и были κύριοι, и въ случаѣ ихъ смерти (или въ случаѣ развода) ихъ собою замѣняли въ этой роли братъ или братья, сынъ или сыновья (вдовъ), или опять отцы (вдовъ или „отосланныхъ“ мужемъ). когда же не оказывалось ни отцовъ. ни совершеннолѣтнихъ братьевъ или сыновей,—опекуны (по возможности изъ ближайшихъ родственниковъ). Оставляя въ сторонѣ вполнѣ-естественную наличность κυρίου или ἐπιτρόπου въ отношеніи несовершеннолѣтнихъ (аѳинскій законъ. воспрещавшій παιδί, какъ и γυναικί, συμβάλλειν πέρα μεδίμνου κριθῶν, Isae. X 10, остается не разъясненнымъ, ср. *Schulthess*. Vormundschaft n. att. R., 101. ff.; быть-можетъ здѣсь имѣлись въ виду συμβόλαια—δι᾽ ἐπιτρόπου, какъ CIG 3143. ср. Ditt.[2] 510. 28?),—то, что женщина всегда имѣетъ κύριον или κυρίους, и притомъ не въ лицѣ только отца или брата, а и въ лицѣ иногда нѣсколькихъ братьевъ вмѣстѣ ([Dem] XL 7. Isae. II 3 sq.) и сына или сыновей (Od. XX 341 sq. [Dem.] XLII 27. CIG 2338), заставляетъ видѣть сущность этой κυριείας не столько въ сакральныхъ или патріархальныхъ (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) отношеніяхъ, сколько именно въ предпочтительномъ вниманіи законодательства къ гражданамъ-участникамъ ἀρχῆς. Потому-то власть κύριος'а надъ гражданкою такъ легко обращалась въ формальность и въ то же время такъ долго держалась, какъ формальность. Все осложнявшаяся практика жизни, и хозяйственной, и духовной, вела къ повышенію гражданской дѣеспособности женщины; все чаще и все больше приходилось фактически считаться съ нею судебнымъ и другимъ правительственнымъ учрежденіямъ, особенно когда мобилизація земельной собственности сдѣлала ее владѣлицею и распорядительницею не только движимаго, но и недвижимаго имущества; но и теперь обыкновенно она или не выступала официально, или выступала не иначе какъ вмѣстѣ съ κύριος (какъ писалось въ актахъ—καὶ ὁ κύριος, μετὰ κυρίου, ἃς κύριος, или παρόντος αὐτῇ τοῦ ἀνδρός, μετὰ κυρίου οὐ παρόντος, и т. п., ср., напр., Mich. 1001. 1387. 1395. Ditt. 828 sq. GDI 3677. 4157; въ эриѳрской надп. III в., Ditt. 600, читаемъ даже: Διοσκόρων καὶ ἐπίτροπος Νοσσῶ καὶ κύριος Νοσσοῦς Θεόφρων; въ аѳинской надписи жрицу представляетъ передъ экклесіей, даже по дѣламъ святыни, ея οἰκεῖος, въ косской—передъ совѣтомъ—κύριος ея или ἄλλος ὁ χρῄζων, Ditt. 556. 598).—Вообще власть κυρίου дома надъ членами семьи (остававшимися въ домѣ), затрогивавшаяся уже, такъ или иначе, тѣми корпораціями (родственными или сосѣдскими), къ какимъ принадлежалъ κύριος, ограничивалась государствомъ, поскольку оно находило нужнымъ регулировать положеніе или состояніе „женъ и дѣтей“ гражданъ (ср. прим. 10); различнымъ образомъ выражавшаяся въ различныя времена и въ различныхъ государствахъ, она тоже еще ждетъ своего детальнаго обслѣдованія и историческаго объясненія. Ср. *Hermann-Thalheim*, Gr. R.-A[4]., 8 ff.

[12]) Поскольку государство принимало въ расчетъ лишь гражданъ непосредственно несущихъ государственную (военную или гражданскую) службу, оно должно было заботиться о томъ только, чтобы каждому такому гражданину было съ чего жить и служить,—ближайшимъ образомъ о томъ, чтобы всѣ они были въ достаточной мѣрѣ (и въ одинаковой долѣ) обезпечены землею (какъ наиболѣе осязательнымъ и наиболѣе устойчивымъ элементомъ богатства), чтобы всѣ они имѣли усадьбу, дворъ съ пашней, земельный участокъ съ строеніями и необходимымъ хозяйственнымъ инвентаремъ (то,

кой, то гражданской смерти), и принимать въ свой составъ тѣхъ или

что у Гомера называется οἶκός τε κλῆρός τε, что потомъ называлось обыкновенно οἶκος или κλῆρος, то, что на языкѣ римскаго права называлось familia, какъ res mancipi, въ отличіе отъ pecunia); ни одинъ гражданинъ не долженъ былъ оставаться безъ οἶκος (или κλῆρος), и ни одинъ οἶκος (κλῆρος) не долженъ былъ оставаться безъ хозяина-гражданина, иными словами—число гражданъ и число οἴκων (κλήρων) должны были всегда соотвѣтствовать одно другому. Отсюда—помимо необходимости, конечно, передѣловъ—вытекало бы запрещеніе гражданамъ отчуждать самимъ (какъ при жизни, такъ и путемъ завѣщанія) свои κλήρους; послѣ (физической или гражданской) смерти хозяевъ κλῆροι ихъ поступали бы въ непосредственное распоряженіе всего δῆμος'а, чтобы сейчасъ же быть переданными имъ въ пожизненное пользованіе гражданъ, которые почему-либо не могли къ тому времени быть снабжены участкомъ (выморочнымъ-ли, или изъ еще „не подѣленной“ земли); въ крайнемъ случаѣ могъ бы быть допущенъ развѣ лишь майоратъ. Само собою разумѣется, что подобный распорядокъ въ пользованіи хозяйственными благами—уже въ силу неизбѣжно, и чѣмъ дальше, тѣмъ все больше сказывавшейся сложности, пестроты, измѣнчивости собственно-экономическихъ отношеній—былъ практически возможенъ развѣ лишь какъ коррективъ къ какимъ-либо совсѣмъ инымъ порядкамъ. Къ этимъ совсѣмъ инымъ порядкамъ вело другое представленіе о гражданствѣ - какъ о родѣ-племени, выдвигавшее наслѣдственность и родственныя связи, возвышавшее моменты родовые насчетъ личныхъ, перемѣщавшее центръ тяжести не въ сторону объектовъ, а въ сторону субъектовъ владѣнія,—представленіе, которое практически поддерживалось текучестью экономическихъ отношеній (въ частности сглаживаніемъ границъ между владѣніемъ и собственностью, между имуществомъ недвижимымъ и движимымъ, между капиталомъ основнымъ и оборотнымъ, между хозяйственными благами производительными и потребительными). Именно какъ компромиссъ, обусловленный двойственнымъ характеромъ гражданства, являются предъ нами еллинскіе законы о наслѣдованіи.по крайней мѣрѣ,поскольку дѣло касалось основнаго хозяйства данной οἰκίας, т. е. не σίτου, не χρημάτων, не ἐπίπλων, а οἴκου, οὐσίας не ἀφανοῦς, а φανερᾶς. Основное имущество,—то, что составляло δύναμιν οἴκου (ср. κατὰ δύναμιν οἴκου, Ditt.[2] 552),—хозяинъ дома или семьи (κύριος, στέγαρχος, οἰκοδεσπότης, πάστας, ἑστιοπάμων) получаетъ право передавать въ чужія руки (при жизни-ли или на случай смерти)—только когда онъ ἄτεκνος; сынъ или сыновья являются „естественными“ наслѣдниками, при наличности же только дочери или дочерей имущество передается лишь „съ ними“, σὺν ταύτῃσιν,—и именно кому-либо, а если оставалось при наслѣдствѣ нѣсколько дочерей, то нѣсколькимъ, т. е. столькимъ же (имущество тогда дѣлилось) изъ опредѣленнаго круга родственниковъ умершаго, конечно совершеннолѣтнихъ, при чемъ внутри каждой изъ степеней родства, входившихъ въ этотъ кругъ въ извѣстной послѣдовательности, наблюдался порядокъ старшинства; тѣ родственники, которымъ передавались имущества, οὐσίαι, т. е. прежде всего κλῆροι (включая сюда и ὅσον κατασκευασμένου τοῦ κλήρου παντελῶς, по выраженію Платона, Leg. 856 D), съ состоявшими при нихъ дочерьми умершихъ хозяевъ этихъ имуществъ, носившими характерное имя ἐπίκληρος (ἐπικληρῖτις, πατρῳῶχος, или πατροῦχος, ἐπιπάματις), становились κύριοι тѣхъ κλήρων, а если ἐπίκληροι не имѣли еще мужей, то также и ἐπικλήρων, при чемъ законъ имъ рекомендовалъ жениться на опекаемыхъ ими эпиклерахъ (даже если онѣ уже состояли въ замужествѣ—за имѣвшими меньше, нежели они, правъ на κυρείαν данныхъ κλήρου и ἐπικλήρου, конечно, разведя ихъ, при чемъ разводъ особенно поощрялся, если эпиклера не имѣла сыновей); если же бракъ этотъ для нихъ оказывался невозможнымъ

другихъ лицъ; какъ племя, оно и предаетъ гражданской смерти, и на-

---

или казался нежелательнымъ. они должны были взять на себя заботу о выдачѣ замужъ опекаемыхъ ими незамужнихъ эпиклеръ (по возможности опять-таки за кого-либо изъ родственниковъ, хотя бы и дальнихъ); при этомъ сыновья эпиклеры тотчасъ по достиженіи совершеннолѣтія становились κύριοι κλήρου отца своей матери (или—если у нея были сестры—причитавшейся на ея долю части того κλήρου). Опредѣленный кругъ родственниковъ и тоже съ соблюденіемъ какъ послѣдовательности въ степеняхъ родства, такъ и старшинства внутри этихъ степеней призывался закономъ къ наслѣдованію, когда владѣлецъ имущества умиралъ безъ дѣтей и „безъ языка" (какъ выражается Русская Правда, ἄτεκνος ἄφωνος (какъ выражается гераклейская надпись, GDI 4629, I), при чемъ тутъ—очевидно на правахъ ἐπικλήρων—за сыновьями слѣдовали и дочери, т. е. за братьями и сестры, съ ихъ потомствомъ. Извѣстный кругъ родственниковъ (исключая, конечно, родственницъ)—опять въ томъ же порядкѣ—привлекался прежде всего закономъ и къ несенію обязанностей опекуна (ἐπίτροπος, κύριος) надъ дѣтьми, надъ сыновьями и дочерьми (не эпиклерами) умершаго, до достиженія сыновьями совершеннолѣтія. Во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ кругъ родственниковъ въ основномъ зернѣ своемъ, повидимому, былъ одинъ и тотъ же, хотя, конечно, на периферіи онъ могъ то расширяться, то съуживаться и вообще различнымъ образомъ опредѣляться въ своихъ подробностяхъ отдѣльными законами отдѣльныхъ государствъ. Повидимому, зерно этого круга составляли послѣ дочерей и сыновей умершаго его братья и сестры, а также братья и сестры его отца, каждая изъ этихъ степеней родства со своимъ потомствомъ, при чемъ женскія линіи если выступали то лишь при отсутствіи соотвѣтственныхъ мужскихъ (т. е., вѣроятно, на правахъ линій эпиклеръ). Μέχρι ἀνεψιαδῶν, или ἀνεψιῶν παίδων назывался обыкновенно этотъ кругъ въ Аѳинахъ, при чемъ линія ἀνεψιαδῶν уже не была, повидимому, такъ органически связана съ остальными линіями, какъ были связаны между собою эти остальныя линіи: по крайней мѣрѣ, ея не включаютъ въ этотъ кругъ гортинскіе законы о наслѣдованіи (V 7 sqq.) или законы Драконта о мести за убійство ([Dem.] XLIII 57. Ditt.² 52; ср. Dem. XXIII 53 sqq.). Понятію μέχρι ἀνεψιῶν παίδων по своему значенію соотвѣтствовали понятія ἀγχιστεῖς, προσήκοντες, πόθικες (τοὶ ἄσιστα πόθικες, τοὶ ἐπ' ἄσιστα. Solmsen IGD 26. 40, ср. Mich. 1343. 1334), ἐπιβάλλοντες, ἔται (у Гомера: κασίγνητοί τε ἔται τε, ἔται καὶ ἀνεψιοί, γείτονες ἠδὲ ἔται) и т. п., при чемъ объемъ этихъ понятій остается не опредѣленнымъ (ср. ближники, ближнее племя, ближній родъ древнерусскихъ юридическихъ памятниковъ). Въ законѣ Драконта рядомъ съ ἀνεψιοί и ихъ παῖδες ставились γαμβροί и πενθεροί, въ законѣ дельфійскихъ Лабіадовъ рядомъ съ πατραδελφεοί (съ ихъ потомствомъ) πενθεροί (съ потомствомъ) и γαμβροί (Ditt. 438); это привлеченіе къ кругу μέχρι ἀνεψιῶν παίδων и πενθερῶν (καὶ ἐκγόνων, или κηγγόνων, какъ собственно читается въ надписи Лабіадовъ, т. е. съ ихъ потомствомъ, „родомъ") нашло себѣ выраженіе и въ аѳинскихъ (можетъ-быть болѣе позднихъ уже) законахъ о наслѣдованіи ab intestato, по которымъ κυριεία умершаго, при отсутствіи ἀνεψιαδῶν его πρὸς πατρός, переходила къ ἀνεψιαδοῖ его πρὸς μητρός, т. е. оставляя въ сторонѣ отца его матери (умалчиваніе объ отцѣ было обычно греческимъ и вообще болѣе древнимъ законамъ о наслѣдованіи)—въ поколѣніе ея братьевъ или сестеръ, а при отсутствіи и этого поколѣнія опять къ ὁ πρὸς πατρὸς ἐγγυτάτω (таковъ былъ смыслъ, вѣроятно, и Харондова закона, Diod. XII 15). Очевидно, законодательство, которое должно было заботиться о томъ, чтобы никакой οἶκος, или κλῆρος не оставался въ пустѣ, безъ хозяина (ἀνώνυμος), и въ то же время не могло не допустить (уже νόμῳ φύσεως, physico testamento) наслѣдственной передачи хозяйства по крайней мѣрѣ по прямой

граждаетъ правомъ гражданства тѣхъ или другихъ лицъ не иначе какъ съ ихъ потомствомъ[13]).

линіи, уже естественнымъ развитіемъ собственно-экономическихъ отношеній. въ частности естественно измѣнявшимся экономическими условіями землепользованія-землевладѣнія (капитализаціей и мобилизаціей частныхъ земельныхъ хозяйствъ) поставлено было въ необходимость и допустить большую свободу въ распоряженіи имуществами (даже такими, какъ οἶκοι, или κλῆροι), и расширить кругъ родственниковъ, призываемыхъ къ наслѣдованію ab intestato: въ томъ и другомъ случаѣ выдерживались однако два принципа: принципъ кровнаго родства,—почему завѣщать имущество могъ только ἄπαις, а въ качествѣ наслѣдниковъ при отсутствіи завѣщанія за ἀνεψιαδοῖ умершаго слѣдовали кровные родственники не жены его, а матери, и рядомъ съ поколѣніемъ сыновей сейчасъ же становилось поколѣніе дочерей, рядомъ съ поколѣніемъ братьевъ —поколѣніе сестеръ (при чемъ подчеркивалось, что имѣются въ виду братья или сестры ὁμοπάτριοι),—и принципъ предпочтенія соотвѣтственныхъ мужскихъ линій женскимъ (κρατεῖν τοὺς ἄρρενας καὶ τοὺς ἐκ τῶν ἀρρένων), съ чѣмъ въ связи стояла и юридическая роль представительницъ женскихъ линій, роль лишь инстанцій для передачи κλήρων отъ отцовъ ἐπικλήρων къ ихъ сыновьямъ, при чемъ и отцомъ этого θυγατριδοῦ умершаго родителя эпиклеры долженъ былъ быть по возможности одинъ изъ ближайшимъ образомъ состоящихъ на учетѣ его родственниковъ (мимоходомъ замѣтимъ, что пріобщеніе сына эпиклеры къ семьѣ ея отца имѣетъ нѣкоторую аналогію себѣ въ пріобщеніи къ гражданству, въ случаѣ недостатка въ законнорожденныхъ гражданахъ, дѣтей гражданокъ отъ не-гражданъ, ср. прим. 10). Къ сожалѣнію, и законы эллиновъ о наслѣдованіи,—едва ли достаточно отчетливые и сами по себѣ (не достаточная ясность для самихъ аѳинянъ Солонова закона περὶ τῶν κλήρων καὶ ἐπικλήρων засвидѣтельствована намъ, помимо аѳинскихъ ораторовъ, Аристотелемъ, 'Αθ. π. 9. 35, который, кстати сказать, даетъ, ib. 56, очень важный для пониманія общей тенденціи аѳинскихъ законовъ о наслѣдованіи очеркъ „цензорскихъ" функцій архонта) и дошедшіе до насъ въ скудныхъ, обыкновенно искаженныхъ отрывкахъ или въ болѣе или менѣе случайной передачѣ,—слишкомъ мало еще разработаны и вообще, и въ частности съ сравнительно-исторической точки зрѣнія (кромѣ, конечно, римскихъ, особенно важны индійскія—ср. Jolly, *Grundriss d. indo-ar. Philol.*, II 86 ff.,—также древнееврейскія, вавилонскія, югославянскія аналогіи; не лишены значенія въ этомъ смыслѣ и русскія узаконенія, вплоть до XVII в., гдѣ, м. пр., мы имѣемъ дѣло также и съ эпиклерами). Ср. *Hermann-Thalheim*, Gr. R.-Alt.,[4] 61 ff., и, кромѣ указанной тамъ—прямо и вскользь (какъ даже *Meier-Schömann-Lipsius*, Att. Prozess, 571 ff., или *Mitteis*, Volksrecht, 319 ff.)—литературы, *Guiraud*, La propriété foncière en Grèce, 210 ss. *Seebohm*, On the structure of greek tribal society, 46 sqq. *Beauchet*, Hist. du droit pr. de la rép. ath., III 423 ss. Drerup, *Jahrb. f. cl.Phil.*, S.-B. XXIV 281 ff. *Придикъ*, Шестая рѣчь Исея, 207 сл.—Въ томъ же смыслѣ, какъ законы о наслѣдованіи, характерны своею двойственностью и законы эллиновъ объ усыновленіи (и объ ἀποκήρυξις); ср. *Hermann-Thalheim*, 78 ff. *Mitteis*, 212 ff. *Beauchet*, II 1 ss.

[13]) Въ народныхъ постановленіяхъ о дарованіи права гражданства обыкновенно прямо отмѣчалось, что право это сообщается такому-то лицу или такимъ-то лицамъ (иногда отцу и сыну, или отцу и сыновьямъ, или отцу и сыновьямъ и дочерямъ)—съ ихъ потомствомъ или съ ихъ родомъ, αὐτῷ, или αὐτοῖς, καὶ γένει (γενεᾷ), или καὶ ἐκγόνοις (ἐγγόνοις); ср.—какъ болѣе характерныя—надписи: Ditt. S.[2] 89. 137 sq. 147. 162 sq.

Могло бы казаться, что представленіе о гражданствѣ какъ о племенной, или родовой группѣ было болѣе древнимъ, нежели представленіе о гражданствѣ какъ о личномъ союзѣ, и что гражданство мыслимое какъ племя должно было чѣмъ дальше, тѣмъ все больше дѣлиться своимъ мѣстомъ въ государственномъ укладѣ съ гражданствомъ мыслимымъ какъ личный союзъ, съ тѣмъ, чтобы наконецъ уступить ему совсѣмъ свое мѣсто. Въ такомъ предположеніи, однако, заключалась бы лишь

---

468 sqq. Mich. 296. 354. 419. Но и безъ такихъ отмѣтокъ сама собою подразумѣвалась потомственность жалуемаго гражданства: жаловало ь оно—ἐπ' ἴσῃ καὶ ὁμοίᾳ (τοῖς ἄλλοις πολίταις, предполагая собою μετουσίαν πάντων (θίνων καὶ ἀνθρωπίνων, ὁσίων καὶ τῶν ἄλλων) ὧν καὶ οἱ λοιποὶ πολίται μετέχουσιν, вновь пожалованные граждане зачислялись въ политическія дѣленія гражданствъ—даже такія, кахъ фратріи, патры, συγγένειαι, γένη (на Самосѣ), и опредѣленіе „быть гражданиномъ", или „дать гражданство", „почтить гражданствомъ" выражалось первоначально такъ: εἶναι 'Αθηναῖον, Χαλάδριον ἦμεν, Κυμαίοις ἔμμεναι и т. п. (ср. Ditt. 65. 479. Mich. 194. 512, также Herod. I 54. IX 33). Относительно распространенія права гражданства на потомство новопожалованныхъ гражданъ не было, конечно, никакого различія между принятыми въ составъ гражданства даннаго государства отдѣльными лицами (или семейными группами), отдѣльными классами населенія государства (ἔποικοι, πάροικοι и т. п., ср. Ditt. 238. 329. 468. 614. Mich. 305 s. 653)—и цѣлыми гражданствами другого или другихъ государствъ (ср. Ditt. 426. 229). Иногда, впрочемъ, для двухъ первыхъ поколѣній новопринятыхъ гражданъ бывалъ закрытъ доступъ къ архонтству или жречеству, требовавшій гражданскаго съ обѣихъ сторонъ происхожденія не меньше какъ въ третьемъ поколѣніи (Arist. π. 'Αθ., 55. [Dem.] LIX 92. 104 sqq. Ditt. 601. Strab. 179: τιμοῦχος δ' οὐ γίνεται μὴ τέκνα ἔχων μηδὲ διὰ τριγονίας ἐκ πολιτῶν γεγονώς). Ср. *Szanto*, Gr. Bürgerr., 56 ff. *Gilbert*, Gr. St.-A. II 320 f.—Потомственно сообщались обыкновенно и отдѣльныя права гражданскія (въ томъ числѣ, разумѣется, и ἐπιγαμία, или ἔγκτησις γῆς καὶ οἰκίας), и привилегіи (ἀτέλεια и пр.), или προξενία (εὐεργεσία), также и ἰσοπολιτεία (ср., напр., Ditt. 65. 107. 178. 234. 479). —Что гражданская смерть, т. е. полная (не частичная) ἀτιμία, ἀειφυγία (ср. φυγὴ καὶ θάνατος καὶ ἀτιμία, Ditt. 17), когда бывшій πολίτης становится ἄπολις, долженъ φεύγειν τὸν αἴδιον χρόνον, а τὰ (ἐόντα) αὐτοῦ объявляются δημόσια (или ἱερά, Ditt. 10, ср. lex Horatia, Liv. III. 57, 7), распространяется и на его „дѣтей", на „родъ" или потомковъ, —это часто отмѣчается (ср. Ditt. 19. 96. 113. 150. Mich. 363. 524. Thuc. VI 55, 1. Dem. IX 42. XXI 113. XXIII 62. Arist. π. 'Αθ., 16. Diod. XXIII 56, 7) и еще чаще подразумѣвается въ относящихся сюда документахъ, особенно болѣе раннихъ (ср. *Usteri*, Aechtung u. Verbannung im griech. Recht, 1903); въ смыслѣ смягченія этого принципа (*Usteri*, 57) любопытна елейская надпись IV ст., заключающая въ себѣ (вопреки *Usteri* 134 ff.) дополненіе къ раньше изданному закону объ изгнаніи части гражданъ и имѣющая въ виду именно потомства изгнанниковъ: ταὶρ δὲ γενεαὶρ μὰ φυγαδείημ μαδὲ κὰτ ὁποῖον τρόπον, μάτε ἐρσεναιτέραν μάτε θηλυτέραν, μάτε τὰ χρήματα δαμοσιῶμεν (Mich. 1334). —Какъ условія принятія въ составъ гражданства одного лица въ смыслѣ послѣдствій для его ἔκγονοι могутъ быть сближаемы съ условіями симполитій, такъ и условія выключенія изъ состава гражданства одного лица могутъ быть сближаемы съ условіями основанія частью гражданъ колоніи (ср. Thuc. I 34. Mich. 285).

нѣкоторая доля истины. Если представленіе о гражданствѣ какъ о племени и было болѣе древнимъ, то не по существу, а только въ очень многихъ сторонахъ (или частяхъ) своего содержанія. Оно дѣйствительно дѣлилось своимъ мѣстомъ съ тѣмъ другимъ—менѣе архаистичнымъ (и менѣе консервативнымъ)—представленіемъ, но не иначе, какъ требуя хоть нѣкотораго возмѣщенія на этой другой территоріи для утраченныхъ имъ на своей позиціи: до полной утраты имъ всей территоріи дѣло не могло дойти и потому уже, что гражданство мыслимое какъ личный союзъ такъ же мало съумѣло бы найтись на той территоріи, какъ и обойтись безъ гражданства мыслимаго какъ племя. «Войной и миромъ» былъ каждый моментъ исторіи отношеній между этими двумя обычными еллинскому праву представленіями, и таковы были—можно думать—и начальные моменты, или таковъ былъ и начальный моментъ этой исторіи. Иными словами, мы можемъ предполагать, что съ этимъ двойственнымъ характеромъ своимъ гражданство выступаетъ сразу—съ самаго начала существованія государства еллинскаго.

4. Но что же это за гражданство—племя и, вмѣстѣ, выдѣляющееся изъ него товарищество совершеннолѣтнихъ гражданъ?

Однимъ изъ очень популярныхъ въ греческой литературѣ образовъ былъ образъ скиѳовъ-кочевниковъ, имѣющихъ свои дома—въ телѣгахъ; «повозки эти устроены такъ, чтобы служить домами, и возятъ ихъ волы (по двѣ или по три пары); на нихъ двигаются женщины и дѣти, а мужчины ѣдутъ верхомъ»[1]). Такими «скиѳами-кочевниками» (хотя, быть

---

[1]) [Hippocr.] de aëre, 18: „Тамъ живутъ и Скиѳы; зовутъ ихъ номадами, ибо у нихъ нѣтъ домовъ,—живутъ они въ телѣгахъ (ἐν ἁμάξῃσιν). Телѣги эти самое меньшее въ четыре колеса, а то и въ шесть; онѣ представляютъ собою войлочныя кибитки, а иные изъ нихъ сдѣланы даже совсѣмъ какъ дома, въ два или три этажа, и приспособлены къ защитѣ отъ дождя или снѣга и отъ вѣтра; каждую телѣгу везутъ по двѣ или по три упряжки воловъ. Въ такихъ телѣгахъ живутъ (и передвигаются) женщины скиѳскія, сами-же скиѳы ѣдутъ на коняхъ, а позади гонится мелкій скотъ, коровы, лошади. Они остаются на мѣстѣ, пока хватаетъ корма для стадъ; истощится кормъ—они двигаются на другое мѣсто". Ср. [Hes.] fr. 54 Rz. (γλακτοφάγων ἀπήναις οἶκι' ἐχόντων). Aeschyl. Prom. 709 sq. (ср. Pers. 1000 sq., и Schol.) Pind. fr. 105 Chr. (ср. пародію на эти стихи Аристофана, Av. 941 sq., и Schol. ad. l.). Herod. IV 46 (φερέοικοι). Strab. 307. Ср. также Luc. Scyth. 1 (о „восьминогихъ"—какъ назывались у скиѳовъ οἱ πολλοὶ καὶ δημοτικοί); Schol. Aristid. III 642 Ddf (о томъ, какъ скиѳы φεύγοντες νικῶσιν). Hesych. καμαρόες· οἱ Σκυθικοὶ οἶκοι· ἔνιοι δὲ τὰς κατήρεις ἁμάξας. Этотъ образъ скиѳовъ кочевниковъ перешелъ и въ латинскую литературу (ср. Horat. c. III 24, 10. Tac. Germ. 46: Sarmatis in plaustro equoque viventibus). Другія цитаты—у *d' Arbois de Jubainville*, Les premiers habitants de l' Europe, I[2] 227 ss. Терракотовыя воспроизведенія скиѳскихъ телѣгъ

можетъ, и безъ коней[2]) или «подвижныхъ домовъ) были, вѣроятно, и (бу-

---

(принадлежащія Эрмитажу) изданы въ *Wien. Stud.*, XXIV 394 ff., Taf. I. Такими ἁμαξόβιοι были, конечно, и другіе кочевавшіе или передвигавшіеся (особенно въ степяхъ) народы—кимвры (ср. Strab. 293), геты (ихъ stridentia plaustra, Ov. Trist. III 10, 59,—то же, что тѣлѣгы крычащія половцевъ Слова о п. Игор.), кельты (ср. Diod. XXII 9; повидимому и лат. carrus—кельтскаго происхожденія), также гунны, мадьяры, половцы, татары (Рубруквисъ говоритъ объ ихъ домахъ возимыхъ иногда 22-мя волами; у татаръ крымскихъ и астраханскихъ эти подвижныя юрты держались до XVIII в., ср. *Харузинъ*, Этнографія, I 240 сл.). Какъ при встрѣчѣ съ врагомъ изъ этихъ телѣгъ-домовъ составлялся угловатый или округлый городокъ (Wagenturm,—πύργος, какъ сказали бы греки),—рисуютъ намъ иллюстраціи надписей о побѣдахъ Рамзеса III надъ „народами странъ Сѣвера (странъ моря),“ или изображенія на „метопахъ“ побѣднаго памятника Траяна въ Adamklissi; о томъ же разсказываютъ и русскіе и польскіе лѣтописцы (ср. рефератъ П. В. Голубовскаго, *Изв. XI археол. съѣзда въ Кіевѣ*, 47 слл.). Вьючные ослы (какъ верблюды) замѣняютъ собою телѣги на картинѣ изъ гробницы „правителя восточныхъ пустынныхъ странъ“ (нач. XIX в. до Р. Х.) Хнемхотепа, дающей намъ вообще живое представленіе о кочевомъ племени въ движеніи: впереди вооруженные луками и копьями мужчины, за ними ослы, несущіе дѣтей и пожитки (въ томъ числѣ и то, изъ чего при остановкѣ разбивается шатеръ, или юрта), за ними—женщины. Какъ переживаніе интересующаго насъ здѣсь образа любопытенъ рисунокъ семейнаго „выѣзда“ (ἐξόδου) на „микенскомъ“ черепкѣ съ Кипра (*Murray*, Excavations in Cyprus, p. 37, fig. 65, 1076).—Переживанія того же, что у номадовъ, значенія телѣги и у эллиновъ (нѣкогда тоже кочевавшихъ) мы можемъ видѣть и въ везомой бѣлыми быками ἅμαξα аргосской жрицы Геры (Herod. I 31. Palaeph., 51. *Head*, D. numm. 368; ср. vehiculum богини Nerthus, Tac. Germ. 40), и въ κάνναθρα лаконскаго праздника Гіакинтій (Athen. IV 139 f, ср. Xen. Ages. 8, 7), какъ и въ играющихъ вообще такую видную (но далеко не разъясненную) роль въ различныхъ праздничныхъ (напр., панаѳинейскихъ) процессіяхъ (и играхъ) ζεύγη, или ἅμαξαι (въ связи съ ἔξοδοι на нихъ гражданокъ; ср. Arist. Plut. 1013. Dem. XXI 158; ср. также Plut. Sol. 21 и Ditt. S.[2] 879), и, въ связи съ тѣмъ, въ ζεῦγος, или κλινίς (Phot. ζεῦγος) брачной процессіи (Sticotti, *Festschrift f. Benndorf*, 182 f.); сюда же въ значительной мѣрѣ сводится, вѣроятно, и то усиленное вниманіе, какимъ пользуется βοῦς во многихъ сакральныхъ обрядахъ и легендахъ (ср. βουκόλοι); ср. и мегарскихъ ἁμαξοκυλιστάς (характерный этіологическій разсказъ о нихъ—у Plut. qu. gr. 59), также ἀφ' ἁμάξης σκώμματα (ср. Crusius, *Philol* LVII 502 f.). Ср. также plostra legis Iuliae munic., 62 sqq., и Tac. ann. XII 42; если въ этомъ отношеніи рядомъ съ virgines Vestales ставились rex sacrorum и flamines (зато Dialis не могъ ѣхать верхомъ, какъ и видѣть classem procinctam, Gell X 15, 3. Festi ep. 81, 17), то объясненіе этому можно искать въ—не лишенномъ, конечно, наивности—замѣчаніи о скиѳскихъ царяхъ Аристотеля, eth. Nic. VIII, 7, 6 (съ другой стороны, женщины получаютъ въ Олимпіи призъ за ἅρμα или συνωρίς, Inschr. v. Ol., 160. 198 sqq. 233. Paus. III 8, 1. V 8, 11; ср. Mich. 916).—Замѣтимъ, что и вообще многія „помпы“ (напр., кромѣ упомянутой помпы Гіакинтій, панаѳинейская) въ отдѣльныхъ чертахъ своихъ быть-можетъ воспроизводили былыя странствованія племени; особенно характерны съ этой точки зрѣнія помпы аѳинскихъ ѳеорій въ Дельфы (ср., напр., ὁδοποιοί съ πελέκεις) и Скирофорій (*Pfuhl*, De Athen. pompis sacris, 92 sqq. 104 sqq.); ср. также σκηνοπηγίαν (такъ назывался и іудейскій праздникъ кущей, ср. Plut qu. conv. IV 6) многихъ греческихъ

дущіе) еллины въ началѣ своего историческаго (и политическаго) существованія, когда они двигались на полуостровъ, на острова и берега, на какихъ ихъ застаетъ потомъ болѣе-непосредственно извѣстная исторія.

праздниковъ (*Toepffer*, Beiträge, 208 f.).—Происхожденіе цѣлаго ряда римскихъ институтовъ (напр., ауспицій, понтификовъ, весталокъ) прямо выводилъ изъ эпохи странствованій „арійскихъ народовъ“—*Ihering*, Vorgesch. d. Indoeuropäer. 309 ff.

[2]) Точно, разумѣется, не извѣстно, когда и какъ начали (будущіе) еллины пользоваться лошадью для ѣзды (ср. *Hehn*, Kulturpflanzen u. Haustiere [6], 21 ff. *C. Keller*, Abstammung d. ält. Haustiere, 91 ff.); но лошадь, на ряду съ быкомъ (Διαλ. 582 D.: Θεσσαλοῖσι καλὸν τὸς ἵππως αὐτῷ δαμάσαι... βῶν τε αὐτῷ σφάξαι, ср. ларисэйскихъ τὸν ταῦρον πεφειράκοντας, *Kern*, Inscr. Thess. n. 3. 4. Ditt. 671), занимаетъ очень видное мѣсто въ греческой миѳологіи и культѣ; и возможно, что изъ временъ странствованій еллиновъ идетъ и сближеніе коней съ рѣками или моремъ (чрезъ посредство отчасти ἁλὸς ἵππων, т. е. лодокъ и кораблей) и, въ связи съ тѣмъ, принесеніе лошадей, какъ умилостивительной жертвы, богамъ моря или рѣки (см. Stengel, *Philol.*, XXXIX 182 ff., ср. *Ihering*, Vorg. d. Indoeur., 432 ff.); не внѣ связи съ представленіями о кочевыхъ народахъ стоятъ, вѣроятно, и сказанія объ Амазонкахъ, Кентаврахъ и т. п.—Изъ не вполнѣ согласныхъ одно съ другимъ (ср. *Robert*, Stud. z. Ilias, 355 f. 491 f.) и—тѣмъ болѣе—едва-ли подлежащихъ распространенію на весь еллинскій міръ древнѣйшихъ временъ показаній Гомера заключаютъ обыкновенно, безъ достаточныхъ основаній, что въ греческомъ военномъ строѣ кавалерія лишь позднѣе (во всякомъ случаѣ никакъ не позже VIII ст., ср. Helbig, *Sitzb. d. Münch. Akad.*, 1897, II 313; смѣняетъ собою колесницы (какъ на Востокѣ или у кельтовъ,—essedis carrisque superstantis armati hostis, по изображенію Ливія, X 28); какъ бы то ни было, болѣе пристальное изученіе древнѣйшаго греческаго военнаго строя (ср. Rossbach, *Philol.*, LI 7 ff. Lammert, *N. Jahrb. f. d. kl. Alt.*, III 1 ff. *Reichel*, Hom. Waffen,[2] 120 ff. *Helbig*, Les ἱππεῖς ath., 89 ss. *Keil*, Anon. Argent., 140 ff.) показываетъ намъ, что и верховыя лошади, и колесницы имѣли въ собственно-боевомъ строѣ первоначально лишь служебное назначеніе, въ смыслѣ доставки на мѣсто ἱππέων, ἱπποτῶν, ἱππευτῶν, ἱπποβοτῶν, ἱπποτρόφων, т. е. счастливыхъ обладателей верховыхъ-ли лошадей или лошадей запряженныхъ въ колесницу (быть можетъ—какъ и у кельтовъ, ср. *d' Arbois de Jubainville*, Civil. des Celtes, 389 s..—восточнаго происхожденія) —Если позволительно вообще предполагать, что греческіе и въ частности аѳинскіе ἱππεῖς, и какъ классъ (ср. халкидскихъ ἱπποβότας), и какъ отборный отрядъ войска (лакедэмонскіе ἱππεῖς, или κόροι, GDI 4400, ѳиванскіе ἡνίοχοι καὶ παραβάται, μόνιπποι τέθριπποι τριακάτιοι Ϙυρχναίων, GDI 4833. и пр.), ведутъ свое происхожденіе изъ эпохи передвиженій еллинскихъ племенъ, то позволительно, быть-можетъ, также—идя по слѣдамъ Э. Р. Штерна, Χαριστήρια, 59 слл.. и Cichorius' а, *Griech. Stud. Lipsius dargebr.*, 135 ff.,—рискнуть догадкой, не являются-ли, конечно только въ названіи своемъ, остаткомъ той эпохи и аѳинскіе ζευγῖται,—не были-ли ζευγῖται—раньше, чѣмъ стать можетъ-быть обладавшими парою воловъ (на подобіе англійскихъ средневѣковыхъ virgarii, или pleni villani, ср. *Эшли*, Экон. ист. Англіи, 19) землевладѣльцами,—„гоплитами“ и вмѣстѣ хозяевами запряженныхъ волами телѣгъ, замѣнявшихъ собою οἰκήματα, т. е. „людьми δήμου“ (populi), въ отличіе отъ ἱππέων (equitum—обладателей не только быковъ и телѣгъ, но и коней и колесницъ (ἁρμάτων)?—Совсѣмъ мимоходомъ отмѣтимъ сродство гомеровскаго θεράπων съ джурой казака (какъ прекрасную аналогію въ малороссійскихъ казачьихъ думахъ находитъ себѣ и роль и рѣчьк оней Иліады XVII 1:6 sqq. и XIX 392 sqq.).

Они двигались, конечно, различными, большими и малыми группами, осѣдая и распространяясь постепенно не только на счетъ раньше пустившаго корни на захватываемыхъ ими территоріяхъ чуждаго имъ (доиндоевропейскаго) населенія, но и на счетъ другъ друга[3]). Каждой такой груп-

[3]) „По всѣмъ признакамъ—говоритъ Өукудидъ, I 2,—такъ называемая нынѣ Еллада въ болѣе древнія времена представляла собою страну, въ которой не было прочно осѣвшаго населенія, въ которой постоянно совершались передвиженія (Өукидидъ имѣетъ въ виду здѣсь лишь еллинское населеніе, лишь еллинскія переселенія). Полчище за полчищемъ надвигались еллины; вновь подходившіе вытѣсняли пришедшихъ раньше съ занятой-было ими территоріи, которую впрочемъ пріостановившіеся на ней и не старались отстаивать. Тогда не было торговли, какъ не возможны были (въ силу небезопасности путей) и вообще взаимныя сношенія между отдѣльными племенами; каждое племя вело свое хозяйство, -расчитанное только на прожитокъ, а не на избытокъ, не засѣивая или не засаживая землю; постоянно приходилось, вѣдь, ждать, что придутъ другіе и отнимутъ все (особенно при отсутствіи стѣнъ, или укрѣпленныхъ городищъ), необходимое же пропитаніе въ тѣ времена могли расчитывать найти всегда и въ любомъ другомъ мѣстѣ; оттого-то такъ легко тогда снимались, переходили съ мѣста на мѣсто, и оттого-то сила государства меньше всего тогда опредѣлялась наличностью крупнаго городскаго центра или вообще богатствомъ внѣшней жизненной обстановки“ Это превосходное изображеніе кочеваго или полукочеваго быта, которымъ начинаютъ свою исторію и еллины (отдѣльныя подробности этого изображенія получаютъ дальнѣйшее разъясненіе въ дальнѣйшемъ изложеніи Өукидида; ср. описаніе полукочеваго быта германцевъ у Цезаря, Тацита и у Страбона, 291, и другія аналогіи—у *Hildebrand*, Recht u. Sitte, I 23 ff.), грѣшитъ однако нѣкоторою прямолинейностью, объясняющеюся, конечно, прежде всего незнакомствомъ Өукидида съ „микенскою“, или „эгейскою“ культурою (ср. его замѣчаніе о Микенахъ, 10, 1). Вѣрными дѣйствительности чертами рисуетъ онъ (себѣ и намъ)—похожія одно на другое—племена (ἔθνη) будущихъ еллиновъ (ср. 3, 2 sqq.), какъ они одно за другимъ приливали на Балканскій полуостровъ; изслѣдованія греческихъ діалектовъ (ср. и *Meister*, Dorer u. Achäer, 1904) показали, что въ общемъ (но, конечно, не въ деталяхъ) вѣрно и представленіе, усвоенное Өукидидомъ, о томъ, что поселеніе и разселеніе еллиновъ на территоріи собственной Еллады совершилось въ два пріема, т. е. можетъ быть сведено къ двумъ моментамъ, вторымъ изъ коихъ было передвиженіе дорянъ ξὺν Ἡρακλείδαις), причемъ не только ко второму, а и къ первому изъ этихъ моментовъ пріурочивалась и еллинская колонизація острововъ восточной части Средиземнаго моря (2, 3 sqq. 4. 12); но если Өукидидъ и отмѣчаетъ (со ссылкой, м. пр., на данныя археологіи) доеллинское населеніе острововъ „впослѣдствіи еллинскаго“ моря, и именно „карійское, а также финикійское“, то на территоріи собственной Еллады доеллинскаго (и, быть можетъ даже, отчасти, „карійскаго“ же, ср. *Kretschmer*, Einl. in d. Gesch. d. gr. Spr., 401 ff) населенія онъ не предполагаетъ вовсе—въ угоду, разумѣется, обычному противопоставленію блуждавшимъ пришельцамъ-дорянамъ искони сидѣвшихъ на своей землѣ аѳинянъ, а также аркадовъ. Мы еще не знаемъ, были-ли носители „микенской“, или „эгейской“ культуры еллины, или не-еллины, или еллины смѣшавшіеся съ не-еллинами (*Furtwängler*, Ant. Gemmen, III 15 ff.; cp. *Drerup*, Homer, 53 ff.); мало того, мы можемъ даже (слѣдуя отчасти Wide, *Ath. M.*, XXI 385 ff.) считать эту культуру не общенародной, а лишь мѣстной, т. е. областной, или даже культурой только отдѣльныхъ тогдашнихъ город-

пѣ приходилось и отвоевывать свою будущую территорію, и отграничивать (а по возможности и округлять) ее, и опредѣлять свои отношенія къ сосѣдямъ, а также къ уцѣлѣвшему (или пощаженному) прежнему населенію этой территоріи,—иными словами, приходилось состоять на военномъ положеніи и—такъ какъ на нее надвигались или могли надвинуться и другія такія же группы—быть готовой къ войнѣ, даже если бы она захотѣла уже мира[4]). Естественно, что при такихъ условіяхъ

скихъ центровъ, и при томъ культурой только „басилеевъ“ (ср. у Wide противопоставленіе микенскаго стиля геометрическому, какъ Herrenstil и Bauernstil); но во всякомъ случаѣ и первый, а тѣмъ болѣе конечно второй слой (будущихъ) еллиновъ. чѣмъ дальше онъ продвигался на югъ или, точнѣе, на юговостокъ, оказывался на земляхъ, ἄνθρωποι которыхъ, и особенно οἱ παρὰ θάλασσαν,—были-ли то еще не еллины, или уже раньше пришедшіе сюда еллины—μᾶλλον ἤδη τὴν κτῆσιν τῶν χρημάτων ποιούμενοι βεβαιότερον ᾤκουν, καί τινες καὶ τείχη περιεβάλλοντο (ср. 8, 2), и во всякомъ случаѣ на земляхъ, знакомыхъ, по крайней мѣрѣ, съ земледѣльческой культурой.

[4]) Было время, когда „всѣ еллины, подобно варварамъ, постоянно ходили вооруженными (πᾶσα ἡ Ἑλλὰς ἐσιδηροφόρει, ср. σιδαρόχωπος Ἑλλάν, Tim. Pers., 155), никогда не разставались съ оружіемъ“, говоритъ Ѳукидидъ, ссылаясь на то, что такой обычай и въ его еще время можно было наблюдать у далекихъ отъ „еллинскаго“ моря (и вмѣстѣ—отъ культуры) локровъ по прозванію озоловъ, этоловъ, акарнановъ и дальше въ тѣхъ краяхъ (I 5 sq.); объясняется у Ѳукидида этотъ обычай. правда, не въ связи съ разселеніемъ еллинскихъ племенъ, но все же чертами, по его представленію, свойственными и эпохѣ полукочеваго быта, т. е. незащищенностью поселеній и небезопасностью дорогъ; и если Ѳукидидъ имѣетъ въ виду здѣсь незащищенность или небезопасность—отъ разбойниковъ, то, вѣдь, тѣ λῃσταί (т. е. λῃσταί того количества и качества), о какихъ онъ говоритъ здѣсь, и о какихъ говорили ему „древніе поэты“ (т. е. прежде всего Гомеръ),—предшественники, конечно, и доставлявшихъ всегда столько бѣдъ и хлопотъ еллинамъ λῃστῶν или πειρατῶν (ср., напр., Ditt. 135. 152. sq. 220. 241 sqq. 255. 325. 420. 530. Mich. 3. 25. 68. 1318; характерно, м. пр., что въ этой роли и въ офиціальныхъ документахъ выступаютъ особенно этолійцы, и еще критяне и Τυρρηνοί, эти типичные λῃσταί греческой литературы и искусства, въ томъ числѣ гомеровскаго гимна къ Діонису; еще характернѣе, конечно, знаменитое государство пиратовъ-киликійцевъ I в. до Р. Х.), но также и τῶν ἐπὶ λείαν οἰχομένων ἢ εἰς ἐμπορίαν солонова закона (Dig. 47, 22, 4), т. е. ἐμπόρων или ναυκλήρων (см. *Ziebarth*, Gr. Vereinsw., 26 ff., ср. πολιτικαὶ καὶ φυλετικαι καὶ συμπλοικαὶ κοινωνίαι, Arist. eth. Nic. 1159 b sqq.),—были однимъ изъ выраженій времени перехода отъ кочеваго быта къ осѣдлому, т. е. времени колонизаціи,—какъ новгородскія „дружины хоробрыя“ (съ ихъ насадами черлеными), какъ коши „польскихъ“ казаковъ, или какъ та дружина „разбойниковъ“, какую рисуютъ намъ нѣкоторыя версіи разсказовъ о началѣ Рима.—Ср. что говоритъ Геродотъ, V 6, о ѳракійцахъ: ἀργὸν εἶναι κάλλιστον, γῆς δὲ ἐργάτην ἀτιμότατον. τὸ ζώειν ἀπὸ πολέμου καὶ ληϊστύος κάλλιστον.—Древнѣйшіе памятники греческаго быта, и литературные (какъ Одиссея), и археологическіе (въ томъ числѣ и содержимое могилъ), подтверждаютъ слова Ѳукидида о томъ, что оружіе составляло нѣкогда необходимую принадлежность обиходнаго одѣянія еллина. Въ томъ же смыслѣ характерны и разсказы о разоруженіи аѳинскаго народа Писистратомъ или Гиппіемъ и въ связи съ тѣмъ интересовавшій

изъ племени выдѣлялась та часть его, которая была физически способна отбывать на общую пользу племени воинскую повинность, какъ естественно и то, что въ этомъ войскѣ (т. е. народномъ ополченіи) все больше выступали на первый планъ не родовые счеты, а личные моменты[5]). Но если гражданство-племя не могло «жить» безъ войска, то безъ

Өукидида (VI 56 sqq.) и Аристотеля (π. 'Αθ.. 18) вопросъ о томъ, въ вооруженіи-ли совершали аөиняне тогда (какъ, несомнѣнно, и раньше, и потомъ) панаөинейскую помпу,—вопросъ, который возникъ, кажется, лишь на почвѣ знакомства со сколіемъ: ἐν μύρτου κλαδὶ τὸ ξίφος φορήσω, гдѣ, однако, этотъ образъ могъ быть заимствованъ изъ упоминаемаго Аристофаномъ (Pax 948), Еврипидомъ (El. 810) и др. (кромѣ текстовъ, сопоставленныхъ у Ziehen, *Hermes*, XXXVII 397 ff., см CIA II 844) обрядоваго ношенія τοῦ κανοῦ ὁλὰς ἔχοντος καὶ στέμμα καὶ μάχαιραν. Ср. *В. П. Бузескулъ*, Аөинская Политія Аристотеля, 361 слл.; о κορυνηφόροι Писистрата—Helbig, *Sitzb. d. Münch. Ak.* 1897, II 310 ff.

[5]) Въ этомъ послѣднемъ отношеніи особенно поучителенъ засвидѣтельствованный (между прочимъ, Геродотомъ и другими греческими писателями) у многихъ первобытныхъ—и именно кочевавшихъ или передвигавшихся (ср. о римскихъ sexagenarii de ponte, depontani senes—*Ihering*, Vorg. d. Indoeur., 432 f.)—народовъ обычай умерщвленія τῶν γεγηρακότων, т. е. „не пригодныхъ уже на дѣла полезныя государству-гражданству", лишь обременявшихъ его собою; что обычай этотъ нѣкогда существовалъ и у (будущихъ) еллиновъ, о томъ свидѣтельствуетъ особенно переживаніе его на Кеосѣ (ср. B. Schmidt, *N. Jahrb. f. d. kl. Alt.*, XI 617 ff.),—„обычай кеосцевъ", такъ изумлявшій грековъ, когда вопросъ о правѣ гражданина на жизнь свою или чужую для нихъ рѣшался—на почвѣ не практическихъ только, но и религіозныхъ соображеній—уже отрицательно (въ этомъ отношеніи киническія или стоическія ученія, дозволявшія или рекомендовавшія самоубійство, между прочимъ и спеціально для престарѣлыхъ, были лишь результатомъ эмансипаціи отъ тѣхъ практическихъ и религіозныхъ соображеній), когда они получили возможность требовать отъ гражданъ, чтобы они не только „кормили", но и „не били" родителей (ср. Arist. π.'Αθ., 55. Aesch. I 28. Philod. rh. II 189); однако и теперь, по крайней мѣрѣ въ Аөинахъ, возрастный цензъ (60 лѣтъ) опредѣлялъ собою освобожденіе гражданина отъ дѣйствительной службы государству (при чемъ изъ гражданъ, отслуживавшихъ свой послѣдній годъ, избирались діэтеты, Arist. π.' Αθ., 53; ср. *E. Meyer*, Forsch. z. alt. Gesch., II 150 f.), однако и теперь еллины продолжали въ общемъ мрачно (и не безъ ироніи) смотрѣть на старость, легко отожествляя физическую устарѣлость съ умственною и даже нравственною неустойчивостью (ср. законъ Солона: ἐὰν μὴ μανιῶν ἢ γηρῶν, Arist. π.'Αθ. 35. [Dem.] XLVI 14 sqq. Isae. VI 9. Ср. Arist. rhet. 1389 b sq. Thuc. II 44, 4. Stob. Fl. XVI sq. *Schmidt*, Eth. d. Gr. I 274 f. *Nestle*, Euripides, 237 ff.); иное дѣло, конечно,—то предпочтеніе, какое всегда оказывали еллины „старшимъ" передъ „младшими" внутри остального (т. е за вычетомъ престарѣлыхъ и устарѣлыхъ) гражданства,—такъ что, напр. допущеніе къ тѣмъ или другимъ ступенямъ государственной службы обусловливалось обыкновенно достиженіемъ извѣстнаго возраста.—Въ тѣсной связи съ обычаемъ устраненія престарѣлыхъ стоялъ, конечно, и обычай устраненія дѣтей, по количественнымъ или качественнымъ соображеніямъ казавшихся или оказывавшихся лишними или непригодными и для настоящаго, и для будущаго существованія государства-гражданства,

кого оно не могло и «хорошо жить»[6]): вѣдь войско представляло собою цвѣтъ гражданства-племени, не только его физическую силу, но и его mentem sanam in corpore sano, его «καλοκαγαθία»[7]). Въ войскѣ, поэтому, находило себѣ выраженіе не только τὸ πολεμικόν, но и τὸ βουλευόμενον[8]) государства-племени: войско было вмѣстѣ и вѣчемъ[9]).

Итакъ, изъ эпохи переселенія, передвиженія племенъ, которою еллинская исторія начинается такъ же, какъ римская, или италійская, какъ и «средневѣковая» (или какъ русская), могъ идти указанный выше двойственный характеръ гражданства, который уже не покидалъ еллинскаго государства на всемъ протяженіи его исторіи,—какъ никогда не покидала еллиновъ и страсть передвигаться, раздвигаться, основываться на новыхъ мѣстахъ и тѣмъ прибавлять *καὶ χώραν καὶ δύναμιν τῇ Ἑλλάδι*[10]). Изъ той же эпохи вело, конечно, свое начало и то—знакомое

—обычай, также существовавшій нѣкогда и у грековъ, какъ говорятъ намъ о томъ многочисленныя переживанія у нихъ этого обычая, ихъ миѳы и ихъ политики-философы—Платонъ и Аристотель (*Hermann-Blümner*, Gr. Pr.-Alt., 76 ff. 278· f. *Воеводскій*, Каннибализмъ въ греч. миѳахъ, 127 слл. 284 слл. *Липпертъ*, Исторія семьи. 147 слл.). —Очень характерна „забота" государства аѳинскаго, въ лицѣ его ἀρχῆς μεγίστης, о женахъ, о дѣтяхъ—и о родителяхъ, или объ отцахъ (т. е. о γηροτροφία ихъ) павшихъ на войнѣ гражданъ, Plat. Menex. 248 C sqq. (ср. *Schulthess*, Vormundschaft, 21 ff.).

[6]) Arist. pol. 1252 b 28: πόλις.. γινομένη μὲν τοῦ ζῆν ἕνεκεν, οὖσα δὲ τοῦ εὖ ζῆν Ср. 1280 a 32.

[7]) О понятіи καλὸς κἀγαθὸς ср. *Walter*, Gesch. d. Aesthetik im Alt., 121 ff. (о словѣ ἀγαθός—*Meister*, Gr. Dial. II 149). Ср. τὰν καλοκαγαθίαν надписи Исилла, IGP I 1150 (*Wilamowitz*, Isyllos v. Ep., 42 f.).

[8]) Arist. pol. 1329 a 30: διῄρηται τὸ πολιτικὸν εἰς δύο μέρη, τοῦτ' ἐστὶ τό τε ὁπλιτικὸν (πολεμικόν) καὶ τὸ βουλευτικόν (βουλευόμενον, т. е. въ томъ числѣ и τὸ κρῖνον, или κρινοῦν, и τὸ περὶ τὰς ἀρχάς); ср. 1291 a 27 sqq. Ср. *Rehm*, Gesch. d. Staatsrechtsw., 85 ff.

[9]) О первоначальномъ тожествѣ войска и вѣча у грековъ, какъ и у римлянъ и другихъ народовъ—*Фриманъ*, Сравн. политика, 128 слл. (ср. *Ihering*, Geist d. röm. Rechts, I, § 17. *Waitz*, Deutsche Verfassungsg., I³ 32 ff.). Разумѣется, тожество это могло осуществляться только въ условіяхъ кочеваго, или полукочеваго быта—не тогда, когда гражданство-войско оказывалось частью οἴκοι, частью ἐπὶ στρατείας (не говоря уже о томъ, что съ теченіемъ времени все больше открывалась возможность гражданину быть не-воиномъ и быть воиномъ не-гражданину). Отсюда, конечно, ἀγορή (στρατός) II пѣсни Иліады, или екклесія аѳинскихъ воиновъ на Самосѣ (Thuc. VIII 76), или екклесіи Македонянъ, т. е. войска Александра В., во время похода на Бактры (Arr. An III 26 sq. Diod XVII 80. Curt. VI 11). Къ переживавшимъ отъ времени тожества вѣча и войска формальностямъ греческаго вѣча (ср. порядки римскихъ comitia centuriata) относятся, быть можетъ, и καθάρσια (περίστια) и σχοινίον (ср. tab Iguv., и Münsterberg, *Wien. Stud.*, XXIV 352 ff. *Usener*, Üb. vergl. Sitten-u. Rechtsg., 35 f.).

[10]) Xenoph. Anab. V 6, 15 sqq.—Къ первоначальному разселенію еллиновъ, на Балканскомъ полуостровѣ и на островахъ Эгейскаго моря, чрезъ посредство поселеній

намъ—представленіе о государствѣ, въ общей экономіи котораго гражданство такъ рѣшительно выступало на первый планъ, закрывая собою не только остальное населеніе территоріи государства, но и самую эту территорію, такъ что за нею, какъ ни росло ея значеніе на практикѣ, въ теоріи осталась навсегда лишь роль сравнительно случайная[11]).

5. Итакъ, еллинское представленіе о государствѣ какъ о прежде всего гражданствѣ и о гражданствѣ какъ о племени съ одной стороны и какъ о войскѣ-вѣчѣ съ другой вело свое начало, повидимому, изъ той эпохи, когда государства (будущихъ) еллиновъ были двигавшимися съ мѣста на мѣсто политически-организованными гражданствами. Но въ еллинскомъ государственномъ правѣ, какъ и въ еллинской политической памяти всегда хранилось также и воспоминаніе о томъ моментѣ жизни государства, когда оно изъ кочеваго сдѣлось осѣдлымъ,—о раздѣлѣ земли, который произведенъ былъ, когда гражданство-государство нашло для себя возможнымъ и желательнымъ прочно основаться на извѣстной территоріи, связать свою судьбу съ извѣстной территоріей. Сколько можно теперь судить, существенное содержаніе этого воспоминанія своди-

---

на зап. побережьи М. Азіи, примыкаетъ греческая колонизація по берегамъ Средиземнаго (и его продолженія—Чернаго) моря, постепенно ослабѣвающая и затихающая (т. е. изъ массовой переходящая въ частичную)—отчасти потому, что еллины ближе сживаются съ занятыми ими землями, отчасти потому, что на нихъ и съ востока, и съ запада надвигаются—болѣе уже организованныя—силы „варваровъ" (съ этой точки зрѣнія битвы при Саламинѣ и при Гимерѣ, происшедшія будто-бы въ одинъ день, ср. Herod. VII 166 IX 100, вовсе не были, какъ это казалось Аристотелю, poet. 1459 a, οὐδὲν πρὸς τὸ αὐτὸ συντείνουσαι τέλος); съ новой силой (и въ новыхъ, конечно, формахъ) возобновляется колонизаціонная дѣятельность грековъ (вмѣстѣ съ македонянами) при Александрѣ В. и его діадохахъ и эпигонахъ. Вообще „переселеніе, колонизація" (только, конечно, не одной сплошной „страны", хотя бы и съ тѣмъ, что осталось отъ ея продолженія, т. е. съ островами „моря слывшаго еллинскимъ") была „основнымъ фактомъ" греческой исторіи не меньше, чѣмъ русской (ср. *Ключевскій*, Курсъ р. исторіи, I 24 слл.); еллинамъ такъ и не довелось забыть, что и они нѣкогда такъ же странствовали, какъ впослѣдствіи на ихъ глазахъ савниты, кельты или скиѳы, германцы,—что и они когда-то представляли собою μυρία φῦλα κατὰ χθόνα πλαζόμενα (такъ что Зевсъ, дабы κουφίσαι παμβώτορα γαῖαν, ῥίπισε πτολέμου μεγάλην ἔριν Ἰλιακοῖο,—какъ читаемъ въ цитатѣ изъ Κύπρια Стасина, fr. 1 K., ср. *Ludwich*, Textkr. Unters. üb. die myth. Sch. zu Hom. Il., I 10 f.). Какъ Meister der Colonisation грековъ характеризуетъ *E. Curtius*, Altertum u. Gegenwart, III 158 ff.

[11]) Οὐχ ὁ τόπος τὸν ἄνδρα, ἀλλ' ὁ ἀνὴρ αὐτὸν ἔντιμον ποιεῖ—эта пословица (Apost. XIII 162, ср. Plut. ap. Lac. 208 D) была какъ нельзя болѣе характерна и для греческой теоріи государства. Ср особенно Herod VIII 61. IX 5. Ср. также App. b. civ. II 11: οὐ τὰ οἰκήματα πόλιν ἀλλὰ τοὺς ἄνδρας εἶναι νομίζοντες... τὴν ἐλευθερίαν ὅπῃ ποτ' ἂν [ἔχ]ωσιν, ἡγοῦνται πατρίδα;

лось къ слѣдующему[1]). Одна часть[2]) поступавшей отселѣ въ вѣчное и потомственное владѣніе всего гражданства (или государства) земли[3]) оставлялась въ общемъ пользованіи всего гражданства: здѣсь находили себѣ мѣсто „городище“ и святыни государства, здѣсь оставлялось мѣсто для вѣча (обыкновенно то же, что и для рынка)[4]); къ этой γῇ δη-

---

[1]) Ср. прежде всего разсказъ Одиссеи, VI 3 sqq., о δῆμός τε πόλις τε Φαιήκων ἀνδρῶν, οἳ πρὶν μέν ποτ' ἔναιον ἐν εὐρυχόρῳ Ὑπερείῃ: ἔνθεν ἀναστήσας ἄγε Ναυσίθοος θεοειδής, εἷσεν δὲ Σχερίῃ ἑκὰς ἀνδρῶν ἀλφηστάων, ἀμφὶ δὲ τεῖχος ἔλασσε πόλει καὶ ἐδείματο οἴκους καὶ νηοὺς ποίησε θεῶν καὶ ἐδάσσατ' ἀρούρας. То же, что этотъ разсказъ Одиссеи, говорятъ намъ и наши скудныя свѣдѣнія о томъ, какъ устраивались на своихъ новыхъ территоріяхъ еллинскія поселенія (ἀποικίαι, ἐποικίαι, κατοικίαι, κληρουχίαι) въ историческое время; ср., напр., Ditt.[2] 19. 933. Thuc. III 50. Diod. XII 10 sq. Ael. v. h. VI 1 (ср. также Inschr. v. Perg. I 158 и данныя папирусовъ, сопоставленныя у *P. Meyer*, Heerwesen d Ptolemäer, 28 ff.)—То воспроизведеніе „воспоминанія“ еллиновъ, какое дѣлается въ этомъ §, въ существенныхъ чертахъ своихъ примыкаетъ къ построенію L. v. Stein, *Sitzb. d. Wien Ak.*, XCIII 252 ff.

[2]) Ср. Arist. pol. 1330 a: ἀναγκαῖον εἰς δύο μέρη διῃρῆσθαι τὴν χώραν, καὶ τὴν μὲν εἶναι κοινὴν τὴν δὲ τῶν ἰδιωτῶν.

[3]) Что и у еллиновъ вся составлявшая территорію государства земля всегда—и чѣмъ раньше, тѣмъ больше—могла разсматриваться, а первоначально прямо разсматривалась какъ собственность государства (т. е. представлявшаго собою государство гражданства или представлявшаго собою гражданство гражданства-вѣча), объ этомъ—помимо, разумѣется, аналогій, представляемыхъ аграрною исторіею другихъ народовъ,—говоритъ намъ уже постоянное вниманіе государства (т. е. и законодательства, и управленія) къ регулированію (и регистрированію) даже частновладѣльческихъ земельныхъ отношеній, въ особенности обращеніе земель какъ отдѣльныхъ ἄτιμων, такъ и цѣлыхъ „партій“ гражданъ, изгонявшихся (φυγάδες, φυγόντες) изъ государства, въ государственную, т. е. въ общегражданскую собственность (δημοσιοῦν, δημεύειν, ср. παματοφαγεῖν GDI 1478) и, наоборотъ, дарованіе или возвращеніе государствомъ земель вновь или снова принимаемымъ въ составъ гражданства, а также дарованіе и не-гражданамъ—собственно принадлежавшаго лишь гражданамъ (какъ лишь „мужамъ вольнымъ“, составлявшимъ Новгородъ Великій)—права на ἔγκτησις γῆς καὶ οἰκίας (или на ἐπινομία); очень характерно то видное мѣсто, какое и впослѣдствіи удѣлялось въ государственной жизни заботамъ или вопросамъ περὶ σίτου (вмѣстѣ съ φυλακῇ τῆς χώρας) и περὶ τῶν κλήρων (καὶ ἐπικλήρων) и περὶ τῶν δημευομένων (ср. Arist. π. 'Αθ., 52 sq. Herod. VI 57. Ditt.[2] 10. 95 sq. 154. 177. 329. 510); но особенно характерны никогда не прекращавшіяся въ соціальной борьбѣ требованія передѣла земли (γῆς ἀναδασμός и въ связи съ тѣмъ торжественное обѣщаніе, какое потомъ должны были давать, вступая въ должность, аѳинскіе архонты,—ὅσα τις εἶχεν πρὶν αὐτὸν εἰσελθεῖν εἰς τὴν ἀρχήν, ταῦτ' ἔχειν καὶ κρατεῖν μέχρι ἀρχῆς τέλους (Arist. π. 'Αθ., 56); въ томъ, что не будетъ передѣла γᾶς οὐδὲ οἰκιᾶν, присягали послѣ и „всѣ Итанійцы“ (Ditt. 462), и аѳинскіе геліасты (если у Dem. XXIV 148 мы дѣйствительно—какъ полагаетъ и Drerup, *Jahrb. f. cl. Ph.*, S.-B. XXIV 256,—имѣемъ дѣло съ присягой геліастовъ); ср. Plat. Leg. 684E. Dio Chr. XXXI 70.—Ср. *Hermann-Thalheim*, Gr. R.-A[4]. 56 ff. *Lipsius*, Bed. d. gr., R., 12 ff. *Szanto*, Gr. Bürgerr. 23 ff. *Usteri* Ächtung u. Verbannung, pass. *Wilamowitz*, Arist. u. Ath. II 47 f. *Guiraud*, La propriété foncière en Grèce (1893).

[4]) Осѣвшее государство-гражданство должно было, разумѣется, имѣть на своей

μοοία принадлежали и общественные выгоны, лѣса и т. п.; къ ней же

территоріи сборный пунктъ,—политическій, религіозный, экономическій центръ, по возможности укрѣпленный. Однообразія въ устройствѣ такого-рода центровъ у еллиновъ, когда они занимали свои будущія территоріи, предполагать, конечно, не приходится: вѣдь, нѣсколько столѣтій продолжался сводящійся въ болѣе крупныхъ своихъ чертахъ къ двумъ послѣдовательнымъ моментамъ и внутри этихъ моментовъ очень сложный и пестрый (ср. § 4, прим. 3) процессъ осѣданія, т. е. первоначальнаго разселенія еллиновъ; и если различны были между собою, не только въ количественномъ, но и въ качественномъ отношеніи, отдѣльныя еллинскія государства-гражданства, когда они приходили на свои будущія территоріи, то не меньше различны были, и по своему географическому характеру, и по культурному состоянію своему и своего населенія, и самыя эти территоріи. Исторія еллиновъ, уже осѣвшихъ на своихъ территоріяхъ, застаетъ, поэтому, у нихъ и открытые поселки, κῶμαι, безъ τείχη (безъ „поставленнаго" вокругъ поселка „города"), и „города" (τείχη) вродѣ описываемыхъ Цэзаремъ, de b. G. V 21, британнскихъ oppida, т. е. укрѣпленія, въ которыхъ въ случаѣ набѣга враговъ спасались окрестные жители (особенно женщины, дѣти, старики, со скотомъ и прочимъ имуществомъ), устраивавшіяся, конечно, на возвышенностяхъ, если оказывались таковыя, и, наконецъ, поселки, обнесенные стѣнами („городами"); въ послѣднемъ случаѣ мы, повидимому, имѣемъ дѣло или съ поселеніями обнесенными стѣнами лишь въ болѣе позднее время, или съ поселеніями и основанными въ болѣе позднее время (ср. договоръ о поселеніи Иссэевъ на Черной Керкирѣ въ IV в., Ditt. 933). Мы не знаемъ еще, въ какой мѣрѣ (ср. *Noack*, Homer. Paläste, 1903) еллинскими слѣдуетъ считать „микенскіе", или „эгейскіе" акрополи и дворцы собственной Еллады (ср. судьбу аѳинскаго акрополя—до времени Писистратидовъ); но во всякомъ случаѣ можно предполагать, что и у еллиновъ предназначавшееся служить убѣжищемъ на случай нападенія враговъ укрѣпленіе (городище или кремль, твердыня) вмѣщало въ себѣ и дворецъ царя, служившій, вмѣстѣ, и хранилищемъ святынь гражданства-племени, которыя носились, или возились во времена странствованій племени, какъ возился потомъ въ помпѣ возвращавшихся въ Аѳины ѳеоровъ священный треножникъ съ огнемъ съ очага Дельфовъ (Ditt. 665. 718; ср. также Herod. VII 40),—святынь такихъ, какъ общегражданская ἑστία (ср. Preuner, *Rosch. Myth. L.*, I 2630 ff.), или разные фетиши—ἀργοὶ λίθοι (вродѣ чернаго камня Каабы; быть-можетъ и загадочный σαστήρ въ присягѣ Херсонаситовъ, Ditt. 461, былъ такимъ же камнемъ, какъ ѳивскій σωφρονιστήρ, Paus. IX 11, 2), священные κιβωτοί, или κίσται (вродѣ израильскаго ковчега завѣта, ср. *Usener*, Sintfluthsagen, 100 ff.; *Schwally*, Semit. Kriegsaltert., I 45 ff.), ἕδη, θρόνοι (ср. *Reichel*, Vorhell. Götterculte, 1897), священные щиты, копья (вродѣ римскихъ ancilia и hastae Martis,—ср. особенно Paus. IX 40, 11 sq.), ξόανα, παλλάδια (ср. *Rosch. M. L.* III 1301 ff.) и т. п. (ср. *Duemmler*, Kl. Schr., II 223 ff. *Gruppe*, Gr. Myth. u. R., 722 ff. 772 ff. *Kern*, Ueb. d. Anfänge d. hell. Religion, 9 ff. *Visser*, Die nicht menschengest. Götter d. Gr., 1903); отчасти потому, быть можетъ, мѣсто дворцовъ заняли потомъ (какъ на Микенскомъ или на Аѳинскомъ акрополѣ,—на послѣднемъ, впрочемъ, имѣлъ свою резиденцію и „царь" Писистратъ, Herod. I 59 sq. Arist. π. Αθ., 14. 19) храмы боговъ (ср. Ἐρεχθῆος πυκινὸν δόμον Одиссеи VII 81), и не невозможно даже, что въ архитектурномъ отношеніи храмы греческіе вышли, или развились изъ дворцовъ (Noack, *N. Jahrb. f. d. kl. Alt.*, I 579 ff. *Perrot-Chipiez*, Hist. de l'art d. l'ant., VII 349 ss. *Lechat*, Le temple grec, 1902; ср. *Koldewey-Puchstein*, D. gr. Tempel in Unteritalien u. Sicilien, Textb., 128 ff.; по-

примыкала и вся вообще не размежеванная или не отмежеванная еще земля[5]). Другая часть территоріи дѣлилась на приблизительно-рав-

---

видимому, изображеніе—а стало-быть и существованіе—храма встрѣчаемъ уже въ „микенскую“ или „эгейскую“ эпоху. Zahn, *Arch. Anz.*, 1901, 20. 99).—Во всякомъ случаѣ „богамъ“ нарѣзались и особые участки, т. наз. τεμένη, или ἄλση (обыкновенно и на самомъ дѣлѣ дубравы, рощи,—хотя потомъ слово ἄλσος стало означать и вообще „посвященное богу χωρίον, хотя бы оно было ψιλόν“, Schol. Pind. Ol. III 31); ср. постановленіе аѳинскаго народа περὶ τες ἐς Βρέαν ἀποικίας, V в., Ditt. 19: τὰ δὲ τεμένε τὰ ἐχσειρεμένα ἐᾶν, καὶ ἄλλα μὲ τεμενίζεν (ср. μοῖρα Διὸς Τεραστίω, GDI 4563 sq.; Τεμενίτης—эпитетъ Зевса, Посейдона, Ditt. 531. 615; Ἑστία Τεμενία, ib 600.).—Еще ближе, чѣмъ храмы, примыкали, въ своихъ зачаткахъ, къ жилищамъ царей, чрезъ посредство πρυτανεῖα (съ κοιναὶ ἑστίαι; ср. θόλοι, и σίτησις ἡ ἐν τῷ πρυτανείῳ, какъ на Книдѣ—ἐν δαμιοργίῳ, GDI 3501 f.) разныя „присутственныя мѣста“ (ср. στοὰ βασίλειος), ἀρχεῖα, βουλευτήρια (ср. Thuc. II 15). - Разумѣется, оставлялось и мѣсто, гдѣ могли собираться граждане (для политическихъ, военныхъ, торговыхъ, культурныхъ цѣлей)—ἀγορά (иначе ἀγών, λιμήν), или ἀγοραί (имя Ἀγορά носилъ городъ на ѳрак. Херсонесѣ, ср. forum).—Къ акрополю (т. е. къ кремлю, дѣтинну) или къ „городу“, въ смыслѣ укрѣпленія, городища (вродѣ новгородскаго Демана, заключавшаго въ себѣ только церковь да дворъ намѣстничъ), примыкало обыкновенно (какъ въ Аѳинахъ) и болѣе скученное поселеніе, ἄστυ (Микены, замѣтимъ мимоходомъ,—если вѣрно толкуетъ остатки стѣнъ микенской Unterstadt *Tsuntas*, Mycen. age, 33,—имѣли близкую аналогію себѣ въ древне-германскихъ regiae castellaque iuxta sita, Tac. ann. II 62, см. *Schuchhardt*, Atlas vorgesch. Befestig. in Niedersachsen, H. VII).—Преобладала-ли при начальномъ размѣщеніи дворовъ (или усадьбъ) скученность или обособленность, или нѣчто среднее, т. е. частичная группировка,—рѣшить, конечно, трудно. Города, какъ культурно-экономическіе центры, во всякомъ случаѣ выясняются въ своемъ значеніи лишь позднѣе—и сначала лишь у передовыхъ (въ географическомъ и культурномъ отношеніи) еллиновъ (ср. § 2, прим. 6),—какъ у этрусковъ или латиновъ, не у самнитовъ или галловъ (у полянъ—не у кривичей и „прочихъ поганихъ“).

[5]) Естественно, что луга и особенно пастбища, какъ и лѣса или воды вообще имѣютъ тенденцію возможно дольше оставаться въ общемъ (не въ личномъ) пользованіи, возможно дольше считаться общею (не личною) собственностью (ср. Frontin. I 15 L. *Hildebrand*, Recht u. Sitte, I 164 ff.).—О государственныхъ пастбищахъ—о правѣ пользованія ими (ἐπινομία,—наряду съ ἔγκτησις γῆς καὶ οἰκίας,—ср. ἐπινομίαν ὧν ἔχι βοσκημάτων, CIGP I 853), обыкновенно за извѣстную плату (ἐννόμιον),—говорятъ намъ многія греческія надписи IV и сл. в. (надписи эти—кромѣ GDI 1441. 1457. CIGP I 729 —сопоставлены у *Keil*, Anon. Arg., 311 ff.; въ ὁμολογὰ Εὐβώλω Ϝελατιήυ κὴ τῆ πόλι Ἐρχομενίων о пользованіи пастбищемъ этой πόλιος упоминается и завѣдывающій имъ—νομώνας, Mich. 1362); аналогію порядкамъ государствъ въ этомъ отношеніи представляютъ собою и порядки, напр., аѳинскихъ демовъ, ср. Ditt. 432. 534; существовали, конечно, и „церковныя пастбища“, *Keil*, l. c. 311,—хотя указанныя тутъ надписи говорятъ не о „церковныхъ пастбищныхъ земляхъ“, а о пользованіи храмовыми τεμένη, или ἄλση для νομῆς и στάσεως (ср. еще Ditt. 531. 560, а также имѣющіе въ виду φυλακὴν καὶ σωτηρίαν не святыни, а Ἡρακλειωτῶν πάντων—ψήφισμα и ὅρκον, изд. въ *Rev. d. phil.*, XXVI 291 s.); вообще же конечно удѣлы или угодья святынь государственныхъ -не частныхъ -разсматривались какъ государственная-же, но, разумѣется, особенно

ные участки—по числу составлявшихъ войско-вѣче гражданъ, и участ-

---

покровительствуемая государствомъ въ своей неприкосновенности, собственность,—ср. особенно Ditt. 20. 329. 533. 550. 789. GDI 4629. CIGP I 557. 840. CGS I 1739); нужно имѣть въ виду, что государства Еллады, вообще не склонныя (что было только особенно подчеркнуто въ Дельфахъ, Олимпіи, на Делосѣ) далеко вести или рѣзко проводить различіе θείων καὶ ἀνθρωπίνων, ὁσίων καὶ τῶν ἄλλων πάντων, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ и на словахъ (въ теоріи), сближали имущества—посвященныя божественнымъ покровителямъ государства-гражданства (т. е. θεοῖς οὓς ἡ πόλις νομίζει, ср. θυσίας ὅσαι ἐντὶ ἐν τῷ πολιτικῷ νόμῳ, Ditt. 426) и принадлежащія государству-гражданству, т. е. ἱερὰ и δημόσια (какъ и аѳинскій акрополь мыслился или звался πέτρα Παλλάδος, Ἀθάνας σκόπελον, Γλαυκώπιον); такъ χρήματα лишеннаго правъ гражданства (ἀτίμου) иногда объявлялись не δημόσια, а ἱερὰ τὠπόλλωνος, τῆς Ἀρτέμιδος (Ditt. 10. Rec. d. Inscr. Jur. Gr., n. IX).—Заключавшія въ своихъ формулахъ много „переживаній" древнѣйшаго быта узаконенія о „священныхъ земляхъ" недаромъ наряду съ запрещеніемъ νέμειν, ἐννέμειν, ποιμαίνειν (ὑφορβεῖν ἢ βουκολεῖν, ἰνφορβῖεν) содержали въ себѣ обыкновенно и запрещеніе κόπτειν (φέρειν ξύλα), ὑλάζεσθαι, ξυλεύειν (ср. Ditt. 568 sqq. 653. 790. 909. Mich. 144. 695): какъ скотоводство (въ томъ числѣ и коневодство) съ охотою, такъ связаны были обыкновенно и пастбища съ лѣсами—вмѣстѣ съ ними переходя, или разрѣшаясь въ не тронутую еще культурою, остающуюся еще внѣ экономическаго и политическаго оборота государства, окраинную его территорію (ср. Hom. h. IV 122 sq.: πολλὰ δ'ἔργα ἀνθρώπων, πολλὴν δ'ἄκληρόν τε καὶ ἄκτιτον'; окраинами этими были обыкновенно не пустоши, или степи, а пущи, или лѣса и горы или лѣсистыя горы, saltus, ὄρη (слово—вѣроятно родственное слову ὅρος; ср. mörk или median, mesch—въ значеніи „лѣсъ": то же значеніе имѣетъ въ югосл. яз. и слово гора); ср. ὀργάδες. О такихъ пастбищахъ на горахъ, ἀγροῦ ἐπ' ἐσχατιῆς говорится и въ гомеровскихъ поэмахъ (ср. *Guiraud*, 66 ss. *Pöhlmann*, Altert. u. Gegenw., 126 f.); ср. ἐσχατιάν Фэниппа, въ IV в. продававшаго въ Аѳинахъ дрова изъ своего лѣса, [Dem.] XLII 5 sqq. (ср. Scherling, *Leipz. St.*, XVIII 26 f.); περὶ ὀρέων и объ ὀργάς ср. Ditt. 300. 418. 42. 789. GDI 2501. Plat. Crit. 111 B. [Xenoph.] Cyneg. 9, 2. 10, 19. Paus. III 4, 2. О лѣсахъ, остававшихся собственностью государства (или „царя")—Ditt. 69. 77. 181; о постоянномъ вниманіи государства къ лѣсному хозяйству на его территоріи—Arist. pol. 1321 b. 1331 b.; ср. *Seidensticker*, Waldgesch. d. Altertums, I 26 ff.—Эратосѳенъ разсказываетъ (у Страбона, 684), что на Кипрѣ въ древнія времена такъ много было лѣсу на πεδία,-истребленію его мало помогали и рудники, и кораблестроеніе,—что предложено было желающимъ и могущимъ (конечно изъ тѣхъ, οἷς ἔξεστιν) вырубать (выкорчевывать) лѣсъ, получая въ собственность расчищенную землю: приблизительно то же происходило, естественно, въ свое время на всякой территоріи, которую прилаживало къ себѣ устраивавшееся на ней государство (ср. Σκαπτὴ Ὕλη). Съ теченіемъ времени площадь, отходившая подъ пашни, подъ усадьбы, подъ строенія (подъ дома, но также и подъ ἐργαστήρια—ср. Ditt. 552. 834. CIGP I 557), подъ „городъ", должна была, конечно, все увеличиваться на счетъ χώρας ἀργοῦ, при чемъ на этой послѣдней возможны были и частичныя „опахиванія", или „зачерчиванія" „наѣздами", обыкновенно не только терпѣвшіяся, но и поощрявшіяся государствомъ,—поскольку остававшаяся въ пустѣ земля государства мыслилась по старой (сохранявшейся отъ кочеваго быта) памяти, безпредѣльною, безграничною,—по крайней мѣрѣ пока расширеніе усвояемой государствомъ территоріи не встрѣчало препятствій со стороны-ли природныхъ условій, со стороны

ки эти по жребію распредѣлялись въ наслѣдственное пользованіе отдѣльныхъ гражданъ[6]), причемъ однако нѣкоторымъ изъ нихъ, и прежде всего

ли сосѣдей (и пока государство не стало и въ этомъ отношеніи больше цѣнить ποιόν, нежели ποσόν): когда царь Полидоръ велъ лакедэмонянъ на Мессену, онъ желалъ не войны съ братьями, а шелъ ἐπὶ τὴν ἀκλήρωτον τῆς χώρας,—читаемъ у Плутарха, apophth. Lac., 231 D (съ другой сторны, конечно, διὰ τοὺς πολέμους культурная земля могла становиться ἀργὸς καὶ ἄσπορος, Ditt. 233).—Еще дольше и еще больше, чѣмъ на пастбища и на лѣса, сохраняло или охраняло государство свои правà на нѣдра земли—на каменоломни, копи, или рудники (ср. *Boeckh*, Kl. Schr. V 1 ff. *Francotte*, L'industrie d. la Grèce anc., II 177 ss. *Ardaillon*, Les mines du Laurion, 1898), а также и на рыбныя ловли (ср. Arist. oec. 1346 в. Ditt. 427. 615. Mich. 720. CIGP I 752. 941. Rhode, *Jahrb. f. Phil.* S. B. XVIII 30 f. *Toepffer*, Beitr., 215 ff.).

[6]) Обычнымъ—даже и тогда, когда невозможны уже были земельные раздѣлы и передѣлы,—обозначеніемъ состоявшаго въ частномъ (личномъ) пользованіи или владѣніи земельнаго „участка", ближайшимъ образомъ—усадебнаго участка, т. е. участка съ домомъ, или дворомъ, и инвентаремъ (ср. Plat. Leg. 856 D: ὅσον κατασκευασμένου τοῦ κλήρου παντελῶς; Mich. 1387: τὰ χωρία καὶ τὴν οἰκίαν καὶ τὰ σκεύη ὅσα ἐστὶ τῶν χωρίων),—было слово κλᾶρος, κλῆρος, первоначально обозначавшее жребій (ср. sors, жеребье и жеребій, участокъ), т. е. собственно деревянную (ср. κλῆμα) или глиняную (ὑγρᾶς ἀρούρας, Soph. Ai. 1285) дощечку съ помѣткой, значкомъ (σῆμα,—ср. др.-пр. girbin - число), ввергавшуюся, вмѣстѣ конечно съ другими, въ шлемъ, урну (ὑδρία) и т. п.,—„кому вынется" (какъ въ Иліадѣ VI 161 sqq., и какъ у германцевъ и другихъ народовъ—ср. Holwerda, *Rhein. Mus.* LV 477 ff. *Petersdorff*, Germ. u. Griechen, 45 ff.; именно такое жеребьеваніе примѣняется и теперь еще при раздѣлѣ общинной земли въ Палестинѣ, см. *Buhl*, D. socialen Verhältnisse der Israeliten, 57); въ значеніи усадебнаго участка и хозяйства (что выражалось и терминомъ οἶκος, ср. ἱστία, Mich. 285), а затѣмъ и вообще имущества слово κλῆρος сохранялось и въ своихъ производныхъ—πολύκληρος, ἄκληρος (такъ у Гомера, рядомъ съ πολυκτήμων, πολυλήιος, ἀκτήμων, ἀλήιος и пр.; у Поливія —ἀκληρία, οἱ ἠκληρηκότες, ἀκληροῦντες и т. п.—о гражданствѣ-государствѣ лишившемся своей территоріи, ср. ἀναστάτους ποιεῖν, ἀνάστασις у Герод. или Θук.). ἐπίκληρος (ср. у Гомера: υἱὸν ἐπὶ κτεάτεσσι λιπέσθαι), κληρονόμος (наслѣдникъ.—собственно получающій κλῆρον, или долю въ немъ, или распоряжающійся имъ—на правахъ хотя-бы нашего душеприкащика, ср. Ditt 557 600, 152; иногда вмѣсто κληρονόμος говорилось ἐπίνομος, ср. Ditt. 860 sqq. GDI 3206); рядомъ съ терминомъ κλῆρος встрѣчается и λῆξις (ср. λ. Τημένου, Plat. Crit. 109 C и тексты, сопоставленные у *Toepffer*, Beitr., 263 ff.; ср. также μέρος μετὰ Fοικιατᾶν, Mich. 285). Уже это переживаніе термина κλῆρος даетъ намъ право считать фактомъ первоначальной аграрной исторіи еллиновъ—какъ и другихъ народовъ (ср. *Лавеле*, Первоб. собственность, 47 сл. 75 сл. 140 сл. *Hildebrand*, Recht u. Sitte, I 43 ff. *Post*, Grundr. d. ethnol. Jurisprudenz, I 327 ff. *Buhl*, Soc. Verh. d Israel., 55 ff. 105 ff. *Владимірскій-Будановъ*, Обз. ист. р пр.[3], 517 сл.)—такое же раздѣленіе предназначавшейся для заселенія и воздѣлыванія земли на жеребьевые участки, съ какимъ мы встрѣчаемся и при основаніи позднѣйшихъ еллинскихъ поселеній (ср. прим. 1), но также и при принятіи въ составъ гражданства новыхъ лицъ (Mich. 306: ἁ πόλις Φαρσαλίουν даетъ πλέθρα ἑξείκοντα ἑκάστου εἰβᾶτα ἔχειν πατρουέαν τομ πάντα χρόνον. 531: κλῆρον ἐν τῷ πεδίῳ) и при сдачѣ въ аренду участками земель государствъ, святынь, демовъ и т. п. (ср. CIL III 355; ср. Rec. d. inscr. j. gr., I p. 235 ss.) и при распре-

царямъ въ знакъ почета отводились особые удѣлы, своимъ объемомъ или качествомъ превышавшіе жеребьевый надѣлъ[7]). Само собою разу-

дѣленіи между гражданами новой (т. е. вновь пріобрѣтенной или вновь предназначенной для обработки) территоріи (ср. Ditt. 96. 229. IOSPE IV 80, и особенно Ditt. 221: τῶμ πολιτῶν τοὺς κληρουχήσοντας καὶ γεωργήσοντας τὴν χώραν; сюда относятся, конечно и столь характерные самымъ названіемъ своимъ аѳинскіе κληροῦχοι,—ср. γηοχεῖν, γεοῦχοι, γάμοροι,—также клерухи птолемеевскаго Египта, *Meyer*, Heerw. d. Ptolem. 41 ff. *The Tebtunis papyri*, I 538 sqq.).—Конечно, именно на почвѣ этого дѣленія (διανεῖμαι) земли, какъ военной добычи, развивалась первоначально у еллиновъ и геометрія (ср. Xenoph. Mem. IV 7, 2 sq. Plat. Resp. 526 C sq.); впрочемъ такіе спеціалисты по размежеванію, какъ римскіе агрименсоры (ср. *Weber*, Röm. Agrarg.. 12 ff. Mommsen, *Herm.*, XXVII 79 ff.) не успѣли, повидимому, сложиться у еллиновъ, если не считать айзанійскихъ γεομέτρας II в. по Р. Х. (CIL III 355); γεωνόμοι Фриниха, Bekk. *An.* 32, 14, и Гесихія, s. v.,—это выборные (по одному изъ филы) геономы аѳинской надп. V в. объ апойкіи въ Брею (τοῦτοι δὲ νεμάντον τὲν γεν, Ditt. 19); ср. и аристотелевыхъ „агрономовъ" (pol. 1321 b. 1331 b), или лаконскихъ „педіаномовъ" (GDI 4517), но также и δοιστάς (Ditt. 550. GDI 4629; τερμαστῆρες мегарянъ, Ditt. 452, были выборные). Ср. разсказъ Геродота о раздѣленіи Сесострисомъ земли между египтянами—на равные четыреугольные участки, II 109. Πεδίον σχοίνῳ διαμετρήσασθαι геродотовскаго оракула (I 66; ср. σχοινοτενής) имѣетъ въ виду, конечно, раздѣлъ земли при помощи funiculi, извѣстный намъ и у германцевъ (*Maurer*, Einl. z. G. d. Mark-Hof-Dorf-u. Stadtv.,[1] 278; ср. reebning, reebsmänd ютскаго права 1242 г.).—У Аристотеля говорится о долго сохранявшемся во многихъ государствахъ запрещеніи отчуждать τοὺς πρώτους, или παλαιοὺς κλήρους (pol. 1319 b. 1266 в; ср. πρῶτον κλᾶρον закона о поземельномъ устройствѣ поселившихся въ IV в. на Черной Керкирѣ Иссэевъ, Ditt. 933; γῆ τῆς ἀρχαίας μοίρας, Heracl., pol., 2. τ. ἀρχῆθεν διατεταγμένης μ., Plut. Inst. L., 22).

[7]) Выдѣлявшіяся царямъ или вообще лицамъ возвышавшимся надъ „рядовыми" гражданами земли носили то же названіе, что и „священныя" земли,—τέμενος (ср. Il. VI 194: τέμενος τάμον ἔξοχον ἄλλων. Eur. Herc. 1328 sq.: πανταχοῦ δέ μοι χθονός τεμένη δέδασται). Уже у Гомера τέμενος (μέγα, καλόν, φυταλιῆς καὶ ἀρούρας, и пр.)—не только δῶμα, ἕδος (ср. πόλιν καὶ δώματα, т. е. кремль, дѣтинецъ), но и настоящее крупное населенное помѣстье (ср. Il. IX 574 sqq. XII 313 sq. XVIII 541 sqq. XX 184 sq. 391. Od. XI 185. XVII 296 sqq. *Pöhlmann*, Aus. Alt. u. Gegenw., 121 ff. 156 ff. Henze, *Philol.*, LX 502 ff. Siebourg, *Rh. Mus.*, LVII 301 ff.); иногда, повидимому, царскія τεμένεα заключали въ себѣ даже цѣлыя—конечно небольшія—πόλεις населенія, жившаго раньше на той территоріи, на которую пришло и которою завладѣло государство (Il. IX. 147 sqq. Od. IV 176 sq.; ср. Xenoph. r. Lac., 15, 3). Знакомый намъ изъ Гомера, сохранявшійся и потомъ (ср. Herod. VIII 11. Dem. XX 115. Plut. Arist. 27. *Wilamowitz*, Eur. Herakles, II[2] 270, обычай награжденія отдѣльныхъ лицъ особыми земельными участками изъ запаснаго или вновь пріобрѣтеннаго земельнаго фонда государства въ сущности лишь переносилъ на землю тѣ отношенія, какія находили себѣ выраженіе въ общенародныхъ (общегражданскихъ) праздничныхъ или будничныхъ (но всегда болѣе или менѣе „священныхъ", т. е. не обходившихся безъ привлеченія къ участію въ нихъ боговъ или предковъ) трапезахъ,—были-ли то сисситіи, была-ли то σίτησις ἐμ πρυτανείῳ (къ коей въ Аѳинахъ привлекались нѣкогда, между прочимъ, и οἱ τρόπαια στήσαντες и побѣдившіе на олимпійскихъ, пиѳійскихъ, исѳмійскихъ, немейскихъ агонахъ, жрецы елев-

мѣется. что такой порядокъ землепользованія, даже если бы имъ преду-

---

синскіе и ексегеты, избранные Аполлономъ, CIA I 8. Ditt. 467. *Larfeld*, Gr. Epigr., II 778 ff. 811 f.), были-ли то трапезы, сопровождавшія праздничныя богослуженія и жертвоприношенія; въ этомъ послѣднемъ случаѣ части принесенныхъ въ жертву животныхъ или лучшія доли праздничнаго угощенія—сравнительно съ μερίδες простыхъ смертныхъ—получали, кромѣ жрецовъ, басилеи, т. е. цари (какъ у лакедэмонянъ) или носившіе это имя магистраты, разныя другія ἀρχαί (въ Галикарнассѣ и жены пританов). представители отдѣльныхъ родовъ (вродѣ упоминаемыхъ отдѣльно отъ прочихъ селившихся въ Навпактѣ локровъ гипокнамадійскихъ—Περφοθαριᾶν καὶ Μυσαχέον, Mich. 285), наконецъ, деміурги. въ гомеровскомъ смыслѣ (ср. Ditt 615 sqq. 935 sqq. *Stengel*, Gr. Kultusalt.,[2] 86 ff. *Keil*, An. Arg., 302 ff.; отсюда ведетъ свое начало и ταμίας—ср. δαιτροί,—и κωλακρέτης. ср. Il. XVIII 558 sqq. Ditt.. 426. 627. *Meyer*, Forsch. II 136 f.); не сплошь на равныя доли. но также и secundum dignationem дѣлилась, конечно, въ древнія времена и военная добыча (ср. Il. I 118 sqq. *Ihering*, Vorg. d Indoeur., 398 ff). Но если эти аналогіи дѣлаютъ вѣроятнымъ „отрѣзываніе“ и при первоначальномъ основаніи государствъ-гражданствъ на ихъ территоріяхъ особыхъ (внѣ κλήρων) земельныхъ надѣловъ, не только уже богамъ (а стало-быть и ихъ служителямъ), но и царямъ, отдѣльнымъ имѣвшимъ право на γέρη (о гомеровскихъ γέρα ср. Schulze, *Rh. Mus.*, XLI 151 f.) гражданамъ. или даже родамъ или фамиліямъ царей и такихъ гражданъ, а также и „деміургамъ“ (δημιοεργός, δαμοσιοργός, ср. ἱερουργός),—для послѣднихъ важна была, конечно, ἔγκτησις не столько γῆς. сколько οἰκίας,—то съ другой стороны тѣ же аналогіи заставляютъ предполагать, что. какъ при этихъ общественныхъ δεῖπνα граждане трапезовали иногда отдѣльными группами, на какія дѣлилось гражданство. какъ племя или какъ войско-вѣче (ср., напр., сисситіи или Κάρνεια—μίμημα στρατιωτικῆς ἀγωγῆς, Athen. 141 e, также Апатуріи; ср. Fornacalia. Fordicidia), такъ и территорія. занимаемая пришедшимъ на нее государствомъ-гражданствомъ, въ своей подлежащей раздѣлу части могла дѣлиться между отдѣльными гражданами и не непосредственно, а чрезъ посредство ихъ племенныхъ или военныхъ группировокъ (κατὰ φῦλα, κατὰ φρήτρας, по сотнямъ и т. п.). Иныя государства опредѣлялись на своихъ территоріяхъ уже путемъ подчиненія себѣ или путемъ объединенія раньше возникшихъ на этихъ территоріяхъ государствъ съ ихъ уже распредѣленными такъ или иначе землями. Если и вообще различны были въ своемъ и политическомъ, и соціальномъ, и экономическомъ строѣ осѣдавшія государства-гражданства. и не менѣе различны были въ своихъ природныхъ или и культурныхъ свойствахъ занимаемыя ими территоріи, то естественно, что тотъ δασμὸς ἴσος (Theogn. 678) земли. съ какимъ мы встрѣчаемся при основаніи новыхъ поселеній (или клерухій) уже осѣвшими прочно на своей землѣ государствами (т. е. при основаніи уже ἀποικιῶν или coloniarum въ болѣе тѣсномъ смыслѣ того и другого слова), при первоначальномъ разселеніи еллиновъ въ непосредственномъ, чистомъ видѣ осуществлялся развѣ въ рѣдкихъ случаяхъ,—изъ чего не слѣдуетъ однако, что онъ не искалъ себѣ вообще возможнаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ выраженія,—изъ чего слѣдуетъ только. что выраженія, какія онъ находилъ себѣ въ отдѣльныхъ случаяхъ были крайне-разнообразны. Однообразія однако здѣсь и не могло быть даже и независимо отъ крайней пестроты тѣхъ условій (политическихъ, географическихъ, экономическихъ, культурныхъ), при которыхъ или среди которыхъ производился раздѣлъ земли на занятыхъ отдѣльными государствами-гражданствами территоріяхъ: вѣдь и самъ по себѣ раздѣлъ этотъ, вообще имѣвшій своею задачею обезпечить каждому граж-

сматривались регулярные передѣлы[8]), могъ просуществовать развѣ самое

данину—притомъ всѣмъ гражданамъ одинаковую возможность несенія службы государству (въ томъ числѣ и службы—своимъ потомствомъ), могъ осуществлять эту свою задачу различнымъ образомъ въ зависимости отъ того, „другіе-ли" (т. е. не граждане, а зависимые отъ гражданства элементы населенія) должны были „обработывать землю", или этотъ трудъ (διαπονεῖν τὰ περὶ τὰς κτήσεις) предоставлялся самимъ гражданамъ, при чемъ участки и ихъ плоды могли считаться или общими, или частными (отходившими въ частное владѣніе), т. е. или принадлежащими всему гражданству, или принадлежащими отдѣльнымъ гражданамъ, но могло быть и такъ, что участки были отдѣльные, а пользованіе плодами ихъ было общимъ (τὰ μὲν γήπεδα χωρίς, τοὺς δὲ καρποὺς εἰς τὸ κοινὸν φέροντας ἀναλίσκειν). Эти—указываемыя Аристотелемъ (pol. 1262 b 37 sqq.)—возможности, по самому существу своему относительныя и потому заявлявшія себя различнымъ образомъ не только каждая въ отдѣльности, но и всѣ вмѣстѣ,—при чемъ еще γήπεδα, о которыхъ говорится у Аристотеля, могли не совпадать съ οἰκόπεδα (какъ въ уставѣ о раздѣлѣ земли между поселенцами-иссэями, Ditt. 933, или какъ гортинскіе законы различали владѣнія ἐν πόλι и ἐπὶ κώραι, на которыхъ сидѣли и τὰς Fοικίας οἵτινές κ' ἴοντι ὁ κλᾶρος, IV 32 sqq.), а καρποί могли быть не только δημήτριοι (σῖτος) но и ξύλινοι (возможно, м. пр., что и аоинское названіе оливъ μορίαι стояло въ связи съ распредѣленіемъ ихъ государствомъ по клерамъ, Keller, *Jahrb. f. cl. Ph.*, CXXXIII 699 f.),—вносили, разумѣется, еще большую пестроту въ устройство осѣдавшихъ государствъ-гражданствъ на занимавшихся ими территоріяхъ.—Съ крайней сложностью и пестротою этого процесса слишкомъ мало считаются обыкновенно прямолинейныя (и нерѣдко сбивчивыя и противорѣчивыя) теоретическія построенія какъ общей, такъ и спеціально греческой начальной аграрной исторіи; ср. напр., указанныя выше сочиненія *Лавеле* и *Hildebrand'а*, Violiet, *Bibl. de l'éc. d. Chartes*, 1872, 465 ss. *Fustel de Coulanges*, La cité antigue[14] 62 ss. Questions historiques, 65 ss. Nouvelles Recherches, 1 ss. *Pöhlmann*, Gesch. d. ant. Komm. u. Soz., I 8 ff. II 446 ft. Alt. u. Gegenw., 195 ff. *Guiraud*, Propr. f., 1 ss.

8) Хотя впослѣдствіи у еллиновъ очень часто такъ или иначе (ср. прим. 3) поднималась рѣчь о новомъ раздѣлѣ земли (γῆς ἀναδασμός,—чтобы всѣмъ гражданамъ имѣть χθονὸς πατρίδος ἰσομοιρίαν (Sol. fr. 34 sq. Arist π. 'Αθ., 11 sq.; ср. ссылку на Тиртэя у Аристотеля, pol. 1306 b 39 sqq., гдѣ, вѣроятно, имѣется въ виду fr. 6 B.),—но засвидѣтельствованный (м. пр. и греческими писателями, Diod. V 34. Strab. 315 C) для другихъ народовъ обычай періодическаго уравнительнаго передѣла земли не засвидѣтельствованъ для еллиновъ,—если не считать разсказа Діодора, V 9 sq., объ еллинахъ, основавшихся въ VI в. на Липарѣ и сосѣднихъ островахъ: они потомъ „раздѣлили между собою Липару, на которой былъ городъ (т. е. городской центръ τῆς τῶν Λιπαραίων πόλεως), на прочихъ же островахъ вели хозяйство сообща (ἐγεώργουν κοινῇ); впослѣдствіи-же они раздѣлили и всѣ острова и черезъ каждые двадцать лѣтъ снова ихъ κληρουχοῦσιν"; возможно, однако, что здѣсь идетъ рѣчь не о регулярныхъ передѣлахъ земли между гражданами (*Лавеле*, 146 сл. Ѳ. Г. Мищенко, *Ж. М. Н. Пр*, 1891, 11, кл. ф, 35 сл. *Pöhlmann*, K. u. S., I 46 ff. *Guiraud*, 12 ss.), а объ отдачѣ въ аренду (можетъ быть λαοῖς, ср. Diod. V 59. 81 sqq.) земель τῆς πόλεως, которая—какъ сообщается дальше у Діодора—благодаря другимъ своимъ естественнымъ богатствамъ ἔλαβεν αὔξησιν πρὸς εὐδαιμονίαν.—Впрочемъ и вообще раздача земли, составлявшей собственность всего гражданства (ср. прим. 3), отдѣльнымъ гражданамъ первоначально была въ сущности лишь отдачею ея отдѣльными участками въ аренду, въ наемъ,—какъ потомъ практи-

короткое время,—не только потому, что число участковъ и число слу-

---

ковалась эта отдача и государствами, и филами, демами и т. п. (ср. очень характерное въ подробностяхъ постановленіе Эрехѳеидовъ, Ditt. 429) и святынями, но также и „басилеями“ (ср. прим. 7) и вообще „богачами“ (ср. Arist. π. 'Αθ., 2; πλουτίνδα—CIGS I 188), при чемъ, особенно въ этомъ послѣднемъ случаѣ, наемъ земли практически сближался съ зависимымъ, оброчнымъ ея держаніемъ—обѣднѣвшими-ли гражданами или покоренными, подчинившимися (и оставленными на прежней своей землѣ) не-гражданами. Но, разумѣется, въ силу общихъ основаній финансоваго строя греческаго государства (ср. Ed. Meyer, *Conrads Handw. d. Staatsw.*, III 936 ff.,—перев. въ Очеркахъ изъ эк. и соц. ист. др. м. и ср. в., 163 сл.), при раздачѣ гражданамъ клеровъ ближайшимъ образомъ имѣлись въ виду ихъ повинности не непосредственно вытекавшія изъ пользованія клерами (если, впрочемъ, не считать обязанности γεωργεῖν, т. е. посредственно-ли или непосредственно поддерживать культуру земли, а въ иныхъ случаяхъ и γῆν ψιλὴν ἀργὸν ἐποικίσαι или φυτεῦσαι, ἐμφυτεῦσαι—какъ говорилось потомъ нерѣдко въ арендныхъ договорахъ, ср. Ditt. 155. 531 sqq. Mich. 1359); однако мы встрѣчаемся и здѣсь если не съ податью или оброкомъ, то съ ихъ рудиментами, каковыми были вклады (натурою) на общественныя праздничныя или будничныя трапезы отсюда потомъ—λῃτουργίαι, т. е. δαμοσιοργίαι, также, быть можетъ, и δαμόσιοι ῥογοί, σιτώνια и (т. п., ср. Ditt. 515. GDI 4629. 4680) и другія складчины на разныя государственныя, или общегражданскія (въ томъ числѣ и культовыя) потребности (ср. позднѣйшія εἰσφοραί),—сохранявшіяся и впослѣдствіи на сакральной почвѣ ἀπαρχαί, ἐπαρχαί, ἐπάργματα (Ditt. 630) и т. п. (т. е. можетъ быть собственно не „начатки“, а доля καρπῶν, τόκων, ὧν ἐκτήσαντο на τὰ ἀρχαῖα, ср. ἐπαρχὰ γᾶς καὶ οἰκίας CIGS I 2 sq.), чаще всего десятина (ср. δεκατεύειν—ἀρχτεύειν; о писистратовой—или кипселовой—десятинѣ, или εἰκοστή—*В. П. Бузескулъ*, Аѳ. Пол. Ар., 367 сл. [Arist.] oec. 1345 b. sqq.); по существу не было, повидимому, различія между этими поземельными повинностями и пошлинами, взимавшимися за пользованіе пастбищемъ (ср. прим. 5), рынкомъ, гаванью (ср. ѳисбейскихъ δεκατευτάς, Ditt. 533, и ἐλλιμενίου καὶ πορφύρας καὶ ἰχθύων δεκάτας, ib. 427). Конечно, если κληροδοσία-κληρουχία можетъ быть сближаема съ наймомъ, или—какъ то же понятіе передавалось иногда и въ греческихъ, и въ древнерусскихъ (ср. *Сергѣевичъ* Лекціи и изслѣд.[2], 402) актахъ—съ „куплей“ (ὠνή) земли, то только въ смыслѣ „купли въ вѣки, себѣ и дѣтямъ“ (εἰς τὸν ἅπαντα χρόνον, εἰς πατρικά—ср. *Euler*, de locatione cond. atque emphyteusi Gr., 25 sqq. *Mitteis*, Z. Gesch. d. Erbpacht im Alt., 5 ff.: вѣдь гражданство было не личнымъ только союзомъ, а и племеннымъ образованіемъ. Но именно практика наслѣдственной аренды (ср. особенно Lebas-W. 326. 416. BCH V 110. Ditt. 533. 834) показываетъ намъ, какъ принципъ наслѣдственности, внесенный въ раздачу клеровъ (и особенно, конечно, на невоздѣланной еще землѣ), сейчасъ же долженъ былъ—въ союзѣ, разумѣется, съ другими моментами (особенно при наличности наряду съ клерами и наслѣдственныхъ-же царскихъ и не-царскихъ τεμένη)—вести къ постепенному перенесенію владѣльческихъ правъ на подѣленную землю съ государства на отдѣльныхъ гражданъ. Конечно, только платонически могло желать государство, чтобы постоянно „сохранялось—хотя бы въ смыслѣ лишь минимума—то же число клеровъ“ (отголосокъ такого желанія слышится въ разрѣшеніи поселившемуся въ Навпактъ локру ἀνχορεῖν ἄνευ ἐνετηρίων—если онъ оставитъ ἐν τᾷ ἱστίᾳ παῖδα hεβατὰν ἒ ἀδελφεόν, Mich. 285), и тѣмъ болѣе,—чтобы у каждого держателя клера былъ μουνογενὴς παῖς οἶκον πατρώϊον φερβέμεν (ср. Hes. op. 376 sq. и Procl. ad. l. Plat. Leg. 930 C. Филолай у

жившихъ съ нихъ государству гражданъ мѣнялись не пропорціонально одно другому, и отдѣльные участки въ экономическомъ значеніи своемъ мѣнялись не равномѣрно[9]), но и потому, что землеполь-

---

Arist. pol. 1274 b), и мы не знаемъ, предполагало-ли государство эллинское при раздѣлѣ земли въ числѣ другихъ палліативныхъ мѣръ въ этомъ направленіи (вродѣ, напр., майората, можетъ-быть дѣйствительно существовавшаго нѣкогда и у эллиновъ, какъ полагаетъ повидимому и *Wilamowitz*, Ar. u. Ath., I 255; ср. также ἐπιγονήν клерухій птолемеевскаго Египта, *Meyer*, Heerw. d. Pt., 44 ff. *The Tebt Pap.*, I 553 sq.) и передѣлы земли (о практикѣ передѣловъ вообще ср. *Харузинъ*, Этнографія, III 140 слл.): крылатое слово γῆς ἀναδασμός, поскольку оно сводилось къ воспоминаніямъ, могло сводиться къ воспоминаніямъ не о былыхъ передѣлахъ, а о быломъ раздѣлѣ земли. Но характерно, что γῆς ἀναδασμός всегда имѣетъ если не замѣстительницу себѣ, то спутницу въ χρεῶν ἀποκοπή, или χρεωκοπία, при чемъ въ эпоху натуральнаго хозяйства подъ χρέα разумѣлись, конечно, главнымъ образомъ обязательства, связанныя съ пользованіемъ землею (ср. Hes. op. 647, Arist. π. 'Αθ. 2 sqq., плутарховы біографіи Агида и Клеомена, также Ditt. 329. 510; отмѣтимъ кстати, что роль Солона, какъ διαλλακτής,—ср. и Theogn. 669 sqq.,—конечно въ иномъ уже масштабѣ, нерѣдко исполняли потомъ „посланные" отъ другихъ государствъ или отъ царей, чтобы содѣйствовать водворенію въ гражданствѣ ὁμονοίας путемъ разрѣшенія—διάλυσις—τῶν συμβολαίων, ср. *Sonne*, de arbitris externis qu. Gr. adh., 1888 Delamarre, *Rev. de phil.*, XXVI 310 ss.) Невольно напрашивается сопоставленіе греческихъ γῆς ἀναδασμοῦ и χρεῶν ἀποκοπῆς, взятыхъ вмѣстѣ и въ основныхъ своихъ чертахъ, съ израильскими субботнимъ и юбилейнымъ годомъ (см. *Buhl*, Soz. Verh. d. Isr., 62 ff. 105 ff.).

[9]) Соотношеніе между количествомъ несущихъ государственную службу гражданъ и количествомъ болѣе или менѣе одинаковыхъ между собою земельныхъ участковъ неизбѣжно начинало колебаться тотчасъ же послѣ своего установленія: одни участки могли оказываться выморочными, зато другіе оказывались недостаточными для слишкомъ разросшихся семей, изъ коихъ выдѣлялись другія семьи, которымъ тоже нужно было сѣсть на хозяйство; неизбѣжными становились заимки, захваты или на принадлежащей государству, но еще неподѣленной землѣ, или на прилегающей, а потомъ и на не прилегающей къ ней, не усвоенной еще государствомъ территоріи,—зерно, изъ котораго развились колоніи (ἀποικίαι, coloniae),—причемъ это усвоеніе „неподѣленной" земли могло организовываться и не государствомъ, а отдѣльными группами гражданъ (родовыми группами или компаніями, σύνοδοι, составлявшимися съ земледѣльческими-ли, т. е. чтобы ζῆν ἀπὸ γεωργίας ἢ νομῆς, или съ промышленными цѣлями) или и отдѣльными гражданами; въ этомъ послѣднемъ случаѣ заимки, по своему экономическому характеру, тѣсно примыкали къ царскимъ или не-царскимъ τεμένη. Такъ внѣ τῆς ἀρχῆθεν διατεταγμένης μοίρας получались другія мелкія и большія земельныя владѣнія,—рядомъ съ среднимъ землевладѣніемъ становилось и развивалось землевладѣніе крупное, а рядомъ съ этимъ послѣднимъ развивалось и безземелье,—иные граждане оказывались ἄκληροι, или ἀπόκληροι,—оказывались сидѣвшими или садившимися на земляхъ, которыми хозяйничали πολύκληροι, πολύρρηνες, πολυκτήμονες, πολυλήιοι (вѣроятно, вопреки Froehde, *Bezz. Beitr.*, XX 185 ff.,— отъ λήϊη, ср. ἐπὶ λείαν οἰχόμενοι Солонова закона, Dig. 47, 22, 4, и GDI 3001)—въ качествѣ ролейныхъ закуповъ, закладней, кабальныхъ холоповъ и т. п., фактически сближаясь, т. о., съ не-„свободными" (т. е. не-гражданскими) земледѣльческими классами. Пестрота аграрныхъ

зованіе сейчасъ же стало обнаруживать тенденцію къ переходу въ свободное распоряженіе землею, какъ и прочимъ имуществомъ, такъ что законодательству оставалось только регулировать этотъ естественный экономическій процессъ[10]). Но хотя государству еллинскому рано пришлось

отношеній должна была увеличиваться и отъ того, что граждане, становясь землевладѣльцами, не переставали быть воинами (ср. пѣсню т. наз. Ὑβρίας и Arch. fr. 2, или характерный разсказъ Діодора, V 9, о томъ, какъ еллины поселившіеся на Липарскихъ островахъ раздѣлились на двѣ части—одни обработывали землю, другіе воевали), а также и охотниками (ср. позднѣйшія σύνοδοι, или κοινὰ τῶν κυνηγῶν—*Ziebarth*, Gr. Ver. 117), и отъ того, что граждане становились земледѣльцами, продолжая быть и скотоводами и начиная быть и промышленниками или торговцами (характерны съ этой точки зрѣнія формулы заклятій: μήτε γᾶν φέρειν μήτε τέκνων ὄνασιν γίνεσθαι μήτε πρόβατα εὐθηνεῖν, μήτε γᾶ μήτε θάλασσα καρπὸν φέροι, и т. п., Ditt. 461 sqq.; точно изъ эпохи переселеній идетъ заклятіе: μὴ γῆ βατή, μὴ θάλαττα πλωτή, ib. 890 sq.). Эта тотчасъ же сказавшаяся пестрота аграрныхъ отношеній въ союзѣ съ принципіальной наслѣдсвенностью землепользованія скоро, конечно, должна была создать обстановку самую благопріятную для развитія представленія о частной земельной собственности.—Ср. Lor. v. Stein, *Sitzb. d. W. Ak.*, XCIII 256 ff. (ср. *Л. Штейнъ*, Къ аграрному вопросу, 25 слл.). *E. Meyer*, G. d. A., II 291 ff. (ср. *Э. Мейеръ*, Эк. разв. др. м., 22 слл. Рабство въ др. м., 14 слл.). *Pöhlmann*, Alt. u. Geg.., 110 ff. 149 ff. Soz. u. K., II 109 ff. *Guiraud*, Propr. fonc. en Grèce, passim. Общія (теоретическія) замѣчанія и аналогіи у *Hildebrand*, Recht u. Sitte, I 90 ff. (особенно цѣнны сдѣланныя здѣсь сопоставленія, теорія же самого автора прямолинейна не меньше теорій, имъ оспариваемыхъ); ср. также *Neumann*, Die Grundherrschaft d. röm. Republik, 7 ff.

[10]) Сюда относятся, напр., нѣкоторыми своими сторонами, узаконенія регулировавшія переходъ или передачу земельныхъ имуществъ по наслѣдству (см. § 3, прим. 12); болѣе пристальное обслѣдованіе этихъ узаконеній быть-можетъ показало бы, что право на раздѣлъ между дѣтьми отцовскаго имущества лишь позднѣе распространено было и на основную часть имущества (на „дворъ“),—что первоначально законы-обычаи предполагали въ этомъ случаѣ или майоратъ, или семейную общину (ср. прим. 8 и § 3, прим 11). Въ Политикѣ Аристотеля не разъ дѣлаются—къ сожалѣнію, слишкомъ мало отчетливыя—ссылки на законы, нѣкогда запрещавшіе, потомъ ограничивавшіе свободное распоряженіе земельными имуществами; такъ здѣсь идетъ рѣчь о „законахъ древнихъ временъ, воспрещавшихъ пріобрѣтать землю или вообще свыше извѣстной мѣры, или на пространствѣ отъ такого-то мѣста до предѣловъ, какія занимаетъ τὸ ἄστυ καὶ ἡ πόλις“, и, кстати, о томъ, что „во многихъ государствахъ было первоначально узаконено, что нельзя отчуждать первые клеры,—таковъ же былъ и смыслъ закона слывущаго за Оксиловъ, запрещавшаго принимать въ закладъ извѣстную часть имѣющейся у закладчика земли“ (1319 a),—идетъ рѣчь о „законахъ—между ними и о Солоновомъ законѣ—не допускавшихъ пріобрѣтенія земли въ какомъ угодно количествѣ“, или „не допускавшихъ продажи τῆς οὐσίας,—какъ у Локровъ воспрещается эта продажа, если не будетъ доказано, что она вынуждена исключительной необходимостью, и при томъ еще не должны быть отчуждаемы древніе клеры“ (1266 b); „противозаконнымъ“ называется здѣсь и сосредоточеніе всей земли ѳурійской въ рукахъ немногихъ—γνωρίμων (1307 a). Повидимому Аристотель имѣетъ въ виду самые разнообразные законы, писаные и не писанные,—напр., узаконенія, по военнымъ или полицейскимъ (въ ши-

отказаться отъ мысли поддерживать тотъ аграрный строй, какой имѣлъ

рокомъ, конечно, смыслѣ этого слова) соображеніямъ исключавшія изъ частноправоваго оборота извѣстныя полосы земли, примыкавшія къ акрополю или къ городу (вродѣ тѣхъ, помѣтки которыхъ читаемъ и теперь: Δαμόσιον τὸ χωρίον πέντε πόδες ἀπὸ τõ τείχεος, или Ἀπὸ τεσδε τες ὁδõ τὸ πρὸς τõ λιμένος πᾶν δεμόσιόν ἐστι, и т. п., Ditt. 457 sqq.; ср. Mich. 1353. *Jahresh. d. oest. arch. Inst.*, II, B., 32 f.; ср. также τὴν ἀγορὰν καὶ τὸ ἄστυ Arist. pol. 1319 a 29; π. Ἀθ., 50), и узаконенія запрещавшія заклады подъ предметы первой необходимости (ὅπλα καὶ ἄροτρον καὶ ἄλλα τῶν ἀναγκαιοτάτων, Diod. I 79, ср. *Hitzig*, Gr. Pfandrecht, 18; въ гортинскихъ фрагментахъ—Fέμας κἀνπιδέμας ἱστὸς ἔρια κερίθεκνα Fεργαλεῖα σιδάρια ἄρατρον δυγὸν βοον κάπετον μόλανς ὄνον ἀλέταν, *Philol.*, LV 477 ff.), и можетъ-быть законы, ставившіе условіемъ „народнаго довѣрія“ къ государственнымъ дѣятелямъ (въ томъ числѣ и къ „ретору“)—γῆν ἐντὸς ὅρων κεκτῆσθαι (Din. I 71, ср. Arist. π. Ἀθ. 55. Aesch. I 30 sq.; такой же смыслъ имѣло, быть можетъ, первоначально и слово ὁλόκληρος, ср. Ditt. 594. Plat. Leg. 759 C), и такія случайныя уже (т. е. временныя, не радикальныя) мѣропріятія, какъ солонова σεισάχθεια. Что касается законовъ о „первыхъ“, или „старыхъ“ клерахъ, т. е. объ участкахъ земли подѣленной между гражданами при основаніи государства, то о запрещеніи отчуждать ихъ у Лакедэмонянъ, какъ и о томъ, что и вообще у нихъ не принято было продавать земли (ср. Arist. pol. 1270 a), читаемъ и у Гераклида, pol., 12, а у Поливія, VI 45, спекулированіе землею критяне противопоставляются лакедэмонянамъ, у коихъ всѣ граждане должны были имѣть равную долю τῆς πολιτικῆς χώρας. Лакедэмонскія аграрныя отношенія вообще чрезвычайно характерны въ ихъ теоріи—какъ эта теорія опредѣляла ихъ собою или отъ нихъ отвлекалась: и законодательство (устное), и практическая политика (Агидъ IV и Клеоменъ III), и литературныя изображенія лакедэмонскихъ порядковъ—предполагаютъ произведенный основавшими лакедэмонское государство дорянами жеребьевый раздѣлъ земли (такъ и Платонъ, Leg. 684 E,—ср. 736 C: Ἡρακλειδῶν ἀποικία,—и Исократъ, VI 20),—раздѣлъ, о которомъ говорили потомъ и переживанія, и преданіе (раздѣлъ, или передѣлъ земли Ликургомъ былъ только формою, какую приняло преданіе о первоначальномъ раздѣлѣ, и въ этомъ—но только въ этомъ смыслѣ—онъ, дѣйствительно, представляетъ собою измышленіе, быть-можетъ даже только III вѣка, какъ, вслѣдъ за Гротомъ, доказывали особенно *В. Г. Васильевскій*, Полит. реформа и соц. движ. въ др. Гр., 102 слл., *Oncken*, Staatsl. d. Arist., II 351 ff., и *Pöhlmann*, S. u. K., I 78 ff.; ср. *Duncker*, Abhandl. z. gr. Gesch. I 1 ff., гдѣ, м. пр., приводятся и внѣгреческія аналогіи къ „гуфамъ спартіатовъ“, также *E. Meyer*, Forsch. I 255 ff. G. d. A. II 297 ff.); традиція о лакедэмонскихъ аграрныхъ отношеніяхъ (въ томъ числѣ и о замыслахъ Агида и объ осуществленіи ихъ Клеоменомъ) характерна и въ томъ смыслѣ, что на ней яснѣе всего можно видѣть, какъ вообще въ области аграрныхъ отношеній еллиновъ теорію, исторію и практику, реформу, реставрацію и революцію объединяла собою тенденція, что „должно быть столько же равныхъ клеровъ, сколько и гражданъ“,—тенденція, которую такъ часто (и даже и тогда, когда равенство земельныхъ участковъ и соотвѣтствіе между числомъ ихъ и числомъ гражданъ оказывалось уже нарушеннымъ, ср. Arist. pol. 1265 b) проводили такъ или иначе разнаго рода—и практическіе, и теоретическіе, и старые, и новые—„законодатели“, которую проводилъ, предусматривая затрудненія въ ея осуществленіи, и Платонъ (Leg. 736 C sqq.). и неосуществимость которой такъ всесторонне выяснялъ Аристотель (pol. 1262 b sqq.); любопытна, м. пр., ссылка Аристотеля (1266 a) на Фалея: φησὶ γὰρ δεῖν ἴσας εἶναι τὰς

мѣсто при переходѣ его отъ кочеваго быта къ осѣдлому,—память объ этомъ строѣ, поддерживавшаяся практикою основанія новыхъ поселеній[11]).

κτήσεις τῶν πολιτῶν. τοῦτο δέ κατοικιζομέναις μὲν εὐθὺς οὐ χαλεπὸν ᾤετο ποιεῖν, τὰς δ'ἤδη κατοικουμένας ἐργωδέστερον...

[11]) Ср. прим. 1.—Κληροδοσία, соблюдавшаяся и наблюдавшаяся въ собственно-историческое уже время при основаніи новыхъ государствъ, т. е. ἀποικίαι (какъ Θуріи), и разныхъ ἐποικίαι, или κατοικίαι, въ томъ числѣ особенно, конечно, клерухій аѳинскихъ (ср. о нихъ Swoboda, *Serta Hartel.*, 28 ff.),—аналогичная земельной ассигнаціи при основаніи аналогичныхъ тѣмъ еллинскимъ (или эллинистическимъ) поселеніямъ колоній латинскихъ или колоній римскихъ гражданъ или позднѣйшихъ римскихъ военныхъ поселеній (milites castellani, limitanei и пр.),—поскольку всѣ эти поселенія были земледѣльческія или землевладѣльческія, переносилась греческими историками и на еллинскую колонизацію островов или, напр., Киренской земли (ср. Diod. V 15. 53. 59. 81 sqq. Herod. IV 159 sqq.), но также и на колонизацію въ собственной Елладѣ дорянъ, которыхъ вообще любили противопоставлять, какъ пришельцевъ, „находниковъ", „автохтонному" еллинскому населенію (ср. Plat. Leg. 736 C. 684 D. Isocr. VI 20. Paus. II 13, 1. Strab. 333). Вѣроятно, это перенесеніе соотвѣтствовало въ общемъ дѣйствительности; но вѣроятно также, что не меньше соотвѣтствовало бы дѣйствительности и дальнѣйшее перенесеніе позднѣйшей практики земельной раздачи (въ какихъ бы осложненныхъ формахъ она ни выражалась) и на додорійское разселеніе еллиновъ (конечно, и на „ахэйскую" колонизацію въ Великой Греціи): по крайней мѣрѣ мы и на почвѣ этихъ слывшихъ автохтонными поселеній еллинскихъ встрѣчаемся съ переживаніями термина κλῆρος въ значеніи жеребьевый участокъ (см. прим. 6; ср. также ἐπικληροῦν и λαγχάνειν—въ смыслѣ передачи или полученія наслѣдства). И вообще вся еллинская колонизація, поскольку она была не случайной или частной (о „грекахъ въ разсѣяніи" ср. E. Curtius, *Sitzb. d. Berl. Ak.*, 1887, 943 ff.), а организованной и политической, и не специально-военной или торгово-промышленной, а сельско-хозяйственной, въ основныхъ, исходныхъ моментахъ своего развитія примыкала не только къ раздачѣ государствомъ земельныхъ участковъ на неподѣленной еще (т. е. на не затронутой еще культурою или на опустошенной) землѣ (ср. Ditt. 221. 233) оказавшимся или оказывавшимся безземельными гражданамъ (ср. Ditt. 19: ἐς δὲ Βρέαν ἐχ θετον καὶ ζευγιτον ἰέναι τὸς ἀποίκος. Herod. IV 153; отсюда потомъ, по прямой линіи, клерухіи, эти coloniae civium Atheniensium),—и не только къ оккупаціямъ на той землѣ, съ вѣдома или только безъ протеста со стороны государства (переживанія, на сакральной почвѣ, ограниченія оккупацій со стороны государства можно наблюдать въ τὰ πραχθέντα аѳинянъ IV в. относительно ἱερῶν ὀργάδων, Ditt. 789. Didymi de Demosth. comm. 13, 42 sqq.; ср. Mich. 702, GDI 2501), царей и вообще „богатыхъ и могущественныхъ" гражданъ (съ ихъ „колонами") или различныхъ родовыхъ или товарищескихъ κοινωνιῶν гражданъ (ср. Κυθηρίων οἱ μερῖται, Ditt. 834), но также и къ первоначальному осѣданію кочевавшихъ племенъ-государствъ на облюбованныхъ ими территоріяхъ,—причемъ, конечно, это осѣданіе, сопровождавшееся раздѣломъ земли, обыкновенно представляло собою процессъ не только вообще сложный (ср. прим. 7), но и болѣе или менѣе длительный, и самый раздѣлъ земли могъ быть произведенъ въ нѣсколько пріемовъ или являлся лишь заключительнымъ актомъ того процесса (ср. разсказъ Геродота, IV 155 sqq., объ утвержденіи еллиновъ въ Ливіи). Основаніе собственной колоніи, ἀποικίας (въ противоположность клерухіи,—ср. coloniae

всегда хранилась если не въ нормахъ, то въ терминахъ еллинскаго государственнаго права[12]); не разъ это однимъ столь ненавистное, другимъ столь дорогое воспоминаніе вставало или вызывалось, вспыхивало или разжигалось и въ соціальной борьбѣ, когда она искала выраженія себѣ въ политикѣ[13]); постоянно считались съ нимъ и политическія теоріи или утопіи[14]).

6. Организованнымъ въ государство племенемъ-войскомъ переходящимъ отъ кочеванья къ осѣдлости вырисовывается передъ нами, въ основныхъ очертаніяхъ своихъ, еллинское государство—и въ отношеніяхъ своихъ къ не-гражданскому населенію своей территоріи.

Отсюда та не только служебная, но и случайная роль, какая всегда принадлежала не-гражданскому населенію въ общей экономіи понятія еллинскаго государства, въ общей системѣ еллинскаго государственнаго права[1]). Отсюда та сплоченность и замкнутость гражданства, и какъ племени, и какъ войска (и, конечно, какъ вѣча), за сохраненіе которой—хотя бы при помощи лишь компромиссовъ или фикцій—еллинское право всегда высказывалось съ такою же настойчивостью, съ какою надъ разрушеніемъ ея работала практическая политика[2]). Отсюда рабство,

---

at inae) было, разумѣется, въ сущности не чѣмъ инымъ, какъ основаніемъ новаго государства, зависимость котораго отъ митрополіи могла быть только практическая (преимущественно этическая, сакральная), но никакъ не политическая (πᾶσα ἀποικία—говорятъ у Өукидида, I 34, керкирцы—εὖ μὲν πάσχουσα τιμᾷ τὴν μητρόπολιν, ἀδικουμένη δὲ ἀλλοτριοῦται· οὐ γὰρ ἐπὶ τῷ δοῦλοι, ἀλλ' ἐπὶ τῷ ὁμοῖοι τοῖς λειπομένοις εἶναι ἐκπέμπονται); полную аналогію этимъ отношеніямъ между митрополіей и колоніей представляютъ отношенія между отцомъ и совершеннолѣтнимъ сыномъ, сидящимъ на своемъ особомъ хозяйствѣ, поскольку оба они являются (напр., на вѣчѣ) въ равной долѣ носителями государственнаго властвованія.

[12]) Ср. прим. 6.—Быть-можетъ терминологическое переживаніе былого раздѣла земли можно видѣть и въ названіи сиракусскихъ или самосскихъ γεωμόροι, или γαμόρο (ср. γημόριον IGS I 2183).

[13]) Ср. *Pöhlmann*, S. u. K., II 143 ff. 340 ff. *Guiraud*, Pr. f., 595 ss. *Francotte*, L'industrie d. la Grèce anc., II 294 ss.

[14]) Ср. *Pöhlmann*, S. u. K., pass. Alt. u. Gegenw., 195 ff. *Guiraud*, 573 ss. *Souchon*, Les théories économiques d. la Grèce anc., 129 ss *Dümmler*, Kl. Schr., I 150 ff.

[1]) Ср. §§ 1 и 2.

[2]) Исключительность гражданства никогда, кажется (по крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ, какъ еллинское государство перешло отъ кочевого быта къ осѣдлому), не была полною; возможность натурализаціи пришельца предполагается уже и Иліадою (ср. VI 191 sqq. IX 141 sqq.) и Одиссею (ср. VII 311 sqq. XI 271 sqq. XV 225 sqq.), и разными сказаніями о древнихъ временахъ (напр., о Менелаѣ и о Пелопѣ, о женихахъ Елены и Гипподаміи—ср. жениховъ Пенелопы, а также Агаристы,—или о Меланеѣ, Іо-

которое не только допускалось, но даже какъ-бы предполагалось стро-

---

нѣ и пр.),—обыкновенно впрочемъ (что не лишено значенія) лишь въ формѣ примачества въ царскихъ семьяхъ. Въ общемъ исключительность эта постепенно ослабѣваетъ,—особенно въ той мѣрѣ, въ какой она теряетъ въ своемъ реальномъ содержаніи или значеніи (т. е. въ той мѣрѣ, въ какой утрачиваютъ практическую цѣнность преимущества, связанныя съ званіемъ гражданина даннаго государства,—такъ что можно было уже дѣлаться одновременно гражданиномъ нѣсколькихъ государствъ, или гражданиномъ и проксеномъ одного и того же государства, ср. *Szanto*, D. griech. Bürgerrecht, 14 ff.; вполнѣ послѣдовательнымъ этотъ процессъ однако не былъ, какъ то съ особенной наглядностью показываетъ намъ исторія колебаній, какимъ подвергалась исключительность гражданства въ аѳинскомъ государствѣ (исторія эта еще ждетъ себѣ детальнаго обслѣдованія,—при чемъ, конечно, должно быть принято въ расчетъ и значеніе, какое имѣлъ и здѣсь переходъ отъ относительной неопредѣленности правовыхъ нормъ къ ихъ опредѣлительности). Трудно судить, насколько вообще обычнымъ въ жизни еллинскихъ государствъ было (или становилось) распространеніе права гражданства на цѣлые классы не-гражданскаго населенія: свѣдѣнія наши объ отдѣльныхъ случаяхъ этого распространенія (ср. *Szanto*, 29 ff.) говорятъ скорѣе противъ его обычности; если же скорѣе обычнымъ представляется оно въ Политикѣ Аристотеля, то обычнымъ представляется здѣсь и исключеніе этихъ новыхъ элементовъ изъ состава гражданства, по минованіи въ нихъ надобности; къ тому же ближайшимъ образомъ имѣется въ виду здѣсь обычность распространенія гражданства лишь на дѣтей гражданъ отъ не-гражданокъ и гражданокъ отъ не-гражданъ (Arist. pol. 1319 b. 1278 a). Несравненно чаще, во всякомъ случаѣ,особенно въ болѣе позднія времена, право гражданства жаловалось не цѣлымъ группамъ жившихъ на территоріи государства не-гражданъ. а отдѣльнымъ лицамъ, особенно гражданамъ (въ томъ числѣ и царямъ, или „архонтамъ", напр. царю Пэоновъ или „архонту" Сициліи, Ditt. 89. 195) другихъ государствъ,—за ихъ „благодѣянія" (за ихъ ἀνδραγαθίαν по отношенію къ государству, къ гражданамъ, за ихъ услуги, вещественныя и не вещественныя,—иногда, напр., поэтамъ, прославлявшимъ въ своихъ произведеніяхъ миѳическое прошлое государства, или архитектору, врачу, ветеринару и т. п., ср. Mich. 296 s. 328. 352 447. 526); обслѣдованіе дошедшихъ до насъ въ довольно-значительномъ, повидимому, количествѣ эпиграфическихъ документовъ этого содержанія, ихъ хронологическая и географическая статистика, особенно-же сопоставленіе ихъ съ документами о дарованіи титуловъ проксена, „благодѣтеля", „увѣнчаннаго" и т. п. быть-можетъ показали бы, однако, что общимъ правиломъ была и здѣсь, по крайней мѣрѣ для громаднаго большинства государствъ еллинскихъ, не расточительность, а бережливость (иныя государства даже прямо славились или гордились своею скупостью на этотъ счетъ, какъ спартанцы или какъ мегарцы,—разсказывали, что и Александръ не пренебрегъ предложеннымъ ему мегарцами правомъ гражданства, когда узналъ, что до него этой чести удостоенъ былъ только Гераклъ). Характерны грамоты царя Филиппа V македонскаго ларисцамъ о сообщеніи правъ гражданства жившимъ у нихъ (на ихъ территоріи) ѳессалійцамъ и другимъ еллинамъ: рекомендуя ларисцамъ „отнестись къ дѣлу ἀφιλοτίμως", царь ставилъ имъ въ примѣръ „другихъ примѣняющихъ подобныя πολιτογραφίας, и прежде всего римлянъ" (Mich. 41). Самое принятіе въ составъ гражданства новыхъ лицъ нерѣдко было (или бывало) обставляемо сложными и строгими формальностями (какъ въ Аѳинахъ,—ср. тексты и литературу у *Hermann-Thumser*, Gr. St.-A., 440 f.; о другихъ государ-

емъ еллинскаго государства[3]), и, на этой почвѣ, смѣнившая собою на-

ствахъ ср. Mich. 41. 305. 352. 357. 468. 470. 496. 653. 1003; ср. *Szanto*, 89 ff., разъясненія котораго—напр., по вопросу о примѣненіи здѣсь νόμου ἐπ'ἀνδρί—не отличаются, впрочемъ, устойчивостью). Та слишкомъ видная роль, какую играетъ вопросъ о составѣ гражданства или о принадлежности къ гражданству въ политической борьбѣ (особенно конца V в.) и въ политической жизни Аѳинъ V—IV в. (ср. рѣчи Андокида, Лисія, Демосѳена, особенно же комедіи Аристофана), отчасти объясняется, конечно, изъ условій мѣста и времени, но въ сущности если не типична, то характерна для порядковъ еллинскаго государства вообще: недаромъ φυγή καὶ ἀτιμία (предполагавшая, разумѣется, и свою отмѣну) была пріемомъ обычнымъ внутренней политической борьбѣ въ еллинскихъ государствахъ, съ чѣмъ очень много считалась, или чѣмъ очень часто пользовалась и внѣшняя, „международная" политика еллинскихъ государствъ, потомъ и политика царей или римлянъ по отношенію къ еллинскимъ государствамъ (ср. сопоставленія *Usteri*, Ächtung u. Verbannung im gr. R., 77 ff.). Болѣе замѣтнымъ и болѣе существеннымъ нарушеніемъ исключительности представлявшихъ собою государства гражданствъ были исополитіи (ср. *Szanto*, 67 ff.), особенно же симполитіи (ib., 104 ff.); но и исополитіи и симполитіи,—развитіе которыхъ(особенно количественное, т. е. распространеніе, и особенно симполитій въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, bundesstaatliche Sympolitien по терминологіи Szanto) относится собственно къ болѣе позднимъ уже временамъ еллинской исторіи,—являясь, конечно, уступкой практическимъ требованіямъ внѣшней уже политики еллинскихъ государствъ, и общимъ характеромъ своимъ и отдѣльными частностями своего осуществленія предполагали однако скорѣе сомкнутость и замкнутость гражданствъ (т. е. если не отдѣльныхъ гражданствъ, то гражданствъ вообще), подобно тому какъ сомкнутость и замкнутость гражданства предполагалась и обычнымъ (если не считаться съ болѣе или менѣе эфемерной τριγονία) предоставленіемъ новопринятымъ гражданамъ съ ихъ потомствомъ участія во всемъ, въ чемъ участвовали и граждане ἀπὸ γένους (ср. § 3, прим. 13): мы видимъ, что правиломъ было здѣсь sit ut est, и если это правило, какъ и всякое другое, допускало исключенія, то на эти исключенія и смотрѣли всегда какъ на исключенія, какъ бы они ни учащались, и потому не заботились о какомъ-либо болѣе точномъ—и стало-быть болѣе сложномъ—опредѣленіи основаній для нихъ или ихъ основаній, ихъ отношеній къ правилу, тѣмъ болѣе что выяснилась возможность обходиться во многихъ соотвѣтствующихъ случаяхъ пожалованіемъ не всѣхъ, а лишь отдѣльныхъ гражданскихъ правъ (особенно ἔγκτησις γῆς καὶ οἰκίας).—Въ томъ или иномъ объемѣ существовавшая, т. о., всегда и всюду въ Елладѣ, признаваемая или предполагаемая обыкновенно и еллинскою политическою литературою, исключительность гражданства или гражданствъ сводится конечно (какъ—въ общемъ, но не въ подробностяхъ вѣрно—замѣчаютъ *Philippi*, Beitr. z. e. Gesch. d. att. Bürgerrechts, 6 ff., и *Szanto*, 29) къ его племенному, или „родовому характеру", т. е. къ тому характеру, какой κατ' ἐξοχήν былъ свойственъ представлявшимъ собою государства гражданствамъ въ эпоху кочевую. Но тѣмъ же кочевавшимъ гражданствамъ былъ свойственъ и другой характеръ, „характеръ товарищества", или личнаго союза (каковой характеръ Philippi и Szanto считаютъ принадлежностью лишь новыхъ государствъ, въ противоположность греческому), нагляднымъ выраженіемъ котораго являлось гражданство-войско, или, что то же, гражданство-вѣче (ср. §§ 3 и 4): изъ временъ кочеванія и осѣданія государствъ-гражданствъ шло, т. о., представленіе о военной службѣ какъ объ обязанности и вмѣстѣ правѣ всякаго гражданина, къ ней способнаго—фи-

титезу: гражданинъ и не-гражданинъ антитеза: свободный и рабъ[4]). От-

зически, но и экономически, т. е. поскольку онъ могъ являться „оружнымъ“ и содержать себя на военномъ положеніи (т. е. имѣть свой σῖτος или доставлять свою долю для συσσίτια). Отсюда учетъ, какой велся всегда „возрастамъ“ гражданъ, или гражданамъ отдѣльныхъ возрастовъ внутри извѣстныхъ предѣловъ (напр., въ Аѳинахъ съ 17-го по 59-й годъ), подлежавшимъ отбыванію воинской повинности, поскольку въ томъ оказывалась надобность (ср. Arist. π. 'Αθ. 53—объ аѳинскихъ „эпонимахъ“; остатки подобныхъ списковъ государствъ бэотійскаго κοινοῦ, III-II в., у Mich. 618 ss.); отсюда (ср. Plat. Leg. 633 A) γυμνάσια и тому подобныя учрежденія (ср. βοῦαί, ἀγέλαι и пр.) для παῖδες (первоначально лишь ἐλεύθεροι) или для ефебовъ, а также военные парады и агоны (въ томъ числѣ иногда и ὁπλομαχία, какъ и въ Иліадѣ, или νεῶν ἅμιλλα), какъ составныя части государственныхъ празднествъ; отсюда вопросъ при докимасіи политическихъ дѣятелей въ Аѳинахъ: τὰ τέλη (εἰ) τελεῖ, καὶ τὰς στρατείας εἰ ἐστράτευται (Arist. π. 'Αθ. 55. Aesch. I 29; ср. γραφαὶ ἀστρατείας, ἀναυμαχίου и пр., *Schömann-Lipsius*, Att. Proc., 118 ff. 462 ff.). Граждане-воины—независимо уже отъ распредѣленія ихъ на отдѣльныя группы (родовыя или товарищескія, сосѣдскія, возрастныя и т. п.—ср. „филы“, фратріи, гетеріи, сисситіи, сотни и пр.), или на отряды (ср. δῆμοι, § 2, прим. 5), независимо отъ выдѣленія изъ ихъ среды (въ силу собственно-личной или наслѣдственной ἀρετῆς) вождей, предводителей или προμάχων—на почвѣ уже военно-экономическихъ отношеній, или соотношеній рано стали дѣлиться на ὁπλῖται и ψιλοί (ср. πάνοπλοι и γυμνῆτες у Tyrt. 11 B.), а также ἱππεῖς, которые, повидимому, не столько выдѣлялись изъ гоплитовъ, сколько разрѣшались, такъ или иначе (ср., м. пр., ѳивскихъ и аѳинскихъ ἀμίππους), въ гоплитовъ (съ ихъ фалангой), но кое-гдѣ (въ частности ὅπου συμβέβηκε τὴν χώραν ἱππάσιμον εἶναι) послужили впрочемъ зерномъ, изъ котораго развилась потомъ настоящая кавалерія (ср. § 4, прим. 2 и указанную тамъ литературу); во многихъ государствахъ къ этимъ тремъ τὰ χρήσιμα πρὸς πόλεμον—къ ἱππικὸν ὁπλιτικὸν ψιλόν—присоединилось еще ναυτικόν (ср. Arist. pol. 1297 b. 1321 a). Ядромъ гражданства-войска становятся οἱ ἐν τοῖς ὅπλοις, тогда какъ ἱππεῖς и легковооруженные не имѣютъ сначала (первые особенно въ количественномъ, вторые особенно въ качественномъ отношеніи) большого боевого значенія; отсюда отожествленіе понятія οἱ τὰ ὅπλα παρεχόμενοι (или κεκτημένοι, ἔχοντες, οἱ ἐκ τῶν ὅπλων) съ понятіемъ τιμήματα παρεχόμενοι (или γῆν κεκτημένοι) и затѣмъ съ понятіемъ о настоящихъ гражданахъ, игравшее извѣстную роль въ представленіяхъ политическихъ историковъ, теоретиковъ, практиковъ V—IV в. (Arist. π. 'Αθ. 4. 32. Thuc. VIII 97. Plat. Leg. 753 B. Arist. pol. 1264 b sqq. 89 b. sqq. 1305 b. 21 b. 28 b sqq.; ср. также *Ath. Mith.* XXIII, Tf. X=CIA IV, 1, 1 a; ib. 22 a). Граждане, которые не были въ состояніи τὰ ὅπλα παρέχεσθαι, привлекались къ военной службѣ уже въ качествѣ легковооруженныхъ (ср. Lammert, N. Jahrb. f. d. kl. Alt. III 7 ff.; этотъ двойной составъ пѣхоты—тяжеловооруженные и легковооруженные—существовалъ и у многихъ народовъ др. Востока, и у римлянъ, ср. Lammert. ib. IX 103 ff.): то были бѣдные, обѣднѣвшіе граждане (гомеровскіе ἄκληροι), терявшіе (если не потерявшіе) свое гражданское достоинство, нерѣдко зависѣвшіе уже экономически отъ богатыхъ, сближавшіеся фактически съ не-„свободными“, съ не-гражданами (въ Политикѣ Аристотеля, ср. ll. cc., такой классъ населенія, стоявшій какъ бы на рубежѣ между гражданами и не гражданами, оказывавшійся то въ составѣ, то внѣ состава гражданства, обозначается обыкновенно какъ τὸ βάναυσον и обнимаетъ собою не только безземельныхъ ремесленниковъ—τεχνίτας, или δημιουργούς,—но и γεωργούς, т. е. мелкихъ

сюда та—относительная, конечно,—неустойчивость и пестрота, какая

или зависимыхъ земледѣльцевъ; такого-рода δῆμος, или πλῆθος, т. е. plebs, вырисовывается передъ нами и въ гомеровскихъ поэмахъ, и въ гесіодовыхъ Ἔργα, и особенно въ древней т. наз. „лирикѣ“ греческой, особенно, конечно, у Солона и Θеогнида; организованнымъ является этотъ классъ въ Аѳинахъ, съ названіемъ θῆτες). Какъ бѣдные граждане обыкновенно присоединялись въ качествѣ легковооруженныхъ (или точнѣе „Ungewappnete“, какъ рекомендуетъ переводить ψιλοί *Delbrück*, Gesch. d. Kriegskunst, I 94 f.) къ гоплитамъ, такъ богатые иногда выдѣлялись изъ гоплитовъ въ качествѣ ἱππεῖς, образуя собою потомъ уже организованную кавалерію (какъ съ V в. у аѳинянъ, ср. *Martin*, Les cavaliers athéniens, 121 ss. *Keil*, An. Arg., 139 ff. *Helbig*, Les ἱππεῖς ath., 6 ss. 70 ss.; въ ѳессалійскомъ ополченіи кавалеристамъ принадлежала даже, повидимому, вообще не только болѣе видная, но и болѣе важная роль, нежели гоплитамъ, ср. Niese, *Hermes*, XXXIX 112 ff.; объ издавна видной роли конницы въ ополченіи ѳивянъ—Lammert, *N. Jahrb.*, III 3. 21 ff.; повидимому, на совсѣмъ иныхъ уже основаніяхъ—не изъ ἱππεῖς, а изъ бѣдныхъ гражданъ, т. е. служившихъ уже equo publico, организовалась, къ 424 г., конница у лакедемонянъ, ср. *Gilbert*, Gr. St.-A., I² 82 f.). Наконецъ, часть гражданъ (и главнымъ образомъ, кажется, наиболѣе богатые и наиболѣе бѣдные граждане—какъ въ Аѳинахъ „тріерархи“ съ одной стороны, и составлявшійся гл. обр. изъ ѳетовъ ὁ θρανίτης λεώς, Aristoph. Ach. 162,—ср. Aesch. Pers. 125: ἱππηλάτας καὶ πεδοστιβὴς λεώς,—съ другой) несла воинскую повинность во флотѣ (начальная исторія организаціи котораго у еллиновъ,—къ сожалѣнію, далеко еще не разъясненная, ср. *Helbig*, Les vases du Dipylon, 11 ss., Glotz, *Rev. d. ét. gr.*, XIII 137 ss., и особенно *Keil*, An. Arg., 218 ff.,—въ основныхъ своихъ чертахъ была, повидимому, болѣе или менѣе аналогична начальной исторіи организаціи всадничества, если сопоставить, напр., ἵππους съ ἁλὸς ἵπποι, ср. vâginarar, а древнѣйшихъ ἱππεῖς—ср. § 4, прим. 2—съ милетскими или халкидскими ἀειναῦται—ср. φορτηγοί у Theogn. 675—и можетъ-быть даже, несмотря и на аристотелевы „ναυκραρίας“, съ аѳинскими ναύκραροι, этихъ послѣднихъ—съ τριήραρχοι, тріерархію же, въ свою очередь, сопоставить, кромѣ, конечно, ἀρχιθεωρίας, съ ἱπποτροφία, какъ и ἀγῶνας ἱππικούς съ νεῶν ἅμιλλαι; во всякомъ случаѣ флотъ у еллинскихъ государствъ-гражданствъ вообще въ своихъ зачаткахъ восходилъ, вѣроятно, ко временамъ ихъ первоначальнаго разселенія, т. е. кочеванія,—когда передъ ними оказывались рѣки или озера, особенно же когда передъ ними открывалось море). Такъ на почвѣ военно-экономическихъ отношеній намѣтились (въ своихъ деталяхъ варьируясь, конечно, въ зависимости особенно отъ мѣстныхъ условій) наряду съ фалангой гоплитовъ (этой „естественной тактической формой гражданскаго ополченія“, *Delbrück*, l. l., 91) еще три категоріи гражданъ-воиновъ; но и независимо отъ этого распредѣленія своего на четыре категоріи, граждане, подлежавшіе отбыванію воинской повинности, привлекались къ нему не въ одинаковой мѣрѣ и потому, что или не всегда оказывалось необходимымъ перевести на военное положеніе всѣхъ гражданъ (т. е. воевать πανδημεί), или оказывалось необходимымъ „выслать“ въ походъ лишь нѣкоторую часть гражданъ-воиновъ или оставить нѣкоторую часть гражданъ-воиновъ для защиты территоріи государства; и если съ одной стороны расширялись и осложнялись внѣшнія, военныя задачи государства, то съ другой стороны росли и развивались и его задачи внутреннія, культурныя (въ широкомъ смыслѣ); нѣкогда еллины ξυνήθη τὴν δίαιταν μεθ' ὅπλων ἐποιήσαντο, ὥσπερ οἱ βάρβαροι (какъ—прибавимъ—герои не только Иліады, но и Одиссеи), съ теченіемъ времени они τόν τε σίδηρον κατέ-

наблюдается въ юридическихъ опредѣленіяхъ положенія не-гражданъ и не-рабовъ въ различныхъ государствахъ Еллады[5]).

θεντο καὶ ἀνειμένῃ τῇ διαίτῃ ἐς τὸ τρυφερώτερον μετέστησαν (какъ выражается Θукидидъ, I 6, археологическія или антикварныя разъясненія котораго, замѣтимъ мимоходомъ, освѣщаются не только показаніемъ Геродота, V 87 sqq., повидимому читавшаго въ эгинской святынѣ надпись CIGP I 1588, и не только греческими археологическими данными, ср. *Studniczka*, Beitr. z. G d. altgr. Tracht, 17 ff., но и римскими аналогіями, ср. Helbig, *Hermes*, XXXIX 161 ff.). Государство старалось, конечно, регулировать военно-экономическія отношенія въ смыслѣ приведенія въ соотвѣтствіе военныхъ цѣлей государства съ военными средствами отдѣльныхъ гражданъ или классовъ гражданъ, путемъ, м. пр., и участія государства въ снаряженіи или содержаніи гражданъ-воиновъ; такъ, если въ аѳинской надписи VI в. о Саламинѣ (CIA IV, 1, 1a=*Ath. M.* XXIV 324) предоставлялось, по желанію, или τὰ ὅπλα παρέχεσθαι, или внеся 30 драхмъ получить τὰ ὅπλα отъ архонта, то въ V в. въ Аѳинахъ „дѣлали уже ѳетовъ гоплитами" (ср. *E. Meyer*, Forsch., II 159 f.); сюда относятся, конечно, и аѳинскія узаконенія о симморіяхъ, о тріерархіи (и синтріерархіи), о ἱπποτροφία, объ ἀντίδοσις, объ ἀδύνατοι и т. п; но сюда же относится и установленіе „жалованья" несшимъ военную службу гражданамъ, первоначальной цѣлью котораго было, вѣроятно, поддержаніе „домашняго" хозяйства (ср. ὠφέλειαν εἰς τὸν οἶκον, [Xen.], 'Αθ. π. 1, 3) воина-гражданина (оттого государство брало на себя заботу и о семьяхъ павшихъ на войнѣ гражданъ, при чемъ, м. пр., „совоспитавъ" ихъ и „выпуская", когда они приходили εἰς ἀνδρὸς τέλος, ἐπὶ τὴν πατρῴαν ἑστίαν, снабжало ихъ πανοπλίᾳ, Plat. Menex. 249 A sq. Aesch. III 154), и которое, по примѣру Аристотеля, π. 'Αθ. 24. 27, слѣдуетъ сближать съ „жалованьемъ" τοῖς τὰ κοινὰ πράττουσι внѣ военной службы, при чемъ подъ это понятіе могли подходить не только отдѣльныя ἀρχαί (поскольку онѣ не оставлялись ἄμισθοι), не только дикасты или булевты, и не только экклесіасты (ср. и Mich. 466), но и θεωροί, т. е. участвующіе въ государственныхъ празднествахъ, а въ крайнемъ случаѣ и всѣ вообще граждане (между прочимъ и поскольку они могли разсматриваться какъ φρουροί, или вообще какъ stehendes Heer, *Schömann-Lipsius*, Gr. A., I 358 f 477 ff.; ср. аѳинскую діобелію, а также вообще заботы государствъ греческихъ περὶ σίτου для гражданъ, какъ и въ новоизданномъ самосскомъ законѣ II в., *Sitzb. d. Pr. Ak.*, 1904, 619 ff. *Hermes*, XXXIX 604 ff.; ср. и panem et circenses;; вопросъ вообще сводился къ тому—какъ и какіе граждане должны φόρον ἀποφέρειν τῷ δήμῳ, и какъ и какихъ гражданъ должна ἡ πόλις φέρουσα τρέφειν (Xenoph. Conv. IV 30 sqq.). Возникшій потомъ на этой почвѣ въ Аѳинахъ (извѣстный намъ особенно изъ подлинныхъ и не-подлинныхъ рѣчей Демосѳена споръ—должны-ли τὰ περιόντα χρήματα τῆς διοικήσεως быть στρατιωτικὰ или θεωρικά, былъ не только споромъ о войнѣ или мирѣ, о военной или мирной политикѣ но и о тожествѣ понятій гражданинъ и воинъ (ср. [Dem.] XIII 4 sqq.): естественное для государства кочевавшаго или осѣдавшаго, это тожество должно было все чаще нарушаться и все больше разрушаться практически въ государствѣ, развивавшемъ свою дѣятельность на опредѣленной, отграниченной территоріи; прогрессировавшая и здѣсь дифференціація и спеціализація не могла не отражаться и на военныхъ отношеніяхъ и на военномъ дѣлѣ государства-гражданства. Изъ среды гражданъ-воиновъ должны были постепенно выдѣляться воины-граждане,—какъ сначала отборные „триста" (у спартанцевъ, аѳинянъ и мн. др.), потомъ и, напр., 'Αργείων οἱ χίλιοι λογάδες, οἷς ἡ πόλις ἐκ πολλοῦ ἀσκεῖν τῶν ἐς τὸν πόλεμον δημοσίᾳ παρεῖχε (Thuc. V 67, ср. VI 68. 96

Но еще ближе, чѣмъ эти отдѣльные характерные для отношеній

Diod. XII 75 sqq.; ср. аркадскихъ 5000 ἐπαρίτους, Xen. Hell. VII 4 sq. Diod. XV 62, а также, конечно, φύλακας платонова Государства). Съ другой стороны, довольно рано болѣе богатыя и сильныя государства начинаютъ приглашать себѣ на помощь, обѣщая не только ἐδωδήν (τροφή, σῖτος), но и δῶρα (ср. μισθός),—т. е. нанимать на военную службу племена (φῦλα) или дружины—особенно περικτιόνων—ἐπικούρων (какъ троянцы въ Иліадѣ, П 125 sqq. XVII 213 sqq. Archil. fr. 14. 24; извѣстно, какъ развилось потомъ въ Элладѣ, въ томъ числѣ и въ Великой Элладѣ, наемничество,—такъ что ок. полов. IV в. въ Дельфахъ возникаетъ даже кондоттьерское государство, ср. *Kaerst*, G. d. hellenist. Zeit.. I 70 ff. 156 ff. *Bury*, Hist. of Greece, 700 sqq. BCH XX 466 ss); практически эти ἐπίκουροι сближаются, на первыхъ порахъ, съ σύμμαχοι съ одной стороны (въ аѳ надп. V в. они называются ξένοι, Ditt. 32) и съ гражданскими μάχιμοι φίλοι съ другой (ср. ѳессалійскихъ ἱππεῖς съ одной стороны и скиѳскихъ и иныхъ τοξότας съ другой въ аѳинскомъ войскѣ VI в., Helbig, *Sitzb. d. Münch. Ak.*, 1897, II 259 ff.); не внѣ связи съ „наемничествомъ“ въ его зачаточныхъ формахъ могли въ тѣ древнія (не отличавшіяся, конечно, опредѣлительностью своихъ бытовыхъ чертъ) времена складываться и военно-дружинныя отношенія,—была-ли то взаимная связь между отдѣльными ἑταῖροι, между членами выдѣлившейся и отдѣлившейся изъ состава гражданства-войска военной ἑταιρείας („сборъ-дружина“), была-ли то связь между вождемъ и отрядомъ, составленнымъ имъ изъ не то поступившихъ, не то попавшихъ на его службу, своихъ или чужихъ (ξένων), равноправныхъ или зависимыхъ (ср. кельтскія, германскія, древнерусскія дружины, а также тѣлохранителей или наемниковъ тирановъ, ср. Helbig, *Sb. d. M. Ak.*, 1897, II 302 ff., къ цитатамъ коего слѣдуетъ присоединить и Herod. III 39—о токсотахъ Поликрата; дружинныя отношенія предполагаются, конечно, и гомеровскими разсказами и упоминаніями о ἑταῖροι, особенно, конечно, о морскихъ „λῃστῆρες“).— Издавна, т. о., сказывавшаяся пестрота военныхъ отношеній греческихъ государствъ-гражданствъ,—постепенно разрушавшая практически постепенно опредѣлявшуюся, однако, теоретически (вплоть до IV в., когда была ясно сознана необходимость коренныхъ измѣненій тактической системы, ср. Lammert, *N. Jahrb.*, III 9 ff *Delbrück*, l. c., 114 ff., также *Wilamowitz*, Herakles, I² 139 f. *Белохъ*, Гр. Ист., II 366 сл.) тенденцію отожествлять не только понятія гражданинъ и воинъ, но и понятія гражданинъ и гоплитъ,—естественно вела къ тому, что государства-гражданства—сначала болѣе случайно, потомъ и болѣе послѣдовательно—стали возлагать не только военныя, но и воинскія (и особенно военно-морскія, ср. Arist. pol. 1327 b) повинности и на не-гражданское свое населеніе. Привлекая въ силу необходимости (сначала лишь физической, а потомъ, съ упадкомъ воинственности, и своего рода психической, ср. Demosth. IV 36) къ военной службѣ и своихъ не-гражданъ, государства долго не включали ихъ однако въ гражданскіе „полки“, а лишь присоединяли ихъ къ гражданамъ-воинамъ (какъ и въ интерполированной 17 главѣ III кн Ѳукидида; ср. *Delbrück*, 29 f.) или къ гражданству-войску, какъ θεράποντας, ὑπηρέτας, σκευοφόρους и т. п. (также и въ качествѣ гребцовъ,—о гребной службѣ какъ о „службѣ не-свободныхъ“, ср. *Гумпловичъ*, Основы соціологіи, 187) или-же какъ особые (иногда весьма численные) отряды, первоначально, конечно, лишь φίλων (быть можетъ таковъ былъ смыслъ и тѣхъ показаній, какія сообщаетъ намъ Стефанъ Визант. п. сл. Χίος· οὗτοι δὲ πρῶτοι ἐχρήσαντο θεράπουσιν, ὡς Λακεδαιμόνιοι τοῖς Εἵλωσι καὶ Ἀργεῖοι τοῖς Γυμνησίοις καὶ Σικυώνιοι τοῖς Κορυνηφόροις),—при чемъ призываемые на военную (или военно-морскую) службу не-граждане естественно сбли-

еллинскаго государства къ не-гражданамъ моменты, къ представленію о

жались практически съ одной стороны съ остававшимися внѣ строя гоплитовъ гражданами, съ другой стороны съ наемниками, съ ξένοι (какъ это особенно ясно сказывалось на личномъ составѣ какъ аѳинскаго—ср. *Meyer*, Forsch., II 168 ff., Kolbe, *Philol.*, LVIII 539 ff.,—такъ и другихъ греческихъ флотовъ); съ теченіемъ времени отдѣльныя лица или отдѣльныя группы (λογάδες или ἐθελονταί) изъ не-гражданъ стали привлекаться къ службѣ и въ качествѣ гоплитовъ—наряду, а иногда даже и совмѣстно съ гражданами (какъ уже съ платэйской битвы лакедэмонскіе періэки, послѣ и неодамоды,—при чемъ періэки κοίλης Λακεδαίμονος несли потомъ службу совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, въ тѣхъ же „морахъ“ или „лохахъ“, какъ и ὅμοιοι,—ср. Kromayer, *Beitr. z. alt. Gesch.*, III 173 ff.,—или какъ съ начала пелопоннеской войны аѳинскіе метэки,—ср. ἐνγράφους аѳинскаго списка убитыхъ воиновъ, 425/4 г., Ditt. 32; служили-ли и аѳинскіе метэки-гоплиты въ отрядахъ гражданъ-гоплитовъ, или составляли особые отряды—какъ τὰ ἐκ τῶν ἐθνῶν τάγματα аѳинскихъ Θήσεια CIA II 444 sqq.,—отчетливыхъ показаній на этотъ счетъ мы не имѣемъ). Характерно, что привлеченіе къ военной службѣ мѣстныхъ не-гражданъ, особенно пока оно было болѣе случайнымъ, ставилось обыкновенно въ такую или иную причинную связь съ дарованіемъ привлекаемымъ или привлеченнымъ правъ гражданства или по крайней мѣрѣ „свободы“—ср., кромѣ неодамодовъ и Βρασιδείων лакедэмонскихъ, Ditt. 329, также *Ath. Mitth.* XXV 34 ff.=Hicks-Hill GHI[2] 80; характеренъ—указанный Legrand'омъ, *Rev. d. ét. gr.* XV 144 ss.—рядъ аѳинскихъ надписей 2-ой полов. IV и III в., гдѣ στρατεύεσθαι τὰς στρατείας μετὰ Ἀθηναίων дается метэкамъ какъ привилегія, наряду съ τὰ τέλη τελεῖν καθάπερ Ἀθηναῖοι, или εἰσφέρειν τὰς εἰσφορὰς μ. Ἀθ., также съ γῆς καὶ οἰκίας ἔγκτησις,—ср. надп. VI в. о Саламинѣ, *Ath. M.*, XXIV 321: οἰκεν ἐᾶΣαλαμῖνι [καὶ πο]λεν [παρὰ δὲ Ἀθεναίοι-?]σι τελεν καὶ στρατεύεσθαι (быть-можетъ объясненія этихъ актовъ слѣдуетъ искать отчасти въ мѣропріятіяхъ к. V и IV в.—ср. и законъ Демофила 346/5 г.—по очищенію состава гражданства, т. е. въ политической побѣдѣ тѣхъ тенденцій, какія нашли себѣ выраженіе у Аристофана, осмѣивавшаго, м. пр., превращеніе рабовъ ναυμαχησάντων μίαν, т. е. аргинусскую ναυμαχίαν, въ господъ, въ „деспотовъ“, Ran. 33. 191. 639 sq. c. Schol.; ср. также Lyc. c. Leocr. 39 sqq.).—Затронутые или намѣченные здѣсь моменты внѣшней исторіи гражданствъ въ еллинскихъ государствахъ, т. е. ихъ—всегда соблюдавшейся въ основаніи и постоянно нарушавшейся на поверхности—племенной и военной исключительности, къ сожалѣнію еще не обслѣдованы и не представлены съ достаточной отчетливостью (м. пр., и въ смыслѣ, напр., уясненія соотношеній между болѣе-реальными и болѣе-формальными сторонами представляемаго этою исторіею процесса или процессовъ)—ни въ монографіяхъ, ни въ греческихъ исторіяхъ (между прочимъ и поскольку онѣ являются histoires de bataille), ни въ греческихъ государственныхъ и военныхъ (Rüstow-Köchly, Droysen, Bauer, Liers) древностяхъ; особенно приходится жалѣть о почти полномъ игнорированіи того драгоцѣннаго матеріала, какой представляютъ собою, для освѣщенія нашихъ данныхъ о греческихъ отношеніяхъ, римскія аналогіи (далеко не лишены, разумѣется, значенія и другія аналогіи, въ томъ числѣ, особенно для военныхъ отношеній, и древнерусскія).

[3]) Что рабство „играло важную и видную роль для всего политическаго и соціальнаго строя греческой общины“, что греческое государство „было основано на рабствѣ, зиждилось на основѣ закономъ защищаемаго рабовладѣнія“,—это „фактъ несомнѣнный“ (*Шеффер*ъ, Аѳ. гражд., 140 слл.), давно установленный (или, лучше сказать,

государствѣ, переходившемъ отъ кочеванія къ осѣдлости, ведутъ насъ

установившійся) въ наукѣ—на основаніи и теоретическихъ (особенно платоновыхъ и аристотелевыхъ), и практическихъ (особенно статистическихъ) показаній греческой литературы (а также и эпиграфическихъ—особенно дельфійскихъ—показаній); спорнымъ въ значительной мѣрѣ остается однако вопросъ о содержаніи и объемѣ и о значеніи этого „факта"; необходимо не только ужé болѣе полное и болѣе точное разъясненіе отдѣльныхъ частностей исторіи рабства у эллиновъ, но и болѣе отчетливое разграниченіе здѣсь моментовъ реальныхъ и формальныхъ, практическихъ, политико-теоретическихъ и юридическихъ, болѣе тщательное уясненіе хронологическихъ и политико-географическихъ различій, прежде же всего, конечно, болѣе строгое отграниченіе собственно рабства отъ родственныхъ ему явленій у эллиновъ (крупнымъ шагомъ впередъ—къ сожалѣнію, больше въ теоретическомъ, или методологическомъ отношеніи, нежели въ смыслѣ фактичности или устойчивости выводовъ,—является рефератъ *E. Meyer*, Die Sklaverei im Altertum, 1898).—Конечно, не одно гражданство составляло собою государство у эллиновъ, но гражданство рѣзко выдѣлялось изъ всего состава государства, противопоставляя себѣ остальныя вмѣстѣ взятыя его категоріи и т. о. сближая ихъ между собою,—какъ вообще среду, въ какой оно оказывалось (если не какъ свою κτῆσιν, съ ея μέρη и ἄψυχα, и ἔμψυχα.—подобно тому какъ гражданинъ или гражданская семья могли противопоставлять себѣ всю свою κτῆσιν,—т е. въ томъ числѣ, напр., и τοὺς βοῦς καὶ τὰ πρόβατα καὶ τὰ ἀνδράποδα, какъ говорится въ надп. ВСН XIV 433; ср. Ditt. 825: Ὅρος ἐργαστηρίου καὶ ἀνδραπόδων πεπραμένων ἐπὶ λύσει); къ тому же граждане должны были посвящать свои силы и время гражданскому и военному служенію государству и могли смотрѣть на себя и какъ на носителей ἀρχῆς (и, стало быть, ἐλευθερίας), и какъ на носителей военной силы и доблести, ἀρετῆς (если еще не какъ на акціонеровъ компаніи на акціяхъ, каковою могло казаться государство). Этими вытекавшими изъ самаго строя государства тенденціями,—сколько бы ни отмѣнялись или ни замѣнялись онѣ другими, иногда прямо противоположными, тенденціями (ср. о „воззрѣніяхъ грековъ на трудъ"—*Guiraud*, La main-d'oeuvre industr. d. l'anc. Grèce, 37 ss.; особенное значеніе и развитіе получила потомъ тенденція, что гражданинъ долженъ жить и служить съ земли.—съ земельнаго участка не слишкомъ крупнаго и не слишкомъ мелкаго, а „средняго",—тенденція, переходившая нерѣдко не только въ антипролетаризмъ и въ антимеркантилизмъ, но и въ антимилитаризмъ, ср. *Duemmler*, Kl. Schr., I 158 ff. *Keil*, Solon. Verfassung, 204 ff. *Nestle*, Euripides, 299 ff. *Pöhlmann*, K. u. S., I 198 ff. II 143 ff.), и сколько бы ни нарушались или ни разрушались онѣ практическими (не только экономическими и культурными, но и политическими) условіями существованія отдѣльныхъ государствъ,—какъ-бы предопредѣлялась не только практическая, но и юридическая возможность, если не необходимость гражданскаго (если и не государственнаго также) рабовладѣнія. Конечно, собственно рабство становится виднымъ и важнымъ (количественно и качественно) факторомъ эллинской экономической и культурной жизни лишь впослѣдствіи, т. е. при дальнѣйшемъ ея развитіи (ср. *Э. Мейеръ*, Рабство въ др. м., 14 сл., и сопоставленія данныхъ о трудѣ рабовъ и свободныхъ въ Греціи у *Guiraud*, La main-d'oeuvre ind., 93 ss., и *Francotte*, L'industrie d. la Gr. anc., I 187 ss. II 124 ss.), конечно, рабство могло потомъ „устанавливаться" различными способами, т. е. рабы могли получаться различными путями; но не подлежитъ, кажется, сомнѣнію (объ этомъ ясно говоритъ намъ и теорія и практика войны у эллиновъ, ср. *v. Scala*, D. Studien d. Polybios, I 307 ff. *Guiraud*, l. c., 96 ss. *Wallon*, Hist. de l'esclavage d.

общія тенденціи, какія сказывались въ тѣхъ отношеніяхъ. Этими

---

l'ant., I[2] 158 ss.; въ этомъ смыслѣ—т. е. что свободныхъ и рабовъ, какъ и боговъ и людей, создаетъ война,—развивалъ, повидимому, и Гераклитъ свое положеніе πόλεμος πάντων πατήρ ἐστι, ср. *Gomperz*, Gr. Denker, I[1] 60), что основнымъ, исконнымъ источникомъ рабства было военное порабощеніе, т. е. плѣненіе, какъ результатъ набѣга или нашествія, поскольку побѣдитель не хотѣлъ уже occidere captivum: serviet utiliter (ср. *Ингрэмъ*, Ист. рабства, 6 сл. *Нибуръ*, Рабство, 392 сл.; ср. Dio Chr. XV 25: κτήσεως τρόπος, ὅταν ἐν πολέμῳ λαβὼν αἰχμάλωτον ἢ καὶ λῃσάμενος κατὰ τοῦτον τὸν τρόπον ἔχῃ καταδουλωσάμενος, ὥσπερ οἶμαι πρεσβύτατος ἁπάντων ἐστίν), т. е. что, въ основѣ своей, рабство было институтомъ тѣхъ временъ, когда государство было кочевавшимъ или осѣдавшимъ племенемъ-войскомъ. Быть-можетъ даже, ко временамъ осѣданія, разселенія (будущихъ) еллиновъ восходило (разумѣется, лишь отчасти, лишь косвенно и посредственно) и то сближеніе, какое такъ часто дѣлалось потомъ между антитезами: свободный и рабъ, еллинъ и варваръ (βαρβάρων δ'Ἕλληνας ἄρχειν εἰκός).—Мимоходомъ замѣтимъ, что чрезвычайно поучительнымъ для уясненія указаннаго основного характера рабства (какъ и для уясненія основнаго характера греческаго государства вообще) было бы, вѣроятно, детальное обслѣдованіе—со стороны заключавшихся въ нихъ переживаній—узаконеній о выкупѣ изъ плѣна согражданъ-соплеменниковъ съ одной стороны и о порабощеніи согражданъ-соплеменниковъ не иначе какъ на вывозъ, ἐπ'ἐξαγωγῇ (откуда потомъ φυγή καὶ θάνατος καὶ ἀτιμία, при чемъ граждане объявлялись ἄτιμοι, φυγάδες, но и πολέμιοι—ср. πάσχειν αὐτὸς ὡς πολεμίος και νηποινεὶ τεθνάναι,—ἔκσπονδοι, а также ἀγώγιμοι—ср. ἐξεῖναι ἀποκτείνειν καὶ ἀπάγειν, ἐλαύνειν ἢ φέρειν ἢ ἄγειν; ср. сопоставленія—но не разъясненія—*Usteri*, Ächt. u. Verb., 8 ff.) съ другой (ср. тексты указанные у *Hermann-Thalheim*, Gr. R.-A[4]., 18 ff., и у *Guiraud*, l. c., 96 ss., и конечно римскія и другія аналогіи; ср. также *Мейеръ*, Рабство, 11 сл.).

[1]) Знаменитая антитеза ἐλεύθερος—δοῦλος получаетъ—по крайней мѣрѣ въ первой своей части—смыслъ: свободный—рабъ повидимому лишь съ теченіемъ времени: правда, слово δοῦλος, δῶλος не ясно въ своемъ происхожденіи (чаще всего сближается оно съ δέω; Johansson, *Idg. Forsch.*, III 224 ff., исходя изъ Гесихія, глоссирующаго δ. съ οἰκία, толкуетъ его какъ Haus, Hausgemeinschaft, ср. familia, famulus,—ср. famel inim lovfir, т. е. servus et liber, въ пэлигн. надп. *Planta*, Gramm. d. o.-u. D., II 545,—какъ и слово δμώς Bréal, *Mém. de la Soc. de lingu.* VII 449, сближаетъ не съ δαμάω, domare, а съ δόμος, т. е. сопоставляетъ съ οἰκεύς; ср. также Ϝοικιάτας, какъ πολιάτας, Mich. 285, критскихъ κλαρώτας, οἰκετείαν Ditt. 552, но и ἀνδράποδον, какъ γάπεδον, οἰκόπεδον, Bréal, ib. IX 256, также и осское faamat=οἰκεῖ); зато слово ἐλεύθερος (ср. liber, loeber. фал. loferta, оск. lúvfreis, *Kretschmer*, Einl. in. d. G. d. gr. Spr., 165) съ весьма большою вѣроятностью выводится изъ leudho, какъ людіе, людинъ, liut, leod, léod, liute (Leute), т. е. выясняется въ своемъ первоначальномъ значеніи не какъ свободный, вольный, а какъ человѣкъ (κατ'ἐξοχήν) или мужъ, принадлежащій къ народу, къ племени, къ populus, какъ Volksgenosse (ср. *Schrader*, Reallex. d. indog. Altertumsk., 807 ff).—Не лишено, вѣроятно, значенія, что съ этой только дихотоміей: non est amplius nisi liber et servus (внѣ свободныхъ и рабовъ предполагающей лишь ξένους) мы встрѣчаемся и въ древнѣйшихъ законодательныхъ памятникахъ греческихъ (въ законахъ Драконта и Солона или въ гортинскихъ законахъ, какъ въ XII таблицахъ), и на международно-сакральной, т. е. консервативной почвѣ—въ законахъ о прибывающихъ въ святыню, на священную территорію (ср. Ditt. 568. 653. 680. 500). Потомъ,

тенденціями были тенденція игнорировать не-гражданъ, тенденція ихъ

конечно, и въ офиціальномъ языкѣ слово ἐλεύθερος употребляется и не въ значеніи гражданинъ (въ противоположность не-гражданину), а въ значеніи не-рабъ (ср. Ditt. 329: εἶναι τοὺς δημοσίους ἐλευθέρους τε καὶ παροίκους. 468. CIGP I 597: τοῖς μὲν πολείταις..... τοῖς δὲ λοιποῖς ἐλευθέροις).

[5]) Если сравнительно-устойчиво опредѣляется юридически положеніе раба (δοῦλος, οἰκέτης, также δημόσιος), въ его противопоставленіи гражданину или вообще свободному (ср. прим. 4), то, наоборотъ, самымъ различнымъ образомъ (въ зависимости очевидно отъ условій не только времени, но и мѣста) и крайне-неотчетливо (не только для насъ теперь, а, повидимому, и на самомъ дѣлѣ) опредѣляется, какъ и обозначается юридическое положеніе того населенія государствъ еллинскихъ (съ его классами), которое заполняло собою пограничную полосу между гражданствомъ и рабствомъ. Не образовалось даже общаго, нарицательнаго обозначенія для этихъ „сожителей" гражданъ; они назывались обыкновенно то μέτοικοι (ср. πεδάοικοι), то περίοικοι, то πάροικοι, σύνοικοι, ἔποικοι и т. п. (ср. Fοικετάς, Fοικοῦντας съ одной стороны и Fοικιάτας—съ другой надписи объ ἐποικία въ Навпактъ, Mich. 285); но и эти названія не исчерпывали собою всѣхъ „насельниковъ" или „находниковъ" государства; ср., напр.,—чтобы не говорить уже о гилотахъ, пенестахъ и т. п.,—Ditt. 329: τοὺς ἰσοτελεῖς καὶ παροίκους καὶ ἱεροὺς καὶ ἐξελευθέρους καὶ ξένους (или CIGS I 2711: παροίκους καὶ ἐκτημένους... καὶ ξένους). Самое состояніе отдѣльныхъ классовъ населенія стоявшаго на рубежѣ между гражданствомъ и рабствомъ представляетъ собою рядъ колебаній между обоими этими полюсами (ср. *Мейеръ*, Рабство, 16 сля.). Объясненія такой пестроты и неустойчивости слѣдуетъ, кажется, искать въ сложности происхожденія этого элемента населенія. Отчасти это были прежніе обитатели усвоенной или усвоиваемой пришедшимъ на нее государствомъ-гражданствомъ территоріи, не столько покоренные или покорявшіеся (αἰχμάλωτοι), сколько подчинившіеся или подчинявшіеся государству-гражданству (причемъ, конечно, это усвоеніе территоріи государствомъ-гражданствомъ могло быть и очень сложнымъ и продолжительнымъ процессомъ и совершаться на счетъ не только чуждыхъ, но и родственныхъ, и даже близко-родственныхъ племенъ,—какъ, напр., въ лаконской землѣ не только на счетъ доеллинскаго или додорійскаго, но и дорійскаго-же населенія); отношенія къ государству-гражданству оставлявшагося на занятой имъ территоріи не порабощеннаго населенія, каковы бы ни были (или ни бывали) они фактически, опредѣлялись юридически въ предѣлахъ отношеній ξένων съ одной стороны и δούλων съ другой: такъ въ лаконскихъ періэкахъ (по крайней мѣрѣ въ ихъ основномъ составѣ, который впослѣдствіи могъ пополняться и отдѣльными пришельцами) мы имѣемъ дѣло, повидимому, съ обращенными въ подданныхъ (ὑπήκοοι) союзниками (σύμμαχοι), т. е. „ξένοι", дорійскаго-ли или додорійскаго происхожденія (тогда какъ подобная „симмахія" аѳинянъ съ елевсинскимъ и другими гражданствами Аттики обратилась въ аѳинскую симполитію), въ гилотахъ же имѣемъ дѣло съ „рабами", но съ такими, которые, какъ теоретизируетъ Архемахъ, у Athen. 264, разсказывая о пенестахъ, ἐμφιλοχωρήσαντες παρέδωκαν ἑαυτοὺς τοῖς Θεσσαλοῖς δουλεύειν καθ' ὁμολογίας,—именно, чтобы ихъ не выводили (т. е. не продавали) на сторону и не убивали, и чтобы зато они, обработывая землю ѳессалійцамъ, или у ѳессалійцевъ, платили имъ оброкъ эти—существовавшіе во многихъ государствахъ—„крѣпостные", фактически сближавшіеся съ рабами, но и съ обѣднѣвшими, экономически зависимыми гражданами-земледѣльцами, юридически отличались однако не только отъ тѣхъ и отъ другихъ, но и отъ ἐξελευθέρων получавшихъ свободу ἐρ-

использовывать и тенденція приспособлять ихъ къ себѣ,—причемъ вторая изъ этихъ трехъ тенденцій не только отличалась наибольшей устойчивостью, но и рѣшительно доминировала и надъ первой, послѣдовательно ослабѣвавшей, и надъ третьей, послѣдовательно усиливавшейся въ своемъ значеніи. По существу взаимно исключавшія одна другую, эти три тенденціи должны были сложиться не одновременно, а одна вслѣдъ за другою; и, если первая изъ нихъ могла идти лишь изъ эпохи кочевого быта, а третья могла развиться только въ эпоху быта осѣдлаго, то вторая должна была установиться въ эпоху перехода отъ кочеваго быта къ осѣдлому; въ эту же эпоху первая тенденція начала терять, а третья начала пріобрѣтать значеніе. Кочевавшее государство-гражданство не имѣло особенной нужды считаться съ не-принадлежавшими къ гражданству-племени[6]); завладѣвая территоріей, чтобъ основаться на ней, оно, поэтому, бывало склонно игнорировать то населеніе, ка-

---

πειν, или ἀποτρέχειν οἷς κα θέλωντι). Далеко не во всѣхъ однако государствахъ преобладающая роль въ составѣ внѣ-гражданскаго и не рабскаго населенія принадлежала не-порабощенному автохтонному населенію: въ очень многихъ изъ нихъ она принадлежала—помимо, конечно, вольноотпущенныхъ или νόθων (ср. § 3, прим. 10)—ξένοις, получавшимъ отъ государства разрѣшеніе селиться, на извѣстныхъ условіяхъ, на усвоенной уже имъ территоріи (отдѣльныхъ такихъ „гостей" государства-гражданства или ихъ „басилеи" могли, разумѣется, приводить съ собою на будущую свою территорію и изъ своихъ странствованій). Т. о. и выяснялся, а тѣмъ болѣе опредѣлялся въ своемъ значеніи этотъ слой населенія уже на основѣ территоріальнаго существованія еллинскихъ государствъ, т. е. въ зависимости уже отъ мѣстныхъ условій.—Къ сожалѣнію, правовое положеніе этого слоя населенія—даже для аѳинскаго государства, и даже для болѣе поздней поры его существованія (т. е. для той поры, когда отношенія становятся болѣе опредѣленными и вмѣстѣ болѣе доступными нашему наблюденію)—уяснено далеко еще недостаточно (ср., кромѣ, конечно, общихъ обзоровъ греческой исторіи и древностей и указываемой тамъ литературы, *Clerc*, Les mètèques athéniens, 1893, и Condition des étrangers domiciliés d. les différ. cités gr., *Rev. des universités du Midi*, IV, 1898. *Liebenam*, Städteverw. im röm. Kaiserreiche, 215 ff. *Francotte*, De la condition des étrangers dans les cités grecques, 1903); не говоря уже о внѣгреческихъ аналогіяхъ не использованъ и матеріалъ, представляемый сакральными переживаніями (напр., въ аттической геортологіи,—ср. *Mommsen*, Feste d. St. Athen, 35 ff. 139. 159 ff. 341 ff).

[6]) Конечно и кочевое или полукочевое государство, т. е. гражданство-племя и гражданство-войско, и въ личномъ своемъ составѣ не знавшее полнаго соціальнаго равенства (ср. *Pöhlmann*, K. u. S., I 4 ff.), могло имѣть при себѣ и рабовъ (т. е. уже не пожирать или не приносить въ жертву богамъ, но и не обмѣнивать, или не вымѣнивать полоненныхъ, а оставлять ихъ для своихъ услугъ), и разнаго рода „гостей"; но значеніе тѣхъ и другихъ въ тогдашней политической экономіи не могло не быть лишь случайнымъ, т. е. принципіально-ничтожнымъ. Ср. *Hildebrand*, Recht u. Sitte, I 38 ff. 46 ff. 87 ff. *Гумпловичъ*, Основы соціологіи, 173 сл.

кое оно здѣсь заставало,—хотя бы цѣною истребленія его со всѣми его слѣдами. Но на дѣлѣ такое истребленіе сейчасъ же стало оказываться и не желательнымъ, не выгоднымъ, и не возможнымъ, не осуществимымъ,—особенно поскольку развивались и осложнялись цѣли, или задачи государства, соединявшаго въ себѣ τὰ ζῶα πολιτικά не только τοῦ ζῆν, но и τοῦ εὖ ζῆν ἕνεκα, и поскольку въ борьбѣ за достиженіе тѣхъ цѣлей грубая, стихійная сила стала дѣлиться своимъ мѣстомъ съ не только соображавшимъ все настоящее, но и предусматривавшимъ будущее расчетомъ. Истребленіе всего населенія захватываемой государствомъ-гражданствомъ территоріи переходило поэтому сначала въ истребленіе лишь мужскаго населенія и обращеніе въ рабство женъ и дѣтей[7]), а затѣмъ и въ обращеніе въ рабство всего населенія[8]); въ свою очередь порабощеніе переходило (особенно въ той мѣрѣ, въ какой соглашеніе оказывалось болѣе пригоднымъ, чѣмъ насиліе) въ установленіе лишь поддан-

---

[7]) Ср. Il. IX 591 sqq. (ἄνδρας μὲν κτείνουσι, πόλιν δέ τε πῦρ ἀμαθύνει, τέκνα δέ τ'ἄλλοι ἄγουσι βαθυζώνους τε γυναῖκας) и вообще IX и VI пѣсни Иліады, или хоръ эсхиловыхъ Семи противъ Θивъ, 78 sqq., также, напр., Thuc. III 36. V 3. 32. 116. Diod. XVII 46 (ср. въ р. лѣтоп.: „и люди посѣкоша, а жены и дѣти, имѣнье поимаша"). Также и при набѣгахъ, κατὰ γῆν или διὰ θαλάσσης (ср., м. пр., и древнія вазовыя изображенія такихъ набѣговъ, *Arch. Jahrb.*, XV 92 ff.), какъ и въ качествѣ заложниковъ или заложницъ (характеренъ анекдотъ у Plut. apophth. Lac. 235 B, гдѣ ефоръ въ замѣнъ παίδων предлагаетъ въ двойномъ количествѣ πρεσβύτας ἢ γυναῖκας), захватывались преимущественно γυναῖκες или же παῖδες. Ср. также хоры полонянокъ эсхиловыхъ Хоэфоръ, еврипидовыхъ Гекабы и Ифигеніи въ Тавридѣ. Ср. § 3, прим. 7.

[8]) Порабощеніе (т. е. если не раздача, то продажа въ рабство) какъ женщинъ и дѣтей, такъ и всего плѣненнаго населенія (μετὰ τέκνων καὶ γυναικῶν), взамѣнъ его истребленія, хотя оно могло вызываться и практическими соображеніями (въ смыслѣ-ли болѣе практичныхъ средствъ, или цѣлей), разсматривалось обыкновенно какъ милость, какъ пощада, которая оказывалась побѣжденнымъ на основаніи уже не „законовъ войны", а „общечеловѣческихъ законовъ" (Polyb. II 58), и дальнѣйшей ступенью которой было ἐᾶν τι ἔχειν αὐτούς (Xenoph. Cyrop. VII 5, 72 sqq.) или ἐᾶσαι πάντας ὑποσπόνδους ἀπελθεῖν (Polyb. II 58, 5), т. е сдѣлать ихъ ἀναστάτους, ἠκληρηκότας. Нѣкоторую аналогію этимъ отношеніямъ къ покоренному населенію представляли собою отношенія къ завоеванной территоріи—въ смыслѣ отказа, въ силу не то практическихъ, не то этическихъ соображеній, отъ ея разоренія и опустошенія (въ частности, на этой почвѣ мы встрѣчаемся и съ ἀσυλία святынь и ихъ личнаго состава, т. е. ἱερά и ἱεροί, съ ἀσυλία, которая не только сохранялась и даже развивалась, т. е. опредѣляла себя потомъ и внѣ собственно военныхъ отношеній, но и переживала, напр., въ сѣверногреческомъ обычаѣ освобожденія рабовъ путемъ фиктивнаго принесенія ихъ въ даръ или продажи богу; къ этому основному смыслу ἀσυλίας—ср. и Mich. 3—восходятъ и разсказы объ asyla Θесея или Ромула). Ср. *Schmidt*, Ethik d. alt. Gr., II 19 ff. 280 ff. *v. Scala*, Studien d. Polybios, I 310 ff.

ства, лишь зависимости[9]**). Такъ на занятой государствомъ-гражданствомъ**

---

[9]) Къ сожалѣнію, свѣдѣнія наши (правда, не отличающіяся отчетливостю) о существовавшихъ во многихъ еллинскихъ (не непремѣнно лишь дорійскихъ) государствахъ классахъ населенія, подобныхъ лаконскимъ періэкамъ или гилотамъ (главнѣйшія изъ этихъ свѣдѣній сопоставлены, напр., у *Hermann-Thumser*, Gr. St.-A., 121 ff. 142 ff.) не обслѣдованы еще спеціально (монографически) въ общемъ своемъ значеніи, какъ и во всѣхъ своихъ деталяхъ.—Какъ указано (выше, прим. 5), положеніе этихъ классовъ населенія въ государствѣ колебалось между положеніемъ „союзниковъ" становившихся подданными—процессъ обычный для греческой, какъ и для римской, исторіи (ср. свидѣтельства о періэкахъ лаконскихъ, арголидскихъ, ѳессалійскихъ—у *Hermann-Thumser*, 123 ff., о послѣднихъ также у *Бузольта*, Оч. г. и пр. гр. др[2]., стр. XVI сл.; о лаконскихъ періэкахъ ср. и разъясненія Kromayer'a, *Beitr. z. alt. G.*, III 177 ff.; на основѣ ихъ отношеній къ спартіатамъ организовалось впослѣдствіи и τὸ κοινὸν τῶν Λακεδαιμονίων или Ἐλευθερολακώνων, ср. извѣстія о немъ у *С. А. Жебелева*, Ἀχαϊκά, 277 слл., *Niese*, G. d. gr. u. m. St., II 655 ff., также надп. въ *Rev. arch.*, 1904, IV 8) и положеніемъ рабовъ—но уже по договору, по соглашенію,—поскольку, напр., они обязывались обработывать, какъ оброчники или изорники, землю, на которой они сидѣли (къ которой они были прикрѣплены), но которая принадлежала не имъ, а юридически—государству-гражданству, фактически же или всѣмъ вмѣстѣ взятымъ, или и отдѣльно взятымъ гражданамъ, такъ что могли получаться отношенія совсѣмъ близкія къ отношеніямъ не только уже δημοσίων, но даже и οἰκετῶν,—и въ то же время, однако, близкія и къ отношеніямъ попадавшихъ въ экономическую (земельную) зависимость (и тѣмъ терявшихъ свое гражданское достоинство) гражданъ (худыхъ смердовъ,—ролейныхъ закуповъ и т. п.); та пестрота, какую на дѣлѣ являло собою колебавшееся въ указанныхъ предѣлахъ юридическое положеніе этихъ *классовъ* населенія въ разныхъ государствахъ и въ разныя времена, конечно, увеличивалась еще отъ присоединенія къ этимъ классамъ или отъ выдѣленія изъ нихъ разныхъ отдѣльныхъ группъ или лицъ (ср., напр., весьма сложный составъ лаконскихъ періэковъ, какъ и аѳинскихъ метэковъ, или постепенное количественное или качественное выясненіе значенія или роли въ составѣ населенія νόθων, ἀπελευθέρων и особенно ξένων—разнаго, конечно, достоинства). Конечно,—если даже имѣть въ виду лишь основные, а не случайные, не побочные, массовые, а не единичные (хотя бы ихъ со-временемъ оказалось, т. е. накопилось, много въ общей суммѣ) элементы населенія, установившагося между ἐλεύθεροι и δοῦλοι,—многое (и въ частности въ иныхъ случаяхъ „закрѣпощеніе") пришлось бы отнести здѣсь, быть можетъ, на счетъ „не войны, а экономическихъ причинъ" (*Мейеръ*, Рабство, 16 слл. *Pöhlmann*, A. u. G., 156 ff.); но, кажется, рѣшающая, опредѣляющая (по крайней мѣрѣ первоначально, въ основаніи опредѣляющая) роль, во всякомъ случаѣ, принадлежала здѣсь именно войнѣ—хотя бы лишь потенціальной, т. е. если не всегда самой войнѣ, то угрозѣ военными бѣдствіями; не даромъ такъ представляли себѣ дѣло обыкновенно и греческіе ученые (ср., напр., цитаты Аѳинея, VI 263 sq., Arist. pol 1264 a sqq. 1328 b sqq., также рѣчь Кира въ ксенофонтовой Киропедіи, VII 5, 72 sqq).—Такъ, отчасти изъ военныхъ дѣйствій, отчасти изъ военныхъ отношеній (т. е. изъ военнаго состоянія, или положенія) проще всего объяснялось бы существованіе классовъ населенія, подобныхъ лаконскимъ періэкамъ или гилотамъ: одни становились подданными государства-гражданства, политически зависимыми отъ государства, т. е. отъ его гражданъ, вмѣсто того, чтобы быть равными имъ, какъ ихъ

территоріи могли оказываться, наряду съ «свободными», и не-свободные, порабощенные, и полусвободные, утратившіе если не личную, то политическую свободу[10]). Порабощенные военноплѣнные, подобно завоеван-

σύμμαχοι (или даже сдѣлаться равноправными съ ними, т. е. составить вмѣстѣ съ ними симполитію—союзное-ли, или единое государство, на подобіе-ли „ахейскаго союза“, или симполитіи Στειρίων καὶ Μεδεωνίων, Ditt. 426,—конечно и „синойкисма Өесея“), другіе—вмѣсто того, чтобы сдѣлаться ихъ рабами; и если первые могутъ, т. о., быть сближаемы юридически съ оказывавшимися на территоріи государства ξένοι (ср. Mich. 3: αἰ μεταϜοικέοι πλέον μενὸς ε̄ ὁ Χαλειεὺς ἐν Οἰανθέαι ε̄ 'Οιανθεὺς ἐν Χαλείοι....), то послѣдніе могутъ быть сближаемы съ тѣми ἀπελεύθεροι, которые обязывались еще παραμείνειν при своихъ господахъ, чтобы ποιεῖν τὸ ποτιτασσόμενον, напр. τὰ ποτὶ γᾶν πάντα (ср. надписи цитируемыя у *Guiraud*, l. l., 143 ss.); оттого-то къ тому не порабощенному населенію, какое оставлялось государствомъ на захваченной или захватывавшейся имъ территоріи (въ положеніи болѣе-ли близкомъ къ положенію періэковъ, или къ положенію гилотовъ лаконскихъ), и примыкали, въ своемъ юридическомъ положеніи, и селившіеся потомъ на территоріи государства ξένοι, и ἀπελεύθεροι, а также и рождавшіеся не ἐξ ἀμφοτέρων πολιτῶν (поскольку они не становились ни гражданами, ни рабами).—Быть-можетъ отчасти съ намѣченныхъ здѣсь точекъ зрѣнія получила бы себѣ нѣкоторое объясненіе и традиція о постепенномъ образованіи аѳинскаго государства-гражданства, до клисѳеновой его организаціи;—въ такихъ, напр., моментахъ, какъ „синойкисмъ Өесея“ (ср. Συνοίκια—Μετοίκια), „призваніе“ Іона (Arist. π. 'Αθ., 3.41), εὐπατρίδαι ἄγροικοι δημιουργοί и πεδιακοί παράλιοι διάκριοι (Arist., π. 'Αθ., 13; ср. pol. 1277 a sqq. 1319 b, также Plut. Sol., 22 sqq.), писистратовы οἱ κατὰ δήμους δικασταί (какъ и вообще политика Писистрата по отношенію къ χώρα, какъ она изображается у Arist. π. Αθ., 16, ср. *В. П. Бузескулъ*, Аѳ. Пол., 366 слл.), самая организація Клисѳена (особенно триттіи; Arist. π. Αθ., 21: ἀναμεῖξαι βουλόμενος ὅπως μετάσχωσι πλείους τῆς πολιτείας. Pol. 1275 b: πολλοὺς ἐφυλέτευσε ξένους καὶ δούλους μετοίκους), а можетъ быть и если не πελάται (ср. и IOSPE II 353), то ἑκτήμοροι (ср. εἰσφέρειν δὲ καὶ τοὺς μετοίκους τὸ ἕκτον μέρος, 'Εφ. ἀρχ., 1900, 94. Dem. XXII 61).—Ср. также λαούς, не только Азіи и Эгипта въ болѣе позднее время (ср. *Beloch*, Gr. G., III 1, 310 f. Rostowzew, *Beitr. z. a. G.*, I 295 ff. P. Meyer, ib. 424 ff. К. В. Хилинскій, *Ж. М. Н. Пр.*, 1904, 3, кл. ф., 106 сл. *Mitteis*, Aus d. gr. Papyrusurk., 30 ff.), но и гомеровскихъ (Od. IV 174 sqq., гдѣ рѣчь идетъ и о подвластныхъ царю πόλεις αἳ περιναιετάουσιν; ср. также λαούς діодоровой νησιωτικῆς): повидимому и здѣсь мы имѣемъ очень часто дѣло съ ἀλλοφυλία (но при томъ не непремѣнно, конечно, съ ἀλλογλωσσία, ср. ἐκς ἀλλοπολίας горт. зак., VI 46 sqq., Mich. 1333) туземцевъ-ли, или уже переселенцевъ (ср. inquilini, laeti, mansionarii и пр., *Seeck*, Gesch. d. Untergangs d. ant. Welt, I³ 578 ff.).—Характерно и примѣненіе гомеровскаго термина ἄκληρος (т. е. ᾧ μὴ βίοτος πολὺς εἴη, Od. XI 490; ср. τοὺς οἴκοι ἀκλήρους πολιτεύοντας, Xen. Anab. III 2 26), ἀκληρία,—въ смыслѣ экспропріаціи граждан покореннаго государства (Polyb. I 7, 4. IX 30, 3. XXII 8, 9; ср. ἀνάστασις).

[10]) Полусвободные, т. е. не ἐλεύθεροι, поскольку они не были граждане, и ἐλεύθεροι, поскольку они не были δοῦλοι (ср. прим. 4); если съ одной стороны они могли считаться вмѣстѣ съ гражданами ἐλεύθεροι (противопоставляясь πολείταις какъ οἱ λοιποὶ ἐλεύθεροι, ср. IGP I 597), то съ другой стороны они могли и противопоставляться гражданамъ наряду съ рабами,—какъ у Plat. Leg. 764 B. 917 D, и какъ, вѣроятно, въ кеосской надп. Mich. 405 (съ возстановленіями Wilhelm'a, *Arch.-ep. Mitt. a. Oe.*, XX 67 f.)

ной территоріи[11]), частью оставлялись въ общемъ пользованіи всего гражданства, всего демоса[12]), большей же частью поступали въ пользо-

---

[11]) Ср. § 5.

[12]) Отсюда δημόσιοι, servi publici, какъ они выясняются потомъ особенно въ Аѳинахъ—въ качествѣ ὑπηρέται при разнаго рода ἀρχαί, или ἀρχεῖα (также δήμιος, палачъ, и Σκύθαι, токсоты, полицейскіе стражники,—ср. и древне-русскихъ тивуновъ, ключниковъ, но и казначеевъ, дьяковъ, вообще приказныхъ, изъ холоповъ, *Сергѣевичъ*, Р. Юр. Др., I² 124 слл.) или въ качествѣ исполнявшихъ публичныя работы (напр. ἐν τῷ ἀργυροκοπείῳ или при ὁδοποιοί) ἐργάται (ср. *Waszynski*, De servis Atheniens. publicis, 1898, и *Hermes*, XXXIV 553 ff. *Silverio*, Untersuch. z. G. d. att. Staatssklaven, 1900). Разумѣется, практически δημόσιοι сближались не столько съ собственно-рабами (т. е. съ отдѣльными людьми принадлежавшими отдѣльнымъ людямъ, *Нибуръ*, Рабство, 12 слл.), сколько съ такими δοῦλοι τοῦ κοινοῦ (по выраженію Павсанія, III 20, 6), какими были гилоты и т п. (разумѣется, безъ прикрѣпленія къ землѣ и безъ обусловленныхъ отчасти тѣмъ отношеній къ отдѣльнымъ гражданамъ, на мѣсто каковыхъ отношеній здѣсь выступали, впрочемъ, отношенія къ носителямъ соотвѣтствующей ἀρχῆς), а также съ μισθωτοί (какъ можетъ быть, напр., и во флотѣ—поскольку онъ, не у однихъ аѳинянъ, представлялъ собою ὠνητὴν δύναμιν, Thuc. I 121; объ экономическихъ соотношеніяхъ между работою δημοσίων ἐργατῶν и наемною работою ср. *Francotte*, L'industrie, I 204 ss. II 21 ss. *Guiraud*, La main-d'oeuvre ind., 131 ss. 184 ss.), особенно же съ ἱεροί, т. е. съ ἱερόδουλοι, ἱεροὶ—или τοῦ θεοῦ—παῖδες и т. п. (ср. *Schoemann-Lipsius*, Gr. A. I 139 f. II 224 ff. 431 f. 547. *Hirt*, Die Hierodulen, 1818; тщательное обслѣдованіе этого—очень сложнаго—вопроса, на основаніи и новаго эпиграфическаго матеріала, дало бы, конечно, результаты очень важные и для уясненія основного характера еллинскаго государства). Δημόσιοι, какъ одинъ изъ классовъ населенія, упоминаются въ пергамской (Ditt. OGI 338—рядомъ съ βασιλικοί) и эфесской надписи (Ditt. S². 329).—Нѣсколько загадочное замѣчаніе о δημόσιοι находимъ въ Политикѣ Аристотеля, 1267 b: критикуя „государство" Фалея, гдѣ граждане живутъ лишь со своихъ одинаковаго-размѣра земельныхъ участковъ, и гдѣ, поэтому, всѣ τεχνῖται—δημόσιοι, Аристотель прибавляетъ: „если уже οἱ τὰ κοινὰ ἔργα ἐργαζόμενοι должны непремѣнно быть δημόσιοι, то нужно устроить это такъ, какъ въ Эпидамнѣ, или какъ предлагалъ для Аѳинъ Діофантъ"; кáкъ именно обстояло дѣло въ колоніальномъ Эпидамнѣ, мы не знаемъ (у Plut. qu. gr. 29 разсказывается, будто Эпидамнійцы вели торговлю съ туземцами-иллирійцами не непосредственно сами, а лишь чрезъ своего πωλητής—ср. функціи аѳинскихъ πωληταί, но также и Plat. Leg. 846 D sqq.), не знаемъ также, что именно предлагалъ Діофантъ (вѣроятно, тотъ же, что, по schol. Aesch. III 24, χρήματα διένειμεν ἐπὶ τῇ θεωρικοῦ προφάσει, ср. *Kirchner*, Prosop. Att., n. 4438),—быть можетъ что-нибудь въ родѣ того (если не то же самое?), что предлагалъ авторъ псевдоксенофонтовыхъ Πόροι, с. 4. ср. с. 2. М. пр., въ этомъ проектѣ „о прибыляхъ" пріобрѣтеніе δημοσίων ἀνδραπόδων рекомендуется государству—въ подражаніе спекулирующимъ рабами ἰδιώταις; и возможно, что и на дѣлѣ государственное рабовладѣніе вообще брало примѣръ съ рабовладѣнія частнаго; но отсюда не слѣдуетъ еще, конечно, что государственное рабовладѣніе и возникло по примѣру частнаго; не въ пользу такого утвержденія говорятъ, повидимому, и такія болѣе или менѣе аналогичныя институту δημοσίων явленія, какъ гилоты и т. п. и „іеродулы", особенно же аналогіи представляемыя земельными отношеніями: какъ завоеванная земля, такъ и порабощенные могли частью оставляться въ пользованіи государства (т. е.

ваніе, или —что въ данномъ случаѣ одно и то же —отдавались въ собственность отдѣльныхъ гражданъ, хозяевъ отдѣльныхъ хозяйствъ, домовъ или клеровъ[13]), пополняясь, разумѣется, потомъ и новыми элементами, особенно путемъ купли[14]). Если рабы (или рабыни) оказывались, вѣроятно, почти во всякомъ государствѣ вновь основавшемся[15]), то не вездѣ,

всего гражданства), частью раздаваться въ пользованіе отдѣльнымъ гражданамъ,—при чемъ, естественно, рабы гораздо скорѣе, чѣмъ земля, чѣмъ клеры, начинали разсматриваться какъ предметъ не пользованія, а собственности. Характерны въ этомъ смыслѣ разсказы о „пользованіи въ Лакедэмонѣ рабами ἀλλήλων, какъ собственными“ (Xen. r. Lac. 6, 3. Arist. pol. 1263 a. Plut. Inst. Lac. 10),—т. е., вѣроятно, илотами (которыхъ вообще можно было бы разсматривать какъ δημοσίους, если бы не ихъ спеціальное назначеніе—быть γεωργοί, тогда какъ δημόσιοι были преимущественно δημιουργοί, и въ связи съ тѣмъ ихъ прикрѣпленіе къ землѣ). Не лишено, быть можетъ, значенія и то, что единственная извѣстная намъ ближе—аѳинская исторія δημοσίων являетъ собою не столько прогрессивную сколько регрессивную эволюцію—т. е. спеціализацію, или спеціализированіе этого класса (въ силу, конечно, экономическихъ причинъ, м. пр. и господства откупной системы) на ὑπηρετικαὶ ἐπιμέλειαι (сюда относится въ сущности и—постоянная, ср. *Wachsmuth*, St. Athen, II 282 f.,—„работа“ δημοσίων при ὁδοποιοί или ἐν τῷ ἀργυροκοπείῳ).

[13]) Ср. прим. 12. Рабы, естественно, входили въ составъ хозяйственнаго инвентаря дома, или клера (ср. Mich. 285: καὶ χρήματα πᾳματοφαγεῖσται, τὸ μέρος μετὰ Ϝοικιατᾶν. Solmsen IGD 10: Θετόνιοι ἔδοχαν .. καὐτοὶ καὶ γένει καὶ Ϝοικιάταις καὶ χρήμασιν ἀσυλίαν κἀτέλειαν), сближаясь съ домашними животными (ср. Arist. pol. 1252 b: ὁ γὰρ βοῦς ἀντ' οἰκέτου τοῖς πένησιν ἐστίν; BCH XIV 433: τοὺς βοῦς καὶ τὰ πρόβατα καὶ τὰ ἀνδράποδα—какъ въ др.-р. лѣтоп.: скоты и конѣ, вельблуды и челядь; о соотношеніи въ древнѣйшемъ греческомъ, какъ и въ не греческомъ, правѣ между βλάβη ἀνδραπόδων и βλ. τετραπόδων—ср. *Rhein. Mus.*, XLI 120 ff.; о сакральномъ значеніи βοὸς—уже ἀρωτῆρος—ср. *Schoemann-Lipsius*, Gr. A., II 250 f.), но также и съ прочими домочадцами (Arist. pol. 1253 b. 1323 a 5 sq., ср. *Büchsenschütz*, Besitz u. Erwerb im gr. Alt., 149 ff. *Samter*, Familienfeste d. Gr. u. R., 29 ff.).

[14]) Быть можетъ, не лишено значенія и всегда державшееся (хотя и не всегда, конечно, строго выдерживавшееся различіе между рабами—αἰχμάλωτοι и οἴκοι τραφέντες (οἰκογενεῖς, т. е. домашняго, или вообще мѣстнаго происхожденія, ср. ἐγγενεῖς родосскихъ надписей) съ одной стороны, и ὠνητοί—съ другой (какъ πρῶτοι, или παλαιοὶ κλῆροι противопоставлялись иногда другимъ земельнымъ пріобрѣтеніямъ, ср. § 5, прим. 6 и 10).

[15]) Довольно обычной въ еллинской литературѣ была мысль, что въ древнѣйшія времена у еллиновъ не было рабовъ, при чемъ ссылались обыкновенно на то, что всѣ были тогда αὐτουργοί (Palaeph. de incred., 3 sq., ср. Ael. v. h. VII 5—о Лаертѣ, Одиссеѣ и Ахиллеѣ; такъ и дщери аѳинскія сами ходили за водою на Ἐννεάκρουνον, гдѣ ихъ могли βιάσασθαι Пеласги, κατοικημένοι ὑπὸ τῷ Ὑμησσῷ, Herod. VI 137); тогда ἐν ταῖς οἰκειακαῖς младшіе члены семьи служили, помогали старшимъ (Тимэй у Ath. VI 264 d), какъ и потомъ бѣдные люди, διὰ τὴν ἀδουλίαν, пользовались, какъ ἀκολούθοις, своими женами и дѣтьми (Arist. pol. 1323a 5 sq.); насколько сознательно—судить трудно, но нерѣдко отрицатели рабства у древнѣйшихъ еллиновъ на мѣсто рабовъ вообще подставляли рабовъ собственно для личныхъ услугъ съ одной стороны, и рабовъ купленныхъ, покупныхъ—съ другой; такъ Тимэй (въ передачѣ Аѳинея, 264 с sq.) говорилъ, что въ

быть можетъ, при самомъ основаніи государства на территоріи его оказывались, какъ особый классъ или какъ особые классы населенія, и полусвободные «сожители» гражданъ; нерѣдко, повидимому, выяснялись они въ этомъ значеніи своемъ лишь въ дальнѣйшія времена территоріальнаго существованія государства. И если рабство сравнительно легко и просто и устанавливалось, и опредѣлялось въ состояніи своемъ (хотя бы чертами больше отрицательными, чѣмъ положительными), то уста-

---

старину не было πάτριον τοῖς Ἕλλησιν ὑπὸ ἀργυρωνήτων διακονεῖσθαι, что, въ частности, у локровъ, какъ и у фокейцевъ κεκτῆσθαι θεραπαίνας и вообще οἰκέτας было не въ обычаѣ до временъ Аристотеля; Θеопомпъ-же хіосецъ (у того же Аѳинея, 265 b sq.) сообщалъ, что хіосцы первые изъ еллиновъ стали пользоваться покупными рабами, изъ варваровъ, но что уже раньше, однако, существовали рабы у ѳессалійцевъ и лакедэмонянъ—порабощенные ими еллины, прежніе обитатели захваченныхъ ими земель, т. е пенесты и гилоты. Очевидно, отрицавшіе существованіе рабства у древнѣйшихъ еллиновъ исходили прежде всего изъ представленія о несоотвѣтствіи между экономически и этическими отношеніями, предполагавшимися для патріархальныхъ временъ, и рабствомъ, особенно какъ оно представлялось въ своемъ послѣдующемъ—количественномъ и качественномъ—развитіи (ср особенно τοὺς τῆς ἀρχαίας κωμῳδίας ποιητὰς περὶ τοῦ ἀρχαίου βίου διαλεγομένους ὅτι οὐκ ἦν τότε δούλων χρεία, у Ath. 263 b. 267 e sqq.); но они могли опираться и на древнѣйшіе памятники еллинской литературы (гомеровскія поэмы, гдѣ, помимо уже αὐτουργίας героевъ, самое рабство рисуется—опять-таки отчасти подъ вліяніемъ архаизаціи изображаемыхъ отношеній и вмѣстѣ патріархализаціи старины—сравнительно слабо развитымъ, такъ что даже не встрѣчается здѣсь и слово δοῦλος, а только δούλη, какъ только „роба" въ Р. Правдѣ,—выводъ объ отсутствіи рабовъ у болѣе раннихъ грековъ дѣлаетъ изъ Гомера и Seymour, *Amer. Journ. of Archaeol*, V 23 sq.; также и гесіодовы Ἔργα, особенно знаменитый стихъ, 405: οἶκον μὲν πρώτιστα γυναῖκά τε, βοῦν τ' ἀροτῆρα, къ которому потомъ, можетъ-быть и bona fide, прибавлено было поясненіе: κτητήν, οὐ γαμετήν, ἥτις καὶ βουσὶν ἕποιτο), и на сакральныя переживанія, видѣтельствовавшія о былой αὐτουργία,—какъ хожденіе, не посыланіе, по воду самихъ дѣвушекъ-гражданокъ (ср., кромѣ Herod. VI 137 sq., Thuc. II 15. Hesych. Λουκηιάδες κόραι, также Paus. IV 33, 1, Πλυντήρια, ὑδριαφόρους Панаѳинейской помпы, изъ женъ или дочерей метэковъ, и т. п., или разсказъ Одиссеи о Навсикаѣ,—конечно и цѣлый рядъ другихъ праздничныхъ обрядовъ, не связанныхъ уже съ водой,—какъ и „умыкиваху дѣвица" въ греческихъ легендахъ не только „у воды",—напр. сакральное βουκολεῖν или βοῦν αὐτῷ σφάξαι, что у сицилійцевъ считалось потомъ δώλων ἔργον, Διαλ. 582 D.), и наконецъ на очень слабое (и въ количественномъ, и въ начественномъ отношеніи) развитіе рабства въ иныхъ областяхъ Еллады и въ позднее время (ср., напр., что говоритъ—основываясь, впрочемъ, на показаніяхъ τῶν χρωμένων ἀπεχθείᾳ καὶ πικρίᾳ κατ' Ἀριστοτέλους—Тимэй о локрахъ и фокейцахъ, или Θеопомпъ—объ аркадахъ, Ath. IV 149 d, ср. Phil. v. Apoll., 161 K.; ср. также разсказы о Филопэменѣ, Plut., Phil., 4) Само собою разумѣется, что, въ объективномъ своемъ содержаніи, показанія древнихъ писателей, говорившихъ объ отсутствіи въ старину у еллиновъ рабства, могутъ вести только къ ограниченію (быть-можетъ даже въ меньшей мѣрѣ, нежели у *Э. Мейера*, Рабство, 16 сл.), а не къ отрицанію роли рабства въ древнѣйшей жизни еллиновъ, по крайней мѣрѣ начиная съ момента перехода ихъ отъ кочеванья къ осѣдлости.

новленіе и уясненіе состоянія полусвободныхъ, т. е. не-гражданъ, но и не-рабовъ, являлось задачей очень сложной, не количественно только, а и качественно уже зависѣвшей отъ условій и мѣста, и времени[16]).

7. Итакъ, еллинское государство съ матеріальной своей стороны вырисовывается передъ нами, въ основныхъ своихъ очертаніяхъ, какъ не то кочующее, не то осѣдающее—и прилаживающееся къ той средѣ, въ какой оно оказывается,—гражданство, племя и вмѣстѣ войско. Этимъ основнымъ характеромъ матеріальнаго субстрата государства опредѣляется и основной характеръ представляемой имъ юридической связи, т. е. «государственной» власти.

Мы видѣли[1]), что, опредѣляя еллинское государство, какъ πολιτῶν τι πλῆθος, Аристотель опредѣляетъ затѣмъ πολίτην, въ абсолютномъ смыслѣ, какъ—фактическаго или динамическаго—участника въ государственной власти. Присущая государству власть мыслится, т. о., какъ принадлежащая всѣмъ вмѣстѣ гражданамъ—и притомъ не какъ ихъ право только, но и какъ обязанность; мыслится, поэтому, точнѣе,—какъ принадлежащая гражданству не во всей его совокупности, а въ той его части, которая была или считалась способною нести это право или эту обязанность, т. е. мыслится принадлежащею гражданству не какъ племенной группѣ, а какъ личному союзу[2]). Какъ отношеніе господства государ-

---

[16]) Ср. выше, прим. 5.—Очень важно было бы, съ указанныхъ точекъ зрѣнія, не только точнѣе сопоставить статистически всѣ данныя, какія дошли до насъ изъ различныхъ еллинскихъ государствъ—помимо уже классовъ подобныхъ лаконскимъ періэкамъ и гилотамъ—о разныхъ метэкахъ, парэкахъ и т. п. (т. е. исправить и дополнить сопоставленія Clerc'a въ *Rev. d. univ. du Midi*, 1898, ср. *Liebenam*, Städteverw., 216 ff.), но и прослѣдить, какъ въ законахъ и постановленіяхъ различныхъ еллинскихъ государствъ (а также и святынь) при перечисленіи классовъ населенія между ἐλεύθεροι (сначала въ тѣсномъ смыслѣ) и δοῦλοι продвигаются,—наряду съ νόθοι (ср. Mich. 642) и ἀπελεύθεροι (ср. Ditt. S². 255: τά τ' ἐλεύθερα σώματα—т. е. πολιτικά, какъ они зовутся дальше,—καί τινα τῶν ἐξελευθέρων καὶ τῶν δούλων), также и съ δημόσιοι (ср. ib. 329. OGI 338),—ξένοι, частью и остающіеся, какъ ξένοι, рядомъ съ метэками, парэками и пр. (ср. Ditt. S. 829. 366. 602), частью постепенно переходящіе (ср. ξ. παρεπιδημοῦντες, или ἐνδημοῦντες, или μετέχοντες τῶν κοινῶν, ib. 366. 790. 935. CIGS I 2712), окончательно разрѣшающіеся въ метэковъ (какъ, повидимому, и ξένοι солоновыхъ законовъ; ср. и Ditt. 904, а также Soph. Oed. R. 452 и Aristoph. Equ. 347); особенно характерна акрэфійская надпись CIGS I 2712.—Характерна конечно и юрисдикція въ дѣлахъ аѳинскихъ метэковъ—полемарха (*Lipsius*, D. att. Recht, 1 63 ff.).—Ср. также положеніе, какое занимаетъ Ϝοικεύς, рядомъ съ ἐλεύθερος ἐ δῶλος, въ гортинскихъ законахъ (Mich. 1333, GDI 4991).

[1]) Ср. § 1.

[2]) Такъ можно передать мысль Аристотеля—не только своими словами, но от-

ственное властвованіе является, поэтому, лишь внѣ круга гражданъ—уча-

---

части и своими понятіями. Развитіе этой мысли у Аристотеля не отличается ни точностью, ни стройностью, что объясняется, конечно, прежде всего крайней сложностью и трудностью самаго предмета. Нѣкоторыя затрудненія представляла здѣсь уже необходимость дѣлать различіе между реальнымъ и потенціальнымъ участіемъ въ государственной власти, между различными ея видами (ἀρχὴ βουλευτικὴ καὶ κριτική и т. п.) и между различными ея формами (ὁ ἀόριστος ἄρχων и ὁ κατὰ τὴν ἀρχὴν ὡρισμένος и т. п.), слѣдя, при этомъ, за тѣмъ, чтобы теоретическія положенія шли рука объ руку съ практическими (въ томъ числѣ и историко-практическими) наблюденіями; съ этими затрудненіями „Политика" справилась относительно-благополучно (правда, лишь относительно-благополучно,—какъ это можно видѣть, чтобы не ходить далеко, уже изъ сопоставленія разныхъ мѣстъ Политики перетрактовывающихъ отдѣльные относящіеся сюда вопросы). Но эти затрудненія значительно осложнялъ собою (ср. § 3) двойственный характеръ гражданства. Если гражданинъ, какъ часть πόλεως, опредѣлялся τῷ μετέχειν ἀρχῆς—было ли то участіе въ ἀρχὴ ἀόριστος или только право ἄρχειν отдѣльныя ἀρχάς,—то вѣдь не только уже реальное ἄρχειν, а даже и самая ἐξουσία κοινωνεῖν ἀρχῆς принадлежала не всему личному составу гражданства; такъ, не говоря уже объ ἄτιμοι, ея не имѣли ни πολίτιδες, ни πολῖται не удовлетворявшіе, съ той или другой стороны, возрастному цензу (который, кстати сказать, могъ подлежать такому или иному въ подробностяхъ опредѣленію); если, т. о., всѣ граждане были ἀρχόμενοι, то не всѣ граждане могли быть ἄρχοντες, а стало-быть и ὁ ἀρχομενος могъ быть πολίτης (хотя и не ἁπλῶς или не ἀληθῶς). Эти отношенія, легко, конечно, объясняющіяся (ср. § 4) изъ условій начальнаго существованія государства (и—прибавимъ—въ подробностяхъ своихъ трудно объяснимыя внѣ тѣхъ условій), у Аристотеля сближаются—и смѣшиваются—съ другими отношеніями, въ которыхъ, какъ ему казалось, тоже находило себѣ выраженіе это понятіе: πολίτης ἀρχόμενος (или τῶν τιμῶν μὴ μετέχων, ὥσπερ μέτοικος), именно съ ограниченіемъ доступа гражданъ (особенно βάναυσοι и θῆτες) къ ἀρχή, или къ ἀρχαί, къ τιμαί, въ аристократіяхъ, или въ олигархіяхъ (въ зависимости, напр., отъ τιμημάτων), что обусловливалось уже съ одной стороны организаціей государственной власти (ср. 1287 a, гдѣ одинъ, т. е. царь, является κύριος πάντων τῶν πολιτῶν), съ другой стороны—постоянно (и въ пространствѣ, и во времени) колебавшимся на практикѣ объемомъ гражданства, т. е наличностью—особенно, конечно, въ болѣе древнія времена, πρὶν δῆμον γενέσθαι τὸν ἔσχατον,—на самомъ низу гражданской іерархической лѣстницы гражданъ-неграждань, т. е. не удовлетворявшихъ всѣмъ требованіямъ, какія могли быть предъявлены гражданину (въ смыслѣ, напр., экономической состоятельности или самостоятельности; ср. πλουτίνδα καὶ ἀριστίνδα въ надп. III ст., CIGS I 188, или ἀριστίνδαν, Mich. 3. Inschr. v. Ol. 47, ἀγαθοί—κακοί и т. п., ὅμοιοι и ὑπομείονες и пр.; ср. также и симполитическій характеръ многихъ гражданствъ и діаполитическій характеръ зачисленія въ иныя гражданства гражданъ φύσει, или γένει, напр. въ аѳинскомъ государствѣ): отсюда крайне сбивчивыя, крайне не отчетливыя и въ теоретической, и въ практической (въ томъ числѣ и въ исторической) своей части и не разграничивающія строго теорію (и притомъ теорію какъ о πόλις, такъ и о βελτίστη πόλις) и практику разъясненія, какія присоединяетъ Аристотель къ своему опредѣленію понятія гражданинъ, 1275 b sqq. (еще менѣе отчетливы толкованія этихъ разъясненій и выводы изъ изъ нихъ, какія дѣлаютъ, напр., *Rehm*, Gesch. d. Staatsrechtsw., 75 ff. 92 ff., или *Philippi*, Beitr. z. G. d. att. Bürgerr., 5 ff., и *Szanto*, Gr. Bürgerr., 4 ff.).

стниковъ ἀρχῆς, внутри же этого круга оно является какъ отношеніе не господства и подданства, а какъ отношеніе взаимной зависимости[3]). Понятіе: устройство государственной власти тѣсно сближается, даже отожествляется поэтому съ понятіемъ: устройство гражданства, какъ понятіе: устройство гражданства—съ понятіемъ: устройство государства[4]).

Не только вагляднымъ, но и полнымъ выраженіемъ этой теоріи о принадлежности государственной власти всему гражданству служило бы, конечно, вѣче. Но вѣче, поскольку оно собою не представляло только, а и осуществляло власть государственную, и поскольку оно являлось не совокупнымъ только множествомъ, а и совокупнымъ единствомъ[5]), не могло довлѣть даже себѣ, своимъ задачамъ[6]), тѣмъ меньше могло оно довлѣть всѣмъ тѣмъ задачамъ или цѣлямъ, какія вообще преслѣдовались государственною властью: рядомъ съ вѣчемъ неизбѣжно становились лица или коллегіи, которымъ отъ имени гражданства поручалось осуществленіе отдѣльныхъ функцій принадлежавшей гражданству власти[7]). Иными словами—представленіе о государствѣ какъ о союзѣ равноправныхъ носителей государственнаго властвованія на дѣлѣ неизбѣжно нарушалось

---

[3]) Ἡ πόλις не есть δούλων (καὶ δεσποτῶν) πόλις, а ἐλευθέρων и βούλεται ἐξ ἴσων εἶναι καὶ ὁμοίων ὅτι μάλιστα, и ἀρχὴ πολιτική есть ἀρχὴ не δεσποτική (δουλική), а ἐλευθέρων καὶ ἴσων (ὁμοίων τῷ γένει), почему ἐν ταῖς πολιτικαῖς ἀρχαῖς ταῖς πλείσταις μεταβάλλει τὸ ἄρχον καὶ ἀρχόμενον (ἐξ ἴσου γὰρ εἶναι βούλεται τὴν φύσιν καὶ διαφέρειν μηδέν), такъ что каждый гражданинъ есть κατὰ μέρος ἄρχων καὶ ἀρχόμενος (τὸ ἄρχειν πάντας μὲν ἑκάστου, ἕκαστον δ'ἐν μέρει πάντων). Pol. 1255 b. 59 b. 76 b sqq., ср. 1317b.—Ср. *Gierke*, D. d. Genossenschaftsrecht, III 17 ff. (также *Коркуновъ*, Указъ и законъ, 50 слл.).

[4]) Именно во всѣхъ этихъ смыслахъ, какъ и въ смыслѣ вообще гражданства, или государства (πόλις), употребляется въ Политикѣ (какъ и въ πολ. 'Αθ., ср. *Kaibel*, Stil u. Text d. Π. Αθ., 56 f., какъ, конечно, и вообще въ греческой литературѣ) слово πολιτεία (ср. πολίτευμα); характерно, что какъ τρία μόρια τῶν πολιτειῶν πασῶν обозначаются у Аристотеля (1297 b sq.) τὸ βουλευόμενον περὶ τῶν κοινῶν, τὸ περὶ τὰς ἀρχάς и τὸ δικάζον (не лишено значенія, конечно, и примѣненіе термина βουλευόμενον къ τὸ κύριον τῆς πολιτείας, 1299 a. 1316 b. 22 b sq.),—т. е. законодательство, управленіе, судъ мыслятся не столько какъ функціи государственной власти, сколько какъ части, или раздѣлы государственной организаціи (ср. 1291 a. 1329 a).

[5]) Не Gesammtvielheit, а Gesammteinheit (Gierke), ὁ δῆμος σύνθετος εἷς ἐκ πολλῶν, οἱ πολλοὶ κύριοι οὐχ ὡς ἕκαστος ἀλλὰ πάντες (οὐ γὰρ ὁ δικαστὴς οὐδ'ὁ βουλευτὴς οὐδ'ὁ ἐκκλησιαστὴς ἄρχων ἐστίν, ἀλλὰ τὸ δικαστήριον καὶ ἡ βουλὴ καὶ ὁ δῆμος), pol. 1282 a. 92 a.

[6]) Вѣче нуждается въ руководствѣ (ἡγεμονία), хотя бы только внѣшнемъ (созываніе вѣча, постановка вопросовъ или руководительство преніями и т. п.).—Ср. Od. II 25 sq.: οὔτε ποθ' ἡμετέρη ἀγορὴ γένετ' οὔτε θόωκος, ἐξ οὗ 'Οδυσσεὺς δῖος ἔβη κοίλης ἐνὶ νηυσίν. νῦν δὲ τίς ὧδ' ἤγειρε;

[7]) Ср. pol. 1291 a: εἴπερ ἄνευ ἀρχόντων ἀδύνατον εἶναι πόλιν.

или разрушалось тѣмъ, что рядомъ съ демократическимъ моментомъ, каковой собою представляло вѣче, въ организаціи государственной власти необходимо заявляли себя и моменты монархическіе или олигархическіе.

Но если аристотелево представленіе о государственной власти было не осуществимо въ дѣйствительности, то это еще не значитъ, что оно не могло опредѣлять собою дѣйствительность, или что дѣйствительность не была такова, чтобы отъ нея можно было отвлечь такое представленіе.

То пестрое разнообразіе, какое всегда являли собою еллинскія „политіи“, сводилось обыкновенно у еллинскихъ политическихъ теоретиковъ къ тремъ основнымъ видамъ, или типамъ—къ демократіи, олигархіи (или аристократіи) и монархіи[8]; но иногда къ этимъ тремъ видамъ присоединялся и четвертый—политія смѣшанная, т. е. совмѣщающая въ себѣ свойства каждой изъ тѣхъ трехъ политій[9]); таковую по-

---

[8]) Тройное дѣленіе политій находимъ уже у Пиндара, Pyth. II 86 sqq. (ἐν πάντα δὲ νόμον εὐθύγλωσσος ἀνὴρ προφέρει, παρὰ τυραννίδι, χὠπόταν ὁ λάβρος στρατός, χὤταν πόλιν οἱ σοφοὶ τηρέωντι). потомъ у Геродота, III 80 sqq. (μουναρχίη, или τυραννίς, πλῆθος ἄρχον, οὔνομα ἔχον ἰσονομίην, ὀλιγαρχίη, когда τὸ κράτος принадлежитъ ἀνδρῶν τῶν ἀρίστων ὁμιλίῃ, не δήμῳ),—гдѣ, впрочемъ, какъ и въ 'Απομνημονεύματα Ксенофонта, IV 6, 12 (βασιλεία καὶ τυραννίς, аристократія или πλουτοκρατία, и демократія), наблюдается уже переходъ къ четыремъ или пяти (ср. Plat., Leg. 712 C sqq. Isocr. XII 131 sqq. Arist. rhet. 1365 b) и больше политіямъ—въ зависимости отъ того, считать-ли тиранниду за политію, дѣлать-ли различіе между аристократіей и олигархіей или тимократіей (плутократіей), между демократіей и охлократіей и т. п., при чемъ въ основу дѣленія полагались самые разнообразные принципы, и теоретическіе. и практическіе (то нумерическіе, то психологическіе или этическіе, и т. д. ; ср. цѣлый рядъ различныхъ группировокъ политій въ политическихъ діалогахъ Платона. Весьма разумно призывалъ τοὺς πολλούς —невѣждъ если не δι' ἀμαθίαν, то διὰ τὸ μηδὲν πώποτ' αὐτοῖς μελῆσαι τῶν δεόντων—къ порядку Исократъ, l. c., признававшій только τρεῖς ἰδέας политій—олигархію, демократію, монархію (ср. также Aesch. I 4. III 6). Обстоятельныя, хотя и не блещущія своею отчетливостью и послѣдовательностью (какъ это, безъ излишней—какъ могло бы казаться—рѣзкости, но зато и безъ надлежащей точности, указывалъ особенно *Schvarcz*, Kritik d. Staatsformen des Aristoteles², 1890), раздѣленія или распредѣленія политій въ аристотелевой Политикѣ также сводятся къ трихотоміи: монархія (царство, тираннида), политія ὀλίγων (аристократія, олигархія) и политія τῶν πολλῶν (πολιτεία въ тѣсномъ смыслѣ и демократія); въ связи съ тѣмъ стояло и усвоенное Аристотелемъ (и пользовавшееся потомъ большимъ успѣхомъ,—съ замѣной, впрочемъ, обыкновенно „политіи“ и демократіи демократіей и охлократіей) ученіе объ ὀρθαὶ πολιτεῖαι и ихъ παρεκβάσεις (1279 a sq.) Три политіи предполагала и теорія о „смѣшанной политіи“.—Ср. *Rehm*, G. d. Staatsr., 16 ff. 27 ff. 31 ff. 49 f. 58 f. 95 ff. 131 ff. (Въ скобкахъ замѣтимъ, что для начальной исторіи теоріи объ еллинскихъ политіяхъ, какъ и для теоретизаціи начальной исторіи этихъ политій, настоятельной задачей является тщательное обслѣдованіе древнѣйшей греческой поэзіи, поскольку она переходила въ политическую публицистику,—особенно, конечно, т. наз. „лирики“).

литію усматривали впрочемъ на всю Елладу—лишь въ государствѣ Ликурга[10]). Но, кажется, именно эту смѣшанную политію,—по крайней мѣрѣ что касается организаціи собственно государственной власти,—можно видѣть и въ любомъ еллинскомъ государствѣ въ любой моментъ его существованія: вѣдь мы не знаемъ ни такого еллинскаго государства, ни такой эпохи въ исторіи какого-либо еллинскаго государства, гдѣ бы и когда бы въ государственномъ устройствѣ не были представлены такъ или иначе вѣче, личная (царская или магистратская) власть и аристократическій, или олигархическій совѣтъ (βουλή); вопросъ сводился-бы, слѣдовательно, лишь къ тому,—какой изъ трехъ моментовъ—демократическій-ли, или монархическій, или олигархическій—одерживалъ верхъ надъ двумя другими, и съ этой точки зрѣнія и демократія, и олигархія, и монархія являлись бы лишь формами, лишь выраженіями смѣшанной политіи, какъ организаціи государственной власти. Но, разумѣется, тѣ три момента, какъ вмѣстѣ, такъ и отдѣльно взятые, могли опредѣляться здѣсь самымъ различнымъ образомъ—въ зависимости уже отъ общихъ матеріальныхъ или идеальныхъ, матеріалистическихъ или идеалистическихъ тенденцій исторической жизни государства,—тенденцій

---

[9]) Эта теорія о πολιτεία ή μικτή, σύμμικτος, представленная намъ у Поливія, VI 3 sqq. (также у Цицерона, de rep., I, c. 29. 45 sq. II 23, 41. III 13, 23, у [Архита] и [Ипподама], Stob. fl. XLIII), получила свое развитіе въ перипатетической (особенно у Дикэарха,—въ діалогѣ Τριπολιτικός) и затѣмъ стоической (особенно—у Панэтія, ср. *Schmekel*, Philos. d. mittl. Stoa, 67 ff.) школѣ, но намѣчается уже у Платона (Leg. 681 D. 691 D sqq. 712 D sq.) и особенно въ Политикѣ Аристотеля (1265 b sq., ср. 1294 a. 1273 b).

[10]) Plat. Leg. 712 D sq. Arist. pol. 1265 b. Polyb. VI 3, 8; 10. Plut Lyc. 5 sqq. Конечно, мысль о томъ, что смѣшанную (и потому наилучшую) политію представляла собою политія Ликурга, проводилась и у Дикэарха (и именно въ Τριπολιτικός же, ср. Athen. IV 141), и въ разныхъ не дошедшихъ до насъ сочиненіяхъ о политіи лакедэмонянъ (Сфэра и др.); опиралась эта мысль, м. пр., на стихи Тиртэя или на „ретры", гдѣ устанавливалось именно соотношеніе во власти между архегетами, геронтами и демосомъ, или апеллою (Plut., Lyc. 6. Diod. VII, 12). Исократъ говорилъ, что Ликургъ установилъ у спартіатовъ δημοκρατίαν τὴν ἀριστοκρατίᾳ μεμιγμένην,—перенеся къ нимъ установившуюся у аѳинянъ послѣ (post и propter) Ѳесея δημοκρατίαν ἀριστοκρατίᾳ χρωμένην (XII 1-6 sqq.). У Аристотеля, pol. 1273 b, Солонъ устанавливаетъ δημοκρατίαν τὴν πάτριον, μίξας καλῶς τὴν πολιτείαν, но при этомъ совѣтъ Ареопага является ὀλιγαρχικόν, выборныя ἀρχαὶ—ἀριστοκρατικόν, τὸ δικαστήριον—δημοτικόν (ср. π. 'Αθ., 12).—Внѣ Еллады смѣшанную политію указывалъ Поливій въ политіи римлянъ (какъ потомъ Цицеронъ или, напр., Аристидъ, въ похвальномъ словѣ—уже императорскому—Риму,—тогда какъ у Тацита, ann. IV 33, читаемъ, что эту форму rei publicae легче восхвалять, нежели видѣть осуществленною на дѣлѣ, особенно на сколько-нибудь продолжительное время).

тоже то монархическихъ, то аристократическихъ, то демократическихъ,—такъ что можно было говорить о монархіи, объ аристократіи (или олигархіи), о демократіи не только въ смыслѣ устройства власти государственной, но и въ смыслѣ устройства государства и даже въ смыслѣ государства вообще[11]). Ко временамъ Аристотеля очень замѣтнымъ образомъ опредѣлилось въ еллинской политической практикѣ преобладаніе демократическихъ тенденцій[12]); огля-

---

[11]) У греческихъ писателей (даже, напр., у Аристотеля) мы не встрѣчаемъ достаточно-строгаго (или достаточно-объективнаго) теоретическаго различенія или разграниченія между этими терминами въ примѣненіи къ государственной-ли власти, къ государственному-ли устройству, или, наконецъ, къ государственной жизни вообще, какъ и между терминами аристократія, олигархія и тимократія, демократія и охлократія (ср. различныя значенія слова δῆμος или πλῆθος, въ смыслѣ и populus, и plebs), μοναρχία, βασιλεία и τυραννίς (какъ то въ болѣе широкомъ, то въ болѣе узкомъ смыслѣ—не говоря уже о спеціальномъ примѣненіи его въ Политикѣ Аристотеля—употреблялось и слово πολιτεία, ср. прим. 4). Вообще эти понятія—демократія, олигархія и т. д. являются въ греческой политической философіи понятіями лишь относительными—соотносительными или противоотносительными. Характерна въ этомъ смыслѣ исторія, напр., понятія τυραννίς, ср. Zeller, *Sitzb. d. pr. Ak.*, 1887, 1137 ff. (также Endt, *Wien. St.*, XXIV 1 ff. *Kaerst*, St. z. Entw. u. theor. Begr. d. Monarchie im Alt., 12 ff.).—О значеніи „формы" въ государственной, какъ и въ умственной жизни и, въ частности, въ политическомъ мышленіи грековъ ср. Kaerst, *Hist. Ztschr.*, XLIX 206 ff.

[12]) Это преобладаніе, ко временамъ Аристотеля, демократическихъ тенденцій въ политической жизни и въ политическомъ строѣ еллиновъ (но не въ политической ихъ теоріи—гдѣ замѣтно выступаютъ тенденціи и аристократическія, и даже монархическія), не разъ подмѣченное или отмѣченное и въ Политикѣ, не стоитъ, какъ могло бы казаться, въ противорѣчіи съ обычнымъ въ Политикѣ дѣленіемъ „большинства" современныхъ ей политій на демократическія и олигархическія (1289 a. 92 b. 96 a. 1317 a). наряду съ которыми указываются еще монархіи, т. е. если не царства (какъ у македонянъ или молоссовъ), то тиранниды (1252 b. 1285 a. 1310 b sqq.). Представленная въ Политикѣ классификація политій—причемъ не дѣлается строгаго различія между политіями, какъ онѣ существовали въ дѣйствительности во времена-ли Аристотеля, или только въ какія-либо болѣе раннія времена, и какъ онѣ существовали лишь въ воображеніи самого-ли Аристотеля, или прежнихъ теоретиковъ политическаго строя (особенно Платона),—при всѣхъ своихъ громадныхъ (до сихъ поръ еще не оцѣненныхъ въ полной мѣрѣ) достоинствахъ, вообще далеко не отличалась отчетливостью и послѣдовательностью (какъ это короче и яснѣе всего устанавливаетъ *Rehm*, l. l., 95 ff.; ср. также строгую, но справедливую—въ отношеніи, конечно, не Аристотеля, а слѣпыхъ читателей и почитателей Политики—критику *Schvarcz*, l. l.). Оставляя въ сторонѣ разныя частичныя неточности или несогласованности этой классификаціи, мы видимъ, что демократія и олигархія сводятся здѣсь иногда къ степени распространенія права гражданства и вмѣстѣ права на участіе въ государственной власти то на меньшую-ли, или большую часть населенія, то на однихъ-ли богатыхъ, состоятельныхъ, или и на неимущихъ, иногда же лишь къ большему или меньшему объему непосредственнаго осуществленія

дываясь на путь, пройденный еллинскими государствами, Аристотель не

всѣмъ гражданствомъ государственной власти, въ зависимости отъ такой или иной ея организаціи (отъ того мѣста, какое въ ея составѣ принадлежитъ „демосу“, т. е, вѣчу, совѣту, судебнымъ учрежденіямъ, должностнымъ лицамъ или коллегіямъ, отъ соотношеній между вѣчемъ и другими „властями“,—отъ способовъ ихъ замѣщенія, въ смыслѣ, напр., ограниченія или расширенія активнаго или пассивнаго избирательнаго права, преобладанія выборовъ или жеребьевки, и т. п.); къ тому же оба эти момента представляются не необходимо совпадающими одинъ съ другимъ (т. е. заявляющими себя иногда и раздѣльно,—какъ и вообще возможны самыя пестрыя смѣшенія демократическихъ и олигархическихъ моментовъ въ устройствѣ государства, не говоря уже о томъ, что, напр., „политія κατὰ νόμους не δημοτική“ иногда πολιτεύεται δημοτικῶς—διὰ τὸ ἔθος καὶ τὴν ἀγωγήν, и т. п.). И демократія, и олигархія распадаются у Аристотеля на нѣсколько видовъ, при чемъ переходящая, съ одной стороны, въ охлократію, демократія, съ другой стороны, переходитъ въ „политію“, политія же сближается съ аристократіей, къ которой, въ свою очередь, близка олигархія; такимъ путемъ демократія сближается у Аристотеля съ олигархіей,—и именно на почвѣ его „политіи“, которая, даже и въ самомъ наименованіи своемъ (ср. pol. 1297 b. Eth. N. 1160 a, а также Ditt. 105, 30 sqq., если, впрочемъ, надежно возстановленіе Köhler'a), была отвлеченіемъ сдѣланнымъ тоже на почвѣ дѣйствительности. Но равнымъ образомъ и βασιλεῖαι (которыя „уже не возникали“ вновь во времена Аристотеля, 1313 a) у Аристотеля не только противопоставлялись, но и сопоставлялись и сближались съ тираннидами (особенно поскольку и тѣ, и другія распадались опять-таки на различныя εἴδη), и оба эти рода монархіи оказывались, въ своихъ болѣе существенныхъ (не случайныхъ) чертахъ, въ своемъ болѣе-теоретическомъ (не практическомъ) значеніи, выраженіями „самой крайней олигархіи“ или „аристократіи“—въ смыслѣ устройства государственной власти, государственнаго управленія, на основѣ переходившей или въ аристократію, или въ охлократію демократіи, или даже на основѣ „политіи“—въ смыслѣ вообще государственнаго устройства. Всѣ эти и мало примиренныя между собою, и мало примиряющія собою теорію и практику раздѣленія и сближенія аристотелевой Политики находятъ себѣ объясненіе (помимо конечно fatorum libelli) въ тогдашней политической жизни еллиновъ, какъ она рисуется намъ не только въ литературѣ, но и въ офиціальныхъ актахъ (и при томъ въ ихъ какъ реальномъ, такъ и формальномъ содержаніи). Если, напр., въ узаконеніяхъ не только VII или V, но и III—II ст. до Р. Х. мы встрѣчаемся иногда съ ἀριστίνδην въ примѣненіи къ выборамъ, обыкновенно ἐκ πάντων (Ditt. 52. 304. Mich. 3; ср. πλουτίνδα καὶ ἀριστίνδα, CIGS I 188, также выборы, въ исключительныхъ случаяхъ, и ἀπὸ τιμημάτων, въ I в. до Р. Х., Ditt. 645. 653), а въ императорское время въ лаконскихъ и др. надписяхъ даже и съ ἀριστοπολειτία (λαβών, или εἰληφώς, τὰς τῆς ἀριστοπολειτείας τιμὰς κατὰ τὸν νόμον, иногда и ἀπὸ τοῦ δήμου, ср. ἀριστοπολειτευτάς, ἀριστίνδης BCH I 379, и пр.; надписи эти перечисляетъ Brandis, *Pauly-Wissowa*, II 1008 f.,—объясняютъ ихъ лучше всего политическія стихотворенія Исилла, GDI 3342), то терминъ ἀριστοκρατία не только никогда не употребляется, но даже и не предусматривается тогдашнею офиціальною терминологіею; зато мы не разъ встрѣчаемъ здѣсь ὀλιγαρχία, и обыкновенно въ томъ же сосѣдствѣ, какъ и въ аристотелевой Политикѣ. Такъ, въ аѳинскомъ договорѣ 362 1 г., Ditt. 105, 25 sq. кажется смѣло можно читать: ἐὰν δέ τις... τὸν δῆμον [καταλύῃ τὸν Ἀθηναίων ἢ τύραννον κα]θιστῇ ἢ ὀλι[γαρχίαν (ср ψηφίσματα въ нашемъ текстѣ Андокида, myst. 96 sq.: ὃς ἂν καταλύσῃ τὴν δημοκρατίαν, καὶ ἐάν τις ἄρξῃ τινὰ ἀρχὴν καταλελυμένης τῆς δημο-

только не видѣлъ этого преобладанія въ началѣ того пути, но подмѣчалъ

κρατίας, καὶ ἐάν τις τυραννεῖν ἐπαναστῇ ἢ τὸν τύραννον συγκαταστήσῃ; ib. 78: ἐν τῇ ὀλιγαρχίᾳ); ср. Ditt. 163 (οἱ ἐν τεῖ ὀλιαρχίαι πολιτευόμενοι... νῦν δὲ ὅ τε δῆμος κατελήλυθε καὶ τοὺς νόμους καὶ τὴν δημοκρατίαν ἀ[πείλη]φε). 139 (οἱ ἐν τῇ ὀλιγαρχίᾳ, передъ ними—τύραννος, послѣ—ὁ δῆμος). Mich. 524 (τὸν τύραννον ἢ τὸν ἡγεμόνα τῆς ὀλιγαρχίας ἢ τὸν τὴν δημοκρατίαν καταλύοντα, ἐπὶ τυράννου ἢ ὀλιγαρχίας); ср. также формулы договоровъ, предусматривавшія попытки καταλύειν обыкновенно τὸν δῆμον, или δαμοκρατίαν, но, напр., и τὸν ἄρχοντα ὃν εἵλοντο Θετταλοί (ἢ τύραννον καθιστάναι ἐν Θετταλίᾳ), или πολιτείαν (Ditt. 105. 108. Mich. 21), какъ и συμμαχία Κορκυραίων καὶ Ἀθηναίων и т. п. съ одной стороны и σύνθηκαι Ἀμύνται τῷ Ἐρριδαίου καὶ Χαλκιδεῦσι (или о Діонисіи, архонтѣ Сикеліи: εἶναι συμμάχος αὐτὸν καὶ τοὺς ἐκγόνους τοῦ δήμου τοῦ Ἀθ.) съ другой (Ditt. 33. 77 sqq. 90. 95. 114) Т. о., согласно съ Аристотелемъ, и офиціальные документы и IV, и слѣдующихъ столѣтій (какъ, конечно, и историки тѣхъ временъ и другіе тогдашніе писатели) говорятъ намъ какъ о демократіяхъ, или демосахъ, такъ и объ олигархіяхъ и о тираннахъ, а также и о царяхъ, по крайней мѣрѣ „варварскихъ“ (т. е. о царствахъ—не такихъ, какъ лаконское, ср. pol. 1285 a sqq.). Надписи, какъ и писатели очень часто говорятъ намъ (опять-таки въ согласіи съ Аристотелемъ) и о совершавшихся то тамъ, то здѣсь олигархическихъ, тираннических или демократическихъ государственныхъ переворотахъ. Но именно статистическій обзоръ всѣхъ этихъ извѣстій (въ связи, конечно, съ ихъ критическимъ разборомъ) какъ нельзя яснѣе показалъ бы намъ, что демократія (и именно больше въ смыслѣ аристотелевой демократіи, нежели политіи) была рѣшительно преобладавшей (количественно) цѣлью тѣхъ переворотовъ, и что демократія (если не въ смыслѣ аристотелевой демократіи, то въ смыслѣ аристотелевой политіи—ср. и πάτριος πολιτεία) была не только количественно, но и качественно доминировавшимъ, особенно устойчивымъ—если даже не основнымъ—моментомъ въ общей исторіи тѣхъ μεταβολῶν. Достаточно краснорѣчивы въ этомъ смыслѣ уже однимъ своимъ количествомъ идущія съ нач. VI в. ψηφίσματα съ ихъ ἔδοξε τῷ δήμῳ и т. п. (иногда безъ τῇ βουλῇ и т. п., или какъ въ аѳинской надписи VI в.—съ прибавкой лишь въ концѣ: ἐπὶ τες β[ολες..., *Ath. M.*, XXIV 321, ср. и Fράτραι τοῖς Fαλείοις; граждане или даже вѣче нерѣдко упоминаются въ политическихъ актахъ даже и рядомъ съ тираннами, „архонтами“, царями“, ср. Ditt. S. 10. 90. 108. 203. 208. 217 sq. 262 OGI 218. Mich. 1084). Вообще, что касается организаціи государственной власти въ еллинскихъ государствахъ, организація эта, конечно, не только могла выражать собою, но и не могла не выражать собою такъ или иначе и демократическія, и олигархическія (или аристократическія), но и монархическія тенденціи, причемъ непрерывно колебалось равновѣсіе между ними; но самая выработка этой организаціи могла зависѣть и отъ очень многихъ условій, реальнаго или формальнаго характера, не стоявшихъ въ прямой, непосредственной связи съ побѣдой въ государственной жизни той или иной политической партіи, или даже тѣхъ или иныхъ (демократическихъ и т. д.) тенденцій,—такъ что, напр., подмѣченный Аристотелемъ и другими древними и новыми учеными процессъ демократизаціи государственной власти въ доаристотелевской Елладѣ въ значительной мѣрѣ могъ сводиться просто къ детальному выясненію или опредѣленію функцій этой власти, демократической уже въ самой своей природѣ. Что же касается до смѣны демократіи олигархіею или олигархіи демократіею въ смыслѣ не такой или иной организаціи государственной власти, а въ смыслѣ ограниченія или расширенія круга гражданъ—носителей ἀρχῆς, то практически такая μεταβολή сводилась конечно къ побѣдѣ одной политической партіи,

даже слѣды лишь постепеннаго выступленія на тотъ путь возобладавшихъ потомъ тенденцій: его Политика и ввела поэтому въ обиходъ науки представленіе не только о постепенной демократизаціи политическаго строя

т. е. одной части гражданъ надъ другою, при чемъ—и это чрезвычайно характерно—за той побѣдою слѣдовала непремѣнно если не физическая, то гражданская смерть (т. е. если не θάνατος, то ἀτιμία) побѣжденныхъ, и именно въ формѣ φυγή (эти же σφαγάς и φυγάς, этихъ же ἀτίμους или φυγάδας имѣетъ въ виду и знаменитый законъ Солона, Plut. Sol. 19, ср. Andoc. I 78. 106 sqq. и Isocr. XII 258 sq. Polyb. IV 17, 4; сюда же примыкалъ конечно (ср. pol. 1284 a sq., и о сиракусскомъ петалисмѣ—Diod. XII 86 sq.) и остракисмъ и тираноктонія (ср. Ditt. S. 139. OGI 8. 218; изъ этихъ надписей, кстати сказать, видно, какъ тираннія практически сближалась съ ἀρχή πλειόνων ἑνός, т. е. съ олигархіей, ср. и Ἑρμίαν καὶ τοὺς ἑταίρους, Ditt. S. 122, ib. 292, а также и аѳинскихъ Десять, Тридцать, Четыреста—ср. и Ael. v. h. V 13,—или 12 и 360 „архонтовъ" ѳасійскихъ, Mich. 870 s., *Jacobs*, Thasiaca, 34 sqq.). Поэтому въ указанномъ отношеніи смѣна олигархіи (или аристократіи) демократіею или наоборотъ—была лишь замѣной аристократичной и по своимъ тенденціямъ, и по своему личному составу демократіи демократичною, или обратно, т. е. сводилась въ сущности къ смѣнѣ демоса одного состава демосомъ другого состава; и какой бы насильственный характеръ ни имѣли иногда эти μεταβολαί, какъ бы онѣ вообще ни выражались практически или фактически, какъ бы ни были онѣ не безразличны и для внутренней политики вообще, и для самой организаціи устройства государства,—теоретически (или юридически) мы можемъ сближать ихъ съ тѣми μεταβολαί, какія были болѣе или менѣе обычны и спокойно-текшей жизни эллинскихъ государствъ-гражданствъ, то принимавшихъ въ свой составъ новое лицо или группу лицъ, то исключавшихъ того или другого гражданина или ту или другую группу гражданъ изъ своего состава (ср. § 3, прим. 13 и § 6, прим. 2).—Къ сожалѣнію, уясненіе всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ свѣдѣній нашихъ объ эллинскихъ политіяхъ, съ затронутыхъ здѣсь точекъ зрѣнія, послѣ труда *Tittmann*, Darstellung der griechischen Staatsverfassungen, 1822, сдѣлало нѣкоторые успѣхи только въ смыслѣ полноты (наиболѣе, впрочемъ, полезный въ этомъ смыслѣ общій трудъ—*Gilbert*, Handb. d. griech. Staatsaltertümer, II. Bd, за двадцать лѣтъ не успѣлъ еще дождаться новаго изданія, дополненнаго и исправленнаго на основаніи новаго, громадной важности, эпиграфическаго матеріала), но не въ смыслѣ цѣльности (если не считать отрывочныя и не отчетливыя замѣчанія въ книгѣ *Schvarcz*, Die Demokratie, II, S. V ff.; еще менѣе во всякомъ случаѣ отчетливы *Greenidge*, A Handb. of Gr. Constitut. History, 1896, или *Hammond*, The Polit. Institutions of anc. Greeks, 1895); изъ относящихся сюда монографическихъ работъ слѣдуетъ отмѣтить прежде всего изслѣдованія по исторіи или древностямъ очень многихъ отдѣльныхъ греческихъ государствъ, помимо уже, разумѣется, аѳинскаго или лакедэмонскаго, затѣмъ, напр., *Swoboda*, Die griech. Volksbeschlüsse, 1890; *Usteri*, Ächtung u. Verbannung im griech. Rechte, 1903; *Whibley*, Greek Oligarchies, 1896; *С. Жебелевъ*, Ἀχαϊκά. Въ области древностей провинціи Ахаіи, 1903; *Liebenam*, Städteverwaltung im röm. Kaiserreiche 227 ff. Въ сопоставленіи (весьма полезномъ) съ соотвѣтствующими формами государственнаго устройства у другихъ народовъ разсматриваетъ греческія политіи (безъ достаточной и теоретической, и практической, т. е. исторической отчетливости) *Roscher*, Politik: Geschichtliche Naturlehre d. Monarchie, Aristokratie u. Demokratie, 1892.

въ Елладѣ, но даже и о смѣнѣ въ древнѣйшей Елладѣ монархій (царствъ) аристократіями или олигархіями, олигархій же—чрезъ эпизодическое посредство тираннидъ—демократіями[13]). Это представленіе, или наблюденіе Аристотеля было, конечно, вѣрнымъ—но только отчасти, только условно. Не говоря уже о томъ, что подмѣченный Аристотелемъ процессъ далеко не былъ послѣдовательнымъ (и во времени, и особенно въ пространствѣ),—если имѣть въ виду не государство вообще, но и не устройство лишь государственной власти (всегда, однако, представлявшее собою если и не демократію, то смѣшанную политію), а собственно государственное устройство, отграничивая при этомъ моменты болѣе-существенныя отъ болѣе-внѣшнихъ или отъ болѣе-формальныхъ, то окажется, быть-можетъ, что не только практикѣ временъ Аристотеля, но и практикѣ всѣхъ сколько-нибудь доступныхъ историческому воспроизведенію временъ еллинской политической жизни соотвѣтствовала именно его теорія о гражданахъ—носителяхъ государственной власти, т. е. что изъ трехъ моментовъ, постоянно комбинировавшихся и въ устройствѣ государства, какъ въ устройствѣ государственной власти, одинъ былъ основнымъ, и этимъ основнымъ моментомъ былъ моментъ демократическій[14]). Иными словами: въ основѣ своей еллинское государство было всегда демократіей; но оно было всегда демократіей только въ своей основѣ; постройки-же возводились на этой основѣ самыя разнообразныя (какъ по замыслу, такъ и по выполненію); но онѣ возводились всегда именно на этой основѣ[15]).

---

[13]) Pol. 1273 b sq. 85 a sqq. 97 b. 98 b. 1302 a. 05 a. 13 a. Ср. Plat. Resp. 545 B sqq. Leg. 680 A sqq.

[14]) Ср. прим. 12.—Въ этомъ смыслѣ очень поучительна демократическая (вѣчевая) организація и еллинскихъ политическихъ дѣленій (филъ, фратрій, домовъ и т. п.) и культурныхъ (въ томъ числѣ и культовыхъ) или экономическихъ сообществъ (θίασοι, σύνοδοι и т. п.), являвшихъ (если имѣть въ виду всю исторію этихъ дѣленій или группировокъ) и въ своихъ личныхъ составахъ тотъ же двойственный характеръ—родовой и товарищескій, какъ и государства-гражданства (ср. *Ziebarth*, Gr. Vereinsw., 140 ff.); таковою же была и организація, напр., общинъ періэковъ лакедэмонскихъ (πόλιες πολλαί—какъ погомеровски говоритъ о нихъ Геродотъ, VII 234), или клеруховъ аѳинскихъ, или „колоній“ жившихъ въ чужой землѣ земляковъ—характерно, что такія колоніи-землячества, еллинскія и не еллинскія, потомъ называли себя иногда πολίτευμα, OGI 192. CIG 5361. IGSI 701. *Rev. arch.*, XXXV (1899) 44. Tebt. pap. I n. 32.

[15]) Тому, что еллинское государство оставалось всегда вѣрно себѣ, своей—демократической—основѣ, обязано происхожденіемъ своимъ намѣченное отчасти уже у Платона (въ сущности и у Аристотеля, несмотря на его критическое отношеніе къ тому, что говорится περὶ τῶν μεταβολῶν Сократомъ Платоновой „Политіи“, pol. 1316 a) и раз-

Намъ, вращающимся въ заколдованномъ кругѣ практическихъ политическихъ и научно-обиходныхъ историческихъ представленій, трудно, конечно, освоиться съ мыслью, что—чѣмъ дальше, тѣмъ все больше, повидимому, демократизовавшееся—еллинское государство прямо и начало съ демократіи, и еще труднѣе усвоить мысль, что еллинское государство было демократіей и тогда, когда оно было царствомъ, или монархіей[16]). Но именно эта мысль, если допустить ее, проще всего объяснила бы намъ—иначе столь загадочное—политическое развитіе еллинскаго государства (т. е. всѣхъ еллинскихъ государствъ вмѣстѣ взятыхъ) въ его основныхъ, т. е. болѣе устойчивыхъ, менѣе случайныхъ чертахъ. Исторія организаціи государственной власти въ еллинскихъ государствахъ сводилась бы, такимъ образомъ, къ исторіи правоваго осуществленія (или юридическаго выраженія) этой въ идеѣ принадлежавшей

работанное особенно въ средней стоѣ (ср. *v. Scala*, Stud. d. Polyb., I 236 ff. *Schmekel*, Philos. d. m. Stoa, 76 ff.) ученіе объ ἀνακύκλωσις τῶν πολιτειῶν, прямо выставленное у Полибія VI 3 sqq. 57, ср. Cic. de rep. I 29. 42 sqq. II 25 Tac. ann. III 55. Въ теоретической своей постановкѣ или разработкѣ это ученіе могло, конечно, сближаться съ соотвѣтствующими метафизическими (какъ и мистическими) представленіями о существованіи космоса (макрокосма, какъ и микрокосма),—какъ могло оно примѣняться и вообще къ исторіи культуры, или къ исторіи литературы (ср. *Bernays*, Theophrastos' Schr. üb. d. Frömm., 43 f *Billeter*, Gr. Ansch. üb. d. Urspr. d. Kultur, 29 ff. *Norden*, Ant. Kunstpr, 245 f.); но о томъ, что въ болѣе-практическихъ своихъ моментахъ ученіе о круговращеніи политій было отвлечено отъ наблюденій надъ практикою еллинской политической жизни, свидѣтельствуютъ разныя частичныя его предвосхищенія—напр., γιγνόμενα καὶ ἀεὶ ἐσόμενα Θукидида III 82 sqq. ср. [Xenoph.] π. 'Αθ., 1, 5 sqq. 2, 19 sq. 3, 8 sqq.).—Въ существѣ дѣла ту роль, какую у Полибія (ср. VI 10. 18 43 sqq.) играетъ смѣшанная политія, или политія Ликурга,—ἵνα ἰσορροποῦν καὶ ζυγοστατούμενον ἐπὶ πολὺ διαμένῃ κατὰ τὸν τῆς ἀντιπλοίας λόγον ἀεὶ τὸ πολίτευμα (ср. Theogn. 671 sqq.),—играетъ въ политическихъ стихотвореніяхъ Солона рекомендуемая имъ политія (ср. также и Өеогнидову силлогу), какъ, конечно, въ политическихъ трактатахъ Платона или Аристотеля (и другихъ подобныхъ „законодателей") рекомендуемыя ими политіи.—Теорія о круговращеніи государственныхъ устройствъ (о ней, какъ объ „историческомъ законѣ", ср. *Wundt*, Logik, II, 2, 392 ff.) перешла отъ Полибія къ Маккіавелли (ср. Dilthey, *Arch. f. G. d. Philos.*, IV 642 ff.); какъ „правило" для политической исторіи культурныхъ народовъ Запада, принимаетъ ее (конечно, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями) *Roscher*, Politik, 12 f. Вообще теорія вѣчнаго историческаго круговращенія въ античной исторической мысли не играла (какъ часто думаютъ) ту же роль, какую въ новой играла теорія прогресса, а такъ же, какъ и въ новой исторической мысли, играла нѣкоторую роль лишь наряду съ теоріей прогресса: тѣмъ характернѣе примѣненіе ея тамъ въ наиболѣе полномъ и цѣльномъ видѣ именно къ исторіи политическаго строя.

[16]) О томъ, что греки не различали монархію и республику, видѣли республику и въ монархіи, говоритъ, но очень не отчетливо, *Bernatzik*, Republik u. Monarchie, 6 ff.

всегда совокупности гражданъ власти, и именно въ смыслѣ распредѣленія практики этой власти между представлявшимъ собою государственную власть вѣчемъ (демосомъ) и разными органами государственной власти, т. е. органами того же вѣча (демоса), иными словами—въ смыслѣ выдѣленія тѣхъ или другихъ подлежавшихъ осуществленію функцій государственной власти изъ сферы дѣятельности (или вѣдѣнія) вѣча и передачи ихъ (для осуществленія) отдѣльнымъ гражданамъ или группамъ гражданъ. Съ такой именно теоріей государственной власти мы встрѣчаемся обыкновенно и у еллинскихъ теоретиковъ политики,—но только тогда, когда этой теоріи достаточно наглядно соотвѣтствовала и практика; тѣ же теоретики слишкомъ мало, однако, были склонны видѣть осуществленіе ея и въ еллинскихъ монархіяхъ, особенно въ тѣхъ царствахъ, какими были первоначально всѣ еллинскія государства: господство одного надъ всѣми гражданами, особенно, конечно, господство пожизненное и наслѣдственное, положеніе этого одного среди всѣхъ, подобное положенію не главы товарищества (или дружества), а главы семьи, казалось имъ несовмѣстимымъ съ свободой или равенствомъ, этими необходимыми признаками демократіи[17]). Но, не говоря уже о томъ, что

[17]) Οὐ γὰρ ἄρχεται ἑνὸς πρὸς ἀνδρός, ἀλλ' ἐλευθέρα πόλις (δῆμος δ' ἀνάσσει διαδοχαῖσιν ἐν μέρει ἐνιαυσίαισιν, οὐχὶ τῷ πλούτῳ διδοὺς τὸ πλεῖστον, ἀλλὰ χὠ πένης ἔχων ἴσον, Eur. Suppl. 403 sqq., ср. Hel. 276: τὰ βάρβαρα γὰρ δοῦλα ὄντα πλὴν ἑνός)—это противопоставленіе постоянно, на разные лады. развивается и въ художественной, и въ научной литературѣ еллинской (особенно, конечно, аѳинской), съ тѣхъ поръ какъ царства окончательно отжили свое время, и возможны были развѣ лишь возникновенія тираннидъ (Arist. pol. 1313 a), т. е. στάσιές τε καὶ ἔμφυλοι φόνοι ἀνδρῶν μούναρχοί τε (Theogn. 39 sqq; но еще раньше, чѣмъ выработаться на почвѣ выясненія и опредѣленія собственно демократическихъ принциповъ политическаго быта,—такихъ, какъ liberté, ἐλευθερία, и наряду съ ней égalité, ἴσον (ἰσότης, ὁμοιότης), а также и fraternité, φιλία (ὁμόνοια,—но также οἰκειότης, συγγένεια—ср. противопоставленіе ἀρχὴ πολιτικὴ и δεσποτική, но и οἰκονομική),—т. е. на почвѣ ἰσονομίας (и ἰσηγορίας, и ἰσομοιρίας), это противопоставленіе монархіи и демократіи (хотя бы еще аристократичной) разрабатывалось на почвѣ εὐνομίης (не δυσνομίης)—какъ особенно у Солона (ср. 7 B.: εἰς δὲ μουνάρχου δῆμος ἀιδρείῃ δουλοσύνην ἔπεσεν) и у Ѳеогнида (ср. II. 1—П. Hes. Op. 248 sqq.). Правда, не рѣдко съ тою же рѣзкостью, съ какою монархъ, царь ли, или тираннъ, противопоставлялся демосу, проводилось обыкновенно и противопоставленіе царя тиранну, а иногда даже идеализовалась власть царя, какъ in abstracto, такъ и царя патріархальныхъ, героическихъ временъ; но и въ такомъ случаѣ царская власть сравнивалась съ властью главы дома, хотя уже не надъ рабами, а надъ семьею, надъ женою и дѣтьми, т. е. съ ἀρχὴ хотя и ἐλευθέρων, но не ἴσων, или съ властью родоначальника, старѣйшины (старшины), добраго пастыря и т. п.—Ср. *Rehm*, l. l., 15 ff. *Kaerst*, l. c. 5 ff. Zeller, *Stzb. d pr. Ak.*, 1887, 1137 ff *Duemmler*, Kl. Schr., I 115 ff. 157 ff. II 297 ff. *Nestle*, Eurip., 283 ff. *Joël*, Sokrates, II 73 ff. *Hirzel*, Ἄγραφος νόμος, 39 ff. *Pöhlmann*, A. u. G., 245 ff. Endt, *Wien. St.*, XXIV 1 ff.

этимъ теоретикамъ политики не чужда была и мысль о постепенномъ усиленіи царской власти на счетъ первоначальной свободы[18]), ихъ противопоставленіе монархіи и демократіи было больше оторваннымъ, чѣмъ отвлеченнымъ отъ практики, не только какъ ее собой являла исторія, но и какъ ее рисовали ихъ историческія представленія[19]). Не иначе какъ подъ управленіемъ царей выступаютъ передъ нами еллинскія государства на зарѣ своей исторіи, лишь только начинаетъ разсѣеваться окутывающій ее мракъ неизвѣстности; впослѣдствіи царствами остаются лишь немногія отдѣльныя—отставшія въ своемъ политическомъ, какъ и культурномъ, развитіи—государства на периферіи еллинскаго міра[20]); но

---

[18]) Ср. особенно Plat. Leg. 693 D sqq. Arist. pol. 1259 b (со ссылкой, м. пр., на анекдотъ объ Амасисѣ, Herod. II 172 sq.). 1310 b sqq. Въ томъ же смыслѣ характерны, конечно, и сообщенія и соображенія Аристотелевой Политики (ср. и π. Ἀθ., 3. 12 sqq.) о склонности царской и вообще единоличной власти, особенно поскольку она не пріобрѣтается, а переходитъ по наслѣдству, вырождаться во власть насильственную (въ ἀρχὴ уже не ἑκόντων, не βουλομένων), преслѣдующую не общее, а свое благо, не καλόν, а ἡδύ (ср. Plat. Resp. 565 D sqq. Leg. 693 E sqq. Polyb. VI 3 sqq.).

[19]) Въ этомъ отношеніи характеренъ, напр., разсказъ Платона, Leg. 684 A sqq., о взаимной присягѣ, при основаніи Аргоса, Мессены и Лакедэмона, царей и δήμων—цари обѣщались, за себя и наслѣдниковъ, не дѣлать свою власть βιαιοτέραν, а народы—не разрушать царскую власть, если цари будутъ вѣрны своей присягѣ (ср. Xenoph. de r. Lac., XV 7. Inst. Cyri VIII 5. Critias 120 C sqq.); еще характернѣе формально примкнувшее, вѣроятно, къ представленію о синойкисмѣ Θесея, объединившаго племена Аттики въ аѳинское гражданство ἐπ' ἴσῃ καὶ ὁμοίᾳ (какъ говорилось обыкновенно въ актахъ о симполитіи, или о принятіи въ гражданство, ср. Ditt. S. 426. OGI 229. *Szanto*, Gr. Bürgerr., 13 f.), представленіе объ этомъ царѣ, какъ объ основателѣ демократіи и въ смыслѣ уклоненія государственнаго строя отъ монархіи (тексты указаны у *Jacoby*, Das Marmor Parium. 84 f., ср. *В. П. Бузескулъ*, Аѳ. Пол. Ар., 280 сл.). Въ трагедіи аѳинской какъ Θесей, такъ и вообще древніе еллинскіе цари изображались очень часто не чертами „тиранна“ или „деспота“, а и чертами ἴσου ἐν ἴσοις ἀνδρός (Soph. Phil. 685), готоваго на привѣтъ представителей или представительницъ восточной культуры: ὦ πᾶν κράτος ἔχων χθονός, σύ τοι πόλις, σὺ δὲ τὸ δάμιον (т. е. l'état c'est toi, Aesch. Suppl. 365 sqq.) отвѣчать: πόλις οὐκ ἔσθ' ἥτις ἀνδρός ἐσθ' ἑνός (Soph. Antig. 734 sqq.), или рѣшать вопросъ: ἄρχει τις ἢ 'πὶ τῷ πλήθει λόγος (Soph. Oed. C. 66)—если не въ пользу исключительно второй, то и не въ пользу исключительно первой альтернативы (ср. *Hecht*, Wahrung d. kulturg. Kolorits im gr. Drama, I 8 f. 15 f. II 8 ff. *Nestle*, Euripides, 284 ff.). Подобныя представленія не выражаютъ, конечно, собою непосредственнаго, своевременно фиксировавшагося преданія (въ лучшемъ случаѣ могли они въ болѣе конкретныхъ чертахъ своихъ опираться на Гомера); но едва-ли, съ другой стороны, они сводились всецѣло къ простому, чисто формальному перенесенію на древнія времена сложившихся (или опредѣлившихся) лишь въ позднѣйшія времена отношеній.—И по Θукидиду, I 13, древнія βασιλεῖαι были хотя и πατρικαί, но ἐπὶ ῥητοῖς γέρασι.

[20]) Перечисляя ополченія „варваровъ“-эпиротовъ 429 г. Θукидидъ, II 80, упоминаетъ царей у Молоссовъ съ Атинтанами, у Параваевъ и у Орестовъ, Хаоновъ же

«цари» продолжаютъ существовать, не только—въ количествѣ притомъ двухъ—въ «политіи» лакедэмонянъ[21]), но и въ очень многихъ другихъ

(вождями которыхъ были ἐπ' ἐτησίῳ προστασίᾳ ἐκ τοῦ ἀρχικοῦ γένους Фотій и Никаноръ) и воевавшихъ вмѣстѣ съ ними Ѳеспротовъ онъ называетъ ἀβασίλευτοι; молосская царская династія продержалась (рядомъ съ басилеемъ сталъ потомъ „простатъ молоссовъ") до приблиз. 230 г.; въ концѣ того же вѣка выступаетъ на историческую сцену „царь" аѳамановъ, Аминандръ (ср. *Beloch*, Gr. G., III, 2, 99 ff. *Бузольтъ*, Гр. Др.², стр. XXV слл.). Подъ 426 г. Ѳукидидъ, III 111. 114, упоминаетъ басилея у Аграевъ Этоліи, впрочемъ ἐπικτήτου (ср. Polyb. XVIII 5). У ѳессалійскихъ племенъ царскую власть, обыкновенно лишь мѣстную, но иногда распространявшуюся и на всю Ѳессалію, перешедшую потомъ въ „династическую" (въ родовую олигархическую?) и „тиранническую", можно считать существовавшею если не до крушенія наслѣдственной тиранніи Александра ферскаго, то во всякомъ случаѣ до полов. V в. (ср. *Бузольтъ*, Гр. Др²., стр. XVI слл. *Meyer*, G. d. A. II 288 f. III 365 f. 608 ff. V 54 ff. Hiller, *Aus d. Anomia*, 1 ff. Swoboda, *Festschrift f. O. Hirschfeld*, 319 ff. Kern, *N. Jahrb. f. d. kl. Alt.*,XIII 18). У Геродота, III 136, упоминается басилей Тарантиновъ конца VI в.; въ Киренѣ наслѣдственная царская власть держалась почти до полов. V в. (*Meyer*, III 638 f.), въ кипрскихъ городахъ—до нач. III в. (*Beloch*, III, 2, 260 ff.). О царской власти у македонянъ въ связи съ вопросомъ о принадлежности македонянъ къ еллинамъ, ср. *Kaerst*, G. d. hell. Zeit., I 97 ff.—О царѣ аргивянъ, который могъ бы быть поставленъ рядомъ съ царями лакедэмонянъ, говорится въ разсказѣ Геродота, VII 149, о событіяхъ 480 г., впрочемъ въ анекдотическихъ (и отчасти ироническихъ) чертахъ этого разсказа; во всякомъ случаѣ, проще относить прекращеніе царской власти въ Аргосѣ, особенно какъ о немъ сообщалось у Діодора (VII 13 sq. V., ср. Paus. II 19 1 sq.), не къ VII или VI ст., а къ V. ко временамъ (479—64 г.) политической борьбы на фонѣ упоминаемаго у Геродота, IX 35, союза аргивянъ съ тегеатами противъ спартіатовъ (ср. *Busolt*, Gr. G., II² 113 ff.), нежели видѣть въ геродотовомъ басилеѣ „годичнаго магистрата" съ этимъ именемъ (*Busolt*, I² 624 f.), о существованіи каковаго въ Аргосѣ мы не имѣемъ пока никакихъ дальнѣйшихъ свѣдѣній.

[21]) „Аргивяне, искони любя ἰσηγορίαν καὶ τὸ αὐτόνομον, свели до минимума правà (ἐξουσίας) царей, такъ что потомъ оставалось только имя царское",—эти словà Павсанія, II 19. 2, подходятъ не столько къ аргивянамъ (до устраненія у нихъ „демосомъ" царской власти), сколько къ тѣмъ еллинскимъ государствамъ, которыя, переставъ быть царствами, могли однако говорить о себѣ какъ аѳиняне: βασιλεῖς ἀεὶ ἡμῖν εἰσιν (Plat. Menex. 238 D). Изъ такихъ государствъ βασιλῆς τιμή (GDI 3342) сравнительно наиболѣе полно сохранялась въ государствѣ лакедэмонскомъ, по крайней мѣрѣ (если не считать послѣдующихъ реставрацій царской власти) до Клеомена III (т. е. до его единоцарствія и политической реформы). Именно тѣмъ особенно поучительна царская власть въ славившемся своимъ консерватизмомъ лакедэмонскомъ государствѣ, что, постепеннно все больше урѣзываемая въ своемъ внѣшнемъ, практическомъ значеніи, она сама по себѣ или сама въ себѣ оставалась всегда нерушимой и неизмѣнной,—только содержаніе ея, съ соотвѣтствуюшей ему формой, все больше становилось формою, безъ соотвѣтствующаго ей содержанія: „одна эта власть остается такою, какою она была установлена съ самаго начала, какъ ни измѣнились и какъ ни измѣняются другія политіи", говоритъ о лакедэмонской царской власти Ксенофонтъ (r. L. 15, ср. Ages. 1, 4), сводившій ее къ жречеству и стратегіи (r. L. 13. 15), къ каковымъ двумъ пунктамъ сводила

политіяхъ, правда больше уже въ качествѣ переживанія на сакральной

ее и Политика Аристотеля, 1285 a sqq., тогда какъ Геродотъ еще сообщалъ, что цари были „одни" судьями πατρωούχου τε παρθένου πέρι (ἐς τὸν ἱκνέεται ἔχειν, ἣν μήπερ ὁ πατὴρ αὐτὴν ἐγγυήσῃ) καὶ ὁδῶν δημοσιέων πέρι, и что и усыновленіе совершалось передъ царями; очевидно, роль царей при эпидикасіи эпиклеры и при усыновленіи (ср. § 3, прим. 12) была такимъ же сакральнымъ переживаніемъ, какимъ въ Римѣ была потомъ роль понтификовъ (между ними и regis sacrorum. ср. и Q. R. C. F) съ comitia calata (arbitris pontificibus) при адопціи и вообще detestatio sacrorum (какъ и установленіе и охрана неприкосновенности дорогъ, поскольку онѣ, какъ и другія loca publica и вмѣстѣ sacra, не могли privata religione obligari, затрогивали собою компетенцію regis и вообще pontificum,—по предположенію И. В. Нетушила устроителей не моста, а „пути", т. е. ὁδοποιῶν, ср. Fest. v. Termino, Dion. A. R. II 74, также, можетъ быть, и новонайденную надпись о принадлежавшихъ recei правахъ-обязанностяхъ на архаическомъ cippus римскаго форума; ср. *Mommsen*. R. St.-R., III 20 ff. *Wissowa*, Rel. u. K. d R., 430 ff. *Нетушилъ*, Оч. р. г. др., I 23 сл. 338 сл. 684 сл; о римскомъ „дорожномъ правѣ" и сервитутахъ ср. *Cuq*, Les instit. jurid. d. R., 1., 270 ss.); ср. также запрещеніе аѳинскимъ эфебамъ выступать передъ судомъ πλὴν περὶ κλήρου καὶ ἐπικλήρου, κἂν τινι κατὰ τὸ γένος ἱερωσύνη γένηται (Arist. π. 'Αθ. 42; эти послѣднія дѣла подлежали вѣдѣнію басилея, ib. 57), и τελεαρχίαν въ Ѳивахъ, возвышеніе которой Эпаминондомъ εἰς μέγα καὶ σεμνὸν ἀξίωμα было быть-можетъ реставраціей этой ἀρχῆς (ср. τελεστά, οἱ ἐν τέλει), лишь выродившейся въ περὶ τοὺς στενωποὺς ἐκβολῆς κοπρίων καὶ ῥευμάτων ἀποτροπῆς ἐπιμέλειάν τινα (Plut. praec. r. ger. 15. Val. M. III 7, ext. 5); ср. вобоще—къ сожалѣнію не обслѣдованную еще въ полномъ объемѣ (для Аѳинъ ср. *Lipsius*, Att. R., 88 ff.)—ἐπιμέλειαν τῶν δημοσίων καὶ ἰδίων, ὅπως εὐκοσμία ᾖ, какъ она, распадаясь нерѣдко на μόρια πλείω, подъ разными названіями (Arist. pol. 1321 b sq. 1331 b. Plat. Leg. 758 E sqq.), развилась во многихъ еллинскихъ государствахъ, иногда расширяясь до censura, даже morum, иногда съуживаясь до одной cura viarum (ὁδοποιοί), или aquae, annonae; сюда относятся, напр., ἀστυνόμοι, ἀγορανόμοι (въ ѳеспійской надп. *G*DI 812 a они называются ἀγωνάρχυ; ἀγορανομεῖν въ смыслѣ руководительства вѣчемъ—въ ларисской надп. Mich. 41), или κρηνῶν ἐπιμεληταί, λιμενοφύλακες, σιτοφύλακες, μετρονόμοι и т. п., но также и γυναικονόμοι или παιδονόμοι, κόσμοι, μαστροί (также ареопагиты, по крайней мѣрѣ древнѣйшаго—ср. *Keil*, Solon. Verf., 98 ff.—и позднѣйшаго времени) или δαμοσιοφύλακες, μνήμονες и пр.; о дорогахъ заботятся и коринѳскіе πατέρες, какъ и δήμαρχοι въ аѳинскомъ государствѣ (Ulp. ad Dem. XXIV 112. Diog. L. VI 78. [Dem.] XLIII 57 sq.; ср. также Ditt. 510. 500. GDI 4629. Mich. 1353. Arist. π. 'Αθ., 50); ср. конечно римскихъ эдиловъ, но также и цензоровъ (и епископовъ „устава св кн. Володимира о церковныхъ судѣхъ"); о первоначально сакральномъ характерѣ дорожнаго права у грековъ ср. *E. Curtius*, Ges. Abh., I 39 ff.—Ср. еще „ликургову ретру" о θυρώματα домовъ (Plut. Lyc. 13. Ages. 26. de esu carn. II 6), которая первоначально могла такъ же имѣть въ виду свободу уличнаго движенія, какъ и тѣ законы о θύραι или θυρίδες, о какихъ читаемъ у Arist. π. 'Αθ., 50, oec. 1347 a, Polyaen. III 9, 30.—Геродотъ упоминаетъ еще о правѣ царей спартанскихъ выбирать себѣ по два Пиѳія (ср. аѳинскихъ πυθοχρήστους, имѣвшихъ, м пр., σίτησιν ἐν πρυτανείῳ, какъ Пиѳіи σιτέονται τὰ δημόσια, съ одной стороны, и паредровъ архонта, басилея, полемарха съ другой) и объявлять (ἀποδεικνύναι) προξείνους, изъ числа ἀστῶν,—вѣроятно простатовъ ξένων въ смыслѣ peregrinorum вообще (ср. роль по отношенію къ ξένοι аѳинскаго полемарха; поручи-

почвѣ[22]), и если въ политической памяти еллиновъ всегда хранились, т.

тельство за ξ. передъ полемархомъ, такъ часто упоминаемое въ нашихъ источникахъ, ср. *Lipsius* Att. R., 66,—поручительство, конечно, въ греческомъ смыслѣ этого юридическаго понятія, ср. *Hermann-Thalheim*, 104 ff.,—проливаетъ, кстати сказать, свѣтъ и на проксеновъ псотилійской надп. Mich. 1346; ср. ib. 3; характерно, быть можетъ, что проксены того типа, какой предполагается сообщеніемъ Геродота, т. е. не изъ ξένων, а изъ ἀστῶν, существовали еще, повидимому, лишь въ Олимпіи и Дельфахъ).—Двойственность царской власти, „дѣлавшая невозможною настоящую монархію" (*Roscher*, Politik¹, 138 f.), объяснялась какъ результатъ или синойкизма двухъ царствъ, или устраненія двумя изъ „басилеевъ" третьяго (или вообще другихъ), или компромисса между царемъ и выставившею другого царя знатью, или даже появленія, нѣкогда, согласно легендѣ, близнецовъ-наслѣдниковъ или вообще двухъ равноправныхъ претендентовъ на престолъ, наконецъ какъ прямое выраженіе тенденціи ослабить царскую власть; это послѣднее объясненіе (ср. *Holm*, Gr. G., I 210) нисколько не слабѣе другихъ: мы имѣли бы дѣло, въ этомъ случаѣ, съ явленіемъ аналогичнымъ, правда, не столько, напр., басилею и полемарху аѳинскимъ по Arist. π. 'Αθ. 3, или басилею и простату Молоссовъ, сколько двумъ простатамъ ἐκ τοῦ ἀρχικοῦ γένους Хаоновъ (ср. прим 20), или консуламъ (преторамъ) римскимъ, т. е. годичнымъ уже магистратамъ; но и въ этомъ случаѣ, какъ въ очень многихъ другихъ, позднѣйшая срочность могла просто соотвѣтствовать, т е. лишь явиться на смѣну —древнѣйшей пожизненности; дуализмъ же вообще вѣроятно недаромъ игралъ слишкомъ замѣтную роль какъ въ самомъ мышленіи (носившемъ нерѣдко агонистическій, или дихотомическій характеръ), такъ и въ представленіяхъ еллиновъ—въ ихъ миѳахъ и легендахъ, напр., о Діоскурахъ (слывшихъ, м. пр., и прообразомъ царей лакедемонскихъ) и другихъ полубожественныхъ близнецахъ, не то совмѣстно дѣйствовавшихъ, не то поочередно смѣнявшихъ другъ друга, не то враждовавшихъ между собою (ср. *Eitrem*, die göttl. Zwillinge b. d. Gr., 1904; сюда относятся, конечно, и Ромулъ и Ремъ, въ извѣстной мѣрѣ и Гармодій и Аристогейтонъ, ср. *Mücke*, Vom Euphrat zum Tiber, 3 ff).—Въ договорахъ (напр., у Ѳукидида) лакедемонское государство называлось обыкновенно οἱ Λακεδαιμόνιοι; но ср. Ditt. 214, гдѣ къ Λ. прибавляется καὶ 'Αρεύς или καὶ οἱ βασιλεῖς.—Къ сожалѣнію, спеціальныя и случайныя сообщенія античной литературы о царяхъ лакедемонскихъ еще не изучены съ достаточной полнотой и отчетливостью, между прочимъ и съ сравнительно-исторической точки зрѣнія (литература указана у *Hermann-Thumser*, 156 ff., и *Busolt*, Gr G , I² 544 ff.; ср. Schoeffer, *Pauly-Wissowa*, III 62 ff.); въ частности нельзя не пожалѣть, что осталось лишь начатымъ изслѣдованіе о царской власти у спартанцевъ *Duemmler*'а, Kl. Schr. II 359 ff.

[22]) Власть царей—читаемъ въ Политикѣ Аристотеля, 1285 b,—затрогивала всѣ стороны жизни государства, или гражданства (они καὶ τὰ κατὰ πόλιν καὶ τὰ ἔνδημα καὶ τὰ ὑπερόρια συνεχῶς ἦρχον—именно поскольку они были κύριοι τῶν θυσιῶν, судили τὰς δίκας, были κύριοι τῆς κατὰ πόλεμον ἡγεμονίας); съ теченіемъ времени одни права свои они растеряли сами (ср. π. 'Αθ., 3), другія были отняты у нихъ народомъ (отняли у нихъ ὄχλοι),—такъ что, гдѣ еще можетъ идти рѣчь о царской власти (т. е. въ лаконской землѣ), за царями осталось одно военное начальство въ походахъ (ἐν τοῖς ὑπερορίοις, militiae), въ прочихъ же государствахъ за царями оставлены были только αἱ πάτριαι (ὅσαι μὴ ἱερατικαί—т. е. не только исконныя, но и государственныя, общегражданскія) θυσίαι.—Какъ переживаніе на сакральной почвѣ древней βασιλείας сравнительно болѣе ясно вырисовывается въ нашихъ источникахъ (восходившихъ отчасти и къ βασιλέως νόμος,

о., воспоминанія о царяхъ сѣдой старины, то историческая ихъ память

[Dem.] LIX 76. Poll. III 39. IX 35. Athen. VI 234 f sqq.; ср. особенно Arist. π. 'Αθ. 57) βασιλεύς въ Аѳинахъ, занимавшій потомъ второе мѣсто въ ряду „девяти архонтовъ". Въ завѣдываніи басилея остались здѣсь празднества (жертвоприношенія, помпы, дѣйства, хоры, агоны, трапезы) гражданства-племени (ἱερὰ δημοτελῆ, шедшія изстари, повидимому изъ царской еще эпохи (въ томъ числѣ и элевсинскія мистеріи), празднества же гражданства собственно какъ войска (ср. походныя жертвоприношенія лакедэмонскихъ царей-стратеговъ) отошли уже (и поступали и потомъ) къ полемарху, какъ и завѣдываніе устанавливавшимися потомъ (послѣ упраздненія царской власти, т. е. послѣ появленія архонта) празднествами гражданства (не какъ войска) возлагалось уже на „архонта" (ср. Plat. Polit. 290 C). „Дабы богамъ совершалось все установленное, благочестно, безъ всякихъ отмѣнъ и измѣненій" ([Dem.] LIX 74 sq.), рядомъ съ басилеемъ выступала—по крайней мѣрѣ на „болѣе древнихъ" празднествахъ Діониса—и супруга басилея, βασίλισσα, совершавшая, м. пр., въ т. наз. Βουκόλιον обрядъ соединенія съ Діонисомъ (Arist. π. 'Αθ. 3. [Dem.] ibid.). За басилеемъ осталось и управленіе (но именно только управленіе, а не распоряженіе, которое отошло къ „совѣту и народу") имѣніями государственныхъ святынь (Arist. ib. 47. Ditt. 20. 550. 568. 587. 789). Къ басилею восходили и споры о замѣщеніи жреческихъ должностей (Ar. ib. 57, ср. 42, 5; онъ разбиралъ и всѣ притязанія родовъ и жрецовъ ὑπὲρ τῶν γερῶν (именно такъ, а не ἱερῶν, слѣдуетъ читать у Аристотеля, 57, 2—смыслъ ясенъ изъ такихъ надписей, какъ Ditt. 615 sqq.). Басилею заявлялись обыкновенно и обвиненія въ „нечестіи", и (отчасти въ связи съ тѣмъ) къ нему же направлялись также и всѣ дѣла объ убійствѣ (δίκαι φόνου—прибавка въ законѣ: τραύματος, φαρμάκου, πυρκαϊᾶς, первоначально, повидимому, лишь обозначала отдѣльные виды φόνου,—ср. legem Corneliam de sicariis et venef., Ulp., Coll. l. M. et R. 12, 5, или mordbrenere, mortbrenner Саксонскаго и Швабскаго зерцалъ), всегда разсматривавшіяся въ Аѳинахъ больше съ религіозныхъ, нежели съ юридическихъ точекъ зрѣнія, чѣмъ объясняется и особенное обиліе архаическихъ чертъ въ судоустройствѣ и судопроизводствѣ по этимъ дѣламъ, но зато и болѣе непосредственное участіе басилея въ судебномъ разбирательствѣ по нимъ (собственно за басилеемъ съ филобасилеями осталось произнесеніе приговора лишь надъ не обнаруженнымъ убійцей или надъ причинившими смерть прочими животными и неодушевленными предметами, первоначально не столько, вѣроятно, въ религіозныхъ, сколько въ практическихъ цѣляхъ, т. е. въ цѣляхъ устраненія дальнѣйшей опасности, ср. Poll. VIII 120. BCH I 139; ср. недавно отмѣненный англійскій законъ, отдававшій Богу и животное, и дерево или колесо, если ими причинена смерть, *Тэйлоръ*, Первоб. культура, I[2] 255.)—Въ милетскомъ законѣ III в., Ditt. 627, ἱέρεως получаетъ γέρεα и κωλῆν отъ жертвенныхъ животныхъ—„если не беретъ басилей" (отсюда, конечно, и аѳинскіе κωλακρέται); на Хіосѣ басилей совершаетъ, въ V в., τὰς νομαίας ἐπαράς (Mich. 1383; въ другой хіосской надписи, Ditt. 571, заявленія о пасущихъ скотъ или выбрасывающихъ мусоръ ἐν τοῖς ἄλσεσιν предписывается дѣлать πρὸς τοὺς βασιλέας); въ Калхадонѣ басилей совершаетъ ἄνθεσιν, посвященіе во жреца купившаго себѣ этотъ санъ (Ditt. 596; ср. GDI 3054 sq.); какъ эпонимъ басилей отмѣчается въ надписяхъ и другихъ мегарскихъ колоній, какъ и самихъ Мегаръ (CIGS I 1 sqq. 188. 223. IOSPE I 185 sqq.), также Ольвіи (ib. 53) и Самоѳраки (Ath. M. XVIII 356 ff. *Новосадскій*, Культъ кавировъ, 86 сл.; ежегодныя празднества здѣсь въ честь царя Лисимаха народъ постановилъ совершать „девяти архонтамъ", Ditt. 190). На Косѣ (и только на Косѣ) эпонимомъ былъ μόναρχος, игравшій какую-то

не уберегла, повидимому, почти никакихъ конкретныхъ воспоминаній

роль и въ нѣкоторыхъ празднествахъ, на одномъ изъ коихъ выступали также со своими жертвоприношеніями и басилеи и ихъ γερεαφόρος (*Prott-Ziehen*, Leges Gr. sacrae, I, 5. 11. Ditt. 616); кромѣ Коса, Хіоса, также Аѳинъ (φυλοβασιλεῖς), басилеи (во множ. ч.) упоминаются въ Элидѣ (I. v. Ol. 2=Solms. GID 38), въ Митиленѣ (GDI 214 sq. Stob. fl. 44, 22), Кимахъ (Plut. qu. gr. 2), Кизикѣ (CIG 3663 ab. A. M. VI 45 ff. XVI 438); о басилеѣ или басилеяхъ на Сифносѣ говоритъ Исократъ, XIX 36; только почести царскія, лишенныя всякаго политическаго значенія, да имя басилеевъ сохранялись, повидимому, за потомками древнихъ царей въ Эфесѣ, Скепсисѣ, вѣроятно и въ Эриѳрахъ (Strab. 607. 633. Diog. L. IX 6; такого же происхожденія было, быть можетъ, и прозваніе βασιλεύς Гераклида изъ Клазоменъ, Arist. π. 'Αθ. 41), тогда какъ Пріенцы (по Страбону, 384) выбирали себѣ басилея спеціально лишь для празднованія Паніоній. Такого рода басилеевъ имѣетъ въ виду Аристотель, pol. 1322 b, когда, опредѣляя различные виды ἀρχῶν и въ частности ἐπιμελείας по отношенію къ богамъ, онъ говоритъ объ ἐπιμέλεια, опредѣленной πρὸς τὰς θυσίας κοινὰς πάσας, совершеніе коихъ возлагается закономъ не на жрецовъ, а на имѣющихъ τὴν τιμὴν ἀπὸ τῆς κοινῆς ἑστίας: такіе архонты зовутся— прибавляетъ Аристотель—у однихъ басилеями, у иныхъ—пританами. Это названіе— πρύτανις (эол. πρότανις, ср. praetor) могли носить, въ свое время, и цари (наряду съ ἀρχαγέται, βαγοί, ταγός и т. п.),—ср. πρυτανεῖα, вмѣстѣ и κοιναὶ ἑστίαι (ср. Preuner, *Rosch. Lex. d. Myth.*, I 2629 ff.),-какъ, съ другой стороны, древняя царская власть, въ сакральныхъ своихъ моментовъ, могла переживать въ ἀρχαί, носившихъ не то названіе, какое носилъ въ свое время царь; ср. не только сакральныя функціи, но и вообще сакральный характеръ должности архонта въ Ѳивахъ или въ Платэяхъ (Plut de gen. Socr. 31. Arist. 21); ср. также стефанефора и эпонимнаго архонта Сиросцевъ, σὺν ἀρχείνῃ совершавшаго (въ III в по Р. Х.) жертвоприношенія Ἑστίᾳ πρυτανείᾳ и прочимъ всѣмъ богамъ и богинямъ, IG Ins. V 659 sqq. (ср. и теносскаго архонта съ его συναρχίς, Le Bas II 1835, а также мѣсячныхъ пританoвъ галикарнасскихъ, на которыхъ и на женъ которыхъ возлагалась забота о жертвоприношеніи, Ditt. 601). Съ κοινὴ ἑστία государства-гражданства стояли въ связи, конечно, и агоны λαμπάδων, которыми всѣми завѣдывалъ въ Аѳинахъ басилей (Arist. π. 'Αθ., 57). Отъ общественной же, но не государственной, т. е. не общегражданской, ἑστίας имѣли свою честь и басилеи (во множ. ч.), гдѣ они существовали,—въ которыхъ слѣдуетъ видѣть, вѣроятно, переживаніе мѣстныхъ или племенныхъ (частноплеменныхъ) царей, вродѣ тѣхъ, какихъ (съ однимъ изъ нихъ, какъ primus inter pares, во главѣ) предполагаютъ иногда гомеровскія поэмы, какихъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду и Гесіодъ, а также Аристотель, когда онъ говорилъ, что πόλεις составились ἐκ βασιλευομένων, т. е. изъ κωμῶν, представлявшихъ собою и συγγενείας (pol. 1252 b, ср. Plat. Leg. 680 B sqq.; ὅρ μέγιστον τέλος ἔχοι (ср. qui praetor maximus sit, Liv. VII 3, 5) καὶ τοὶ βασιλᾶες древней (нач. VI, если не VII в.) ретры Элейцевъ (I. v. Ol., 2=Solms. IGD 38) тоже, вѣроятно, считается съ такими басилеями; ихъ потомъ замѣнили или оттѣснили собою, не говоря уже объ общегосударственныхъ властяхъ, фратріархи, демархи и т. п.; ср. ταγοὺς Лабіадовъ (Ditt. 438), или κωμαρχοῦντα ἀπὸ ἐτέων πλειόνων καὶ προιστάμενον τῶν τε ἱερῶν καὶ τῶν δημοσίων ὁσίως καὶ δικαίως—τῶν κατοικούντων ἐν Σαλυμβρίᾳ, GDI 3069 (эти цари, во множ. ч., конечно не были непремѣнно лишь результатомъ синойкизма, соединенія нѣсколькихъ царствъ въ одно, хотя бы и послѣ предварительнаго распаденія или раздѣленія одного царства на нѣс-

о разрушеніи троновъ этихъ царей[23]); зато отъ времени до времени опять

сколько; они могли оказаться во главѣ и отдѣльныхъ частей, отдѣльныхъ δήμων, единаго государства, управляемаго царемъ). Близкая аналогія къ аѳинскому басилею (архонту) съ его басилиссой указывается, конечно, въ rex sacrorum съ его regina; но во многихъ частныхъ чертахъ своихъ еще болѣе близкую аналогію представляетъ собою flamen Dialis со своею flaminica.—Переживанія въ Элладѣ царской власти на сакральной почвѣ, даже и спеціально аѳинскія, не говоря уже о другихъ, или обо всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ, обслѣдованы пока еще слишкомъ недостаточно (ср *Schoemann-Lipsius*, Gr. A., I 120 ff. 145 f. 441 ff. II 423 f. Schoeffer, *Pauly-Wissowa*, III 66 ff. *Lipsius*. Att. R., I 18 ff. 61 ff. 122 ff.; монографія *Hauvette-Besnault* de archonte rege, 1884, устарѣла во всѣхъ отношеніяхъ), какъ и вообще драгоцѣннѣйшій матеріалъ, какой заключаютъ въ себѣ для воспроизведенія древнѣйшаго политическаго (и въ частности политико-соціальнаго) быта эллиновъ наши данныя о культѣ и особенно о празднествахъ (состоявшихъ и не состоявшихъ въ вѣдѣніи басилеевъ), аѳинскихъ и не-аѳинскихъ (напр. косскихъ), съ этого конца слишкомъ еще мало затронутъ научною работою.—Остается не разъясненнымъ и происхожденіе слова βασιλεύς, его производятъ отъ βαίνω и λεύς, λαός, т. е. herizogo, воевода (G. Curtius): отъ βόσκω и λ., т е. gôpâ' jánasya, ποιμὴν λαῶν (*G. Meyer*, Gr. Gr[2]., 65), отъ βαίνω и λαϝα—камень, на который всходили, какъ у германцевъ, новые цари, чтобы показать себя народу (*Kuhn*, Ind. St. I 334; ср. камень, передъ στοὰ βασίλειος, съ котораго произносили свою присягу—править по законамъ аѳинскіе архонты, Ar. π. 'Αθ. 7. 55. Plut. Sol. 25. Harp. λίθος, даже отъ βασι=gimtis, chunni, gens, т. е. chuning, kōnig, князь, собственно глава рода или племени (Wiedemann, *Kuhns Z.*, XXXIII 163); *Wilamowitz*, Ar. u. Ath., II 136, считаетъ слово βασιλεύς заимствованнымъ въ греческомъ языкѣ, и сначала въ формѣ βασιλῆες (множ.).

[23]) Только тѣмъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ медленнымъ, постепеннымъ, въ общемъ эволюціоннымъ процессомъ, хотя бы и сопровождавшимся эксцессами или выражавшимся и въ революціяхъ (но и въ частичныхъ реставраціяхъ), а не фрагментарностью нашей традиціи эллинской исторіи или сказывавшимся въ этой традиціи вообще перерывомъ между миѳомъ и исторіей, объясняется поразительная количественная скудость и качественная неотчетливость и неустойчивость (чтобы не сказать—очевидная измышленность) дошедшихъ до насъ свѣдѣній о послѣднихъ царяхъ эллинскихъ государствъ, хотя, казалось бы, о такихъ фактахъ, какъ упраздненіе царской власти, изгнаніе или удаленіе царей, должны были такъ или иначе говорить мѣстные историки (ср. о нихъ—нуждающіяся въ переработкѣ—сопоставленія Voigt'a, *Jahrb. f. cl. Ph.*, XXVII. S.-B., 699 ff.) или, напр., Политія Аристотеля (ср. эксцерпты Гераклида), „археологіи" Павсанія (о ихъ схемѣ ср. *Gurlitt*, Pausanias, 25 f.); и положенія свои περὶ μοναρχίας, ἐξ ὧν τε φθείρεται καὶ δι' ὧν σῴζεσθαι πέφυκεν, въ Политикѣ, 1309 a sqq., Аристотель иллюстрируетъ примѣрами изъ исторіи даже ѳракійскихъ или восточныхъ царствъ, но не древнихъ эллинскихъ (что едва ли можетъ быть объясняемо только подборомъ болѣе близкихъ по времени и потому болѣе ясныхъ и болѣе практичныхъ сюжетовъ). Но особенно краснорѣчивымъ (хотя и отрицательнымъ) подтвержденіемъ и вмѣстѣ объясненіемъ отсутствія у эллиновъ подлиннаго (не измышленнаго) преданія объ отмѣнѣ царской власти можетъ служить то—блестящее если не въ выполненіи, то въ замыслѣ—изображеніе перехода въ Аѳинахъ отъ власти царя къ власти девяти архонтовъ, какое противопоставляется разнымъ противорѣчивымъ домысламъ о Кодрѣ или вообще послѣднемъ царѣ аѳинскомъ (ср. сопоставленія текстовъ, для объ-

возобновлялась у нихъ монархія—эсимнетовъ, архонтовъ, тиранновъ, титуловавшихся иногда и царями[24]). Итакъ, повидимому, не было неперехо-

ясненія которыхъ нужно привлечь и Ditt. 550, въ Ист.-фил. Изслѣдованіяхъ *Юбиля*, 1 слл. *Busolt*, Gr. G., II² 127 ff., также Jacoby, *Beitr. z. a. G.*, II 406 ff.) въ 3 гл. Аѳинской Политіи Аристотеля (ср. *В. П. Бузескуль*, Аѳ. Пол., 282 слл., *de Sanctis*, Ἀτθίς, 117 segg., гдѣ, м. пр., напрасно замѣняется другою гипотезою гипотеза Аристотеля о появленіи рядомъ съ царемъ полемарха, какъ рядомъ съ халифомъ султана или рядомъ съ микадо шогуна—другія аналогіи указаны у *Post*, Grundz. d. ethn. Jur., I 397 f.; въ общемъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло, кажется, не только съ выдѣленіемъ изъ сферы компетенціи царя отдѣльныхъ объектовъ его властвованія, но и съ противопоставленіемъ царской власти другихъ властей; и можно, кажется, сказать, что если басилей остался во главѣ гражданства какъ племени, то полемархъ сталъ во главѣ гражданства какъ войска, а архонтъ—во главѣ гражданства какъ личнаго союза, товарищества носителей государственной власти).

[24]) Политика Аристотеля не даромъ, конечно, не только противопоставляла, но и сближала басилеевъ и тиранновъ, м. пр., считая „т. наз. эсимнетію, тираннију по избранію", однимъ изъ видовъ царской власти, и отмѣчала—не въ качествѣ исключительныхъ фактовъ—появленіе и въ ея время если уже не царей, то вообще монарховъ, именно тирановъ (1284 a sqq. 1310 b sqq.); послѣдующіе теоритики еллинской политической жизни, когда такъ участились въ ней возникновенія тираній, возвела даже въ своего-рода правило для нея (для ея прошлаго и для ея если не настоящаго, то будущаго) временное „возстановленіе царской власти" (ср. Polyb. VI 3 sqq. Dion. A R., V 73 sq.). Быть можетъ, болѣе тщательное обслѣдованіе извѣстій нашихъ о тиранніи въ Елладѣ VII-VI в., въ общемъ ея значеніи, обнаружило бы довольно тѣсную и внѣшнюю, и внутреннюю связь между древней βασιλεία и этой тиранніей—подобно тому, какъ тѣсно примыкала къ прежней царской власти, напр., тираннія Ликофрона ферскаго и его преемниковъ или тираннія „Набія лаконца", „басилея Набія" (вѣроятно изъ рода Эврипонтидовъ; ср. Ditt. 272 sq. 285); ср., напр., извѣстія о Фейдонѣ аргосскомъ или о коринѳскихъ Бакхіадахъ и Кипселидахъ, но также и о Писистратѣ (м. пр., Эвполидъ, въ Δῆμοι, εἰσάγει Πεισίστρατον βασιλέα, Schol. Ar. Ach. 61; соправительство Писистратидовъ имѣетъ аналогію себѣ въ соправительствѣ Дейноменидовъ въ Сиракусахъ, но и Алевадовъ, „царей Ѳессаліи",—ср. τὸν Ληρισαῖον Θώρηκα καὶ τοὺς ἀδελφεοὺς αὐτοῦ, Herod. IX 58). Въ сущности царской властью была (или по крайней мѣрѣ бывала, тираннія въ сицилійскихъ государствахъ, особенно въ Сиракусахъ (особенно съ Діонисія старшаго),—недаромъ сицилійскіе тиранны титулуются иногда басилеями (ср. оды Пиндара и GDI 3231 f.; въ аѳинскихъ актахъ Діонисій ст. зовется архонтомъ Сикеліи, Ditt. 66. 89 sq.), какъ съ другой стороны подлинные цари въ греческихъ документахъ обозначались раньше (до времени Александра В.) просто по имени: Ἀμύντας (ὁ Ἐρριδαίου) и т. п., или по имени съ этническимъ обозначеніемъ: ὁ Θρᾷξ, ὁ Παίων и т. п. (Ditt. 33. 77 sq. 114). Ср. также ἄρχοντας Βοσπόρου καὶ Θεοδοσίης καὶ βασιλεύοντας Σινδῶν Μαιτῶν κτλ., потомъ, съ III в., титуловавшихся басилеями (Ditt. 127 sqq.; В. В. Латышевъ, IOSPE II p. XXV sq.; Ditt. 126: Λεύκωνα Παντικαπαίταν; ib. 129: ἀπέστειλε Σπάρτοκος καὶ Παιρισάδης). Къ αἰσυμνητεία, которую Аристотель опредѣляетъ какъ одинъ изъ видовъ царской власти и вмѣстѣ какъ тираннију по избранію (pol. 1285 a. 95 a, ср. Dion. A. R. V 73, но и Il. XXIV 347. Od. VIII 258, а также αἰσιμνάτας, αἰσυμνῶντας мегарскихъ и др. надписей, Toepffer, *Pauly-W.*, I 1088 ff.; какъ примѣръ такого „монарха"

димой пропасти, рѣзкаго разрыва въ развитіи между древнѣйшими царствами и позднѣйшими политіями еллиновъ. Правда, древніе цари рисуются намъ сильными своимъ матеріальнымъ могуществомъ, своимъ нравственнымъ авторитетомъ, а стало-быть и своимъ правомъ; но государственная власть никогда не является принадлежащею всецѣло царю: такъ или иначе царь дѣлится ею не только уже со старцами, или болярами, т. е. съ совѣтомъ, съ думою, но и со всѣмъ народомъ, т. е. съ вѣчемъ; правда, далеко не видное и не завидное мѣсто, наряду съ царемъ, отводятъ и думѣ, и особенно вѣчу источники свѣдѣній нашихъ объ еллинскихъ царствахъ; но не ихъ, конечно,—болѣе или менѣе случайными — показаніями можетъ измѣряться роль демократическаго начала въ государственномъ властвованіи царской эпохи[25]).

приводитъ Аристотель Питтака, котораго Алкэй называлъ κακοπατρίδαν τύραννον, и который въ пѣснѣ, пѣвшейся при размалываніи зерна,—*Bücher*, Arb. u. Rh.[3], 58 f, указываетъ аналогичную ей между литовскими пѣснями,—звался Μυτιλάνας βασιλεύων), тѣсно примыкаютъ διαλλακταί, примирители партій, возстановители ὁμονοίας не между отдѣльными гражданами, а среди всего вообще гражданства, какъ Солонъ (и позднѣе, въ III и сл. стол., надписи часто говорятъ намъ о такихъ „дикастахъ", но обыкновенно уже о приглашенныхъ или присланныхъ отъ другихъ πόλεων или отъ царей, ср. Mich. 457 ss.; ср. „номоѳетовъ" древняго и новаго времени, или, напр., роль Димитрія фалирейца, какъ эпимелета τῆς πόλεως); ср. также ойкистовъ или ктистовъ (въ преданіяхъ о древнихъ κτίσεις иногда и двухъ, какъ были два царя лакедемонскихъ; ср. въ надписи объ аѳинской ἀποικία въ Брею, Ditt. 19: Δεμοκλείδεν δὲ καταστεσαι τὲν ἀποικίαν αὐτοκράτορα, καθότι ἂν δύνεται ἄριστα).—Ср. и слова Ѳукидида, II 65, объ аѳинскомъ государствѣ при Периклѣ: ἐγίγνετό τε λόγῳ μὲν δημοκρατία, ἔργῳ δὲ ὑπὸ τοῦ πρώτου ἀνδρὸς ἀρχή. – Пестрая исторія временныхъ или частичныхъ „возстановленій царской власти" въ еллинскихъ политіяхъ, представлявшая собою самые разнообразные компромиссы между силой (нравственной-ли силой, или насиліемъ, грубымъ или тонкимъ) и правомъ, не обслѣдована еще въ полномъ своемъ объемѣ и въ общемъ своемъ значеніи для исторіи политической жизни и государственнаго права эллиновъ.—Изъ возстановленій царской власти у еллиновъ, ближайшимъ образомъ изъ эсимнетіи выводитъ римскую диктатуру Діонисій, A. R. V 73.—Съ тиранніей въ античномъ смыслѣ сопоставляетъ принципатъ Августа *Gardthausen*, Augustus, I 583; ср. *Pöhlmann*, A. u. G., 245 ff. *Roscher*, Politik, 667 ff. (Ср. также намѣчающую широкія и важныя перспективы лекцію о „законодателяхъ и пророкахъ въ Греціи" *Duemmler*'a, Kl. S hr. II 161 ff.).

[25]) О богатствахъ царей, о ихъ богато изукрашенныхъ дворцахъ и крупныхъ населенныхъ имѣніяхъ много говорятъ намъ, иногда, повидимому, рисуя даже эти богатства чертами „микенской", или „эгейской" эпохи (т. е. восходя, можетъ быть, къ ея остаткамъ и переживаніямъ, особенно конечно къ ея переживаніямъ въ памяти,—сюда могли относиться отчасти и представленія о работавшихъ надъ акрополями царскими пеласгахъ, киклопахъ, Χειρογάστορες и т. п.) гомеровскія поэмы, гдѣ, впрочемъ, тѣ же цари со своими семьями выступаютъ и какъ αὐτουργοί, а какъ ἀφνειοὶ βιότοιο, какъ μάκαρες, какъ richen seligen lude, какъ владѣльцы крупныхъ помѣстій σὺν λαοῖσιν выступаютъ не одни собственно-цари; тутъ же, однако, богатства цар-

Какъ предводитель гражданства-войска, какъ предсѣдатель граждан-

---

скія ставятся нерѣдко (ср. особ. Il. XII 310 sqq.) въ зависимость отъ изволенія народа (повидимому и сказки еллиновъ если разсказывали потомъ о богатствахъ царей, то не столько собственно-еллинскихъ, сколько восточныхъ, ср. Tyrt. 12 B.: οὐδ'εἰ πλουτοίη Μίδεω καὶ Κινύρεω μάλιον, Πέλοπος βασιλεύτερος εἴη, γλῶσσαν Ἀδρήστου μειλιχόγηρυν ἔχοι). Также и представленія гомеровскихъ поэмъ о божественности (или „свѣтлости") и о высокомъ вообще нравственномъ авторитетѣ царской власти (представленія, къ которымъ въ значительной мѣрѣ восходила потомъ и идеализація или патріархализація царской власти героическихъ временъ и въ политической литературѣ, какъ и въ Политикѣ Аристотеля) до нѣкоторой степени парализуются здѣсь примѣненіемъ соотвѣтствующихъ эпитетовъ и къ не-царямъ (какъ и ко всему народу Фэаковъ), особенно же конечно такими сценами, какъ Il. I 121 sqq. II 211 sqq. (сцены, которыя быть-можетъ и не слѣдуетъ пріурочивать непремѣнно ко временамъ уже упадка царской власти). Характерны вообще эти походныя агоры Иліады, изъ которой Аристотель, pol. 1285 a, цитуетъ (вѣроятно на память, и съ прибавкой еще: πὰρ γὰρ ἐμοὶ θάνατος) слова царскія, свидѣтельствующія у него о jus vitae necisque царя героическихъ временъ militiae; таковы были и походныя екклесіи Александра Македонскаго, о которыхъ говорилъ Курцій, VI 8, 25: de capitalibus rebus vetusto Macedonum modo inquirebat exercitus: in pace erat vulgi (такъ же, вѣроятно, переживали, у Македонянъ изъ „гомеровской" эпохи вмѣстѣ съ царями и „ἑταῖροι",—какъ сохранялась быть-можетъ и у нихъ, какъ у Молоссовъ, ср. Plut. Pyrrh. 5, знакомая намъ у дорійцевъ взаимная присяга царя и народа; ср. Isocr. V 80. Polyb. V 27). Во всякомъ случаѣ, у Гомера цари не соединяютъ въ своихъ рукахъ всей полноты государственной власти; и тѣмъ меньше конечно, должны мы игнорировать указанія гомеровскихъ поэмъ на политическую роль и „совѣта и народа", чѣмъ больше имѣемъ мы основаній предполагать у пѣвцовъ тѣхъ пѣсенъ, изъ какихъ составились эти поэмы, не только художественный, но и практическій расчетъ возвышать басилеевъ насчетъ простыхъ смертныхъ, особенно насчетъ простого народа (ср. *Duemmler*, Kl. Schr., II 339 ff.); къ тому же мы встрѣчаемся на протяженіи этихъ поэмъ съ различными, не совсѣмъ строго согласованными и между собою, и даже въ своихъ содержаніяхъ и формахъ изображеніями политическаго строя (для Иліады ср. *Robert*, Stud. z. Ilias, 470 f.); особенно же нужно имѣть въ виду то, что эти мало-отчетливыя и тенденціозныя (сознательною-ли, или безсознательною тенденціозностью) гомеровскія изображенія относятся къ тѣмъ временамъ, когда право и сила не разошлись еще въ разныя стороны, когда правовыя отношенія отличались вообще и крайней неустойчивостью и крайней неопредѣленностью. При всемъ томъ въ гомеровскихъ поэмахъ съ достаточной ясностью вырисовываются передъ нами наряду съ царемъ еще двѣ политическія силы—„весь народъ", вѣче, и выдѣляющіеся изъ него „лучшіе мужи", ἄριστοι, ἔξοχοι ἀνδρῶν, составляющіе совѣтъ, или думу. Ἀρχὴ βουλευτική,—то, что въ платоновомъ Политикѣ называется ἄρχειν, то что въ Аристотелевой Политикѣ опредѣляется какъ βουλεύεσθαι περὶ τῶν κοινῶν (въ отличіе отъ πράττειν или ἐπιτάττειν и δικάζειν,—ср. сопоставленія текстовъ Платона и Аристотеля у *Rehm*, 46 ff. 84 ff.),—т. е. волеобразованіе и волеизъявленіе государственной власти, принятіе ею βουλῶν, „совѣтовъ", т. е. намѣреній, рѣшеній (ср. Διὸς βουλή), принадлежитъ собственно царю совмѣстно со всѣмъ народомъ (какъ Одиссей λίσσεται на агорѣ Феековъ βασιλῆά τε πάντα τε δῆμον, Od. VIII 157); но при этомъ „сдумываніи" народа съ царемъ между царемъ и всенародными человѣками становятся—вмѣстѣ съ царемъ или вслѣдъ за царемъ начинающіе думу о дѣ-

ства-вѣча (или какъ предсѣдатель совѣта сената), какъ предстоятель

лахъ государства (ср стихи Тиртэя: ἄρχειν μὲν βουλῆς θεοτιμήτους βασιλῆας, πρεσβυγενέας τε γέροντας, ἔπειτα δὲ δημότας ἄνδρας..; ср. πρόνοον καὶ βούλαρχον, Aesch Suppl. 12 sq. 962; ср. также ἄρχων τῆς ἱερᾶς βουλῆς, т. е уже princeps senatus, Ditt. 372), выдѣляющіеся изъ общей массы людей добрыхъ (πολέες τε καὶ ἐσθλοί) мужи лучшіе, ἄριστοι (ср. стихи Гесіода, ор. 293 sqq,, какъ они толкуются у Ливія, XXII 29),—не то просто умные мужи. старцы, старѣйшины людскіе, γέροντες, μεγάθυμοι γ., δημογέροντες (не непремѣнно или не буквально—γήραϊ πολέμοιο πεπαυμένοι, Il. III 146 sqq.; ср. γεραίτερος массал. надп. IGSI 2145, также πρέσβεις, и γερουσίας, ἱερὰς γ., γέροντας—ср. γ. οἱ ἀπὸ Δαναοῦ CIGP I 579—позднихъ надписей), не то начальники. старѣйшины или князья отдѣльныхъ составныхъ частей гражданства, ἡγήτορες ἠδὲ μέδοντες (ср. μεδδειξ, meddiss), σκηπτοῦχοι (ср. и Ditt. 226) βασιλῆες. не то вообще знатные и богатые люди, бояре, княжата, ἀριστῆες, βασιλῆες: мы имѣемъ здѣсь дѣло, т. о., съ аристократіею, то личною (на основѣ личной ἀρετῆς, опредѣлявшейся, м. пр., возрастомъ), то сословною (на почвѣ родовитости и богатства, т е. съ аристократіею. которая была вмѣстѣ и плутократіею, ср Hes. ор. 313: πλούτῳ δ'ἀρετὴ καὶ κῦδος ὀπηδεῖ). то служилою,—съ аристократіею, въ сравненіи съ которою остальной δῆμος рисовался уже какъ толпа (πληθύς, λαοί), какъ простонародье, какъ худшіе, худые люди (δήμου ἄνδρες, χέρηες. κακοί).—Эта господа, или старшина (γερουσία, senatus) иногда растворялась въ вѣчѣ,—поскольку составлявшіе вѣче граждане различались между собою развѣ лишь по возрасту (νέοι и παλαιοί, προγενέστεροι,—какъ старъ и младъ, πρεσβύτεροι и νεώτεροι, seniores и juniores, различались и впослѣдствіи въ составѣ, напр., аѳинскаго гражданства-войска, а въ болѣе раннее время и въ составѣ аѳинскаго гражданства-вѣча. ср. Aesch. I 23 sq. III 4), иногда выдѣлялась и въ самомъ составѣ вѣча, подобно тому, какъ, напр., въ составѣ „всего государя Великаго Новгорода на вѣчѣ“ различались посадники и тысяцкіе и бояря (наряду съ житьими людьми и купцами и черными людьми), или въ составѣ литовскаго сейма—панове, воеводы, княжата (наряду съ земянами); но она выдѣлялась и изъ состава вѣча, образуя собою какъ бы верхнюю палату, βουλήν, совѣтъ, думу, раду—не βουληφόρων только, каковыми были и цари (какъ, напр., Пелей—Μυρμιδόνων βουληφόρος ἠδ'ἀγορητής), и ἀγοραί (Od. IX 112), а уже βουλευτῶν. Самымъ различнымъ, конечно, образомъ складывались практически отношенія между царемъ, думой и вѣчемъ (какъ соотвѣтствующія отношенія, напр., въ разныхъ древнерусскихъ государствахъ, ср. *Ключевскій*, Боярская Дума[3], 39 сл. 134 сл. 172 сл.), и возможно, что чаще всего царь доминировалъ какъ въ вѣчѣ и надъ вѣчемъ, такъ и въ думѣ и надъ думою, которая могла иногда казаться (если даже не оказываться, по крайней мѣрѣ—въ нѣкоторой своей части) состоящею изъ царскихъ дружинниковъ, какъ возможно, что иногда преобладающее значеніе въ государственномъ управленіи принадлежало не царю, а думѣ; но, во всякомъ случаѣ, какъ бы ни доминировали надъ вѣчемъ, какъ бы ни оттѣсняли его собою (какъ обыкновенно и въ трагедіяхъ аѳинскихъ) царь и совѣтъ, никогда дѣло не доходило до полной утраты народомъ. вѣчемъ его политическаго значенія (въ этомъ смыслѣ характерны и разныя случайныя указанія Гомера,—напр., Ἀθηναίων προλελεγμένοι. Il. XIII 689, αἰσυμνῆται κριτοὶ δήμιοι, Od. VIII 288, или Ѳеано, которую ἔθηκαν ἱέρειαν Троянцы, Il. VI 300). Ἔξοχοι ἀνδρῶν, думавшіе царскую (если не цареву) думу, дѣлали и царское (если не царево) дѣло—поскольку они были ἡγήτορες ἠδὲ μέδοντες, но и δικασπόλοι—въ качествѣ-ли единоличныхъ (третейскихъ), или коллегіальныхъ (т. е. представлявшихъ собою судебную палату) судей (ср. Gilbert, *Jahrb. f. cl. Ph.*,

гражданства при отправленіи религіозныхъ обязанностей, какъ судья и возстанавливавшій, и устанавливавшій право [26]), царь отличался отъ осуществлявшихъ потомъ всѣ эти функціи государственной власти народныхъ избранниковъ не только тѣмъ, что онъ осуществлялъ тѣ функціи одинъ [27]), но и тѣмъ, что онъ осуществлялъ ихъ пожизненно и наслѣдственно,—при чемъ рядомъ съ царемъ передъ нами выступаетъ иногда и царица [28]), и особа царя (а также и царицы) иногда рисуется намъ

XXIII. S.-B., 445 ff. *Lipsius*, Att. R., 3 ff.).—И по Өукидиду, I 13, древнія βασιλεῖαι были ἐπὶ ῥητοῖς γέρασι, по Аристотелю, pol. 1285 b,—ἑκόντων μέν, ἐπὶ τισὶ δ' ὡρισμένοις.—О демократическомъ характерѣ древнихъ еллинскихъ царствъ, изображаемыхъ у Гомера, ср. *Ө. Г. Мищенко*, Раціонализмъ Өукидида, I 64 слл. *Fanta*, D. Staat in d. Il. u Od., 1882; ср. *Duemmler*, Kl. Schr., II 331 ff. Moreau, *Rev. d. ét. gr.*. VI 204 ss. VII 133 ss. VIII 287 ss.—Къ тому же представленію объ еллинскихъ царствахъ ведутъ насъ и аналогіи, представляемыя древнѣйшею исторіею государства у римлянъ, германцевъ, славянъ (въ частности—русскихъ) и у другихъ (не только, конечно, индоевропейскихъ) народовъ,—аналогіи, которыми, къ сожалѣнію, и въ этомъ случаѣ почти не пользовалась пока въ своихъ цѣляхъ научная разработка древнѣйшей исторіи еллинскаго политическаго строя (ср. *Фриманъ*, Сравн. политика, 89 слл. *Roscher*, Politik. 18 ff. *Schrader*, Reall. d. indog. Altertumsk., 412 ff. *Petersdorff*, Germ. u. Gr., 55 ff.).

[26]) Именно къ этимъ тремъ моментамъ сводитъ царскую власть героическихъ временъ у еллиновъ Аристотель, pol. 1285 b, основываясь и на литературной традиціи о ней (ближайшимъ образомъ—на Гомерѣ), и на ея переживаніяхъ къ его времени.—Царю принадлежало т. о. ἄρχειν (стоять во главѣ гражданства и его политической жизни), въ частности ἄρχειν βουλῆς (какъ περὶ τῶν μελλόντων, такъ и περὶ τῶν γεγενημένων, т. е. κρίσεως), стало-быть и ἡγεῖσθαι (и отсюда—ἀρχεύειν, ἡγεμονεύειν), и въ этотъ смыслѣ πράττειν (exsequi), διοικεῖν, и лишь на почвѣ этой „исполнительной власти“ ἐπιτάττειν и вмѣстѣ δικάζειν (въ тѣхъ или другихъ предѣлахъ, ставившихся практикою „совѣта и народа“), т. е. принадлежала та же, не въ своемъ содержаніи и объемѣ, конечно, а въ своей сущности и въ своемъ характерѣ, власть, какая возлагалась потомъ и въ самыхъ демократичныхъ демократіяхъ на архонтовъ, на магистратуру. Arist. pol. 1282 b. 98 a sqq. 1321 b sqq. 26 a.—Ср. *Rehm*, 46 ff. 84 ff.

[27]) Разумѣется, если не имѣло мѣста двоецарствіе, какъ въ лакедэмонскомъ государствѣ.—Наряду съ царемъ могли существовать, конечно, въ государствѣ и другіе единоличные „стратеги, дикасты и τῶν πρὸς τοὺς θεοὺς (или—θεὸν) κύριοι“—гомеровскіе ἡγήτορες ἠδὲ μέδοντες, βασιλῆες и т. п.,—но даже въ лучшемъ случаѣ ихъ власть такъ же относилась къ власти царя, какъ власть сеньёровъ-перовъ къ власти короля-сюзерена; могли существовать также и другія единоличныя ἀρχαί (или ἐπιμέλειαι), но уже не πολιτικαί, а ὑπηρετικαί (Arist. pol. 1299 a; ср. Plat. Polit. 260 C sqq. 289 C sqq.).

[28]) Любопытно—быть можетъ и не совсѣмъ случайное—соотвѣтствіе между своего-рода политическимъ значеніемъ супруги аѳинскаго басилея (или сиросскаго, теносскаго архонта, и т. п.,—ср. τὴν ἀρχηίδα καὶ θεωράν, 'Εφ. ἀ., 1892, 19), какъ оно сказывалось (т. е. переживало) на сакральной почвѣ, и таковымъ же значеніемъ супруги царя ἀγχιθέων, μάλα φίλων ἀθανάτοισιν Фэаковъ, какъ оно изображается въ Одиссеѣ, VII 64 sqq.,—какъ и вообще роль женщинъ (царицъ, царевенъ) у Гомера болѣе соотвѣтствуетъ послѣдующей ихъ роли въ культахъ, т. е. въ сакральныхъ переживаніяхъ (ср.

окруженною священнымъ ореоломъ. Но если мы примемъ въ расчетъ, что гражданство было не только войскомъ-вѣчемъ, но и родовой, или племенной группой, что моменты родовые, какъ и сакральные, въ началѣ еллинской политической жизни имѣли вообще то же преобладающее значеніе, какое потомъ оказалось на сторонѣ моментовъ личныхъ, какъ и профанныхъ, то и пожизненность и наслѣдственность царской власти, поддерживавшаяся тѣмъ значеніемъ, какое вообще придавалось въ древнѣйшія времена наслѣдственности [29]), и выступленіе рядомъ съ царемъ его супруги, и религіозное освященіе особы и власти царской намъ не покажутся явленіями такъ рѣшительно идущими въ разрѣзъ съ тогдашней демократіей,—какъ, съ другой стороны, и самый объемъ власти царской (конечно постоянно мѣнявшійся) можетъ быть измѣряемъ лишь мѣрою тѣхъ временъ,—когда государственное право лишь начинало расширять сферу своего примѣненія и опредѣлять свои нормы и формы[30]). Но въ тѣхъ же общихъ условіяхъ «патріахальнаго» быта, изъ которыхъ прежде всего могутъ быть объясняемы отличія царской власти и въ ея устаановленіи, и въ ея содержаніи и объемѣ, слѣдуетъ прежде всего искать объясненія и отличій въ характерѣ аристократическихъ, или олигархическихъ органовъ государственной власти[31]) въ монархическихъ демократіяхъ съ одной стороны и въ демократическихъ демократіяхъ съ другой,—при чемъ, конечно, и въ этомъ отношеніи переходнымъ моментомъ[32]) между тѣми и дру-

---

Il. VI 86 sqq. 250 sqq.,—эпизодъ, быть-можетъ, отчасти аѳинскаго происхожденія,—но также и Od. VI 15 sqq.,—ср. § 6, пр. 15; ср. и представленія о богиняхъ, особенно такихъ, какъ Діона, 'Frau Zeus'), нежели послѣдующему, ихъ юридическому положенію, опредѣлявшемуся больше на почвѣ представленія о гражданствѣ, какъ о вѣчѣ-войскѣ, нежели какъ о племени (ср. § 3, пр. 10 слл.). Ср. *В. П. Бузескулъ*, Женскій вопросъ въ др. Гр., 7 слл.

[29]) Ср. Plat. Crat. 394 A (ἐκ βασιλέως βασιλεύς). Arist. rhet. 1367 b. Plat. Prot. 328 A.—Ср. дольше или больше державшуюся наслѣдственность (или родовую замкнутость) жречествъ, также разныхъ профессій (напр., врачебной) или ремеслъ, наслѣдственность таланта въ области литературы или искусства (ср. и CIGP I 682), также и старое представленіе еллиновъ о томъ, что боги милуютъ или караютъ и потомковъ за дѣла предковъ (ср. *Nägelsbach*, Nachhom. Theol., 34 ff. *Schmidt*, Eth. d. Gr. I 70 ff.)

[30]) Письменное фиксированіе законодательства, какъ и фиксированіе ценза имѣло демократизацію государства, конечно, не столько своею цѣлью, сколько своимъ результатомъ.

[31]) Совѣтъ (βουλή) „геронтовъ" и состоявшая изъ нихъ же судебная палата (ср. Il. XVIII 497 sqq.; переживала эта гомеровская судебная палата, напр., въ судахъ по дѣламъ объ убійствѣ геронтовъ Спарты или Коринѳа, Arist. pol. 1275 b. Diod. XVI 65, или Ареопага аѳинскаго).

[32]) Обыкновенно, но не непремѣнно и въ хронологическомъ смыслѣ.

гими демократіями являются демократіи аристократическія или олигархическія: какъ возлѣ или на мѣсто прирожденныхъ и пожизненныхъ царей становятся въ Елладѣ избираемые и срочные архонты, такъ возлѣ или на мѣсто прирожденныхъ или пожизненныхъ совѣтниковъ и судей становятся избираемые и срочные совѣтники или судьи, и если совѣтники или судьи перваго типа по общему характеру своему стоятъ ближе къ царямъ, чѣмъ къ народу, то совѣтники или судьи этого второго типа стоятъ ближе къ народу, чѣмъ къ архонтамъ.

Итакъ, демократическій моментъ мы можемъ предполагать и въ основаніи (но именно только въ основаніи) государственнаго властвованія и въ древнихъ царствахъ еллинскихъ, какъ ни заслонялся онъ здѣсь тѣми болѣе яркими и болѣе отчетливыми формами, въ какихъ выражали себя—вообще болѣе доступные такому выраженію—моменты аристократическій и особенно, разумѣется, монархическій. Но если внѣшнее преобладаніе момента монархическаго, опредѣлявшее собою общій характеръ—больше практическаго, нежели юридическаго—осуществленія государственной власти (но не ея сущность), было типичнымъ для начальной исторіи государственной власти въ еллинскихъ государствахъ, то дальнѣйшая ея исторія, поскольку она была типической, въ сущности своей сводится къ послѣдовательному, все болѣе полному и все болѣе точному раскрытію, т. е. выясненію и уясненію, не только на практической, но и на юридической почвѣ, этого демократическаго момента, какъ момента основного (въ сравненіи съ двумя другими),—процессъ, который выражается съ одной стороны въ томъ, что собственно-демократическое учрежденіе, каковымъ является вѣче, въ общей системѣ государственнаго властвованія усиливается и возвышается на счетъ учрежденій монархическихъ и олигархическихъ, а съ другой—въ томъ, что демократическій принципъ ищетъ себѣ болѣе прямого и непосредственнаго выраженія и въ монархическихъ или олигархическихъ организаціяхъ отдѣльныхъ функцій государственной власти[33]).

---

[33]) Этотъ процессъ—независимо уже отъ болѣе случайныхъ и эфемерныхъ (особенно олигархическихъ или тираннических) революцій—не былъ конечно ни строго послѣдовательнымъ, ни непрерывнымъ, какъ не всегда былъ онъ и самостоятельнымъ, по крайней мѣрѣ въ своихъ болѣе формальныхъ выраженіяхъ, въ отдѣльныхъ еллинскихъ государствахъ; иногда прежнія правительственныя учрежденія получали новый характеръ, иногда учрежденінія новыя, новаго характера становились рядомъ со старыми (въ этомъ послѣднемъ смыслѣ особенно характерно, конечно, появленіе въ Спартѣ ефо-

Мы попытались *намѣтить* черты, опредѣлявшія собою изначальный характеръ еллинскаго государства, предопредѣлявшія собою его если не практическое, то юридическое существованіе, или развитіе. Въ своихъ основныхъ очертаніяхъ еллинское государство вырисовалось передъ нами, какъ политически организованная племенная группа[1]) съ естественно выдѣляющимся изъ нея войскомъ-вѣчемъ, т. е. товариществомъ воиновъ и вмѣстѣ носителей государственной власти[2]), переходящая отъ кочеванія къ осѣдлости и, соотвѣтственно тому, опредѣляющая отношенія свои къ территоріи, на которой она основывается, и къ населенію, какое она застаетъ на этой территоріи. Наша попытка примкнула къ тому опредѣленію государства (πόλις), какое Аристотель, въ III книгѣ Политики, отвлекаетъ отъ еллинскихъ государствъ настоящаго и предлагаетъ для еллинскихъ государствъ будущаго. Но въ началѣ Политики дается и другое опредѣленіе государства—со стороны его сложенія, или возникновенія, и именно къ этому опредѣленію примыкали обыкновенно другія попытки выясненія изначальнаго характера греческаго государства, попытки, не на мѣсто которыхъ, а на мѣсто возлѣ которыхъ претендуетъ наша попытка. Существенное различіе между нашей попыткой и другими попытками сводится т. о. къ тому, что наша попытка не заходитъ по ту сторону еллинскаго государства, тогда какъ другія попытки ставятъ вопросъ о его генезисѣ, т. е. воспроизводятъ процессъ возникновенія или образованія его изъ его элементовъ. Этому вопросу о генезисѣ еллинскаго государства принадлежитъ такое видное мѣсто и въ древней, и въ новой наукѣ, что мы не можемъ обойти здѣсь его молчаніемъ,—какъ бы ни казался онъ намъ излишнимъ уже съ собственно-теоретической точки зрѣнія[3]).

ровъ, такъ же установленныхъ contra vim regiam, какъ въ Римѣ—contra consulare imperium tribuni pl., Cic. de re p., II 33. de leg. III 7, ср. *E. v. Stern*, Zur. Entsteh. u. urspr. Bedeutung d. Ephorats in Sparta, 1894; въ Аѳинахъ выраженіемъ той же тенденціи является, напр., эпистатъ пританов и потомъ проедровъ) и т. п.—Научная разработка исторіи государственной власти у эллиновъ не ушла еще дальше частичнаго сопоставленія (и то больше въ смыслѣ координаціи, нежели субординаціи) своего—благодаря эпиграфикѣ все увеличивающагося и улучшающагося—матеріала (о сложности ея задачи ср.—не совсѣмъ, впрочемъ, точныя—замѣчанія Thumser'a, *Serta Hartel.*, 262 ff.).

[1]) Мы беремъ это понятіе: племенная группа (племя, орда, γένος, gens), отказываясь отъ его точнаго опредѣленія (опредѣленія *Bastian*'a, Völkergedanke, 21 ff., или *Гумпловича*, Основы соціологіи, 164 слл., или *Mucke*, Horde u Familie, 17 ff., и др. не кажутся намъ удовлетворительными).

[2]) Т. е. публично-правной власти по собственному праву.

[3]) Государство (не то или другое, не такое или иное, а государство вообще) мы

Различныя общія рѣшенія вопроса о происхожденіи государства, съ какими мы встрѣчаемся въ еллинской литературѣ, колебались между двумя лежавшими одно противъ другого на крайнихъ предѣлахъ этихъ колебаній представленіями: по одному изъ этихъ представленій государство есть продуктъ естественнаго хода вещей, опредѣлявшаго собою и саму человѣческую жизнь. по другому—государство есть результатъ цѣлесознательной и цѣлесообразной дѣятельности человѣческой воли, иногда индивидуальной, обыкновенно-же—коллективной[4]; очевидно, знакомый намъ двойственный характеръ представлявшаго собою государство гражданства поддерживалъ, питалъ собою то и другое изъ этихъ представленій. Аристотель[5]) рѣшительно склонялся въ пользу того представленія, что государство существуетъ φύσει (не νόμῳ, или συνθήκῃ). По мысли Аристотеля, стремленіе къ представляемому государствомъ общенію лежитъ въ природѣ человѣческой—вѣдь, человѣкъ есть животное склонное къ такого-рода общенію не въ меньшей, конечно, мѣрѣ, нежели пчела или любое стадное животное[6]). Самое совершенное изъ человѣческихъ общеній, или соединеній, государство, πόλις, представляетъ собою завершеніе другихъ, менѣе совершенныхъ, но не менѣе естественныхъ общеній, или соединеній, на почвѣ которыхъ оно возникаетъ, и которыя оно заключаетъ какъ въ себѣ, такъ и собою; иными словами—государство предполагаетъ собою, т. е. позади себя другія, болѣе простыя общенія, или соединенія, которыя въ свою очередь предполагаютъ собою, т. е. передъ собою государство;

считаемъ настолько естественнымъ и простымъ историческимъ явленіемъ, что въ устанавливаніи его генезиса мы не видимъ никакой надобности, какъ не видимъ и никакой къ тому возможности; во всякомъ случаѣ, совершенно празднымъ намъ кажется вопросъ о генезисѣ государства у еллиновъ, которыхъ—какъ бы далеко въ глубь вѣковъ ни простиралось наше воображеніе—мы уже не можетъ представить себѣ живущими какъ гомеровскіе киклопы.

[4]) Εἰ γὰρ ἔφυσαν μὲν οἱ ἄνθρωποι ἀδύνατοι καθ' ἕνα ζῆν, συνῆλθον δὲ πρὸς ἀλλήλους—такъ соединялъ представленія о существованіи государства и отъ природы и въ силу contrat social еще софистъ V в. Антифонтъ (fr. E Bl.).—Главнѣйшіе тексты и литературу по этому вопросу ср. у *Billeter*, Griech. Anschauungen üb. die Ursprünge der Kultur, 1901.

[5]) Pol. 1252 a sqq.

[6]) Недаромъ -продолжаетъ Аристотель—природа ему одному изъ всѣхъ животныхъ дала не голосъ только, а и слово, рѣчь, чтобъ выражать не ощущеніе только страданія и удовольствія, а и сознаніе полезнаго и вреднаго, справедливаго и несправедливаго.

какъ все въ природѣ выростаетъ, выросло и государство, и выростаніе его было ростомъ тѣхъ болѣе простыхъ (и все менѣе простыхъ) людскихъ соединеній или общеній, послѣдовательно разроставшихся, чтобъ вырости въ государство. Такъ, прежде всего, блуждающія въ природѣ начала: *ἄρρεν* и *θῆλυ* и *ἄρχον* и *ἀρχόμενον*, начала, которыя не могутъ существовать одно безъ другого, находятъ себѣ самое простое (какое только можетъ быть) соединеніе въ *οἶκος*—въ составляющемся *κατὰ φύσιν* изъ мужа, жены, дѣтей, но и рабовъ общенія *εἰς πᾶσαν ἡμέραν*; *χρήσεως ἕνεκεν μὴ ἐφημέρου* (т. е. не ради уже самыхъ что ни на есть необходимыхъ, насущныхъ потребностей) *οἰκίαι* соединяются въ болѣе сложныя *κοινωνίαι*; сначала нѣсколько *οἰκίαι* соединяются въ одну *κώμη*, въ одинъ общій поселокъ—самымъ обычнымъ способомъ естественнаго образованія такой *κώμης* казалось Аристотелю устройство на новыхъ-ли (сосѣднихъ или нѣтъ) земляхъ, на новыхъ-ли началахъ разросшейся семьи; изъ нѣсколькихъ *κωμῶν* получается (какимъ путемъ—на это нѣтъ указаній у Аристотеля) уже *πόλις*, настолько совершенная, довлѣющая себѣ *κοινωνία*, что дальше уже незачѣмъ и некуда идти людямъ на пути ихъ общеній или соединеній. Такова далеко не блещущая своей отчетливостью теорія Аристотеля о происхожденіи государства[7]). Недостаточно отчетливой практически казалась она, конечно, и ученику и коллегѣ Аристотеля Дикэарху, который противопоставилъ аристотелевой схемѣ свою, къ сожалѣнію дошедшую до насъ лишь въ совершенно

---

[7]) Οἶκος является у Аристотеля единицею и родовою, поскольку онъ представляетъ собою семью, и экономическою, поскольку онъ представляетъ собою семью сидящую (въ каждый данный моментъ) на землѣ и имѣющую свое движимое имущество (въ томъ числѣ раба или рабовъ, или по крайней мѣрѣ рабочій скотъ), но и единицею политическою, поскольку во главѣ всего οἴκου стоитъ отецъ или глава семьи, домохозяинъ. Относительно κώμη Аристотель замѣчаетъ, что повидимому обыкновенно κατὰ φύσιν она представляетъ собою ἀποικίαν οἰκίας; такъ какъ всякая οἰκία—прибавляетъ Аристотель—βασιλεύεται ὑπὸ τοῦ πρεσβυτάτου, то βασιλεύονται и ἀποικίαι, по своему сродству съ οἰκίαι; т. о. κώμη сначала μάλιστα, а затѣмъ и вообще представляется Аристотелю какъ результатъ разростанія собственно уже семьи (не вообще дома).—Какъ образуется изъ нѣсколькихъ κωμῶν πόλις, Аристотель оставляетъ безъ объясненія; онъ только говоритъ, что ἐβασιλεύοντο сначала и πόλεις, какъ и потомъ ἔθνη, потому, что онѣ получились ἐκ βασιλευομένων. Мимоходомъ вспоминаетъ онъ тутъ же и гомеровскихъ киклоповъ, у которыхъ θεμιστεύει ἕκαστος παίδων ἠδ' ἀλόχων: такъ, т. е. σποράδες, жили, говоритъ онъ, вообще въ древности. Аристотель имѣетъ въ виду здѣсь, конечно, и Платона Leg. 680 A sqq., которому тоже мало удалась (ср. *Ritter*, Platos Gesetze, Komm., 93 f.) эта экскурсія въ область этнологіи.

искаженномъ видѣ[8]). По Дикэарху, государства, πόλεις и τὰ καλούμενα ἔνθη, сложились (неизвѣстно какъ) не изъ κωμῶν, а изъ φύλων, изъ φῦλα, которыя какъ части πόλεως (ἔθνους) стали называться φυλαί; неизвѣстно, какъ представлялъ себѣ Дикэархъ образованіе этихъ φῦλα; но въ началѣ своей схемы онъ ставилъ не домъ, а семью (какъ лишь родовую единицу, выражающую собою отношенія родителей и дѣтей), переходящую у него въ (агнатическій) родъ (πάτρα); такія семьи-роды роднятся между собою путемъ взаимныхъ браковъ, такъ что братья и сестры, принадлежа по своему происхожденію къ однимъ и тѣмъ же семьямъ-родамъ, по семейно-родовымъ своимъ культамъ оказываются принадлежащими къ различнымъ семьямъ или родамъ; на почвѣ соглашенія родовыхъ счетовъ съ сакральными и возникаетъ новая, высшая сакрально-родовая единица—фратрія (или фатрія), и, какъ у Аристотеля надъ οἶκος становится κώμη, надъ κώμη—πόλις, такъ у Дикэарха надъ πάτρα становится φρατρία, надъ φρατρία—φῦλον, или φυλή, надъ φυλή—πόλις или ἔθνος. Очевидно, въ смыслѣ обстоятельности дикэархова схема нисколько не выше аристотелевой[9]). Но очевидно и то, что Аристотель, а также и Дикэархъ разсматриваютъ происхожденіе государства не столько съ исторической, сколько съ историко-теоретической точки зрѣнія, имѣя въ виду не столько теоретизацію исторіи, сколько историзацію теоріи. Трудно, разумѣется, рѣшить, настолько-ли пылкимъ было ихъ воображеніе, чтобы они могли представить себѣ, что было время, когда на землѣ тамъ и сямъ существовали только неизвѣстно откуда взявшіяся семьи, имѣвшія естественную склонность разростаться въ роды, которые потомъ, хотя бы и чрезъ любезное посредство фратрій или комъ и филъ, соединились въ государства; но во всякомъ случаѣ, если подобную мысль и преподносятъ намъ древніе ученые, то не безъ колебаній или самоограниченій. Эти колебанія отбросила новая наука, прямо противопоставлявшая государственному быту существовавшій до него бытъ родовой и, въ частности, выводившая античную гражданскую общину или государство-городъ прямымъ путемъ изъ семьи или рода[10]). Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя

---

[8]) Цитата изъ Βίος Ἑλλάδος Дикэарха дошла до насъ лишь въ лексиконѣ Стефана Виз. п. сл. πάτρα.

[9]) Цицеронъ, которому, какъ онъ отъ того ни уклонялся, пришлось-таки коснуться вопроса о возникновеніи государства изъ его элементовъ, въ сущности только спуталъ обѣ эти и безъ того запутанныя схемы (de re p. I 24. de off. I 17).

[10]) Эта послѣдняя теорія прямо выставлена у Fustel de Coulanges, La cité anti-

представленія не держались бы такъ долго и такъ крѣпко въ отвѣтахъ новой науки на вопросъ объ изначальномъ характерѣ еллинскаго государства, если бы въ источникахъ нашихъ свѣдѣній о государствахъ еллинскихъ не выступали передъ нами такъ замѣтно не только родовые моменты вообще, но и ближайшимъ образомъ родъ (γένος) и такія политическія дѣленія гражданства, какя фратрія и фила. Но что касается названныхъ сейчасъ дѣленій, начало которыхъ для насъ покрыто мракомъ неизвѣстности[11]), мы не можемъ не сопоставлять ихъ съ другими имъ подобными политическими дѣленіями гражданствъ[12]) и, соотвѣтственно этимъ другимъ дѣленіямъ, можемъ видѣть въ тѣхъ дѣленіяхъ не непремѣнно элементы сочлененія, а и результаты расчлененія гражданствъ, въ одномъ случаѣ какъ племенныхъ группъ, въ другомъ какъ союзовъ главъ семействъ (фактическихъ-ли или динамическихъ)[13]); что же касается до γένος, то подъ этимъ терминомъ и въ обиходномъ или литературномъ, и въ юридическомъ языкѣ еллиновъ разумѣется не только разросшаяся семья или потомство одного родоначальника, хотя бы и фиктивнаго, но и самыя различныя образованія родового или племенного характера[14]); съ отдѣльными γένη — родами мы долго встрѣчаемся въ отдѣльныхъ еллинскихъ государствахъ,—но если эти γένη и были переживаніями, то вовсе не частичными, если они были остатками старины, то старины своей собственной, а вовсе не обломками старины соста-

que; менѣе прямолинейны, но зато и менѣе отчетливы уже болѣе случайно выставляемыя (въ сочиненіяхъ по греческой исторіи и древностямъ, но и по этнологіи) другія теоріи, всѣ сводящіяся къ представленію о смѣнѣ родового быта бытомъ государственнымъ. Ср. и *Glotz*, La solidarité de la famille d. le droit criminel en Grèce, 1904.—Частичныя возраженія противъ этихъ теорій дѣлаетъ *E. Meyer*, G. d. A., II 85 ff. (ср. также изложеніе реферата Э. Р. ф. Штернъ въ *Лѣтоп. Ист.-ф Общ. при Новор. ун.*, VII, 2, 13 слл.).

[11]) Разсѣять этотъ мракъ не удалось пока и внѣеллинскимъ аналогіямъ, не выходившимъ, правда, далеко за предѣлы римскихъ курій и трибъ, въ крайнемъ случаѣ колѣнъ Израилевыхъ (быть можетъ не лишены были бы здѣсь значенія аналогіи, представляемыя, напр., родовыми дѣленіями кочевыхъ или полукочевыхъ народностей Россіи, принадлежащихъ къ монгольской и тюркской группамъ).

[12]) Ср. § 3, прим. 8, и указанія на дѣленія гражданствъ въ различныхъ государствахъ греческихъ у *Шеффера*, Ав. гражд., I 59 слл. (о филахъ—*Szanto*, D. gr. Phylen, 1901).

[13]) Именно такое мнѣніе о древнихъ филахъ выставляетъ, напр., *E. Meyer*, Forsch. z. a. G., II 517 ff., и къ такому же мнѣнію склоняется *Szanto*, l. l.—Вопросъ и о филахъ, и о другихъ дѣленіяхъ еллинскихъ гражданствъ настойчиво требуетъ тщательнаго пересмотра.

[14]) Правильно говорится въ Lex. Seg. V p. 231, п. сл. Γένους: ἐπὶ ἔθνους τάσσεται καὶ ἐπὶ πόλεως καὶ ἐπὶ συστήματος καὶ ἐπὶ τέκνου καὶ ἐπὶ σπέρματος...

влявшей нѣкогда достояніе всего гражданства[15]), и если съ осложненіемъ жизни осложнились и задачи государства, и оно расширило свою дѣятельность и на счетъ тѣхъ отношеній, какія раньше оно предоставляло вѣдать, въ той или другой инстанціи, самимъ гражданамъ или ихъ группамъ, то роль, какую въ этихъ случаяхъ брало на себя государство, переходила къ нему если не отъ отдѣльныхъ гражданъ, то отъ такихъ группъ ихъ, которыя вовсе не соотвѣтствовали понятію родъ и не носили этого названія—γένος[16]). Итакъ, у насъ нѣтъ ни внѣшнихъ, ни внутреннихъ основаній сводить возникновеніе еллинскаго государства къ сліянію родовъ или семей-родовъ черезъ посредство фратрій и филъ; но, разумѣется, и допуская такое происхожденіе государства, мы должны были бы предположить, что раньше, чѣмъ слиться въ государство, эти семьи-роды, фратріи, филы были политически-самостоятельными единицами, т. е. своего рода государствами. Та доля истины, какую заключаютъ въ себѣ теоріи о генезисѣ еллинскаго государства, сводится, т. о. къ тому, что, такъ какъ государство это было прежде всего гражданствомъ, а гражданство было племенною или родовою группою, то въ строѣ государства всегда—и чѣмъ раньше, тѣмъ больше—заявляли права свои и моменты родовые, и, пожалуй, еще къ тому, что если не въ первоначальной, то въ начальной исторіи иныхъ изъ еллинскихъ государствъ, именно тѣхъ, что возникли путемъ соединенія нѣсколькихъ государствъ (или гражданствъ) въ одно, имѣлъ мѣсто тотъ процессъ, который—и то впрочемъ лишь заднимъ числомъ или лишь съ односторонней точки зрѣнія—могъ быть принятъ за образованіе государства изъ родовъ или фратрій или филъ, поскольку таковыми могли казаться соединившіяся въ одно государство-гражданство отдѣльныя—особенно небольшія—государства-гражданства, съ присущимъ имъ племеннымъ или родовымъ характеромъ[17]). Но и такой способъ образованія новаго государства[18]) не только не былъ способомъ единственнымъ въ своемъ родѣ, но и былъ способомъ, лишь позже возобладавшимъ надъ други-

---

[15]) Ср., напр., γένη въ аоинскомъ государствѣ (о нихъ—*Toepffer*, Att. Genealogie, 1889).

[16]) Ср. *E. Meyer*, G. d. A. II 85 ff. 308 ff. Forsch. II 517 f. Ср. выше, § 3, пр. 12.

[17]) Ср. м. пр. образованіе фатріи изъ государства-гражданства Медонійцевъ, когда оно вошло въ составъ государства-гражданства Стирійцевъ, Ditt. 426.

[18]) Съ легкой руки Өукидида способъ этотъ извѣстенъ подъ названіемъ синойкизма, хотя болѣе подходящимъ для него было бы названіе συμπολιτεία.

ми.—во всякомъ случаѣ пригоднымъ особенно въ условіяхъ уже не кочеваго быта, а осѣдлаго. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ ему не столько сопутствовалъ, сколько предшествовалъ способъ образованія государства путемъ не соединенія нѣсколькихъ государствъ въ одно, а присоединенія нѣсколькихъ государствъ къ одному (т. е. подчиненія нѣсколькихъ государствъ одному),—способъ характерный особенно для перехода отъ кочевого быта къ осѣдлому, какъ для той же переходной эпохи, и вмѣстѣ для эпохи кочевого быта, было характернымъ и раздѣленіе одного государства на нѣсколько или выдѣленіе изъ одного государства другого или другихъ[19])...

Итакъ, на ряду съ имѣющимися въ распоряженіи науки попытками осмыслить изначальный характеръ еллинскаго государства намъ не излишней представляется и предложенная нами попытка. Въ полной (быть-можетъ даже—въ слишкомъ полной) мѣрѣ раздѣляетъ она съ тѣми другими попытками несовершенства, лежащія въ самомъ замыслѣ, вытекающія изъ самаго замысла вообще такого-рода попытокъ; что же касается до—слишкомъ, къ сожалѣнію, очевидныхъ для автора—несовершенствъ ея исполненія, то—по крайней мѣрѣ формальнымъ—оправданіемъ ихъ можетъ служить то, что эта замѣтка „къ вопросу объ основномъ характерѣ древнееллинскаго государства“ представлаетъ собою лишь разросшееся въ Приложеніе одно изъ подстрочныхъ примѣчаній къ рѣчи „о краснорѣчіи у древнихъ еллиновъ“.

---

[19]) Само собою разумѣется, что всѣ эти способы образованія отдѣльныхъ государствъ (нѣсколькихъ изъ одного, путемъ вычитанія или дѣленія, или одного изъ нѣсколькихъ, путемъ сложенія или умноженія), имѣвшіе мѣсто и въ послѣдующей политической исторіи еллиновъ, были особенно обильно представлены въ ея начальную пору, въ эпоху перехода отъ кочеваго быта къ осѣдлому,—какъ не меньше частымъ въ ту эпоху, нежели въ послѣдующія, было и образованіе симмахій (съ однимъ изъ составлявшихъ симмахію государствъ во главѣ).

А. Мартовъ.

О ПОЧЕТНЫХЪ ДОЛЖНОСТЯХЪ РИМСКИХЪ ИМПЕРАТОРОВЪ ВЪ ГОРОДАХЪ

ВЪ ПЕРВЫЕ ТРИ ВѢКА ИМПЕРІИ.

НѢЖИНЪ
Типо-лит. насл. В. К. Меленевскаго.
1905.

Печатано по постановленію Конференціи Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко. Директоръ Института *Ф. Гельбке.*

Многоуважаемому учителю

ПРОФЕССОРУ

Ивану Григорьевичу Турцевичу

ПОСВЯЩАЕТЪ

АВТОРЪ.

О почетныхъ должностяхъ римскихъ императоровъ въ городахъ въ первые три вѣка имперіи.

Первые три вѣка римской имперіи были временемъ наибольшаго развитія самоуправленія входившихъ въ составъ ея городовъ. При изученіи этого самоуправленія и вообще муниципальнаго права римской имперіи весьма важнымъ, естественно, является вопросъ о степени воздѣйствія римскаго правительства на организацію и внутреннюю жизнь городовъ. Вопросъ этотъ до сихъ поръ еще нельзя считать окончательно рѣшеннымъ[1]).

Трудность выясненія этого въ высшей степени сложнаго вопроса обусловливается, во-первыхъ, крайней скудостью дошедшихъ до насъ литературныхъ свидѣтельствъ, вслѣдствіе чего изслѣдователю во многихъ случаяхъ приходится оперировать почти исключительно съ обильнымъ, но нерѣдко весьма однообразнымъ по своему содержанію эпиграфическимъ матеріаломъ. Во-вторыхъ, большимъ затрудненіемъ при рѣшеніи этого вопроса является тѣсная связь его съ общимъ вопросомъ о римскомъ провинціальномъ управленіи и управленіи Италіей

---

[1]) *Mommsen*, Jahreshefte d. österreich. arhäolog. Institutes 1900, Bd. III, p. 5: Es würde eine lohnende Arbeit sein, die zahlreichen, aber sehr zerstreuten Zeugnisse über das Eingreifen der Regierung und der Reichsbeamten in die Municipalverwaltung zusammenzustellen.

въ указанный періодъ времени вообще. Затрудненіе это заключается главнымъ образомъ въ томъ, что римское правительство и въ особенности римскіе императоры первыхъ вѣковъ имперіи далеко не одинаково относились ко всѣмъ частямъ и областямъ обширной имперіи.

Какъ извѣстно, политика римскихъ императоровъ въ первые вѣка имперіи направлена была главнымъ образомъ къ тому, чтобы все болѣе и болѣе подчинять вліянію Рима разнородные элементы, входившіе въ составъ римской имперіи, по возможности избѣгая при этомъ примѣненія какихъ-бы то ни было принудительныхъ мѣръ. Обращая въ провинціи покоренныя области, римское правительство въ большинствѣ случаевъ,—если это не противорѣчило основнымъ принципамъ и интересамъ общей государственной политики,—оставляло въ неприкосновенности ихъ прежнія права и привилегіи и только въ случаяхъ крайней необходимости приступало къ измѣненію ихъ внутренняго строя и организаціи[1]). Само собою понятно, что эти реформы, проводившіяся римскимъ правительствомъ съ большимъ тактомъ и осторожностью,—дабы не возбуждать неудовольствія со стороны подданныхъ рѣзкими и радикальными нововведеніями,—въ силу разнообразныхъ условій и соображеній политическаго и административнаго характера, не были и не могли быть одинаковыми для всѣхъ частей громадной территоріи римскаго государства[2]). Это различіе въ отношеніяхъ римскаго прави-

---

[1]) *W. Liebenam*, Städteverwaltung im römischen Kaiserreiche, Leipzig 1900, p. 467: Es muss hervorgehoben werden, dass als ein bedeutsamer Grundzug der römischen Politik vor allem die Wahrung der gegebenen Verhältnisse (parcere devictis), soweit sie mit den Gesetzen und der Wohlfahrt des Staates vereinbar, und die Achtung vor der kommunalen Selbständigkeit hervortritt.—Срв. *Mommsen*, Röm. Staatsrecht II, p. 994; III, p. 570.

[2]) *Liebenam*, ib., p. 468: In dem gewaltigen Weltreiche, das von dem schottischen Hochlande bis zur Sahara, von den Säulen des Herkules bis zum Euphrat sich dehnte, wäre gegenüber solch vielgestaltigen Verhältnissen in all den Landschaften eine Politik, die um jeden Preis zu uniformieren strebt, ungeschickt, ja thöricht gewesen.

тельства къ отдѣльнымъ провинціямъ, городамъ и городскимъ общинамъ, особенно рельефно обнаруживающееся въ общественномъ строѣ западныхъ и восточныхъ провинцій[1]), и составляетъ одно изъ наиболѣе важныхъ затрудненій при изслѣдованіи исторіи развитія городовъ и воздѣйствій на нихъ со стороны римской центральной власти.

Для правильнаго пониманія и освѣщенія этого сложнаго вопроса о воздѣйствіи римскаго правительства на общественный строй и внутреннюю жизнь городовъ въ Италіи и провинціяхъ въ первые три вѣка имперіи особенно важнымъ является вопросъ о взаимоотношеніяхъ, существовавшихъ между этими городами и римскими императорами.

„Съ установленіемъ императорской власти“,—говоритъ Либенамъ[2])—„для городовъ римской имперіи наступилъ періодъ великаго разцвѣта и блестящаго экономическаго развитія подъ могущественной защитой величественной pax Romana. Съ чувствомъ глубокой признательности наслаждались вездѣ спокойствіемъ и общественной безопасностью, дарованными Августомъ истощенному безконечными войнами міру... Не удивительно поэтому, если виновнику столь великихъ благъ, превышавшихъ даже самыя смѣлыя надежды, охотно предоставляли первенствующую роль въ государствѣ, если ему и его преемникамъ оказывали даже божескія почести и въ восторженныхъ хвалахъ превозносили неописуемое счастье наступившаго времени“[3]).

---

[1]) На это указываютъ *Levy*, Revue d. études grecques 1895, VIII, p. 203 и *L. Mitteis*, Reichsrecht und Volksrecht in d. östlich. Provinzen d. röm. Kaiserreichs, Leipzig 1891, p. 8.

[2]) *Liebenam*, l. c., p. 453.

[3]) Срв. *Mommsen*, Röm. Geschichte, Bd. V, p. 3—5.—Понятно, что хвалебные отзывы населенія объ императорахъ не всегда соотвѣтствовали дѣйствительности; въ особенности слѣдуетъ отмѣтить, что нѣкоторые императоры, враждуя въ Римѣ съ сенатомъ, пользовались большими симпатіями внѣ Рима, особенно въ провинціяхъ. Срв. Tac. Hist. IV, 74.

Приведенныя слова Либенама, какъ нельзя лучше, резюмируютъ какъ общее положеніе городовъ въ первые вѣка имперіи, такъ и преобладавшее тогда настроеніе и отношеніе римскихъ подданныхъ къ императорамъ. Дѣйствительно, присматриваясь ближе къ положенію городовъ въ первые вѣка имперіи, мы убѣждаемся, что оно, даже во время правленія худшихъ изъ императоровъ, въ общемъ было довольно хорошее. Благодѣтельное вліяніе продолжительнаго мира и единство и устойчивость государственной власти, наступившія вмѣстѣ съ монархіею, естественно должны были расположить разнородное по своему составу населеніе римскаго государства въ пользу императоровъ. Этому взаимному сближенію городовъ и другихъ общинъ съ императорами способствовали, кромѣ того, еще два обстоятельства: во-первыхъ, непрерывныя и непосредственныя сношенія между отдѣльными городами и императорами, представляющія собою характерную и отличительную особенность только первыхъ трехъ вѣковъ имперіи, и, во-вторыхъ, то вниманіе и живое участіе, съ которыми многіе императоры относились къ интересамъ и нуждамъ подвластныхъ Риму земель и народовъ. Многочисленныя депутаціи, отправляемыя какъ провинціями, такъ и отдѣльными городами къ императорамъ по самымъ разнообразнымъ поводамъ[1]), всевозможныя почести, чествованія и отличія, оказываемыя императорамъ городами часто за дѣйствительныя ихъ правительственныя заботы и попеченіе, установившійся по всей римской имперіи культъ императоровъ и частыя путешествія, предпринимаемыя многими императорами (особенно Августомъ и Адріаномъ) для непосредственнаго ознакомленія съ нуждами и положеніемъ отдѣльныхъ частей государства,—все это составляетъ неотъемлемую часть исторіи взаимоотношеній между городами и римскими императорами въ первые три вѣка имперіи.

[1]) См. *И. Турцевичъ*, „Обращенія къ императору провинціальныхъ сеймовъ, городскихъ и другихъ обществъ въ первые три вѣка Римской имперіи“ (Извѣстія истор.-филол. Института кн. Безбородко т. XVIII (1900), и т. XIX (1901).

Таковы главнѣйшія соображенія, съ которыми необходимо долженъ считаться изслѣдователь вопроса объ отношеніяхъ римскаго правительства и императоровъ къ городамъ въ первые три вѣка имперіи. Вопросъ этотъ весьма сложный и для окончательнаго выясненія и рѣшенія его потребуется еще детальная разработка цѣлаго ряда частныхъ вопросовъ, къ числу которыхъ, между прочимъ, относится и вопросъ о почетныхъ должностяхъ римскихъ императоровъ въ городахъ, которому мы посвящаемъ эту статью[1]).

Упоминанія о томъ, что римскіе императоры и нѣкоторые члены императорской фамиліи занимали почетныя должности въ городахъ Италіи и провинцій, встрѣчаются главнымъ образомъ въ надписяхъ—римскихъ, а отчасти и въ греческихъ. Кромѣ того, нѣкоторыя указанія и разъясненія по этому вопросу даютъ намъ древнія монеты и произведенія греческихъ и римскихъ писателей.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ случаевъ занятія императорами почетныхъ городскихъ магистратуръ, считаемъ необходимымъ предпослать здѣсь еще нѣсколько, связанныхъ съ этимъ вопросомъ, замѣчаній общаго характера.

[1]) Вопросъ этотъ до настоящаго времени не служилъ еще предметомъ отдѣльнаго изслѣдованія. Въ руководствахъ *Марквардта* (Röm. Staatsverwaltung, Leipz. 1873, I, p. 493), *Мадвига* (Die Verfassung u. Verwaltung d. röm. Staates, Leipz. 1882, II, p. 15), *Моммзена* (Röm. Staatsrecht, II³, p. 813—814) и *Карловы* (Röm. Rechtsgeschichte, Leipz. 1885, I, p. 599) мы находимъ лишь самыя общія замѣчанія и указанія по данному вопросу. Значительно полнѣе собранъ относящійся сюда матеріалъ въ обстоятельной книгѣ *Либенама* (Städteverwaltung im röm. Kaiserreiche. Leipz. 1900, p. 261—262), но и здѣсь авторъ ограничивается лишь указаніемъ важнѣйшихъ надписей и монетъ, почти не привлекая сюда довольно многочисленныхъ свидѣтельствъ древнихъ авторовъ.

Прежде всего, слѣдуетъ указать на то, что унаслѣдованный еще отъ республики [1]) обычай, въ силу котораго римскіе императоры нерѣдко принимали предложенныя имъ honoris causa городскія должности, относится исключительно ко времени первыхъ трехъ вѣковъ имперіи. Отъ IV-го и слѣдующихъ вѣковъ мы почти никакихъ свѣдѣній о существованіи этого обычая, по крайней мѣрѣ, насколько онъ касается римскихъ императоровъ, не имѣемъ [2]).

---

[1]) Уже въ концѣ республики нѣкоторыя знатныя и вліятельныя лица въ Римѣ занимали почетныя должности въ городахъ внѣ Рима. Такъ, напр., Гней Помпей и Люцій Пизонъ были дуумвирами въ Капуѣ (Cic. post red. XI, 29; pro Sest. VIII, 19); Гней Ателлій (и царь Юба) были duumviri quinquennales въ Новомъ Карѳагенѣ (*Heiss*, Monnaies de l'Espagne, p. 269, № 5).—Въ императорскую эпоху упоминаются въ качествѣ почетныхъ городскихъ магистратовъ слѣдующія частныя лица: Титъ Статилій Тавръ былъ quinquennalis въ Диррахіѣ (C. I. L. III, 605); Маркъ Барбатій—duumvir въ Коринѳѣ (*Mommsen*, Röm. Staatsrecht II³ p. 828, A. 5); Гней Домицій Аэнобарбъ (отецъ имп. Нерона)—duumvir въ Антіохіи Писидійской (C. I. L. III, 6809; Eph. epigr. V, № 1244); Тиберій Статилій Северъ—duumvir въ италійской колоніи Cales (C. I. L. X, 3910); виртуозъ на флейтѣ Antigenidas изъ Никомедіи—δημιουργός въ Неаполѣ (*Kaibel*, Inscript. Graecae Sicil. et Italiae, № 737) и Геродъ Аттикъ—ἄρχων ἐπώνυμος (въ 135 г. по Р. Хр.) въ Аѳинахъ (*G. Goyau*, Chronologie de l'empire romain, Paris 1891, p. 203).

[2]) Слѣды этого обычая встрѣчаемъ еще въ средніе вѣка: „Ganz dasselbe thaten im Mittelalter die Päpste, welche sich zu Podestaten in Städten des Kirchenstaats wählen liessen" (*Gregorovius*, Der Kaiser Hadrian, Stuttgart 1884, p. 277, A. 2.) и даже въ новое время: „In neueren Zeiten haben Städte und Universitäten es sich zur Ehre angerechnet, wenn Fürsten den Titel ihrer Bürgermeister und Rectoren geführt haben" (*Gregorovius*, Gesch. d. röm. Kaisers Hadrian, Königsberg 1851, p. 65).—У *В. Саввы* (Московскіе цари и византійскіе василевсы, Харьковъ 1901, стр. 78, прим. 1) сообщается, что византійскіе императоры, принимая активное участіе въ совершеніи богослуженія, исполняли обязанности депутата. „Званіе *депутата*",—поясняетъ г. Савва—„вмѣстѣ съ званіемъ *дефензора* церкви (защитника), ставило императора въ разрядъ церковнослужителей и давало ему значительныя преимущества передъ міряняами. Этими званіями мотивируется,

Каково было юридическое положеніе тѣхъ городовъ, въ которыхъ занимали почетныя должности римскіе императоры? Принимали-ли императоры эти должности во всѣхъ городахъ римской имперіи или только въ городахъ извѣстныхъ категорій?

Насколько можно судить объ этомъ на основаніи дошедшихъ до насъ свидѣтельствъ, римскіе императоры и члены императорской фамиліи соглашались на принятіе почетныхъ должностей только въ наиболѣе привилегированныхъ въ правовомъ отношеніи городахъ, а именно 1) въ *civitates foederatae*, пользовавшихся, въ силу договора съ Римомъ, административной независимостью и освобожденіемъ отъ податей, 2) въ *civitates liberae et immunes*, пользовавшихся внутренней автономіей, а иногда и освобожденіемъ отъ податей, только въ силу особо пожалованной имъ римскимъ правительствомъ привилегіи, 3) въ municipia и coloniae juris Latini и 4)—last not least—въ coloniae и municipia civium Romanorum[1]).

между прочимъ, право царя на причащеніе подъ обоими видами отдѣльно и право входить въ алтарь св. воротами (проф. *Бѣляевъ*, Byzantina, II, 165, прим. 1)".

[1]) Любопытно, что въ императорскую эпоху, въ противоположность къ республиканскому времени, колоніи въ правовомъ отношеніи стояли выше муниципій (Gell. Noct. Att. XVI, 13, 3: existimamus meliore condicione esse colonias quam municipia). Различіе между колоніями и муниципіями опредѣляетъ Геллій (Noct. Attic. XVI, 13, 6 и 8) слѣд. образомъ: *Municipes* ergo sunt cives Romani ex municipiis, legibus suis et suo jure utentes, muneris tantum cum populo Romano honorari participes, a quo munere capessendo appellati videntur, nullis necessitatibus neque ulla populi Romani lege adstricti, nisi in quam populus eorum fundus factus est.—Sed *coloniarum* alia neccessitudo est; non enim veniunt extrinsecus in civitatem nec suis radicibus nituntur, sed ex civitate quasi propagatae sunt et jura institutaque omnia populi Romani, non sui arbitrii, habent. Quae tamen condicio, cum sit magis obnoxia et minus libera, potior tamen et praestabilior existimatur propter amplitudinem majestatemque populi Romani, cujus istae coloniae quasi effigies parvae simulacraque esse quaedam videntur, et simul quia obscura oblitterataque sunt municipiorum jura, quibus uti jam per innotitiam non queunt.

Въ городахъ же, поставленныхъ въ юридическомъ отношеніи ниже указанныхъ разрядовъ, т. е. въ civitates stipendiariae, императоры должностей не занимали[1]).

Что императоровъ избирали на почетныя должности сами города, объ этомъ свидѣтельствуетъ извѣстный статутъ испанскаго муниципія Salpensa, данный этому городу императоромъ Домиціаномъ,—между 82—84 гг. по Р. Хр.—какъ полагаетъ Моммзенъ (Gesammelte Schriften, Berlin 1905, Bd. I, p. 284). Согласно этому статуту, „отъ имени всѣхъ гражданъ“ принимали участіе въ избраніи императора „decuriones, conscriptive municipesve“ даннаго города[2]). О состоявшемся избраніи извѣщали императора, препровождая ему соотвѣствующее постановленіе.

На какія должности избирались императоры? Отвѣтить на этотъ вопросъ было-бы нетрудно, даже при отсутствіи на этотъ счетъ свидѣтельствъ. Понятно само собою, что императору, какъ главѣ государства, могли быть предложены только высшія городскія должности, анологично тому, какъ онъ въ Римѣ занималъ лишь высшія магистратуры—консульство и цензуру. Это апріорное предположеніе подтверждается и всѣми имѣющимися у насъ по этому вопросу эпиграфическими, нумизматическими и литературными свидѣтельствами, согласно которымъ императоры занимали въ городахъ римской имперіи

---

[1]) Переченъ городовъ, въ которыхъ занимали почетныя должности римскіе императоры, приводимъ ниже, при каждомъ императорѣ въ отдѣльности.

[2]) *C. Bruns*, Fontes juris Romani antiqui, Lips. 1893, p. 144 (lex Salpens., c. 24): Si ejus municipi decuriones conscriptive municipesve imp(eratori) Caesar(i) Domitian(o) Aug(usto) p(atri) p(atriae) II viratum communi nomine municipum ejus municipi detuler(i)nt, imp(erator)(q)ue Domitian(us) Caesa(r) Aug(ustus) p(ater) p(atriae) eum II viratum receperit et loco suo praefectum quem esse jusserit, is praefectus eo (j)u(r)e esto, quo esset, si eum II vir(um) j(ure) d(icundo) ex h(ac) l(ege) solum creari oportuisset isque ex h(ac) l(ege) solus II vir i(ure) d(icundo) creatus esset.

должности—дуумвира, тріумвира, кватуорвира, квинквеннала, диктатора, претора, эдила, стефанефора, архонта, деміурга, гиппарха, демарха, гимназіарха, агоноѳета, патронома, алитарха, стратега.

Труднѣе отвѣтить на вопросъ, касающійся отдѣльныхъ компетенцій, правъ и обязанностей каждаго изъ названныхъ городскихъ магистратовъ, такъ какъ онъ тѣсно связанъ съ общимъ вопросомъ о внутренней организаціи и управленіи городовъ въ первые три вѣка имперіи, т. е. съ вопросомъ, который до настоящаго времени еще ждетъ своего обслѣдованія[1]). Дѣло въ томъ, что магистратуры въ городахъ обширной римской имперіи отличаются столь большимъ разнообразіемъ, что представить общій схематическій обзоръ ихъ, безъ предварительнаго детальнаго изученія административной организаціи каждой провинціи въ отдѣльности, нѣтъ никакой возможности.

Какъ велико было указанное разнообразіе въ общественномъ строѣ отдѣльныхъ городовъ, можно заключать уже изъ того, что до настоящаго времени не только не выяснены отдѣльныя функціи, права и обязанности встрѣчающихся въ различныхъ городахъ и общинахъ магистратовъ, но даже не установленъ еще точный списокъ этихъ властей[2]).

Что касается указанныхъ выше магистратуръ, занимаемыхъ отдѣльными императорами въ городахъ Италіи и про-

---

[1]) *W. Liebenam*, Städteverwaltung, p. III. Unter den wichtigsten Aufgaben, deren Lösung zur Zeit die klassische Altertumswissenschaft fordert, steht in erster Reihe: die städtische Verfassung, Verwaltung und bürgerliche Entwicklung innerhalb der im römischen imperium vereinigten Länder und Völkerschaften bis zum Untergange des Reiches systematisch wie historisch klarzulegen.

[2]) *W. Liebenam*, Berl. phil. Wochenschrift 1904, № 10, p. 303: eine vollständige Zusammenstellung derart (т. е. муниципальныхъ должностей) aus den Inschriften ist noch nicht vorhanden.—Онъ-же, Städteverwaltung, p. 256: eine vergleichende Durcharbeitung grösserer Städtecomplexe bezüglich der Formen, in denen die Gemeindeämter uns entgegentreten, würde nicht ergebnislos verlaufen.

винцій, то всѣ онѣ, безъ исключенія, принадлежали къ числу *высшихъ* городскихъ должностей. Изъ нихъ *duumviri*, *triumviri* и *quattuorviri jure dicundo* или, просто, duumviri, triumviri и quattuorviri, совмѣщавшіе въ своихъ функціяхъ обязанности, аналогичныя компетенціи консуловъ, преторовъ, эдиловъ и квесторовъ въ Римѣ, встрѣчаются главнымъ образомъ въ муниципіяхъ и колоніяхъ Италіи и западныхъ провинцій. Они стояли во главѣ мѣстнаго управленія въ качествѣ предсѣдателей муниципальной думы (сената) и комицій (lex Malac. 52; 59), руководили судопроизводствомъ (lex col. Genet. 94; 125; 128), управляли городскимъ хозяйствомъ (lex col. Genet. 93; lex Malac. 63) и имена ихъ, по образцу римскихъ консуловъ, служили въ городахъ для обозначенія года. Опредѣлить причины, вызвавшія необходимость количественнаго измѣненія обычной коллегіи дуумвировъ въ отдѣльныхъ городахъ,—попадаются нерѣдко V, VI, VIII, IX, X, XX-viri jure dicundo—пока еще нѣтъ возможности[1]). Далѣе, въ качествѣ высшаго должностнаго лица въ указанныхъ городахъ являются такъ наз. *quinquennales*[2]), обязанности которыхъ совершенно анологичны были компетенціямъ римскихъ цензоровъ конца республики. Избирались они черезъ каждые четыре года[3]),

---

[1]) *E. Herzog*, Gallia Narbonensis, Leipz. 1864, p. 218 говоритъ: vix potest fortuito factum, ut in *coloniis civium Romanorum* (провинціи Gallia Narbonensis) *duumviros* inveniamus jure dicundo, in *coloniis Latinis quattuorviros*. Существовало-ли такое различіе и въ другихъ провинціяхъ, до сихъ поръ еще не установлено. Срв. *W. Liebenam*, Städteverwaltung, p. 256.

[2]) *J. Neumann*, De quinquennalibus coloniarum et munipiciorum, Lipsiae 1892.—Любопытно, что по мнѣнію *O. Hirschfeld'a* (Sitzungsberichte d. Berl. Akad. 1897, p. 116), этихъ quinquennales—цензоровъ не было въ Gallia Narbonensis. Очевидно здѣсь производили цензъ особо назначавшіеся изъ Рима чиновники.

[3]) Fest., (ed. Muell., 1880), p. 261: Quinquennales in colonis appellabantur, qui lustrum conderent quinto quoque anno, a quo nominari coeptos.

на годичный срокъ, изъ очередныхъ дуумвировъ или кватуорвировъ и поэтому, нерѣдко, назывались II-viri (или IV-viri) censoria potestate quinquennales. Должность этихъ квинквенналовъ, въ виду важности порученныхъ имъ цензорскихъ обязанностей, считалась еще болѣе отвѣтственной и почетной, чѣмъ должность обычныхъ дуумвировъ (lex Iulia municipalis, с. 142: *maximum* mag(istratum) *maximamve* potestatem habebit tum, cum censor populi censum aget). Понятно, поэтому, что императоровъ, въ большинствѣ случаевъ, избирали именно на эту должность.

Рядомъ съ названными должностными лицами мы находимъ во главѣ городского управленія, особенно въ городахъ Лаціума, еще древнѣйшую магистратуру — единоличную *диктатуру*. Такъ, напр., сынъ Тиберія, Друзъ Цезарь, и императоръ Траянъ занимали должность диктатора въ г. Ариціи. Въ латинскихъ же колоніяхъ высшими магистратами являются преторы и эдилы, каковыя должности неоднократно занималъ императоръ Адріанъ (Hist. Aug., Hadr. 19).

Что касается городовъ греческаго Востока, то здѣсь разнообразіе въ названіяхъ высшихъ магистратуръ отдѣльныхъ городовъ было еще больше[1]).

Августъ и Гай Цезарь, сынъ Агриппы, упоминаются въ качествѣ στεφανηφόροι ἐπώνυμοι въ Гераклеѣ латмосской (Rev. de Phil. XXIII (1899), p. 288). Отдѣльныя функціи этой жреческой должности, являвшейся въ Гераклеѣ эпонимной, не могутъ быть точно установлены (*Liebenam*, Städteverwaltung, p. 347).

---

[1]) *W. Liebenam*, Städteverwaltung, p. 279: Wenn ich nun dazu übergehe, in analoger Weise auch für die Städte griechischer Verfassung eine Übersicht der bei den wichtigsteu Zweigen kommunaler Verwaltung in Betracht kommenden städtischen Beamten zu geben, so verkenne ich durchaus nicht die Schwierigkeiten, welche bei einem Versuch dieser Art schon deshalb zu überwinden sind, weil das schier unüberwindbare, in Inschriften und Münzen vorliegende Material erst zum kleinsten Teile nach solchen Gesichtspunkten durchgearbeitet ist.

Должность *архонта* занимали въ Аѳинахъ императоры Доміціанъ, Адріанъ и Галліенъ, и эту-же должность исправлялъ въ Дельфахъ императоръ Титъ. Діонъ Кассій (LXIX, 16) называетъ эту магистратуру μεγίστη ἀρχή и, дѣйствительно, во многихъ городахъ (напр. въ Аѳинахъ) она является эпонимной должностью, т. е. имена архонтовъ служили тамъ для обозначенія года.

Друзъ Цезарь, сынъ Тиберія, и императоръ Геліогабалъ были почетными *деміургами*, первый—въ Аѳинахъ, второй—въ Аназарбѣ. Въ городахъ греческаго Востока деміурги, несомнѣнно, принадлежали къ числу *высшихъ* магистратовъ (*Pauly-Wissowa*, Real-Encycl. IV, p. 2859); поэтому свидѣтельство Гезихія, согласно которому функціи деміурговъ въ дорійскихъ городахъ были, будто-бы, аналогичны функціямъ *демарховъ* въ Аѳинахъ, не совсѣмъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности[1]).

Императоръ Калигула упоминается въ качествѣ *гиппарха* въ г. Кизикѣ, гдѣ эта должность была эпонимной (ср. G. *Gilbert*, Handbuch d. griech. Staatsalterthümer, Leipz. 1885, II, p. 196).

Должность *демарха*, *гимназіарха* и *агоноѳета* занималъ въ Неаполѣ императоръ Титъ и тамъ-же былъ демархомъ императоръ Адріанъ. Изъ названныхъ должностей городскими магистратурами являются только демархія и гимназіархія; агоноѳеты же были только устроителями и предсѣдателями общественныхъ игръ и состязаній (см. подробнѣе объ этомъ Liebenam, Städteverwaltung, p. 373).

Въ качествѣ почетнаго *патронома* въ Спартѣ упоминается императоръ Адріанъ. По мнѣнію *С. Жебелева* (АХАІКА. Въ области древностей провинціи Ахаіи, Спб. 1903, p. 217), патрономы „въ императорскую эпоху, несомнѣнно, изъ всѣхъ маги-

---

[1]) Hesychius, s. v. δημιουργός· παρὰ τοῖς Δωριεῦσιν οἱ ἄρχοντες τὰ δημόσια πράττοντες, ὥσπερ Ἀθήνησιν οἱ δήμαρχοι.—Указанная Гезихіемъ аналогіи, существовала только въ Элидѣ, гдѣ деміурги, повидимому, дѣйствительно исполняли обязанности аѳинскихъ демарховъ (*Pauly-Wissowa*, IV, p. 2859).

стратовъ занимали въ Спартѣ *главное* мѣсто“; срв. *Boeckh*, C. I. G. I, p. 605).

Императоръ Діоклеціанъ и еще какой-то императоръ исправляли въ Антіохіи (сирійской) должность *алитарха*. Должность эта, подобно упомянутой выше агоноѳесіи, состояла въ высшемъ руководительствѣ и устройствѣ общественныхъ игръ и избирались на нее обыкновенно знатнѣйшія и вліятельнѣйшія лица города (Pauly-Wissowa, Real-Encycl. I, p. 1711 и II, p. 1576).

Наконецъ, упоминается въ качествѣ почетнаго *стратега* города Аѳинъ императоръ Константинъ. Функціи и обязанности стратеговъ въ Аѳинахъ опредѣляетъ Филостратъ (Vit. soph. I, 23, I, p. 225) слѣдующимъ образомъ: προὔστη δὲ καὶ τοῦ Ἀθηναίων δήμου στρατηγήσας αὐτοῖς τὴν ἐπὶ τῶν ὅπλων· ἡ δὴ ἀρχὴ αὕτη πάλαι μὲν κατέλεγέ τε καὶ ἐξῆγεν ἐς τὰ πολέμια· νυνὶ δὲ τροφῶν ἐπιμελεῖται καὶ σίτου ἀγορᾶς. Помимо заботъ о продовольствіи города хлѣбомъ и надзора за рыночной торговлей, къ обязанностямъ стратеговъ принадлежала и учебно-воспитательная часть (Plut., Quaest. symp. 9, 1, 1: Ἀμμώνιος Ἀθήνησι στρατηγῶν ἀπόδειξιν ἔλαβε τῷ Διογενείῳ τῶν γράμματα καὶ γεωμετρίαν καὶ τὰ ῥητορικὰ καὶ μουσικὴν μανθανόντων ἐφήβων).

По какимъ поводамъ города избирали императоровъ своими должностными лицами и что побуждало самихъ императоровъ принимать эти должности?

Указать здѣсь всѣ эти поводы мы, конечно, не можемъ, уже по той простой причинѣ, что имѣющіяся у насъ свидѣтельства по этому вопросу далеко не отличаются полнотою и опредѣленностью. Въ виду этого мы можемъ ограничиться здѣсь лишь указаніемъ важнѣйшихъ и наиболѣе вѣроятныхъ мотивовъ.

Иногда городъ выражалъ императору свою благодарность и признательность за оказанныя имъ благодѣянія. Такъ, напр., аѳиняне, избравшіе императора Адріана своимъ архонтомъ, неоднократно называютъ его своимъ „благодѣтелемъ“ и „спасителемъ“ (ὁ ἴδιος εὐεργέτης—C. I. A. III, 486; σωτὴρ οἰκιστής—C. I. G. 2866; σωτὴρ καὶ εὐεργέτης—C. I. G. 2877 и мн. др.). О пожертвованіяхъ императоровъ городамъ, см. *W. Liebenam*, Städteverwaltung, p. 158 сл.

Нерѣдко императоры были *основателями* или *возобновителями* тѣхъ городовъ, въ которыхъ впослѣдствіи занимали почетныя должности. Такъ, напр., Августъ былъ квинквенналомъ въ основанной имъ-же колоніи Caesaraugusta, а Траянъ—квинквенналомъ въ колоніи Sarmizegetusa. Обыкновенно императоры, въ знакъ особаго благоволенія, жаловали такимъ городамъ (особенно колоніямъ) свои имена, о чемъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ почетныхъ титуловъ городовъ, именующихъ себя Augusta, Flavia, Trajana и т. д.[1]).

Иногда имераторы принимали почетныя должности въ *родномъ* городѣ. Адріанъ, напр., по свидѣтельству Элія Спартіана (Hist. Aug., Hadr. 19), былъ квинквенналомъ „in *patria* sua“, т. е. въ испанскомъ муниципіѣ Италикѣ, а императоръ Неронъ—кватуорвиромъ въ сабинскомъ городѣ *Cures*, будучи самъ, по словамъ Геллія (Noct. Att. XIII, 23, 8), сабинскаго происхожденія.

Нерѣдко объясненіемъ для почетныхъ должностей императоровъ въ томъ или другомъ городѣ служатъ фамильныя преданія императоровъ. Такъ, напр., частое упоминаніе г. Пренесты въ числѣ городовъ, предлагавшихъ императорамъ почетныя должности, несомнѣнно указываетъ на существованіе болѣе близкихъ отношеній императорской фамиліи къ древнему оракулу пренестинской Фортуны (срв. Suet. Dom. 15).

Весьма важное значеніе при объясненіи мотивовъ, побуждавшихъ отдѣльные города избирать императоровъ своими должностными лицами, имѣютъ поѣздки и путешествія императоровъ. Во время этихъ путешествій они имѣли возможность не только ознакомиться съ нуждами и желаніями отдѣльныхъ городовъ, но и оказывать имъ фактическую помощь и поддержку—иногда путемъ немедленнаго даже исполненія ихъ просьбъ. Само собою понятно, что такое непо-

[1]) О почетныхъ титулахъ городовъ см. *Iung*, Mitteilung. d. Instituts f. österreich. Geschichtsforschung 1895, Erg.-Band V, p. 17 сл. и *Detlefsen*, Philolog. XXX, p. 274 сл.

средственное вниманіе и участіе императоровъ къ интересамъ посѣщаемыхъ ими городовъ, въ свою очередь, не оставалось безъ отплаты со стороны этихъ городовъ и, естественно, должно было вызывать у нихъ желаніе, такъ или иначе выразить имъ свою признательность. Въ виду этого, приписывать всевозможныя почести и чествованія, оказываемыя императорамъ отдѣльными городами, исключительно ихъ чувсту лести и раболѣпства, было-бы, во многихъ случаяхъ, не справедливо[1]).

Нерѣдко, наконецъ, нѣкоторые города, въ которыхъ занимали почетныя должности императоры, находились въ особыхъ отношеніяхъ къ Риму, благодаря ихъ выдающейся исторической роли въ прошломъ или настоящемъ. Къ числу такихъ городовъ относятся, напр., Аѳины, Коринѳъ, Антіохія и незначительный сабинскій городъ Cures, имя котораго, какъ извѣстно, тѣсно связано съ начальной исторіей г. Рима.

Въ случаѣ принятія почетной должности въ извѣстномъ городѣ, императоръ вмѣсто себя назначалъ всегда префекта—замѣстителя[2]), когда, по весьма понятнымъ причинамъ, не имѣлъ возможности лично отправлять предложенную ему должность. Такой императорскій префектъ въ надписяхъ называется обыкновенно „praefectus imperatoris", съ прибавленіемъ имени императора въ родительномъ падежѣ; лишь одинъ разъ находимъ выраженіе „praefectus pro imperatore" (C. I. L. III, 1497; 1503). Встрѣчаются, наконецъ, и болѣе точныя обозначенія, въ родѣ: „praefectus quinquennalis", „praefectus quinquennalici juris", „praefectus jure dicundo" и „praefectus quattuorvirali potestate".

Указанныхъ префектовъ императоры, какъ можно заключать изъ статута города Салпензы, назначали всегда сами (lex

[1]) *W. Liebenam*, Städteverwaltung, p. 475, A. 2: ich denke dabei an zahlreiche Widmungen, die keineswegs lediglich aus platter Schmeichelei und hyperloyaler Gesinnung flossen.

[2]) *Mommsen*, Gesammelte Schriften I, p. 339, A. 160: in *praefectus* liegt wesentlich der Begriff der mandirten Gewalt.

Salpens., c. 24: si imperator... eum II viratum receperit et loco suo praefectum quem esse jusserit). Лица же, принадлежавшія къ императорской фамиліи, иногда, почему-то, предоставляли право избранія и назначенія своихъ префектовъ сенату[1]).

Замѣняющій императора префектъ былъ единственнымъ высшимъ должностнымъ лицомъ даже въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ во главѣ мѣстнаго управленія въ обычное время стояла коллегіальная магистратура (lex Salpens., c. 24: is praefectus eo jure esto, quo esset, si eum II vir(um) j(ure) d(icundo) ex h(ac) l(ege) solum creari oportuisset isque ex h(ac) l(ege) solus II vir j(ure) d(icundo) creatus esset). Свидѣтельствъ о томъ, чтобы рядомъ съ императоромъ, какъ коллега, занимало высшую должность въ городѣ какое-нибудь частное лицо, мы не имѣемъ[2]).

Иначе обстояло дѣло, когда почетную городскую должность принимало лицо императорской фамиліи. Префектъ такого лица отправлялъ возложенныя на него обязанности обыкновенно совмѣстно съ обычнымъ дуумвиромъ (срв., напр., *Eckhel*, Doctr. num. I, 4, p. 477: Tib. Flavo praef. German. L. Iuven. Luperco II vir(o)—на монетѣ колоніи Цезаравгусты).

---

[1]) Такъ, напр., были назначены „ex senatus consulto“ префектъ Германика въ г. Интерпромiѣ (C. I. L. IX, 3044) и префекты Германика и Друза Цезаря, сына имп. Тиберія, въ г. Пренестѣ (C. I. L. XIV, 2964). По мнѣнію *Карловы* (Röm. Rechtsgeschichte I, p. 599) и *Либенама* (Städteverwaltung, p. 263, A. 1), подъ „senatus“ слѣдуетъ понимать здѣсь не „римскій сенатъ“, а сенатъ или думу отдѣльныхъ городовъ (Gemeinderat). Необходимо, однако, отмѣтить, что изъ выраженія „ex senatus consulto“ нельзя выводить заключенія, что назначеніе префектовъ въ данныхъ случаяхъ исходило исключительно отъ городского сената и во всякомъ случаѣ безъ предварительнаго согласія на то со стороны самихъ лицъ императорской фамиліи и императоровъ.

[2]) *Mommsen*, Röm. Staatsrecht II[3], p. 814, A. 2: es ist mir keine Inschrift bekannt, in der dem Princeps als Gemeindebeamten ein privater College zur Seite stände.—Исключеніе составляютъ, по мнѣнію Моммзена l. c., лишь соправители. Въ Новомъ Карѳагенѣ, напр., повидимому, одновременно занимали должность квинквенналовъ Августъ и Маркъ Агриппа (*Heiss*, Monnaies de l'Espagne, p. 270, № 12—13).

Встрѣчаются, однако, и случаи, когда высшую должность въ городѣ одновременно занимають два префекта, которые оба являются замѣстителями лицъ императорской фамиліи (срв. C. I. L. X, 6101 и XIV, 2964).

Что императоры и лица императорской фамиліи избирались почетными магистратами въ городахъ лишь на годичный срокъ, объ этомъ можно заключать изъ слѣдующаго. Во-первыхъ, въ статутѣ города Салпензы ничего не говорится объ отступленіи въ данномъ случаѣ отъ принципа годичности магистратуры. Во-вторыхъ, почетная должность императоровъ въ городахъ является эпонимной для соотвѣтствующихъ годовъ (срв. *Pauly-Wissowa*, Hallband III, p. 594—598 и *Hermann*, Lehrb. d. griech. Staatsalterth.[5], p. 787—789). Въ третьихъ, наконецъ, на годичность занимаемой императорами почетной должности указываетъ прибавленіе слова „bis" при имени префекта сыновей Германика, Друза и Нерона (C. I. L. II, 5617), а равно и словъ „τὸ τέταρτον" и „τὸ δεύτερον" при именахъ Августа и Гая Цезаря, сына Марка Агриппы, занимавшихъ должность эпонимнаго стефанефора въ Гераклеѣ латмосской (Rev. de Phil. (1899), XXIII, p. 288).

Что касается правъ и обязанностей императорскаго префекта, то онъ, какъ видно изъ статута города Салпензы, пользовался въ полномъ объемѣ всѣми правами и привилегіями, предоставленными по закону высшему магистрату города. Такъ какъ префектъ императора въ теченіе года обыкновенно одинъ занималъ высшую должность въ городѣ, то ясно, что въ его-же рукахъ сосредоточено было высшее управленіе всѣми дѣлами города. Весьма вѣроятно при этомъ, что императоры иногда давали руководящія указанія и инструкціи своимъ префектамъ еще до вступленія ихъ въ должность.

Что императорскій префектъ, какъ замѣститель и представитель главы государства, пользовался въ городѣ значительно бо́льшимъ вліяніемъ и почетомъ, чѣмъ обычный высшій магистратъ, понятно само собою. Точно также не нуж-

дается въ объясненіи и то обстоятельство, что въ статутѣ города Салпензы мы не находимъ никакихъ ограниченій относительно личности, возраста и правовыхъ качествъ назначаемыхъ императорами префектовъ, каковыя ограниченія точно формулированы въ томъ-же статутѣ (lex Salpens., c. 25) по отношенію къ префектамъ, назначавшимся дуумвирами на случай ихъ отъѣзда изъ города.

Иногда, что случалось, однако, весьма рѣдко, императоры занимали почетныя должности въ городахъ лично; въ такихъ случаяхъ, само собою разумѣется, о замѣстителѣ императора уже не можетъ быть рѣчи.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ случаевъ занятія почетныхъ должностей римскими императорами въ городахъ въ первые три вѣка имперіи. Включая въ нашъ обзоръ и другихъ лицъ императорской фамиліи, постараемся, по мѣрѣ возможности, выяснить взаимоотношенія, существовавшія между отдѣльными городами и лицами, занимавшими въ нихъ почетныя должности, а слѣдовательно и мотивы, побуждавшіе эти города избирать своими должностными лицами императоровъ и лицъ императорской фамиліи.

У древнихъ писателей мы не находимъ никакихъ упоминаній о томъ, что Августъ занималъ почетныя должности въ городахъ римской имперіи[1]). Единственнымъ источ-

[1]) Здѣсь, полагаемъ, умѣстно будетъ сказать нѣсколько словъ о патронатѣ римскихъ императоровъ въ городахъ,—между прочимъ, потому, что по этому вопросу находимъ нѣкоторыя невѣрныя утвержденія. Такъ, напр., *Hübner* (въ прим. къ C. I. L. II, 5093) говоритъ, что императоры вообще не принимали патроната въ городахъ. *Sebastian* (De patronis coloniarum atque municipiorum, Hal. 1884, p. 12), присоединяясь къ этому мнѣнію, предлагаетъ съ своей стороны слѣдую-

никомъ для насъ въ данномъ случаѣ являются монеты и одна греческая надпись, по свидѣтельству которыхъ Августъ honoris causa былъ duumvir quinquennalis въ *Пеллѣ*,—duumvir въ *Коринѳѣ*,—четыре раза στεφανηφόρος ἐπώνυμος въ *Гераклеѣ* латмосской,—quinquennalis въ *Цезаравгустѣ* и—quinquennalis въ *Новомъ Карѳагенѣ*[1]).

щее, по меньшей мѣрѣ, одностороннее объясненіе: „Nam si revera patroni erat, voluntatem urbis coram imperatore exprimere ejusque causam apud eum agere, imperatorem ipsum patronatum suscipere non potuisse apparet. Attamen unum exemplum est, quod huic opinioni repugnat: C. I. L. X, 8035—C. Caesari Augusti f., Imp. Caesari Divi f. Augusto, L. Caesari Augusti f.... dec. et c(oloni) c(oloniae) V(eneriae) P(acensis) Aleriae patronis".—Есть, однако, еще цѣлый рядъ другихъ надписей, свидѣтельствующихъ о патронатѣ Августа въ городахъ; такъ, напр., онъ былъ patronus: Uliensium (C. I. L. II, 1525)—Grumentorum (X, 206)—Campanorum (X, 3826), Interamnatium Lirenatium (X, 5332),—Sedunorum (XII, 136),—Nantuatium (XII, 145). Принимали-ли патронатъ въ городахъ и послѣдующіе императоры, этотъ вопросъ еще не выясненъ; Моммзенъ (C. I. L. X, p. 1159) утверждалъ, что „aetate posteriore ejusmodi patronatus imperatorii nulli reperiuntur". О патронатѣ другихъ лицъ императорской фамиліи имѣемъ слѣдующія свидѣтельства: 1) *Маркъ Агриппа:* C. I. L. II, 1527 (Ulia); IX, 262 (Gnathia), 4616 (Cubulteria), 4677 (Reate). X, 4831 (Rufrae).—2) *Гай Цезарь* (сынъ Агриппы): C. I. L. II, 1526 (Ulia); X, 8035 (Aleria in Corsica) XI, 1420 (Pisae); XII, 3155 (Nemausus).—3) *Гай* или *Люцій Цезари* (сыновья Агриппы): C. I. L. II, 5093 (Salaria).—4) *Люцій Цезарь* (сынъ Агриппы): C. I. L. IX, 3914 (Alba); X, 8035 (Aleria); XI, 1420 (Pisae); XIV, 2910 (Praeneste).—5) *Тиберій* (до установленія) C. I. L. II, 1529 (Ulia), 1113 (Italica); Ephem. epigr. III, n. 53 (Carthago Nova).—6) *Вибія Аврелія Сабина* (дочь имп. Марка Аврелія): C. I. L. VIII, 5327—5328 (Calama in Numidia).—7) *Тацитъ* (впослѣдствіи императоръ): Wilmanns, № 1038 (Interamna Nahars).

[1]) *I. Eckhel*, Doctrina numorum veterum, I, 4, p. 477 указываетъ еще на римскую колонію Celsa (въ Hispania Tarraconensis), гдѣ, по его мнѣнію, упоминается praefectus quinquennalis Октавіана-Августа. Но надпись на приведенной имъ монетѣ (Imp. Caes.. C. L. Ben. praef.) не даетъ намъ никакого основанія утверждать, что здѣсь рѣчь идетъ именно о префектѣ—„замѣстителѣ" Августа. Кромѣ того,

Каковы же были отношенія Августа къ названнымъ городамъ и что могло служить для нихъ поводомъ предложить ему эти почетныя должности?

Городъ *Пелла* (древняя столица македонскихъ царей) по своему правовому положенію принадлежалъ къ числу римскихъ колоній. Объ этомъ свидѣтельствуютъ не только Плиній Старшій[1]), но и надписи[2]) и монеты этого города. Вопросъ о томъ, *когда* и *кѣмъ* была основана эта колонія, до настоящаго времени еще не рѣшенъ окончательно. *Марквардтъ*[3]) и *Кубичекъ*[4]) приписываютъ основаніе ея Октавіану-Августу, не приводя, однако, никакихъ вѣскихъ доказательствъ въ подтвержденіе своего мнѣнія. А между тѣмъ, единственнымъ подтвержденіемъ этого мнѣнія, на первый взглядъ, могли-бы служить только почетный титулъ этого города—Col(onia) Iul(ia) *Aug(usta)* Pella,—встрѣчающійся на всѣхъ монетахъ времени имперіи[5]), и затѣмъ еще собственныя слова Августа,

---

самая принадлежность этой монеты городу Celsa до сихъ поръ еще не доказана и самъ Eckhel допускаетъ возможность, отнести ее къ числу монетъ aut Celsae aut forte verius Carthaginis Novae.—Столь же сомнительнымъ является его предположеніе относительно префекта Августа въ испанскомъ городѣ *Calagurris*.

[1]) Plin., H. N. IV, 10 (17), 33: Macedonia postea CL populorum, duobus incluta regibus quondamque terrarum imperio, Emathia ante dicta... 34: Intus Aloritae, Vallaei, Phylacaei, Cyrrestae, Tyrissaei, *Pella colonia*, oppidum Stobi civium Romanorum.

[2]) См. C, I. L. III, p. 161.

[3]) *I. Marquardt*, Römische Staatsverwaltung II[2], p. 320.

[4]) *I. W. Kubitschek*, Imperium Romanum tributim discriptum, Vindob. 1889, p. 240: colonias in hac provincia (Macedonia) ante Valerianum quod scio solus Augustus condidit: Cassandream Dium Dyrrhachium P e l l a m Philippos, fortasse etiam Byllidem.

[5]) *A. Zumpt*, Comment. epigraph. I, p. 377: Nummi ejus (Pellae) sunt ab Hadriano usque ad Philippum, in quibus semper nominatur *Col. Iul. Aug. Pella...* Срв. также *Barclay V. Head*, Historia numorum a manual of Greek numismatics (Oxford, 1887), p. 212: As a Roman colony under the Empire the coins of Pella bear the Latin inscr. *Col. Iul. Aug. Pella.*

которыя приводятся въ Monumentum Ancyranum[1]). Однако, и эти доказательства, при ближайшемъ разсмотрѣніи, окажутся слишкомъ мало убѣдительными. Во-первыхъ, уже присутствіе имени *Iulia* въ почетномъ титулѣ города Пеллы указываетъ на такое или иное отношеніе къ нему Юлія Цезаря[2]); во-вторыхъ, упомянутое мѣсто въ Monumentum Ancyranum свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что Августомъ дѣйствительно были основаны колоніи въ Македоніи, но ничего не говоритъ о томъ, что къ числу этихъ колоній принадлежала и Пелла; въ-третьихъ, наконецъ, надпись на одной изъ монетъ этого города[3]), согласно которой Октавіанъ, вмѣстѣ съ нѣкимъ Люціемъ Аунціемъ, занималъ почетную должность duumviri quinquennalis въ Пеллѣ, называвшейся уже въ то время *колоніей*, говоритъ въ пользу того, что Пелла получила права римской колоніи еще *до* Октавіана[4]). Всѣ эти соображенія

---

[1]) Res gestae Divi Augusti, ed. *Th. Mommsen* (Berol. 1883), p. 119, c. XXVIII. Въ перечнѣ колоній, основанныхъ Августомъ, Моммзенъ не называетъ Пеллы; этотъ пропускъ, однако, можно было-бы объяснить тѣмъ, что указанный перечень вообще не претендуетъ на полноту, такъ какъ, по собственному заявленію Моммзена, перечисленныя въ немъ колоніи приведены имъ только „inter alias".

[2]) *L. Hollaender*, De militum coloniis ab Augusto in Italia deductis (1880), p. 14 доказываетъ, что титулъ *Iulia Augusta* носили только тѣ колоніи, которая „*iterum auctae* sunt post a. 727" и приводитъ въ подтвержденіе своего мнѣнія италійскія колоніи Iulia Felix Augusta Capua, Iul. Aug. Parma, Iul. Aug. Florentia и др.—Срв. *Mommsen*, Die italischen Bürgercolonien von Sulla bis Vespasian (Hermes 1883, Bd. XVIII, p. 185).

[3]) *Imhoof-Blumer*, Monnaies grecques, p. 87, № 100: на лицевой сторонѣ монеты стоятъ слова: Spes *coloniae* Pellensis, на обратной сторонѣ: CAESA·R· F· L·ARVNTIVS· II· VIR· QVIN· и голова Октавіана. О необычномъ (въ надписяхъ и на монетахъ) прозваніи Октавіана „Caesar filius" см. *A. v. Sallet* (Zeitschrift f. Numismat. I, p. 169), *I. Neumann* (De quinquennalibus coloniarum et municipiorum, Lips. 1892. p. 59—60) и Beschreibung der antiken Münzen d. Kgl. Museums zu Berlin (1889), II, p. 112 sq.

[4]) *A. Zumpt*, l. c. p. 377 утверждаетъ: „nec *ante* bellum Actiacum conditam esse (Pellam) testantur ii (nummi), *in quibus M. Antonii et*

приводятъ насъ къ тому заключенію, что Юлій Цезарь, если не основалъ, то, по крайней мѣрѣ, первый задумалъ основать колонію на мѣстѣ прежняго города Пеллы; Августъ же, по всей вѣроятности, только увеличилъ составъ ея населенія отправленіемъ туда новыхъ колонистовъ. Этимъ только мы и можемъ объяснить себѣ — какъ присутствіе именъ *Iulia Augusta* въ почетномъ титулѣ города Пеллы, такъ и исправленіе Августомъ высшей городской должности въ этой колоніи. Впрочемъ, не лишено вѣроятія предположеніе, что у гражданъ г. Пеллы былъ еще другой мотивъ для предложенія Августу почетной должности. А именно, весьма возможно, что въ числѣ греческихъ городовъ, получившихъ, по словамъ Плутарха[1]), матеріальную поддержку отъ Октавіана, находился и г. Пелла[2]).

Болѣе точныя свѣдѣнія имѣемъ мы объ отношеніяхъ Августа къ *Коринөу*. Этотъ городъ, разрушенный римлянами въ 146-мъ году при покореніи Греціи, былъ возобновленъ впослѣдствіи въ видѣ римской колоніи Юліемъ Цезаремъ (около 44 г. до Р. Хр.[3]) и въ честь его названъ Laus Iulia

---

Octaviani nomen est, nulla coloniae mentione". Противъ этого говоритъ уже только-что указанная нами монета.

[1]) Plut. Ant. 68: διαλλαγεὶς τοῖς Ἕλλησι τὸν περιόντα σῖτον ἐκ τοῦ πολέμου διένειμε (Октавіанъ) ταῖς πόλεσι πραττούσαις ἀθλίως καὶ περικεκομμέναις χρημάτων, ἀνδραπόδων, ὑποζυγίων.

[2]) О состояніи г. Пеллы въ императорскую эпоху говоритъ Лукіанъ (Alexandr. 6): Πελλαία δὲ ἦν ἐκείνη, πάλαι μὲν εὐδαίμονος χωρίου κατὰ τοὺς τῶν Μακεδόνων βασιλέας, νῦν δὲ ταπεινοῦ καὶ ὀλιγίστους οἰκήτορας ἔχοντος.

[3]) Strab. VIII, 6, 23: πολὺν δὲ χρόνον ἐρήμη μείνασα ἡ Κόρινθος ἀνελήφθη ὑπὸ Καίσαρος τοῦ θεοῦ διὰ τὴν εὐφυΐαν, ἐποίκους πέμψαντος τοῦ ἀπελευθερικοῦ γένους πλείστους. Cass. Dio XLIII, 50: καὶ τὴν Καρχηδόνα τήν τε Κόρινθον ἀνέστησεν (Юлій Цезарь).—*A. Zumpt*. Comm. epigr. I, p. 374—375, основываясь на Appian. Pun. c. 136 и Cass. Dio XLIV, 51, склоненъ считать основателемъ колоніи Коринөа не Юлія Цезаря, а Августа; къ нему присоединяется и *G. Hertzberg*, Geschichte Griechenlands, I, p. 498.

Corinthus[1]). Въ Коринѳѣ-же мы находимъ особый культъ gentis Iuliae[2]) и храмы, посвященные Юлію Цезарю и Октавіи, сестрѣ Августа[3]). Что же касается отношеній самого Августа къ Коринѳу, то извѣстно, что онъ въ 29 г. до Р. Хр. лично посѣтилъ этотъ городъ[4]). Страбонъ (X, 5, 3) разсказываетъ, что во время пребыванія Октавіана въ Коринѳѣ, къ нему явилась депутація отъ жителей—рыбаковъ острова Гіара съ ходатайствомъ о сокращеніи наложенной на нихъ дани[5]). Кромѣ того, особое расположеніе Августа къ Коринѳу выразилось еще въ томъ, что онъ снова возвратилъ коринѳянамъ право предсѣдательства на Истмійскихъ играхъ, отнятое у нихъ при разрушеніи города[6]). Наконецъ, коринѳяне обязаны были главнымъ образомъ Августу тѣмъ, что ихъ городъ сдѣлался мѣстомъ пребыванія римскихъ намѣстниковъ и главнымъ городомъ провинціи Ахаіи. Свою признательность Августу они ознаменовали не только посвященіемъ ему храма[7]), но и избраніемъ его въ почетные дуумвиры[8]).

Объ отношеніяхъ Августа къ г. *Гераклеѣ* (въ Малой Азіи, у латмосскаго залива) мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ никакихъ

---

[1]) *Колоніею* называется Коринѳъ на монетахъ только со временъ Домиціана; до этого времени онъ именуется Laus Iul. Corint. или, просто, Corint.

[2]) *Preller*, Römische Mythologie [2], p. 792, A. 1.

[3]) Paus. II, 3, 1; см. *G. Hertzberg*, Gesch. Griechenlands I, p. 519, A. 90.

[4]) Посѣтилъ-ли Августъ Коринѳъ еще позже, будучи императоромъ, неизвѣстно. Зимою 19 г. до Р. Хр. онъ былъ въ Аѳинахъ, гдѣ, по словамъ Діона Кассія (LI, 4) и Светонія (Aug. 93), принялъ посвященіе въ элевсинскія мистеріи.

[5]) *V. Gardthausen*, Augustus u. seine Zeit, I, 3, p. 469 и 1052.

[6]) *G. Hertzberg*, l. c., I. p. 498 и 505.

[7]) C. I. L. III, 534=Le Bas Foucart, Inscript. II. 89; срв. также C. I. L. III, 6099, 7268 и *С. Жебелевъ*, ΑΧΑΙΚΑ (Спб. 1903), стр. 335—336.

[8]) *Mionnet*, Descript. des médailles antiques, t. VI p. 406, 671.—*Leake*, Num. hell., Europ. Greece, p. 40.—*I. Eckhel*, Doctr. num. I, 4 p. 487.

свидѣтельствъ и поэтому должны ограничиться лишь предположеніемъ относительно мотивовъ, побудившихъ гераклейцевъ четыре раза избирать Августа почетнымъ στεφανηφόρος ἐπώνυμος[1]). Августъ, какъ извѣстно, посѣтилъ провинцію Азію три раза (въ 30-мъ, 20-мъ, 19-мъ гг. до Р. Хр.)[2]), при чемъ каждый его пріѣздъ ознаменовался цѣлымъ рядомъ мѣропріятій и нововведеній, направленныхъ къ тому, чтобы поднять благосостояніе и внутреннее благоустройство отдѣльныхъ городовъ этой провинціи[3]). Болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ числѣ этихъ городовъ находилась и Гераклея, граждане которой, по свидѣтельству одной надписи, воздвигнули Августу алтарь посреди площади, на самомъ видномъ мѣстѣ города[4]).

Цезаравгуста, въ которой Августъ занималъ почетную должность квинквеннала[5]), принадлежала къ числу римскихъ колоній въ Испаніи. Основана она была, какъ показываетъ уже самое ея названіе, Августомъ[6]) и населена ветеранами IV, VI и X легіоновъ[7]). По мнѣнію *Hübner*'а основаніе этой

[1]) Revue de Philol. XXIII (1899), p. 288 и Bull. de corresp. héll. XXII (1898), p. 368, № 6.

[2]) См. *V. Gardthausen,* Augustus u. seine Zeit, II, 2, p. 467.

[3]) О первомъ пріѣздѣ Августа въ Азію говоритъ *V. Gardthausen,* l. c., I, 2, p. 812—813: Wie ein rettender Gott wurde Augustus von den Asiaten empfangen. Fast jede grössere Stadt der Provinz Asien und der Nachbarschaft stiftete entweder neue Kaiserspiele oder benannte ihre alten nach dem Caesar... Dass die Staaten Asiens, welche den Zweck seiner Reise kannten, Gesandtschaften zu ihm schickten, um ihn zu begrüssen und ihm ihre Bitten vorzutragen, ist selbstverständlich.

[4]) Revue de Philol. XXIII (1899) p. 287.

[5]) *H. Cohen,* Descript. hist. des monnaies frappées sous l' empire romain, t. I[2], p. 175, №№ 13—14.

[6]) Isidorus orig. 15, 1: Caesaraugusta Tarraconensis Hispaniae oppidum a Caesare Augusto et situm et nominatum.— Срв. Strab. III, 4, 10; Plin. H. N. III, 24 (Caesaraugusta *colonia immunis*); C. I. L. II, p. 406.

[7]) *Heiss,* Monnaies antiques de l' Espagne, tab. XXIV, 18; XXV, 33.

колоніи должно быть отнесено ко времени, непосредственно послѣдовавшему за войной съ кантабрами, въ которой, по свидѣтельству Светонія (Aug. 20) и Діона Кассія (LIV, 5), принималъ личное участіе самъ Августъ[1]).

Вопросъ о томъ, кто былъ основателемъ колоніи *Новаго Кареагена*, до сихъ поръ еще не рѣшенъ. Нѣкоторые ученые, какъ напр. *Zumpt*[2]) и *Marquardt*[3]), считаютъ имъ Юлія Цезаря, указывая при этомъ на почетный титулъ этого города C(olonia) V(ictrix) I(ulia) C(arthago) N(ova), встрѣчающійся въ надписяхъ и на монетахъ времени Августа, Тиберія и Калигулы[4]). Другіе же, въ томъ числѣ и *Hübner*, склонны думать, что права римской колоніи и ея организацію Новый Кареагенъ получилъ лишь при Августѣ[5]). Въ пользу послѣдняго мнѣнія говорятъ, повидимому, слѣдующія обстоятельства: во-первыхъ, на монетахъ этого города часто встрѣчаются изображенія Августа и разнаго рода сцены, имѣющія отношеніе къ его тріумфу[6]), а во-вторыхъ, въ Кареагенѣ-же находимъ храмъ и многочисленные алтари, посвященные Августу и такъ наз. Lares Augustales[7]). Однако, указанныя обстоятельства не даютъ намъ никакого права приписывать основаніе Кареагена Августу[8]). Остается только предположить, что Августъ, во время

[1]) *Pauly-Wissowa*, Real-Encycl., Halbbd. V, p. 1287.

[2]) Comment. epigr. I, p. 311 312.

[3]) Römische Staatsverwaltung I[2], p. 255, A. 6.

[4]) C. I. L. II, p. 462 и *Heiss*, l. c., p. 269 sq.

[5]) *Pauly-Wissowa*, Halbbd. VI, p. 1624: Vielleicht schon durch Caesar, der dort Gericht hielt, als der junge C. Octavius zu ihm nach Hispanien kam, wenn nicht erst durch Augustus, wurde Carthago Nova zur Colonie erhoben.

[6]) *Pauly-Wissowa*, Halbbd. VI, p. 1625.

[7]) C. I. L. II, 5292.

[8]) Особенно слабымъ аргументомъ является здѣсь указаніе на культъ Августа въ Новомъ Кареагенѣ, такъ какъ, по словамъ Тацита (Ann. I, 78), онъ распространенъ былъ не только по всей Испаніи, но и во всѣхъ другихъ провинціяхъ.—Срв. *O. Hirschfeld*, Zur Geschichte des röm. Kaiserkultus въ Sitz.-Berichte der Berl. Akad. 1888, p. 840.

своего пребыванія въ Испаніи (въ 26 и 25 гг. до Р. Хр.), если и не лично посѣтилъ эту колонію, то по крайней мѣрѣ такъ или иначе выражалъ ей свое расположеніе и вниманіе, въ благодарность за что ему и предложена была почетная городская должность[1]).

Въ числѣ лицъ, принадлежавшихъ къ императорскому дому и занимавшихъ почетныя должности въ городахъ, первымъ былъ Маркъ Агриппа. По свидѣтельству монетъ, онъ, вмѣстѣ съ Августомъ, былъ квинквенналомъ въ Цезаравгустѣ и Новомъ Карѳагенѣ и дуумвиромъ въ Коринѳѣ[2]). Объяснить отношенія Агриппы къ первымъ двумъ изъ названныхъ городовъ не трудно, если принять во вниманіе его дѣятельность въ Испаніи въ качествѣ главнокомандующаго въ войнѣ съ кантабрами[3]). Только благодаря энергичнымъ мѣрамъ Агриппы въ Испаніи на долгое время водворились миръ и спокойствіе, не нарушавшіеся, по словамъ Страбона (III, 3, 8), и въ правленіе Тиберія. Отсюда понятно, что отдѣльные города Испаніи наперерывъ старались превозносить оказанныя имъ заслуги, называя его въ почетныхъ надписяхъ и на монетахъ „благодѣтелемъ" и „отцомъ" своихъ общинъ[4]). Этой-же популярностью пользовался Агриппа и на Востокѣ (въ особенности въ Малой Азіи и Греціи). Цѣлый рядъ почетныхъ надписей[5]), многочисленныя статуи, алтари и храмы, а равно и часто встрѣчающіяся изображенія Агриппы на монетахъ отдѣльныхъ городовъ, свидѣтельствуютъ о той широкой популярности, которою онъ тамъ пользовался, не только какъ

[1]) *A. Heiss*, l. c., p. 270, №№ 12—13.

[2]) См. *Cohen*, t. I², p. 175, №№ 13—14; *Heiss*, p. 270, №№ 12—13; *Mionnet*, t. VI, p. 406, 671; *Leake*, p. 40 и *Eckhel* I, 4 p. 487.

[3]) Cass. Dio LIV, II.

[4]) *Mionnet*, Suppl. I, p. 27 № 152 sq.; p. 28, №№ 78—83.—*E. Babelon*, Descript. historiq. et chronolog. des monnaies de la républ. Rom, II p. 555.—*Cohen* I², p. 175 №№ 8—10; p. 177 №№ 13—15.

[5]) См. *V. Gardthausen*, II², p. 413—414.

ближайшій другъ и помощникъ Августа, но и какъ одинъ изъ главнѣйшихъ виновниковъ побѣды при Акціумѣ.

Гай Цезарь, сынъ Марка Агриппы, по свидѣтельству надписей, былъ дуумвиромъ въ испанскомъ городѣ *Ulia*[1]),—кватуорвиромъ въ испанскомъ городѣ *Carmo*[2]),—дуумвиромъ въ галльскомъ городѣ *Baeterrae*[3]),—квинквенналомъ въ италійскомъ городѣ *Aequiculi*[4]),—тріумвиромъ въ италійскомъ городѣ *Caere*[5])

[1]) C. I. L. II, 1534: L. Aelio P. f. Fabiano | patri aed. II vir. | praef. C. Caesaris | praef. iterum pont. | sacrorum flamini | divi Aug.—См. *Heiss*, l. c., p. 327. Plin., H. N. III, 10 относитъ г. *Ulia* къ разряду „celeberrima oppida" Hispaniae Baeticae. По мнѣнію *Hübner*'a (C. I. L. II, p. 206) Ulia принадлежала къ числу городовъ *juris Latini*. Срв. *Detlefsen*, Philolog. XXX, p. 287.

[2]) C. I. L. II, 5120: L. Servilio L. f. Pollioni III vir. m. m. bis praefecto C. Caesaris quattuorvirali (potestate), (pontif.) sacrorum publicorum municipalium, pont. divi Aug. Postumia Q. f. Prisca uxor.—Уже Caes. de bell. civ. II, 19, 5 называетъ г. Carmo (нынѣ Carmona) „longe firmissima totius provinciae civitas". Срв. *I. Kubitschek*, Imp., Rom., p. 171: crediderim Carmonenses Augusto vivo aut *Latinos* aut *cives Romanos* fuisse.

[3]) C. I. L. XII, 4230: L. Aponio... | praefecto equit. tribuno militum (leg. VII) | et leg. XXII praef. castrorum flamini Aug. | primo urbi Iul. Baeter. praef. pro II viro C. Caesaris Augusti f. | St..... patri. - *Baeterrae* (нынѣ Béziers), римск. колонія въ Gallia Narbonensis (C. I. L. XII p. 54), была основана, по приказанію Юлія Цезаря, Тиберіемъ Клавдіемъ Нерономъ, отцомъ императора Тиберія (Suet. Tib. 4) и названа colonia V(ictrix?) Iulia Septimanorum.

[4]) C. I. L. IX, 4122:... (Sa)bidius C(ai) f. Papiria, prim(i) pil(aris), [centurio le]g(ionis) V et leg(ionis) X et leg(ionis) VI, ita ut in leg(ione) X primum pil(um) duceret, eodem[que te]mpore princeps esset leg(ionis) VI, praefectus [q]u[inq(uennalis) Ca]esar(is) Aug(usti) [filii] et Ti(beri) Caesar(is) A[ugusti i]dem... a don... elia [C]n(aei) f(ilia) Pupilla uxor... [C]rispina neptis.—*Моммзенъ* причисляетъ г. Aequiculi къ „municipia optimi juris" (C. I. L. IX, p. 388); срв. *Nissen*, Italische Landeskunde II, 1, p. 462.

[5]) C. I. L. X, 3610: [ex SC. Sex. Cam]patio M. f. M. n. [praefec]to C. Caesaris [equiti Caeret?]ano III viro [a. a. a. f. f. trib]uno militum [qui in mili]tia decessit [patron]o.—Моммзенъ (Röm. Staatsrecht, III p.

и два раза эпонимнымъ стефанефоромъ въ *Гераклеѣ* латмосской[1]).

Каковы были личныя отношенія Гая Цезаря къ названнымъ городамъ, объ этомъ намъ ничего не извѣстно. Светоній передаетъ, что Августъ часто совершалъ путешествія въ сопровожденіи Гая и Люція Цезарей и отправлялъ ихъ самихъ для объѣзда провинцій и войскъ[2]). Весьма возможно, что Гай Цезарь во время такого объѣзда былъ и въ Испаніи, и, быть можетъ, даже посѣтилъ города Ulia и Carmo. Что же касается провинціи Галліи, то, по свидѣтельству Діона Кассія (LV, 6), Августъ въ 8 г. до Р. Хр. лично отправился туда съ Гаемъ Цезаремъ, чтобы представить его рейнскимъ легіонамъ[3]). О пребываніи Гая Цезаря на Востокѣ (въ Греціи, Египтѣ, Сиріи и Малой Азіи), куда онъ въ 1-мъ году до Р. Хр. отправился въ качествѣ намѣстника, свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ писателей (Діонъ Кассій, Светоній, Тацитъ, Веллей Патеркулъ) и надписей. При отсутствіи, однако, какихъ-бы то ни было свидѣтельствъ, могущихъ служить поясненіемъ мотивовъ, побудившихъ Гая Цезаря принять почетную должность стефанефора въ Гераклеѣ, остается только объяснить его отношенія къ этому городу той громадной популярностью, которою пользовались вообще сыновья Марка Агриппы, Гай и Люцій Цезари. Распространенію этой популярности ихъ не только въ Римѣ и Италіи, но и въ провинціяхъ, много содѣйствовалъ

583) относитъ г. *Caere* къ разряду городовъ sine suffragio (Halbbürgergemeinde zweiter Klasse).

1) См. стр. 28, прим. 1.—О правовомъ положеніи города Гераклеи см. *W. Henze*, De civitatibus liberis, quae fuerunt in provinciis populi Romani, Berol. 1892, p. 47.

2) Suet. Aug. 64: neque iter fecit (Augustus), nisi ut vehiculo anteirent aut circa adequitarent (C. et L. Caesares)... Consules designatos circum provincias exercitusque dimisit.—О пребываніи Гая Цезаря въ провинціяхъ см. Suet. Aug. 67, 93; Tib. 12; Ner. 5.

3) Въ Массиліи скончался Люцій Цезарь, братъ Гая (Suet. Aug. 65).

самъ Августъ, который, какъ извѣстно, уже рано намѣтилъ своими наслѣдниками въ управленіи государствомъ обоихъ, усыновленныхъ имъ, внуковъ[1]). Для осуществленія этой тайной надежды онъ не только охотно соглашался на всѣ оказываемыя имъ почести, на избраніе ихъ въ principes juventutis и въ консулы[2]), но даже самъ не пропускалъ случая рекомендовать ихъ столичному населенію и провинціямъ (Suet. Aug. 56 и др.). Множество почетныхъ посвященій, надписей и монетъ, величающихъ Гая Цезаря и его брата Люція „отцомъ отечества", „благодѣтелемъ" и „спасителемъ" различныхъ городовъ[3]), служатъ лучшимъ доказательствомъ того расположенія, которымъ они пользовались какъ въ Италіи, такъ и въ городахъ отдѣльныхъ провинцій. Что многіе изъ этихъ городовъ обязаны были своимъ матеріальнымъ благосостояніемъ и благоустройствомъ щедрости Гая Цезаря, объ этомъ свидѣтельствуютъ многія надписи[4]).

Императоръ Тиберій, по свидѣтельству надписей и монетъ, былъ квинквенналомъ въ италійскихъ городахъ *Formiae*[5]),

[1]) Gell., Noct. Att. XV, 7, 3 (конецъ письма Августа къ Гаю Цезарю отъ 23-го сент. 1 г. по Р. Хр.): Deos autem oro, ut, mihi quantumcumque superest temporis, id salvis nobis traducere liceat in statu reipublicae felicissimo ἀνδραγαθούντων ὑμῶν καὶ διαδεχομένων stationem meam.

[2]) Tac. Ann. I, 3: Nam genitos Agrippa Gaium et Lucium in familiam Caesarum induxerat, necdum posita puerili praetexta principes juventutis appellari, destinari consules specie recusantis flagrantissime cupiverat. Срв. Suet. Aug. 64.

[3]) *V. Gardthausen*, Augustus u. seine Zeit II, 3 p. 748—749.

[4]) C. I. L. XI, 366 (Ariminum): C. Caesar Aug. f. cos. vias omnes Arimini stern.—C. I. L. XII, 3155 (Nemausus): C. Ca[esar Au]gusti f. [cos. desig. patro]nus col. [Nemausensis] xystum... [coloniae] dat.—Срв. *V. Gardthausen*, l. c., II, 3, p. 746.

[5]) C. I. L. X, 6101: [L(ucio)?] Arrio Salano, praef(ecto) quinq(uennali) Ti(beri) Caesaris, praef(ecto) quinq(uennali) Neronis et Drus(i) Caesarum designato, tub(icini) sac(rorum) p(opuli) R(omani), aed(ili) (ter), auguri, interreg(i), trib(uno) mil(itum) leg(ionis tertiae) August(ae)... Oppia uxor.

Aquinum[1]), *Aequiculi*[2]) и дуумвиромъ въ *Новомъ Кароагенѣ*[3]) и *Коринѳѣ*[4]).

Прямыхъ данныхъ, указывающихъ на причины принятія Тиберіемъ почетныхъ должностей въ названныхъ городахъ Италіи, мы не имѣемъ. Сохранились, однако, нѣкоторыя свидѣтельства писателей, на основаніи которыхъ мы можемъ заключать о существованіи болѣе близкихъ отношеній Тиберія къ этимъ городамъ. Светоній, напр., сообщаетъ, что Тиберію, еще до принятія верховной власти, поручена была забота объ очищеніи по всей Италіи такъ наз. ergastula, владѣльцевъ которыхъ подозрѣвали въ завлеченіи въ эти притоны путешественниковъ и въ укрывательствѣ лицъ, бѣжавшихъ отъ военной службы (Suet. Tib. 8). Сомнѣваться въ томъ, что эта полезная для общественной безопасности дѣятельность Тиберія коснулась и упомянутыхъ выше городовъ Италіи, нѣтъ никакого основанія. Далѣе, весьма вѣроятнымъ является предположеніе, что Тиберій лично посѣщалъ Форміи и Аквинъ. Первый изъ этихъ городовъ, какъ извѣстно, былъ расположенъ при Гаэтской гавани, по знаменитой Аппіевой дорогѣ, ведшей изъ Рима въ Кампанію и славился какъ красотою своего мѣстоположенія[5]),

---

[1]) C. I. L. X, 5392: [Quinto Dec]io Q(uinti) f(ilio) Saturnino, [prae]f(ecto) quinq(uennali) Ti(beri) Caesaris Aug(usti) f(ili), [p]ontifici, [duum]vir(o) j(ure) d(icundo), liberisque ejus ob munificent(iam) et merita erga rem publicam d(ecreto) d(ecurionum) publice.—Тотъ-же Квинтъ Децій Сатурнинъ упоминается еще въ другой надписи, C. I. L. X, 5393 (Aquinum), въ качествѣ praefectus quinquennalis Ti(beri) Caesaris Augusti, iter(um) Drusi Caesaris Ti(beri) f(ili), tertio Neronis Caesaris Germanici f(ili). Срв. также C. I. L. X, 5394.

[2]) См. стр. 31, прим. 4.

[3]) *A. Heiss*, Monnaies de l'Espagne, p. 270, № 14.

[4]) *Eckhel*, Doctr. num. II p. 243: TI. CAESARE. II VIR. COR. *Caput Tiberii nudum.*—Срв. *G. Hertzberg*, Gesch. Griechenlands II, p. 33, A. 48c.

[5]) *H. Nissen*, Italische Landeskunde II, 2, p. 661: Formiae—von Bergen umhegt in südlichem Pflanzenschmuck prangend, die Reize Neapels in stiller Ruhe entfaltend, hat seit den punischen Kriegen unter dem Adel Roms Verehrer gefunden und bei allen Wechseln der Mode sich bewahrt.

такъ и здоровымъ климатомъ[1]). Въ немъ и около него[2]) любили проводить время многіе римскіе императоры, особенно Домиціанъ, Нерва, Адріанъ и Антонинъ Пій. О Тиберіѣ же сообщаютъ Тацитъ (Ann. IV, 59) и Светоній (Tib. 39), что онъ, послѣ смерти Германика и Друза, удаляясь въ Кампанію, на пути туда, между Таррациной и Форміями, подвергся серьезной опасности, отъ которой его самоотверженно спасъ Сеянъ. Весьма вѣроятно, что Тиберію непосредственно послѣ этого случая, при его проѣздѣ, въ Форміяхъ была устроена овація. Что же касается *Аквина*[3]), то къ этому городу римскіе императоры почему-то особенно благоволили. Это видно особенно изъ того, что они часто занимали въ немъ почетныя должности; кромѣ того, въ Аквинѣ, какъ оказывается, былъ храмъ въ честь богини Ромы и Августа[4]) и тамъ-же упоминается flamen divi Vespasiani. (C. I. L. X, 5382).

---

[1]) Martial. X, 30, 1: O temperatae dulce Formiae litus.

[2]) Съ городомъ Fundi (неподалеку отъ Формій) у Тиберія соединялись фамильныя воспоминанія; Suet. Tib. 5: Tiberium quidam Fundis natum existimaverunt, secuti levem coniecturam, quod materna eius avia Fundana fuerit, et quod mox simulacrum Felicitatis ex S. C. publicatum ibi sit.

[3]) Aquinum (нынѣ Aquino)—римская колонія въ Лаціумѣ (Tac. Hist. I, 88; II, 63); *L. Hollaender*, De militum coloniis ab Aug. in Italia deductis, p. 22 относитъ ее къ числу 28 колоній, основанныхъ въ Италіи Августомъ.—Благодаря своей промышленности и удобному мѣстоположенію этотъ городъ достигъ большого процвѣтанія особенно въ первые вѣка имперіи (Strab. V, 3, 9: μεγάλη πόλις; Sil. Ital. VIII, 405: ingens Aquinum).

[4]) C. I. L. X, 5393: flamini Romae et divi Augusti perpetuo ex auctor. Ti. Caesaris Augusti et permissu eius cooptato. Считаемъ нужнымъ упомянуть здѣсь о храмѣ Августа въ Аквинѣ потому, что таковые храмы, несмотря на распространенный по всей имперіи культъ Августа, встрѣчаются далеко не во всѣхъ городахъ. По мнѣнію проф. *М. Крашенинникова* (Римскіе муниципальные жрецы и жрицы, Спб. 1891, стр. 14) „въ эпоху Августа титулъ flamen Romae et Aug. принадлежалъ жрецамъ только тѣхъ общинъ, въ которыхъ были сооружены храмы въ честь этихъ божествъ, тогда какъ flamen Augusti указывалъ на отсутствіе въ данной общинѣ особаго храма въ честь императора“.

Объ отношеніяхъ Тиберія къ *Новому Карѳагену* у насъ не имѣется никакихъ свидѣтельствъ. Извѣстно только, что Тиберій въ качествѣ военнаго трибуна принималъ участіе въ войнѣ съ кантабрами[1]) и возможно, что онъ во время этого пребыванія въ Испаніи посѣтилъ Новый Карѳагенъ[2]).

Болѣе свѣдѣній имѣемъ мы объ отношеніяхъ Тиберія къ *Коринѳу*. Во-первыхъ, почти несомнѣнно, что онъ, проѣзжая на Востокъ[3]), лично бывалъ въ Коринѳѣ. Во-вторыхъ, въ этомъ городѣ занималъ почетную должность уже отецъ его Августъ. Въ третьихъ, наконецъ, у насъ имѣется весьма важное свидѣтельство Тацита о превращеніи Тиберіемъ (въ 15-мъ г. по Р. Хр.) провинціи Ахаіи изъ сенатской въ императорскую, по ходатайству самихъ-же провинціаловъ[4]). Указанное измѣненіе въ положеніи провинціи Ахаіи, благодаря которому эта провинція, прежде всего, освободилась отъ обременительнаго проконсульскаго режима, имѣло для нея весьма важное и благодѣтельное значеніе еще потому, что Тиберій долѣе, чѣмъ

---

[1]) Suet. Tib. 9: Stipendia prima expeditione Cantabrica tribunus militum fecit.

[2]) По мнѣнію *I. Eckhel*'я (Doctr. num. I, 4 p. 477) Тиберій занималъ почетныя должности еще въ испанскихъ городахъ *Цезаравгустѣ* (Fulviano. praefecto. Lupo. II vir.) и въ *Цельзѣ* (Ti. Nerone. Q. V. I. C. Helvi. Polli. pr.). Однако, на основаніи надписей приведенныхъ монетъ едва-ли можно заключать съ увѣренностью, что здѣсь имѣются въ виду именно префекты-„замѣстители“ Тиберія.

[3]) *Waddington*, Explicat., III, p. 350: „une inscription (а именно C. I. Gr. 318) d' Athènes donne à Tibère ou à quelque autre membre de la famille d' Auguste le titre de θεῷ δημιουργῷ“. Изъ этой неясной вслѣдствіе ея неполноты надписи нельзя, однако, дѣлать какихъ-бы то ни было выводовъ. Отмѣтимъ, кстати, что этой надписи страннымъ образомъ мы не находимъ въ C. I. A.

[4]) Tac. Ann. I, 76: Achaiam ac Macedoniam onera deprecantis levari in praesens proconsulari imperio tradique Caesari placuit.—Срв. поясненіе къ этому мѣсту у *H. Furneaux*, Cornelii Taciti Annalium ab excessu Divi Augusti libri, Oxford 1884.

другіе римскіе императоры, оставлялъ своихъ намѣстниковъ на занимаемыхъ ими постахъ[1])

Друзъ Цезарь, сынъ императора Тиберія, былъ диктаторомъ въ *Ариціи*[2]), квинквенналомъ въ *Пренестѣ*[3]), и дуумвиромъ въ *Аквинѣ*[4]).

Въ виду отсутствія какихъ-бы то ни было извѣстій объ отношеніяхъ Друза Цезаря къ упомянутымъ городамъ Италіи, остается только предположить, что указанныя почетныя должности были предложены ему главнымъ образомъ изъ желанія почтить этимъ отца его, императора Тиберія. Тиберій же, какъ можно заключать на основаніи имѣющихся у насъ свидѣтельствъ, несомнѣнно находился въ близкихъ отношеніяхъ къ этимъ городамъ и, несомнѣнно, даже неразъ бывалъ въ нихъ. Прежде всего, у Тиберія, какъ оказывается, была собственная вилла на берегу прелестнаго lacus Nemorensis, недалеко отъ города Ариціи[5]), о чемъ свидѣтельствуетъ найденная на днѣ этого озера водопроводная труба съ надписью Ti. Caesaris Aug.[6]). Далѣе, у Геллія сообщается, что Тиберій,

---

[1]) Tac. Ann. I, 80: Id quoque morum Tiberii fuit, continuare imperia ac plerosque ad finem vitae in isdem exercitibus aut iurisdictionibus habere.

[2]) Eph. epigr. VII, 1236: S(enatus) c(onsultum) quod factum est auct(ore) Druso [Caesare Ti(beri) f(ilio) dictatore...].

[3]) C. I. L. XIV, 2964: (Ge)rmanicus Caesar, Drusus Caesar quinq...

[4]) См. стр. 34, прим. 1.

[5]) *O. Hirschfeld*, Der Grundbesitz der römischen Kaiser in den ersten drei Jahrhunderten (въ „Beiträge zur alten Geschichte“, herausg. von C. F. Lehmann, Bd. II, Heft 1, p. 64). Отмѣтимъ кстати, что городъ Ариція (нынѣ Ariccia) былъ родиной Бальба, предка Августа (Suet. Aug. 4); Августъ же, по преданію, родился близъ города Велитръ (Velitrae), расположеннаго неподалеку отъ Ариціи (Suet. Aug. 6).

[6]) C. I. L. XIV, 2226=XV, 7815. Кромѣ того, въ озерѣ Неми (нынѣ lago di Nemi) найдены были въ 1895 г. остатки двухъ судовъ, изъ которыхъ одно приписывается императору Калигулѣ, а другое, быть можетъ, принадлежало Тиберію. См. *O. Hirschfeld*, l. c. и Berl. Philol. Wochenschrift 1901, p. 1424 sq.

выздоровѣвъ однажды отъ тяжкой болѣзни благодаря пребыванію близъ города Пренесты, славившагося своимъ здоровымъ климатомъ[1]), въ знакъ своей благодарности удовлетворилъ ходатайство пренестинцевъ о перечисленіи ихъ города изъ разряда колоній въ муниципіи[2]). Несомнѣнно, болѣе ранній фактъ имѣетъ въ виду Светоній, разсказывая, что Тиберій хотѣлъ было закрыть пренестинскій оракулъ, какъ и другіе оракулы близъ Рима, но отказался отъ своего намѣренія въ виду чуда, будто-бы совершеннаго пренестинской Фортуной[3]). Наконецъ, для Тиберія съ городомъ Пренестой соединялось воспоминаніе объ его отцѣ, нашедшемъ во время перузинской войны убѣжище въ этомъ городѣ (Suet. Tib. 4).

---

[1]) Horat. Od. III, 4, 23: frigidum Praeneste; Flor. I, 5, 7: aestivae deliciae; Stat. Silv. IV, 4, 15; Mart. IV, 64, 33; Iuven. XIV, 88; Plin. Ep. V, 6, 45 и др.—Въ Пренестѣ или около нея любили проводить время, кромѣ Тиберія и Августа (Suet. Aug. 72: ex secessibus praecipue frequentavit maritima insulasque Campaniae, aut proxima oppida, Lanuvium, Praeneste, Tibur), еще нѣкоторые другіе римскіе императоры. См. C. I. L. XIV, p. 290; vita M. Ant. 21; *H. Nissen*, Italische Landeskunde II, 2, p. 624. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что близъ города Пренесты была императорская вилла. Нѣкоторые археологи полагаютъ, что она находилась въ мѣстности, гдѣ теперь стоитъ церковь s. Maria della Villa, называемая такъ съ незапамятныхъ временъ; здѣсь-же сохранились весьма значительные остатки древне-римскихъ построекъ. См. *O. Marucchi*, Guida archeologica dell' antica Preneste, Roma 1885, p. 132 и *O. Hirschfeld*, l. c., p. 60.

[2]) Gell., Noct. Att. XVI, 13, 5 (ed. Hosius): Praenestinos autem refert (императоръ Адріанъ въ сенатской рѣчи) maximo opere a Tiberio imperatore petisse orasseque, ut ex colonia in municipii statum redigerentur, idque illis Tiberium pro ferenda gratia tribuisse, quod in eorum finibus sub ipso oppido ex capitali morbo revaluisset. Возможно, что Тиберію по поводу оказанной имъ городу Пренестѣ милости было сдѣлано какое-то посвященіе. См. C. I. L. XIV, 2911.

[3]) Suet. Tib. 63: Vicina vero urbi oracula etiam dissicere conatus est, sed maiestate Praenestinarum sortium territus destitit, cum obsignatas devectasque Romam non repperisset in arca nisi relata rursus ad templum.

Германикъ Цезарь, племянникъ Тиберія, впослѣдствіи имъ усыновленный, былъ квинквенналомъ въ италійскихъ городахъ *Praeneste*[1]), *Interpromium*[2]), *Regium Lepidum*[3]) и дуумвиромъ въ испанскомъ городѣ *Caesaraugusta*[4]).

Занятіе Германикомъ почетныхъ должностей въ Пренестѣ и Цезаравгустѣ становится вполнѣ понятнымъ, если принять во вниманіе указанныя нами выше отношенія къ этимъ городамъ Августа и Тиберія. Что же касается другихъ городовъ, то отношенія ихъ къ Германику въ значительной степени объясняются той популярностью, которою онъ, по свидѣтельству древнихъ писателей, пользовался въ одинаковой мѣрѣ какъ въ Италіи, такъ и въ провинціяхъ[5]).

Чаще, чѣмъ кто-либо изъ императоровъ или другихъ членовъ императорской фамиліи Юліевъ-Клавдіевъ, — если полагаться на свидѣтельство надписей,—занимали почетныя должности въ городахъ сыновья Германика, Неронъ Цезарь, Друзъ Цезарь и Гай Цезарь.

---

1) C. I. L. XIV, 2964; см. стр. 37, прим. 3.

2) C. I. L. IX, 3044: Sex(to) Pedio Sex(ti) f(ilio) An(iensi) Lusiano Hirruto, prim(i) pil(ari) leg(ionis) XXI, pra[efecto] Raetis Vindolicis valli(s) Poeninae et levis armatur(ae), IIII vir(o) (i)ure d(icundo), praef(ecto) Germanic(i) quinquennalici i(uris) ex s(enatus) c(onsulto), quinquen(nali) iterum.

3) C. I. L. XI, 969: Ti. Pomponio T. f. Pol(petrae) aed. II viro praef. fabr. IIII, trib. mil. leg. X Gemin., praef. equitum, praef. Germanici Caesaris II viro quinq.... d. d. patrono.

4) *I. Eckhel*, Doctr. num. I, 4, p. 477: Tib. Flavo. Praef. German. L. Iuven. Luperco. II vir.—Срв. *A. Heiss*, Monnaies antiq. de l' Espagne, p. 201, № 18—21.

5) Tac. Ann. II, 72 (Nipperdey) говоритъ по поводу смерти Германика: „Neque multo post extinguitur, ingenti luctu provinciae et circumiacentium populorum. Indoluere exterae nationes regesque: tanta illi comitas in socios, mansuetuedo in hostes“. Suet. Cal. 6 (Roth): et ut demum fato functum (Germanicum) palam factum est, non solatiis ullis, non edictis inhiberi luctus publicus potuit.

Первые два занимали вмѣстѣ муниципальныя должности въ *Praeneste*[1]) и *Formiae*[2]) и въ испанскомъ городѣ *Aquae Flaviae*[3]). Кромѣ того, Неронъ Цезарь былъ квинквенналомъ въ италійскихъ городахъ *Aquinum*[4]) и *Brixia*[5]) и дуумвиромъ въ *Bononia*[6]), а Друзъ Цезарь—дуумвиромъ въ италійскомъ городѣ *Hasta*[7]), въ *Carthago Nova*[8]), въ африканскомъ городѣ *Utica*[9]) и въ малоазіатскомъ городѣ *Antiochia* (въ Писидіи)[10]).

Для объясненія причинъ, побуждавшихъ Нерона и Друза Цезарей принимать почетныя должности въ Пренестѣ[11]), Форміяхъ,

[1]) C. I. L. XIV, 3017: [praefectus Neronis] et Drusi Ca[esarum testa]mento H. S. C. Срв. C. I. L. XIV, 2965.

[2]) C. I. L. X, 6101; см. стр. 33, прим. 5.

[3]) C. I. L. II, 5617:... (Plutar)chus pr(aef.) Caesarum bis, (pon)t. perp., flamen perp. (e)t pr(aef.) fabru(m), tr. mil. d. s. p. f. Срв. C. I. L. II, 2479; *Liebenam*, Städteverwaltung, p. 262.

[4]) C. I. L. X, 5393; см. стр. 34, прим. 1.

[5]) C. I. L. V, 4374: P. Papirius P. f. Pastor, augur, II vir, praef. fabr., praef. Neronis Caesaris II vir quinq. sibi et Cn. Papirio Fusco fratri II vir(o), Cn. Papirio Cursori filio, Cn. Papirio Fusco filio pontif. t. f. i.

[6]) C. I. L. XI, 701:... nis Caesaris II... Эту надпись дополняетъ *Rocchi* слѣд. образомъ: [praef(ectus) Nero]nis Caesaris II [viri].

[7]) C. I. L. V, 7567: P. Vergilio P. f. P. n. Pol. Laureae aed(ili), II vir(o) i(ure) d(icundo), praef(ecto) fabr(um), iudici de IIII decuriis selectorum publicis privatisq(ue), praef(ecto) Drusi Caesaris German(ici) [f(ilii)], II vir(o) quinq(uennali).

[8]) *Cohen* I², p. 271, № 28.

[9]) *Müller*, Numism. de l'anc. Afrique II, 362—366.

[10]) C. I. L. III, 6843: St(atius) Pescennius L. f. Ser., praef(ectus) Drusi II vir(i) anno secund(o), pont(ifex), II vir q(uin)[q(uennalis)]. Къ этой надписи прибавлено слѣдующее поясненіе: „Itaque aut Drusus honorem continuavit per biennium aut II vir creatus est anno coloniae secundo". Срв. C. I. L. III, 300.

[11]) Можетъ быть, не лишнее будетъ отмѣтить здѣсь, что Люцій Антоній, братъ тріумвира, одно время находился въ Пренестѣ, скрываясь здѣсь отъ преслѣдованій Октавіана (Appian., b. c., V, 20; Suet. Tib. 4).

Аквинѣ и Новомъ Карѳагенѣ[1]), достаточно указать на отношенія къ этимъ городамъ Августа, Тиберія и Германика. Что касается Бононіи (нынѣ Bologna), то извѣстно[2]), что эту колонію вывелъ Маркъ Антоній, предокъ Нерона и Друза Цезарей[3]); впослѣдствіи же заселилъ ее новыми колонистами Октавіанъ-Августъ, котораго одна надпись этого города называетъ divus Aug. parens[4]). Объ особомъ расположеніи Октавіана къ Бононіи свидѣтельствуетъ, между прочимъ, то обстоятельство, что онъ однимъ лишь бононцамъ разрѣшилъ не приносить ему присяги, въ виду того, что они издревле были кліентами Антоніевъ[5]); кромѣ того, въ Бононіи были общественныя термы, которыя, согласно одной надписи (C. I. L. XI, 720), выстроилъ на свои средства Августъ. Brixia, какъ видно уже изъ ея почетнаго титула *col. civica Aug. Brixia*[6]), была основана Августомъ,—по всей вѣроятности послѣ 27-го года до Р. Хр.[7]). По свидѣтельству одной надписи[8]), этотъ го-

[1]) О существованіи какихъ-то отношеній между Маркомъ Антоніемъ и Новымъ Карѳагеномъ свидѣтельствуютъ монеты этого города съ его изображеніемъ (*Vaillant*, Numism. Aug. et Caes. in col., p. 10).

[2]) Cass. Dio L, 6 (Boissevain): (Октавіанъ) πάντας γὰρ καὶ τοὺς ὑπὸ τοῦ Ἀντωνίου ἀποικισθέντας, τὰ μὲν ἐκφοβήσας ἅτε ὀλίγους ὄντας, τὰ δὲ καὶ εὐεργετήσας, προσετέθειτο· τά τε γὰρ ἄλλα καὶ τοὺς τὴν Βονωνίαν ἐποικοῦντας αὐτὸς αὖθις, ἵνα δὴ καὶ ὑφ᾽ ἑαυτοῦ ἀπῳκίσθαι δοκῶσι, προσκατεστήσατο.

[3]) Tac. Ann. II, 53 (Nipperdey): namque ei (у Германика) avunculus Augustus, avus Antonius erant. Срв. Tac. Ann. II, 43.

[4]) C. I. L. XI, 720 (Bononia); Divus Aug. parens dedit..... Augustus Germanicus.... refecit.

[5]) Suet. Aug. 17: Bononiensibus quoque publice, quod in Antoniorum clientela antiquitus erant, gratiam fecit coniurandi cum tota Italia pro partibus suis.

[6]) C. I. L. V, 4212.

[7]) *Pauly-Wissowa*, Real-Encycl., Halbb. V, p. 884 (*Hülsen*).

[8]) C. I. L. V, 4307: Divus Augustus, Ti. Caesar divi Augusti f. divi n. Augustus aquas in coloniam perduxerunt. *Nissen*, Ital. Landes-

родъ обязанъ былъ Августу и Тиберію своимъ водоснабженіемъ. Что касается, далѣе, города Антіохіи (въ Писидіи), получившаго права римской колоніи также отъ Августа[1]), то весьма вѣроятно, что Друзъ Цезарь, сопровождавшій Германика во время пребыванія послѣдняго въ Малой Азіи[2]), вмѣстѣ съ отцомъ посѣтилъ этотъ городъ. Городъ Utica, наконецъ, отъ Октавіана—Августа получилъ права римскаго гражданства (Cass. Dio XLIX, 16, 1: καὶ τοὺς Οὐτικησίους πολίτας ἐποιήσατο). На монетахъ времени Тиберія этотъ городъ называется „municipium Iulium“ (см. *Kubitschek*, Imp. Rom. p. 162).

Гай (Калигула), еще до принятія верховной власти, былъ дуумвиромъ въ *Помпеяхъ*[3]), дуумвиромъ въ испанскихъ городахъ *Ucubi*[4]), *Caesaraugusta*[5]) и квинквенналомъ въ *Carthago*

---

kunde II, I, p. 197: auch das heutige Brescia wird in der Güte und dem Reichtum seiner Quellleitungen von keiner italienischen Stadt ausser von Rom übertroffen.

[1]) См. *Marquardt*, Röm. Staatsverwaltung I², p. 364 и *Pauly-Wissowa*, Real-Encycl., Bd. I, p. 2446 (*Hirschfeld*).

[2]) Что Германикъ, будучи на Востокѣ, имѣлъ при себѣ своихъ дѣтей, доказываетъ слѣдующее мѣсто у Тацита (Ann. II, 75): (Agrippina) ascendit classem cum cineribus Germanici et liberis; срв. также Tac. Ann. II, 70.

[3]) C. I. L. X, 901=*Dessau*, Inscr. Lat., № 6396:... [Phroni]mus Messi Fausti [Pl]acidus Vei Frontonis, A. Arellius Graecus min. Aug. ex d. d. iussu [C. Caesaris] M. Vesoni Marcelli II vir. i. d., M. Lucreti Epidi Flacci praefecti, L. Albuci D. Lucreti II vir. v. a. s. p. p., Paullo Fabio L. Vitellio cos. Срв. C. I. L. XI, 992: [M. L]ucre[ti] Epidi Flac[ci praef. i. d.] C. Caesaris.—Эти надписи относятся къ 34-му году по Р. Хр. (См. *Mommsen*, Gesammelte Schriften I, p. 308, A. 64).

[4]) C. I. L. II, 1558:..... II vir | ..... Rom. | .... praef. Imp. Caes.—Плиній (N. H. 3, 12) относитъ городъ Ucubi къ разряду „coloniae immunes“.

[5]) *Eckhel*, Doctr. num. I, 4, p. 477: Iuniano Lupo pr. C. Caesar. C. Pompon. Para. II vir. Срв. *Heiss*, p. 202, № 25 и 31.—*Моммзенъ* (Gesam. Schriften I, p. 308, A. 64) полагаетъ, что Калигула занималъ почетныя должности въ Цезаравгустѣ и Новомъ Карѳагенѣ еще до 37-го года по Р. Хр.

Nova[1]). Сдѣлавшись императоромъ, онъ былъ квинквенналомъ въ *Помпеяхъ*[2]) и гиппархомъ въ *Кизикѣ*[3]).

Каковы были личныя отношенія Гая Цезаря къ названнымъ городамъ Испаніи, мы не знаемъ. Остается, поэтому, и здѣсь ограничиться лишь указаніемъ на отношенія къ послѣднимъ двумъ изъ нихъ Августа, Тиберія и Германика. Не подлежитъ сомнѣнію, что избранію Гая въ почетные магистраты указанныхъ городовъ[4]) въ значительной мѣрѣ содѣйствовала та громадная популярность, которою онъ еще до принятія верховной власти пользовался вообще, какъ въ Италіи, такъ и въ провинціяхъ. Какъ велика была эта его популярность, видно изъ разсказовъ о той восторженной радости, которою встрѣчено было начало его правленія[5]). Приближаясь къ

---

[1]) *Heiss*, Monnaies de l' Espagne, p. 271, № 30—31: C. Caesar Ti(beri) n. quinq(uennalis).

[2]) C. I. L. X, 904=*Dessau* 6397:........ s Adeptus | ...... sius Felicio | [C. Caesare Aug.] M. Epidio Flacco | quinq., M. Holconio Macro | praef. i. d., L. Licinio C. Adio | vir. v. a. s. p. proc.—По мнѣнію *Моммзена* (см. примѣчаніе къ C. I. L. X, 904), эта надпись относится къ 40/41 г. по Р. Хр.

[3]) *G. Dittenberger*, Syll. inscr. gr.[2], № 365: Ἐπὶ Γαΐου Καίσαρος ἱππάρχεω[ι]... Далѣе, въ этой же надписи, Гай называется ὁ νέος Ἥλιος Γάϊος Καῖσαρ Σεβαστὸς Γερμανικός.

[4]) *Eckhel*, Doctr. num. II, 6, p. 218: Caligulae nondum Augusti numos sola nobis Carthago Nova Hispaniae offert, iuxta cujus caput nudum scriptum: C. Caesar Ti(berii Nepos).

[5]) Philo, Leg ad Gaium, § 2: Ὡς γὰρ ἐπ' οὐδενὶ τῶν πώποτε γενομένων αὐτοκρατόρων ἅπαντες ἠγάσθησαν, κτῆσιν καὶ χρῆσιν ἰδίων τε καὶ κοινῶν, οὐκ ἐλπίζοντες ἕξειν, ἀλλ' ἔχειν ἤδη νομίζοντες πλήρωμά τινος εὐτυχίας, ἐφεδρευούσης εὐδαιμονίας. Οὐδὲν γοῦν ἦν ἰδεῖν ἕτερον κατὰ πόλεις, ἢ βωμούς, ἱερεῖα, θυσίας, λευχειμονοῦντας, ἐστεφανωμένους, φαιδρούς, εὐμένειαν ἐξ ἱλαρᾶς τῆς ὄψεως προφαίνοντας, ἑορτὰς πανηγύρεις, μουσικοὺς ἀγῶνας, ἱπποδρομίας, κώμους, παννυχίδας μετ' αὐλῶν καὶ κιθάρας, τέρψεις, ἀνέσεις, ἐκεχειρίας, παντοίας ἡδονὰς διὰ πάσης αἰσθήσεως. *Dittenberger*, Sylloge[2], № 364 (Ψήφισμα Ἀσσίων): Ἐπεὶ ἡ κατ' εὐχὴν πᾶσιν ἀνθρώποις ἐλπισθεῖσα Γαΐου | Καίσαρος Γερμανικοῦ Σεβαστοῦ ἡγεμονία κατήγγελται, | οὐδὲν δὲ μέτρον χαρᾶς εὕρηκ(ε)ν ὁ κόσμος, πᾶσα δὲ πόλις | καὶ πᾶν ἔθνος ἐπὶ τὴν τοῦ θεοῦ ὄψιν ἔσ(π)ευκεν, ὡς ἂν τοῦ ἡδίστου

Риму,—разсказываетъ Светоній[1]), — „Гай ѣхалъ среди воздвигнутыхъ въ честь его жертвенниковъ, среди жертвенныхъ животныхъ и пылающихъ факеловъ, окруженный несмѣтной радостной толпой, вышедшей ему на встрѣчу… Общая радость была столь велика, что въ теченіе ближайшихъ трехъ мѣсяцевъ, да и то неполныхъ, принесено было въ жертву, говорятъ, болѣе 160,000 животныхъ“.

Болѣе свѣдѣній имѣемъ мы объ отношеніяхъ Гая Цезаря къ городу Кизику, въ которомъ онъ, уже будучи императоромъ, занималъ должность гиппарха. Прежде всего, можно считать несомнѣннымъ, что Гай, бывшій еще мальчикомъ при отцѣ Германикѣ на Востокѣ[2]), посѣтилъ этотъ городъ. Изъ постановленія думы города *Асса* въ Троадѣ (неподалеку отъ Кизика) видно, что Калигула былъ въ этомъ городѣ съ отцомъ и далъ обѣщаніе городу, въ будущемъ памятовать и заботиться о немъ[3]). А Кизикъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ го-

ἀνθρώποις αἰῶνο(ς) νῦν ἐνεστῶτος. Срв. Suet. Cal. 13 (Roth): Sic imperium adeptus, P. R. (vel dicam hominum genus?) voti compotem fecit, exoptatissimus princeps maximae parti provincialium ac militum, quod infantem plerique cognoverant.

[1]) Suet. Cal. 13—14.

[2]) Suet. Cal. 10.

[3]) *Dittenberger*, Sylloge², № 364 (Ψήφισμα Ἀσσίων): ἔδοξεν τῇ βουλῇ καὶ τοῖς πραγματευομένοις παρ' ἡμῖν | Ῥωμαίοις καὶ τῷ δήμῳ τῷ Ἀσσίων κατασταθῆναι πρεσ | βείαν ἐκ τῶν πρώτων καὶ ἀρίστων Ῥωμαίων τε καὶ Ἑλλή | νων τὴν ἐντευξομένην καὶ συνησθησομένην αὐτῷ, | δεηθησομένην τε ἔχειν διὰ μνήμης καὶ κηδεμονίας | τὴν πόλιν, καθὼς καὶ αὐτὸς μετὰ τοῦ πατρὸς Γερμανικοῦ | ἐπιβὰς πρώτως τῇ ἐπαρχείᾳ τῆς ἡμετέρας πόλεως ὑπέσχετο. *Диттенбергеръ* (№ 364, прим. 5) указываетъ на то, что Гай Калигула, которому въ то время было не болѣе шести лѣтъ, едва-ли могъ давать какія-нибудь обѣщанія жителямъ города Асса; „vides“ –прибавляетъ онъ— „rerum veritatem foeda adulatione detortam“. Конечно, обѣщаніе давалъ Германикъ въ присутствіи сына, а ассійцы послѣ смерти Германика неточно, разумѣется, говорили, что это обѣщаніе давалъ имъ Калигула съ отцомъ,—какъ не онъ прибылъ къ нимъ съ отцомъ, а отецъ съ нимъ. Подобнымъ образомъ римскіе юристы говорили о Каракаллѣ: „imperator noster cum patre … rescripsit“, тогда какъ, соб-

раздо значительнѣе Асса[1]). Далѣе, изъ словъ Тацита (Tac. Ann. II, 54), что Германикъ „extrema Asiae Perinthumque ac Byzantium, Thracias urbes, mox Propontidis angustias et os Ponticum intrat, cupidine veteres locos et fama celebratos noscendi" можно заключать, намъ кажется, съ полной увѣренностью, что Германикъ былъ и въ Кизикѣ. Посѣтить городъ Кизикъ у Германика, былъ еще особый поводъ. Его тесть, Маркъ Агриппа, во время своего пребыванія на Востокѣ (въ 15-мъ г. до Р. Хр.), оказалъ кизикенцамъ важное благодѣяніе, содѣйствовавъ возвращенію этому городу утраченной имъ въ 20-мъ г. до Р. Хр. автономіи[2]). Уже одно это было достаточнымъ поводомъ для кизикенцевъ для того,

---

ственно, имѣлся въ виду рескриптъ Септимія Севера и его сына, Каракаллы (срв., напр., Dg. (27, 1) 6 § 6).—Слова ἐπιβὰς πρώτως τῇ ἐπαρχείᾳ τῆς ἡμετέρας πόλεως ὑπέσχετο представляютъ затрудненія для пониманія. *Диттенбергеръ* (№ 364, прим. 6) полагаетъ, что ἐπαρχεία непремѣнно значитъ „провинція" и что въ зависимости отъ ἐπιβάς слѣдовало бы поставить τῆς ἐπαρχείας, равно какъ и ошибочно поставлено τῆς ἡμετέρας πόλεως вмѣсто дат. падежа въ зависимости отъ ὑπέσχετο. Не проще ли, читать ἐν τῇ ἐπαρχείᾳ и τῆς ἡμετέρας πόλεως поставить въ зависимость отъ ἐπιβάς? Германикъ прибылъ въ Ассъ съ острова Лесбоса (Tac. Ann. II, 54), гдѣ у него родилась дочь. Слѣдовательно, первый городъ провинціи Азіи, посѣщенный имъ, былъ, кажется, Митилене, а Ассъ былъ бы первый городъ, посѣщенный имъ на материкѣ. Если слѣдовать толкованію Диттенбергера, то выходило-бы, что ассійцы привѣтствовали Германика на островѣ Лесбосѣ, гдѣ онъ долженъ былъ пробыть подольше по случаю родовъ Агриппины. Срв. Cic., Epist. ad Att. V, 13 и Oesterreich. Mittheil. (1897) XX, p. 66.

[1]) Strab. XII, 8, 11: ἔστι δ' ἐνάμιλλος ταῖς πρώταις τῶν κατὰ τὴν Ἀσίαν ἡ πόλις (Кизикъ) μεγέθει τε καὶ κάλλει καὶ εὐνομίᾳ πρός τε εἰρήνην καὶ πόλεμον.

[2]) *Dittenberger*, Sylloge[2], № 366: Ἐπειδὴ ἡ κρατίστη καὶ φιλοσέ | βαστος Ἀντωνία Τρύφαινα πᾶσαν ἀεὶ δσίαν τῆς εἰς τὸν Σεβαστὸν | εὐσεβείας ἐφευρίσκουσα ἐπίνοιαν καὶ τὴν τῆς πόλεως ἡμῶν ἐπισκευὴν | χαριστήριον τοῦ Σεβαστοῦ καθωσίωκεν οὐχ ἱστορήσασα ἡμᾶς ὡς παλαιὸν | Κυζίκου κτίσμα, (ἀ)λλὰ ἐπιγνοῦσα νέαν Ἀγρίππα χάριν... Кизикенцы лишились автономіи при Августѣ, въ 20-мъ году (Cass. Dio LIV, 7, 6), и получили ее снова въ 15-мъ году (Cass. Dio LIV, 23, 7; Strab. XII, 8, 11),

чтобы предложить у себя почетную магистратуру Гаю, внуку Агриппы, ставшему римскимъ императоромъ[1]). Но былъ еще и другой, болѣе важный поводъ. Кизикъ, по свидѣтельству Тацита (Ann. IV, 36), Светонія (Tib. 37) и Діона Кассія (LVII, 24, 6), лишенъ былъ автономіи императоромъ Тиберіемъ (въ 25-мъ г. по Р. Хр.). По мнѣнію *Марквардта*[2]) и *Герцберга*[3]) кизикенцы въ этотъ разъ утратили свою автономію уже *на всегда*[4]). Этому, однако, противорѣчитъ то обстоятельство, что кизикенцы еще во II-мъ вѣкѣ послѣ Р. Хр. имѣли свой собственный календарь[5]),—а это служитъ самымъ вѣрнымъ признакомъ автономности даннаго города. Слѣдовательно, полагаетъ Моммзенъ, Кизикъ, должно-быть, послѣ Тиберія снова получилъ автономію[6]). Далѣе, если допустить, что кизикенцамъ была возвращена автономія не при Калигулѣ, то выходило-бы, что онъ занималъ почетную должность въ civitas stipendiaria,—что̀ весьма мало вѣроятно. Остается, поэтому, предположить, что Калигула еще въ первый

т. е. въ томъ-же году, когда отправился на Востокъ Маркъ Агриппа. „Quam per occasionem,—замѣчаетъ *Диттенбергеръ* (Sylloge[2], № 366, прим. 8)—eum (т. е. M. Agrippam) Cyzicum adiise, ipsiusque beneficio potissimum antiquum ius recuperasse civitatem probabile est".

1) Светоній (Cal. 23), правда, говоритъ, что Калигула „Agrippae se nepotem neque credi neque dici ob ignobilitatem eius volebat", но это относится къ тому времени, когда Калигула, по словамъ того-же Светонія (Cal. 22), былъ уже не „princeps", а „monstrum".

2) *I. Marquardt*, Cyzicus und sein Gebiet, Berl. 1836, p. 82.

3) *Hertzberg*, Gesch. Griechenlands II, p. 24: so hat unter seiner (Tiberius) Regierung namentlich die Stadt Kyzikos ihre „Freiheit" oder reichsunmittelbare Stellung bleibend eingebüsst.

4) Марквардту и Герцбергу еще не были извѣстны надписи, говорящія объ отношеніяхъ къ Кизику Калигулы и отца его, Германика.

5) C. I. Gr. 3664.

6) *Mommsen*, Röm. Staatsrecht II, 706—707; срв. *Henze*, De civitatibus liberis, p. 38 и *V. Chapot*, La province romaine proconsulaire d'Asie, Paris 1904, p. 115—116.

годъ своего правленія возвратилъ автономію кизикенцамъ[1]). Въ пользу этого предположенія говоритъ, несомнѣнно, и то, что Калигула, какъ видно изъ словъ Светонія[2]), вскорѣ послѣ принятія верховной власти, сталъ отмѣнять нѣкоторыя постановленія Тиберія. Другого, болѣе благопріятнаго случая, чѣмъ этотъ, у кизикенцевъ для возстановленія своей автономіи не было[3]).

Городъ Помпеи, имѣвшій своею покровительницею богиню Венеру,—со времени Суллы онъ оффиціально назывался *colonia Veneria Cornelia Pompeianorum*[4]),—уже вслѣдствіе этого дол-

---

[1]) По мнѣнію *Диттенбергера* (Sylloge², № 365, прим. 6), почетная должность Калигулы въ Кизикѣ относится къ 37-му году по Р. Хр. Вѣроятнѣе всего, что кизикенцамъ автономія возвращена была именно тогда, когда они черезъ депутацію поздравляли Калигулу съ принятіемъ верховной власти.

[2]) Suet. Cal. 16; срв. также Cass. Dio LIX, 6.

[3]) Могъ вернуть автономію кизикенцамъ и императоръ Клавдій, который, какъ извѣстно, очень чтилъ память своего брата, Германика; но Клавдій, сколько мы знаемъ, въ Малой Азіи совсѣмъ не былъ, да и, кромѣ того, выходило-бы, какъ уже сказано, что Калигула занималъ почетную должность въ civitas stipendiaria. По Светонію (Claud. 11), Клавдій, будто-бы, „Gai... acta omnia rescidit“; но Діонъ Кассій (LX, 4) говоритъ о томъ-же гораздо обстоятельнѣе и точнѣе: „τά τε τέλη τὰ ἐπὶ τοῦ Γαΐου ἐσαχθέντα, καὶ τἆλλα ὅσα ἐπηγορίαν τινὰ τῶν πραχθέντων ὑπ' αὐτοῦ εἶχε, κατέλυσε μέν, οὐκ ἀθρόα δέ, ἀλλ' ὡς ἑκάστῳ πῇ προσέτυχε“. У Клавдія, сколько намъ извѣстно, не было поводовъ отнимать у кизикенцевъ автономію; напротивъ, болѣе чѣмъ вѣроятно, что онъ въ самомъ началѣ своего правленія подтвердилъ съ своей стороны привилегіи, пожалованныя кизикенцамъ Калигулой. О подтвержденіи новымъ императоромъ „beneficia“, дарованныхъ его предшественникомъ, Светоній (Tit. 8) говоритъ: „cum ex instituto Tiberi omnes dehinc Caesares beneficia a superioribus concessa principibus aliter *rata* non haberent, quam si eadem isdem et ipsi dedissent, primus praeterita omnia uno confirmavit edicto, nec a se peti passus est. Срв. у насъ ниже, стр. 48, прим. 1. Въ надписяхъ города Кизика часто встрѣчаются Κλαύδιοι (См. Philologus, (1897), XXXII, p. 500).

[4]) C. I. L. X, 787.

женъ былъ быть близокъ императорамъ изъ рода Юліевъ [1]). Дѣйствительно, въ надписяхъ города Помпей засвидѣтельствованы храмъ генію Августа [2]), храмъ Fortunae Augustae (C. I. L. X, 824-828), flamen и sacerdos Augusti (C. I. L. X, 836—837), ministri Augusti (C. I. L. X, 890) и pagus Augusti Felix suburbanus (C. I. L. X, 814 и др.). Кромѣ того, въ одномъ общественномъ зданіи около форума находились статуи, воздвигнутыя въ честь Энея, Ромула, Юлія Цезаря, Августа, Тиберія и сына его, Друза [3]). Наконецъ, на главномъ форумѣ Помпей находились двѣ почетныя арки, изъ которыхъ одна посвящена была Августу, а другая, по всей вѣроятности, брату Калигулы, Нерону Цезарю (C. I. L. X, 798); здѣсь-же, на форумѣ, находилась конная статуя, изображавшая, повидимому, Калигулу [4]) и найдена надпись на стѣнѣ храма Юпитера pro salute (C. Ca)esaris Augusti Germani(ci i)mperatoris [5]). Калигула, надо полагать, неразъ бывалъ въ Помпеяхъ, особенно во время его пребыванія при императорѣ Тиберіѣ на о-вѣ Капри.

---

1) По той-же причинѣ, между прочимъ, былъ имъ близокъ и Коринѳъ. Аналогичныя отношенія имѣетъ въ виду Тацитъ (Ann. IV, 43): Segestani aede Veneris montem apud Erycum, vetustate dilapsam, restaurari postulavere, nota memorantes de origine eius et laeta Tiberio; suscepit curam libens ut consanguineus. Срв. также *Le Bas-Waddington* III, 1624 (рескриптъ Декія-Траяна и его сына городу Афродисіадѣ): Εἰκὸς ἦν ὑμᾶς καὶ διὰ τὴν ἐπώνυμον τῆς πόλεως θεὸν καὶ διὰ τὴν πρὸς Ῥωμαίους οἰκειότητά τε καὶ πίστιν ἡσθῆναι μὲν ἐπὶ τῇ καταστάσει τῆς βασιλείας τῆς ἡμετέρας, θυσίας δὲ καὶ εὐχὰς ἀποδοῦναι δικαίας· καὶ ἡμεῖς δὲ τήν τε ἐλευθερίαν ὑμεῖν φυλάττομεν τὴν ὑπάρχουσαν καὶ τὰ ἄλλα δὲ σύμπαντα δίκαια, ὁπόσων παρὰ τῶν πρὸ ἡμῶν αὐτοκρατόρων τετυχήκατε, συναύξειν ἑτοίμως ἔχοντες ὑμῶν καὶ τὰς πρὸς τὸ μέλλον ἐλπίδας.

2) *Overbeck-Mau*, Pompeji (Leipz. 1884), p. 117.

3) *Overbeck-Mau*, p. 132 и 134.

4) По поводу этой статуи замѣчаетъ *Mau* (Pompeji, Leipz. 1900, p. 41): Es brauchte ja nicht gerade ein Kaiser zu sein; auch z. B. an den jüngeren Drusus (Sohn des Tiberius) oder Germanicus kann gedacht werden, wenn diese etwa irgend welche Beziehungen zu Pompeji hatten. War es aber ein Kaiser, so musste es wohl Caligula sein.

5) C. I. L. X, 796.

Императоръ **Неронъ** былъ кватуорвиромъ въ сабинскомъ городѣ *Cures*[1]) и квинквенналомъ въ *Пренестѣ*[2]).

Объ отношеніяхъ Нерона къ городу Cures мы говорили уже выше, когда указывали на значеніе этого города въ начальной исторіи города Рима и на сабинское происхожденіе рода Клавдіевъ[3]). Остается, поэтому, сказать нѣсколько словъ объ отношеніяхъ Нерона къ городу Пренестѣ. Каковы были отношенія къ этому городу Августа, Тиберія, Германика и его сыновей, Нерона и Друза Цезарей, мы видѣли уже выше. Для потомковъ Антоніевъ, къ которымъ, какъ извѣстно, принадлежалъ и Неронъ[4]), съ именемъ города Пренесты соединялось воспоминаніе объ одномъ изъ ихъ предковъ, Люціѣ Антоніѣ, который, по словамъ Веллея Патеркула (II, 74) и Аппіана (b. c. V, 20), одно время нашелъ въ Пренестѣ убѣжище,—якобы отъ преслѣдованій Октавіана. Далѣе, извѣстно, что Неронъ родился въ Анціѣ[5]),—городѣ Фортуны

¹) C. I. L. IX, 4968: L. Tuccius P. f. Col. Maxim(us) trib. mil. leg. XV Apollina(ris), praef. fabr., IIII vir praef. Neronis Caesaris Aug. Curibus Sabinis has porticus sua pec. restituit.

²) C. I. L. XIV, 2995: Sex(tus) Pomp(eius)... trib. mil. II vir... (flamen) divi Aug. Neronis [Caesaris II viri quinquennalis] praefectus testa(mento) Pompeia Mummi... ex qua summa porticum mar(moribus ornavit). *Dessau* (въ прим. къ приведенной надписи) помѣщаетъ почетную должность Нерона въ Пренестѣ между 51—54 гг. по Р. Хр.

³) Suet. Tib. 1: Patricia gens Claudia... orta est a Regillis, oppido Sabinorum. Срв. Gell., Noct. Att. XIII, 23, 8: Itaque ex Claudiis, quos a Sabinis oriundos accepimus, qui erat egregia atque praestanti fortitudine, „Nero“ appellatus est.

⁴) Suet. Nero 5: Ex Antonia maiore patrem Neronis procreavit (Domitius).

⁵) Tac. Ann. XV, 23 и Suet. Nero 6.—Въ Анціѣ родилась и дочь императора Нерона, Клавдія Августа; по случаю этого событія сенатъ, по словамъ Тацита (Ann. XV, 23), постановилъ: ut Fortunarum (sc. Antiatinarum) effigies aureae in solio Capitolini Iovis locarentur. Будучи императоромъ, Неронъ вывелъ въ Анцій колонію и выстроилъ тамъ гавань operis sumptuosissimi (Suet. Nero 9).

(или Фортунъ)[1]). Слѣдовательно, онъ могъ считать Фортуну въ нѣкоторой мѣрѣ своею покровительницею и уже поэтому оказывать особое вниманіе также и знаменитой пренестинской Fortunae Primigeniae и ея городу. Это предположеніе представляется намъ еще болѣе вѣроятнымъ, если принять во вниманіе склонность Нерона къ суевѣрію. Весьма возможно, что Неронъ, какъ впослѣдствіи Домиціанъ[2]), неразъ даже обращался къ пренестинской Фортунѣ, подобно тому, какъ онъ, по свидѣтельству Светонія (Nero 40) и Діона Кассія (LXIII, 14), обращался къ дельфійскому оракулу.

Въ Греціи, сколько намъ извѣстно, Неронъ ни въ одномъ городѣ почетныхъ должностей не занималъ и не былъ даже агоноѳетомъ. За то онъ выступалъ лично на разнаго рода состязаніяхъ во всѣхъ греческихъ городахъ[3]), гдѣ происходили игры (за исключеніемъ Аѳинъ и Спарты), получая въ награду вѣнки,—иногда даже за состязанія, въ которыхъ онъ совсѣмъ не участвовалъ[4]).

---

[1]) О Fortunae Antiates см. *Preller*, Röm. Mythologie II[3], p. 193 и *W. H. Roscher*, Ausführl. Lexicon d. griech. und röm. Mythologie, Bd. I, p. 1546.

[2]) Suet. Dom. 15: Praenestina Fortuna, toto imperii spatio annum novum commendanti laetam eandemque semper sortem dare assueta, extremo tristissimam reddidit, nec sine sanguinis mentione.

[3]) Уже до Нерона одержали побѣду на олимпійскихъ играхъ Тиберій и Германикъ, первый—около 1 г. по Р. Хр. (*Dittenberger*, Sylloge[2], № 357=Inschriften von Olympia V, p. 333, № 220: Τιβέριον Κλαύδιον Τιβερίου υἱὸν Νέρωνα, νικήσαντα Ὀλύμπια τεθρίππῳ τελείῳ), второй—въ 17 г. по Р. Хр. (*Dittenberger*, Sylloge[2], № 358=Inschriften von Olympia V, p. 335, № 221: Γερμανικὸν Καίσαρα, Αὐτοκράτορος Τιβερίου Καίσαρος Σεβαστοῦ υἱόν, νικήσαντα Ὀλύμπια τεθρίππῳ τελείῳ). Срв. *G. H. Förster*, Die Sieger in den olympischen Spielen II, Zwickau 1892, p. 14. *Фридлендеръ* (Sittengeschichte Roms II[6], p. 496) высказываетъ совершенно справедливое предположеніе, что Тиберій и Германикъ выступали на олимпійскихъ играхъ не лично, а посылали туда свои колесницы и возницъ.

[4]) Suet. Nero 22: instituerant civitates, apud quas musici agones edi solent, omnes citharoedorum coronas ad ipsum (sc. Neronem) mittere.

Императоръ **Веспасіанъ**, по свидѣтельству надписи, занималъ почетную должность въ *Беритѣ*, римской колоніи въ Сиріи[1]).

Сирія, какъ передаетъ Тацитъ (Hist. II, 79), была одной изъ первыхъ провинцій, принявшихъ сторону Веспасіана по провозглашеніи его императоромъ; въ Беритѣ же, по словамъ того-же Тацита, между Веспасіаномъ и его сторонниками происходило важное совѣщаніе относительно дальнѣйшаго образа дѣйствій въ предстоявшей борьбѣ съ Вителліемъ[2]); здѣсь-же, нѣсколько позже, Веспасіанъ принималъ многочисленныя депутаціи отъ различныхъ городовъ Сиріи и другихъ провинцій, явившіяся къ нему съ поздравленіемъ по случаю принятія имъ верховной власти[3]).

Eas adeo grate recipiebat, ut legatos, qui pertulissent, non modo primos admitteret, sed etiam familiaribus epulis interponeret.

[1]) C. I. L. III, 170:... toni equo p(ubl.) Aug. pontifici II viro qu(inq.) (p)raef. imp. Vespasiani Caes. Aug. (pu)blic(e) ex decr. dec. et (po)puli voluntat(e).—Беритъ (*colonia Iulia Augusta Berytus*—C. I. L. III, 161) сдѣлался римскою колоніею при Августѣ, въ 15-мъ году до Р. Хр. (Strab. XVI, 2, 19).

[2]) Tac. Hist. II, 81 (Halm): Consilium de summa rerum Beryti habitum. Illuc Mucianus cum legatis tribunisque et splendidissimo quoque centurionum ac militum venit, et e Iudaeico exercitu lecta decora: tantum simul peditum equitumque et aemulantium inter se regum paratus fortunae principalis effecerant.

[3]) Ioseph. Flav., Bell. Jud. IV, 10, 6 (Bekker): ὁ δὲ (Веспасіанъ)... εἰς Βηρυτὸν παραγίνεται, ἔνθα πολλαὶ μὲν ἀπὸ τῆς Συρίας αὐτῷ πολλαὶ δὲ καὶ ἀπὸ τῶν ἄλλων ἐπαρχιῶν πρεσβεῖαι συνήντων, στεφάνους παρ' ἑκάστης πόλεως καὶ συγχαρτικὰ προσφέρουσαι ψηφίσματα. παρῆν δὲ καὶ Μουκιανὸς ὁ τῆς ἐπαρχίας ἡγεμών, τὸ πρόθυμον τῶν δήμων καὶ τοὺς κατὰ πόλιν ὅρκους ἀπαγγέλλων.—О жителяхъ города Александріи, въ которомъ Веспасіанъ впервые провозглашенъ былъ императоромъ (Tac. Hist. II, 79) и гдѣ онъ также принималъ многочисленныя депутаціи (Ioseph. Flav., Bell. Jud. IV, 11, 5), Діонъ Кассій (LXVI, 8) сообщаетъ, что они προσδοκήσαντες μέγα τι παρ' αὐτοῦ (т. е. Οὐεσπασιανοῦ) λήψεσθαι, ὅτι πρῶτοι αὐτὸν αὐτοκράτορα ἐπεποιήκεσαν, οὐ μόνον οὐδὲν εὕροντο ἀλλὰ καὶ προσεπράσσοντο χρήματα. Чествовать Веспасіана избраніемъ его въ почетные маги-

Титъ, еще до принятія верховной власти, былъ квинквенналомъ въ италійскомъ городѣ *Interamna Lirenas*[1]) и агоноѳетомъ въ *Неаполѣ* (въ Италіи). Будучи императоромъ, онъ занималъ должность демарха(?), агоноѳета и гимназіарха въ томъ-же *Неаполѣ*[2]) и должность архонта въ *Дельфахъ*[3]).

Объ отношеніяхъ Тита къ городу Интерамнѣ мы не имѣемъ никакихъ извѣстій. Что же касается города Неаполя, то извѣстно, что Титъ, послѣ землетрясенія 79-го года, причинившаго большія опустошенія въ южной Италіи, лично ѣздилъ въ Кампанію (Cass. Dio LXVI, 24), гдѣ съ большимъ участіемъ относился къ пострадавшимъ городамъ[4]), въ томъ

страты александрійцы не могли-бы даже въ томъ случаѣ, если-бы Веспасіанъ относился къ нимъ болѣе благосклонно, такъ какъ этому препятствовало правовое положеніе города Александріи: этотъ городъ не былъ ни римской колоніей, ни вольнымъ городомъ и магистраты назначались въ немъ римскимъ правительствомъ (см. *Marquardt,* Röm. Staatsverwaltung I[2], p. 452).

[1]) C. I. L. X, 5405=*Dessau,* Inscript. Lat., 6125: k. Apr. Titus et Dom(itianus) (quinquennales), Cn. Mummeius... M. Barronius.... (praef.). *Моммзенъ* и *Дессау* (въ прим. къ этой надписи) относятъ почетную должность Тита и Домиціана въ городѣ Интерамнѣ къ 73-му году по Р. Хр.

[2]) C. I. L. X, 1481=I. G. I. 729: [Αὐτοκράτωρ] Τίτος Καῖσα[ρ θεοῦ Οὐεσπασιανοῦ υἱὸς Ο]ὐεσπασιανὸς Σεβαστὸς, [ἀρχιερεὺς μέγιστος, δημαρχ]ικῆς ἐξουσίας τὸ ι', [αὐτοκράτωρ τὸ ιε', πατὴρ πατρίδ]ος, ὕπατος τὸ η', τειμητής, [ἐν Νέᾳ πόλει δημαρχήσας(?), ἀγων]οθετήσας τὸ γ', γυμνασιαρχήσας.... [ὑπὸ σεισμῶν συ]μπεσόντα ἀποκατέστησεν. По мнѣнію Моммзена (C. I. L. X, 1481) агоноѳесію Тита въ Неаполѣ слѣдуетъ отнести къ 74 и 79 гг. по Р. Хр.

[3]) Bull. de corresp. hell. XVIII (1894), p. 97:... Ἄρχοντος Τίτου Καίσαρος Σεβαστοῦ, βουλευόντων Ἀγάθωνος καὶ Ἀντιγόνου. *H. Pomtow* (Philologus LIV (1895), p. 598) относитъ архонтство Тита въ Дельфахъ къ Ol. 214, 3, т. е. къ 79-му году по Р. Хр.

[4]) Светоній (Tit. 8) говоритъ, что Титъ, по случаю изверженія Везувія и пожара въ Римѣ „non modo principis sollicitudinem sed et parentis affectum praestitit, nunc consolando per edicta, nunc opitulando quatenus suppeteret facultas“.

числѣ и къ Неаполю[1]). Весьма вѣроятно, что къ принятію агоноѳесіи на большихъ играхъ въ Неаполѣ, справлявшихся въ честь Ромы и Августа (Ἰταλικὰ Ῥωμαῖα Σεβαστὰ ἰσολύμπια)[2]), Тита побуждали, кромѣ того, его склонность ко всякаго рода зрѣлищамъ и играмъ вообще и особая его симпатія къ грекамъ[3]). Въ Неаполѣ же, какъ извѣстно, до IV-го вѣка по Р. Хр. включительно сохранялись греческіе нравы и обычаи и греческій языкъ былъ тамъ языкомъ оффиціальнымъ[4]). По свидѣтельству древнихъ писателей времени имперіи въ этомъ городѣ любили проводить время очень многіе знатные и образованные римляне[5]).

Объ архонтствѣ Тита въ Дельфахъ мы можемъ сказать, въ видѣ предположенія, еще слѣдующее. Діонъ Кассій (LXIII,14) передаетъ, что Неронъ, получивъ однажды неблагопріятное предсказаніе отъ дельфійскаго оракула, от-

[1]) C. I. L. X, 1481: [Imp. Titus Caes. divi Vespasia]ni f. Vespasianus Aug.... [terrae . mo]tibus conlapsa restituit. Срв. Suet. Tit. 8 и Cass. Dio LXVI, 24.

[2]) I. G. I. № 748.—Объ импер. Клавдіѣ Светоній (Claud. 11) говоритъ: ad fratris (т. е. Germanici) memoriam, per omnem occasionem celebratam, comoediam quoque Graecam Neapolitano certamine docuit ac de sententia iudicum coronavit. Срв. Cass. Dio LX, 6: (Клавдій) ἔν γε τῇ Νέᾳ πόλει καὶ παντάπασιν ἰδιωτικῶς ἔζη· τά τε γὰρ ἄλλα ἑλληνικῶς καὶ αὐτὸς καὶ οἱ συνόντες οἱ διῃτᾶτο, καὶ ἐν μὲν ταῖς τῆς μουσικῆς θεωρίαις ἱμάτιον καὶ κρηπῖδας, ἐν δὲ δὴ τῷ γυμνικῷ ἀγῶνι πορφυρίδα καὶ στέφανον χρυσοῦν ἐλάμβανε. Можно думать, что уже Клавдій былъ агоноѳетомъ въ Неаполѣ.

[3]) Suet. Tit. 3: Latine Graeceque, vel in orando vel in fingendis poematibus, promptus et facilis ad extemporalitatem usque; sed ne musicae quidem rudis, ut qui cantaret et psalleret iucunde scienterque. Можетъ быть, не случайностью было и то, что Титъ занималъ высшія должности въ Дельфахъ, городѣ Аполлона, и въ Неаполѣ, покровителемъ котораго также былъ Аполлонъ. См. P. Papinii Statii Silvarum libri, ed. *Vollmer*, примѣчаніе къ IV, 8, 40.

[4]) См. *Nissen*, Ital. Landeskunde II, 2, p. 749.

[5]) Strab. V, 4, 7: ἐπιτείνουσι δὲ τὴν ἐν Νεαπόλει διαγωγὴν τὴν Ἑλληνικὴν οἱ ἐκ τῆς Ῥώμης ἀναχωροῦντες δεῦρο ἡσυχίας χάριν τῶν ἀπὸ παιδείας

нялъ у дельфійцевъ часть ихъ земель и даже закрылъ этотъ оракулъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что Веспасіанъ или Титъ напротивъ вернули имъ ихъ прежнее положеніе: Флавіи вообще весьма сочувственно относились къ Греціи[1]) и, кажется, особенно благоволили къ Дельфамъ[2]).

ἐργασομένων ἢ καὶ ἄλλων διὰ γῆρας ἢ ἀσθένειαν ποθούντων ἐν ἀνέσει ζῆν. καὶ τῶν Ῥωμαίων δ' ἔνιοι χαίροντες τῷ βίῳ τούτῳ, θεωροῦντες τὸ πλῆθος τῶν ἀπὸ τῆς αὐτῆς ἀγωγῆς ἐπιδημούντων ἀνδρῶν, ἄσμενοι φιλοχωροῦσι καὶ ζῶσιν αὐτόθι. А вотъ, что говоритъ своей женѣ о Неаполѣ современникъ Тита, неаполитанецъ Стацій (Silv. III, 5, 78—95, ed. Vollmer):

nostra quoque et propriis tenuis nec rara colonis
Parthenope, cui mite solum trans aequora uectae
ipse Dionaea monstrauit Apollo columba.
has ego te sedes—nam nec mihi barbara Thrace
nec Libye natale solum—transferre laboro,
quas et mollis hiems et frigida temperat aestas,
quas imbelle fretum torpentibus adluit undis.
pax secura locis et desidis otia uitae
et numquam turbata quies somnique peracti.
nulla foro rabies aut strictae in iurgia leges:
morum iura uiris solum et sine fascibus aequum.
quid nunc magnificas species cultusque locorum
templaque *et* innumeris spatia interstincta columnis
et geminam molem nudi tectique theatri
et Capitolinis quinquennia proxima lustris,
quid laudem litus libertatemque Menandri,
quam Romanus honos et Graia licentia miscent?
nec desunt uariae circa oblectamina uitae.

[1]) Веспасіанъ, правда, лишилъ Ахаію свободы, но объясняется это, въ сущности, его заботами объ интересахъ самихъ-же грековъ; Pausan. VII, 17, 2 (Schubart): Οὐεσπασιανοῦ γὰρ μετὰ Νέρωνα ἄρξαντος ἐς ἐμφύλιον στάσιν προήχθησαν (sc. οἱ Ἕλληνες), καὶ σφᾶς ὑποτελεῖς τε αὖθις ὁ Οὐεσπασιανὸς εἶναι φόρων καὶ ἀκούειν ἐκέλευσεν ἡγεμόνος, ἀπομεμαθηκέναι φήσας τὴν ἐλευθερίαν τὸ Ἑλληνικόν. Уже отецъ Веспасіана въ скромномъ званіи откупщика пріобрѣлъ себѣ расположеніе малоазіатскихъ грековъ (Suet. Vesp. 1: publicum quadragesimae in Asia egit; manebantque imagines a civitatibus ei positae sub hoc titulo: Καλῶς τελωνήσαντι).

[2]) Домиціанъ, повидимому, окончилъ постройку дельфійскаго храма, прерванную еще при Неронѣ (Bull. de corresp. hell. XX,

Домиціанъ, еще до принятія верховной власти, былъ квинквенналомъ въ *Interamna Lirenas*[1]). Сдѣлавшись императоромъ, онъ былъ архонтомъ-эпонимомъ въ *Аѳинахъ*[2]) и, по всей вѣроятности, дуумвиромъ въ испанскомъ городѣ *Salpensa*.

Городъ Салпенза, вмѣстѣ съ остальными перегринными городами Испаніи, получилъ ius Latii отъ императора Веспасіана[3]) и назывался съ тѣхъ поръ municipium Flavium Salpensanum[4]); Домиціанъ же, какъ мы видѣли выше (стр. 12), далъ этому городу статутъ (lex municipalis Salpensana)[5]). Заключающійся въ этомъ статутѣ параграфъ, опредѣляющій нормы для избранія въ почетные дуумвиры императора Домиціана [6]), по разъясненію Моммзена[7]), надо понимать въ общемъ смыслѣ, т. е. установленныя въ этомъ параграфѣ правила имѣли одинаковую силу и для всѣхъ послѣдующихъ императоровъ. Однако, нѣтъ почти никакого сомнѣнія, что жители города Салпензы должны были, прежде

(1896), p. 714: „il semblera sage de se borner à l'hypothèse que les travaux, peut-être commencés sous Néron, mais aussitôt interrompus, soit par la versatilité de l'empereur, soit par sa rancune, soit par les évènements qui suivirent son retour en l'Italie, ne furent repris et terminés que par Domitien"). См. также рескриптъ Домиціана дельфійцамъ въ Bull. de corresp. hell. VI, p. 451.

1) C. I. L. X, 5405; см. стр. 52, прим. 1.

2) C. I. A. III, 1091: Ἐπ[ὶ] Αὐτοκράτορος Καίσ[α]ρος Θεοῦ Οὐεσπα[σ]ιανοῦ υἱοῦ Δομετιαν[οῦ Σ]εβαστοῦ Γερμανικοῦ Διὸς Ἐλευθερίου [ἄρχο]ντος. Срв. Philostr., v. Apoll. VIII, 16; *L. Gsell*, Essai sur le règne de l' empereur Domitien, Paris 1893, p. 37.

3) Plin., N. H. III, 3, 30: Universae Hispaniae Vespasianus imperator Augustus iactatum procellis rei publicae Latium tribuit.

4) C. I. L. II, 1286. 1963.

5) C. I. L. II, 1963=*Bruns*, Fontes iuris Rom. antiqui (1893), p. 142—147.

6) См. выше (стр. 12, прим. 2), lex Salpens., c. 24: de praefecto imp(eratoris) Caesaris Domitiani Aug(usti).

7) *Mommsen*, Röm. Staatsrecht II³, p. 814, A. 1 и p. 750, A. 2.

всего, предложить почетную должность у себя Домиціану, давшему ихъ городу статутъ.

Въ Греціи, сколько намъ извѣстно, Домиціанъ никогда не былъ. Несмотря на это, онъ очень благоволилъ къ грекамъ и съ особенной симпатіею относился къ Аѳинамъ, что въ значительной степени объясняется его отношеніемъ къ культу Аѳины-Минервы[2]). Въ честь этой богини Домиціанъ ежегодно устраивалъ на альбанскихъ горахъ великолѣпныя игры, состоявшія изъ травли звѣрей, сценическихъ представленій и состязаній ораторовъ и поэтовъ[3]). Наконецъ, онъ сталъ выдавать себя даже за сына богини Аѳины (Philostr., v. Apoll. VII, 24. 26). Понятно, что аѳиняне, польщенные такимъ отношеніемъ Домиціана къ богинѣ Аѳинѣ, покровительницѣ ихъ города, не замедлили выразить ему свою благодарность избраніемъ его въ почетные архонты. Объ этомъ фактѣ находимъ интересное сообщеніе и у писателя, именно у Филострата[4]).

---

[1]) См. *Hertzberg*, Gesch. Griechenlands II, p. 137.

[2]) Suet. Dom. 15: Minervam, quam superstitiose colebat... Cass. Dio LXVII, 1: τὴν Ἀθηνᾶν εἰς τὰ μάλιστα ἤγαλλε.

[3]) Suet. Dom. 4: Celebrabat et in Albano quotannis Quinquatria Minervae, cui collegium instituerat, ex quo sorte ducti magisterio fungerentur ederentque eximias venationes et scenicos ludos, superque oratorum ac poetarum certamina.

[4]) Philostr., v. Apoll. VIII, 16 (Kayser): Νεανίσκου δὲ τῶν ἡκόντων Ἀθήνηθεν (въ Олимпію) μάλα εὔνουν τὴν Ἀθηνᾶν εἶναι τῷ βασιλεῖ φήσαντος, „πέπαυσο“ εἶπεν „Ὀλυμπίασιν ὑπὲρ τούτων κροτῶν καὶ διαβάλλων τὴν θεὸν τῷ πατρί“. ἐπιδιδόντος δὲ τοῦ νεανίσκου τῇ ἀχθηδόνι καὶ δίκαια πράττειν τὴν θεὸν φήσαντος, ἐπειδὴ καὶ ὁ βασιλεὺς τὴν ἐπώνυμον Ἀθηναίοις ἦρξεν, „εἴθε“ ἔφη „καὶ ἐν Παναθηναίοις“, ἐπιστομίζων αὐτὸν τῇ μὲν προτέρᾳ τῶν ἀποκρίσεων, ὡς κακῶς εἰδότα περὶ τῶν θεῶν, εἰ τυράννοις αὐτοὺς εὔνους ἡγοῖτο, τῇ δὲ ἐφεξῆς, ὡς οὐκ ἀκόλουθα τοῖς ἐφ' Ἁρμοδίῳ καὶ Ἀριστογείτονι ψηφιζομένων Ἀθηναίων, εἰ τοὺς ἄνδρας ἐκείνους τιμᾶν ἐπ' ἀγορᾶς νομίζοντες ὑπὲρ ὧν ἐν Παναθηναίοις ἔδρασαν, τυράννοις λοιπὸν χαρίζονται τὸ κεχειροτονημένους αὐτῶν ἄρχειν.

Встрѣтившись здѣсь впервые съ архонтствомъ римскаго императора въ Аѳинахъ, считаемъ нужнымъ нѣсколько остановиться, тѣмъ болѣе, что этотъ фактъ, повторявшійся и впослѣдствіи (намъ извѣстны архонтства въ Аѳинахъ Адріана, Антонина Пія и Галліена), является однимъ изъ лучшихъ показателей эллинофильской политики римскихъ императоровъ.

Изъ предшествовавшихъ Домиціану императоровъ, сколько мы знаемъ, ни одинъ не былъ архонтомъ въ Аѳинахъ. Причины этого факта, могущаго показаться на первый взглядъ даже страннымъ, надо искать, по нашему мнѣнію, въ слѣдующемъ.

Августъ имѣлъ основаніе быть недовольнымъ аѳинянами, принявшими нѣкогда сторону его противника, Антонія[1]). Воспоминаніе объ этомъ, естественно, должно было оставаться и у его преемниковъ, несмотря на то, что потомки Августа и Антонія уже успѣли помириться и даже породниться. Сами аѳиняне въ то-же время явно обнаруживали свои симпатіи къ потомкамъ Антонія, оказывая, напримѣръ, разныя почести Друзу, сыну Тиберія, и Германику. Гай Калигула, будучи императоромъ, въ Греціи не былъ, а Клавдій, сколько мы знаемъ, въ Греціи вообще никогда не былъ. О Неронѣ же сообщаютъ, что онъ, во время своего путешествія по Греціи, ни разу не посѣтилъ Аѳинъ, изъ боязни, будто-бы, Евменидъ[2]).

[1]) *V. Gardthausen*, Augustus u. seine Zeit I, 2, p. 811: Athen war die Lieblingsstadt des Antonius gewesen und Antonius der Liebling der Athener, und selbst nach seinem Tode waren diese Sympathien immer noch nicht erloschen; desshalb mussten die Athener die Ungnade des Augustus sich gefallen lassen. Der Kaiser vermied es, nach Athen zu kommen, und landete auf Aegina (Cass. Dio LIV, 7), wo er den ersten Theil des Winters verlebte. Vergebens kam eine Gesandtschaft von Athen, um ihn dorthin einzuladen, sonst könnte es scheinen, als ob Augustus der Stadt zürne; aber der Kaiser antwortete ganz trocken, dass dieser Schein auch durchaus nicht trüge. См. Plutarch., Reg. et imp. apophthegm., Aug. 13.—Гней Пизонъ называлъ аѳинянъ Antonii adversus divum Augustum socios (Tac. Ann. II, 55).

[2]) Suet. Nero 34; Cass. Dio LXIII, 14.

Для новой династіи, Флавіевъ, фамильныя преданія императоровъ изъ рода Юліевъ-Клавдіевъ утратили, конечно, свое прежнее значеніе. Веспасіанъ и Титъ, какъ мы видѣли выше, относились къ грекамъ благосклонно. Еще болѣе благоволилъ къ нимъ императоръ Домиціанъ[1]). Въ приведенной нами аѳинской надписи[2]) Домиціанъ называется „Ζεὺς Ἐλευθέριος“. Такимъ образомъ, какъ извѣстно, назывались до Домиціана уже Августъ[3]) и Неронъ[4]). Августъ, по свидѣтельству Филона (Leg. ad Gaium 21), въ извѣстномъ смыслѣ далъ свободу „всѣмъ городамъ“, а Неронъ возвратилъ „свободу“ провинціи Ахаіи. Вѣроятно, что-нибудь подобное сдѣлалъ для вольнаго и федеральнаго города Аѳинъ и Домиціанъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ совершенно непонятенъ былъ-бы мотивъ, побудившій аѳинянъ величать „Зевсомъ-освободителемъ“ Домиціана[5]).

Принимая архонтство въ такомъ городѣ, какъ Аѳины, Домиціанъ, конечно, не могъ не понимать, что вниманіе,

---

[1]) Объ отношеніяхъ Домиціана къ *Дельфамъ* см. выше, стр. 54, прим. 2. *Коринѳъ* на монетахъ времени Домиціана впервые называется *Colonia* Iulia *Flavia* Augusta Corinthus (срв. *Eckhel*, Doctr. num. II, p. 241 и *S. Gsell*, Essai sur le règne de l'empereur Domitien, p. 150). Срв. также посвященія Домиціану въ *Аѳинахъ* (С. I. А. III, 461a), въ *Олимпіи* (Inschriften von Olympia V, 377) и въ *Ѳивахъ* (С. I. G. S. I, 2494).

[2]) См. выше, стр. 55, прим. 2.

[3]) Rev. de Philolog. XIX (1895), p. 177—179. Срв. *Preller*, Röm. Mythologie II[3], p. 429 и 449; *Gardthausen*, Augustus u. seine Zeit I, 2, p. 767; *Eckhel*, Doctr. num. IV, p. 45 sq.

[4]) *Dittenberger*, Sylloge I[2], № 376.

[5]) У Филострата (v. Apoll. V, 41) приводится письмо Аполлонія Тіанскаго къ Веспасіану слѣдующаго содержанія: Νέρων τοὺς Ἕλληνας παίζων ἠλευθέρωσε, σὺ δὲ αὐτοὺς σπουδάζων ἐδουλώσω. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что Домиціанъ, въ противоположность своему отцу, далъ грекамъ и, въ частности, Аѳинамъ какія-нибудь льготы. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что вскорѣ послѣ Домиціана, при Траянѣ, уже понадобились для Греціи особые коммиссары „ad ordinandum statum liberarum civitatum“ (Plin. Epist. VIII, 24).

оказываемое имъ аѳинянамъ, въ нѣкоторой мѣрѣ относилось и ко всѣмъ остальнымъ грекамъ, для которыхъ Аѳины — это „око“ Греціи — были главной гордостью[1]).

Вотъ, что говоритъ о великой культурной роли аѳинянъ писатель времени имперіи[2]): „Изъ всѣхъ людей только вы одни воздвигли себѣ, что называется, безкровный памятникъ побѣды — не надъ бэотійцами или спартанцами или коринѳянами, а надъ всѣми одноплеменниками, — я называю такъ не грековъ въ отличіе отъ варваровъ, а разумѣю весь родъ человѣческій. Вы одержали славную и великую побѣду на вѣчныя времена не въ сомнительной битвѣ при Танагрѣ и не въ великомъ сраженіи при Мараѳонѣ, — нѣтъ, вы одержали побѣду, по истинѣ достойную человѣка и постоянную, — побѣду, которую не грѣхъ назвать дочерью Зевса: къ вамъ, вашему образу жизни и языку перешли всѣ города и весь родъ людской. Эта власть вашего города поддерживается не находящимися въ нихъ гарнизонами, а тѣмъ, что всѣ ревниво слѣдуютъ вашему примѣру и, насколько это возможно, присоединяются къ вамъ, желая и себѣ и своимъ дѣтямъ получить нѣкоторую долю вашихъ благъ. При этомъ не служатъ имъ препятствіемъ ни столбы Геркулеса, ни холмы Африки, ни какой угодно Босфоръ, ни ущелья Сиріи и Киликіи, а, напротивъ, вся земля по какому-то божественному предопредѣленію охвачена стремленіемъ къ вашей мудрости и къ общенію съ вами. Одинъ лишь вашъ языкъ всѣ признали общимъ для всего рода человѣческаго и благодаря вамъ вся вселенная сдѣлалась одноязычной... Объ этой побѣдѣ города Аѳинъ, спартанцы и всѣ остальные греки, вы сами вообще и наиболѣе выдающіеся изъ васъ въ особенности еще понынѣ свидѣтельствуете каждый день. Вѣдь вы-же оставили свои родные языки, вамъ стыдно бываетъ, даже у себя дома, упо-

---

[1]) См., напр., Philo, Quod omn. prob. lib. § 20 (Richter): ὅπερ γὰρ ἐν ὀφθαλμῷ κόρη, ἢ ἐν ψυχῇ λογισμὸς, τοῦτο ἐν Ἑλλάδι Ἀθῆναι.

[2]) Aristid., or. XIII (Panathenaikos), § 180—181 (ed. Dindorf).

треблять старинныя выраженія въ присутствіи свидѣтелей. Да, всѣ люди усвоили себѣ вашъ языкъ, считая его словно какимъ-то критеріемъ образованности. Вотъ это, по моему, и составляетъ настоящее великое могущество аѳинянъ, а не двѣсти или болѣе триремъ, не Іонія или Геллеспонтъ или владѣнія во Ѳракіи, безъ счету мѣнявшей своихъ властителей. Превосходство вашего языка надъ всѣми остальными языками съ самаго начала было весьма велико и съ теченіемъ времени обнаружилось настолько, что теперь, когда всѣ остальныя нарѣчія почти исчезли, онъ не только процвѣтаетъ, но можно сказать, что всѣ другіе языки,— не варваровъ только, но и грековъ,—въ сравненіи съ вашимъ, кажутся какимъ-то дѣтскимъ лепетомъ; ибо два или три слова на этихъ нарѣчіяхъ можно-бы ради шутки выслушать и не безъ удовольствія, но все остальное становилось бы противнымъ и вызвало-бы порицаніе. Одинъ только вашъ языкъ умѣстенъ для всѣхъ общественно-религіозныхъ собраній, для всѣхъ народныхъ собраній и думъ,— болѣе того, онъ довлѣетъ и одинаково приличествуетъ всякому мѣсту и времени". Тотъ-же писатель[1]) говоритъ о культурной жизни вообще, что начало ея положено было аѳинянами, а упрочили ее римляне.

Римляне давно уже признавали важное значеніе этой мирной побѣды грековъ и, въ частности, аѳинянъ, но особенно ярко это признаніе сказалось именно въ императорскую эпоху, когда и самимъ римлянамъ довелось одерживать культурныя побѣды,—сказалось оно, между прочимъ, въ тѣхъ разнаго рода τιμαί, которыя римскіе императоры оказывали греческимъ городамъ[2]).

[1]) Aristid., or. XXVI, § 101. (Keil).

[2]) Вотъ, какую политику по отношенію къ грекамъ рекомендуетъ Плиній Младшій (Epist. VIII, 24, ed. Mueller) лицу, назначенному чрезвычайнымъ коммиссаромъ въ провинцію Ахаію: Cogita te missum in provinciam Achaiam, illam veram et meram Graeciam, in qua primum humanitas, litterae, etiam fruges inventae esse creduntur, missum ad ordinandum statum liberarum civitatum, id est ad homines maxime homines, ad

Кромѣ этой общей, политической причины, побуждавшей римскихъ императоровъ принимать почетныя должности въ греческихъ городахъ, у нѣкоторыхъ императоровъ могли быть, конечно, и свои особые поводы. Для Домиціана такимъ специальнымъ поводомъ служило упомянутое отношеніе его къ культу богини Аѳины-Минервы.

Объ особомъ почитаніи этой богини Домиціаномъ свидѣтельствуютъ, кромѣ приведенныхъ выше писателей[1]), еще слѣдующія мѣста у Филострата: v. Apoll. VII, 32; VIII, 7 и VIII, 25; въ послѣднемъ мѣстѣ говорится, что Домиціанъ, уже будучи раненъ, въ предсмертной борьбѣ призывалъ на помощь Аѳину. Въ честь этой богини Домиціанъ построилъ нѣсколько храмовъ въ Римѣ[2]), учредилъ ей особое collegium (Suet. Dom. 4) и назвалъ по ея имени вновь сформированный

liberos maxime liberos, qui ius a natura datum virtute, meritis, amicitia, foedere denique et religione tenuerunt. Reverere conditores deos et numina deorum, reverere gloriam veterem et hanc ipsam senectutem, quae in homine venerabilis, in urbibus sacra. Sit apud te honor antiquitati, sit ingentibus factis, sit fabulis quoque. Nihil ex cuiusquam dignitate, nihil ex libertate, nihil etiam ex iactatione decerpseris. Habe ante oculos hanc esse terram, quae nobis miserit iura, quae leges non victis, sed petentibus dederit, Athenas esse, quas adeas, Lacedaemonem esse, quam regas; quibus reliquam umbram et residuum libertatis nomen eripere durum, ferum, barbarum est. А вотъ, что, между прочимъ, говоритъ римлянамъ въ своемъ „панегирикѣ Риму“ жившій во II-мъ вѣкѣ грекъ, Элій Аристидъ (or. XXVI, 96, ed. Keil): διατελεῖτε δὲ τῶν μὲν Ἑλλήνων ὥσπερ τροφέων ἐπιμελόμενοι, χεῖρά τε ὑπερέχοντες καὶ οἷον κειμένους ἀνιστάντες, τοὺς μὲν ἀρίστους καὶ πάλαι ἡγεμόνας ἐλευθέρους καὶ αὐτονόμους ἀφιέντες αὐτῶν, τῶν δ' ἄλλων μετρίως καὶ κατὰ πολλὴν φειδώ τε καὶ πρόνοιαν ἐξηγούμενοι. Тотъ-же писатель, or. XIII, (Panathenaikos), § 196 (ed. Dindorf) говоритъ объ Аѳинахъ: καὶ γάρ τοι πᾶσι μὲν ἀνθρώποις οὕτως τοὔνομα καὶ τοὔδαφος τῆς πόλεως ὡς οὐδὲν ἄλλο ἓν καὶ τὸ αὐτὸ καὶ οὔτ' ἰδιῶται οὔτε βασιλεῖς μικρὰ ἄττα ἐτίμησαν, ἀλλ' οὕτως ὥστ' αὐτοὺς ἀγάλλεσθαι ταῖς ὑπερβολαῖς τῶν τιμῶν αἷς ἐπεδείκνυντο.

[1]) См. стр. 56, прим. 2, 3 и 4.

[2]) *Preller*, Röm. Mythologie I³, p. 297—298; *Jordan*, Topographie d. Stadt Rom I, 2, p. 56, 255, 372; *Gsell*, l. c., p. 102—103, 105—107, 111.

легіонъ[1]); изображеніе Минервы весьма часто встрѣчается на монетахъ времени Домиціана[2]) и современные ему писатели (напр., Марціалъ и Стацій) нерѣдко упоминаютъ о ней, какъ о специальной богинѣ этого императора; на главномъ римскомъ форумѣ стояла большая конная статуя Домиціана, державшаго въ лѣвой рукѣ изображеніе Минервы. Кромѣ того, извѣстно, что Домиціанъ особенно строго наказывалъ за инцестъ весталокъ (Suet. Dom. 8), которыя, между прочимъ, были хранительницами извѣстнаго изображенія иліонской Аѳины (Palladium), считавшагося залогомъ цѣлости римскаго государства[3]).

Не лишенъ для насъ интереса вопросъ, была-ли для Домиціана, выражаясь словами Квинтиліана (Inst. or. X, 1, 91), его familiare numen греческая Аѳина или римская Минерва. На этотъ вопросъ не даютъ намъ отвѣта ни наши источники, ни новые изслѣдователи. *Гзелль* говоритъ, что это была скорѣе греческая Аѳина, не объясняя, почему это ему такъ кажется[4]). Мы же думаемъ, что, напротивъ, Домиціанъ своею специальною покровительницею считалъ не гре-

[1]) Cass. Dio LV, 24. По мнѣнію *Гзелля* (l. c., p. 158), legio I Minervia была сформирована Домиціаномъ въ началѣ его правленія, во всякомъ случаѣ, значительно ранѣе 88—89 гг. по Р. Хр. *W. Pfitzner*, Gesch. d. röm. Kaiserlegionen von Augustus bis Hadrianus (Leipz. 1881), p. 76 и 221 относитъ сформированіе этого легіона къ 84 г. по Р. Хр. Срв. *Schiller*, Gesch. d. röm. Kaiserzeit I, 2, p. 532 и *Goyau*, Chronologie de l'empire romain, p. 168.

[2]) *Gsell*, l. c., p. 76.

[3]) Philostr., v. Apoll. VII, 6: (Kayser): καὶ μὴν καὶ λόγου ἀφικομένου, ὡς λαμπρὰν κάθαρσιν εἴη Δομετιανὸς πεποιημένος τῆς Ῥωμαίων Ἑστίας, ἐπειδὴ τρεῖς τῶν Ἑστιάδων ἀπέκτεινεν ἐπ' αἰτίᾳ τῆς ζώνης καὶ τῷ μὴ καθαρεῦσαι γάμων, ἃς ἁγνῶς τὴν Ἀθηνᾶν καὶ τὸ ἐκεῖ πῦρ θεραπεύειν ἔδει, „εἰ γὰρ καὶ σύ" ἔφη (Аполлоній) „καθαρθείης, Ἥλιε, τῶν ἀδίκων φόνων, ὧν πᾶσα ἡ οἰκουμένη μεστὴ νῦν".

[4]) *S. Gsell*, Essai sur le règne de empereur Domitien, p. 76: Les divinités qui, sous Domitien, reçurent les plus grandes hommages furent Iupiter et surtout Minerve ou plutôt Athéna.

ческую Аөину, а римскую или, быть можетъ, сабинскую Минерву, богиню родной ему Сабиніи[1]).

Если высказанное нами предположеніе о сабинской Минервѣ основательно, то можно думать, что архонтство Домиціана въ Аөинахъ вызвано было, такъ сказать, домашней причиной, а не, напримѣръ, предварительнымъ пребываніемъ его въ Аөинахъ[2]). Но, съ другой стороны, это особое почитаніе Минервы въ Римѣ, казалось бы, должно было побудить Домиціана посѣтить городъ богини Аөины, чтобы лично воздать свое почитаніе Аөинѣ Палладѣ.

О Домиціанѣ сообщается (Philostr., v. Apoll. VIII, 16), что онъ былъ *избранъ* архонтомъ въ Аөинахъ. Надо полагать, что это избраніе происходило въ народномъ собраніи посредствомъ открытаго голосованія—по всей вѣроятности, послѣ предварительнаго обсужденія или рѣшенія дѣла въ сенатѣ[3]).

---

[1]) Флавіи, по словамъ Светонія (Vesp. 1), были родомъ изъ сабинскаго города Reate; по другой традиціи этотъ родъ первоначально происходилъ изъ Этруріи. Въ Сабиніи же и Этруріи былъ весьма распространенъ культъ Минервы; одинъ древній храмъ ея находился около города Reate. *Preller*, Röm. Mythologie I³, p. 289: (Minerva) wurde auch bei den Sabinern als Burggöttin verehrt, in welcher Bedeutung sie u. a. in der Gegend von Reate einen sehr alten Tempel hatte. Срв. Dionys., Antiquit. Rom. I, 14 (Kiessling): ἔνθα καὶ νεὼς Ἀθηνᾶς ἐστιν ἀρχαῖος, ἱδρυμένος ἐπὶ τῆς ἄκρας. Сабинія славилась своими оливковыми плантаціями, а олива, какъ извѣстно, была священнымъ деревомъ Минервы. У Силія Италика (Pun. III, 594—596, ed. Bauer) Юпитеръ такъ пророчествуетъ о династіи Флавіевъ:

Exin se Curibus uirtus caelestis ad astra
Efferet, et sacris augebit nomen Iulis
Bellatrix gens bacifero nutrita Sabino.

Срв. Columella, De r. r. V, 8, 5 (ed. Gesner): Sed neque depressa loca, neque ardua, magisque modicos clivos amat (sc. olea), quales in Italia Sabinorum, vel tota provincia Baetica videmus.

[2]) Срв. отношенія Веспасіана къ городу Бериту; см. стр. 51.

[3]) Филостратъ (см. стр. 56, прим. 4), говоря объ этомъ *избраніи* аөинянами Домиціана архонтомъ, употребляетъ обозначенія ψηφίζεσθαι и χειροτονεῖν. Срв. *Гильбертъ* (Handbuch d. griech. Staatsalterthümer I², p. 180) и *Либенамъ* (Städteverwaltung, p. 282).

Годъ архонтства Домиціана въ Аѳинахъ не можетъ быть точно опредѣленъ. Домиціанъ Γερμανικός[1]) не могъ быть архонтомъ въ Аѳинахъ раньше 84-го года, такъ какъ почетное прозвище *Germanicus* онъ получилъ лишь въ 83-мъ или 84-мъ году[2]). Съ другой стороны, у Филострата объ архонтствѣ Домиціана сообщается въ концѣ vita Apollonii (VIII, 16) и подъ конецъ правленія Домиціана, и кажется, что молодой аѳинянинъ разсказываетъ объ этомъ въ Олимпіи какъ о чемъ-то, имѣвшемъ мѣсто лишь незадолго передъ этимъ. *Clinton*[3]) относитъ олимпійскія игры, во время которыхъ происходилъ разговоръ между молодымъ аѳиняниномъ и Аполлоніемъ Тіанскимъ, къ Ol. 218, т. е. къ 93-му году по Р. Хр. Выходило бы, такимъ образомъ, что и архонтство Домиціана въ Аѳинахъ относится приблизительно къ этому-же времени[4]).

Не предполагалъ-ли Филостратъ или его источникъ присутствіе Домиціана въ Аѳинахъ въ годъ его архонтства? Молодой аѳинянинъ разсказываетъ, что Домиціанъ τὴν ἐπώνυμον Ἀθηναίοις ἦρξεν и что Аѳина за это къ нему очень благоволитъ. Конечно, такое благоволеніе Аѳины къ Домиціану наиболѣе соотвѣтствовало бы его личному пребыванію въ Аѳинахъ. Апполоній же, возражая аѳинянину, будто сказалъ: „Жаль, что императоръ не былъ архонтомъ и на Панатенеяхъ“! и этимъ будто хотѣлъ дать понять, что избраніе Домиціана архонтомъ не соотвѣтствуетъ чествованію, оказываемому аѳи-

[1]) См. стр. 55, прим. 2.

[2]) См. *Goyau*, Chronologie de l'empire romain, p. 162; P. Papinii Statii silvarum libri, erkl. von *I. Vollmer*, p. 44, A. 2; *Schiller*, Gesch. d. röm. Kaiserzeit I, 2, p. 528.

[3]) *H. Clinton*, Fasti Romani, Oxford 1845, p. 79.

[4]) *Corsini*, Fasti Attici IV, p. 161 (см. Hertzberg, Gesch. Griechenlands II, p. 139) относитъ архонтство Домиціана къ 93-му году. *Hermann* (Lehrbuch d. griech. Staatsalterthümer, 2. Ausgabe 1884, p. 787) помѣщаетъ архонтство Домиціана подъ 90-мъ годомъ, а *v. Schoeffer* (Pauly-Wissowa, Real-Encyclop. II, p. 594)—между 84 85—89 90 гг. по Р. Хр.,—послѣдніе два безъ всякой мотивировки.

нянами Гармодію и Аристогитону. Это несоотвѣтствіе бросилось бы въ глаза особенно въ томъ случаѣ, если-бы императоръ-архонтъ лично присутствовалъ на Панаѳинеяхъ, на которыхъ и въ то время все еще прославлялись Гармодій и Аристогитонъ (см. Philostr., v. Apoll. VII, 4). Но Домиціанъ, оказывается, на этомъ праздникѣ не присутствовалъ; присутствіе же его въ Аѳинахъ въ годъ архонтства, Аполлоній, повидимому, предполагалъ[1]).

Императоръ Траянъ былъ квинквенналомъ въ италійскомъ городѣ *Ариминѣ*[2]) и квинквенналомъ въ *Sarmizegetusa*, римской колоніи въ Дакіи[3]). Кромѣ того, онъ былъ диктаторомъ въ *Ариціи*[4]) и занималъ почетную должность въ одномъ неизвѣстномъ городѣ *(Vardagate?)* сѣверной Италіи[5]).

---

[1]) *Hertzberg* (Gesch. Griechenlands II, p. 141), напротивъ, говоритъ: Freilich hat dieser Kaiser (т. е. Домиціанъ) Achaja selbst nicht besucht.

[2]) C. I. L. XI, 421: M. Vettio M. f. | ... ani Valenti... | imp. Caesaris Nerv. | Traiani opt. Aug. Ger. | Dacici Part. II vir. quinq. | praef., flamini, auguri | patrono coloniae | vicani vici Aventin. | optimo civi | patrono suo. *Борманъ* относитъ почетную должность Траяна въ Ариминѣ къ 116 | 117 гг. по Р. Хр. Полное и оффиціальное названіе этого города было *colon(ia) Aug(usta) Arimin(ensis)*; см. C. I. L. XI, 408. 414.

[3]) C. I. L. III, 1503: Q. Ianuario Q. f. Collina Rufo Tavio, flamini, q(uin)q(uennali) prim(o) pro imp(eratore), ordo col(oniae) Ulp(iae) Trai(anae) Dacic(ae) Sarmizeg(etusae).

[4]) C. I. L. XIV, 2213: Dianae Nemoresi Vestae sacrum dict(atore) imp. Nerva Traiano Aug. Germanico III co(n)s(ule), praef(ecto) eius Voltedio Maniliano, quaestorib(us) L. Caecilio Urso (iterum), M. Lucretio Sabino (iterum), aedilib(us) Q. Vibenna Quieto, Ti. Claudio Magno, P. Cornelius Trophimus pistor Romaniensis ex reg. XIIII, idem cur. vici Quadrati et Lania C. f. Thionoe coniux eius votum libens solverunt. Диктаторство Траяна въ Ариціи, по мнѣнію *Deccay* (C. I. L. XIV, 2213), должно быть отнесено къ 100 г. по Р. Хр.

[5]) C. I. L. V, 7458: C. Hirpidi(o) C. f. Memori praef(ecto) fabr(um), iud(ici) ex V dec(uriis), trib(uno) mil(itum) leg(ionis) III Aug(ustae), praef(ecto) i(ure) d(icundo) imp(eratoris) Nervae Traiani Caes(aris) Aug(usti) Ger(manici) Dac(ici), flam(ini) perpet(uo) [divi Vesp]asiani, divi Nervae, [divi] Traiani [Parthici]...

Траянъ, какъ извѣстно, всячески заботился о благосостояніи Италіи и ея городовъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ мѣръ, предпринятыхъ имъ для поднятія промышленности и числа населенія въ Италіи[1]). Сюда-же относится и его обширная строительная дѣятельность, благодаря которой въ разныхъ мѣстахъ Италіи возникли новыя дороги, водопроводы, гавани[2]) и проч. Что касается, въ частности, города Аримина (нынѣ Rimini), то отношенія къ нему Траяна объясняются слѣдуюшимъ. Во-первыхъ, предки Траяна были родомъ изъ при-адріатической части сѣверной Италіи и отсюда велъ свой родъ и Траянъ, хотя онъ и родился въ Испаніи (Cass. Dio LXVIII, 4)[3]). Во-вторыхъ, Траяну во время его продолжительныхъ войнъ съ дакійцами неразъ, конечно, приходилось проѣзжать по via Flaminia[4]), конечнымъ пунктомъ которой былъ городъ Ариминъ. О важномъ значеніи этого приморскаго города для торговыхъ сношеній между Италіею и европейскими провинціями часто упоминаютъ древніе писатели[5]).

---

[1]) Plin. Epist. VI, 19, 4; Cass. Dio LXVIII, 5. Срв. также *H. Schiller*, Gesch. der röm. Kaiserzeit I, 2, p. 566—568.

[2]) Напр., въ Анконѣ, гдѣ до настоящаго времени сохранилась арка Траяна со слѣдующей надписью (C. I. L. IX. 5894): Plotinae Aug. coniugi Aug. || Imp. Caesari divi Nervae f. Nervae Traiano optimo Aug. Germanic. Dacico, pont. max., tr. pot. XVIIII, imp. IX, cos. VI, p. p., providentissimo principi Senatus P. Q. R., quod accessum Italiae hoc etiam addito ex pecunia sua portu navigantibus reddiderit || Divae Marcianae Aug. sorori Aug. Начало и конецъ этой надписи стоятъ по сторонамъ.

[3]) *I. Dierauer*, Beiträge zu einer kritischen Geschichte Trajans (въ „Untersuchungen zur röm. Kaisergeschichte“, herausg. von *M. Büdinger*, Bd. I, p. 3): M. Ulpius Traianus entstammte einer spanischen Familie von unzweifelhaft italischer Herkunft. О происхожденіи его родственника, императора Адріапа, см. ниже, стр. 72, прим. 1.

[4]) Согласно одной надписи (C. I. L. XI, 6622) Траянъ на Фламиніевой дорогѣ построилъ мостъ черезъ рѣку Mataurus.

[5]) *Nissen*, Ital. Landeskunde II, 1, p. 249: Die weit überwiegende Masse des Landverkehrs zwischen Rom und den europäischen Provinzen

Въ третьихъ, наконецъ, въ этомъ городѣ находимъ культъ жены и племянницы Траяна, Плотины и Матидіи[1]).

Для поясненія отношеній Траяна къ дакійскому городу Sarmizegetusa достаточно указать на то, что Дакія присоединена была къ числу римскихъ провинцій при Траянѣ[2]) и что Sarmizegetusa, прежняя столица дакійскаго царства (Cass. Dio LXVIII, 8), основана была, какъ колонія, по иниціативѣ и приказанію того-же императора намѣстникомъ провинціи Дакіи, Деціемъ Теренціемъ Скавріаномъ[3]). Благодаря покровительству Траяна и ближайшихъ его преемниковъ, Адріана[4]) и Антонина Пія, этотъ городъ, повидимому, быстро достигъ процвѣтанія: здѣсь была резиденція римскихъ намѣстниковъ и здѣсь-же происходили провинціальные сеймы (C. I. L. III, 1454) и провинціальный культъ императоровъ (C. I. L. III, 1209. 1509. 1513).

Городъ Ариція, расположенный въ альбанскихъ горахъ близъ Рима, въ весьма живописной мѣстности, по знаменитой

---

schlug den Weg über Ariminum ein: deshalb wird dasselbe ungemein häufig erwähnt. Срв. C. I. L. VI, 1101: negotiantes vini supernat(es) et Arimin(enses). Любопытно, что одно изъ предмѣстій (C. I. L. XI, p. 76) города Аримина носитъ названіе vicus Dianensis (C. I. L. XI, 379).

[1]) C. I. L. XI, 407: sacer(dos) divae Plotin(ae); C. I. L. XI, 415: sacerdos divae Aug. et divae Matidiae Aug.

[2]) По мнѣнію Моммзена (см. прим. къ C. I. L. III, 540) Дакія была обращена въ римскую провинцію въ 107 г. (а не 106) по Р. Хр.

[3]) Колонія Sarmizegetusa была основана въ 110 г. по Р. Хр. (C I. L. III, 1443); полное названіе ея было (C. I. L. III, 1445): *colon(ia) Ulpia Traiana Aug(usta) Dacic(a) Sarmizeg(etusa).*

[4]) *I. Dürr* (Die Reisen des Kaisers Hadrian, Wien 1881, p. 19) заключаетъ на основаніи C. I. L. III, 1445, что Адріанъ въ концѣ 117 г. по Р. Хр. лично посѣтилъ городъ Sarmizegetusa. Въ 132/133 г. онъ построилъ водопроводъ въ Sarmizegetusa; C. I. L. III, 1446: Imp(eratore) Caes(are) divi Traiani Parthici f., divi Nervae nep(ote), Traian(o) Hadrian(o) Aug(usto.... aqua inducta colon(iae) Dacic(ae) Sarmiz(egetusae) per Cn. Papirium Aelianum legat(um) eius pr(o) pr(aetore).

Аппіевой дорогѣ[1]), извѣстенъ былъ въ особенности своимъ культомъ Діаны[2]). Траянъ же былъ большимъ любителемъ охоты (Plin., Paneg. 81; Cass. Dio LXVIII, 7), покровительницею которой, какъ извѣстно, была Діана.

Чаще, чѣмъ кто-либо другой изъ римскихъ императоровъ, упоминается въ качествѣ городского магистрата императоръ Адріанъ.

Въ числѣ почетныхъ должностей Адріана его біографъ, Элій Спартіанъ, не безъ основанія, полагаемъ, ставитъ на первомъ мѣстѣ его преторство въ *Этруріи*,—именно въ сакральной федераціи этрусскихъ городовъ[3]). Далѣе, по свидѣтельству древнихъ писателей и надписей, Адріанъ, будучи императоромъ, былъ диктаторомъ, эдиломъ и дуумвиромъ въ городахъ *Лаціума*, въ томъ числѣ дуумвиромъ въ *Формiяхъ*[4]),

---

[1]) Считая отъ Рима, Ариція была первой станціей на via Appia; срв. Tac. Hist. IV, 2; Martial. II, 19, 3; Val. Max. VIII, 2, 4 и др.

[2]) О культѣ Арицiйской Діаны (Diana Nemorensis) см. *Preller*, Röm. Mythologie I³, p. 10; II³, p. 129 и *Roscher*, Ausführl. Lexicon d. griech. u. röm. Mythologie I, p. 1004. Озеро Неми (lacus Nemorensis), расположенное близъ города Ариціи, получило названіе „Speculum Dianae“ по имени той-же богини (Serv. ad Verg. Aen. VII, 515).

[3]) Hist. Aug., Hadr. 19 (Peter): In Etruria praeturam imperator egit. per Latina oppida dictator et aedilis et duumuir fuit, apud Neapolim demarchus, in patria sua quinquennalis et item Hadriae quinquennalis, quasi in alia patria, et Athenis archon fuit. et omnibus paene urbibus et aliquid aedificauit et ludos edidit. Срв. Hist. Aug., Gallieni duo 11.

[4]) C. I. L. X, 6090 (Formiae): L. Villio C. f. Tromen. Atiliano, praef. fabr., praef. coh., trib. milit., proc. Aug., patron. colon., qui rogatus ab ordine pariter et populo gladiatori muneris publici curam susciperet fecit et explicito quod promiserat impendium bigae quam populus ex collatione legativi epuli offerebat remisit eo anno, quo et imperator Hadrianus Augustus etiam duumviratus honorem suscepit, L. Stertinius L. lib. Parthenopaeus amico incomparabili l. d. d. d. По поводу этой надписи *Моммзенъ* (C. I. L. X, 6090) замѣчаетъ: Minturnis titulum olim collocatum fuisse probabile est. Срв. C. I. L. X, p. 1159.

квинквенналомъ въ пиценскомъ городѣ *Адріи* и демархомъ въ италійскомъ городѣ *Неаполѣ*. Внѣ Италіи онъ занималъ должность квинквеннала въ своемъ *родномъ* городѣ *Италикѣ* (въ Испаніи) и, по всей вѣроятности, должность дуумвира въ африканскомъ городѣ *Мадаврѣ*[1]). Кромѣ того, онъ былъ патрономомъ-эпонимомъ въ *Спартѣ*[2]) и, еще до принятія верховной власти, архонтомъ-эпонимомъ въ *Аѳинахъ*[3]). Наконецъ, будучи императоромъ, онъ былъ агоноѳетомъ въ *Аѳи-*

---

[1]) Apuleius, Apolog. 24 (Helm): (Syphace) uicto ad Masinissam regem munere populi Romani concessimus ac deinceps ueteranorum militum nouo conditu[s] splendidissima colonia sumus, in qua colonia patrem habui loco principis II uiralem cunctis honoribus perfunctum.

[2]) *Le Bas—Foucart*, Laconie, 286b.

[3]) Объ архонтствѣ Адріана въ Аѳинахъ (см. стр. 68, прим. 3) имѣемъ еще слѣдующія свидѣтельства:

a) C. I. L. III, 550=C. I. A. III, 464: P. Aelio P. f. Serg(ia) Hadriano, co(n)s(uli), VII viro epulonum, sodali Augustali, leg(ato) pro pr(aetore) mp(eratoris) Nervae Traiani Caesaris Aug(usti) Germanici Dacici Pannoniae inferioris, praetori eodemque tempore leg(ato) leg(ionis) I Minerviae p(iae) f(idelis) bello Dacico, item trib(uno) pl(ebi), quaestori imperatoris Traiani et comiti expeditionis Dacicae, donis militaribus ab eo donatus bis, trib(uno) leg(ionis) II adiutricis p(iae) f(idelis), item leg(ionis) V Macedonicae, item legionis XXII primigeniae p(iae) f(idelis), seviro turmae eq(uitum) R(omanorum), praef(ecto) feriarum Latinarum, X viro s(tlitibus) iudicandis. Ἡ ἐξ Ἀρείου πάγου βουλὴ καὶ ἡ τῶν ἑξακοσίων καὶ ὁ δῆμος τῶν Ἀθηναίων τὸν ἄρχοντα ἑαυτῶν Ἀδριανόν.

b) C. I. A. III, 1096: Ἀγαθῇ τύχῃ. Νείκη Καίσαρος. | Μ(ᾶρκος) Ἄννιος Θράσυλλος, Μ(άρκου) Ἀννίου | Πυθοδώρου Χολλείδου υἱός, Χολ|λείδης, ἐφηβεύσας ἐν τῷ ἐπὶ | Ποπλίου Αἰλίου Ἀδριανοῦ ἄρχοντος | ἐνιαυτῷ и т. д.

c) Phlegon (Fragm. hist. Graec. III, p. 320, ed. Müller): Ἐν Ῥώμῃ δικέφαλόν τις ἀπεκύησεν ἔμβρυον, ὃ ὑποθήκαις τῶν θυοσκόων εἰς τὸν Τίβεριν ποταμὸν ἐνεβλήθη, ἄρχοντος Ἀθήνησιν Ἀδριανοῦ τοῦ αὐτοκράτορος γενομένου, ὑπατευόντων ἐν Ῥώμῃ αὐτοκράτορος Τραιανοῦ τὸ ἕκτον καὶ Τίτου Σεξτίου Ἀφρικανοῦ.

d) Cass. Dio LXIX, 16: (Адріанъ) τά τε Διονύσια, τὴν μεγίστην παρ' αὐτοῖς (т. е. Ἀθηναίοις) ἀρχὴν ἄρξας, ἐν τῇ ἐσθῆτι τῇ ἐπιχωρίῳ λαμπρῶς ἐπετέλεσε.

нахъ и устраивалъ общественныя празднества и игры также во многихъ другихъ городахъ[1]).

Для поясненія отношеній Адріана къ отдѣльнымъ провинціямъ и городамъ достаточно указать на то, что этотъ императоръ во время своихъ долголѣтнихъ путешествій, занимавшихъ бо́льшую часть его правленія, лично посѣтилъ всѣ провинціи римской имперіи[2]). Понятно, что это продолжительное пребываніе его внѣ Рима давало ему возможность какъ нельзя лучше ознакомиться не только съ общимъ положеніемъ имперіи, но и съ нуждами и интересами отдѣльныхъ городовъ. Въ чемъ выражалось участіе Адріана къ этимъ городамъ, объ этомъ лучше всего свидѣтельствуетъ слѣдующее мѣсто у Діона Кассія: „Адріанъ въ высшей степени щедро помогалъ городамъ не только союзниковъ, но и провинцій; многіе изъ нихъ онъ посѣтилъ самъ, какъ ни одинъ другой императоръ; почти всѣмъ городамъ онъ оказывалъ поддержку, то строя имъ водопроводы, гавани и другія общественныя сооруженія, то снабжая ихъ хлѣбомъ и деньгами и оказывая имъ разнаго рода отличія“[3]).

Объ упомянутой сакральной федераціи городовъ Этруріи, преторомъ которой былъ императоръ Адріанъ, прибавимъ лишь нѣсколько словъ. Какъ извѣстно, уже при республикѣ римлянами уничтожены были союзы городовъ[4]). При имперіи

---

1) Объ агоноѳесіи Адріана въ Аѳинахъ срв. Cass. Dio LXIX, 16 (см. выше, прим. 5d). Кромѣ того, имѣются еще слѣдующія свидѣтельства: Hist. Aug., Hadr. 13 (Peter): post haec per Asiam et insulas ad Achaiam nauigauit et Eleusinia sacra exemplo Herculis Philippique suscepit, multa in Athenienses contulit et pro agonotheta resedit; Euseb., Chron. II, p. 166 (ed. Schoene): Ἀδριανὸς παραχειμάζων ἐν Ἀθήναις μυεῖται τὰ Ἐλευσίνια· ἔνθα καὶ ἦξεν ἀγῶνα, ἐπισκευάσας πολλὰ τῷ τόπῳ καὶ βιβλιοθήκας συστησάμενος.

2) Срв. Hist. Aug., Hadr. 23 и *I. Dürr*, Die Reisen des Kaisers Hadrian, p. 1.

3) Cass. Dio LXIX, 5.

4) *Mommsen*, Röm. Staatsrecht III, p. 666:... von dieser Zeit ab ist die Auflösung der Stammbünde, der *concilia* den autonomen Gemeinden

отъ бывшаго латинскаго союза остались только feriae Latinae, справлявшіяся притомъ властями Рима, а федерація городовъ Этруріи, напоминавшая собою латинскій союзъ до его упраздненія (когда онъ еще имѣлъ двухъ преторовъ), представляла собою нѣчто болѣе самостоятельное и устойчивое, въ силу чего она и существовала еще долго при имперіи[1]).

Что касается эдильства Адріана въ городахъ Лаціума[2]), то слѣдуетъ отмѣтить, что въ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ городовъ, (какъ, напримѣръ, Formiae, Fundi, Tusculum, Lanuvium u Nemus Dianae), эдилы, подобно диктаторамъ[3]) и дуумвирамъ, были *высшими*, а слѣдовательно и *эпонимными* магистратами[4]). Городъ Форміи же, получивъ отъ Адріана права римской колоніи и почетный титулъ *colonia Aelia Hadriana Augusta Formiae* (C. I. L. X, 6079), вмѣстѣ съ измѣненіемъ своего юридическаго положенія, вмѣсто эдиловъ сталъ управляться дуумвирами[5]).

Отношенія императора Адріана къ городамъ Адріи и Италикѣ объясняются главнымъ образомъ происхожденіемъ его

gegenüber streng durchgeführt worden. In Italien ist keine andere Abweichung von diesem Princip nachzuweisen als das... sacrale Fortbestehen der Conföderation der dreissig latinischen Gemeinden in dem Latiar auf dem latinischen Berg und die analoge Gesammtfeier der Etruskerstädte in Volsinii unter Leitung der Prätoren und Aedilen der nach städtischem Muster organisierten Landschaft.

[1]) *K. O. Müller*, Die Etrusker (Stuttgart 1877), I, p. 333; *Mommsen*, l. c., III, p. 617 и 666, A. 1.

[2]) Порядокъ, въ которомъ Элій Спартіанъ (см. выше, стр. 68, прим. 3) перечисляетъ города, предлагавшіе Адріану у себя почетныя должности, показываетъ, что онъ подъ Latina oppida разумѣетъ города Лаціума; латинскихъ же городовъ, какъ юридической категоріи, при имперіи въ Италіи уже не было.

[3]) Диктатура въ императорскую эпоху встрѣчается въ слѣдующихъ городахъ Лаціума: Aricia, Lanuvium (рядомъ съ эдильствомъ), Nomentum, Tusculum (рядомъ съ эдильствомъ). См. *Liebenam*, Städteverwaltung, p. 253—254.

[4]) Срв. *Liebenam*, Städteverwaltung, p. 264.

[5]) Срв. *Nissen*, Italische Landeskunde II, p. 661.

предковъ изъ этихъ городовъ[1]). Объ Италикѣ, которой Адріанъ вообще оказывалъ много почестей и благодѣяній[2]), сообщаетъ Геллій, что жители этого города ходатайствовали передъ Адріаномъ о перечисленіи ихъ города изъ разряда муниципіевъ въ разрядъ колоній[3]). Что Адріанъ дѣйствительно удовлетворилъ ихъ ходатайство, объ этомъ свидѣтельствуетъ одна надпись, въ которой этотъ городъ называется *colonia Aelia Augusta Italica* (C. I. L. XII, 1856).

Высказанное нами предложеніе о занятіи Адріаномъ должности дуумвира въ Мадаврѣ основано на приведенномъ нами выше мѣстѣ у Апулея (Apol. 24)[4]). Въ указанномъ мѣстѣ Апулей говоритъ: in qua colonia (т. е. въ Мадаврѣ) patrem habui loco principis IIviralem cunctis honoribus perfunctum. Какъ понимать здѣсь слова *loco principis,* встрѣчающіяся во всѣхъ рукописяхъ Апулея? Старые комментаторы Апулея, какъ, напр., *Флоридъ*[5]) и *Удендорпъ*[6]), замѣняютъ въ своихъ изданіяхъ рукописное чтеніе *loco principis* конъектурой *loco principe* (по аналогіи съ Gell., Noct. Att. XIII, 22, 1: T. Castri-

---

[1]) Hist. Aug., Hadr. 1 (Peter): Origo imperatoris Hadriani uetustior a Picentibus, posterior ab Hispaniensibus manat, si quidem Hadria ortos maiores suos apud Italicam Scipionum temporibus resedisse in libris uitae suae Hadrianus ipse commemorat. Срв. Hist. Aug., Hadr. 19.

[2]) Cass. Dio LXIX, 10 (Boissevain): τὴν δὲ πατρίδα καίπερ μεγάλα τιμήσας καὶ πολλὰ καὶ ὑπερήφανα αὐτῇ δούς, ὅμως οὐκ εἶδε. Hist. Aug., Hadr. 12, 4: omnibus Hispanis Tarraconem in conuentum uocatis dilectumque ilocaliter, ut uerba ipsa ponit Marius Maximus, retractantibus Italicis, uehementissime ceteris prudenter *et* caute consuluit.

[3]) Gell., Noct. Att. XVI, 13, 4 (Hosius):... divus Hadrianus in oratione, quam de Italicensibus, unde ipse ortus fuit, in senatu habuit, peritissime disseruit mirarique se ostendit, quod et ipsi Italicenses et quaedam item alia municipia antiqua, in quibus Uticenses nominat, cum suis moribus legibusque uti possent, in ius coloniarum mutari gestiverint.

[4]) См. стр. 69, прим. 1.

[5]) *Iul. Floridus*, L. Apulei opera omnia, Paris. 1688.

[6]) *Fr. Oudendorpius*, Apulei opera omnia, Lugduni 1823.

cius, rhetoricae disciplinae doctor, qui habuit locum principem declamandi ac dicendi). Выходитъ, такимъ образомъ, по объясненію Флорида и Удендорпа, что отецъ Апулея, какъ duumviralis города Мадавры, занималъ тамъ „первое" мѣсто или „высшую" должность. Но спрашивается, зачѣмъ Апулею понадобилось сдѣлать такое поясненіе, когда его читателямъ уже безъ того извѣстно было, что duumvir (или duumviralis) является „высшимъ" должностнымъ лицомъ въ городѣ. Новѣйшіе издатели Апулея (Hildebrand, Krueger, Van der Vliet u Helm) сохраняютъ въ своихъ изданіяхъ рукописное *loco principis*, но какого-нибудь объясненія къ этому мѣсту не даютъ. По нашему мнѣнію слова *loco principis* слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что отецъ Апулея занималъ должность дуумвира въ Мадаврѣ въ качествѣ „префекта-замѣстителя" какого-нибудь императора. По времени же этимъ императоромъ могъ быть Адріанъ, который, какъ извѣстно, въ 128-мъ году (когда Апулею было около трехъ лѣтъ отъ роду) лично посѣтилъ провинцію Африку[1]) и, по словамъ Элія Спартіана (Hist. Aug., Hadr. 13): multum beneficiorum prouinciis Africanis adtribuit. Возможно даже, что Адріанъ въ числѣ другихъ африканскихъ городовъ посѣтилъ и Мадавру[2]).

Мы остановились нѣсколько долѣе на этомъ мѣстѣ Апулея потому, что оно, въ случаѣ правильности нашего предположенія, явилось-бы единственнымъ свидѣтельствомъ о занятіи римскимъ императоромъ городской должности въ провинціи Африкѣ[3]).

---

[1]) *P. v. Rohden*, *Pauly-Wissowa*, Real-Encyclop. I, p. 508.

[2]) Hist. Aug., Hadr. 22: quando in Africam uenit (Адріанъ), ad aduentum eius post quinquennium pluit, atque ideo ab Africanis dilectus est. Перечень городовъ, посѣщенныхъ Адріаномъ въ провинціи Африкѣ, см. у *I. Dürr*, Die Reisen des Kaisers Hadrian, p. 44.

[3]) Изъ лицъ, принадлежавшихъ къ императорской фамиліи, одинъ только Друзъ Цезарь (сынъ Германика) занималъ почетную должность въ африканскомъ городѣ, именно въ Утикѣ (см. стр. 40).

Особеннымъ расположеніемъ императора Адріана пользовалась Греція[1]), что въ значительной степени объясняется воспитаніемъ и образованіемъ, полученными имъ еще въ дѣтствѣ[2]). О многочисленныхъ благодѣяніяхъ, оказанныхъ Адріаномъ отдѣльнымъ городамъ провинціи Ахаіи, свидѣтельствуетъ, помимо древнихъ писателей, цѣлый рядъ посвятительныхъ надписей, упоминающихъ этого императора[3]).

Наиболѣе же изъ всѣхъ городовъ Греціи Адріанъ благоволилъ къ Аѳинамъ[4]). Неудивительно поэтому, если этотъ городъ, доведенный уже до бѣдственнаго состоянія римскими войнами, благодаря исключительной благосклонности[5]) и чрезмѣрнымъ благодѣяніямъ[6]) своего великаго покровителя, по

---

[1]) *О. Дыдынскій*, Императоръ Адріанъ, Варшава 1896, стр. 69.

[2]) Hist. Aug., Hadr. 1: imbutusque impensius Graecis studiis, ingenio eius sic ad ea declinante, ut a nonnullis Graeculus diceretur. Срв. Cass. Dio LXIX, 3.

[3]) *С. Жебелевъ*, ΑΧΑΙΚΑ, стр. 343—344 („посвященія" императору Адріану въ предѣлахъ провинціи Ахаіи).

[4]) *Hertzberg*, Gesch. Griechenlands II, p. 314: Am gländzendsten wurde aber des Kaisers Lieblingsstadt in Griechenland, A t h e n, von Hadrian mit Wohlthaten bedacht. Срв. *M. Schanz*, Gesch. der röm. Litteratur III^2, p. 5.

[5]) Schol. ad Aristid., Panathenaikos, § 196, 9 (Dindorf, p. 340): οὔτε βασιλεῖς εἰς μικρὰ ἄττα ἐτίμησαν] εἰς Ἀδριανὸν αἰνίττεται τὸν αὐτοκράτορα· οὗτος γὰρ πᾶσιν ἐδήλωσε τοῖς ἔθνεσιν ὅτι ὁ τιμῶν τὰς Ἀθήνας ἐμὲ τιμᾷ καὶ τοσαῦτα περὶ τὴν πόλιν ἐπεδείξατο ὅσα εἰς οὐδεμίαν ἄλλην. C.

[6]) Срв. напр., Cass. Dio LXIX, 16 (Boissevain): Ἀδριανὸς δὲ τό τε Ὀλύμπιον τὸ ἐν ταῖς Ἀθήναις, ἐν ᾧ καὶ αὐτὸς ἵδρυται, ἐξεποίησε, ... τόν τε σηκὸν τὸν ἑαυτοῦ, τὸ Πανελλήνιον ὠνομασμένον, οἰκοδομήσασθαι τοῖς Ἕλλησι ἐπέτρεψε, καὶ ἀγῶνα ἐν αὐτῷ κατεστήσατο, χρήματά τε πολλὰ καὶ σῖτον ἐτήσιον τήν τε Κεφαλληνίαν ὅλην τοῖς Ἀθηναίοις ἐχαρίσατο. Pausan. I, 18, 9 (Schubart): Ἀδριανὸς δὲ κατεσκευάσατο μὲν καὶ ἄλλα Ἀθηναίοις, ναὸν Ἥρας καὶ Διὸς Πανελληνίου καὶ θεοῖς τοῖς πᾶσιν ἱερὸν κοινόν. τὰ δὲ ἐπιφανέστατα ἑκατόν εἰσι κίονες. Φρυγίου λίθου πεποίηνται καὶ ταῖς στοαῖς κατὰ τὰ αὐτὰ οἱ τοῖχοι. καὶ οἴκημα ἐνταῦθά ἐστιν ὀρόφῳ τε ἐπιχρύσῳ καὶ ἀλαβάστρῳ λίθῳ, πρὸς δὲ ἀγάλμασι κεκοσμημένον καὶ γραφαῖς· κατάκειται δὲ ἐς αὐτὸ βιβλία. καὶ γυμνάσιόν

словамъ Павсанія, снова достигъ высокой степени благосостоянія[1]).

„Теперешняя власть, господствующая на сушѣ и на морѣ, —да будетъ она вѣчна!“—восклицаетъ Аристидъ[2])—„не обинуясь заявляетъ, что отличаетъ городъ аѳинянъ какъ своего учителя и кормильца; мало того, ему оказывается такой чрезвычайный почетъ, что теперешнее его положеніе отличается отъ прежняго только тѣмъ, что онъ не имѣетъ самостоятельной политики; въ остальномъ же благополучіе его почти подобно тому, какое оно было въ тѣ времена, когда онъ стоялъ во главѣ Эллады“. Схоліастъ[3]) видитъ въ этихъ словахъ Элія Аристида указаніе на время правленія Адріана—„или Антонина“. „Панаѳинейская рѣчь“ Аристида, какъ извѣстно, была произнесена при Маркѣ Авреліѣ[4]), но въ приведенномъ мѣстѣ,—какъ и въ многихъ другихъ мѣстахъ той-же рѣчи[5]),

ἐστιν ἐπώνυμον 'Αδριανοῦ. О другихъ сооруженіяхъ и благодѣяніяхъ Адріана см. *Pauly-Wissowa*, Real-Encyclopädie I, p. 509 (s. v. Aelius); *Hertzberg*, Gesch. Griechenlands II, p. 319—344; *C. Wachsmuth*, Die Stadt Athen im Alterthum I, p. 686—694.

1) Pausan. I, 20, 7 (Schubart): 'Αθῆναι μὲν οὕτως ὑπὸ τοῦ πολέμου κακωθεῖσαι τοῦ 'Ρωμαίων αὖθις 'Αδριανοῦ βασιλεύοντος ἤνθησαν.

2) Aristid., or. XIII (Panathenaikos), § 183 (Dindorf): ἥ τε νῦν ἀρχὴ γῆς τε καὶ θαλάττης, εἴη δὲ ἀθάνατος, οὐκ ἀναίνεται τὰς 'Αθήνας μὴ οὐκ ἐν διδασκάλων καὶ τροφέων μέρει κοσμεῖν, ἀλλὰ τοσαύτη τῶν τιμῶν ἐστιν ἡ περιουσία ὥστε τοσοῦτον ἑτέρως ἡ πόλις πράττει τὰ νῦν ὅσον οὐ πραγματεύεται· τὰ δὲ τῆς ἄλλης εὐδαιμονίας μικροῦ δεῖν παραπλήσιά ἐστιν αὐτῇ τοῖς ἐπ' ἐκείνων τῶν χρόνων, ὅτ' εἶχε τῆς 'Ελλάδος ἀρχήν.

3) Schol. ad Aristid., Panathenaikos, § 183, 2 (Dindorf, p. 308): ἥ τε νῦν ἀρχὴ γῆς τε καὶ θαλάττης] σημαίνει τὴν 'Αδριανοῦ τοῦ βασιλέως· τότε γὰρ ἐπὶ τοῦ 'Αριστείδου οὗτος ἦν βασιλεύς. ἢ 'Αντωνίνου. BD. Что схоліастъ здѣсь имѣетъ въ виду императора Антонина Пія, а не Марка Аврелія, доказываетъ *O. Rubensohn*, Die Mysterienheiligtümer in Eleusis und Samothrake (Berl. 1892), p. 104.

4) *Pauly-Wissowa*, Real-Encyclop. II, p. 888 (W. Schmid).

5) Срв., напр., Aristid., or. XIII (Panathenaikos), § 184 (Dindorf): ἐπὶ δὲ τῆς πάντα ἀρίστης καὶ μεγίστης τῆς νυνὶ καθεστηκυίας τὰ πρεσβεῖα παντὸς ἔχει τοῦ 'Ελληνικοῦ, καὶ πέπραγεν οὕτως ὥστε μὴ ῥαδίως ἄν τινα αὐτῇ τἀρχαῖα ἀντὶ τῶν παρόντων συνεύξασθαι. Срв. также слѣдующее любопытное

—Аристидъ безъ сомнѣнія имѣлъ въ виду прежде всего и больше всего Адріана и то, что̀ онъ сдѣлалъ для Аѳинъ[1]).

Вполнѣ естественно, что аѳиняне съ своей стороны всевозможными способами старались отблагодарить императора за его чрезмѣрныя благодѣянія[2]). Но имъ, конечно, приходилось выражать свою благодарность болѣе словомъ, чѣмъ на дѣлѣ[3]).

мѣсто у Schol. ad Aristid., Panathenaikos, § 183, 3 (Dindorf, p. 308): οὐκ ἀναίνεται τὰς Ἀθήνας μὴ οὐκ ἐν διδασκάλων καὶ τροφέων μέρει κοσμεῖν] ἢ ἐπειδὴ οὐδὲν κακὸν ἐποίησεν αὐτοῖς (аѳинянамъ), ἢ ἐπειδὴ ἔγραψέ ποτε (Адріанъ) Ἀθηναίοις λέγων, θαρσεῖτε· ἂν γὰρ ἐγώ τι πάθω, ὑμεῖς ἄρξετε. Какой смыслъ скрывается въ этихъ словахъ, приписываемыхъ Адріану? Не слѣдуетъ-ли читать здѣсь: ἂν γὰρ ἐγώ τι μὴ πάθω, ὑμεῖς ἄρξετε?

[1]) Pausan. I, 5, 5 (Schubart): ὁπόσα δὲ θεῶν ἱερὰ τὰ μὲν ᾠκοδόμησεν (Адріанъ) ἐξ ἀρχῆς, τὰ δὲ καὶ ἐπεκόσμησεν ἀναθήμασι καὶ κατασκευαῖς, ἢ δωρεὰς πόλεσιν ἔδωκεν Ἑλληνίσι, τὰς δὲ καὶ τῶν βαρβάρων τοῖς δεηθεῖσιν, ἔστιν οἱ πάντα γεγραμμένα Ἀθήνησιν ἐν τῷ κοινῷ τῶν θεῶν ἱερῷ. *Wilamowitz-Moellendorff* (Hermes XXI, p. 623) сравниваетъ этотъ отчетъ Адріана съ Res gestae divi Augusti. Срв. *E. Kornemann* (въ „Beiträge zur alten Geschichte, herausg. von C. F. Lehmann, Bd. I, Heft 1, p. 162): Augustus verordnete, seinen offiziellen Lebensbericht nach seinem Tode in Rom vor seinem Grabmale aufzustellen, da er in erster Linie für die Hauptstadt gesorgt hatte, Hadrian dagegen brachte selbst seine Inschrift in Athen an und rühmte sich besonders dessen, was er griechischen und barbarischen Gemeinden hatte angedeihen lassen. Der Hellenismus war unter Hadrian vollkommen siegreich bis hinauf zum Throne. Konstantin zog die Konsequenz der ganzen Entwicklung; er erbaute die neue Hauptstadt seines Namens, Konstantinopel, auf der Grenze von Occident und Orient und verlegte den Schwerpunkt des Reiches nach dem Osten. Hier wurde dann schliesslich der Hellenismus vom Orient fast erdrückt.

[2]) О многочисленныхъ статуяхъ, воздвигнутыхъ Адріану въ Аѳинахъ, см. *Friedländer*, Sittengeschichte Roms III⁶, p. 248—249; *A. Müller*, Griech. Bühnenalterthümer, p. 98.

[3]) До какой степени аѳиняне старались угождать Адріану, доказываетъ слѣдующій случай. Аѳиняне поставили у себя мѣдную статую извѣстному философу и ритору Фаворину, но узнавъ, что онъ поссорился съ Адріаномъ, низвергли ее; Фаворинъ, при извѣстіи о слу-

Такъ, напримѣръ, въ дошедшихъ до насъ аѳинскихъ надписяхъ Адріанъ неоднократно называется „благодѣтелемъ“ и „спасителемъ“ аѳинянъ, а равно и „основателемъ“ ихъ города[1]). Еще чаще встрѣчается въ надписяхъ прозвище „Ὀλύμπιος“, которое дано было Адріану какъ-бы въ знакъ благодарности за сооруженіе храма олимпійскому Зевсу. Наконецъ, аѳиняне въ честь Адріана стали вести счетъ годовъ своей эры со времени перваго его пребыванія въ Аѳинахъ[2]) и назвали

чившемся, будто сказалъ: „ὤνητ' ἂν καὶ Σωκράτης εἰκόνα χαλκῆν ὑπ' Ἀθηναίων ἀφαιρεθεὶς μᾶλλον ἢ πιὼν κώνειον“ и ничего больше (Philostr., vitae soph., p. 490, ed. C. Kayser). Объ отношеніяхъ Фаворина къ Адріану см. еще Cass. Dio LXIX, 3 и Hist. Aug., Hadr. 15, 12.—Коринѳяне, какъ извѣстно, тоже низвергли статую Фаворина,—быть можетъ, слѣдуя примѣру аѳинянъ. Въ рѣчи Фаворина, обращенной къ коринѳянамъ,—эта рѣчь еще недавно ложно приписывалась Діону Хризостому (см. *W. Christ*, Gesch. d. griech. Literatur (1905), p. 745),—есть довольно ѣдкія мѣста противъ аѳинянъ, вызванныя, какъ-будто, ходомъ мысли и аргументаціи оратора. Замѣчательно, что о какой-либо рѣчи, написанной Фавориномъ спеціально по адресу аѳинянъ, намъ ничего не говорятъ источники; вѣроятно, ея и не было. Фаворинъ, должнобыть, считалъ для себя неудобнымъ обезславить любимый императоромъ городъ.

[1]) Срв., напр., C. I. A. III, 465; 493—504: На аркѣ, стоявшей у входа въ новый кварталъ города Аѳинъ, стояла надпись: Αἵδ' εἴσ' Ἀδριανοῦ καὶ οὐχὶ Θησέως πόλις (C. I. A. III, 402).

[2]) C. I. A. III, 69a и 735: τρίτου ἀπὸ τῆς ἀποδημίας; III, 1107: τετάρ[τῳ ἀπὸ τῆ]ς πρώτη[ς ἀποδημίας]. Первое пребываніе императора Адріана въ Аѳинахъ относится къ 125/126 г.; см. *I. Dürr*, Die Reisen d. Kaisers Hadrian, p. 56; *O. Schulz*, Leben des Kaisers Hadrian (Leipz. 1904), p. 68; *Pauly-Wissowa*, Real-Encyclop. I, p. 507. Къ этому-же времени (къ 125-му году) относится и первое посвященіе Адріана въ элевсинскія мистеріи (Hist. Aug., Hadr. 13, 1; Cass. Dio LXIX, 11), по поводу котораго *O. Rubensohn* (Die Mysterienheiligtümer, p. 107) замѣчаетъ: Wenigstens lässt sich doch annehmen, dass Hadrian bei seiner bekannten Munificenz gegenüber allem, was griechisch und besonders athenisch war, seinem Wohlwollen gegen den Mysterienkult auch durch Stiftungen und Geschenke einen äusseren Ausdruck verliehen habe, und diese Annahme wird um so berechtigter erscheinen, wenn in der That die

по имени своего покровителя одну аѳинскую филу „Адріановой“[1]).

Годъ архонтства Адріана въ Аѳинахъ обыкновенно опредѣляется на основаніи приведеннаго нами свидѣтельства Флегонта[2]), по которому Адріанъ былъ архонтомъ въ Аѳинахъ еще до принятія верховной власти, а именно — въ шестое консульство императора Траяна, въ 112-мъ году[3]). Однако, изъ словъ Діона Кассія (LXIX, 16: τά τε Διονύσια, τὴν μεγίστην παρ' αὐτοῖς ἀρχὴν ἄρξας, ἐν τῇ ἐσθῆτι τῇ ἐπιχωρίῳ λαμπρῶς ἐπετέλεσε) какъ будто слѣдуетъ, что Адріанъ занималъ должность архонта въ Аѳинахъ, будучи императоромъ, такъ какъ агоноѳесія его на Большихъ Діонисіяхъ, о которыхъ говоритъ Діонъ Кассій, относится къ 126-му году[4]). Кромѣ того, кажется, что и въ біографіи Адріана[5]) и въ біографіи Галліеновъ[6])—эти

beiden nordwestlich und nordöstlich von den grossen Propylaeen (въ Элевсинѣ) aufgedeckten Triumpbogen.... Hadrian zu Ehren errichtet waren. Denn eine solche Ehrung des Kaisers erklärt sich doch am einfachsten, wenn wir sie als Ausdruck des Dankes für erwiesene Wohlthaten auffassen.

[1]) C. I. A. III, 470: Αὐτοκράτορα Ἁδριανὸν Ὀλύμπιον τὸν κτίστην τῆς στοᾶς [καὶ ἑαυτῶν σωτῆρα]? Ἁδρια[νίδαι]. По мнѣнію *Dittenberger*'a Ἁδριανίδαι равняется ἡ Ἁδριανοῦ φυλή.

[2]) См. стр. 69, прим. 3 c.

[3]) Срв. *R. Cagnat*, Cours d'épigraphie latine (1898[3]), p. 189, гдѣ вмѣсто cos. IV слѣдуетъ читать cos. VI.

[4]) *I Dürr*, l. c., p. 46; *O. Schulz*, Leben d. Kaisers Hadrian, p. 69; *Pauly-Wissowa*, Real-Encyclop. I, p. 507. Слѣдуетъ указать еще на то, что въ приведенномъ мѣстѣ Діона Кассія (LXIX, 16) перечисляется еще многое другое, что сдѣлалъ для Аѳинъ Адріанъ, но только при упоминаніи о Діонисіяхъ прибавлено объ архонтствѣ Адріана въ Аѳинахъ. Ясно, что это архонтство въ данномъ случаѣ служило поводомъ для аѳинянъ поручить устройство Большихъ Діонисій Адріану-императору.

[5]) См. стр. 68, прим. 3.

[6]) Hist. Aug., Gallieni duo 11, 3 (Peter): Cum tamen sibi milites dignum principem quaererent, Gallienus apud Athenas archon erat, id est summus magistratus, uanitate illa, qua et ciuis adscribi desiderabat et sacris omnibus interesse. quod neque Hadrianus *nisi* in summa felicitate neque Antoninus *nisi* in adulta fecerat pace.

біографіи принадлежать разнымъ авторамъ—также имѣется въ виду архонтство въ Аѳинахъ Адріана-императора.

Въ опроверженіе этого предположенія *Keil*[1]) приводитъ слѣдующія соображенія: во-первыхъ, по его мнѣнію, форму ἄρξας въ указанномъ мѣстѣ Діона Кассія слѣдуетъ понимать какъ plusquamperfectum, т. е. устройство Большихъ Діонисій, входившее, какъ извѣстно, въ кругъ обязанностей перваго архонта, въ видѣ исключенія было поручено Адріану-императору лишь въ силу того, что онъ уже *раньше* (въ 112-мъ году) занималъ эту должность въ Аѳинахъ; во-вторыхъ, біографъ Адріана, упоминая объ архонтствѣ Адріана въ Аѳинахъ, непремѣнно сказалъ-бы *bis* archon fuit, если-бы онъ имѣлъ въ виду Адріана-императора; въ-третьихъ, наконецъ, случаи повторнаго исправленія должности архонта однимъ и тѣмъ-же лицомъ, по мнѣнію *Keil*'а, пока еще не доказаны.

Противъ приведенныхъ доводовъ *Keil*'а можно возразить слѣдующее: 1) Форму ἄρξας у Діона Кассія нѣтъ надобности понимать какъ plusquamperfectum; скорѣе она значитъ „ставъ архонтомъ" или даже „будучи архонтомъ", какъ это видно, напримѣръ, изъ слѣдующихъ мѣстъ: a) Cass. Dio LXXVI, 9: ἐκδοθεὶς (sc. Pollenius Sebennus) γὰρ ὑπὸ Σαβίνου τοῖς Νωρικοῖς, ὧν ἄρξας οὐδὲν χρηστὸν ἐπεποιήκει, αἴσχιστα πέπονθε; b) Plutarch., Anton. 88: οὗτος (императоръ Неронъ) ἄρξας ἐφ' ἡμῶν ἀπέκτεινε τὴν μητέρα. c) Cass. Dio LX, 17: μετὰ δὲ ταῦτα ὁ Κλαύδιος ὑπατεύσας αὖθις τὸ τρίτον πολλὰς μὲν θυσίας, πολλὰς δὲ καὶ ἱερομηνίας ἔπαυσε. 2) Элій Спартіанъ (Hadr. 19), сообщая объ архонтствѣ Адріана въ Аѳинахъ, не имѣлъ, намъ кажется, особой надобности прибавлять слово *bis* (или вѣрнѣе говоря *iterum*), такъ какъ въ указанномъ мѣстѣ онъ перечисляетъ почетныя должности Адріана, какъ императора. 3) Случаи итераціи архонтства въ Аѳинахъ засвидѣтельствованы въ довольно многихъ случаяхъ въ періодъ римской республики[2]) и нѣтъ, по крайней мѣрѣ, достаточно

[1]) Philologus, Supplementband II (1863), p. 595.

[2]) *Шефферъ (Pauly-Wissowa*, Real-Encyclop. II, p. 583 и 591) приводитъ, напр., слѣдующіе случаи: Damasius—былъ архонтомъ въ Аѳи-

вѣскихъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было-бы отрицать возможность этой итераціи и въ эпоху римской имперіи[1]).

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, либо, что Адріанъ былъ архонтомъ въ Аѳинахъ *дважды* (до принятія верховной власти и послѣ него, т. е. въ 112 и 125 гг.), либо, что наши источники смѣшали эти два періода.

Непосредственно послѣ перваго своего пребыванія въ Аѳинахъ императоръ Адріанъ (лѣтомъ 126-го года) предпринялъ путешествіе по Пелопоннесу, гдѣ въ числѣ другихъ городовъ посѣтилъ и Спарту[2]). Въ чемъ именно заключались благодѣянія, оказанныя имъ этому городу, мы не знаемъ; но что таковыя несомнѣнно были оказаны, доказываетъ, помимо избранія его въ почетные патрономы[3]), немалое количество надписей, въ которыхъ онъ называется „спасителемъ" этого города[4]).

Что великій эллинофилъ Адріанъ осчастливилъ своимъ вниманіемъ и городъ Неаполь въ Италіи, вполнѣ понятно въ виду сказаннаго нами выше объ этомъ городѣ[5]).

нахъ *трижды* (въ 583/582, 582/581, 581/580 гг.), Argeios—*дважды* (въ 97/96 и 96/95 гг.), Medeios—*четырежды* (въ 100/99, 85/84, 84/83 и 83/82 гг.).

[1]) *Шефферъ (Pauly-Wissowa*, Real-Encyclop. II, p. 578) замѣчаетъ: Übrigens scheint, wenigstens in der Kaiserzeit, eigentliche Iteration gesetzlich nicht zulässig gewesen zu sein. Что обычай, не допускавшій итераціи архонтства въ Аѳинахъ, никогда не былъ нарушенъ въ эпоху римской имперіи, до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, не доказано. Во всякомъ случаѣ, нарушеніемъ обычая слѣдовало-бы считать агоноѳесію Адріана на Большихъ Діонисіяхъ, если признать правильнымъ объясненіе *Keil'a*.

[2]) C. I. G. 1241: Ἀγαθοκλῆς Στεφάνου...... οὗ καὶ ἱππαρχοῦντος καὶ ἀγορανομοῦντος ἐπεδήμησεν τῇ πόλει ὁ θειότατος αὐτοκράτωρ Ἀδριανός....

[3]) О патронамахъ см. выше, стр. 16.

[4]) C. I. G. 1308—1312; *Le Bas—Foucart*, Laconie, № 193—194.

[5]) Стр. 53. По поводу должности демарховъ въ Неаполѣ замѣчаетъ *Liebenam* (Städteverwaltung, p. 292): erwähnt sei ferner, dass,

Остается еще сказать нѣсколько словъ объ отношеніяхъ императора Адріана къ городу *Антіохіи* (въ Сиріи).

Какъ извѣстно, Адріанъ, будучи легатомъ провинціи Сиріи, имѣлъ свою резиденцію въ Антіохіи и здѣсь-же принялъ верховную власть[1]). Впослѣдствіи, уже будучи императоромъ, онъ неоднократно посѣщалъ Антіохію и, какъ видно изъ словъ Іоанна Малалы, весьма щедро расточалъ свои милости по отношенію къ этому городу[2]). Еще болѣе онъ заботился о благоустройствѣ и внѣшнемъ блескѣ антіохійскаго предмѣстья Дафны[3]), такъ какъ здѣсь ему впервые предсказана была власть—оракуломъ Аполлона[4]). Наконецъ, по

---

sich, wenn auch selten, δήμαρχοι finden, in Neapolis einst die erste Obrigkeit, jetzt (въ императорскую эпоху) eine hohe Ehrenstellung, wie schon daraus hervorgeht, dass Titus und Hadrian dieselbe übernahmen, doch werden die wirklichen Befugnisse gegenüber den dem Rate präsidierenden Duumvirn (ἄρχοντες) nicht bedeutend gewesen sein.

[1]) Cass. Dio LXIX, 2 (Boissevain): ἦν δέ, ὅτε ἀνηγορεύθη αὐτοκράτωρ, Ἀδριανὸς ἐν τῇ μητροπόλει Συρίας Ἀντιοχείᾳ, ἧς ἦρχεν.

[2]) Ioannes Malalas, Chronograph. XI (Niebuhr, p. 277): ἔκτισε δὲ ἐν Ἀντιοχείᾳ τῇ μεγάλῃ καὶ αὐτὸς (Адріанъ) δημόσιον λουτρὸν καὶ ἀγωγὸν ἐπ' ὄνομα αὐτοῦ...; ibid., p. 278: ἦσαν δὲ καὶ πολλοὶ συγκλητικοὶ ἀπὸ Ῥώμης ὄντες ἐν τῇ πόλει Ἀντιοχείᾳ οἵτινες καὶ ἐκελεύσθησαν παρ' αὐτοῦ (sc. Ἀδριανοῦ) καὶ ἔκτισαν ἐν Ἀντιοχείᾳ οἴκους πολλοὺς καὶ λουτρά.

[3]) Ioannes Malalas, Chronograph. XI (Niebuhr, p. 278): καὶ τὸ θέατρον τῶν πηγῶν Δάφνης αὐτὸς (Адріанъ) ἐποίησε..... ἔκτισε δὲ καὶ τὸν ναὸν αὐτῶν πηγῶν, ὅθεν ἔρχονται τὰ ῥεῖθρα ἐν τῇ αὐτῇ Δάφνῃ, ἐγείρας ἐν τῷ αὐτῷ ναῷ τῶν Νυμφῶν ἄγαλμα μέγα καθήμενον καὶ κρατοῦν πῶλον τοῦ Διὸς εἰς τιμὴν τῶν Ναϊάδων, ὅτι ἐτελείωσε τὸ τοιοῦτο φοβερὸν ἔργον. ὑπὲρ εὐχαριστίας..... τὴν δὲ πηγὴν εἰς τὰς Ἀγρίας τὴν λεγομένην Παλλάδος ἀπολλυμένην περισφίγξας ἐποίησεν ἀγωγὸν εἰς μετάληψιν τοῖς οἰκοῦσι τὴν ἱερὰν Δάφνην.

[4]) Подобно Адріану и Траянъ щедро одарилъ какой-то, неизвѣстный намъ, городъ, оракулъ котораго впервые назвалъ его императоромъ; Dio Chrysostom. XLV, 4 (ed. Arnim, vol. II, p. 72): καὶ ταύτῃ σχεδόν τι τῶν ἐλλογιμωτάτων κατὰ τὴν Ἀσίαν καὶ τηλικοῦτον ἐχούσῃ δίκαιον πρὸς τὸν αὐτοκράτορα, τοῦ θεοῦ παρ' ἐκείνοις μαντευσαμένου καὶ προειπόντος τὴν ἡγεμονίαν αὐτῷ καὶ πρώτου πάντων ἐκείνου φανερῶς αὐτὸν ἀποδείξαντος τῶν ὅλων κύριον.

словамъ того-же Малалы, Адріанъ 23-го іюня 130-го года устроилъ антіохійцамъ великолѣпное празднество[1]), которое, по мнѣнію Dürr'а и Schulz'а, пріурочено было ко дню открытія новаго водопровода, построеннаго имъ-же городу Антіохіи[2]).

Какого-либо свидѣтельства о почетной магистратурѣ Адріана въ Антіохіи мы не имѣемъ; тѣмъ не менѣе намъ кажется весьма мало вѣроятнымъ, чтобы антіохійцы,—граждане вольнаго города[3]),—не воспользовались случаемъ отблагодарить своего благодѣтеля—хотя-бы избраніемъ его въ должностныя лица своего города; весьма возможно поэтому, что свидѣтельство объ этомъ лишь случайно до насъ не дошло.

Еще болѣе страннымъ кажется намъ, далѣе, то обстоятельство, что въ нашихъ источникахъ нигдѣ прямо не говорится объ агоноѳесіи Адріана въ Антіохіи. Принимая, однако, во вниманіе съ одной стороны особое пристрастіе антіохійцевъ ко всякаго рода зрѣлищамъ и играмъ[4]) и съ другой стороны—сообщеніе Элія Спартіана (Hadr. 19), согласно которому Адріанъ in omnibus paene urbibus.... ludos edidit, намъ кажется болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что Адріанъ, какъ „Ὀλύμπιος“, хоть разъ былъ агоноѳетомъ на справлявшихся въ Антіохіи „олимпійскихъ“ играхъ. Наше предположеніе находитъ себѣ нѣкоторое подтвержденіе у Ливанія, по словамъ котораго какіе-то два императора принимали участіе въ олимпійскихъ играхъ въ Антіохіи, одинъ—въ качествѣ устроителя

---

[1]) Ioannes Malalas, Chronograph. XI (Niebuhr, p. 278): καὶ ἐπετέλεσεν ὁ αὐτὸς Ἀδριανὸς ἑορτὴν τῶν πηγῶν μηνὶ δαισίῳ τῷ καὶ ἰουνίῳ κγ'.

[2]) *I. Dürr*, Die Reisen d. Kaisers Hadrian, p. 62; *O. Schulz*, Leben d. Kaisers Hadrian, p. 76.

[3]) *W. Henze*, De civitatibus liberis, quae fuerunt in provinciis populi Romani, p. 75.

[4]) Herodian. II, 7, 9 (Bekker): φιλέορτοι δὲ φύσει Σύριοι· ὧν μάλιστα οἱ τὴν Ἀντιόχειαν κατοικοῦντες, μεγίστην πόλιν καὶ εὐδαίμονα, σχεδὸν παρὰ πάντα τὸν ἐνιαυτὸν ἑορτάζουσιν ἔν τε τῇ πόλει αὐτῇ καὶ κατὰ τὰ προάστεια.

агона, а другой—какъ ἑλλανοδίκης[1]). Хотя Ливаній въ указанномъ мѣстѣ не называетъ именъ этихъ императоровъ, тѣмъ не менѣе почти съ увѣренностью можно сказать, что одинъ изъ нихъ былъ Адріанъ, а другой, какъ мы увидимъ ниже, Діоклеціанъ[2]).

Императоръ Антонинъ Пій былъ дуумвиромъ въ городѣ *Лилибеѣ* (на о. Сициліи)[3]), архонтомъ въ *Аѳинахъ*[4]) и квинквенналомъ въ городѣ *Sarmizegetusa* (въ Дакіи)[5]).

До принятія верховной власти Антонинъ Пій, какъ извѣстно, былъ намѣстникомъ провинціи Азіи. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что онъ въ это время проѣздомъ посѣтилъ Грецію

---

[1]) Liban. XI, 269 (Foerster): τοῦτον ἤδη τις τὸν ἀγῶνα καὶ βασιλεὺς ἔθηκε καὶ τὴν αὐτοῦ στολὴν ἀφεὶς τὴν 'Ολυμπικὴν ἔλαβεν, ὁ δέ τις ἑλλανοδίκης ὤφθη καὶ τὸν ἐκ δάφνης ἀμφέθετο στέφανον, κοσμοῦντες ὁμοῦ καὶ κοσμούμενοι τοῖς δρωμένοις.

[2]) Соображенія, говорящія въ пользу именно этихъ двухъ императоровъ, изложены нами ниже, подъ Діоклеціаномъ.

[3]) C. I. L. X, 7211: L. Amatio L. f. Fab. Maximo Memoriano Q. P. (p.) aedili II viro (pr)a(ef.) imp. Antonini II vir(i)..... populus Lilybitanus bono civi.... l. p. d. d. d. Надпись эта найдена въ городѣ *Mazara*, куда она, по объясненію Моммзена (C. I. L. X, p. 740) попала лишь случайно. *Ad. Holm*, Gesch. Siciliens im Alterthum III, p. 536 (подъ рубрикой: *Domänenbeamte)* говоритъ: Als praefectus imperatoris Antonini wird bezeichnet L. Amatius L. f. Fab. Maximus Memorianus, in einer Inschrift von Lilybaeum C. I. L. X, 7211. Der Mann war QPP (wohl Quaestor pecuniae publicae) von Lilybaeum, Aedilis, Duumvir; also ein angesehener Lilybitaner, der zugleich dem Kaiser in seinen Privatangelegenheiten auf der Insel diente. Antoninus ist Caracalla. На какомъ основаніи *Holm* относитъ этого praefectus Antonini II viri къ разряду Domänenbeamte, мы не знаемъ; неизвѣстно также, почему онъ эту надпись приписываетъ императору Каракаллѣ; *Liebenam*, Städteverwaltung, p. 262 приписываетъ ее Антонину Пію.

[4]) Hist. Aug., Gallieni duo 11; см. выше, стр. 78, прим. 6.

[5]) C. I. L. III, 1496: M. Comin(io) M. f. Pap. Quinto, pontif(ici) col(oniae) Sa(rmizegetusae) et praef(ecto) (quin)q(uennali) pro Antonino imp(eratore), patr(ono) coll(egii) fab(rum), eq(uo) p(ublico), ordo col(oniae) ob mer(ita) ipsius.

и, въ частности, Аѳины[1]). Сдѣлавшись императоромъ, онъ, по словамъ Юлія Капитолина, никакихъ путешествій внѣ Италіи не предпринималъ[2]) и, надо полагать, не былъ даже въ Сициліи[3]).

Каковы были личныя отношенія Антонина Пія къ городу Лилибею, объ этомъ наши источники ничего не говорятъ. Остается, поэтому, искать мотива принятія имъ почетной должности въ этомъ городѣ въ его особыхъ отношеніяхъ къ культу Энея[4]). Чѣмъ же, было вызвано у Антонина Пія это

[1]) На пребываніе Антонина Пія въ Аѳинахъ указываетъ Schol. ad Aristid., Panathenaikos § 183, 3 (Dindorf, p. 308—309): Ἀντωνῖνος ὁ βασιλεύς, ἐφ' ᾧ Ἀριστείδης ἦν, πλεῖστα Ἀθήνησιν ἀνεγνωκὼς καὶ φιλοσοφήσας ἐν διδασκάλου μοίρᾳ τὴν πόλιν ἐτίμα, καὶ πολλὰς μὲν καὶ ἄλλας εὐεργεσίας αὐτῇ παρέσχε καὶ τὸν ἐν Ἐλευσῖνι νεὼν πολυτελῶς ἐπεσκεύασεν. C.

[2]) Hist. Aug., Antonin. Pius 7 (Peter): nec ullas expeditiones obiit, nisi quod ad agros suos profectus et ad Campaniam, dicens, grauem esse prouincialibus comitatum principis, etiam nimis parci.

[3]) Нѣкоторые ученые, какъ, напр., *Schiller* (Gesch. d. röm. Kaiserzeit I, p. 632) и *Lacour-Gayet* (Antonin le Pieux et son temps, p. 138), основываясь на сообщеніяхъ Элія Аристида (or. XXIII, ed. Dindorf, p. 453) и Іоанна Малалы (Chronograph. XI, ed. Niebuhr, p. 280—291), приходятъ къ заключенію, что Антонинъ Пій въ 154 155 г. лично былъ въ Сиріи. Правильность этого предположенія, стоящаго въ полномъ противорѣчіи съ только-что приведеннымъ свидѣтельствомъ Юлія Капитолина (см. прим. 2; срв. *B. Borghesi*, Oeuvres complètes V, p. 374 сл.), справедливо оспариваютъ *W. Schmid* (Rhein. Museum XLVIII (1893), p. 57 sq.) и *P. v. Rohden* (*Pauly-Wissowa*, Real-Encyclop. II, p. 2508).

[4]) Насъ крайне удивляетъ, что объ отношеніяхъ Антонина Пія къ культу Энея не говорится ни слова какъ въ спеціальныхъ трудахъ, посвященныхъ этому императору (срв., напр., *X. Bossart und I. Müller*, Zur Gesch. d. Kaisers Antoninus Pius въ Untersuchungen zur röm. Kaisergeschichte, herausg. von *M. Büdinger* II, p. 290—320; *G. Lacour-Gayet*, Antonin le Pieux et son temps, Paris 1888; *Pauly-Wissowa*, Real-Encycl. II, p. 2493—2511, s. v. Aurelius), такъ и въ общихъ трудахъ по исторіи императорскаго Рима (срв. *G. R. Sievers*, Studien zur Gesch. der röm. Kaiser, p. 171—223; *H. Schiller*, Gesch. d. röm. Kai-

особое почитаніе памяти Энея? Прежде всего, намъ кажется, слѣдуетъ указать на то, что Антонинъ Пій родился въ городѣ Ланувіѣ[1]), въ самомъ центрѣ древняго Лаціума. Въ Лаціумѣ же, какъ извѣстно, въ особенности распространенъ былъ культъ Энея[2]); здѣсь-же (въ городѣ Лавиніѣ, основанномъ, по преданію, Энеемъ) хранились sacra principia populi Romani, съ которыми былъ въ связи и культъ Энея[3]). Объ этой-то древней святынѣ римскаго народа особенно заботился Антонинъ Пій, какъ это видно, между прочимъ, изъ того, что изображеніе ея нерѣдко встрѣчается на его монетахъ[4]). Далѣе, извѣстно, что Антонину въ началѣ его правленія оффиціально дано было прозвище Pius[5]), которое его, конечно, приравнивало съ pius Aeneas. Мы убѣждены, что Антонинъ былъ названъ Pius исключительно за его pietas erga deos и erga parentem (т. е. Hadrianum), какъ и Эней[6]).

serzeit I, 2, p. 628—635 и *E. Herzog*, Gesch. u. System d. röm. Staatsverfassung. II, p. 379—381; 385—407).

[1]) Hist. Aug., Antonin. Pius 1; Aurel. Vict., Caes. 15, 2.

[2]) *Preller*, Röm. Mythologie II[3], p. 313.

[3]) *I. Rubino*, Beiträge zur Vorgeschichte Italiens, p. 257—262.

[4]) *Cohen*, Descript. hist. des médailles frappées sous l'empire romain II, p. 340—341; срв. также *R. H. Klausen*, Aeneas und die Penaten II, p. 791—792. Объ особенномъ вниманіи Антонина Пія къ городамъ, такъ или иначе связаннымъ съ именемъ Энея, свидѣтельствуютъ слѣдующіе примѣры. Hist. Aug., Ant. Pius 8: opera eius haec extant... Caietae portus... lauacrum Ostiense....; C. I. L. XIV, 2070 (Lanuvium): Divo Antonino Aug(usto) senatus populusque Laurens, quod privilegia eorum non modo custodierit, sed etiam ampliaverit; срв. C. I. L. XIV, 2100 (изъ Ланувія); Dig. XXVII, 1, 17: Iliensibus et propter inclutam nobilitatem civitatis et propter coniunctionem originis Romanae iam et senatus consultis et constitutionibus principnm plenissima immunitas tributa est ut etiam tutelae excusationem habeant, scilicet eorum pupillorum, qui Ilienses non sint: idque divus Pius rescripsit.

[5]) Hist. Aug., Antonin. Pius 2: Pius cognominatus est a senatu.

[6]) Изображеніе Энея, несущаго на своихъ плечахъ отца и ведущаго за руку сына, нерѣдко встрѣчается на монетахъ Антонина Пія (см. *Eckhel*, Doctr. numorum VII, p. 30—31).

Сказаніе объ Энеѣ, какъ извѣстно, пріурочено было, между прочимъ, и къ Лилибею. По крайней мѣрѣ Страбонъ (XIII, 1, 53), разсказываетъ, что Эней съ троянцемъ Элимомъ высадились на островѣ Сициліи у Эгесты, а затѣмъ захватили

Какъ извѣстно, уже древніе разно объясняли происхожденіе прозвища Pius у Антонина. Павсаній (VIII, 43, 5) сообщаетъ: Τοῦτον (Антонина) Εὐσεβῆ τὸν βασιλέα ἐκάλεσαν οἱ Ῥωμαῖοι, διότι τῇ ἐς τὸ θεῖον τιμῇ μάλιστα ἐφαίνετο χρώμενος; Юлій Капитолинъ (v. Antonini Pii 2) говоритъ: Pius cognominatus est a senatu, uel quod soceri fessi iam aetatem manu praesente senatu leuaret, uel quod eos, quos Hadrianus per malam ualetudinem occidi iusserat, reseruauit, uel quod Hadriano contra omnium studia post mortem infinitos atque immensos honores decreuit, uel quod, cum se Hadrianus interimere uellet, ingenti custodia et diligentia fecit, ne id posset admittere, uel quod uere natura clementissimus et nihil temporibus suis asperum fecit; Евтропій (VIII, 8) говоритъ, что Антонинъ былъ названъ Pius—„propter clementiam“; срв. v. Avidii Cassii 11, 6 и Fronto (ed. Naber), p. 226. Новые ученые пока, сколько намъ извѣстно, этого противорѣчія еще не выяснили. Мнѣніе *P. v. Rohden*'а (у Pauly-Wissowa, R.-Encycl. II, p. 2498), будто изъ всѣхъ приведенныхъ объясненій древнихъ авторовъ относительно происхожденія прозвища Pius у Антонина предпочтеніе слѣдуетъ отдать объясненію Евтропія, намъ представляется совершенно неосновательнымъ. По нашему мнѣнію, Антонинъ былъ прозванъ Pius, подобно Энею, за его благочестіе, т. е. религіозность и любовь къ отцу, а никакъ не за милосердіе; если же Евтропій въ данномъ мѣстѣ указываетъ на clementia Антонина, то объясняется это тѣмъ, что у писателей болѣе поздняго времени слова pius и εὐσεβής употребляются нерѣдко въ значеніи „милосердный“. Старый комментаторъ Θемистія, *I. Harduinus* (Themistii or. VII, Dindorf, p. 561), поясняетъ слово εὐσεβής въ титулѣ императоровъ слѣд. образомъ: Frequens in nummis tum Asiae Syriaeqne Regum, tum Impp. Rom., τοῦ εὐσεβοῦς et Pii nomenclatio. Caesaribus porro tributum illud cognomentum liquet ex eorum nummis, vel pro religione erga Deos, ut Antonino, si Pausaniam sequimur; unde instrumenta sacerdotalia, paterae, arae, aut templa depingi solita, cum inscriptione PIETAS AUG. vel, quod frequentius occurrit, pro insito amore in liberos, parentes, senatum, subditosque omnes. Unde factum etiam ut sequiori aevo inter propria Imperatorum epitheta *Pietas*, sicut *Mansuetudo*, *Clementia*, aliaeque id genus, sit recepta; unde Theodoricus

города Эрикъ и Лилибей[1]). Отсюда понятно, что жители Лилибея, считавшіе Энея какъ-бы колонизаторомъ своего города, не замедлили почтить Антонина Пія избраніемъ его въ почетные магистраты, въ виду извѣстныхъ отношеній этого императора къ памяти Энея.

Что касается города Аѳинъ, то здѣсь, намъ кажется, однимъ изъ главнѣйшихъ мотивовъ для принятія Антониномъ Піемъ почетной должности въ этомъ городѣ послужила его pietas erga parentem. Изъ уваженія къ памяти Адріана, столь благосклонно относившагося къ аѳинянамъ, а равно и изъ расположенія къ грекамъ вообще[2]), Антонинъ Пій, повидимому,

ad Imp. Anastasium scribens, ad *serenissimam*, ait, *Pietatem vestram.* Ioannes Antioch. Antonino ait Pii cognomen a simplicitate morum adhaesisse. Verum si Marcum Antonini generum audimus, Pius quasi Clemens, φιλάνθρωπος, dictus est. *Haec*, clementia nempe, *Caesarem deum fecit, haec Augustum consecravit, haec patrem tuum* (Faustinam alloquitur) *imprimis* Pii *nomine ornavit.* Quo certe respexit Claudian. in IV cons. Honorii (v. 276—277):

Sis pius in primis; nam cum vincamur in omni
Munere, sola deos aequat clementia nobis.

1) По Виргилію (Aen. III, 554), Эней высадился на о. Сициліи сначала у горы Этны, а затѣмъ въ городѣ Дрепанѣ, гдѣ потомъ скончался его отецъ Анхизъ (Aen. III, 708). Преданія объ Энеѣ въ сѣверозападной части Сициліи подробно изложены у *Preller*, Röm. Mythologie II[3], p. 312—313 и *Roscher*, Ausführl. Lexikon d. griech. u. röm. Mythologie I, p. 171.

2) *Hertzberg*, Gesch. Griechenlands II, p. 358—362. Арріи Антонинъ, дѣдъ Антонина Пія съ материнской стороны, по свидѣтельству Плинія Младшаго, въ совершенствѣ владѣлъ греческимъ языкомъ и стихомъ; Plin., Ep. IV, 3, 3: Nam et loquenti tibi illa Homerici senis mella profluere et, quae scribis, complere apes floribus et innectere videntur. Ita certe sum adfectus ipse, cum Graeca epigrammata tua, cum mimiambos proxime legerem. Quantum ibi humanitatis, venustatis, quam dulcia illa, quam antiqua, quam arguta, quam recta! Callimachum me vel Heroden, vel si quid his melius, tenere credebam.... Hominemne Romanum tam Graece loqui? Non medius fidius ipsas Athenas tam Atticas dixerim.

особенно внимательно относился къ Аѳинамъ[1]). Объ этомъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, достроенный имъ для аѳинянъ водопроводъ, начатый постройкою еще при Адріанѣ[2]), и возобновленный—послѣ пожара—храмъ въ Элевсинѣ[3]).

По всей вѣроятности, Антонинъ Пій оказалъ Аѳинамъ еще много другихъ благодѣяній[4]). Въ благодарность за все это аѳиняне и воздвигли ему въ Римѣ статую съ почетной надписью[5]).

Почетная должность Антонина Пія въ Sarmizegetusa объясняется указанными нами выше (на стр. 67) отношеніями къ этому городу императоровъ Траяна и Адріана.

Пріемный сынъ императора Антонина Пія и соправитель императора Марка Аврелія, Люцій Элій Веръ, былъ цензоромъ въ *Остіи*[6]); онъ-же, по всей вѣроятности, занималъ почетную должность архонта рода Эвмолпидовъ, завѣдывавшихъ, какъ извѣстно, элевсинскими мистеріями[7]).

---

1) Schol. ad Aristid., Panathenaikos § 183, 2 (Dindorf, p. 308): ἥ τε νῦν ἀρχὴ γῆς τε καὶ θαλάττης] σημαίνει τὴν Ἀδριανοῦ τοῦ βασιλέως.... ἢ Ἀντωνίνου· καὶ γὰρ ἐπὶ Ἀντωνίνου ἦν Ἀριστείδης, ὃς καὶ ἄλλα πολλὰ τοὺς Ἀθηναίους ἐτίμησε, καὶ τὸν ἐν Ἐλευσῖνι ναὸν πολυτελῶς κατεσκεύασε. B. D. Срв. Schol. ad Aristid., Panathen. § 183, 3, на стр. 84 прим. 1.

2) C. I. L. III, 549. *Lacour-Gayet*, Antonin le Pieux, p. 163.

3) См. прим. 1.

4) Срв. выше, стр. 84, прим. 1 и Inscript. Atticae (ed. Dittenberger), № 529: [Αὐ]κράτορα Καίσαρα Τραιανὸν [Ἁδ]ριανὸν Ἀντωνεῖνον Εὐσεβῆ..... αὐξήσαντα τὰς τοῦ θεοῦ πατρὸς αὐτο[ῦ εὐεργεσίας]; эта надпись относится къ 140 г. по Р. Хр.

5) C. I. G. (Boeckh), vol. III, 5886; срв. *Hertzberg*, Gesch. Griechenlands II, p. 361.

6) C. I. L. XIV, 376 (Ostia) P. Lucilio, P. (f.), P. n., P. pron., Gamala(e), aed. sacr. Volcani, eiusdem pr. tert. dec. adlecto d. d. infanti, II vir. praefecto L. Caesar. Aug. f. cens..... idem thermas, quas divus Pius aedificaverat, vi ignis consumptas, refecit..... Въ примѣчаніи къ этой надписи говоритъ *Dessau:* L. Aelii Caesaris, nam de Lucio Caesare imp. Augusti ex filia nepote et filio adoptivo cogitari nequit propter mentionem in eodem titulo factam thermarum, quas Pius aedificaverat.

7) *Dittenberger*, Sylloge², № 408........... α καὶ | [μυστηρίω]ν κεκοινωνηκώς, | [ὥστ]ε ἐξ ἐκείνου δίκαιος | ἂν εἴην ὁμολογῶν καὶ τὸ || Εὐμολπίδης εἶναι, ἀναλαμ|βάνω δὲ καὶ τὴν τοῦ ἄρχοντο[ς] | προσηγορίαν, καθὰ ἠξιώσατε, |

Объ отношеніяхъ Люція Вера къ городу Остіи не дошло до насъ никакихъ извѣстій[1]).

Въ элевсинскія мистеріи Люцій Веръ былъ посвященъ,

ὡς τά τε ἀπόρρητα τῆς κατὰ τὰ | μυστήρια τελετῆς ἐνδο[ξ]ότερόν τε καὶ σεμνότερον, | εἴ γέ τινα προσθήκην ἐπιδέχοιτο, τοῖν θεοῖν ἀποδοθείη καὶ διὰ τὸν ἄρχοντα τοῦ τῶν | Εὐμολπιδῶν γένους, ὃν προεχειρίσασθε, αὐτός τε μὴ δοκοίην, ἐνγραφεὶς καὶ πρότερον εἰς τοὺς Εὐμολπίδας, | παραιτεῖσθαι νῦν τὸ ἔργον | τῆς τειμῆς, ἣν π[ρὸ τ]ῆς ἀρχῆς || [ταύτ]ης ἐκαρπωσάμην. | ἔρρωσθε. Издатель этой надписи *D. Philios* (Mittheilungen d. arch. Instituts in Athen XIX (1894), p. 171, № 2) и *W. Larfeld* (Handbuch d. attischen Inschriften, p. 248) приписываютъ этотъ рескриптъ императору Адріану,—послѣдній, правда, подъ знакомъ вопроса. *Dittenberger* (въ примѣчаніяхъ къ этой надписи) доказываетъ принадлежность этого рескрипта Люцію Веру, приводя слѣдующіе доводы. Во 1-хъ, Люцій Веръ былъ посвященъ въ элевсинскія мистеріи, какъ видно изъ данной надписи и изъ другихъ (Sylloge², № 409: καὶ τὸν Αὐτοκράτορα μυήσαντ(α) | [Λ]ούκιον Αὐρήλιον Οὐῆρον δὶς ἐπὶ τῷ ἔτει ἀγαγόντα | μυστήρια καὶ τοῦτο κατὰ τὸ θεμιστόν, καὶ προσειδρύσαντα Εὐμολπίδην συναγαγόντα; срв. ibid., № 411); во 2-хъ, архонтомъ рода Евмолпидовъ могъ быть выбираемъ только тотъ, кто самъ принадлежалъ къ этому роду; Л. Веръ же былъ приписанъ къ роду Эвмолпидовъ (ἐνγραφεὶς καὶ πρότερον εἰς τοὺς Εὐμολπίδας), чего мы, напр., объ Адріанѣ не знаемъ. Что касается способа избранія Л. Вера въ члены рода Эвмолпидовъ, то, по мнѣнію Диттенбергера, неизвѣстно, utrum Eumolpidae, quo gratificarentur principi, id sibi sumpserint, ut simplici gentis decreto gentilem asciscerent, quod ex antiquo iure gentilicio profecto non licebat, an ficticia quadam adoptione id effecerint.

[1]) Однимъ изъ поводовъ для избранія Люція Вера цензоромъ города Остіи послужило, несомнѣнно, чувство благодарности къ Адріану и Антонину Пію, оказавшимъ большія благодѣянія этому городу. C. I. L. XIV, 95: почетная надпись Адріану отъ colonia Ostia, conservata et aucta omni indulgentia et liberalitate eius; срв. C. I. L. XIV, 96; C. I. L. XIV, 98: Imp. Caesar divi Hadriani f., divi Traiani Parthici nep., divi (Nervae) pronepos, T. Aelius Hadrianus Antoninus Aug. Pius, pontif. max., trib. potes(t. II, cos. II), thermas in quarum exstructionem divos pater suus HS XX polli(citus erat), adiecta pecunia quanta desiderabatur, item marmoribus ad omnem o(rnatum perfecit); эта надпись относится къ 139 г. по Р. Хр. Срв. также C. I. L. XIV, 97: надпись, посвященная Антонину Пію коллегіею dendrophori Ostienses.

по мнѣнію *Диттенбергера*[1]), въ 165 г. по Р. Хр., когда онъ, возвращаясь съ похода противъ пароянъ, вторично остановился въ Аѳинахъ. Избраніе его въ архонты рода Эвмолпидовъ, должно быть, послѣдовало вскорѣ послѣ указаннаго года. Безъ сомнѣнія, однимъ изъ мотивовъ для избранія его на эту почетную должность послужили упомянутыя нами выше (стр. 88, прим. 1) отношенія Антонина Пія къ городу Элевсину.

Императоръ Коммодъ былъ квинквенналомъ въ городѣ *Путеолахъ* (въ Италіи)[2]).

Для поясненія отношеній императора Коммода къ Путеоламъ прежде всего, намъ кажется, слѣдуетъ указать на то, что съ именемъ этого города у Коммода связаны были фамильныя воспоминанія. Въ Путеолахъ, какъ извѣстно, временно погребенъ былъ скончавшійся въ Баяхъ прадѣдъ Коммода, императоръ Адріанъ[3]). Отсюда перевезъ прахъ Адріана въ Римъ дѣдъ Коммода, императоръ Антонинъ Пій[4]), который здѣсь-же, въ Путеолахъ, построилъ храмъ[5]) и учредилъ коллегію жрецовъ и игры („ἀγῶνες Πίοι“ или „Εὐσέβεια“[6]) въ честь своего отца, Адріана[7]).

---

[1]) *Dittenberger*, Sylloge², № 408, прим. 1.

[2]) C. I. L. X, 1648: Imp. Caes. M. Aurel. Commodo Antonino Aug. Pio p. p. II viro quinquenn. Fl. Pytheas marmorarius.

[3]) Hist. Aug., Hadr. 25: inuisusque omnibus sepultus est (Адріанъ) in uilla Ciceroniana Puteolis.

[4]) Hist. Aug., Pius 5: sed Hadriano apud Baias mortuo reliquias eius Romam pervexit; *ibid.*, M. Ant. 6.

[5]) Hist. Aug., Hadr. 27: templum denique ei (Адріану) pro sepulchro apud Puteolos constituit (Антонинъ Пій) et quinquennale certamen et flamines et sodales et multa alia, quae ad honorem quasi numinis pertinerent.

[6]) C. I. G. 1720; I. G. I. et S. (Kaibel), № 749 и 1102; I. G. Megaridis (Dittenberger), № 49; Artemidor. onir. 1, 28: *οἶδά τινα σταδιέα, ὃς μέλλων ἀγωνίζεσθαι Εὐσέβεια τὰ ἐν Ἰταλίᾳ ἀχθέντα πρῶτον ὑπὸ βασιλέως Ἀντωνίνου ἐπὶ τῷ πατρὶ Ἀδριανῷ, ἔδοξε τυφλὸς γεγονέναι.* Въ одной надписи (C. I. L, X, 515) эти игры называются sacrum certamen iselasticum.

[7]) *Preller*, Röm. Mythologie II³, p. 436, A. 2: In Puteoli, wo Hadrian gestorben war (Адріанъ умеръ въ Баяхъ, а не въ Путеолахъ), wurde

Въ Путеолахъ Антонинъ Пій, безъ сомнѣнія, неразъ бывалъ и впослѣдствіи[1]); онъ, какъ видно изъ словъ его біографа, вообще часто посѣщалъ Кампанію[2]). Въ Кампаніи же, какъ разъ въ окрестностяхъ Путеолъ, жила память о pius Aeneas: тамъ онъ, по преданію спускался въ подземное царство, къ отцу, и похоронилъ своего трубача Мизена. Принимая во вниманіе указанныя нами выше (стр. 84 сл.) отношенія Антонина Пія къ культу Энея, мы ставимъ вопросъ, не находилось-ли учрежденіе этихъ „Εὐσέβεια“ въ Путеолахъ, а не въ Римѣ, хоть отчасти въ связи съ только-что упомянутыми преданіями объ Энеѣ.

Подобно Антонину Пію, хотя и въ меньшей мѣрѣ, Кампаніею интересовался и отецъ Коммода, императоръ Маркъ Аврелій. Для Коммода же эта мѣстность Италіи имѣла еще особое значеніе потому, что къ ней пріурочено было сказаніе о

ihm von Antoninus ein Tempel, pentaeterische Spiele und eine Sodalität gestiftet, ja sogar Puteoli nach ihm benannt Colonia Flavia Augusta Puteoli. Мнѣніе *Preller*'а, будто Путеолы названы „Флавіевскими“ по имени Адріана, совершенно невѣрно. Тацитъ (Hist. III, 59) сообщаетъ, что Кампанія одною изъ первыхъ въ Италіи перешла на сторону Веспасіана. Конечно, въ числѣ городовъ этой „pulcherrimae Campaniae orae“ (Tac. Hist. III, 60), ставшей на сторону Веспасіана, были, несомнѣнно, и Путеолы и Неаполь. Отсюда совершенно ясно, почему Путеолы, называвшіеся при Неронѣ *Colonia Neronensis Claudia Augusta Puteoli*, послѣ Нерона стали „Флавіевскими“; этимъ-же обстоятельствомъ въ значительной степени объясняется и принятіе почетной городской должности Титомъ въ Неаполѣ; на это слѣдовало намъ указать уже выше (на стр. 52); пополняемъ этотъ пропускъ здѣсь.

[1]) Весьма возможно, что уже Антонинъ Пій занималъ почетную городскую должность въ Путеолахъ.

[2]) Hist. Aug., Pius II: nec ullas expeditiones obiit, nisi quod ad agros suos profectus et ad Campaniam. Срв. рескриптъ Антонина Пія ἀπὸ Καπύης въ сборникѣ проф. *И. Г. Турцевича:* „Императорскіе рескрипты провинціальнымъ сеймамъ, городамъ и другимъ обществамъ“, № 55 (Извѣстія Института кн. Безбородко, т. XIX (1901).

Геркулесѣ[1]), его спеціальномъ покровителѣ[2]). Само собой разумѣется, что культъ Геркулеса, распространенный вообще въ Кампаніи и южной Италіи, занималъ видное мѣсто и въ Путеолахъ[3]). Здѣсь почитался, кромѣ того, тирскій Геркулесъ, какъ богъ-покровитель—колоніею тирійцевъ, проживавшихъ въ Путеолахъ[4]), а также и карѳагенянами и гадитанцами, ведшими оживленную торговлю съ Путеолами[5]). Въ этихъ культахъ Геркулеса, намъ кажется, можно видѣть также мотивъ, побуждавшій Коммода не отказать путеольцамъ въ чести, имѣть у себя римскаго императора въ качествѣ высшаго городского магистрата[6]). Кромѣ указанныхъ нами мотивоввъ у

---

[1]) Diodor. IV, 21—22; срв. *Preller*, Griech. Mythologie II[3], p. 213 sq. О весьма распространенномъ въ Кампаніи культѣ Геркулеса см. *G. Wissowa*, Religion u. Kultus der Römer, p. 220 и *W. Roscher*, Ausführl. Lexikon der griech. u. röm. Mythologie I, p. 3008. Имя Геркулеса встрѣчается въ надписяхъ слѣдующихъ городовъ Кампаніи: *Puteoli* (C. I. L. X, 1569), *Capua* (C. I. L. X, 3797), *Neapolis* (C. I. L. X, 1478) и *Venafrum* (C. I. L. X, 4850, 4851).—Въ упоминаемомъ въ C. I. L. VI, 303—*Ercule Capanum* (т. е. Campanum)—по мнѣнію *Peter*'а (Roscher, Lexikon d. griech. u. röm. Mythologie I, p. 3009), слѣдуетъ видѣть „einen campanischen Hercules“, а не „Hercules Campanus=Campestris“, какъ полагаетъ *H. Iordan* (см. *Preller*, Röm. Mythologie II[3], p. 282, A. 1).

[2]) Коммодъ даже выдавалъ себя за Геркулеса; срв. Herodian. I, 14, 8: ἐς τοσοῦτόν τε μανίας καὶ παρανοίας προυχώρησεν ὡς πρῶτον μὲν τὴν πατρῴαν προσηγορίαν παραιτήσασθαι, ἀντὶ δὲ Κομμόδου καὶ Μάρκου υἱοῦ Ἡρακλέα τε καὶ Διὸς υἱὸν αὐτὸν κελεύσας καλεῖσθαι, ἀποδυσάμενός τε τὸ Ῥωμαίων καὶ βασίλειον σχῆμα λεοντῆν ἐπεστρώννυτο, καὶ ῥόπαλον μετὰ χεῖρας φέρων. Срв. Cass. Dio LXXII, 7. 15. 17. 18. 20. 22; Vit. Commodi 8—10, 17; C. I. L. XIV, 3449.

[3]) Въ одной надписи города Путеолъ (C. I. L. X, 1478) встрѣчаемъ имя Геркулеса.

[4]) Подробнѣе о тирской колоніи въ Путеолахъ см. *Ив. Турцевичъ*, Orbis in urbe, Нѣжинъ 1902, стр. 35 и сл.

[5]) См. *Preller*, Röm. Mythologie II[3], p. 299.

[6]) Годъ почетной городской должности Коммода въ Путеолахъ не можетъ быть точно опредѣленъ. Что Коммодъ, будучи императоромъ, посѣщалъ Кампанію и, въ частности, Путеолы, въ этомъ, намъ кажется, едва-ли можно сомнѣваться. Въ дѣтствѣ онъ посѣтилъ

путеольцевъ былъ, наконецъ еще одинъ поводъ чествовать Коммода. По словамъ Элія Лампридія, Коммодъ организовалъ новую флотилію для доставки хлѣба изъ провинціи Африки въ Италію[1]). Для Путеолъ, приморскаго города съ превосходной гаванью[2]), это мѣропріятіе Коммода имѣло, конечно, въ высшей степени важное значеніе, тѣмъ болѣе, что этотъ городъ съ половины II-го вѣка послѣ Р. Хр. уже сталъ приходить въ упадокъ[3]). Вполнѣ понятно, поэтому, что путеольцы, для которыхъ annona advecticia и торговля моремъ являлись необходимыми условіями ихъ благосостоянія, должны были питать особую признательность къ своему благодѣтелю Коммоду.

Императоръ Маркъ Аврелій Антонинъ (Элагабалъ) былъ деміургомъ въ киликійскомъ городѣ *Аназарбѣ*[4])

вмѣстѣ съ матерью городъ Капую; срв. Vit. Avidii Cassii 10: (изъ письма Фаустины Марку Аврелію) sed si te Formis inuenire non potuero, adsequar Capuam, quae civitas et meam et filiorum nostrorum aegritudinem poterit adiuuare. Если это письмо даже подложно, то всетаки едва-ли можно допускать, что фальсификаторъ въ данномъ мѣстѣ безъ всякаго основанія говоритъ именно о Капуѣ.

[1]) Hist. Aug., Commod. 17: classem Africanam instituit, quae subsidio esset, si forte Alexandrina frumenta cessassent; ridicule etiam Carthaginem Alexandriam Commodianam togatam appellauit, cum classem quoque Africanam Commodianam Herculeam appellasset. *G. Goyau*, Chronologie de l'empire romain, p. 234 относитъ организацію этой флотиліи къ 186 г. по Р. Хр.

[2]) Strab. V, 4, 6; *Nissen*, Ital. Landeskunde II, p. 789: Der Hafen war so sicher und war mit so vorzüglichen Anlagen ausgerüstet, dass nach Rom bestimmte Reisende es vorzogen in Puteoli statt in Ostia zu landen.

[3]) О субсидіяхъ Путеоламъ хлѣбомъ отъ казны см. C. I. L. X, 1562; *Nissen*, l. c. II, p. 743; срв. также I. G. I. et S. (Kaibel), № 830 (посланіе тирійскихъ стаціонаріевъ въ Путеолахъ ихъ родному городу).

[4]) *Waddington*, Explicat. des inscript. III, p. 349: une médaille inédite d'Anazarbe. Elle porte d'une côté la tête et la légende d'Élagabale et de l'autre la légende circulaire: ANAZ. ENΔOΞ. MHTPOΠ. TPOΠ. A. M. K. Γ. B. et dans une couronne de laurier: ΔHMIOYPΓIA ANTΩNEINOY ET. MC, écrit à travers le champ de la pièce. На монетахъ

и жрецомъ бога Солнца въ сирійскомъ городѣ *Эмесѣ*[1]).

По словамъ Амміана Марцеллина (XXVI, 6, 20), Элагабалъ, еще до принятія имъ верховной власти, долженъ былъ оставить, по приказанію императора Макрина, городъ Антіохію въ Сиріи и удалиться въ городъ Эмесу. Здѣсь Элагабалъ сдѣлался жрецомъ сирійскаго бога Солнца и оставался таковымъ и впослѣдствіи, уже будучи императоромъ[2]). Опредѣлить точно годъ почетной должности Элагабала въ Аназарбѣ нельзя. Вѣроятно эта должность поднесена была ему въ 218-мъ году, во время зимовки его въ Малой Азіи (въ Никомедіи); возможно даже, что онъ тогда посѣтилъ этотъ городъ.

Императоръ Галліенъ былъ архонтомъ въ *Аѳинахъ*[3]) и архонтомъ-же во ѳракійскомъ городѣ *Augusta Traiana* (нынѣ *Эски Загра* или *Стара Загора)*[4]).

городъ Аназарбъ называется αὐτόνομος, μητρόπολις, ἔνδοξος и ἐλευθέρα (см. *Head*, Hist. num., p. 598—599 и *Henze*, De civitatibus liberis, p. 74).

1) Hist. Aug., Heliogab. 1: fuit enim Heliogabali uel Iouis uel Solis sacerdos... et prius dictus est Varius, post Heliogabalus a sacerdotio dei Heliogabali, cui templum Romae... constituit; срв. Cass. Dio LXXIX, 11—12.

2) Элагабалъ даже оффиціально называлъ себя sacerdos amplissimus dei invicti Solis Heliogabali (C. I. L. III, 892). О культѣ сирійскаго бога Элагабала и отношеніи къ нему императора Элагабала см. подробнѣе *Preller*, Röm. Mythologie II³, p. 399—402 и *Pauly-Wissowa*, Real-Encyclop., s. v. Elagabalus.

3) Hist. Aug., Gallieni duo 11 (Peter): Cum tamen sibi milites dignum principem quaererent, Gallienus apud Athenas archon erat, id est summus magistratus, uanitate illa, qua et ciuis adscribi desiderabat et sacris omnibus interesse.... Areopagitarum praeterea cupiebat ingeri numero contempta prope r. p. *K. F. Hermann* (Lehrbuch d. griech. Staatsalterthümer 1884. p. 789) и *v. Schoeffer* (Pauly-Wissowa II, p. 598) относятъ архонтство Галліена въ Аѳинахъ къ 260/261 г. по Р. Хр.; по мнѣнію *Герцберга* (Gesch. Griechenlands III, p. 78, прим. 36), вѣроятнѣе 262/263 г. по Р. Хр.

4) Bull. de corresp. hell. VI (1882), p. 185: Τὸν μέγιστον καὶ θειότατον αὐτοκράτορα Πό[πλιον] | Λικίννιον Γαλλιηνὸν Εὐτυχῆ, Εὐσεβῆ, Σεβ(αστὸν) τ[ὸν] | ἄρχοντα τῆς οἰκουμένης, ἄρξαντα δὲ καὶ τὴν ἐ[πώ]νυμον ἀρχὴν ἐν τῇ λαμπρᾷ

Что императоръ Галліенъ бывалъ въ Аѳинахъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію[1]). Питая, подобно Адріану, глубокія симпатіи къ грекамъ[2]) и являясь въ то-же время горячимъ поклонникомъ греческой образованности, литературы и философіи[3]), Галліенъ, естественно, долженъ былъ тяготѣть къ Аѳинамъ[4]), какъ къ центру всей умственной жизни грековъ.

Свидѣтельство біографа Галліена (см. стр. 94, прим. 3) о томъ, что этотъ императоръ выражалъ желаніе сдѣлаться гражданиномъ города Аѳинъ, даетъ намъ поводъ сказать

καὶ ἐλευ(θέ)ρᾳ Τραιανέων π[όλει] | ἡ βουλὴ καὶ ὁ δῆμος, ἐπιμελουμένων τῆς ἀρχῆς [καὶ τῆς] | [ἀναστ]άσεως τῶν ἀνδριάντων Σεπτιμ(ίου) Μακριανοῦ | [καὶ...] Μακριανοῦ κρατίστων..... Издатель этой надписи *P. F*(abia) дѣлаетъ къ ней слѣдующее поясненіе: Dédicace d'une statue élevée à l'empereur Gallien qui avait accepté le titre d'archonte éponyme de la ville. Les fonctions de cette charge furent remplies par les deux personnages nommés à la fin de l'inscription. A cette occasion, Gallien paraît avoir accordé ou confirmé à Traiané le titre et les privilèges de ville libre.

[1]) На пребываніе Галліена въ Аѳинахъ указываютъ 1) приведенное нами (стр. 94, прим. 3) мѣсто изъ его біографіи; 2) мѣсто изъ лексикона Свиды (s. v. Καλλίνικος, ed. Bernhardy, vol. II, p. 46), гдѣ говорится, что софистъ Каллиникъ въ Аѳинахъ написалъ „привѣтственную" рѣчь Галліену (προσφωνητικὸν Γαλλιηνῷ); 3) посвященіе Галліена въ элевсинскія мистеріи (Hist. Aug., Gallieni duo II), относящееся, по мнѣнію *Герцберга* (Gesch. Griechenlands III, p. 165, прим. 25) къ 263 г. по Р. Хр., когда Галліенъ, подавивъ возстаніе въ Византіи, на возвратномъ пути въ Римъ остановился въ Аѳинахъ.

[2]) *Hertzberg*, Gesch. Griechenlands III, p. 164: Mit Gallienus hatte nach langer Zeit wieder einmal ein Kaiser den Thron bestiegen, der für Griechenland ähnliche Neigungen nährte, wie einst der unvergessene Hadrian.

[3]) О дружественномъ отношеніи Галліена къ греческому философу Плотину см. *Hertzberg*, l. c., p. 165 и *W. Christ*, Gesch. der griech. Literatur (изд. 4-е), p. 856.

[4]) *Hertzberg*, l. c., p. 165: Zu den Liebhabereien des Kaisers (Галліена) gehörte nun eben sein sehr entschieden ausgesprochener H e l l e n i s m u s. Namentlich aber fesselte den eleganten, feingebildeten Imperator der urewige Zauber von A t h e n.

здѣсь нѣсколько словъ о почетномъ гражданствѣ римскихъ императоровъ въ городахъ[1]). Судя a priori, можно было бы подумать, что избранію императора въ городскіе магистраты непремѣнно должно было предшествовать дарованіе ему права гражданства даннаго города, такъ какъ de iure правомъ на избраніе въ городскіе магистраты пользовались лишь *граждане* даннаго города[2]). Это непремѣнное условіе, съ которымъ связано было избраніе каждаго городского магистрата, не было, однако, соблюдаемо по отношенію къ императорамъ; по крайней мѣрѣ о предварительномъ дарованіи права гражданства императору при избраніи его на почетную городскую должность ничего не говорится въ статутѣ города Салпензы (lex Salp., c. 24). Отсюда, намъ кажется, можно вывести заключеніе, что императоръ могъ быть избираемъ въ почетные магистраты любого города, не будучи его гражданиномъ[3]). Во время Галліена аѳиняне, конечно, давно уже были римскими гражданами; поэтому желаніе его быть формально избраннымъ въ граждане города Аѳинъ дѣйствительно могло быть сочтено за „vanitas“.

Что касается почетной должности Галліена въ Augusta Traiana, то для объясненія ея достаточно указать на пребываніе его на Балканскомъ полуостровѣ во время возстанія

[1]) Само собою разумѣется, что мы имѣемъ здѣсь въ виду только императоровъ, предшествовавшихъ Каракаллѣ; вѣдь послѣ 212-го года по Р. Хр. civitas Romana, какъ извѣстно, сдѣлалась достояніемъ почти всѣхъ подданныхъ римской имперіи.

[2]) См. *Liebenam*, Städteverwaltung, p. 268; *Mommsen*, Iuristische Schriften I, p. 308. *O. Hirschfeld* (Göttinger gelehrt. Anzeiger 1870, p. 1105) приводитъ нѣсколько примѣровъ изъ испанскихъ городовъ, гдѣ избранію нѣкоторыхъ *incolae* на городскія должности предшествовала *adlectio* ихъ въ число гражданъ даннаго города. Что касается императора Адріана, то онъ, конечно, считался аѳинскимъ гражданиномъ, разъ даже одна фила называлась его именемъ (см. стр. 78, прим. 1).

[3]) Срв. *Mommsen*, Röm. Staatsrecht II[3], p. 813—814 и *L. Mitteis*, Reichsrecht und Volksrecht, p. 87, прим. 1.

въ Византіи (Hist. Aug., Gallieni duo 7). Возможно даже, что Галліенъ въ то время посѣтилъ этотъ городъ Ѳракіи. Отмѣтимъ здѣсь еще, что приведенная нами (стр. 94, прим. 4) надпись, въ которой упоминаются два замѣстителя Галліена по должности архонта, представляетъ собою единственное свидѣтельство о замѣстителяхъ императоровъ въ городахъ Востока.

О почетной должности императора Діоклеціана въ *Антіохіи* (сирійской) мы имѣемъ слѣдующія свидѣтельства.

Въ приведенномъ нами выше (стр. 83, прим. 1) мѣстѣ Ливанія (or. XI, 269, ed. Foerster), какъ мы уже видѣли, говорится объ участіи какихъ-то двухъ βασιλεῖς, т. е. императоровъ[1]) въ „олимпійскихъ" играхъ въ городѣ Антіохіи, при чемъ одинъ изъ этихъ императоровъ былъ агоноѳетомъ, а другой—ἑλλανοδίκης. Какихъ именно императоровъ имѣлъ въ виду Ливаній, изъ указаннаго мѣста не видно. Послѣдній издатель Ливанія, *Ферстеръ,* въ примѣчаніи къ этому мѣсту дѣлаетъ ссылку на Атенея V, 194 c. sq., гдѣ говорится объ устройствѣ блестящихъ игръ въ Антіохіи (ἐπὶ Δάφνης) царемъ Антіохомъ IV Эпифаномъ. Выходитъ, такимъ образомъ, по Ферстеру, что Ливаній въ данномъ мѣстѣ имѣлъ въ виду не римскихъ императоровъ. Но почтенный ученый ошибается. Ливаній въ указанномъ мѣстѣ говоритъ исключительно объ „олимпійскихъ" играхъ, а эти игры, по словамъ Іоанна Малалы, учреждены были въ Антіохіи лишь въ правленіе императора Клавдія (преемника Калигулы), съ разрѣшенія котораго[2]) Антіохійцы будто-бы купили себѣ у пизійцевъ право на

---

[1]) Что βασιλεύς можетъ обозначать римскаго императора, нѣтъ надобности доказывать. Если бы Ливаній имѣлъ въ виду иныхъ βασιλεῖς, то, вѣроятно, пояснилъ-бы это такъ или иначе.

[2]) Это сообщеніе Малалы, кажется, имѣло въ основѣ дѣйствительный фактъ. Въ самомъ дѣлѣ, братъ императора Клавдія, Германикъ, какъ извѣстно, умеръ въ Антіохіи и въ память его, какъ сообщаетъ Тацитъ (Ann. II, 83), были сооружены sepulchrum Antiochiae, ubi crematus, tribunal Epidaphnae, quo in loco vitam finierat. Значитъ, Германикъ, бывшій, какъ мы видѣли (стр. 50, прим. 3), Ὀλυμπιονίκης,

устройство „олимпійскихъ“ игръ[1]). Царь же Антіохъ, какъ мы видѣли, былъ устроителемъ игръ, происходившихъ въ Дафнѣ въ 167 г. до Р. Хр. и, слѣдовательно, не могъ принять участія въ „олимпійскихъ“ играхъ, коихъ въ то время въ Антіохіи еще не было. Спрашивается теперь, какихъ же императоровъ имѣлъ въ виду Ливаній. Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ отчасти тотъ-же Малала,—соотвѣтствующее мѣсто его, какъ то слѣдовало, вмѣсто ссылки на Атенея, Ферстеромъ не указано. Малала[2]) сообщаетъ, что къ началу олим-

т. е. одержавшій побѣду въ Олимпіи, умеръ какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ потомъ происходили „олимпійскія“ игры. Весьма вѣроятно, что это обстоятельство, т. е. то, что Антіохійцы хранили память Германика, сыграло нѣкоторую роль при указанномъ ходатайствѣ антіохійцевъ передъ императоромъ Клавдіемъ, который, какъ извѣстно, весьма чтилъ память своего брата (Suet. Claud. 11: Ad fratris (Germanici) memoriam, per omnem occasionem celebratam, comoediam quoque Graecam Neapolitano certamine docuit ac de sententia iudicum coronavit. Клавдій, вѣроятно, предсѣдательствовалъ на этихъ играхъ въ Неаполѣ).

[1]) Ioannes Malalas, Chronograph. X, 320 (Niebuhr, p. 248): Ἐπὶ δὲ τῆς βασιλείας τοῦ αὐτοῦ Κλαυδίου οἱ αὐτοὶ Ἀντιοχεῖς κτήτορες καὶ πολῖται ἀναφορὰν ἔπεμψαν, δεόμενοι ὥστε παρασχεθῆναι αὐτοῖς ἀπὸ θείας αὐτοῦ κελεύσεως ἀγορασθῆναι τὰ Ὀλύμπια ἀπὸ τῶν Πισαίων τῆς Ἑλλάδος χώρας ἀπὸ τῶν ἐτησίων προσόδων τῶν ἐαθέντων χρημάτων παρὰ Σωσιβίου τινὸς συγκλητικοῦ, συμπολίτου αὐτῶν· καὶ παρέσχεν αὐτοῖς ἀγοράσαι τὰ Ὀλύμπια ὁ αὐτὸς Κλαύδιος βασιλεύς, ἔτους χρηματίζοντος κατὰ τοὺς Ἀντιοχεῖς Σύρους ϟβʹ.

[2]) Ioannes Malalas, Chronograph. XII, 411—412 (Niebuhr, p. 310—311): Ἐν δὲ τῷ χρόνῳ τῶν Ὀλυμπίων κατέφθασεν ἐν Ἀντιοχείᾳ ὁ αὐτὸς βασιλεὺς Διοκλητιανός, ἐλθὼν ἐξ Αἰγύπτου. καὶ τοῦ Ὀλυμπικοῦ ἀγῶνος μέλλοντος ἐπιτελεῖσθαι, ἐφόρεσε τὸ σχῆμα τὸ τοῦ ἀλυτάρχου ὁ βασιλεὺς Διοκλητιανός. τὴν δὲ στολὴν ὁ ἀλύταρχος ἄσπρον ὁλοσηρικὸν ἐφόρει· ὁ δὲ βασιλεὺς ἀντὶ τοῦ ἄσπρου ἐφόρεσε πορφυροῦν, τὰ δὲ ἄλλα πάντα ὡς ἦν ἔθος τῷ ἀλυτάρχῃ φορεῖν, κρατῶν τὴν ἱερὰν ῥάβδον καὶ προσκυνῶν τὸν δῆμον, ἐθεώρησε τὸν Ὀλυμπικὸν ἀγῶνα τὰς νενομισμένας πάσας ἡμέρας. καὶ ἐκ τῶν ἀξιωματικῶν αὐτοῦ κατήρχοντό τινες ἐν τοῖς Ὀλυμπικοῖς ἀγῶσιν ἐπιδεικνύμενοι ἀρετῆς χάριν· καὶ οἱ μὲν ἐπάλαιον, οἱ δὲ ἐπύκτευον, οἱ δὲ ἐπαγκρατίαζον, οἱ δὲ ἔτρεχον. καὶ τοῖς νικῶσι παρεῖχε σάκρας (?) καὶ πᾶσι πολλὰ ἐφιλοτιμήσατο.... καὶ ἀλυτάρχης (читать

пійскихъ игръ въ Антіохію прибылъ изъ Египта императоръ Діоклеціанъ и здѣсь, въ качествѣ алитарха[1]), принималъ участіе въ играхъ, подчиняясь при этомъ всѣмъ требованіямъ установившагося обычая. По окончаніи же игръ, онъ, будто-бы, отрекся отъ своего императорскаго сана, мотивируя это свое рѣшеніе тѣмъ, что ему нельзя уже быть императоромъ послѣ того, какъ его видѣли въ одѣяніи безсмертнаго Зевса. Насколько заслуживаютъ довѣрія отдѣльныя подробности въ разсказѣ Малалы, рѣшить, конечно, трудно; но, во всякомъ случаѣ, въ основѣ его сообщенія лежитъ тотъ фактъ, что Діоклеціанъ дѣйствительно неразъ бывалъ въ Антіохіи[2]). Если

слѣдуетъ, конечно, ἀλυταρχήσας) ἐν Ἀντιοχείᾳ ὁ αὐτὸς Διοκλητιανὸς καὶ ἀποθέμενος τὸ βασιλικὸν σχῆμα καὶ μετὰ τὸ πληρῶσαι τὰ Ὀλύμπια οὐχ εἵλετο βασιλεῦσαι, λέγων ὅτι Ἀπεθέμην τὴν βασιλείαν καὶ ἐφόρεσα σχῆμα τοῦ ἀθανάτου Διός. καὶ ἔκτοτε ἔμεινεν οὕτως.

[1]) О должности алитарховъ замѣчаетъ *Reisch* (Pauly-Wissowa I, p. 1711): Eine erhöhte Bedeutung hat der Titel des ἀλυτάρχης bei den Olympien zu Antiochia in Syrien; hier ist der ἀλυτάρχης wenigstens in der späteren Kaiserzeit der oberste Leiter des ganzen Festes, er wird in einem Rescript des Theodosius II aus dem J. 409 an erster Stelle neben Syriarchen, Asiarchen und Agonotheten genannt (Cod. Theod. II, 15, 9, 2). Ливаній, въ указанномъ мѣстѣ (or. XI, 269), не называетъ алитарха, а говоритъ объ ἀγωνοθέτης и ἑλλανοδίκης. По всей вѣроятности, обозначенію ἑλλανοδίκης (у Ливанія) соотвѣтствуетъ ἀλυτάρχης (у Малалы); подъ ἀγωνοθέτης же, надо полагать, Ливаній разумѣлъ императора Адріана. Срв. Bull. de corresp. hell. XXVIII (1904), p. 81: Ταυριανὸν ἱερέα Ἡλίου τὸν ἀλυτάρχην τῶν μεγάλων ἱερῶν Ὀλυμπίων... καὶ στεφανηφόρον καὶ γραμματέα βουλῆς καὶ χρυσοφόρον στρατηγὸν καὶ ἀγορανόμον καὶ εἰρήναρχον. Эта надпись (изъ города Tralles) еще не могла быть извѣстна *Reisch*'у.

[2]) О пребываніи императора Діоклеціана въ Антіохіи свидѣтельствуютъ слѣдующіе рескрипты, данные имъ въ этомъ городѣ: Cod. Just. III, 28, 25 (отъ 301 г.); VII, 22, 2 (отъ 302 г.); VIII, 54, 24 (отъ 304 г.); къ 294—305 гг. относятся рескрипты въ Cod. Just. III, 3, 3; IV, 29, 18; V, 12, 24 и 25; VIII, 32 (31), 2 и IX, 21, 1. Срв. также Analecta Bollandiana, t. III, p. 363 (Passio Sancti Ephysii, c. 2): His ita descriptis atque imperialibus jussis per epistolam populo supradictae

къ этому еще прибавить, что Діоклеціанъ своимъ спеціальнымъ покровителемъ считалъ Юпитера и даже принялъ прозвище *Jovius*[1]), то становится вполнѣ понятнымъ, что его особенно должно было интересовать празднество въ честь Юпитера, справлявшееся въ Антіохіи. Въ виду сказаннаго, мы и рѣшаемся высказать предположеніе, что Ливаній въ указанномъ мѣстѣ подъ однимъ изъ двухъ императоровъ разумѣлъ Діоклеціана. Что же касается другого императора, о которомъ говоритъ Ливаній, то всѣ доводы говорятъ въ пользу Адріана. По крайней мѣрѣ, въ числѣ всѣхъ римскихъ императоровъ, начиная отъ Адріана до Діоклеціана, едва-ли можно найти хоть одного, который бы стоялъ въ столь близкихъ отношеніяхъ къ городу Антіохіи и къ чествовавшемуся тамъ на олимпійскихъ играхъ Зевсу, какъ императоръ Адріанъ—'Ολύμπιος[2]).

---

civitatis (sc. Aeliae) transmissis, parvo temporis spatio interposito, Antiochiam adiit civitatem. Exierunt autem ei (sc. Diocletiano) obviam homines civitatis illius utriusque sexus et aetatis, cum tympanis et choris et omni genere musicorum, et introduxerunt eum cum gaudio magno, cantantes atque laetantes. Altera vero die, imperator fecit ad se vocari omnes primos civitatis illius et honorabiles viros. Quibus et dixit: *Quam fidem colitis?* Responderunt illi et dixerunt: *Deorum qui permanent semper, Apollinis scilicet, Jovis et Mercurii, Saturni, Minervae et Junonis, ceterorumque numinum.* Tunc Diocletianus, hilaris nimis effectus pro illorum fide, diis suis gratias egit, et donis amplissimis viros civitatis Antiochiae exaltavit.

[1]) Aurel. Vict., Caes. 39, 18. *Th. Preuss*, Kaiser Diocletian u. seine Zeit, p. 43: Diocletian nannte sich Jovius..... Nicht die Schmeichelei der Unterthanen hat diesen Namen aufgebracht, auch nicht lediglich die Eitelkeit des Fürsten selbst, sondern die eigenthümliche Religiosität Diocletians, welcher zu Jupiter in ganz besonderer Beziehung zu stehen meinte und den Eigennamen eine Vorbedeutung und geheimnissvolle Einwirkung zuschrieb. Der Jupiterkult spielt in seinem ganzen Leben, zumal bei allen wichtigen Acten seiner Regierung eine besondere Rolle.

[2]) По словамъ Малалы (Chronograph. XII, 43) должность алитарха въ Антіохіи занималъ также и императоръ Максиміанъ; но это сообщеніе Малалы представляется намъ совершенно неправдоподобнымъ,

Сколько можно судить на основаніи дошедшихъ до насъ свидѣтельствъ, послѣднимъ изъ римскихъ императоровъ, занимавшихъ почетныя должности въ городахъ, былъ **Константинъ Великій**, который, по свидѣтельству императора Юліана, занималъ должность стратега въ *Аѳинахъ*[1]).

такъ какъ, во-первыхъ, Малала въ указанномъ мѣстѣ почти буквально повторяетъ все сказанное имъ выше (Chronograph. XII, 411—412) о Діоклеціанѣ, а, во-вторыхъ, Максиміанъ, сколько намъ извѣстно, въ Антіохіи никогда не былъ. Весьма возможно, что еще нѣкоторые другіе императоры до него занимали почетныя городскія магистратуры въ Антіохіи. Во время пребыванія на Востокѣ, въ особенности во время войнъ съ парѳянами, римскіе императоры обыкновенно жили въ Антіохіи, нѣкоторые изъ нихъ даже подолгу. Ливаній (or. XV, 15) называетъ Антіохію παλαιὸν βασιλέων χειμάδιον, а Амміанъ Марцеллинъ (XXII, 9, 15)—principum domicilium. Въ Антіохіи былъ дворецъ императоровъ, о постройкѣ котораго Малала (Chronograph. XII, 406, ed. Niebuhr, p. 306) сообщаетъ слѣдующее: καὶ ἔκτισεν (Діоклеціанъ) ἐκεῖ (въ Антіохіи) παλάτιον μέγα, εὑρὼν θεμελίους τεθέντας πρῴην μὲν ὑπὸ Γαλληνοῦ τοῦ καὶ Λικιννιανοῦ; ibid., p. 307: ἔκτισε δὲ ἐν Δάφνῃ καὶ παλάτιον εἰς τὸ τοὺς ἀνίοντας βασιλεῖς ἐκεῖ καταμένειν, ἐπειδὴ πρῴην εἰς τὸ ἄλσος ἐποίουν παπυλεῶνας καὶ κατέμενον.

[1]) Iulian., or. in laud. Const. 8 (Hertlein): καλὸν ἴσως ἐνταῦθα καὶ τῶν ἀοιδίμων Ἀθηνῶν μνησθῆναι, ἃς ἐκεῖνος (Константинъ) ἔργοις καὶ λόγοις τιμῶν τὸν πάντα χρόνον διετέλει. βασιλεὺς γὰρ ὢν καὶ κύριος πάντων, στρατηγὸς ἐκείνων (аѳинянъ) ἠξίου καλεῖσθαι καὶ τοιαύτης εἰκόνος τυγχάνων μετ' ἐπιγράμματος ἐγάνυτο πλέον ἢ τῶν μεγίστων τιμῶν ἀξιωθείς. ἀμειβόμενος δὲ ἐπ' αὐτῇ τὴν πόλιν, πυρῶν μεδίμνους δίδωσι πολλάκις μυρίους καθ' ἕκαστον ἔτος δωρεὰν καρποῦσθαι, ἐξ ὧν ὑπῆρχε τῇ πόλει μὲν ἐν ἀφθόνοις εἶναι, ἐκείνῳ δὲ ἔπαινοι καὶ τιμαὶ παρὰ τῶν βελτίστων. См. *Hermann* (Lehrbuch d. griech. Staatsalterthümer, (1884), p. 705, прим. 11. *J. Burckhardt* (Die Zeit Constantin's des Grossen, Leipz. 1880) даже не упоминаетъ объ этой стратегіи Константина въ Аѳинахъ. *Фридлендеръ* (Sittengeschichte Roms III[6], p. 249), говоря о 360 статуяхъ Димитрія Фалерейскаго въ Аѳинахъ, прибавляетъ (прим. 6): Noch Constantin στρατηγὸς ἐκείνων (der Athener) ἠξίου καλεῖσθαι καὶ и пр. (см. выше). Очевидно, *Фридлендеръ* εἰκόνος понимаетъ въ прямомъ смыслѣ, т. е. какъ изображеніе Константина-стратега. О статуѣ Адріана-архонта въ Аѳинахъ см. Добавленія, къ стр. 76, прим. 2.

Какъ извѣстно, Константинъ свои молодые годы провелъ на Востокѣ, у Діоклеціана (въ Никомедіи). Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что онъ уже въ то время имѣлъ случай посѣтить Аѳины. Впослѣдствіи же, уже будучи императоромъ и приготовляясь къ послѣдней, рѣшительной борьбѣ съ Лициніемъ (въ 323 г. по Р. Хр.)[1]), онъ безъ сомнѣнія, бывалъ въ Аѳинахъ. Выводить это можно, между прочимъ, изъ того, что сборнымъ пунктомъ своего флота онъ назначилъ тогда Пирей[2]). Но спрашивается, какъ объяснить то необыкновенное вниманіе Константина къ Аѳинамъ, о которомъ говоритъ въ приведенномъ мѣстѣ императоръ Юліанъ. *Герцбергъ* усматриваетъ въ этихъ покровительственныхъ отношеніяхъ Константина къ аѳинянамъ и къ грекамъ вообще не столько его искренныя симпатіи къ этому народу, сколько ловко маскированное преслѣдованіе политическихъ цѣлей[3]). По нашему мнѣнію, исключительное расположеніе Константина къ Аѳинамъ, къ

---

1) *Pauly-Wissowa*, Real-Encyclop., s. v. Constantinus, p. 1020. Къ этому именно времени, т. е. къ 323 г. по Р. Хр., относитъ стратегію Константина въ Аѳинахъ *Goyau* (Chronologie de l'empire romain, p. 406).

2) *Hertzberg*, Gesch. Griechenlands III, p. 225.

3) *Hertzberg*, l. c. III, p. 222: es entsprach seiner (sc. Constantin's) Politik vollkommen, dass er mit derselben Geschicklichkeit sich die Sympathien der Anhänger der Antike, wie die der Christen in Griechenland zu sichern wusste... und so zeigte er auch gegen das lebende Geschlecht der Athener eine Haltung, wie sie die wohlwollenden Griechenfreunde auf dem römischen Throne so oft und so gern bewährt hatten; was gar nicht die Annahme ausschliesst, dass politische Hintergedanken auch hier bei Constantin sehr wesentlich mitgewirkt haben; *ibib.*, p. 223 (прим. 9): Dabei kommt namentlich die Bedeutung in Betracht, welche Griechenland jetzt, gewissermassen Grenzland gegen das Reich des Licinius, für Constantin damals auch nach der militärischen Seite hatte. Je thörichter Licinius durch seinen Wechsel in der Kirchenpolitik sich die Gemüther der Christen entfremdete, um so klüger operirte Constantin, der selbst die grosse nicht-christliche Mehrheit der Griechen für sich zu gewinnen und das Aufkommen Licinianischer Sympathien in Hellas zu verhindern wusste.

которымъ онъ—выражаясь словами императора Юліана—ἔργοις καὶ λόγοις τιμῶν τὸν πάντα χρόνον διετέλει, объясняется въ значительной степени его. явною симпатіею и влеченіемъ къ Востоку вообще[1]). Кромѣ того, на отношенія Константина къ Аѳинамъ, несомнѣнно, повліялъ и примѣръ предшествовавшихъ императоровъ (напр., Адріана и Галліена), а также и его желаніе считаться покровителемъ образованности, литературы и искусства[2]).

Что Константинъ былъ стратегомъ города Аѳинъ, а не архонтомъ, объясняется, вѣроятно, его политическимъ разсчетомъ — отношеніемъ его къ религіозному вопросу. Какъ извѣстно, эпонимное архонтство въ Аѳинахъ продолжало существовать и при Константинѣ[3]); однако Константинъ принялъ стратегію, такъ какъ для него, надо полагать, эпонимное архонтство, какъ должность, связанная съ языческими религіозными функціями[4]), было не совсѣмъ удобно въ виду извѣстныхъ отношеній его къ христіанству. Стратегія же не ставила его въ такое затруднительное положеніе, а давала ему поводъ благодѣтельствовать аѳинянамъ, заботясь объ ихъ

---

[1]) По поводу перенесенія Константиномъ столицы изъ Рима въ Константинополь замѣчаетъ *Benjamin* (Pauly-Wissowa, s. v. Constantinus, p. 1021): Dass wirklich ein Act der Feindschaft gegen Rom darin gelegen habe (Zosim. II, 29—30; Eutrop. X, 8, 1), ist nicht unmöglich; es müsste die Abneigung der Christen gegen die Hochburg des Heidentums gewesen sein. Срв. выше, стр. 76, прим. 1 (слова *Kornemann*'a).

[2]) Желаніемъ Константина считаться покровителемъ образованности и науки объясняется, между прочимъ, учрежденіе имъ въ Константинополѣ университета. Можетъ-быть, въ связи съ этимъ было и его особое почитаніе Аполлона (XII paneg. latini, VII, 21 (ed. Baehrens): uidisti enim, credo, Constantine, Apollinem tuum comitante Victoria coronas tibi laureas offerentem).

[3]) Послѣднее свидѣтельство объ архонтствѣ въ Аѳинахъ относится къ 485 г. по Р. Хр. (Pauly-Wissowa I, p. 598).

[4]) О религіозныхъ функціяхъ эпонимнаго архонта въ Аѳинахъ см. *Gilbert*, Handbuch d. griech. Staatsalterthümer², p. 280.

матеріальномъ обезпеченіи[1]). Въ благодарность за эту стратегію Константинъ, какъ видно изъ приведенныхъ словъ императора Юліана[2]), давалъ аѳинянамъ ежегодно субсидію хлѣбомъ.

Мы старались въ предъидущемъ прежде всего собрать по возможности всѣ древнія свидѣтельства по занимавшему насъ вопросу или вопросамъ и надѣемся, что собрали ихъ всѣ или почти всѣ. Этихъ свидѣтельствъ, оказывается, довольно значительное количество. Но не подлежитъ сомнѣнію, что много относящихся сюда свидѣтельствъ до насъ не дошло: онѣ могли быть въ пропавшихъ для насъ произведеніяхъ древнихъ авторовъ и въ надписяхъ. Чтобы дошли до насъ отъ древности всѣ свидѣтельства по данному вопросу, это невѣроятно, конечно, уже a priori. Кромѣ того, весьма странно, что нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ объ императорскихъ городскихъ магистратурахъ нѣкоторыхъ императоровъ (напр., Марка Аврелія и Септимія Севера); равнымъ образомъ страннымъ кажется отсутствіе какихъ-либо извѣстій о городскихъ магистратурахъ императоровъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, тогда какъ эти императоры правили довольно продолжительное время и много заботились о городахъ, и провинціи эти отчасти принадлежали къ числу наиболѣе выдающихся

---

[1]) Къ обязанностямъ аѳинскаго стратега времени имперіи *Liebenam*, (Städteverwaltung, p. 287) относитъ: Berufung von Rat und Volksversammlung, Referat über jedweden Antrag, Ausführung der gefassten Beschlüsse, Beaufsichtigung des Unterrichtswesens, Ordnung des Lebensmitteltransports, der Getreideversorgung, des Marktwesens. Срв. *E. Kuhn*, D. städtische und bürgerliche Verfassung d. röm. Reichs II, p. 64.

[2]) См. стр. 101, прим. 1.

и богатыхъ, съ весьма развитою городскою общественною жизнью. Отсутствіе свидѣтельствъ о такихъ императорахъ и изъ такихъ провинцій объясняется, намъ кажется, простою случайностью и можно надѣяться, что будущія находки, особенно эпиграфическія, хоть нѣсколько восполнятъ этотъ пробѣлъ.

Обычай, въ силу котораго римскіе императоры и нѣкоторые члены императорскаго дома принимали почетныя должности въ городахъ, существовалъ только въ первый періодъ римской имперіи: послѣ Константина Великаго мы никакихъ свидѣтельствъ о немъ не имѣемъ. Слѣдовательно этотъ обычай характеристиченъ для императорской власти и политики императоровъ этого періода. Въ слѣдующемъ періодѣ императорская власть все болѣе и болѣе удаляется отъ народа и соотвѣтственно этому измѣняются отношенія и способъ общенія между ними. Съ другой стороны, городская общественная жизнь и, въ частности, городское самоуправленіе постепенно приходятъ въ упадокъ и наконецъ совсѣмъ замираютъ. Такъ какъ предложеніе почетныхъ должностей непремѣнно предполагаетъ извѣстную степень самоуправленія въ данномъ городѣ, то вполнѣ понятно, что этотъ обычай, перешедшій къ имперіи отъ libertas, и вымеръ одновременно съ libertas,—съ исчезновеніемъ vestigia libertatis въ императорскомъ режимѣ и въ жизни городовъ.

Что касается практическаго значенія этого обычая, то судить о немъ можно, конечно, разно. Этимъ орудіемъ политики для сближенія съ народомъ и снисканія популярности одни императоры могли пользоваться чаще, другіе рѣже, одни пользовались имъ болѣе умѣло и цѣлесообразно, другіе менѣе. Поводы для отдѣльныхъ случаевъ принятія почетныхъ городскихъ магистратуръ императорами мы старались уяснить выше. Такимъ поводомъ, какъ мы видѣли, нерѣдко могли служить и соображенія политическаго характера[1]).

---

[1]) Замѣчательно, что въ моменты политическихъ кризисовъ болѣе или менѣе видную роль играли именно города, а не провинціальные

Само собою разумѣется, что города считали за великую честь имѣть у себя въ качествѣ городского магистрата императора или члена его семьи. Полагаемъ, что города, удостоивавшіеся такой чести, пользовались не только большей, въ сравненіи съ другими городами, близостью къ императору, но и нѣкоторыми формальными привилегіями,—главнымъ образомъ, что касается сношеній ихъ съ императоромъ.

Отъ уплаты summae honorariae, считавшейся во многихъ городахъ обязательной для городскихъ властей[1]), императоръ, сколько можно заключать ex silentio нашихъ источниковъ, освобождался. Но, разумѣется, императоръ давалъ городу— такъ или иначе—гораздо болѣе, чѣмъ всѣ другія власти города. Примѣры этой щедрости императоровъ по отношенію къ чествовавшимъ ихъ городамъ указаны нами выше.

Что городъ, въ которомъ занималъ почетную должность императоръ, съ своей стороны усерднѣе другихъ долженъ былъ выполнять по отношенію къ императору разнаго рода officia (напр., праздновать его dies sollemnes, приносить поздравленія—иногда черезъ особую депутацію—по случаю его dies imperii, консульства, quinquennalia и пр., устраивать торжественную встрѣчу при его проѣздѣ и т. п.), понятно само собою.

сеймы. Этимъ, вѣроятно, объясняется, между прочимъ, отсутствіе какихъ-либо свидѣтельствъ о занятіи императорами почетныхъ должностей въ провинціальныхъ сеймахъ. Намъ извѣстно только, что Адріанъ занималъ должность претора въ сакральной федераціи городовъ Этруріи (см. выше, стр 68).

[1]) Любопытныя данныя относительно summa honoraria городскихъ властей приводитъ *Liebenam*, Städteverwaltung, p. 54—65.

ДОБАВЛЕНІЯ.

Къ стр. 27, прим. 1. Здѣсь пропущена ссылка на *Head*, Historia numorum, p. 339. Со времени Домиціана Коринѳъ называется на монетахъ COL. IVL. FLAV. AUG. COR. или COL. IVL. COR. или C(olonia) L(aus) I(ulia) COR(inthus).

Къ стр. 27, прим. 2. О культѣ gentis Iuliae въ Коринѳѣ свидѣтельствуютъ монеты этого города съ надписью GENT. IVLI (см. *Head*, l. c., p. 340).

Къ стр. 31, прим. 3. Въ городѣ Baeterrae былъ храмъ Romae et Augusti (C. I. L. XII, 4233).

Къ стр. 38, прим. 1. Объ отношеніяхъ Августа и Тиберія къ городу Пренестѣ см. подробнѣе у *E. Fernique*, Étude sur Préneste (1880), p. 69 сл.

Къ стр. 41. О роли Марка Антонія и Августа въ основаніи колоніи Бононіи см. *Ruggiero*, Dizion. epigr. I, p. 1016.

Къ стр. 45. Маркъ Агриппа, по свидѣтельству Плинія Старшаго (N. H. 35, 26), у кизикинцевъ купилъ Aiacis et Veneris tabulas.

Къ стр. 51. По свидѣтельству Dig. L 15, 8 императоръ Веспасіанъ далъ права римской колоніи сирійскому городу Caesarea; срв. Plin., N. H. 5, 69 и *Eckhel* III, 430 *(col. prima Flavia Aug Caesarea)*. Въ 103-й новеллѣ Юстиніана говорится, что Веспасіанъ ipsorum Caesarum appellatione eam (т. е. городъ Цезарею) nominavit, cum antea Stratonis turris vocaretur; hoc illi honore impenso, eo quod in ea post Judaicas victorias inter Imperatores adscriptus esset. Это послѣднее свидѣтельство о мотивѣ для насъ весьма интересно. Возможно, что Веспасіанъ занималъ почетную магистратуру не только въ Беритѣ, но и въ Цезареѣ.

Къ стр. 53. Пропущено интересное сообщеніе Діона Кассія (LV, 10) о Неаполѣ, касающееся Августа: αὐτῷ δὲ δὴ τῷ Αὐγούστῳ ἀγών τε ἱερὸς ἐν Νέᾳ πόλει τῇ Καμπανίδι, λόγῳ μὲν ὅτι κακωθεῖσαν αὐτὴν καὶ ὑπὸ σεισμοῦ καὶ ὑπὸ πυρὸς ἀνέλαβεν, τὸ δ' ἀληθὲς ἐπειδὴ τὰ τῶν Ἑλλήνων μόνοι τῶν προσχώρων τρόπον τινὰ ἐζήλουν, ἐψηφίσθη.

Къ стр. 54, прим. 1. Вмѣсто Καλῶς τελωνήσαντι (Suet., Vesp. 1, ed. Roth) слѣдуетъ, конечно, читать: καλῶς τελωνήσαντι.

Къ стр. 57. По словамъ Діона Кассія (XLVII, 20), аѳиняне воздвигли Бруту и Кассію (убійцамъ Юлія Цезаря) εἰκόνας χαλκᾶς παρά τε τὴν τοῦ Ἁρμοδίου καὶ παρὰ τὴν τοῦ Ἀριστογείτονος. Понятно, что и это обстоятельство въ извѣстной мѣрѣ повліяло на указанныя нами отношенія Августа къ аѳинянамъ.

Къ стр. 60, прим. 2. Въ приведенной цитатѣ изъ рѣчи Элія Аристида (or. XIII, § 196) нами пропущено, по недосмотру, слово αἰδέσιμον; читать слѣдуетъ: καὶ γάρ τοι πᾶσι μὲν ἀνθρώποις οὕτως αἰδέσιμον τοὔνομα καὶ τοὔδαφος τῆς πόλεως и проч.

Къ стр. 73. Городъ Утика при Адріанѣ сталъ называться Col(onia) Iul(ia) Ael(ia) Hadr(iana) Aug(usta) Utik(a); см. C. I. L. VIII, 1181.

Къ стр. 76, прим. 2. Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь in extenso мѣсто изъ *Фридлендера* (Sittengeschichte Roms III[6], p. 248 - 249), въ которомъ, между прочимъ, упоминается о статуѣ императора Адріана, какъ архонта города Аѳинъ: Von sämmtlichen Kaisern ist vielleicht Hadrian derjenige gewesen, der in allen Provinzen durch die zahlreichsten Denkmäler geehrt wurde, gewiss aber nirgend durch so viele, als in dem von ihm mit Wohlthaten am reichsten bedachten Griechenland. Mehrere von einzelnen Gemeinden, ganzen Cantonen, grössern Volksverbänden errichtete Statuen Hadrians lassen sich dort an verschiedenen Orten nachweisen, wie zu Delphi, Olympia, Theben, Syros, Koronea und auf Samothrake: bei weitem die meisten aber in Athen, das ihm am meisten verdankte, und wo auch die umfassendsten Nachforschungen stattgefunden haben. In

jedem der dreizehn keilförmigen Abschnitte des kürzlich blossgelegten Dionysostheaters hat eine Statue Hadrians gestanden, welche bis auf eine (die grosse, schon früher vom Rath und Volke errichtete des Kaisers als Archonten) von den zwölf Phylen (Stämmen) Atticas nach der von ihm veranstalteten prachtvollen Feier der Dionysien im Frühjahr 126 dargebracht waren. Zwei andere erwähnt Pausanias (см. I, 18, 6) im Kerameikos und auf der Akropolis im Parthenon. Ein ganzer Wald von Statuen Hadrians aber befand sich in und bei dem von ihm ausgebauten (129 eingeweihten) Tempel des olympischen Zeus.

Къ стр. 93. Извѣстно, что Антонинъ Элагабалъ выдавалъ себя за сына Антонина Каракаллы, который далъ городу Аназарбу титулъ и права μητρόπολις; автономію этотъ городъ получилъ отъ императора Коммода (тоже Антонина), см. Dizion. epigr. I, p. 466. Чѣмъ вызвано было такое вниманіе названныхъ Антониновъ къ городу Аназарбу? Въ біографіи поэта Оппіана, обращающагося въ своихъ Ἀλιευτικά къ какому-то Антонину и его сыну (Антонину Пію? Марку Аврелію?), говорится, что поэтъ происходилъ изъ города Аназарба; въ нѣкоторыхъ рукописяхъ прибавлено „или изъ Корика“. Если-бы Оппіанъ дѣйствительно былъ родомъ изъ Аназарба, то въ этомъ мы имѣли-бы, хоть отчасти, отвѣтъ на поставленный нами вопросъ.

Index Imperatorum et Caesarum.

ОПЕЧАТКИ.

						Напечатано.	Слѣдуетъ.
Стр.	16	строка	3	сн.	(прим. 1)	аналогіи,	аналагія
„	21	„	12	св.		Hallbband	Halbband
„	23	„	11	сн.	(въ прим.)	установленія	усыновленія
„	31	„	21	сн.	(прим. 2)	Imp., Rom.	Imp. Rom.
„	55	„	10	сн.	(прим. 2)	*L. Gsell*	*S. Gsell*
„	56	„	4	св.		къ грекамъ	къ грекамъ[1])
„	70	„	12	сн.	(прим. 1)	(см. выше, прим. 5d)	(см. стр. 69, прим. 3d)

Ив. Турцевичъ.

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ И ЗАМѢТКИ.

НѢЖИНЪ
Типо-лит. насл. В. К. Меленевскаго.
1906.

Печатано по постановленію Конференціи Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко. Директоръ Института *Ф. Гельбке.*

Gregorio Saenger

viro doctissimo

atque humanissimo

d. d. d.

auctor.

Филологическіе этюды и замѣтки.

I.

О нѣкоторыхъ значеніяхъ слова transmarinus.

Слово transmarinus и соотвѣтствующія ему обозначенія встрѣчаются въ древнихъ текстахъ разнаго рода въ нѣкоторыхъ особыхъ значеніяхъ, которыя безъ надлежащаго поясненія трудно, а то и совсѣмъ невозможно угадать; между тѣмъ комментаріи къ авторамъ даютъ для уразумѣнія такихъ мѣстъ или очень мало или ничего, словари же, сколько я знаю, не даютъ ровно ничего. Въ виду этого мы считаемъ не лишнимъ обстоятельно разсмотрѣть и выяснить эти значенія этого слова и замѣняющихъ его выраженій.

1. Флоръ Epit. II, 19 и III, 12 говоритъ о заморскомъ періодѣ Римской исторіи (aetas populi Romani transmarina), начавшемся съ первой Пунической войны. Конечно, эта война представляетъ важный поворотный пунктъ въ исторіи Рима, но въ этомъ стремленіи Римлянъ „за море" переходъ ихъ армій впослѣдствіи черезъ Іоническое (или Адріатическое) море составилъ въ свою очередь новый весьма важный шагъ впередъ, отмѣченный, конечно, какъ таковой, уже древними[1]); можно даже думать, что и этотъ шагъ они считали и назы-

[1]) Полибій начинаетъ вводную часть своей Исторіи, какъ извѣстно, съ πρώτη διάβασις ἐξ Ἰταλίας Ῥωμαίων и краткой исторіи первой Пуни-

вали--можетъ быть, даже чаще—началомъ заморскаго періода исторіи Рима; до этого времени вѣдь Римляне въ извѣстномъ смыслѣ еще не переходили черезъ море. Нерѣдко у Римскихъ писателей, а иногда и у Греческихъ, писавшихъ въ Римѣ и знакомыхъ съ Латинскимъ языкомъ, Іоническое (или Адріатическое) море[1]) называется просто моремъ, а заморскими странами, областями и пр. являются тѣ, кои находятся за названнымъ моремъ, къ востоку отъ него; заморскою сферою по преимуществу былъ для Рима Востокъ въ обширномъ смыслѣ слова.

Въ ниже слѣдующемъ мы указываемъ или приводимъ примѣры такого употребленія словъ mare и transmarinus—гдѣ нужно, съ поясненіями.

Цицеронъ De orat., III, 33, 135 говоритъ: Quid enim Catoni praeter hanc politissimam doctrinam transmarinam atque adventiciam defuit? и De re publ., II, 15, 19: Ac tamen facile patior

ческой войны. О движеніи Римлянъ на Востокъ онъ говоритъ (I, 3, 6): τότε (послѣ второй Пунической войны) πρῶτον ἐθάρσησαν ἐπὶ τὰ λοιπὰ τὰς χεῖρας ἐκτείνειν καὶ περαιοῦσθαι μετὰ δυνάμεων ἔς τε τὴν Ἑλλάδα καὶ τοὺς κατὰ τὴν Ἀσίαν τόπους. XVII, 35 Полибій говоритъ о неподкупности Римлянъ въ періодъ до заморскихъ войнъ (πρότερον ἢ τοῖς διαποντίοις αὐτοὺς ἐγχειρῆσαι πολέμοις). Кажется, подъ заморскими войнами онъ разумѣетъ здѣсь войны Римлянъ въ Македоніи, Греціи и Азіи; вѣдь еще время второй Пунической войны онъ считалъ блестящимъ періодомъ для Римскаго гражданства и государства, а распространеніе среди Римлянъ роскоши относилъ ко времени послѣ завоеванія Македоніи. Срв. примѣчаніе къ этому мѣсту проф. Мищенко. Діонисій Галикарн. Antiqu. I, 90 говоритъ о Римлянахъ: ἀφ' οὗ πρῶτοι ὠρέχθησαν τῆς διαποντίου τὴν Καρχηδονίων καὶ Μακεδόνων ἀρχὴν καταλύσαντες... и VII, 71: ὅτε οὔπω τὴν τῆς Ἑλλάδος εἶχον ἡγεμονίαν οὐδ' ἄλλην διαπόντιον οὐδεμίαν ἀρχήν. Срв. Флоръ, II, 7: Primo igitur Laevino consule populus Romanus Ionium mare ingressus..., Мемнонъ Fragm. XXVII: καὶ ὡς πέραν τοῦ Ἰονίου Ῥωμαῖοι διέβησαν..., Зозимъ, Hist. nova, I, 1: Ἐπεὶ δὲ τοῦ πλείονος ἐφιέμενοι τὸν Ἰόνιον ἐπεραιώθησαν κόλπον.

[1]) Объ Адріатическомъ (или Іоническомъ) морѣ у древнихъ см. Nissen, Italische Landeskunde I, стр. 90 и сл.

non esse nos transmarinis nec importatis artibus eruditos, sed genuinis domesticisque virtutibus. Всякій читатель легко пойметъ, что transmarinus здѣсь указываетъ только на Востокъ. У того-же автора Or. de lege agr., II, 29, 81 читаемъ: Quid vos Asiae portus, quid scripturae, quid omnia transmarina vectigalia iuvabunt tenuissima suspicione praedonum aut hostium iniecta? Цумптъ въ своемъ изданіи рѣчей Циц. de lege agraria, въ примѣчаніи къ этому мѣсту, говоритъ: Addere debuit (именно Gebhardt), cum transmarina vectigalia ex consuetudine Romanorum sint ea, quae ultra mare Ionium sint nec Graecia unquam propter vectigalium ubertatem celebretur, unam potuisse nominari provinciam Asiam и пр. Въ такомъ-же точно смыслѣ, т. е. о Востокѣ, употребляется и trans mare, напр. Epist. ad Att. X, 8 A (письмо Антонія): *Te iturum* trans mare credere non possum..., ibidem, VIII, 12, 3: Nec vero haec extrema quisquam potest iure reprehendere, quod mare non transierim и X, 8, 5.

У Цезаря, Bell. Gallic. VI, 24 читаемъ: Gallis autem provinciarum propinquitas et transmarinarum rerum notitia multa ad copiam atque usus largitur.... Чтó это за transmarinae res, ни одинъ, кажется, комментаторъ Цезаря не счелъ нужнымъ пояснить. Выраженіе съ перваго взгляда можетъ показаться не требующимъ никакого поясненія, на самомъ же дѣлѣ оно требуетъ поясненія и не легко его дать.

Ливій XXXIX, 46 и XL, 2 говоритъ о legationes transmarinae въ Римѣ, XXVI, 24 о gentes transmarinae и XXVI, 37 o res transmarinae—съ точки зрѣнія Рима. Для каждаго ясно, что Ливій разумѣетъ въ этихъ мѣстахъ посольства и дѣла государствъ Греціи и Азіи[1]) и что не только Сицилія, но даже Испанія и Карѳагенъ не считались у Римлянъ „заморскими“,

[1]) У Вейсенборна, въ примѣч. къ XXXIX, 46 сказано не совсѣмъ правильно: Gesandschaften aus Griechenland und Macedonien: были вѣдь тогда въ Римѣ послы и отъ Пергамскаго царя.

хотя Испанія была для нихъ собственно въ такой-же мѣрѣ заморскою, какъ и Греція.

Странно, что Вейсенборнъ въ своемъ комментаріѣ въ разъясненіе указаннаго значенія слова transmarinus не указываетъ ни на одно параллельное мѣсто какого-либо древняго автора, не указываетъ даже на слѣдующія мѣста въ періохахъ не дошедшихъ до насъ книгъ Исторіи Ливія: 1) Periocha l. CXX (Weissenb.): M. Brutus adversus Thracas parumper prospere rem gessit, omnibusque transmarinis provinciis exercitibusque in potestatem eius et C. Cassii redactis coierunt Smyrnae uterque ad ordinanda belli futuri consilia. 2) Periocha l. CXXV: Caesar relicto trans mare Antonio—provinciae ea parte imperii positae ei cesserant—reversus in Italiam veteranis agros divisit. Обсеквентъ Prodig. liber 44 (104) сообщаетъ слѣдующее: Servus Q. Servilii Caepionis Matri Idaeae se praecidit et trans mare exportatus, ne umquam Romam reverteretur. Надо полагать, этотъ рабъ былъ вывезенъ на Востокъ.

Діодоръ Сицилійскій Bibl. hist. XXXVI, 3 сообщаетъ слѣдующее: Κατὰ τὴν ἐπὶ τοὺς Κίμβρους τοῦ Μαρίου στρατείαν ἔδωκεν ἡ σύγκλητος ἐξουσίαν τῷ Μαρίῳ ἐκ τῶν πέραν θαλάσσης ἐθνῶν μεταπέμπεσθαι συμμαχίαν. ὁ μὲν οὖν Μάριος ἐξέπεμψε πρὸς Νικομήδην τὸν τῆς Βιθυνίας βασιλέα περὶ βοηθείας. Этимъ τὰ πέραν θαλάσσης ἔθνη соотвѣтствуютъ gentes transmarinae въ указанномъ мѣстѣ Ливія.

Въ Calendarium Amiterninum (Марквардтъ, Roem. Staatsverw., III, стр. 584) подъ 12 окт. читаемъ: Fer(iae) ex s(enatus) c(onsulto) q(uod) e(o) d(ie) imperator Caes(ar) Aug(ustus) ex transmarin(is) provinciis urbem intravit[1]). Изъ Діона-Кассія видимъ, что передъ этимъ возвращеніемъ Августъ былъ въ Греціи, М. Азіи и Сиріи; въ Египтѣ онъ въ этотъ разъ не былъ, а въ Африкѣ не былъ ни разу за всю свою жизнь.

[1]) Августъ въ Mon. Ancyr., V, 27 употребляетъ обозначеніе: Provincias omnis, quae trans Hadrianum mare vergun[t a]d Orien[te]m..., а въ Греч. переводѣ стоитъ: Ἐπαρχείας ἁπάσας, ὅσαι πέραν τοῦ Εἰονίου κόλπου διατείνουσι πρὸς ἀνατολάς.

Горацій Sat. I, 10, 31 говоритъ:

Atque ego cum Graecos facerem natus mare citra
Versiculos.......

Л. Мюллеръ къ mare сдѣлалъ поясненіе: nämlich superum oder adriaticum, ничѣмъ не подтвердивъ такое толкованіе. Горацій, конечно, хотѣлъ сказать, что онъ родился не въ Греціи. Въ поясненіе къ этимъ стихамъ Горація слѣдовало бы привести, напр., слѣдующее мѣсто Витрувія, De archit. II, 6, 25: quo mons Appenninus regiones Italiae Etruriaeque circa cingit, prope omnibus locis non desunt fossicia harenaria, trans Apenninum vero quae pars est ad Hadriaticum mare, nulla inveniuntur, item Achaia, Asia, omnino trans mare.

Крайне удивительно, что ни у Вейсенборна, ни въ комментаріяхъ къ Тациту нѣтъ даже указанія на мѣста у Веллея-Патеркула, въ которыхъ встрѣчаются transmarinae provinciae т. п. Вотъ эти мѣста: 1) II, 24, 3 (Halm): Tum Sulla compositis transmarinis rebus..... revectus in Italiam, haud plura quam XXX armatorum milia adversus CC amplius hostium exposuit Brundisii. 2) II, 51, 1: Proximo anno, cum Dyrrachium ac vicina ei urbi regio castris Pompeii obtineretur, qui accitis ex omnibus transmarinis provinciis legionibus, equitum ac peditum auxiliis, regumque tetrarcharum, simulque dynastarum copiis, immanem exercitum confecerat, et mare praesidiis classium, ut rebatur, sepserat, quo minus Caesar legiones posset transmittere. 3) II, 60, 5: idem provinciam D. Bruto designato consuli decretam Galliam occupare statuit, Dolabella transmarinas decrevit sibi. 4) II, 61, 2: Mox cum Antonius occurrisset exercitui, quem ex transmarinis provinciis Brundisium venire iusserat, legio Martia et Quarta, cognita et senatus voluntate et tanti iuvenis indole sublatis signis ad Caesarem se contulerunt. 5) II, 62, 2: Bruto Cassioque provinciae, quas iam ipsi sine ullo senatusconsulto occupaverant, decretae. Laudati quicunque his se exercitus tradidissent: omnia transmarina imperia eorum commissa arbitrio, Quippe M. Brutus et C. Cassius..... profecti urbe atque Italia, intento ac pari animo, sine auctoritate publica, provincias exer-

citusque occupaverant et.... pecunias etiam, quae ex transmarinis provinciis Romam ab quaestoribus deportabantur, a volentibus acceperant. 6) II, 73, 2: quem senatus, paene totus adhuc e Pompeianis constans partibus, post Antonii a Mutina fugam, eodem illo tempore, quo Bruto Cassioque transmarinas provincias decreverat, revocatum ex Hispania.... in paterna bona restituerat et orae maritimae praefecerat. Is tum.... occupata Sicilia и пр. 7) II, 74, 1: Fractis Brutianis Cassianisque partibus Antonius transmarinas obiturus provincias substitit. 8) II, 78, 1: Redierat Pompeius in Siciliam, Antonius in transmarinas provincias. 9) II, 99, 4: illud etiam in transcursu dicendum est ita septem annos Rhodi moratum, ut omnes qui pro consulibus legatique in transmarinas sunt profecti provincias, visendi eius gratia *Rhodum deverterint*... 10) II, 129, 3: quanto cum honore Germanicum suum in transmarinas misit provincias! Въ послѣднихъ двухъ мѣстахъ говорится о Тиберіѣ. Веллей могъ въ нихъ не имѣть въ виду Египта—по особымъ причинамъ; Тиберій, какъ извѣстно, упрекалъ Германика за посѣщеніе этой провинціи; однако несомнѣнно она относилась къ числу provinciae transmarinae.

У Аппіана, Bell. civ., IV, 9 читаемъ: τῶν δὲ μεγίστων ἡμῖν ἡνυσμένων καὶ ὑπὸ χερσὶν ὄντων Ἰβερίας τε καὶ Κελτικῆς καὶ τῶνδε τῶν οἴκοι, ἓν ἐστι λοιπὸν ἔργον, στρατεύειν ἐπὶ τοὺς πέραν θαλάσσης αὐτόχειρας Γαΐου. Срв. Mithrid., 97: στρατιᾶς τε πάσης, ὅση πέραν ἐστὶ τῆς Ἰταλίας, ἄρχειν ἔδωκαν. Латинскимъ transmarinus и trans mare въ указаннымъ узкомъ значеніи у Аппіана обыкновенно соотвѣтствуютъ обозначенія: τὰ πέραν τοῦ Ἰονίου, ἀπὸ τῆς Ἰονίας θαλάσσης ἐπὶ τὴν ἕω или μέχρι Συρίας и т. п.

У Светонія, Vitell., 15 (Roth) читаемъ: Octavo imperii mense desciverunt ab eo exercitus Moesiarum atque Pannoniae, item ex transmarinis Iudaicus et Syriaticus. Самъ Светоній въ другомъ мѣстѣ, Vespas. 6, сообщаетъ, что первыми присягнули Веспасіану легіоны въ Александріи; то-же сообщаетъ и Тацитъ Hist. II, 79. Конечно, Светоній не могъ пропустить этотъ фактъ и въ указанномъ мѣстѣ біографіи Вителлія. Мы полагаемъ, что въ этомъ мѣстѣ послѣ transmarinis стояло первоначально Ale-

xandrinus и удивляемся, какъ издатели не обратили вниманія на это мѣсто. Светоній, какъ и другіе авторы, неразъ употребляетъ Alexandrinus вмѣсто Aegyptius; а что Alexandrinus пропущено переписчикомъ послѣ transmarinis, весьма понятно.

Въ біографіи Калигулы, гл. 51, Светоній сообщаетъ, что этотъ императоръ, узнавъ о возстаніи въ Германіи, думалъ бѣжать изъ Италіи, въ случаѣ занятія ея побѣдителями, и надѣялся на заморскія провинціи (uno solacio adquiescens transmarinas certe sibi superfuturas provincias). Калигула думалъ, несомнѣнно, прежде всего о Египтѣ[1]), а затѣмъ вообще о Востокѣ, но не о Западѣ, едва-ли объ Африкѣ.

Юлій-Цезарь, по свидѣтельству Светонія (Div. Iulius, 42) вывелъ 80000 Римскихъ гражданъ въ „заморскія“ провинціи. Едва-ли это сообщеніе Светонія вполнѣ вѣрно. Онъ имѣлъ виду въ этомъ мѣстѣ водвореніе въ колоніяхъ внѣ Италіи Римскихъ гражданъ изъ Рима и Италіи. Въ колоніяхъ на Западѣ Цезаремъ поселено было много солдатъ, происходившихъ изъ западныхъ-же провинцій. О колоніи Карѳагенѣ (въ Африкѣ) Аппіанъ (Pun., 136) сообщаетъ, что Цезарю за смертью не удалось заселить ее и что это сдѣлалъ уже Августъ.

Неразъ встрѣчается слово transmarinus у Плинія Старшаго въ томъ-же спеціальномъ значеніи, какъ и въ приведенныхъ мѣстахъ другихъ авторовъ. N. h., VIII, 214 (Iahn-Mayhoff) читаемъ: sed illa Alpes, haec transmarini situs mittunt[2]). Въ XIV

---

[1]) Срв. у Светонія, той-же біографіи гл. 49: proposuerat Antium, deinde Alexandream commigrare interempto utriusque ordinis electissimo quoque.

[2]) Рѣчь идетъ о нѣкоторыхъ видахъ дикихъ козъ. Подъ haec разумѣются oryges, dammae, pygargi и strepsicerotes, поименованные Пиніемъ, multaque alia haud dissimilia. Въ изданіи Nat. hist. Лемера transmarini situs этого мѣста пояснено такъ: transmarinae regiones h. e. Africa Libyaque. Выходило бы, что Плиній здѣсь почти не думалъ о Востокѣ, что страннымъ образомъ противорѣчило бы значенію слова transmarinus у него въ другихъ мѣстахъ. Libya относилась къ transmarina, но не Africa западнѣе. Изъ Плинія, N. h. X, 201 и Ювенала,

книгѣ Плиній употребляетъ нѣсколько разъ обозначеніе vina transmarina, при чемъ изъ его изложенія достаточно ясно, какія вина онъ называлъ—конечно, какъ и его современники—заморскими. Именно въ § 59 и слѣд. онъ говоритъ о винахъ Италіи, Сициліи, Галліи, Испаніи, а въ § 73 переходитъ къ vina transmarina (Nunc simili modo transmarina dicemus) и говоритъ о винахъ Архипелага и Малой Азіи, Сиріи, Египта и Греціи. Въ концѣ § 79 онъ прибавляетъ: omnia transmarina vina septem annis ad vetustatem mediam pervenire existimantur и ниже § 95: sic quoque postea diu transmarina in auctoritate fuerunt et ad avos usque nostros, quin et Falerno iam recepto—и послѣ этихъ словъ говоритъ все о vinum Graecum[1]). Значитъ, вина Испаніи, Галліи и Сициліи не назывались заморскими[2]). Vinum Africum, о которомъ Плиній говоритъ нѣсколько разъ, онъ не называетъ въ числѣ transmarina. N. h., XV, 16 читаемъ объ olivae: et in Aegypto carnosissimis olei exiguum, Decapoli vero Syriae perquam parvae,... carne tamen commendantur. quam ob causam Italicis transmarinae

Sat. XI, 140 едва-ли можно заключать, что oryx водился только въ Африкѣ; по Плинію онъ водился въ пустыняхъ, по Оппіану (Cyneg. II, 446)—въ лѣсахъ. Ювеналъ называетъ его Gaetulus, а рядомъ у него названъ pygargus безъ такого опредѣленія; strepsicerotes же, по словамъ Плинія, въ Африкѣ назывался addax; выходитъ, что pygargus и strepsiceros, животныя, какъ и oryx, съ Греческими названіями, водились тоже и внѣ Африки. Если Римъ получалъ названныхъ травоядныхъ животныхъ только изъ Африки, то странно, что обозначеніе Africanae (ferae), неразъ встрѣчающееся въ нашихъ источникахъ, обнимало исключительно хищныхъ животныхъ (см. Friedländer Sittengesch. Roms, II[6], стр. 538).

[1]) Срв. у Горація, Sat. II, 8, 47: Vino quinquenni, verum citra mare nato.

[2]) Марквардтъ Privatleben d. Roemer, стр. 437 къ заморскимъ винамъ у Римлянъ относитъ прежде всего вино о-ва Иссы (у береговъ Далмаціи). Едва-ли это вѣрно: островъ собственно находился еще не вполнѣ за моремъ и Далмація не считалась для Рима заморскою областью.

praeferuntur in cibo, cum oleo vincantur. Оливковое масло изъ Африки шло въ Римѣ болѣе для бань и т. п., чѣмъ для стола[1]). XVI, 121 находимъ lotus transmarina. XVIII, 261 говорится о cotes: Fuit hoc quoque maioris inpendii apud priores, Creticis tantum transmarinisque cotibus notis. Къ этому мѣсту поясненіе находимъ N. h. XXXVI, 164: multa earum (именно cotium) genera: Creticae diu maximam laudem habuere, secundam Laconicae e Taygeto monte... inter aquarias Naxiae laus maxima fuit, mox Armeniacae... ex oleo et aqua Cilicicae pollent, ex aqua Arsinoiticae. Далѣе говорится о cotes Италіи и провинцій Запада. XX, 165 читаемъ: De cappari satis diximus inter peregrinos frutices[2]). non utendum transmarino, innocentius est Italicum. XX, 197 говорится о sacopenium transmarinum. Три раза Плиній говоритъ о stellio transmarinus—XXX, 53, 55 и 188.

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ находимъ у Плинія обозначеніе trans maria, при чемъ имѣется въ виду и Греція, но, по видимому, главнымъ образомъ Азія. Вообще кажется, что Плиній употребляетъ это множественное число намѣренно, для нѣкоторой дифференцировки опредѣленія transmarinus[3]). Приводимъ здѣсь эти мѣста: 1) N. h. XI, 241: Et caprarum gregibus sua laus est, in recenti maxime augente gratiam fumo, qualis in ipsa urbe conficitur cunctis praeferendus[4]). nam Galliarum

---

[1]) N. h. XV, 17 Плиній говоритъ, что очень сладкія оливки встрѣчаются въ Африкѣ, но очень рѣдко. Стацій Silv. IV, 9, 11 говоритъ о ввозимыхъ въ Римъ Libycae olivae, но, кажется, какъ о товарѣ низкаго качества. Во время Плинія Африка производила оливокъ и вина очень мало и не высокаго качества. Объ Africae frugiferum solum онъ N. h., XV, 8 говоритъ: Cereri totum natura concessit; oleum et vinum non invidit tantum satisque gloriae in messibus fecit.

[2]) N. h., XIII, 127: cavenda eius (т. е. capparis) genera peregrina, siquidem Arabium pestilens, Africum gingivis inimicum, Marmaricum vulvis et omnibus inflationibus.

[3]) Срв. Сенека Epist. 89, 20: nisi trans Hadriam et Ionium Aegeumque vester vilicus regnat...

[4]) Рѣчь идетъ о caseus.

semper medicamenti vim optinent, trans maria vero Bithynus fere in gloria est. 2) XIII, 123: Ferula calidis nascitur locis atque trans maria, geniculatis nodata scapis. duo eius genera: narthecа Graeci vocunt adsurgentem in altitudinem, nartheciam vero semper humilem. 3) XIX, 58: pars eorum (acetariorum) ad condimenta pertinens fatetur domi versuram fieri solitam, atque non Indicum piper quaesitum quaeque trans maria petimus. 4) XIX, 163: vitia eius (говорится о cappari?) quod trans maria nascitur diximus inter peregrinos frutices. 5) XXI, 64: Seriores supra dictis aliquanto narcissus et lilium trans maria, in Italia quidem, ut diximus, post rosam. nam in Graecia tardius etiamnum anemone. 6) XXXIV, 2: fit et e lapide aeroso quem vocant cadmeam, celebri trans maria. 7) XXXV, 199: Alia creta argentea appellatur.... est et vilissima qua circum praeducere ad victoriae notam pedesque venalium trans maria advectorum denotare instituerunt maiores, talemque Publium Antiochum mimicae scaenae conditorem et astrologiae consobrinum eius Manilium Antiochum, item grammaticae Staberium Erotem eadem nave advectos videre maiores.

Изъ числа упоминаемыхъ у Плинія заморскихъ предметовъ нѣкоторые относились несомнѣнно къ категоріи merces transmarinae въ спеціальномъ смыслѣ (ср. наше „колоніальные товары“). Что это обозначеніе было установившимся терминомъ торговли при имперіи, видно изъ слѣдующей надписи (C. I. L. IX, 4780): A. Herennuleius Cestus negotiator vinarius a Septem Caesaribus, idem mercator omnis generis mercium transmarinarum....... lictor vivos sibi fecit et libertis libertabusque suis posterisque eorum. Изъ provinciae transmarinae привозили въ Италію и даже западныя провинціи между прочимъ и мраморъ.

Въ одной надписи I в. п. Р. Х. (Bruns, Fontes[6], 275), представляющей изъ себя завѣщаніе одного Галла, Римскаго гражданина, сдѣланное въ Галліи, говорится, что статуя его должна быть marmorea ex lapide quam optimo transmarino, изъ такого-же камня должны быть lectica и subsellia ad duo

latera, а ниже читаемъ: Araque ponatur ante id aedificium ex lapide Lunensi quam optimo—и еще ниже: Cludaturque id aedificium lapide Lunensi и пр. Не будь этого упоминанія о lapis Lunensis, можно было бы думать, что lapis transmarinus для этого Галла былъ и вообще заморскимъ мраморомъ въ Галліи называли именно lapis Lunensis (нынѣ Каррарскій мраморъ) изъ Италіи; но упоминаніе рядомъ lapis Lunensis исключаетъ возможность такого пониманія lapis transmarinus[1]). Уже давно Гюбнеръ въ Annali dell' Inst. d. corrisp. arch., XXXVI (1864), стр. 133 такъ объяснялъ lapis transmarinus въ этой надписи: Il lapis transmarinus poi, sarà certo, marmo greco, non già marmo africano o d'un altro genere d'oltremare; esso vien chiamato cosi per dintinguerlo dal marmo di Luna. Giacchè per i Romani „d'oltremare" suonava premieramente „di Grecia", e parlandosi di vino, di filosofia, di uomini che vengono d'oltremare, è da sottointendersi assolutamente la Grecia. Высшіе сорта мрамора давали Риму и Италіи Грецiя, о-ва Эгейскаго моря и М. Азія, отчасти Сирія и Египетъ; изъ послѣдняго доставлялся главнымъ образомъ гранитъ и порфиръ. Все это былъ матеріалъ „заморскій". Мраморъ изъ Нумидіи по извѣстному намъ словоупотребленію не былъ заморскимъ[2]).

Теперь намъ слѣдуетъ остановиться по-долѣе на нѣкоторыхъ мѣстахъ Тацита; толкованіе этихъ мѣстъ послужило ближайшимъ поводомъ къ составленію нашей настоящей статьи.

Annal. II, 43 читаемъ: Tum decreto patrum permissae Germanico provinciae quae mari dividuntur. Изъ предыдущихъ

---

[1]) Срв. у Светонія, Nero, 50: In eo monimento solium porphyretici marmoris, superstante Lunensi ara, circumseptum est lapide Thasio. Porphyreticum marmor и lapis Thasius соотвѣтствуютъ общему обозначенію надписи lapis transmarinus.

[2]) Сенека Epist., 114, 9: in ipsas domos inpenditur cura, ut in laxitatem ruris excurrant, ut parietes advectis trans maria marmoribus fulgeant. Срв. Epist. 115, 8: ingentium maculae columnarum, sive ex Aegyptiacis harenis sive ex Africae solitudinibus advectae.

словъ Тацита видно, что дѣло шло о Востокѣ, но, какія именно провинціи были назначены Германику, не пояснено, а знать это существенно важно. Новые комментаторы Тацита не даютъ удовлетворительнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Въ Ниппердеевскомъ комментаріѣ, даже въ послѣднемъ, 10-мъ, изданіи его, нѣтъ ни слова въ поясненіе къ этому мѣсту. У Орелли—provinciae quae mari dividuntur это—вся Азія и Египетъ, на счетъ Африки—сомнѣніе. Жакобъ безъ колебанія присоединяетъ къ нимъ и Африку. Штаръ Tiberius, стр. 101 (2 изд.) говоритъ: Der Senat übertrug dem Germanicus ein ausserordentliches Kommando mit ausgedehnter Vollmacht über die römischen Provinzen des Orientes jenseits des Hellesponts. Пфицнеръ въ своемъ комментаріѣ къ Анналамъ подъ provinciae qu. m. div. разумѣетъ Азіатскія провинціи съ Сиріею и Египтомъ. Ни одинъ изъ этихъ комментаторовъ не подтверждаетъ своего толкованія мѣстами изъ Тацита или изъ другихъ древнихъ авторовъ. Фюрно въ комментаріѣ къ Анналамъ поясняетъ provinciae qu. m. div. такъ: In the parallel expression „quidquid armorum mari dirimitur“ (H. I, 74, 5), the Asiatic and African provinces are meant. Macedonia and Achaia would also fall within such a definition, and the later was visited by Germanicus (c. 53), though seemingly not officially. Egypt, though seemingly within the terms of the decree, was not meant to be included (c. 59, 3)[1]). Параллельное мѣсто изъ Hist. Тацита, какъ будетъ показано ниже, понято Фюрно не совсѣмъ правильно. Для правильнаго пониманія занимающаго насъ теперь мѣста Тацита слѣдовало привлечь прежде всего болѣе ясныя параллельныя мѣста изъ другихъ авторовъ.

Въ выше приведенномъ у насъ мѣстѣ Патеркула (II, 129) говорится, что Тиберій съ почетомъ отправилъ Германика въ „заморскія“ провинціи. Конечно, это мѣсто Патеркула должно

---

[1]) То-же самое находимъ у проф. Модестова: „совершенно такой-же оборотъ былъ употребленъ Тацитомъ въ Исторіяхъ (I, 75) для обозначенія азіатскихъ и африканскихъ провинцій“.

бы стоять въ каждомъ комментаріѣ къ Анналамъ Тацита, а на самомъ дѣлѣ его нѣтъ ни въ одномъ[1]); оно вѣдь ясно показываетъ, что у Тацита provinciae quae mari dividuntur это только болѣе вычурное, соотвѣтственно манерѣ его, обозначеніе вмѣсто простого, общепринятаго и даже оффиціальнаго provinciae transmarinae. А чтó значитъ transmarinus въ этомъ сочетаніи, видно изъ того-же Патеркула и другихъ древнихъ авторовъ (см. выше).

Hist. II, 6 Тацитъ употребляетъ выраженіе trans mare спеціально о Востокѣ въ обширномъ смыслѣ слова.

Слова longinquae provinciae et quidquid armorum mari dirimitur въ указанномъ мѣстѣ Тацита (Hist., I, 76) означаютъ, полагаемъ мы, тоже провинціи Востока и арміи, стоявшія тамъ, а не, какъ думалъ Фюрно, the Asiatic and African provinces[2]). Въ самомъ дѣлѣ, если provinciae quae mari dividuntur это то-же, что provinciae transmarinae, то и quidquid armorum mari dirimitur въ нашемъ мѣстѣ это то-же, что arma transmarina или, говоря проще, exercitus transmarini, какъ выражается Светоній Vitell., 15 (см. выше, стр. 8)—это мѣсто вообще важно для уясненія значенія выраженій longinquae provinciae et quidquid arm. m. dir. у Тацита. Послѣ этого общаго обозначенія Тацитъ называетъ армію въ Іудеѣ, Сирійскіе легіоны, Египетъ и всѣ восточныя провинціи; затѣмъ говоритъ объ Африкѣ (провинціи). Но объ Африкѣ онъ гово-

---

[1]) Сопоставленіе разбираемаго нами мѣста Тацита съ нѣсколькими мѣстами Патеркула, въ которыхъ находимъ transmarinus, я нашелъ не у комментаторовъ Тацита, а у Г. Э. Зенгера въ его „Критическомъ комментаріѣ къ нѣкоторымъ спорнымъ мѣстамъ Горація“, 2 изд., стр. 163. Тамъ нѣтъ, правда, указанія на Веллея II, 129, но многоуважаемый авторъ и не имѣлъ никакого повода входить въ ближайшее разсмотрѣніе этого мѣста Тацита.

[2]) У Фронтона, Ad Marc. Caes. et inv., I, 6 (Naber) читаемъ: Quid igitur eveniet? illud scilicet, ut testamenta omnia ex longinquis transmarinisque provinciis Romam ad cognitionem tuam deferantur. Фронтонъ говоритъ въ этомъ письмѣ въ частности только объ Азіи.

ритъ не какъ о части longinquae или transmarinae provinciae, а какъ объ особой категоріи; это видно изъ сравненія этого мѣста съ Hist., I, 10, гдѣ говорится: Oriens adhuc immotus... и называются именно Сирія, Іудея и Египетъ, а затѣмъ говорится объ Африкѣ, которая къ Востоку отнюдь не причислялась.

О тѣхъ-же заморскихъ провинціяхъ говоритъ Тацитъ также и Hist. II, 6; указавъ на Сирію и Іудею съ ихъ войсками, онъ продолжаетъ: inde continua Aegyptus duaeque legiones, hinc Cappadocia Pontusque et quidquid castrorum Armeniis praetenditur. Asia et ceterae provinciae nec virorum inopes et pecunia opulentae. quantum insularum mari cingitur et parando interim bello secundum tutumque mare[1]).

Изъ этихъ мѣстъ видно между прочимъ, что Египетъ относится у Тацита, что весьма естественно, къ числу provinciae transmarinae. Тацитъ называетъ его въ числѣ провинцій Востока въ узкомъ смыслѣ слова, который главнымъ образомъ порученъ былъ Германику[2]).

Фронтонъ Ep. ad Verum и пр., II, 7 (Naber стр. 134 и слѣд.) говоритъ: Iam ego, si res familiaris mihi largior esset,... omni ope subvenirem neque umquam ego huius negotii causa eum trans mare proficisci paterer. Nunc et nostrae res haud copiosae et huius paupertas artior me compulerunt, ut eum invitum expellerem in Suriam ad legata, quae ei in testamento

---

[1]) Толкованіе этого мѣста представляетъ нѣкоторыя затрудненія. Кажется, что послѣ ceterae требуется еще опредѣленіе—если не transmarinae, то maritimae. Послѣ такого опредѣленія были бы понятнѣе ниже слѣдующія mari.... mare. Срв. Hist. II, 81: quidquid provinciarum adluitur mari Asia atque Achaia tenus quantumque introrsus in Pontum et Armenios patescit iuravere. Слова quidquid provinciarum adluitur mari представляютъ описаніе вмѣсто простого omnes provinciae maritimae.

[2]) Ann. XV, 36: omissa in praesens Achaia... urbem revisit, provincias Orientis, maxime Aegyptum.... agitans. Этотъ Oriens въ узкомъ смыслѣ слова обнималъ приблизительно то, что впослѣдствіи составило dioecesis Orientis.

hominis amicissimi obvenerunt, persequenda. Въ другомъ письмѣ, уже указанномъ выше (стр. 13), Фронтонъ по поводу доставки одного завѣщанія въ Римъ (или Италію) изъ Малой Азіи говоритъ о неудобствахъ, сопряженныхъ съ доставкою ихъ туда изъ provinciae transmarinae вообще.

Арнобій Adv. nationes, VII, 40 и 44 говоритъ о перенесеніи въ Римъ изъ заморскихъ странъ нѣкоторыхъ божествъ (transmarinis ex gentibus quosdam accitos deos и т. п.), имѣя при этомъ въ виду культы Кибелы и Эскулапа[1]).

Изъ приведенныхъ выше текстовъ видно, что въ первые вѣка имперіи слово transmarinus и соотвѣтствующія ему обозначенія trans mare и т. п. довольно часто употреблялись

[1]) Симмахъ Epist., X, 9 просилъ намѣстника Апуліи оказать съ своей стороны содѣйствіе доставкѣ въ Римъ медвѣдей, которые имѣли быть привезены—надо полагать въ Брундизій—de transmarinis locis. Конечно, разумѣлся Востокъ. Амміанъ XXX, 5, 10 говоритъ, что нѣкоторыя лица, коихъ императоръ Валентиніанъ, находясь въ Карнунтѣ, хотѣлъ привлечь къ отвѣтственности, оказались бѣжавшими за море, trans mare. Они могли направиться только на Востокъ, коимъ тогда управлялъ Валентъ. Но тотъ-же авторъ называетъ Британнію заморскою по отношенію къ Галліи (XX, 1, 1 и 910). Эвменій or. pro restaur. scholis, 4 сообщаетъ, что императоры дали для возстановленія разрушеннаго Августодуна между прочимъ artifices transmarinos. Можно легко подумать, что это были artifices изъ восточной половины имперіи. Въ самомъ дѣлѣ, по словамъ оратора, возстановленію этого города содѣйствовали всѣ императоры и цезари и, что еще важнѣе, на это будто употреблены были средства всей имперіи. Но, съ другой стороны, въ панегирикѣ неизвѣстнаго автора Констанцію Хлору (гл. 21) говорится, что Августодунъ благодаря побѣдѣ этого цезаря надъ Британніею получилъ много мастеровъ, artifices (devotissima vobis civitas Aeduorum ex hac Britannicae facultate victoriae plurimos, quibus illae provinciae redundabant, accepit artifices). Въ виду этого приходится думать объ artifices изъ Британніи (Британнія тогда дѣлилась на нѣсколько провинцій). Императоръ Британніи Каравзій, котораго побѣдилъ Констанцій, оказывается, имѣлъ много мастеровъ разнаго рода, онъ считалъ своею покровительницею Минерву (см. Schiller, Gesch. d. roem. Kaiserzeit, II, стр. 129).

въ нѣкоемъ спеціальномъ смыслѣ, именно обозначая восточную половину имперіи, при чемъ, Паннонія и Мезія не относились къ заморскимъ областямъ въ этомъ смыслѣ. Такъ какъ большая часть этихъ заморскихъ областей была въ большей или меньшей степени эллинизована, то слово transmarinus могло иногда употребляться въ значеніи „Греческій".

Такимъ образомъ заморскія провинціи въ этомъ спеціальномъ смыслѣ соотвѣтствовали приблизительно тому, что по окончательному раздѣлу имперіи въ 395 году составило Partes Orientis. Разумѣется, что послѣ этого раздѣла провинцій заморскихъ въ сказанномъ смыслѣ у Рима уже не было, но слово transmarinus могло иногда употребляться по традиціи въ нѣкоторыхъ сочетаніяхъ въ давно установившемся спеціальномъ смыслѣ. Даже въ средніе вѣка въ Западной Европѣ обозначенія „заморскій", „за море" нерѣдко употреблялись въ спеціальномъ смыслѣ, для обозначенія Малой Азіи, Сиріи и Египта[1]).

2. Параллельно съ указаннымъ выше значеніемъ слово transmarinus употреблялось иначе, безъ спеціальнаго отношенія къ Греческому Востоку—съ точки зрѣнія Рима и Италіи или той или другой провинціи.

Тацитъ Ann. XIII, 51 говоритъ: temperata apud transmarinas provincias frumenti subvectio. Мы этого мѣста не приводили и не разсматривали выше, такъ какъ оно было бы тамъ, какъ увидимъ, безполезно. Въ комментаріяхъ для разъясненія его не находимъ почти ничего; тамъ не указывается даже на

[1]) Heyd, Geschichte des Levantehandels, II, стр. 33: der Ausdruck *ultra mare* hat bald eine weitere bald eine engere Bedeutung; im Zeitalter der Kreuzzüge wurde er meist gabraucht, wenn man das fränkische Syrien als Ziel der Schiffahrt bezeichnen wollte, sonst aber sehr häufig im weiteren Sinne, so dass er Aegypten, Syrien, Kleinarmenien und Cypern umfasste. Срв. у Du-Cange, Glossarinm med. et inf. Latin. (изд. 1846 г.): Transmarinare, Trans mare proficisci, proprie iter Hierosolymitanum aggredi, in Chronico Montis Sereni anni 1131 *Peregrinatio transmarina*, ibidem ann. 1146 et 1175.

слѣдующія два параллельныхъ мѣста: 1) Колюмеллы De r. r. I, praef., 20: nunc ad hastam locamus, ut nobis ex transmarinis provinciis advehatur frumentum, ne fame laboremus: et vindemias condimus ex insulis Cycladibus и 2) Сенеки Epist. 17, 4: non circumstat illum turba servorum, ad quos pascendos transmarinarum regionum est optanda fertilitas[1]).

Конечно, и эти мѣста въ свою очередь тоже требуютъ разъясненія. Къ нимъ мы вернемся еще ниже.

Что въ этихъ мѣстахъ рѣчь идетъ не объ областяхъ Востока только, это не подлежитъ никакому сомнѣнію; вѣдь хлѣбъ въ Римъ доставлялся также изъ провинціи Африки и нѣкоторыхъ западныхъ провинцій. У Колюмеллы, De r. r. I, 1, 20 обозначеніе transmarina rura употреблено, кажется, тоже въ общемъ значеніи.

Изъ приведенныхъ мѣстъ какъ будто выходитъ, что хлѣбъ доставлялся въ Римъ также и изъ не-заморскихъ провинцій; но такое заключеніе было бы невѣрнымъ. Тацитъ Ann. III, 54 говоритъ (слова Тиберія): ac nisi provinciarum copiae...... subvenerint, nostra nos scilicet nemora nostraeque villae tuebuntur. Хлѣбъ могъ доставляться въ Римъ издалека только моремъ[2]). Хорошо-ли было или худо, что Италія (и

[1]) У Колюмеллы De r. r. XI, 2, 51 читаемъ: Quidam in provinciis transmarinis vel hoc (именно Iulio) vel sequente mense sesama serunt. Здѣсь Колюмелла разумѣлъ только провинціи Востока; это видно изъ его словъ о томъ-же ниже, § 56: Quibusdam regionibus, sicut in Cilicia et Pamphylia, hoc mense sesama seruntur, а также изъ II, 10, 18: Sed hoc quidem semen (именно sasamum) Ciliciae Syriaeque regionibus ipse vidi mente Iunio Iulioque conseri. XI, 3, 39 находимъ transmarina cunila, но Геснеръ вмѣсто transmarina читалъ ros marinus.

[2]) Срв. Тац. Ann. III, (54 рѣчь Тиберія): at hercule nemo refert, quod Italia externae opis indiget, quod vita populi Romani per incerta maris et tempestates cotidie volvitur. Богиня Аннона (города Рима) изображалась на монетахъ и tesserae frumentariae почти всегда съ какою-либо частью корабля или звѣздами (см. Pauly-Wissowa, Real-Encyklop., ст. Annona и ст. М. И. Ростовцева въ Филолог. Обозр., XVI).

Сицилія) въ первые вѣка имперіи производили мало хлѣба, это—другой вопросъ; но, разъ дѣло стояло такъ, то счастьемъ для Рима и Италіи было то, что хлѣбъ къ нимъ можно было доставлять моремъ изъ разныхъ мѣстъ: не будь этого, Италія никогда бы не могла замѣнить земледѣліе виподѣліемъ и вообще болѣе доходными культурами. Римляне конца республики и времени имперіи жалуются на то, что де хлѣбъ въ Римъ долженъ доставляться моремъ и что это дѣло сопряжено съ рискомъ и опасностями. Эти жалобы понятны въ виду извѣстнаго состоянія мореплаванія у древнихъ вообще и тоже извѣстнаго отвращенія Римлянъ къ морю. Провинціи, изъ которыхъ доставлялся въ Римъ въ большомъ количествѣ хлѣбъ, были всѣ приморскими, а для Рима заморскими (transmarinae)—непремѣнно въ этомъ отношеніи, хотя бы онѣ въ другихъ отношеніяхъ были и оффиціально признавались continentes (см. у насъ ниже). Хлѣбъ изъ Сициліи или Галліи доставлялся въ Римъ только моремъ; слѣдовательно, эти провинціи были въ этомъ отношеніи transmarinae; изъ Сициліи моремъ до Рима далѣе, чѣмъ изъ Сардиніи; но Сицилія въ другомъ отношеніи не считалась по отношенію къ Риму заморскою.

Провинціи, изъ которыхъ доставлялся въ Римъ хлѣбъ, рѣдко называются transmarinae,—сколько мнѣ извѣстно, только въ выше приведенныхъ мѣстахъ, и это понятно: это обозначеніе было неопредѣленнымъ. Provinciae frumentariae встрѣчается только два раза, именно у Цезаря, Bell. civ. III, 73 и у Цицерона, Epist. ad Atticum XI, 9, 2, и мы не знаемъ, было-ли это оффиціальное обозначеніе.

3. Теперь намъ остается еще привести и разсмотрѣть рядъ мѣстъ изъ юридическихъ источниковъ со словомъ transmarinus. Изъ этихъ мѣстъ видно, что это слово употреблялось между прочимъ какъ терминъ Римскаго права съ извѣстнымъ особымъ значеніемъ, выражая противоположность къ continens или contiguus, причемъ имѣлось въ виду отношеніе къ Риму и Италіи вообще, или къ мѣсту, гдѣ въ

данное время находился императоръ, или къ той или другой провинціи.

Извѣстно, что мореплаваніе у древнихъ стояло на весьма низкой степени развитія. Впродолженіе половины года сколько-нибудь значительные рейсы по морю совсѣмъ не предпринимались, да и въ остальную мореплаваніе не было вполнѣ регулярно, исправно, безъ значительныхъ опасностей и риску. Вмѣсто прямыхъ рейсовъ предпочитали гораздо болѣе длинные, кружные, береговые, и вообще переѣзду по морю—гораздо больше длинный, но все таки гораздо болѣе вѣрный переѣздъ по сушѣ.

Съ такимъ положеніемъ дѣла приходилось, конечно, считаться и Римскому правительству, администраціи и судамъ; законами устанавливались извѣстные льготные сроки и вообще льготы, когда выполненіе извѣстнаго дѣла связано было непремѣнно съ переѣздомъ или доставкою чего либо по морю. Въ виду затруднительности въ извѣстное время года сообщеній черезъ Альпы подобныя-же льготы относительно сроковъ предоставлялись также и transalpinis.

Dig. L., 16, 99 (Mommsen) читаемъ: *Ulpianus de officio consulis*. „Continentes“ provinciae accipere debemus eas, quae Italiae iunctae sunt, ut puta Galliam: sed et provinciam Siciliam magis inter continentes accipere nos oportet, quae modico freto Italia dividitur. Несомнѣнно, Ульпіанъ здѣсь provinciae continentes противопоставлялъ заморскимъ провинціямъ (срв. ниже приводимыя мѣста изъ Codices) и къ заморскимъ относилъ также и Сардинію, Африканскія провинціи, Испанію и Британнію. Выражается онъ впрочемъ не вполнѣ категорически, изъ чего можно заключать, что сказанное дѣленіе провинцій не было въ его время вполнѣ установившимся, или, что вообще оно не было вполнѣ абсолютнымъ.

Такое дѣленіе провинцій встрѣчаемъ неразъ также въ оффиціальныхъ документахъ IV и V вѣковъ, но тамъ вмѣсто слова continens является почти вездѣ contiguus (въ рукописяхъ continguus) и при этомъ имѣется въ виду или отношеніе къ

Италіи, или къ какой-либо данной провинціи[1]). Если этимъ provinciae contiguae или contiguae ac vicinae противополагаются pr. transmarinae[2]), то подъ ними слѣдуетъ разумѣть всегда провинціи континентальныя, смежныя съ другою или и не смежныя, но соединенныя съ нею сухимъ путемъ[3]).

Въ V вѣкѣ у Рима уже не было provinciae transmarinae на Востокѣ, а были только таковыя на Западѣ и Югѣ[4]).

[1]) Въ концѣ III вѣка п. Р. Хр. почти вся Италія была раздѣлена на провинціи, такъ что прежнія провинціи стали provinciae peregrinae.

[2]) Въ Cod. Theod. встрѣчаемъ между прочимъ и такое противоположеніе: provinciae proximae atque contiguae и longiores ac remotae.

[3]) Въ такомъ-же значеніи употреблялось Греческое ὅμορος. У Геродіана находимъ ἔθνη ὁμοροῦντα καὶ γειτνιῶντα (срв. provinciae contiguae vicinaeque). У Филострата, V. Apoll. VIII, 18 говорится, что на πανήγυρις бываютъ ἔθνη τε ἀνθρώπων τὰ μὲν ἐκ τῆς ὁμόρου, τὰ δὲ ἐκ τῶν ὑπερορίων τε καὶ ὑπὲρ θάλασσαν. Ливаній XI, 20 (Foerster) говоритъ, что изъ области Антіохійцевъ πολὺς μὲν οἶνος εἰς τοὺς ὁμόρους ἐκθένδε ῥεῖ, πολλῷ δὲ πλέον ἔλαιον ἐν ὁλκάσιν ἄγεται.

[4]) Годофредъ въ комментаріѣ къ Cod. Theod. VI, 14, 1 говоритъ: *Transmarinae provinciae* Valentiniano Imper. qui Occidenti praeerat, dicuntur provinciae Africanae quo sensu passim provinciae Transmarinae hoc Codice et apud Patres Conciliaque huius aevi. Срв. комм. къ Cod. Theod. II, 4, 4. Pr. transmarinae употреблялось въ это время не всегда въ такомъ узкомъ смыслѣ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣлось въ виду положеніе по отношенію къ Италіи. Въ самомъ дѣлѣ, неужели, напр., Британнія не считалась тогда по отношенію къ Риму или даже Триру заморскою? Срв. у насъ прим. на стр. 15. При Теодорихѣ Римъ или Равенна не владѣли болѣе Африканскими провинціями: однако у него были еще какія-то заморскія владѣнія. Въ указѣ Теодориха, Cassiodori Variar. V, 39, 7 (Mommsen) говорится: Transmarinorum igitur canonem, ubi non parva fraus fieri utilitatibus publicis intimatur, vos attonite iubemus exquirere atque statutum numerum pro virium qualitate definire, quia contra fraudes utile remedium est nosse quod inferant. Въ указателѣ къ изданію Моммзена transmarinorum поясняется, какъ negotiationum transmarinarum. Если бы тутъ разумѣлась торговля, то можно было бы думать о торговлѣ съ Востокомъ; но мы думаемъ, что canon здѣсь это—нормальная цифра нало-

Это дѣленіе провинцій введено было и долго существовало, конечно, потому, что нужно было для какихъ-то практическихъ цѣлей. Выписанное мѣсто Ульпіана стояло въ его руководствѣ de officio consulis; а изъ другого фрагмента этого-же руководства мы въ правѣ заключать, что сказанное дѣленіе провинцій принималось въ разсчетъ при опредѣленіи сроковъ судебной dilatio: сенатъ вѣдь и во время Ульпіана имѣлъ судебную власть и предсѣдательствовали на судебныхъ процессахъ въ сенатѣ консулы. Изъ другихъ, ниже приводимыхъ, юридическихъ источниковъ видно, что это дѣленіе принималось въ разсчетъ также при опредѣленіи сроковъ для appellatio и въ другихъ случаяхъ.

О dilatio transmarina находимъ слѣдующія свидѣтельства:

1) Cod. Iustin. III, 11, 1. (Krüger) *Impp. Diocletianus et Maximianus AA. et CC. dicunt*: Quoniam plerumque evenit, ut iudex instrumentorum vel personarum gratia dilationem dare rerum necessitate cogatur, spatium instructionis exhibendae postulatum dari conveniet. quod hac ratione arbitramur esse moderandum, ut, si ex ea provincia ubi lis agitur vel persona vel instrumenta poscentur, non amplius quam tres menses indulgeantur: si vero ex continentibus provinciis, sex menses custodiri iustitiae est: in transmarina autem dilatione novem menses computari oportebit и проч. (294).

2) Cod. Theod. XI, 30, 41 (Mommsen): *Idem AAA.* (Gratianus, Valentianus et Thedosius) *ad Ammianum com(item) r(erum) p(rivatarum).* Подъ конецъ: Sane tempora tantum volumus privatis fiscalibusque causis non esse communia, ut antiquo iure fiscalia negotia intra duos menses in eadem provincia, intra quattuor in contigua, intra sex in transmarina dicantur. Proposita XVII. Kal. Ian. Marobaude II et Saturnino conss. (383).

3) Cod. Theod., X, 1, 13: *Idem AAA.* (Gratianus, Valentinianus et Theodosius) *ad Messianum procons(ulem) Afric(ae).* In om-

говъ или вообще поступленій съ заморскихъ подданныхъ Теодориха; о telonii canon и commerciandi licentia говорится немного ниже, какъ о чемъ-то особомъ.

nibus fiscalibus causis, quisquis iudicum cognitor resederit, exceptis magnificis viris largitionum nostrarum comitibus, quos extra ordinem negotia definire non multo ante lata secundum veteres mores constitutione praecepimus, si intra eandem provinciam res agatur, duos menses satis abundeque sufficere censemus; si ex contigua personae atque instructiones necessariae putabuntuur, quattuor, si ex transmarina, sex. Въ концѣ: Dat. XV. Kal. Octob. Aquil(eiae) Arcad(io) A. 1. et Bautone conss. (385).

4) Cod. Theodos. II, 7, 3: *Impp. Arcadius et Honorius AA. Messalae p(raefecto) p(raetorio). Post alia.* De statu ac patrimonio litigantibus in transmarina etiam dilatione mensuum novem spatium creditur posse sufficere. Dat. XII. Kal. Dec. Theod(oro) v. c. conss. (399). *Interpretatio.* Quotiens de statu ingenuitatis vel de patrimoniis causa vertitur, si necessaria negotii in transmarinis partibus litigatores habere se dixerint, novem mensuum spatium indubitanter accipiant. Срв. Cod. Iust. III, 11, 7: *Impp. Arcadius et Honorius AA. Messalae p. p.* Nec de statu ac patrimonio litigantibus in transmarina etiam dilatione mensuum novem spatia egredi concedatur и пр.[1]).

Въ Cod. Theodos. X, 10, 27 (импер. Гонорій и Θеодосій proconsuli Africae) говорится о дѣлахъ, касающихся bona caduca, пожалованныхъ императоромъ, и сроки для предъявленія претензій на нихъ устанавливаются различные (годъ или полгода) смотря по тому, находятся-ли соотвѣтствующія bona въ transmarina provincia или intra contiguas vicinasque provincias.

Объ apellatio transmarina имѣются слѣдующія свидѣтельства:

1) Въ Aegypt. Urkunden aus d. K. Museen zu Berlin., Griech. Urk., II, № 628 опубликованъ эдиктъ какого-то Римскаго императора, устанавливающій сроки для аппелляцій къ императору. Миттэйсъ, перепечатавшій его съ поправками Hermes,

---

[1]) См. также Thesaurus gloss. emendatar. Ed Götz, стр. 363: Transmarina latio (itio *Vulc.* dilatio d, recte), διαπόντιος διωρία (αἰωρία ϑ. πορεία *Vulc.*) II, 200, 52.

XXXII, стр. 472 и сл., отнесъ его къ началу имперіи, а Моммзенъ R. Strafrecht, стр. 472—къ III вѣку имперіи. Въ этомъ эдиктѣ императоръ указываетъ сначала на эдиктъ своего родителя, который sanxit salubriter praefinitis temporibus intra qu[.]um [ex p]rovinciis [a]d a[gend]um veni[....]nt и пр. и самъ нѣсколько измѣняетъ, именно увеличиваетъ, сроки для аппелляцій по нѣкоторымъ дѣламъ, опредѣляя разные сроки 1) для лицъ, живущихъ въ Италіи и 2) для transalpini и transmarini.

2) Cod. Theod. XI, 30, 45: *Idem AAA.* et Arcad(ius) A. ad Pelagium... § 1. Appellationes vero transmarinae in iudicio tuo intra anni agantur spatium; de contiguis et non longe positis provinciis appellationes intra constituta iure tempora peragantur. Dat. XV. Kal. Mart. Med(iolano), Arc(adio) A. I. et Bautone conss. (385).

3) Nov. Valentiniani XIII (Leges nov. ad Theod. pertin. ed. P. Meyer), § 12: Quicunque etiam intra provincias Africanas ad ius nostrum pertinentes a cuiuslibet iudicis sententia provocaverint, quoniam decreti antiquitus cessat officium, illustris urbanae praefecturae examine ex appellatione se noverint iurgaturos; sed, quia transmarinae regionis sunt, inducias temporis annum debere praestari (445).

O legatio transmarina читаемъ Cod. Iustin. X, 65 (63), 3: *Impp. Diocletianus et Maximianus AA. Muciano.* Transmarina legatione apud nos perfunctos constitutum est biennii vacationem munerum civilium et honorum habere, non eos qui de proximo obsequium rei publicae videntur exhibuisse[1]). Constitutum est показываетъ, что это правило соблюдалось уже ранѣе Діоклеціана.

О нѣкоторыхъ привилегіяхъ военной службы въ заморскихъ провинціяхъ узнаемъ изъ Cod. Theod. VI, 14, 1: *Imppp. Valentinianus, Valens et Gratianus AAA. Ampe[lio] p(raefecto) u(rbis)*

---

1) Срв. C. I. G., 3956: μετὰ πάσας ἀρχάς τε καὶ λειτουργίας καὶ διαποντίους πρεσβείας, ἃς ἤνυσεν ἐπὶ θεοῦ Κομμόδου.

Qui contemplatione meritorum, d(ucto) intra provincias transmarinas strenuissime m(ilite), primi ordinis comitivam fuerint consecuti, ea r(eve)rentia altissimarum dignitatum viris subiungant(ur), ut his locum praestent, qui proconsulatus insign(ibus) adornantur et cet. Dat. III. Non. Iul. Nasonnaci Mo(de)sto et Arint(heo) conss. (372). Это-же самое, только безъ словъ et cetera, находимъ и въ Cod. Iustin. XII, 12, 1.

Приведемъ и разсмотримъ здѣсь еще нѣкоторыя мѣста древнихъ авторовъ въ добавленіе къ выше приведенному, именно къ первой части нашего этюда.

Ливій XXVII, 35 говоритъ: C. Terentius Varro in Etruriam pro praetore missus..... et T. Manlius trans mare legatus iret viseretque quae ibi gererentur, simul, quod Olympiae ludicrum ea aestate futurum erat... ut, si tuto per hostem posset, adiret id concilium. Вейсенборнъ не прибавляетъ поясненія къ trans mare. Правда, упоминаніе объ Олимпійскихъ играхъ служитъ достаточнымъ поясненіемъ этихъ словъ, но указаніе на параллельное мѣсто—хотя бы изъ Ливія-же—не было бы излишнимъ.

У Сенеки, De vita beata, 17 читаемъ: Si quis itaque ex istis qui philosophiam conlatrant, dixerit: и между прочимъ приводится вопросъ: Adice si vis, cur trans mare possides? cur plura quam nosti? Вѣроятно, что тутъ имѣется въ виду прежде всего, если не исключительно, имущество самого Сенеки. Гдѣ же, внѣ Италіи, у Сенеки были имѣнія? Въ письмахъ къ Люцилію онъ нигдѣ даже не намекаетъ на свои имѣнія въ Сициліи; изъ этого, конечно, мы въ правѣ заключать, что таковыхъ у него тамъ и не было. А вотъ изъ письма 77-го видно, что у Сенеки была земельная собственность въ Египтѣ, и это подтверждается однимъ, недавно найденнымъ, Египетскимъ папирусомъ.

Сицилія отдѣлена была отъ Италіи freto, тоже Испанія отъ Африки и т. п.; но иногда вмѣсто fretum находимъ mare. Въ 14 новеллѣ Юстиніана находимъ transmarina loca города К-ля. Слова transfretanus и transfretatio употреблялись то въ узкомъ значеніи, то въ обширномъ. О Британніи часто гово-

рятъ, что она отдѣлена отъ Европы океаномъ, находится на океанѣ, но вмѣсто океана находимъ и море и, какъ мы видѣли, иногда Британнія называлась pr. transmarina[1]).

Плиній Epist. VIII, 201, пишетъ: Ad quae noscenda iter ingredi, transmittere mare solemus, ea sub oculis posita neglegimus... 2 .... permulta in urbe nostra iuxtaque urbem non oculis modo, sed ne auribus quidem novimus, quae si tulisset Achaia Aegyptus Asia aliauc quaelibet miraculorum ferax commendatrixque terra, audita, perlecta, lustrata haberemus[2]).

Плутархъ De fortuna Roman., 2 подъ διαποντίους βασιλέων ἡγεμονίας разумѣлъ, кажется, только царства Востока.

Въ древнихъ глоссаріяхъ (см. Thesaurus glossarum emendatarum) trans mare переводится словами: ἀντιπέραν θαλάσσης. πέραν θαλάσσης. διαποντίου. Къ слову τρασμάρε въ Базиликахъ (Cyrilli Philoxeni Aliorumque vet. glossaria и пр. Парижъ, 1679) находимъ еще загадочный переводъ ὑπὲρ ἐπαρχίας. Переводъ обозначенія trans mare предполагаетъ или, что оно писалось, какъ одно слово, или, что къ дословному переводу его давалось еще поясненіе, которое до насъ не дошло.

II.

Colonia nobilis regionibus.

Dig. L, 15, 1. (Mommsen) читаемъ: *Ulpianus libro primo de censibus.* Sciendum est esse quasdam colonias iuris Italici, ut est in Syria Phoenice splendidissima Tyriorum colonia, unde mihi

[1]) Въ средніе вѣка народъ Англійскій и его король были для континентальной Европы „заморскими“ (см. Freeman, Norman Conquest, стр. 565 и 616).

[2]) Это мѣсто любезно указано намъ Г. Э. Венгеромъ.

origo est, nobilis regionibus, serie temporum antiquissima, armipotens, foederis, quod cum Romanis percussit, tenacissima: huic enim divus Severus et imperator noster ob egregiam in rem publicam imperiumque Romanum fidem ius Italicum dedit. На это мѣсто Дигестъ найдемъ ссылку и въ исторіи Римской литературы, и во всякой біографіи Ульпіана, а также и въ пособіяхъ по древней географіи и Римскимъ древностямъ; однако едва-ли оно вполнѣ вѣрно понято и объяснено; намъ кажется, что по крайней мѣрѣ выраженіе nobilis regionibus и не допускаетъ сколько нибудь удовлетворительнаго толкованія и потому должно быть признано испорченнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что́ хотѣлъ сказать этими словами о своемъ родномъ городѣ Ульпіанъ? Въ Нѣмецкомъ переводѣ Дигестъ (D. Corpus iuris civ., deutsch von Otto, Schilling u. Sintenis, L. 1832, Bd. IV, стр. 1208) эти слова переданы такъ: die berühmt ist in allen Ländern. Такой titulus gloriae города вообще не представляетъ ничего необыкновеннаго и страннаго[1]), и Тиръ какъ разъ именно былъ извѣстенъ на весь міръ; но nobilis regionibus этого не можетъ означать; для этого нужно было бы omnibus orbis regionibus или по крайней мѣрѣ omnibus regionibus, но, сколько мы знаемъ, omnibus не прибавлено ни въ одномъ изданіи Дигестъ.

Подъ regionibus въ нашемъ мѣстѣ нельзя, конечно, разумѣть ни regiones города, ни его окрестностей: это было бы весьма неясное обозначеніе, да и красота города Тира и его окрестностей не составляла его перваго titulus gloriae[2]). Скорѣе

---

[1]) Аппіанъ Libyc., 84 говоритъ о Карѳагенѣ: ὑπέρ τε γὰρ πόλεως παρακαλοῦμεν ἀρχαίας, χρησμοῖς μετὰ θεῶν συνῳκισμένης, καὶ ὑπὲρ δόξης ἐπὶ μέγα προελθούσης, καὶ ὀνόματος ἐπιφοιτήσαντος ἐπὶ τὴν γῆν ὅλην, ὑπέρ τε ἱερῶν τῶν ἐν αὐτῇ τοσῶνδε καὶ θεῶν и пр. Амміанъ XIV, 8, 3, говоритъ о своей родинѣ: Dein Syria.... hanc nobilitat Antiochia mundo cognita civitas.

[2]) Срв. Марцеллинъ XIV, 8, 9: Post hanc adclivis Libano monti Phoenice, regio plena gratiarum et venustatis, urbibus decorata magnis et pulchris, in quibus amoenitate et celebritate nominum Tyrus excellunt, Sidon et Berytus isdemque pares Emissa et Damascus saeculis conditae priscis. По Страбону Тиръ былъ δυσδιάγωγος отъ πολυπληθία τῶν βαφείων.

подъ regionibus можно бы разумѣть territorium Тира, γῆ ὑποτελής, но и это лишь съ натяжкою: все таки получилось бы несоотвѣтственное и неясное обозначеніе, и указаніе на territorium города Тира вообще едва-ли бы Ульпіанъ поставилъ на первомъ мѣстѣ, говоря о tituli gloria роднаго города. Несомнѣнно, главная слава Тира была не въ этомъ.

Плиній N. h. V, 76 говорилъ о Тирѣ: nunc omnis eius nobilitas conchylio atque purpura constat. Но это не вѣрно (срв. о Тирѣ у Страбона и у Курція-Руфа, II, 1): были у Тира и другіе tituli gloriae, которые, конечно, могли казаться Плинію или кому другому незначительными. Ульпіанъ указываетъ на нѣсколько такихъ tituli gloria Тира и, конечно, это были главные, которые особенно прославили городъ по мнѣнію Ульпіана и его согражданъ.

Извѣстно, что города Римской имперіи, особенно восточной половины ея, очень дорожили разными почетными титулами и эпитетами, которые были даны или утверждены Римскимъ правительствомъ и вообще признавались за ними оффиціально. Намъ кажется, что Ульпіанъ, восхваляя вкратцѣ свой родной городъ, имѣлъ въ виду именно эти ему оффиціально принадлежавшіе титулы и эпитеты. Въ надписи отъ 174 года по Р. Хр., Insc. Graecae Sic. It., 830, Тиръ называется ἱερὰ καὶ ἄσυλος καὶ αὐτόνομος μητρόπολις Φοινίκης καὶ ἄλλων πόλεων καὶ ναυαρχίς. Эти-же титулы его встрѣчаемъ въ другихъ надписяхъ и на монетахъ (см. Eckhel, Doctr. n. v., III, стр. 385). Въ надписи C. I. L., X, 1601 Тиръ называется metropolis foederata. Римскою колоніею Тиръ сталъ при Септимiѣ-Северѣ.

Splendidissima у Ульпіана соотвѣтствуетъ Греческому ἐπιφανεστάτη (см. ниже мѣсто изъ императорскаго рескрипта Тирійцамъ). Титулъ μητρόπολις могъ указывать между прочимъ и на древность города. Титуламъ foederata и αὐτόνομος надписей соотвѣтствуютъ у Ульпіана слова foederis..... tenacissima, а ναυαρχίς—слову armipotens (точнѣе было бы maripotens).[1])

[1]) Городъ Корикъ (въ Киликіи), имѣвшій тоже титулъ ναυαρχίς, Оппіанъ Halieut. III, 218 называетъ ναυσίκλυτον ἄστυ.

Если наше предположеніе о нѣкоторомъ оффиціальномъ схематизмѣ въ разбираемыхъ словахъ Ульпіана вѣрно, то выходило бы, что у него нѣтъ передачи титула ἱερὰ καὶ ἄσυλος, т. е. перваго titulus gloriae Тира по оффиціальнымъ источникамъ, что, конечно, было бы весьма странно. Мы полагаемъ, что соотвѣтствующее обозначеніе у него дано было тоже на первомъ мѣстѣ и теперь скрывается въ словахъ nobilis regionibus, которыя слѣдуетъ читать nobilis religionibus.

Что nobilis religionibus—вполнѣ Латинское выраженіе, не подлежитъ сомнѣнію[1]). Палеографически измѣненіе слова religio въ regio совершенно понятно и обыкновенно[2]); въ нашемъ случаѣ пропускъ li вызывался также наличностью этого слога въ nobilis. Можетъ быть, это nobilis religionibus и шокировало нѣкоторыхъ христіанъ; вѣдь имъ было извѣстно, что языческій Тиръ проявилъ большую ревность въ борьбѣ съ христіанствомъ, что изъ Тира происходилъ извѣстный противникъ христіанства, Порфирій.

Что выраженіе nobilis religionibus (знаменитый своими святынями) по смыслу вполнѣ шло къ Тиру, это видно изъ его титуловъ и можетъ быть подтверждено еще и другими доводами.

Города Римской имперіи и вообще классической древности гордились и хвалились своими святынями; если извѣстный городъ былъ богатъ святынями, то это иногда выражалось и оффиціальнымъ титуломъ его, на это указывалось и въ панегирикахъ городу и т. п.[3]). Римъ былъ славенъ въ язы-

[1]) Срв. напр. Плинія N. h. V, 39: In eo tractu intus Apis interest, nobilis religione Aegypti locus.

[2]) У Арнобія, Adversus nationes V, 20 теперь читается infelix religio (въ изданіяхъ Гильдебранда и Рейфершейда), а въ рукописяхъ стоитъ и еще въ изданіи Орелли стояло infelix regio.

[3]) Ливаній or. XI, 118 (Förster): Καὶ ἐμήκυνα τὸν περὶ τῶν κρειττόνων (о богахъ) λόγον ὡς οὐκ οὔσης ἑτέρας ἀμείνονος ἐγκωμίων μερίδος οὔθ' ἡμῖν οὔτ' ἄλλων ἀνθρώπων οὐδέσιν.

ческомъ мірѣ между прочимъ множествомъ храмовъ и вообще святынь и его называли поэтому urbs sacra, sacratissima, urbs omnium deorum, templum totius mundi. Прокопій Газейскій въ Paneg. in Anastasium, 18 говоритъ объ Гierополѣ: Πόλις ἐστὶ ἱερὰ τῶν πρὸς ἥλιον ἀνισχόντων, πολυάνθρωπος, ἐκ τῆς εὐσεβείας φέρουσα γνώρισμα καὶ ταῖς θείαις τελεταῖς τῶν ἄλλων προβεβλημένη. См. также привед. мѣсто Аппіана.[1]) Къ такимъ священнымъ городамъ въ Римской имперіи относился и Тиръ, ἱερὰ καὶ ἄσυλος. Евсевій Кесарійскій Praepar. evang. I. 10 называетъ островъ, на которомъ находился Тиръ, священнымъ[2]). ВъOracula Sibyllina VII, 72 (Rzach) о Тирѣ и Тирійцахъ говорится:

Τῦρε, σύ, δειλαίη, λείψῃ μόνη, εὐσεβέων γὰρ
ἀνδρῶν χηρεύουσ' ὀλιγηπελίῃ διολέσσῃ[3]).

Но особенно обстоятельно о священности Тира и религіозной ревности его жителей свидѣтельствуетъ императоръ Максиминъ-Даза въ рескриптѣ городу Тиру, сохранившемся въ Греческомъ переводѣ у Евсевія, Histor. eccles. IX. 7 (Ἀντίγραφον ἑρμηνείας τῆς Μαξιμίνου πρὸς τὰ καθ' ἡμῶν ψηφίσματα ἀντιγραφῆς ἀπὸ τῆς ἐν Τύρῳ στήλης μεταληφθείσης). Тамъ (4) между прочимъ читаемъ слѣдующее: „ὅπερ πρᾶγμα ἄπιστόν ἐστιν εἰπεῖν, ὅπως κεχαρισμένον, ὅπως τε ἥδυστον καὶ προσφιλὲς ἡμῖν γέγονεν, ὡς μέγιστον δεῖγμα τῆς θεοφιλοῦς ὑμῶν προαιρέσεως δεδωκέναι· ὁπότε καὶ πρὸ τούτου οὐδενὶ ἄγνωστον ἦν,

[1]) Срв. у Флора, Virgil. orator an poëta—о городѣ Тарраконѣ: si quidem ad rem pertinet, civitas ipsa generosissimis auspiciis instituta; nam praeter Caesaris vexilla, quae portant triumphos, unde nomen accepit, adest etiam peregrina nobilitas. quippe si vetera templa respicias, hic ille colitur corniger praedo, qui Tyriam virginem portans, dum per tota maria lascivit, hic amisit et substitit, et eius quam ferebat oblitus subito nostrum litus adamavit.

[2]) Онъ говоритъ, что Астарта ἀστέρα ἀεροπετῆ ἐν Τύρῳ τῇ ἁγίᾳ νήσῳ ἀφιέρωσεν.

[3]) Въ Тирѣ производилось даже нѣчто въ родѣ испытанія въ благочестіи; по крайней мѣрѣ Плиній N. h. XXXVII, 161 говоритъ: Eusebes ex eo lapide est quo traditur in Tyrio Herculis templo facta sedes ex qua pii facile surgebant.

ὁποίας παρατηρήσεως καὶ θεοσεβείας πρὸς τοὺς ἀθανάτους θεοὺς ἐτυγχάνετε ὄντες. οἷς οὐ ψιλῶν καὶ ὑποκένων ῥημάτων πίστις. ἀλλὰ συνεχῆ καὶ παράδοξα ἔργων ἐπισήμων γνωρίζεται. 5. διόπερ ἐπαξίως ἡ ὑμετέρα πόλις θεῶν ἀθανάτων ἵδρυμά τε καὶ οἰκητήριον ἂν ἐπικαλοῖτο· πολλοῖς γοῦν παραδείγμασι καταφαίνεται τῇ τῶν οὐρανίων θεῶν αὐτὴν ἐπιδημίᾳ ἀνθεῖν. 6. ἰδοὺ τοίνυν ἡ ὑμετέρα πόλις...... εὐθέως πρὸς τὴν ἡμετέραν εὐσέβειαν, ὥσπερ πρὸς μητρόπολιν πασῶν θεοσεβειῶν...., κατέφυγεν, ἴασίν τινα καὶ βοήθειαν ἀπαιτοῦσα. 7. ἥντινα διάνοιαν σωτηριώδη διὰ τὴν πίστιν τῆς ὑμετέρας θεοσεβείας τοὺς θεοὺς ὑμῖν ἐμβεβληκέναι δῆλόν ἐστιν· ἐκεῖνος... ὁ ὕψιστος καὶ μέγιστος Ζεύς, ὁ προκαθήμενος τῆς λαμπροτάτης ὑμῶν πόλεως, ὁ τοὺς πατρῴους ὑμῶν θεοὺς καὶ γυναῖκας καὶ τέκνα καὶ ἑστίαν καὶ τοὺς οἴκους ἀπὸ πάσης ὀλεθρίου φθορᾶς ῥυόμενος. ταῖς ὑμετέραις ψυχαῖς τὸ σωτήριον ἐνέπνευσεν βούλημα" и пр. Что Ζεύς, который охранялъ м. пр. и πατρῴους θεούς Тира, это— Iupiter o. m. Рима, будетъ разъяснено ниже.

При Юліанѣ Тирійцы, надо полагать, въ числѣ первыхъ выказали большую ревность въ возстановленіи языческаго культа. Μισοπώγων, 20 Юліанъ говоритъ Антіохійцамъ: πρὸς τούτῳ καὶ τὰς ἀστυγείτονας ἐσυκοφαντήσατε πόλεις ἱερὰς καὶ ὁμοδούλους ἐμοί. ὡς δὴ παρ' αὐτῶν εἴη τὰ εἰς ἐμὲ ξυντεθέντα· ὃν εὖ οἶδ' ὅτι φιλοῦσιν ἐκεῖναι μᾶλλον ἢ τοὺς ἑαυτῶν υἱέας. τὰ μὲν τῶν θεῶν ἀνέστησαν αὐτίκα τεμένη· τοὺς τάφους δὲ τῶν ἀθέων ἀνέτρεψαν πάντας ὑπὸ τοῦ συνθήματος, ὃ δὴ δέδοται παρ' ἐμοῦ πρώην. οὕτως ἐπαρθέντες τὸν νοῦν, καὶ μετέωροι γενόμενοι τὴν διάνοιαν, ὡς καὶ πλέον ἐπεξελθεῖν τοῖς εἰς τοὺς θεοὺς πλημμελοῦσιν ἢ βουλομένῳ μοι ἦν.

III.

Locus inferior главной трибуны на Римскомъ форумѣ.

Цицеронъ Epist. ad Att. II, 24, 3 говоритъ: Caesar, is, qui olim, praetor cum esset, Q. Catulum ex inferiore loco iusserat dicere, Vettium in rostra produxit eumque in eo loco constituit,

quo Bibulo consuli adspirare non liceret[1]). Моммзенъ R. Staatsrecht III, стр. 383 вывелъ изъ этого мѣста заключеніе, что ростры „waren mit einem doppelten höheren und niederen Sprechplatz versehen, von denen je nach dem Range des Sprechenden und dem Belieben des Vorsitzenden die Ansprachen gehalten wurden“[2]). О. Рихтеръ, къ которому Моммзенъ обратился за справкою по этому вопросу, подтвердилъ его предположеніе (справку Рихтера Моммзенъ приводитъ въ примѣчаніи). Однако въ своей Topographie d. St. Rom Рихтеръ ничего не говоритъ о locus inferior ростръ; ничего о немъ не находимъ и у Гюльзена.

Мы полагаемъ, что Цицеронъ въ приведенномъ мѣстѣ подъ locus inferior разумѣетъ planum форума и противополагаетъ его эстрадѣ ростръ. Въ подтвержденіе нашего пониманія можемъ указать на нѣкоторыя мѣста древнихъ авторовъ. У Цицерона, De orat. III, 6, 23 читаемъ: Nam sive.... (loquitur) ex inferiore loco sive ex aequo sive ex superiore. Комментаторы полагаютъ, что Цицеронъ здѣсь разумѣлъ рѣчи сторонъ на судѣ, рѣчи въ сенатѣ и съ ростръ или трибунала[3]). Ливій XXX, 37 сообщаетъ о Ганнибалѣ: arreptum Gisgonem manu sua ex superiore loco detraxit. Это происходило—на contio—въ Карѳагенѣ; но и тамъ, надо полагать, трибуна была въ существенномъ такая-же, какъ и въ Римѣ, или Ливій представлялъ ее такою-же; несомнѣнно, что locus superior здѣсь—эстрада трибуны и ей противополагается planum. Но важнѣе для насъ слѣдующія мѣста. Фронтонъ Epist. ad Anton. imper. et inv. I,

---

[1]) Срв. Плутархъ Caesar, 14: Ὁ μὲν οὖν συνάρχων τοῦ Καίσαρος Βύβλος, ἐπεὶ κωλύων τοὺς νόμους οὐδὲν ἐπέραινε, ἀλλὰ πολλάκις ἐκινδύνευε μετὰ Κάτωνος ἐπὶ τῆς ἀγορᾶς ἀποθανεῖν, ἐγκλεισάμενος οἴκοι τὸν τῆς ἀρχῆς χρόνον διετέλεσε.

[2]) То-же, пожалуй, можно выводить изъ Tuscul. disp. I, 117: magna tamen eloquentia est utendum atque ita velut superiore ex loco contionandum...

[3]) Срв. Verr. I, 5, 14, I, 12, 36 и Epist. ad fam. III, 8, 2.

2, говоритъ: Sed mihi crede amplissimum te iam tenere in eloquio locum, brevique summum eius cacumen aditurum, locuturumque inde nobiscum de loco superiore, nec tantulo superiore quanto rostra foro et comitio excelsiora sunt, sed quanto altiores antemnae sunt prora vel potius carina[1]). Плутархъ Cato min., 43 разсказываетъ слѣдующее: когда однажды Катонъ говорилъ на рострахъ долѣе, чѣмъ сколько ему было назначено, и не хотѣлъ сойти, то аппариторъ стащилъ его съ трибуны, а когда онъ, и стоя внизу, кричалъ (Ὡς δὲ καὶ κάτωθεν ἱστάμενος ἐβόα...). то увелъ его совсѣмъ съ форума. У Діона-Кассія XLV, 30 М. Цицеронъ говоритъ объ Антоніѣ: γυμνὸς καὶ μεμυρισμένος ἔς τε τὴν ἀγορὰν ἐσῆλθε, πρόφασιν τὰ Λύκαια ποιησάμενος. κἀνταῦθα πρὸς τὸ βῆμα μετὰ τῶν ῥάβδων προσῆλθε. καὶ ἐκεῖ κάτωθεν (ex loco inferiore?) ἐδημηγόρησεν. Срв. ниже, гл. 31 (о томъ-же): μέμνησθε γάρ. οἷα μὲν προσελθὼν πρὸς τὸ βῆμα εἶπεν. οἷα δὲ ἀναβὰς ἐπ' αὐτὸ ἔπραξε.

Въ трибуналахъ Моммзенъ locus inferior не статуировалъ. R. Staatsrecht I[3], 400 онъ говоритъ: „Einen *excelsus suggestus* nennt das Tribunal Liv. 31, 29, 9. Nicht selten findet sich dafür die Bezeichnung *locus superior;* so *de sella ac de loco superiore* Cicero *Verr.* 4, 40, 85, *de loco superiore* das. l. 2, 42, 102 (wie anderswo *de sella ac tribunali* das. 3, 38, 94. 3, 59, 135); *et ex superiore et ex aequo loco* derselbe *ad fam.* 3, 8, 2.

---

[1]) На это мѣсто Фр. указываетъ Г. Іорданъ Topogr. d. St. Rom, I, стр. 205 и 353—какъ показывающее, что ростры возвышались надъ форумомъ и комиціемъ.

Извѣстія Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко.

ТОМЪ I—XXII.

Содержаніе неоффиціальныхъ отдѣловъ.

I ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.).

Очеркъ государственной дѣятельности и частной жизни Перикла. *П. И. Люперсольскаго.*—Философскіе этюды А. А. Козлова. *Н. Я. Грота.*—Анализъ составныхъ частей славянскаго слова съ морфологической точки зрѣнія. *А. С. Будиловича.*—О землѣ Половецкой. *Н. Я. Аристова.*—Замѣтка о текстѣ русскихъ былинъ. *Н. А. Лавровскаго.*—Изслѣдованія въ области греческаго мѣстоимѣнія. *А. В. Добіаша.*

II ТОМЪ (распроданъ).

Сновидѣнія, какъ предметъ научнаго анализа. *Н. Я. Грота.*—Нѣсколько поправокъ къ тексту Горація. *Г. Э. Зенгера.*—Первобытные славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ, по даннымъ лексикальнымъ. I, 1. *А. С. Будиловича.*

III ТОМЪ (распроданъ).

Дипломатическія сношенія и борьба Императора Александра I съ Наполеономъ. *П. И. Люперсольскаго.*—Состояніе образованія въ Россіи въ царствованіе Александра I. *Н. Я. Аристова.*—Гимназія высшихъ наукъ Князя Безбородко въ Нѣжинѣ (1820—1832 г.). *Н. А. Лавровскаго.*—Рѣчь М. Туллія Цицерона о консульскихъ провинціяхъ. *Р. А. Фохта.*—Патмосскія схоліи къ Демосѳену. *П. В. Никитина.*—Первобытные славяне. I, 2. *А. С. Будиловича.*

IV ТОМЪ Вып. I. (Ц. 75 к.).

Заговоръ графовъ Петра Зринскаго и Франца Франкопана. *А. С. Будиловича.*—Историко-литературный разборъ поэмы Ивана Гундулича „Османъ“. *Р. Ѳ. Брандта.*—Еще нѣсколько замѣтокъ о трудныхъ мѣстахъ у Горація. *Г. Э. Зенгера.*

IV ТОМЪ. Вып. II. (распроданъ).

Психологія чувствованій I. *Н. Я. Грота.*

V ТОМЪ (распроданъ).

Политическая и литературная дѣятельность Цицерона. *И. А. Адріанова.*—Психологія чувствованій. II. *Н. Я. Грота.*—Начертаніе славянской акцентологіи. *Р. Ѳ. Брандта.*

VI ТОМЪ (распроданъ).

Къ біографіи Н. В. Гоголя. *Н. А. Лавровскаго.*—Гоголь, какъ національный русскій поэтъ-художникъ. *И. А. Сребницкаго.*—Первобытные Славяне. II, 1. *А. С. Будиловича.*—Еще по поводу вопроса о психологіи чувствованій. *Н. Я. Грота.*—Новыя догадки о порченныхъ чтеніяхъ у Горація. *Г. Э. Зенгера.*—Критическія замѣтки. О знакахъ ударенія въ папирусномъ спискѣ Алкманова Парѳенія. *С. Н. Жданова.*—Синтаксисъ Аполлонія Дискола. I. *А. В. Добіаша.*

VII ТОМЪ (распроданъ).

† Николай Яковлевичъ Аристовъ. (Некрологъ).—Къ вопросу о реформѣ логики. I. *Н. Я. Грота.*—Критическія и экзэгетическія замѣтки. *С. Н. Жданова.*—Критическія замѣтки къ т. н. двумъ первымъ книгамъ Проперція. *Г. Э. Зенгера.*—Высшія учебныя заведенія съ интернатами въ Германіи и Франціи. Графа *А. А. Мусина-Пушкина.*—Дядька въ затруднительномъ положеніи.. Комедія графа *Жиро.* Переводъ съ итальянскаго *Н. В. Гоголя.*—Памяти Гоголя. Матеріалы для библіографіи литературы о немъ. *С. И. Пономарева.*—Разборъ сочиненія Шушерина о жизни и дѣятельности патріарха Никона *М. А. Казминскаго.*—Францискъ Ладиславъ Челяковскій. *В. Н. Шамраева.*—Оцѣнка литературной дѣятельности Андрея Сладковича. *Н. И. Иванова.*—О бытѣ, преданіяхъ и понятіяхъ Болгаръ, по памятникамъ народной словесности. *А. Я. Никольскаго.*

VIII ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.).

Нѣсколько замѣчаній объ опотребленіи иностранныхъ словъ. *Р. Ѳ. Брандта.*—Объ исторіи, какъ народномъ самосознаніи. *М. Н. Бережкова.*—Памяти В. А. Жуковскаго. *М. Н. Бережкова.*—Критическія и экзегетическія замѣтки. *С. Н. Жданова.*—Синтаксисъ Аполлонія Дискола. II. *А. В. Добіаша.*—Къ вопросу о реформѣ логики. II. *Н. Я. Грота.*—Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ. *Ф. Г. Миклошича,* Переводъ *Н. В. Шлякова,* подъ редакціею *Р. Ѳ. Брандта.* I.

IX ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.).

Критическія и экзегетическія замѣтки. *С. Н. Жданова.*—Эпиграфическія и другія замѣтки. *Г. Э. Зенгера.*—P. Terenti Atri Eunuchus съ введеніемъ, объясненіями и критическимъ прибавленіемъ. I. *А. М. Фогеля.*—M. Tulli Ciceronis Laelius de amicitia. Текстъ съ объясненіями. *П. А. Адріанова.*—Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ *Ф. Г. Миклошича.* Перев. *Н. В. Шлякова,* п. ред. *Р. Θ. Брандта.* II.

X ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.)

Критическія и экзегетическія замѣтки. *С. Н. Жданова.*—P. Terenti Afri Eunuchus. II. *А. М. Фогеля.*—*Миклошичъ,* Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ. Перев. *Н. В. Шлякова,* п. ред. *Р. Θ. Брандта.* III—IV.—Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи. *Е. Θ. Карскаго.*

XI ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.).

Грамматическія наблюденія. *С. Н. Жданова.*—Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ. *М. И. Соколова.*—*Миклошичъ,* Сравн. морфолія слав. языковъ. Перев. *Н. В. Шлякова,* п. ред. *Р. Θ. Брандта.* V.—Titi Livi ab urbe condita lib. XXX, съ объясненіями. *А. М. Фогеля.*—Разборъ книги: Основанія метрики у древнихъ грековъ и римлянъ, Я. Денисова. *Н. Ф. Фоккова.*

XII ТОМЪ. (ракпроданъ.).

Преподобный Сергій Радонежскій. *И. А. Сребницкаго.*—Троицкая Сергіева Лавра въ смутное время Московскаго государства. *М. Н. Бережкова.*—Церковно-государственное служеніе русской землѣ преп. Сергія и основанной имъ обители. *М. И. Лилеева.*—Матеріалы для исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII в. *М. И. Лилеева.*—Матеріалы и замѣтки по исторіи древней русской письменности (I) *Е. В. Пѣтухова.*

XIII ТОМЪ. (распроданъ).

Разборъ взгляда Шаршмидта на Платона. *А. В. Добіаша.*—О важности изученія римской государственности и главнѣйшихъ характеристическихъ чертахъ ея. *И. Г. Турцевича.*—Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII в. (гл. I—III). *М. И. Лилеева.*—Матеріалы и замѣтки по исторіи древней русской письменности (II—III). *Е. В. Пѣтухова.*

XIV ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.)

Замѣтки по греческому синтаксису. (Очеркъ симасіологіи глагола). *А. В. Добіата.*—M. Tullii Ciceronis Cato maior de senectute, съ объяс-

неніями. *А. М. Фогеля.*—Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII в. (гл. IV—VII). *М. И. Лилеева.*

XV ТОМЪ (Ц. 3 р.).

Гимназія высшихъ наукъ Кн. Безбородко (1820—32). *Е. В. Пѣтухова.*—Лицей Князя Безбородко (1832—75). *И. А. Сребницкаго.*—Памятная книжка Ист. фил. Института Князя Безбородко (1875—95).—Замѣтка о библіотекѣ Института. *А. В. Добіаша.*—Замѣтки о рукописахъ, хранящихся въ библіотекѣ Института. *Е. В. Пѣтухова.*—Письма Гоголя къ Прокоповичу. *Е. В. Пѣтухова.*—О картинной галлереѣ Института. *I. Г. Турцевича.*—Нѣжинъ въ началѣ XIX в. *М. Н. Бережкова.*—Народныя историческія пѣсни, записанныя во Владимірской губ. *М. Н. Бережкова.*—Культъ Весты въ древнемъ Римѣ (продолженіе). *И. Г. Турцевича.*—Нарѣчія: домой, долой. *Е. О. Карскаго.*—С. С. Бобровъ. *С. Н. Брайловскаго.*—Миѳологія Слова о полку Игоревѣ. *И. В. Сребрянскаго.*

XVI ТОМЪ (Ц. 3 р. 50 к.)

А. М. Фогель. (Некрологъ). *С. Н. Жданова.*—Н. А. Левицкій. (Некрологъ) *М. Н. Бережкова.*—Опытъ симасіологіи частей рѣчи и ихъ формъ на почвѣ греческаго языка. *А. В. Добіаша.*—Замѣтки о рукописяхъ бѣлградскихъ и софійской библіотекъ. *М. Н. Сперанскаго.*

XVII ТОМЪ (Ц. 3 р. 50 к.).

Душевное настроеніе Фридриха Великаго во время семилѣтней войны. *Е. Н. Щепкина.*—О шестой пѣснѣ Энеиды Вергилія. *А. А. Брока.*—Культъ Весты въ древнемъ Римѣ (продолженіе). *И. Г. Турцевича.*—Исторія Сербіи съ половины XIV до конца XV в., т. I (критическое изслѣдованіе источниковъ). *В. В. Качановскаго.*

XVIII ТОМЪ (Ц. 3 р.).

Научная цѣнность христіанскаго знанія. Свящ. *А. В. Лобачевскаго.*—Начало академической свободы въ западной Европѣ. *В. К. Пискорскаго.*—Объ одной историко-политической запискѣ временъ присоединенія Крыма. *М. Н. Бережкова.*—Homerica. *С. Н. Жданова.*—Неизданное письмо Фр. Авг. Вольфа. *Б. Ф. Бурзи.*—Обращенія къ императору провинціальныхъ сеймовъ, городскихъ и другихъ обществъ въ первые три вѣка римской имперіи *И. Г. Турцевича.*—Н. А. Лавровскій. *А. В. Добіаша.*—Описаніе рукописей библіотеки Института. Подъ ред. *М. Н. Сперанскаго.*—Изъ исторіи сербской литературы. *В. В. Качановскаго.*—Что такое филологія и каково ея значеніе? *А. В. Добіаша.*

XIX ТОМЪ (Ц. 1 р. 75 к.).

Описаніе рукописей библіотеки Института, окончаніе (см. XVIII томъ „Извѣстій“), сост. *М. Н. Сперанскій.*—Религія Лукреція. *А. А.*

Брока.—Обращеніе къ императору провинціальныхъ сеймовъ, городскихъ и другихъ обществъ въ первые три вѣка римской имперіи, приложеніе (см. XVIII томъ „Извѣстій"). *И. Г. Турцевича.*—Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII вв., выпуска II, части I-й стр. 1—90. *М. И. Лилеева.*—Задачи исторіи античныхъ литературъ, вступительная лекція *М. И. Мандеса.*—Памяти В. В. Качановскаго. *М. Н. Сперанскаго.*

XX ТОМЪ (Ц. 2 р.).

Отчетъ о дѣятельности временной „Гоголевской" коммиссіи, составилъ *И. А. Сребницкій.*—Памяти Н. Е. Скворцова. *Г. В. Малеванскаго.*—Объ источникахъ Аѳинскаго права. *Б. Ф. Бурзи.*—Новооткрытая „Буквица" Досиѳея Обрадовича. *К. Ѳ. Радченка.*—Малоизвѣстное сочиненіе Евѳимія Зигабена, трактующее о богомилахъ. *К. Ѳ. Радченка.*—Отношеніе Великаго Курфюрста Фридриха Вильгелма къ земскимъ чинамъ Бранденбурга по вопросу объ акцизномъ налогѣ. Бывш. студ. *А. И. Солнцева.*—Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII вв. Выпускъ II. (Продолженіе). *М. И. Лилеева.*

XXI ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.).

Описаніе рукописей библ. Пріобрѣтенія 1901—1903 гг. (см. XVIII и XIX томы „Извѣстій") сост. *М. Н. Сперанскій.*—Школьный вопросъ въ древней Греціи. *Б. Ф. Бурзи.*—О краснорѣчіи у древнихъ Еллиновъ. *А. И. Покровскаго.*—Въ память проф. П. А. Люперсольскаго. *М. Н. Бережкова.*—Недуги нашего учебнаго дѣла. *Н. Е. Скворцова.*—О введеніи въ Исторію Греціи проф. В. П. Бузескула. *А. И. Покровскаго.*—Изъ исторіи раскола на вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII вв. Выпускъ II. (Продолженіе). *М. И. Лилеева.*

XXII ТОМЪ (Ц. 2 р.).

Описаніе рукописей библ. Пріобрѣтенія 1904—1905 гг. (см. XVIII, XIX и XXI томы „Извѣстій") сост. *М. Н. Сперанскій.*—Неизданные штемпеля на ручкахъ греческихъ амфоръ описалъ *Б. Ф. Бурзи.*—Отличительныя черты классическаго міровоззрѣнія *И. И. Семенова.*—Къ вопросу объ основномъ характерѣ древне-еллинскаго государства *А. И. Покровскаго.*—О почетныхъ должностяхъ римскихъ императоровъ въ городахъ въ первые три вѣка имперіи *А. А. Мартова.*—Филологическіе этюды и замѣтки *И. Г. Турцевича.*

Историко-филологическій Институтъ Князя Безбородко въ Нѣжинѣ. 1875—1900. Преподаватели и воспитанники. (Ц. 1 р.).

Гоголевскій Сборникъ (Юбилейный). Изд. состоящей при Истор.-Филол. Инст. Гоголевской Коммиссіей подъ ред. М. Сперанскаго. Кіевъ 1902. (Ц. 2 р.).

1) *М. Н. Сперанскій:* Одно изъ послѣднихъ писемъ Н. В. Гоголя.

2) *П. А. Заболотскій:* Н. В. Гоголь въ русской литературѣ.

3) Гоголевская Выставка.

4) *И. А. Сребницкій:* Матеріалы для біографіи Н. В. Гоголя изъ архива Гимназіи высшихъ наукъ.

ОБЪ ИЗДАНІИ
КІЕВСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ
въ 1906 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлію, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.

2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.

3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и посторонних слушателей.

4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.

5. Программы, конспекты и библіографическіе указатели для учащихся.

6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.

7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной административной и хозяйственной части Университета.

8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.

9. Годичные отчеты по Университету.

10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.

11. Разборъ диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части: 1)— оффиціальную, протоколы, отчеты и т. п.—2) неоффиціальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—*критико-библіографическимъ*, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и *научной хроники*, заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1906 году будутъ выходить ежемѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ **Извѣстій** безъ пересылки **шесть рублей пятьдесять копѣекъ,** а съ пересылкой **семь рублей.** Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе **Университетскихъ Извѣстій** 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Университетскія Извѣстія высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими или къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину (въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же), или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Гл. Редакторъ *В. Иконниковъ.*

